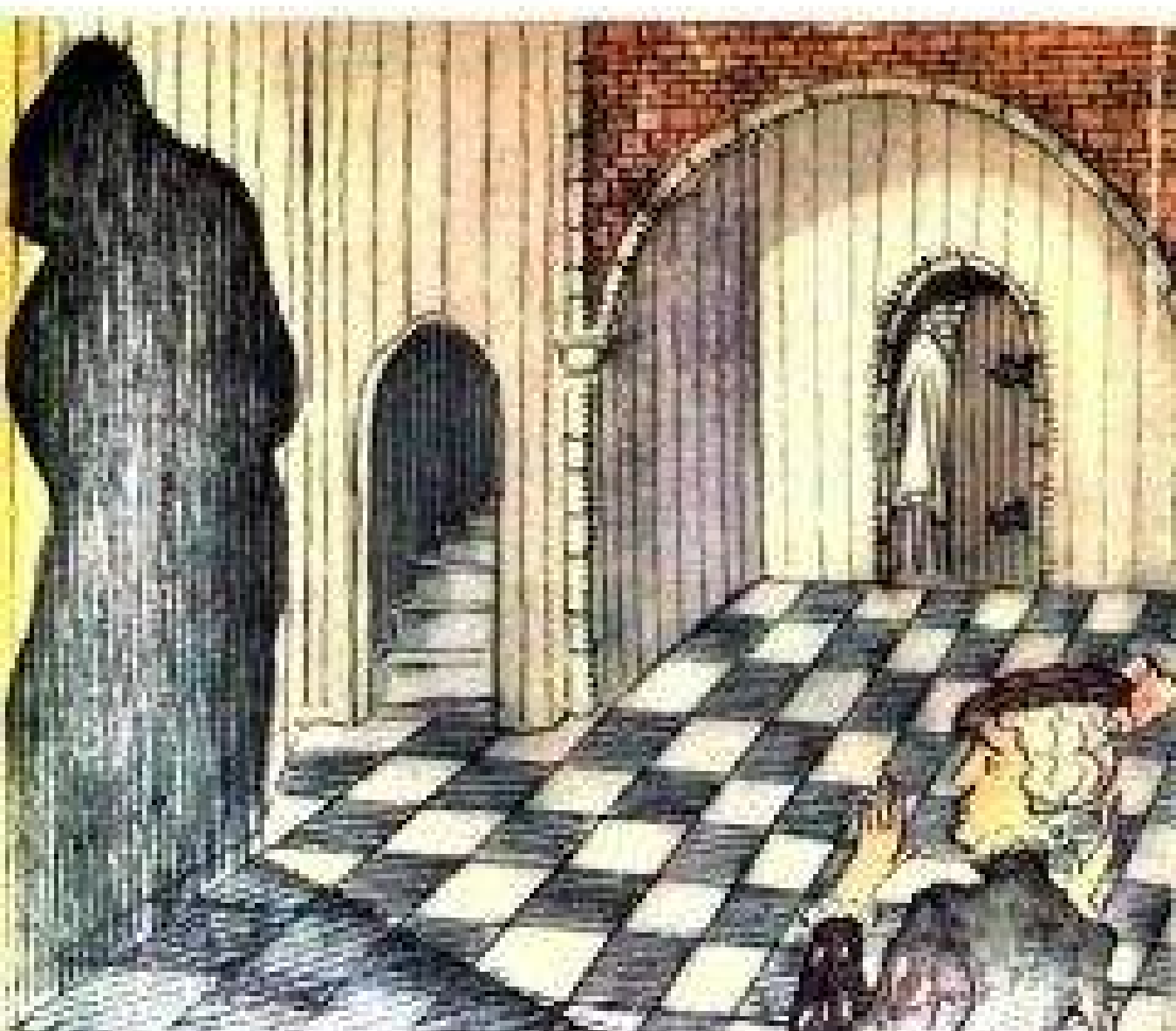

ГЕНРИХ ФОН КЛЕИСТ

ДРАМЫ • НОВЕЛЛЫ

ГЕНРИХ ФОН КЛЕЙСТ

ДРАМЫ

НОВЕЛЛЫ

Перевод с немецкого Б. Пастернака, Ю. Корнеева, Н. Рыковой, Н. Ман, Г. Рачинского.

Вступительная статья Р. Самарина.

Примечания А. Левинтона.

Иллюстрации Б. Свешникова.

ГЕНРИХ ФОН КЛЕЙСТ

Стоял ноябрь 1811 года. По осенним дорогам Пруссии, через ее деревни, городки и города бесконечной чередой шли походные колонны пехоты, тянулась кавалерия, тащились артиллерийские парки, понтоны, обозы: Великая армия императора французов, набранная во всех углах империи — от герцогства Варшавского до королевства Неаполитанского, — ползла к новым исходным рубежам, на восток, к русской границе. Беспokoйно было в немецких землях, и особенно в Пруссии. Немецкие, в том числе и прусские, контингенты входили в состав Великой армии; им, которые сами были недавно покорены Наполеоном, предстояло теперь воевать против недавних союзников — русских. И если правящие круги, запуганные и задобренные Бонапартом, ожидали выгод от новой авантюры Наполеона, то немало было и подлинных немецких патриотов, которых возмущала роль их соотечественников в ней. Лучшие офицеры прусской армии — Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц и многие другие — покидали прусскую службу и эмигрировали в страны, откуда можно было вести дальнейшую борьбу против Бонапарта. На немецкое крестьянство, на немецкого ремесленника навалились новые бесконечные поборы и реквизиции, — французам нужны были хлеб, фураж, лошади, транспорт, сапоги, сукно, сбруя — всё, в чем нуждались и сами немцы, но что шло в ненасытные пасти французских военных магазинов. Берлинская знать пресмыкалась перед проезжими французскими маршалами, чьи кареты катились вослед дивизиям, уходившим все дальше на восток; к салонах Берлина жили слухами и политическими новостями — одна тревожнее другой; в демократических кругах негодовали, но с оглядкой — боялись французской тайной полиции и ее доброхотных прусских прислужников, недостатка в которых не было. И так нескончаемы были реки войска, текшие на восток, так внушительны были силы, двинутые на этот раз в ход против России, что с каждой неделей уходившего года все очевидней казалась неизбежность очередной победы Наполеона. Это означало для немецкого народа перспективу дальнейшего закабаления.

Поэтому мало кто из берлинцев обратил внимание на странное происшествие, случившееся 21 ноября в гостинице в Ванзее, одном из предместий, где летом охотно развлекались берлинцы: отставной офицер прусской гвардии Генрих фон Клейст покончил с собой, предварительно застрелив — по ее просьбе — свою возлюбленную Генриэтту Фогель.

Редко встречаются в истории мировой литературы писатели, настолько чуждые

литературному движению своей эпохи и вместе с тем так ярко выразившие ее, как Г. фон Клейст. Он не укладывается ни в традиции «веймарского классицизма», ни в русло любого из течений немецкого романтизма 1800-х годов. У него как бы нет ближайших предшественников (видимо, самые близкие — кое-кто из героев «бури и натиска»), ни прямых продолжателей до тех пор, пока немецкие экспрессионисты, вникая в национальную литературную традицию, не назовут его одним из своих провозвестников. Да и романтик ли он? Разве все современники романтического литературного движения, даже связанные с некоторыми его корифеями, обязательно представляют один из его аспектов? С другой стороны, можно ли представить себе более законченную и характерную трагическую повесть о романтическом гении, не понятую современниками, чем жизнь Генриха фон Клейста? А может быть, Клейст действительно прежде всего своеобразнейший художник-реалист, как утверждают некоторые исследователи, работающие в Германской Демократической Республике? Но что реалистического в таких его трагедиях, как «Семейство Шроффенштейн» или «Кетхен из Гейльброна»?

Споры вокруг Клейста очень остры. В годы сопротивления Л. Арагон увидел в «Михаэле Кольхаасе» одно из самых ярких выражений протеста в мировой литературе, книгу, как бы оправдывавшую для Арагона немецкую литературу, славящую сопротивление. А нацисты пытались сделать из Клейста предмет своеобразного нацистского литературного культа, используя его патриотическую ненависть к наполеоновской оккупации, прорвавшуюся и в публицистике Клейста, и особенно в драме «Битва Германна». Но стараниями передовой немецкой науки о литературе доказано, что эта нацистская интерпретация Клейста — фальшивка, одна из многих фальшивок, целью которых было искажение истории немецкой литературы в угоду нацистской пропаганде. За какую бы книгу о Клейсте мы ни взяли и что бы из его собственных произведений ни читали, ясно, что это — один из самых сложных писателей начала XIX века.

Любой неискушенный читатель ощущает необычность и трагизм творчества Клейста; вероятно, это ощущение узнает и читатель нашего тома, очутившись в лихорадочной, бурной атмосфере пьес Клейста, насыщенных совершенно особым, ему одному присущим психологическим напряжением, чувством катастрофы, близящейся — и наконец разражающейся над странными и несчастными героями Клейста, к которым лучше всего подходит понятие «одержимый». Тем удивительнее, что из-под пера этого человека с душой великого трагического поэта вышла такая лучезарно ясная и веселая пьеса, как «Разбитый кувшин». Полно, неужели кровавые сцены «Битвы Германна» и очаровательные юморески «Разбитого кувшина» родились в пределах одного и того же художественного мира, заключенного в сознании Клейста?

Многие поклонники Клейста, — и среди них С. Цвейг, оставивший интересный этюд о нем, — настаивают на том, что новеллы Клейста резко непохожи на его драматургию, что если в драматургии Клейст давал выход могучим страстям, кипевшим в нем, то в новеллах он — воплощение выдержки и самодисциплины художника, стремящегося быть объективным в такой же мере, в какой субъективен Клейст как драматург. Я убежден, что драма и проза Клейста взаимно дополняют друг друга как в равной степени мощное выражение его дарования, способного и на трагическую безудержность, на своеобразную вакханалию трагизма, примером чего может быть его «Пентесилея», и на трагическую сдержанность, под личиной которой бушуют всё те же страсти, те же демонические порывы. И, наконец, какое странное противоречие, — у этого одержимого трагическим гением поэта, одного из мрачайших поэтов своего времени, создателя жестоких и страшных сцен и ситуаций, — какое у него круглое, мальчишески надменное, задорное лицо! Самая неподходящая маска для одного из величайших трагических писателей Западной Европы... Для того чтобы понять сущность трагедии Клейста — писателя и человека, нужно углубиться в его эпоху и в его биографию, хотя бы в тех пределах, в которых это возможно сделать, оставаясь в рамках вступительной статьи.

Клейст родился на исходе XVIII века (1776) в старинной прусской военной семье, во Франкфурте-на-Одере. Рано лишившись родителей и получив домашнее воспитание, Клейст в 1792 году, подростком, начал традиционную для его семьи службу в прусской гвардии в Потсдаме. Вместе со своим полком он проделал Рейнский поход 1794 года и принял участие в осаде Майнца — в то время центра революционного движения в рейнских землях, разбуженных событиями Великой французской революции. Нет сомнения, что грозная атмосфера конца века повлияла на юношу сильнее всего. Совсем мальчиком он стал уже участником войны, в которой молодая французская республика начала свою титаническую борьбу со старой феодальной Европой. Молодой Клейст был отнюдь не другом французских республиканцев. Но, как и многие другие немцы его времени и его поколения, он ощутил грандиозное значение революционных событий во Франции, ощутил их отзвук в Германии.

Будучи произведен в офицеры, Клейст вновь очутился в Потсдаме, резиденции прусских королей, на гарнизонной службе. Не вынес ее, он в 1799 году ушел в отставку; это стоило ему разрыва с той военной средой, которая до тех пор терпела его и протезировала ему. Поссорился он и с родственниками. Из писем Клейста мы знаем, что дома, во Франкфурте, его встретили более чем холодно. Он оказался чужим человеком, изгоем в среде Клейстов, этом рассаднике потомственных прусских офицеров и чиновников. Чужой, чужой! И в офицерском собрании, где его сначала любили, а потом перестали понимать, и за домашним обеденным столом, в кругу родственников, которые смотрят на него как на отщепенца. Как, сменить гвардейский мундир на студенческий сюртук, развеселую потсдамскую жизнь на изучение Канта? Письма Клейста, относящиеся к тому времени, рассказывают, как углублялась пропасть между юношей, пророчески чувствовавшим приближение потрясающих исторических событий, и его средой — даже теми ее представителями, которые пытались понять того нового Генриха, каким вернулся он в родной Франкфурт с военной службы. Разлад со средой и с самим собой растет, становится настолько сильным, что у Клейста мелькает мысль о самоубийстве, которая затем станет навязчивой идеей писателя и будет приведена в исполнение в наиболее трагический момент его жизни.

Из писем мы узнаем, что Клейст с большим интересом относился к философии французского Просвещения, в частности, к Руссо. Он видит в ней разрушительную силу, сказавшуюся на французской революции, которая внушала Клейсту враждебные чувства, но не может не признать убедительности мыслей Руссо, направленных против социальной несправедливости. Они волнуют его как немца.

Внезапно покинув Франкфурт, Клейст отправляется в первое длительное путешествие 1801 года. Он хочет воочию увидеть, что творится во Франции. В Париже периода Консульства, полном противоречий, Клейста многое оттолкнуло. Хотя Клейст сочувствовал подавлению революции, однако он понял ее величие, постиг, что эпоха героев сменилась во Франции порою «тирании», как говорилось на политическом языке начала XIX века. Вскоре Клейст оказался в Швейцарии, будто желая проверить утверждение Руссо, что трудовая жизнь крестьянина чище и человечнее праздного и развращенного быта правящих классов.

В Швейцарии Клейст сблизился с писателем Генрихом Цшокке, поклонником Канта и свободоловцем, автором ряда повестей из народной жизни, и с сыном известного писателя — Людвигом Виландом, который затем ввел Клейста в дом своего отца в Веймаре.

Впоследствии мировоззрение Клейста изменилось, но он сохранил сложившееся под воздействием Цшокке и самой швейцарской действительности сочувственное отношение к простому человеку и к его достоинствам.

В Швейцарии Клейст начал писать трагедию «Роберт Гискар», к которой затем возвращался неоднократно, и сделал набросок комедии «Разбитый кувшин», законченной только в 1805–1806 годах, а затем трагедию «Семейство Шроффенштейн» (напечатана в 1803 г.).

Едва ли случайно то обстоятельство, что именно в Швейцарии, после дней, проведенных в Париже, где так остро чувствовался ритм истории и кипело еще непонятное движение новых исторических сил, выдвинувших Наполеона, начинается серьезная и систематическая поэтическая деятельность Клейста. Видимо, французское путешествие было сильным творческим импульсом для молодого поэта. Да и в образе норманнского витязя Роберта Гискара проступают черты некоей титанической личности, мечтающей о престоле Древней Византии. Дряхлеющая великая империя, уходящая в прошлое, порывы демонической, властолюбивой личности, дьявольское честолюбие, — «Роберт Гискар» читается как произведение, очень близкое по большим психологическим и моральным проблемам к эпохе Клейста...

Вскоре Клейст оказался в Веймаре. Здесь он познакомился с Гете и Шиллером. С особым вниманием к нему отнесся старый Виланд. Ненадолго задержавшись в Веймаре, Клейст отправился дальше — в Женеву, в Милан, в Лион, снова в Париж. В это время сказалась начавшаяся душевная болезнь Клейста: в нервном припадке поэт уничтожил рукопись трагедии «Роберт Гискар».

Да, но почему уничтожил? Не сознавая, что он делает? Нет, от чувства болезненного, драматического недовольства собой. Уничтожил, потому что выходило не так и не то, к чему Клейст стремился.

1805–1806 годы Клейст провел в Кенигсберге на службе в одном из прусских ведомств. Он пишет комедию «Амфитрион» (1805–1807), переработку известной комедии Мольера, и завершает «Разбитый кувшин». Размеренная жизнь в Кенигсберге была нарушена большими политическими событиями. Наполеон вторгся в пределы Пруссии. Поражение при Иене и крах прусской монархии потрясли Клейста. Как бы ни был широк политический кругозор Клейста, как бы ни чувствовал он себя чужим в юнкерской среде, из которой вышел и с которой, по существу, порвал, он оставался пламенным прусским патриотом, и шире — патриотом немецким. Вернее, именно в это время он от узкого прусского патриотизма переходит к более широкому чувству — к патриотизму немецкому, который заставляет его не только возненавидеть Наполеона, но и занять весьма критическую позицию по отношению к правящим кругам Пруссии и других старых прогнивших немецких государств, падающих одно за другим под ударами победоносных полков Наполеона. Как военный человек Клейст понимал, что поражение Пруссии при Иене через год после поражения Австрии и России при Аустерлице решает судьбу Германии, делает ее провинцией новой империи, создаваемой под орлами Бонапарта. Уже тогда, после поражения при Иене, как реакция на позор и падение официальной Пруссии, в немецких землях началось антифранцузское патриотическое движение. Клейст со временем примет в нем самое ревностное участие. Но пока что, еще ничего не зная о нем, Клейст с двумя друзьями отправляется пешком из Кенигсберга в Берлин.

Французские военные власти заподозрили Клейста и его товарищей в том, что они — члены антифранцузской тайной организации, и Клейсту угрожал расстрел или каторга. С большим трудом Клейста удалось вырвать из рук французской военной администрации. Это знакомство с машиной подавления, созданной Бонапартом для наведения «нового порядка» в завоеванных им землях Европы, в еще большей степени восстанавливает Клейста против оккупантов.

Годы после освобождения из французской тюрьмы (1808–1811) заполнены литературной деятельностью и борьбой против иностранных оккупантов. Клейст сблизился с одной из крайних правых группировок антифранцузского движения, возглавленной публицистом и юристом Адамом Мюллером, резко и пристрастно выступавшим не только против французов, но и особенно против реформ министра Штейна, добившегося ликвидации крепостного права в Пруссии. В этом Мюллер видел уступку «французскому духу». Вместе с Мюллером Клейст издает журнал «Феб» («Phoebus»), в котором печатает отрывки из своих

новых произведений, а затем «Берлинскую вечернюю газету» («Berliner Abend-zeitung»), отличающуюся националистической тенденцией. В 1809 году вспыхнула новая австро-французская война, завершившаяся в июле разгромом австрийских армий в битве при Ваграме. Эта победа французов была куплена дорогой ценой. Австрийцы на этот раз боролись отчаянно и героически; несколько раз, казалось, они добивались в ходе сражения перелома в свою пользу. Европа, стонавшая под игмом Бонапарта от Гибралтара до Варшавы, ждала от Австрии в ту кампанию многого. Ждал и Клейст. Ему казалось, что здесь, на полях Ваграма и у кровавых дунайских переправ, где полегли десятки тысяч отборных французских и австрийских солдат, начнется поворот во всемирной истории. Но этого не произошло. Вместе с поражением австрийцев при Ваграме потерпело поражение и общеевропейское антинаполеоновское подполье. Наполеон усилил террор, направленный против освободительного движения. Десятки немецких патриотов погибли от пуль французских карателей, тысячи томились по тюрьмам или вынуждены были эмигрировать.

Ваграмскую катастрофу Клейст воспринял как новое тяжкое горе. Дело освобождения Германии от чужеземцев, в котором он участвовал как публицист, но в котором жаждал участвовать с оружием в руках, терпело неудачу за неудачей. Не видно было сил в стране, которые поддержали бы смелые попытки подпольщиков, а обратиться за поддержкой к народу (именно он был самой надежной опорой в борьбе против французов) Клейсту мешала сословная узость его мировоззрения, каким бы широким оно ни было для тех времен.

Мечта о героическом подвиге во имя воссоединения родины, разорванной и порабощенной, рухнула, как рухнула и надежда на литературный успех: творчество Клейста было слишком своеобразно для того, чтобы его могли понять немецкие читатели 1800-х годов. Будущее казалось беспросветным. Все более углублялось душевное расстройство писателя, обостренное и личными обстоятельствами. Женщина, которую любил Клейст — Генриэтта Фогель, — оказалась смертельно больной. Росло мучительное недовольство собой: у того внутреннего разлада, которым полны письма Клейста и который нередко рассматривается литературоведами как некое естественное состояние поэта, была ведь и другая сторона — мечта покончить с этим разладом, стремление стать цельной героической личностью, а жизнь отказывала во всем: он был непризнанным поэтом, партизаном без товарищей по оружию; только что найденное наконец близкое по духу и понимавшее его существо было обречено на мучительную смерть... Родина была во власти всемогущего врага. Где здесь мечтать о цельности и героизме! В ноябре 1811 года пришла развязка трагедии.

Последние три года жизни Клейста были наполнены лихорадочной работой, тревогами, разочарованиями. Но за это же время он закончил трагедию «Пентесилея» (1808), написал драмы «Кетхен из Гейльброна» (1808), «Битва Германна» (1809), «Принц Гомбургский» (1810), повесть «Михаэль Кольхаас» (1808–1810), новеллы...

Лишь немногие из произведений Клейста были изданы при его жизни. Известность пришла к нему после смерти; первым издателем собрания сочинений Клейста был Л. Тик: он обратился к наследию Клейста, собирая материалы по истории немецкого романтизма.

В первый период творческого развития Клейста (до 1807 г.) на него оказывает сильнейшее влияние реакционная романтическая мысль, — политика, философия, историография, рьяно атаковавшая французскую революцию и просветительские традиции. Вместе с тем Клейст, отрицавший демократическую утопию Руссо, принимал многое в его критике общественных отношений возникшего буржуазного общества.

Катастрофа, в которой разрушался старый феодальный мир, воспринималась Клейстом и многими другими романтиками как выражение неумолимой силы рока, несущего обществу и отдельным индивидуумам муки и гибель. В идею рока они вкладывали идею возмездия — искаженное представление о закономерностях, сказывающихся в истории общества и в жизни отдельного человека. Клейст и себя считал жертвой рока. Недаром он так долго работал над

трагедией «Роберт Гискар» — одним из самых законченных воплощений идеи рока.

В основу замысла положена полуполюгендарная история Роберта Гискара — короля сицилийских норманнов, ведшего упорную и неудачную борьбу с Византией. В ткань истории вплетены мотивы, придуманные самим Клейстом. Гискар — могучий и отважный воин, отмеченный печатью рока. Он значителен в своем титаническом одиночестве и бессилен перед судьбой, которая путает все его замыслы. В пьесе Клейста чувствуется попытка создать романтическую трагедию на основе опыта античных трагиков (прежде всего Эсхила) и традиции Шекспира. Однако обе традиции были восприняты Клейстом односторонне, узко. Для него Шекспир — создатель одиноких трагических образов, возвышающихся над реальностью, далеких от обычных человеческих чувств. Такое истолкование Шекспира противостояло творческому использованию шекспировской традиции, которая проявилась в драматургии молодого Гете. Образ рокового героя далек и от драматургии Шиллера с ее героями, борющимися за высокие гуманистические идеалы.

Стремление создать романтическую драму на основе античных мотивов видно и в более поздней трагедии «Пентесилея». Нельзя отказать этой драме в героическом пафосе, в дикой силе образов. Ахилл и другие герои, сражающиеся против амазонок, — образы титанические, как и царица амазонок Пентесилея, неукротимая воительница, прекрасная и отталкивающая в своей беспощадной свирепости. Однако в трагедии в изображении отношения Пентесилеи к Ахиллу вшивается привкус патологического, неестественного. Пентесилея и любит и ненавидит Ахилла, в чувстве ее проступают черты садизма. Убив Ахилла, Пентесилея терзает его тело вместе с охотничьими псами, которых она натравила на героя, а затем в порыве темного исступления убивает себя.

Глубоко своеобразно было в «Пентесилее» новое понимание античности. В противоположность «веймарскому классицизму» с его высоко-гуманистическим, несколько идеализированным представлением о «прекрасной» древности, об античной гармонии, Клейст изобразил мир эллинской архаики как варварскую эпоху, как царство бурных, демонических характеров, не умеющих и не считавших нужным смирять буйные порывы своих страстей, нередко жестоких и бесчеловечных.

Гете, с интересом следивший за развитием Клейста, но чуждый его эстетическим устремлениям, в целом занимал в отношении Клейста критическую позицию. В письме Клейсту по поводу «Пентесилеи» (Клейст хотел видеть свою пьесу на сцене Веймарского театра) Гете заметил, что и странный, с его точки зрения, характер Пентесилеи, и «чужая» для Гете обстановка, в которой действует Пентесилея (то есть трактовка античности, данная Клейстом) потребуют от него «много времени» для того, чтобы разобраться в них и понять их.

К 1803 году Клейст закончил работу над драмой «Семейство Шроффенштейн». Эта пьеса создает мрачную картину немецкого средневековья, выразительно обрисовывающую эпоху и характеры, порожденные ею. Несмотря на специфику драмы, построенной на истории вековой вражды двух ветвей дома Шроффенштейн, оспаривающих друг у друга наследство, несмотря на явную страсть поэта к кровавым и отталкивающим подробностям, нельзя пройти мимо образов Оттокара и Агнессы, влюбленных, мечтающих, чтобы вражда, разделившая их семьи, наконец закончилась и позволила бы им соединиться. Жертвы рока, обрушившегося на них со слепой силой, они противопоставлены суровой толпе других персонажей драмы. Над их телами происходит угрюмое примирение.

Глубокая противоречивость Клейста сказалась в том, что на тот же период, в который он создал обе свои трагедии, приходится и его работа над комедиями «Амфитрион» и «Разбитый кувшин».

В «Амфитрионе» Клейст, по существу, создал немецкий вариант старого античного и

мольеровского комического сюжета, придав ему новый колорит. Клейст смело смешал в комедии высокое с низким, смешное с трагическим. Любящая Алкмена, чья страсть изображена с подкупающей силой, относится к числу лучших образов, созданных Клейстом; вместе с тем холопство Амфитриона дает повод для веселого смеха, для сатиры на самодовольного мещанина, пресмыкающегося перед господами. В сложном комизме «Амфитриона» отразилась жалкая немецкая действительность, оскорблявшая и отталкивавшая Клейста, выразились его скептические раздумья о человеке, о его готовности приспособиться к любому положению, если оно ему выгодно. Но за комическим строем пьесы чувствуется мечта о свободной личности, мечта о таких условиях общественной жизни, которые не уродовали бы и не унижали человека.

И эта пьеса Клейста не понравилась Гете. Ее многосторонность, переплетение трагического и комического начал Гете расценивал как «раздвоенность»; сложность эмоций, раскрытую в сценах комедии, посчитал «путаницей чувств».

«Разбитый кувшин» — одно из выдающихся произведений немецкой драматургии XIX века, до сих пор сохраняющееся в репертуаре немецких театров.

Хотя Клейст перенес действие своей комедии в Голландию, по существу, перед читателем — Германия конца XVIII века. Неверно было бы в этой комедии видеть только консервативную критику голландских бюргерских порядков, не менее порочных, чем порядки юнкерские, или насмешку над жалким выскочкой, пресмыкающимся перед своими знатными господами. Клейст показал себя в этой комедии знатоком народного быта. Жизнь, интересы, кругозор немецкого крестьянства, характеры немецкой деревни и провинциального немецкого судейского сословия переданы в комедии с явной сатирической тенденцией. Советник Вальтер, лицемер Адам — деревенский судья, пройдоха писец «Лихт — типы, замечательные своей живостью, новизной, — до Клейста никто так не изображал провинциальную немецкую юстицию, безобразное порождение отживающего общественного строя.

Примечательны и образы крестьян — особенно фигуры Фейта Тюмпеля и его сына Рупрехта. В них нет идеализации патриархальной немецкой деревни, что было свойственно многим другим немецким романтикам.

В комедии «Разбитый кувшин» господствует атмосфера непринужденного, смелого смеха, роднящая ее и с комедиями Гольдони, и с традицией Лессинга. Смешон, но и отвратителен деревенский судья Адам. Жалкий старый волокита с разбитой физиономией и без парика — таким предстает он перед зрителем после неудачного покушения на честь деревенской красавицы Евы.

Новыми для немецкой драматургии средствами были обрисованы и сама Ева, и ее возлюбленный — Рупрехт, и ее мать — госпожа Руль.

Постепенно, деталь за деталью, вскрывается продажный и бесчеловечный характер той «законности», которую представляет Адам. Он выглядит жалким и подлым рядом с прямыми крестьянскими характерами, изображенными не без доброго юмора, которому больше не суждено было появиться в произведениях Клейста.

«Разбитый кувшин» резко отличается от драм Клейста по стилю. Действующие лица комедии говорят на образном, живом языке, который чужд декламационных интонаций, мрачных изысков и крайностей «Роберта Гискара» и «Семейства Шроффенштейн».

Реалистическая тенденция, побеждающая в «Разбитом кувшине», связывает эту комедию с лучшими традициями немецкой национальной драматургии, сказывается в типах Адама Фейта, Рупрехта. Это типы немецкой действительности, порожденные новыми отношениями, исподволь развивающимися в феодальной Германии, типы Германии бюргерской и крестьянской.

По «Разбитому кувшину» и отчасти по «Амфитриону» мы видим, что Клейст пристально вглядывался в жизнь народа. В обеих комедиях есть народное начало, выражающееся в здоровом смехе Клейста над пороками и уродствами, которые существуют и при господстве юнкеров, и при хозяйничании бюргеров. Реализм «Разбитого кувшина», стихия здорового юмора, симпатия, с которой намечены в комедии образы людей из народа, — все это, вместе взятое, говорит о сложности процессов, происходивших в сознании художника.

Гете проявил большой интерес к «Разбитому кувшину» и поставил комедию на сцене Веймарского театра. Это был единственный случай, когда при жизни Клейста его пьеса увидела свет рампы.

Но постановка «Разбитого кувшина» считается неудачной на блестящем пути Гете — режиссера и литературного руководителя Веймарского театра. Следуя своему вкусу, Гете многое изменил в пьесе Клейста, приспособил ее к своему режиссерскому плану. Однако, осуществляя спектакль в духе требований Гете, нельзя было воспроизвести специфику Клейста-комедиографа. Будучи приспособлена ко вкусам Гете, комедия теряла слишком многое из того нового и смелого, что внес в нее своеобразный талант Клейста.

Эти сложные отношения двух больших художников выражали, конечно, нечто большее, чем несходство взглядов на трактовку античных сюжетов или на характер комедийного спектакля. Гете и ощущал значительность дарования Клейста, и слишком многое не принимал в нем как просветитель и как поборник «веймарского классицизма» с его представлениями о правдивости искусства. В критическом отношении великого писателя к Клейсту был и элемент недооценки того нового, что нес с собою талант Клейста, — особенно в области поисков реалистических художественных средств, что сказалось так ярко в «Разбитом кувшине». Эта комедия действительно начинала собою новую страницу в развитии немецкой реалистической драматургии, и нескоро немецкие драматурги XIX века поднялись до того понимания задач комедии, которые уже намечились в «Разбитом кувшине».

Новый период в развитии писателя наступил после иенского разгрома. Теперь в Клейсте боролся художник, которого тянуло к более глубокому осмыслению современности и прошлого Германии, и фанатик, мечтавший о кровавой расправе с французами. Это особенно резко сказалось в «Принце Гомбургском», в «Битве Германна», в публицистике и поэзии Клейста. Ненависть к французам сочеталась у писателя со все более сильными мистическими настроениями, с верой в чудесное, сверх-обычное, что выразилось в драме «Кетхен из Гейльбронна». Он сблизился с так называемыми берлинскими романтиками, возглавленными в 1809 году Арнимом и Brentано, переехавшими в Берлин из Гейдельберга. Клейст вошел в основанное Арнимом «Христианско-немецкое застольное товарищество» — аристократическое общество с ясно выраженным реакционным направлением. Участником «Товарищества» был и уже упомянутый А. Мюллер, один из наиболее националистически настроенных романтиков. Вместе с тем жаждавший действия и постоянно углубленный в себя Клейст был далек от салонной атмосферы «Товарищества».

Самое замечательное произведение этого периода — повесть Клейста «Михаэль Кольхаас» (1808–1810), отмеченная несомненными чертами реализма. В «Михаэле Кольхаасе» Клейст обращается к XVI веку.

В повести чувствуется эпическая традиция немецкого языка, стиль поздних немецких хроник, с которыми Клейст знакомился, обдумывая свое произведение. Простой человек, лошадиный барышник, Кольхаас становится народным мстителем, наводящим страх на притеснителей. Суровая, но глубоко человеческая мораль Кольхааса основана на чувстве справедливости, и хотя Клейст заставляет героя смириться, образ Кольхааса — мужественного немца XVI столетия — отчасти напоминает характеры современников Крестьянской войны 1525 года, сродни им. Повесть иногда приобретает тон гневного обличения феодального строя, прославляет нравственное величие Кольхааса. Монолитны образы простых людей в повести

Клейста — и сам Кольхаас, внушающий страх рыцарскому сброду, и его преданный помощник, батрак Херзе, и его верная жена Лисбет. Запоминаются сцены битв, выигранных Кольхаасом, сцена народного возмущения, в котором сказалась любовь народа к Кольхаасу и ненависть к помещикам-юнкерам. Кольхаасу присуще прежде всего чувство справедливости, которое, однако, по мнению Клейста, противника французской революции, сделало его «разбойником и убийцей», — в этом Клейст видит трагедию своего героя. Кольхаас зовет к себе тех, кто хочет «лучшего порядка вещей», он преследует огнем и мечом «угнетателей народа», «коварных рыцарей». Мелки и незначительны юнкеры, принцы, графы рядом с Кольхаасом и его друзьями. Даже когда, сдавшись в плен, Кольхаас на жалкой соломе кормит больного ребенка, а дамы и рыцари не без страха смотрят на это зрелище, он сильнее и выше их, омерзительных в своем боязливом любопытстве. Хотел этого Клейст или нет, но Кольхаас героичнее книжника Мартина Лютера, «доктора Лютера», в справедливость и разум которого верил Кольхаас.

Однако Кольхаас добровольно идет на казнь, считая ее возмездием за свою смелую попытку восстановить на свой плебейский манер справедливость, попранную немецкими помещиками. В финальных сценах этого произведения звучат ноты трагического фатализма, знакомые по ранним произведениям Клейста. Борьба Кольхааса героична, естественна в своих побуждениях, человечна, но она неприемлема для автора и осуждена на поражение якобы по воле рока.

Черты реализма, господствующие в комедии «Разбитый кувшин», проявились в этой повести в новом, эпическом качестве и с большой полнотой и силой. Скупой и точный стиль повести богат замечательными реалистическими деталями, рисующими и облик действующих лиц, и характер их поведения. Клейст подмечает, как живодер, причесываясь оловянным гребнем, пересчитывает в то же время деньги. Он показывает Лютера в поздний час за его пультом, среди книг и рукописей. Образ Кольхааса, как и образ пьяного и наглого юнкера Тронка, виновника бед Кольхааса, складывается из множества черт, умело размещенных в повествовании.

Клейст ведет свой рассказ по-новаторски. Наряду со стилем хроники, с эпизодами, в которых сжато и скупо рассказано о душевных состояниях его героев, он вводит и такие бытовые сценки, которых не было до него в прозе немецких романтиков.

Реалистическая точность письма Клейста, его динамизм были новыми для немецкой прозы. Однако не надо забывать и о традиционных романтических сторонах повести. Они сказались и в образе таинственной цыганки, тайну которой Кольхаас унес с собой в могилу, и в похвале патриархальной верности Кольхааса, соблюдающего почтение к немецким князьям, и во многих особенностях стиля прозы Клейста.

Романтический характер поэтики Клейста сильнее проявляется в других его новеллах. Среди них есть вполне романтическая история о призраке — «Локарнская нищенка», романтическая новелла «Найденыш», стилизованная легенда «Святая Цецилия».

Более сложным и противоречивым характером отличаются новеллы Клейста «Землетрясение в Чили», «Маркиза д'О.», «Обручение на Сан-Доминго». В центре этих новелл — неожиданное событие, резко меняющее всю жизнь человека, невероятное стечение обстоятельств, служащее выражением той же идеи рока, которая так характерна для Клейста в целом.

Землетрясение в Чили спасает приговоренных к смертной казни влюбленных Херонимо и Хосефу. Среди людей, оглушенных катастрофой и забывших о «правосудии», они чувствуют себя возвращенными к жизни, к обычным человеческим отношениям — они не преступники, они просто люди, страдающие вместе с другими. Но уже через день они становятся жертвами фанатизма, вновь пробудившегося в толпе, как только прошел первый пароксизм ужаса,

вызванного землетрясением.

В других новеллах слепой случай, безумный и нелепый рок врывается в человеческую жизнь, чтобы изменить ее или разрушить. Идея рока, представленная в трагедиях Клейста, сохраняется в новелле. Клейст настойчиво подтверждает свой взгляд на жизнь как на цепь случайностей, в которых сказывается непобедимый рок.

Замечателен напряженный психологизм его новелл. Кульминация достигается в них не только стремительным развитием действия, но и нарастанием все более драматических переживаний, все более мучительных и сложных настроений героев. Люди Клейста живут в мире, полном опасностей и тревог. Это накладывает свой отпечаток на их беспокойное, тревожное сознание, мастерски изображенное автором. Дыхание социальных катастроф — войны, революции — чувствуется в лучших новеллах Клейста. Оно обостряет эмоции персонажей его новелл, делая их участниками больших событий, в ураган которых вовлечены их судьбы. Трагическое начало, очень осязаемое в новеллах Клейста, связывает их воедино с его драматургией.

Клейст — один из создателей немецкой новеллы. В развитии немецкой прозы XIX–XX веков его новелла сыграла исключительно большую роль.

В 1808–1810 годах писатель опубликовал — большей частью анонимно — несколько пылких антифранцузских памфлетов, интересных обличением грабительской политики Наполеона.

В 1809 году Клейст написал «Катехизис немцев» по образцу испанских изданий, призывавших народ к сопротивлению французам[1]. Составленный в виде вопросов и ответов, полных то едкой иронии, то глубокой горечи, то подлинного пафоса, «Катехизис» Клейста относится к числу выдающихся образцов немецкой патриотической публицистики 1807–1813 годов.

Клейст порицал в «Катехизисе» немецких монархов, «забывших свой долг перед отчизной», и поучал немцев не повиноваться им, пока монархи не вернуться к исполнению этого долга — войне против Франции. Призывая к беспощадной борьбе с Бонапартом, Клейст отделял французов от императора: французы — враги немцев лишь до тех пор, поучает его «Катехизис», пока Наполеон — их император.

Но в «Катехизисе» сказались и противоречия Клейста. Критика «князей» у Клейста лишена социальных мотивов. В Наполеоне он, подобно другим немецким литераторам из дворянского лагеря, видел «исчадие ада», воплощение некоего мистического злого начала. «Восстановленная» Германия представлялась ему в виде германской империи, в которой были бы объединены немецкие государи под верховной властью австрийского императора, которого Клейст называет императором немцев.

Тесно связаны с событиями 1808–1809 годов и две драмы Клейста — «Битва Германна» (1808) и «Принц Гомбургский» (1810).

В одном из памфлетов Клейст сравнивал положение народов Европы, завоеванных Наполеоном, с положением народов, покоренных Римской империей. Это сравнение развернуто в драме «Битва Германна». Заботливо относясь к историческим подробностям, воссоздающим картину жизни древних германцев и римского войска, Клейст проводит прямую параллель между французской империей и империей Августа, между состоянием германских племен, враждующих друг с другом, втянутых в орбиту римской политики, и политическим положением Герма-

нии в 1800-х годах. Пафос драмы в мечте об общенемецком восстании, которое свергнет чужеземное иго, освободит и сплотит Германию. Эти идеи высказывает герой драмы — вождь херусков Германн — Арминий. В нем воплощен идеал Клейста, но это не просто абстрактное выражение политической программы писателя, а художественный образ. Не раз Германн

показан живым человеком, поступающим как вождь германских варваров, приобщившимся к римской цивилизации, стоящим по опыту и образованию выше собратьев — грубых, несдержанных, себялюбивых.

С подлинным драматизмом показаны перипетии битвы в Тевтобургском лесу. Новым для немецкой литературы были обобщенные образы масс римских солдат — испытанного войска колонизаторов, и обобщенный образ восставших германских племен как народной рати, мстящей за вековое унижение.

Наряду с этим в «Битве Германна» резко сказались националистические тенденции Клейста. Восхищаясь германскими богатырями, он порою превращается в восторженного певца их жестокости. Их варварство становится у Клейста выражением их силы, непосредственности, противопоставляется упадочной утонченности римлян. Тщательно выписывая подробности исторических и вымышленных эпизодов, Клейст впадает в натурализм, черты которого были заметны еще в его ранних драмах. Картины тевтобургского побоища превращаются в упоенное изображение массового истребления римлян. Недаром именно эту пьесу Клейста особенно эффектно ставили режиссеры немецкого натуралистического театра в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Некоторых деятелей буржуазного театра привлекла возможность истолковывать всю драму в наигерманском духе.

Талантлива, но глубоко противоречива и другая драма Клейста — «Принц Гомбургский», в центре которой изображение битвы при Фербеллине (1678). В этой битве войска курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма, основателя прусского королевства, нанесли серьезное поражение шведам.

Если официальные историки Пруссии — Бранденбурга утверждали, что битва была выиграна самим курфюрстом, то в изображении Клейста победа завоевана молодым полководцем — принцем Гомбургским и его солдатами — вопреки распоряжению курфюрста. Гомбург разбил шведов потому, что ослушался приказа курфюрста, посмел пойти против его воли. Если бы приказ был исполнен пунктуально, без учета изменившейся обстановки, не было бы и победы.

Драма «Принц Гомбургский» была пропагандой действенного сопротивления французам. Однако берлинский двор неблагожелательно отнесся к пьесе. При всем том, что в ней было возвеличено прусское государство и военная традиция, пьеса звучала упреком всей политике прусского двора, рабски следовавшего диктату Наполеона. Клейст оправдывал действие, совершенное вопреки приказу сюзерена. В накаленной атмосфере 1809 года, когда среди патриотически настроенного прусского офицерства зрело прямое осуждение политики двора, покорного Наполеону, это воспринималось как поощрение патриотической оппозиции. Да и при всей верноподданнической концепции пьесы принц Гомбургский, ослушник, спасший родину, вызывал слишком глубокую симпатию. Молодой офицер — один из самых трогательных и тонких образов, созданных Клейстом. Его мужественность поэтична. Его болезнь выглядит как черта особой одухотворенности. Он резко выделяется на фоне толпы прусских офицеров, показанных — в отличие от принца — в реалистических тонах. Сам же курфюрст рядом с героем пьесы выглядит совершенным ничтожеством, хотя это, вероятно, не входило в замысел Клейста.

Особая и очень важная линия пьесы — история любви принца к принцессе Наталии Оранской, ищущей при дворе своего родственника, курфюрста, защиты от шведов, занявших ее земли.

В любовных эпизодах пьесы полно развернуто сложное и драматическое понимание любви, свойственное Клейсту. Для Клейста любовь — это мучительная страсть, овладевающая человеком подобно болезни, подчиняющая его душу и рассудок, вызывающая тревожные эксцессы, болезненные и сладкие одновременно, повергающие влюбленного в состояние

крайнего душевного напряжения, «одержимости», как уже было сказано выше. В этих тонах изображена любовь и в других произведениях Клейста — особенно, например, в «Пентесилее», где страсть амазонки к Ахиллу носит почти маниакальный, извращенный характер, заставляет Пентесилею жаждать смерти Ахилла, как формы обладания им. В «Принце Гомбургском» психологическая усложненность любви выступает не в таких мрачных тонах, как в «Пентесилее», но тоже окрашивает любовные сцены пьесы в глубоко своеобразный клейстовский колорит, подсвеченный вспышками экстаза, близкого к безумию. Именно в «Принце Гомбургском» истеричность эмоций кажется иногда своеобразным предвосхищением Достоевского. На фоне придворных, офицеров, фрейлин, — на фоне прусской жизни, временами изображенной даже в сатирическом духе, — принц и его избранница выглядят как люди из другого мира, бесконечно более высокого и человеческого.

При всей противоречивости последней пьесы Клейста в ней чувствуется, как и в «Михаэле Кольхаасе», дальнейшее движение в сторону реализма, овладение новым богатым жизненным материалом, усиление объективного момента в изображении действительности. При всех мистических оттенках, которые звучат в «Принце Гомбургском», пьеса может быть названа в полной мере пьесой исторической, хотя Клейст, подобно Шиллеру, поступил в ней весьма вольно со многими историческими подробностями (достаточно сказать, что подлинный принц Гомбург, лихой кавалерийский начальник в армии курфюрста, был к дню битвы при Фербеллине сорокатрехлетним инвалидом, не оставившим, несмотря на свое увечье, военной службы).

Немецкая литература не располагает другим столь же художественным произведением, в котором была бы так драматично и разносторонне показана жизнь провинциального бранденбургского двора накануне возвышения Пруссии; объективно пьеса Клейста была и остается изображением трагедии большого человека, живущего в условиях жалкого прусского «высшего света», где все должно быть послушно «великому курфюрсту».

И уже наверное именно в этой пьесе с особой остротой чувствуется трагедия самого Клейста — порыв к протесту, рожденный ощущением глубоко реакционной сущности окружающих его условий, и полная неспособность на этот протест, его бесконечно отвлеченный характер, духовная скованность юнкера, так и не нашедшего путей в тот свободный героический мир, сыном которого ему хотелось быть.

Мистические мотивы проступают с еще большей ясностью в драме «Кетхен из Гейльброна», рассказывающей о судьбе городской девушки, чудесным образом сумевшей привязать к себе знатного рыцаря, графа фом Штраль. Нелегка любовь «низкороденной» Кетхен к блестящему рыцарю. Кетхен приходится переживать много тяжелых испытаний, включая жестокую «пробу огнем» — так фактически выглядит ее чудесное спасение из пылающего замка Кунигунды. Сам император, пораженный чистотой Кетхен, признает ее своей приемной дочерью и нарекает Катариной Швабской, после чего и аристократ фом Штраль посчитал возможным взять ее в жены.

Но даже и эта пьеса Клейста, растянутая и надуманная, примечательна некоторыми правдивыми сценами феодальной жизни и привлекательными образами простонародья — Кетхен, ее отца, гейльбронского оружейника, смелого, прямого человека, не скрывающего своего недоверия к господам.

Неуспех «Принца Гомбургского» при дворе еще раз убедил писателя в том, что в своей среде он не найдет понимания. Клейст чувствовал себя все более одиноким, — отчуждаясь от своего дворянского круга, он вместе с тем не смог приблизиться к демократическим кругам немецкого общества.

Мысли и тревоги, мучившие Клейста в последний период жизни, нашли отражение в стихах 1810–1811 годов. С особой силой поэтическое дарование Клейста сказалось в стихотворении

«Последняя песнь». Оно насыщено ощущением приближающихся гигантских столкновений. Над миром нависла чудовищная тень войны, подобная грозовой туче, уже озаряемой молниями. В «Последней песни» идет речь о крушении старого мира. Могучий поток смывает все, что ему противостоит. С грохотом рушатся «старинных царств угрюмые хоромы». Гибнет и культура,

и старые прекрасные песни. Они уже никому не нужны в этот жестокий век. «Последняя песнь» завершается трагическим описанием участи последнего поэта — одинокого, тщетно зовущего на битву во имя отечества и никому не нужного.

Таковы были горькие итоги и настроения последних лет жизни Клейста. Его творчество (особенно последние драмы и новеллы) было, безусловно, наиболее ярким среди явлений, вызванных к жизни немецким освободительным движением 1809–1813 годов, хотя Клейст и не дожился до его апогея. Вместе с тем творчество Клейста — явление переходное, связывающее опыт романтиков и реалистические искания, которым суждено было со всей силой сказаться в ближайшие десятилетия развития немецкой литературы.

Р. Самарин

РОБЕРТ ГИСКАР

(фрагмент трагедии)

Перевод с немецкого Б. Пастернака.

Действующие лица

Роберт Гискар[2], герцог Норманнский[3].

Роберт[4], его сын, норманнский принц.

Абеляр[5], его племянник, норманнский принц.

Цецилия[6], герцогиня Норманнская, супруга Гискара.

Елена, вдовствующая императрица Византийская[7], дочь Гискара и Абелярова невеста.

Старец, норманн.

Отряд выборных воинов, норманны.

Народ, норманны.

Сцена: кипарисы перед холмом, на котором стоит палатка Гискара, в норманнском лагере перед Константинополем. На переднем плане горят костры, питаемые время от времени ладаном и другими крепко пахнущими куреньями. Позади, в глубине, виднеется флот.

Явление первое

Показывается отряд норманнских выборных в праздничных военных нарядах. Их провожает толпа народа.

Народ

(в беспокойном движении)

Отцы, с горячей жаждою спасенья
К Гискару мы сопровождаем вас.
Десницей божьей вы руководимы
И ангелами, если вам удастся
Поколебать упорную скалу,
Бесплодно омываемую пеной
Смятенных и волнующихся войск.
Стрелой громовой бейте, чтоб тропа
Открылась нам и вывела из стана
Ужасного. Когда из лап чумы,
Натравленной на лагерь жутким адом,
Он нас не вырвет тотчас, этот край
Всплывет средь моря гробовым курганом
Усопшего народа. Далеко
Распростирающимися шагами,
Отталкивая встречных по пути,
Бредет чума и чадно дышит в лица
Отравую зловонно-вспухших губ.
Куда ни ступит — пепел. Конь и всадник
Мгновенно рассылаются. Друзей
Пугает дружбой; жениха — невестой;
Родным ребенком любящую мать.
Ее слышать — склонись к холму и слушай:
Она заводит плач по пустырям,

Где хищники над падалью ширяют
И тучами, затменьем дню грозя,
Бросаются, бушуя, на несчастных.
Чудовище настигнет и его,
Бесстрашно бросившего страху вызов,
И если не отступит, он возьмет
Тогда не кесарийскую столицу[8],
А только камень гробовой. На нем,
Взамен благословенья, взгромоздится
Когда-нибудь проклятье наших чад
И с громовой хулой из медной груди
На древнего губителя отцов,
Кощунственное, выроет когтями
Гискаровы останки из земли.

Явление второе

Те же и старец.

Воин

Поди сюда, Армин.

Другой

Толпа ревет

И пенится, бичуемая страхом,

Как океан.

Третий

Порядок наведи.

Того гляди, палатку опрокинут.

Старец

(народу)

Долой все бесполезное! К чему

Здесь женщины и дети? Лишь двенадцать

Избранников, а остальные — вон.

Норманн

(из народа)

Дай нам...

Женщина

Дай нашим воплям...

Старец

Вон, сказал я. Вы, кажется, не прочь явить ему

Личину мятежа? Хотите вы,

Чтоб я с Гискаром говорил, — хотите?

Норманн

Хотим, почтенный старец. Только ты

Один, ты заводи с ним речь. А если
Он будет глух, безжалостен — тогда
Приставь к его ушам железный рупор
Народного смятенья и греми
Ему о долге в уши. — Мы терпели
Все, что способен вытерпеть народ.

Первый воин
Глядите. Чу!

Второй воин
Палатка распахнулась.

Третий воин
Царица Византии.

Первый воин
Да, она.
Вот это случай кстати. Просьба тотчас
И выслушана будет.

Старец
Тише там!
Никто ни слова больше. Повторяю,
Моленью, не восстанью, отдаю

Свой голос. Подтверждаю это снова.

Явление третье

Те же и Елена.

Елена

Ответствуй, чадо лучшего отца,
Народ, ручьями льющийся с пригорков,
Какие вихри бурные влекут
Тебя к шатру Гискара, к кипарисам,
Порой, когда чуть брезжит юный день?
Знать, правило забыли, ночью строго
Предписывающее тишину,
И лагерный уклад настолько чужд вам,
Что женщина должна вас поучать
Тому, как надо приближаться к месту,
Где боевая мысль кует свой план?
Святые силы, это ли любовь
К отцу, которою вы похвалялись,
Что криком вы и лязганьем мечей
Насильно подымаете отца мне
Из кратковременных объятий сна?
Его, который, обливаясь потом,
Три ночи сплошь без отдыха провел
В открытом поле, в противленьи буйству
Отвсюду напорающей чумы!
Но что-то неотложное, нет спору,

Вас подняло; шаги таких людей,
Как вы, всегда предмет для размышленья.
Так к делу же. Я знать его должна.

Старец

Прости нас, царственная дочь Гискара.
А если этот избранный отряд
Приблизился к шатру с излишним шумом,
То я их порицал. Сама суди:
Гискара спящим мы не полагали;
Воззрись-ка, солнце уж давно палит
Тебе затылок, а с тех нор, как помнит
Себя норманн, вставал он до зари.
Мы крайнею нуждой, невыносимой,
К Гискарову шатру приведены.
Пришли молить, обняв его колени,
Об избавленье. Если же еще,
Как ты сказала, сон его покоит
И неусыпный труд его свалил,
То подождем в почтительном безмолвье,
Пока пробудится. А этот час
Молитвой о Гискаре скоротаем.

Елена

Не воротиться ль лучше вам назад?
Народ в таком количестве всегда
Подобен морю, даже и в покое,
Всегда рокошет волн его прибой.

А лучше б разошлись вы по стану
И стали бы в порядке у знамен:
Лишь только герцог бровью шевельнет,
Пришлю вам с вестью собственного сына.

Старец

Бесценная, не отсылай нас прочь,
Когда на то нет важных оснований.
Об отдыхе отцовском не пекись.
Гляди, твой светлый облик умилил нас.
Мы будем тише моря в час, когда
В безветрии повиснет вымпел с мачты
И на буксире тащится корабль.
Позволь нам тут мгновения дождаться,
Когда от сна пробудится отец.

Елена

Пусть так, друзья. Когда не ошибаюсь,
В палатке слышатся его шаги.

(Уходит.)

Явление четвертое

Те же, без Елены.

Старец

Чудно!

Первый воин

Уже шаги в палатке слышит,
А только что сказала, крепко спит.

Второй воин

Она от нас отделаться хотела.

Третий воин

Ей-богу, так. Хотела даром сбыть.
Вот и юлила, языком виляя;
Я вспомнил поговорку про лису.

Старец

А то, бывало, ближе подзывала.

Явление пятое

Те же и норманн.

Норманн

(кивнув старику)

Армин!

Старец

Здорово, Франц! Ну что?

Норманн

(с таким же кивком первому воину)

Мария!

Первый воин

Ты с новостями?

Норманн

Из дому привет. Приезжий из Калабрии явился.

Старец

Да что ты? Из Неаполя?

Первый воин

Зачем

Так странно смотришь ты кругом?

Норманн

(быстро схватив обоих за руки)

Так странно?

Рехнулись, чай? Я весел и здоров.

Старец

Сын! Губы у тебя, как мел. Ты болен?

Да говори же.

Норманн

(снова оглянувшись назад)

Ладно. Но зарок:

Не отвечать ни даже взглядом быстрым,

Тем паче вслух, на то, что расскажу.

Старец

Ты страшен, право. Что-нибудь случилось?

Норманн

(громко, народу, который наблюдает за ним)

Ну как дела? А выйдет ли Гискар?

Некто из толпы

Надеемся.

Другой

Царица вызвать хочет.

Норманн

(таинственно, отводя обоих собеседников в сторону)

Когда я нынче ночью на часах

Стоял перед Гискаровой палаткой,

Внутри слышался внезапный стон

И тяжкий присвист, как при издыханье

Больного льва. Там тотчас поднялась

Тревожная возня, и был служитель

Разбужен герцогиней. Второпях

Зажегши свет, он бросился наружу.

На зов его сбежалась вся родня

В ужасном замешательстве: царица

В ночном уборе, за руки влача

Обоих сыновей; его племянник

Под наскоро накинутым плащом;

Сын герцога почти в одной рубашке

И, наконец, слуга с какой-то тенью

Закутанной, которая на мой

Дежурный окрик воином сказалась.

Но дайте юбку мне, и я, как он, —

Нет, с большим сходством — в женщины зачислюсь.

Все вещи: плащ, шишак и сапоги

На шельме, как на вешалке, болтались.

Когда ж, добра не чая, эту тень

Я за руку беру и обращаю

На лунный свет, я узнаю в лицо

Гискарова врача, Иеронима.

Старец

Врача?

Первый воин

Святые силы!

Старец

Значит, он,

По-твоему, недужен, болен?

Первый воин

Болен?

Он заражен!

Старец

(зажав ему рот)

О, лучше онемей.

Норманн

(после паузы, полной ужаса)

Я этого не говорил. Самим

Понять и рассудить предоставляю.

Роберт и Абеляр, беседуя друг с другом, показываются у выхода из палатки.

Первый воин

Палатка распахнулась. К нам выходят.

Явление шестое

Те же, Роберт и Абеляр.

Роберт

(подошедши к самому краю холма)

Кто ставлен говорить от всей толпы?

Пусть выступит.

Старец

Я здесь.

Роберт

Ты здесь? Твой разум

Моложе головы твоей, а вся

Твоя премудрость в волосы впиталась.

Столетний век — твой щит, старик, а то б

Ты не ушел от нас без наказания.

Ты слыл домашним другом, что стерег

Давно когда-то колыбель Гискара.

Теперь же оказался вожаком
Мятежной шайки, вынудившей оружие
И шляющейся, по словам сестры,
По стану, руганью будя умерших.
Вы звали полководца из шатра?
Что думать? Это правд»? Что ответишь?

Старец

Да, звали. Но могла ль сказать сестра,
Правдивая с тобой, как полагаю,
И до сих пор участливая к нам,
Что этот зов сопровождался бранью?
К моим годам ты вряд ли будешь знать,
Как чтут вождя; зато, что значит воин,
Я знал в твои. Ступай спроси отца,
Как надо разговаривать со мною.
А если за речами я забыл,
Чем я тебе обязан, — что ж, я справлюсь,
Горя стыдом, у правнуков своих:
Я этому их обучил с пеленок.
С покорностью, как в нравах у норманн,
Просили мы, чтоб к нам Гискар явился.
Нам к милости такой не привыкать.
Наоборот, нам было бы в новинку,
Когда б он в ней, как ты, нам отказал.

Роберт

Ты, старый дуралей, лишь подтвердил

То мнение, что думал опровергнуть.
Распущенный мальчишка, вертопрах
Не проявил бы столько дерзновенья,
Я послушанью научу тебя
И докажу, что — неплохой учитель
Ты должен был в ответ на мой упрек
Увести толпу без слов и промедленья.
И если вновь я повторю приказ,
То ты, надеюсь, уведешь их тотчас,
Без прекословья, без задержки, вмиг!

Абеляр

Я вижу, на приказы ты щедрее,
Чем полагает нужным твой отец.
Но жар твоих нападок, я заметил,
Воспринимает холодно народ.
Они как шум дневной, который слуху
Не поддается, слышный целый день.
Заслуживающего порицанья
Я до сих пор не встретил ничего.
Что слово старца этого бесстрашно
И горделиво — старику к лицу.
Два поколенья старого почтили,
И представитель третьего за пядь
От гроба оскорблять его не должен.
Тебе народ не близок тем, что смел,
А мне он был бы чем смелей, тем ближе.
Свобода для норманна — как жена.
Чету, родящую на ложе битвы

Победу, я б священной почитал.
Так мыслит и Гискар. Он любит руку,
Играющую гривою его.
Иное сын. Его хребет плешивый
Бросает в дрожь от близости руки.
Уверен ли ты так, что не минует
Тебя корона, что заносчив столь?
Ты можешь взять ее одной любовью.
Она по праву, вспомни, не твоя.
Меж тем в тебе нет ни малейшей искры
Гискаровой, и менее всего
Получишь ты в наследство это имя[9][10].
Ведь в миг, решающий твою судьбу,
Ты заушаешь тех, кто мог бы тут же
Тебя к вершине славы вознести.
Напрасно ты считаешь, что норманны
Покинуты кругом и без друзей.
Не хочешь ты, так я их другом буду.
Выслушивать просящего легко.
Вникать в его желанье — вот в чем хитрость.
Ты гонишь их, я оставляю. Люди,
За все Гискару отвечаю я.

Роберт

(многозначительно и вполголоса)

Теперь я разглядел тебя насквозь.

Спасибо, злой мой демон! Как ни ловко

Ты тасовал, но выиграл не ты.

Желаешь, покажу тебе на деле,

Кто одолел, как карты б ты ни клал?

Абеляр

Что ты задумал?

Роберт

Примечай, постигнешь.

(Народу.)

Сыны Гискара, прогнанные мной

А им удерживаемые льстиво,

Нас в судьи призываю я себе!

Произведите выбор между нами

И воспротивьтесь одному из нас.

Сын герцога, я — принц по воле божьей.

Он — принц лишь по случайности одной.

Я только любопытствую, могли ль

Его слова, запавши в ваши души,

На их весах перетянуть мои,

Ушам своим тогда б я не поверил.

Абеляр

Сын герцога? Сын герцога и я.

До твоего отца был мой на троне

И больше прав имел на то, чем твой.

И мне, наследнику престола, сыну

Оттона[11], — ближе и родней народ,
Чем сыну моего опекуна,
Которого закон назначил править
Моей страной, покуда был я мал[12].
Но я и сам за то, что ты задумал.
Так выбирайте ж между мной и им.
Вы можете, по моему приказу,
Остаться тут и говорить со мной,
Как говорили бы с самим Оттоном.

Старец

Мой принц, ты стоишь своего отца.
Твой славный дядя, наш великий герцог,
Возликовал немало б в смертный час,
Имей и он наследника такого.
Гляди, твой вид меня омолодил.
Точь-в-точь как ты, осанкой, речью, нравом,
Такой же друг народа, как и ты,
Стоял Гискар когда-то перед нами,
Народом обожаемый кумир!
Да низольется на тебя с небес
Та благодать, что награждает доблесть,
Да процветет твоя судьба под ней.
Всегда и впредь благоволенью дяди,
Как солнцу, озарять себя давай.
Не сомневайся. Благодная почва
Со временем благие даст плоды.
Расти судьбу. Не надо удобренья
Сомнительного. Лучше сохрани,

Пока возможно это, почву чистой.
Во многих спорах победил бы ты,
Но в этом состязанье твой противник
Сильней тебя. И оттого, что твой
Приказ лишь разрешает там, где слово
Его — велит, не гневайся, что мы
Внушительнейшему послушны будем...

(Роберту, холодно.)

Ты приказал уйти — и мы уйдем.
Ты сын Гискара — этого довольно!
Но можно ль нам прийти опять? Скажи,
Когда мне их привести с собой обратно?

Роберт

(скрывая свое смущение)

Явитесь завтра. Нынче, может быть,
В обед, пожалуй, если будет время...
Да, лучше в полдень. Важные дела
Теперь на час Гискара задержали.
По окончанье их я позову
Вас сам, когда он вас захочет видеть.

Абеляр

Беременная ль женщина народ,
Что бережен ты так с ним в обхожденье?
Зачем таишь ты правду? Это страх

За участь недоноска?..

(Поворачиваясь к народу.)

Герцог болен.

Старец

(испуганно)

О господи! Он заболел чумой?

Абеляр

Не ею. Я не этого боюсь...

Хоть врач и опасается, что — ею.

Роберт

Чтоб громом в безмятежно ясный день

Язык твой покалечило, предатель!

(Уходит в палатку)

Явление седьмое

Те же без Роберта.

Голос

(из толпы)

Архангелы, защитой нам будьте!

Другой

Погиб народ!

Третий

Погибли без Гискара!

Четвертый

Погибли безвозвратно!

Пятый

Ни про что!

В морями окруженной Византии!

Старец

(простирая руки к Абеляру)

Нет, это правда, вестник роковой?

Скажи, он в самом деле заразился?

Абеляр

(спускаясь с холма)

Я вам сказал. Наверно знать нельзя,

Но так как знаков, кроме быстрой смерти,

Не существует, то, пока живет,
Он отвергает эту мысль и будет —
На то Гискар — бороться и в гробу.
Но это ясно матери, и сыну,
И дочери, и самому врачу.

Старец

А чувствует он слабость? Это — признак.

Первый воин

На жажду жалуется?

Второй воин

Он в жару?

Старец

Вперед ответь мне, чувствует он слабость?

Абеляр

Сейчас я подошел к его ковру

И справился: «Ну, как тебе, Гискар?»

«Да что ж, — он говорит, — довольно сносно,

Хотя гигантов нужно бы позвать,

Чтоб эту руку с одеяла сдвинуть».

И вслед за тем супруге: «Перестань!

Ты Этно обдуваешь», — увидавши,
Что машет опахалом на его
Распахнутую грудь. Когда ж царица,
Заплаканная, кубок поднесла
К его губам, и перед тем спросила,
Не выпьет ли, Гискар ей отвечал,
Допив до дна: «И Дарданеллы б выпил».

Старец

Какой удар!

Абеляр

Но это не мешает

Ему все время взоры устремлять
На верх дворцовой кровли, что, сверкая,
Над Византией горбится, как тигр.
В молчанье, с картою в руках, он занят
Несбыточными планами, совсем
Как если б в жизнь еще вступать собрался.
К князьям же Нессу с Локсием[13] давно,
Как вам известно, передать готовым
Ему тайком ключи, с одним условием[14],
Которое досель он отвергал,
Послал гонца он нынче в знак согласия.
И если ночь найдет его в живых,
Увидите, безумье совершится.
На завтра он назначит общий штурм.
Он задавал уже вопросы сыну,

Который восхищен его мечтой,
Какого мненья он о предприятии.

Старец

О, если б сбылся план!

Первый воин

О, если б мы

Могли за ним последовать!

Второй воин

О, если б

Он долго мог, еще, наш вождь, вести

Нас в бой, к победе, на смерть!

Абеляр

Если б так!

Однако же скорее в ворота

Гискарова перчатка постучится,

Скорей константинопольский дворец

Перед его рубахой склонит кровлю,

Чем этот сын, когда умрет Гискар,

Сорвет корону с бунтаря Комнена.[15]

Явление восьмое

Те же и Роберт.

Роберт

(выходя из палатки)

Норманны! Слушайте! Гискар покончил

С делами и появится сейчас.

Абеляр

(испуганно)

Появится? Нет, это невозможно!

Роберт

Твое же безобразие, лицемер,

Предстанет всем теперь без покрывала.

(Скрывается в палатке.)

Явление девятое

Те же, без Роберта.

Старец

О Абеляр, что сделал ты?

Абеляр

(мгновенно побледнев)

Сказал

Воистину, что видел. Головою

Готов платиться, если обманул.

Гискар, когда я вышел из палатки,

Лежал пластом, не шевелясь, как труп.

Но духом побеждать судьбу умевший

На этот раз и тело победил.

Мальчик

(поднявшись до половины холма)

Гляди, гляди! Палатку открывают!

Старец

Ах, милый мальчик, видишь ты его?

Ответь же, видишь?

Мальчик

Вижу, ясно вижу!

Среди палатки, вижу, встал, стоит.

Нагрудный панцирь, вижу, надевает.

Кушак надел. Вот на широкий лоб,

Могучий, через силу надвигает

Большой, колеблющийся пышно шлем.

Да вон, глядите! Вот и сам он! Вот он!

Явление десятое

Те же и Гискар. За ним следуют герцогиня, Елена, Роберт и свита.

Народ

(в ликовании)

Он! Это он! Да здоровствует Гискар!

Несколько шапок летит в воздух.

Старец

(еще во время общего ликования)

Гискар! Приветствуем тебя, о герцог,

Как если б ты спустился с облаков!

Уж мы тебя за ними полагали.

Гискар

(подняв руку)

Где мой племянник, принц?

Всеобщее безмолвие.

Стань позади.

Принц, успевший смешаться с толпой, всходит на холм и становится позади Гискара, в то время как Гискар неотступно преследует его взглядом.

Стой здесь в молчании. Ты понимаешь?

Потом я сам с тобой поговорю.

(Обращаясь к старцу.)

Кто говорит от войска? Ты, Армин?

Старец

Да, государь.

Гискар

(выборным)

Когда мне все сказали,

Я очень огорчился, мой народ,

Ввиду того что предо мною люди

Не худшие; и вы пришли ко мне

Не попусту; и я скорбел, что третьи

Рассказывают мне о вас в нужде.

Будь краток, старичина. В чем несчастье?

Опять беда? Желаете ль чего?

Могу помочь? Утешить? Говори же.

Старец

Желанье, князь, сюда нас привело.

Но не оно причина ожиданья

Столь бурного, и доброта твоя

Немало б эту кучку устыдила,

Когда б ты в этом нас подозревал.
Нет, в миг, когда ты вышел из палатки,
Иной причиной вызван был восторг.
Не радостью одной тебя увидеть,
Но страхом, обожаемый Гискар,
Что не видать тебя уж никогда нам.
Разнесся слух, — когда на то пошло, —
Что ты чумы дыханием оваян.

Гискар

(смеясь)

Чумой оваян? Вы в своем уме?
Похож ли чем-нибудь на зачумленных
Я, в цвете жизни предстоящий вам?
Я, чистый голос чей, катясь из горла,
Объемлет вас, как звон колоколов?
Нет, с этим расстается зараженный.
Надеюсь, вы цветущего меня
Не повлечете на поле к гниющим?
Покуда что сдаваться погожу.
Нет, здесь меня не залучить в могилу, —
Я лишь в Константинополе уймусь.

Старец

Боготворимый князь! Веселой речью
Ты возвращаешь снова к жизни нас.
О, если б было можно, чтоб на свете
Тебе и вовсе не был гроб сужден!

О, если б был бессмертен ты! Бессмертен!

Бессмертен в меру подвигов твоих.

Гискар

Как раз сегодня, странная случайность,

Я чувствую себя не бог весть как.

Но это далеко от нездоровья,

Всего же мене сходствует с чумой.

Вернее, что печаль последних дней,

Что мы о войске каждый час горюем.

Старец

Ты говоришь?..

Гискар

(перебивая его)

Сказал, не стоит слов.

Ни в жизнь на этой старой голове

Не баливал наималейший волос.

Я все болезни тела побеждал.

Сама чума, могу тебя уверить,

Подавится, вгрызаясь в эту кость.

Старец

Ах, лучше б поручил ты нам заботу

О заболевших с нынешнего дня.

Средь них, Гискар, такого не найдется,
Кто б на поле не предпочел лежать
Забытым, в пытке медленной кончины,
Чем принимать поддержку от тебя,
Единственный, никем не заменимый,
Под вечным страхом ту же боль и смерть
При этом передать тебе в награду.

Гискар

С какой поры так потеряли вес
Слова Гискара? Часто повторял я,
Что не из легкомыслия не боюсь
Прикосновенья чумных,[16] и не даром
Доселе безнаказан; что на то
Свои причины есть. Короче, страх
Оставьте про себя. Теперь же к делу.
Что надо вам? Будь короток и скор.
Дела зовут меня назад, в палатку.

Старец

(после короткой паузы)

Ты знаешь, государь, не хуже нас.
Всех тяжелей тебе под ношей горя.
В решительный, в последний час, когда...

Гискар оглядывается, старец запинается.

Герцогиня

(тихо)

Быть может, ты...

Роберт

Ты хочешь...

Абеляр

Что с тобой?

Герцогиня

Гискар!

Абеляр

В чем дело?

Роберт

Что ты?

Герцогиня

Говори же!

Императрица вытаскивает большой войсковой барабан и поддвигает ему

сзади.

Гискар

(мягко опускается на него; дочери, вполголоса)

Дитя мое!.. Итак, Армин, в чем дело?

Поведай нам его и дай словам

Широкий ход, — я враг обмолвок робких.

Старец опускает голову, размышляя.

Голос

(из толпы)

Что мешкает?

Другой

Эй, старый! Говори!

Старец

(собравшись с мыслями)

Ты знаешь, князь, — кому и лучше ведать,

На ком другом еще так тяжела

Рука судьбы? — С богинею победы

Уже готов обняться ты, жених,

Уже простерты руки к ней, невесте.

И что ж? Дорогу к ложу заступив,

Дыша огнем, встает чума навстречу.

Ты ей еще не тронут, говоришь,

Но твой народ, кость от кости твоей,
Истлел и к делу больше не способен;
Как рушит сосны наземь ураган,
Так каждый день уносит новых верных.
Кто слег, не встанет. Из последних сил
Пытается подняться, но напрасно.
Порвать объятья смерти — тщетный труд.
Надламываются живые кости,
Источенные ядом, и тогда,
Друзьям сопротивляясь, с беснованьем
Кляня отцов, с хулой на божий мир,
Валятся ниц, чтоб испустить дыханье.

Герцогиня

(поникая на грудь дочери)

О, небо!

Елена

Обожаемая мать!

Гискар

(медленно оборачиваясь)

Что с ней?

Елена

(неуверенно)

Ей дурно.

Гискар

Увести в палатку.

Елена уводит герцогиню.

Старец

И так как ты за краткие слова,

То слушай: уведи нас прочь отсюда.

Ты, выручивший нас из стольких бед,

Уже помогший стольким бедным, сжался!

Не отнимай у войска твоего

Единственного свежего напитка,

Не откажи нам в воздухе родном.

В Италию. В Италию. Веди нас!

На родину, на родину верни!

Занавес

РАЗБИТЫЙ КУВШИН

Комедия

Перевод с немецкого Б. Пастернака.

Действующие лица

Вальтер, судебный советник.

Адам, сельский судья.

Лихт, писарь.

Госпожа Марта Руль.

Ева, ее дочь.

Фейт Тюмпель, крестьянин.

Рупрехт, его сын.

Госпожа Бригитта.

Слуга, хозяин[17], служанки и т. д.

Действие происходит в голландской деревне близ Утрехта.

Явление первое

Адам

сидит и перевязывает себе ногу.

Лихт

входит.

Лихт

Ба, черт возьми! Скажите, кум Адам,

Что это с вами? Ведь на вас лица нет.

Адам

Да вот. И ног довольно, чтоб споткнуться.

Ну, чем бы пол не гладок? Ни горбины.

А я споткнулся. Видно, каждый носит

В себе самом свой камень преткновенья.

Лихт

Нет, что вы, кум! Уж будто бы и всякий?

Адам

В себе самом.

Лихт

Тьфу, пропасть.

Адам

Виноват?

Лихт

Ваш предок был великим вертопрахом,

Пал с самого начала всех вещей[18]

И тем падением себя прославил;

Но вы-то ведь не?..

Адам

Как?

Лихт

И вы?

Адам

Конечно,

Упал на этом месте, говорю.

Лихт

Быть может, это образ?

Адам

Нет, нисколько.

Я безобразно растянулся тут.

Лихт

Когда ж произошло событие это?

Адам

Да только что... Хочу встать с постели

И песни утренней не досвистал,

Как вдруг задел ногой — за что, не знаю.

Хочу подняться, так сказать, с зарей,

Ан мне господь подвертывает ногу.

Лихт

И левую притом?

Адам

Какую?

Лихт

Эту?

Адам

Да, эту.

Лихт

Ногу, что и без того

Нетвердо по стезе греха ступает?

Адам

Нога? Чего? Нетвердо? Почему?

Лихт

С кривой стопой.

Адам

С кривой стопой? Любая,

Какую ни возьми, с кривой стопой.

Лихт

А правую возьмите! Вы не правы.

Ей тем же вывертом нельзя хвастнуть.

На скользкое она куда отважней.

Адам

Куда одна, туда же и другая.

Лихт

Кто ж это вам лицо раскрасовил?

Адам

Лицо?

Лихт

Как, вы в недоуменье?

Адам

Смысла

Не вижу врать. Каков же я с лица?

Лихт

С лица?

Адам

Да, куманек.

Лихт

Урод уродом.

Адам

Так объяснитесь же.

Лихт

Лицо в рубцах —

Глядеть тошнит. Недостает куска

Щеки. Какого? Не сказать, не взвесив.

Адам

Еще чего?

Лихт

(приносит зеркало)

Вот, убедитесь сами.

Овца в шиповнике, от псов спасаясь,

Дешевле шерстью платится своей,

Чем бог весть где вы поплатились мясом.

Адам

Гм... Правда. Привлекательного мало.

Нос тоже пострадал.

Лихт

Да ведь и глаз.

Адам

Глаз ни при чем тут.

Лихт

А кровавый след

Удара вкось, как будто, бог свидетель,

Он старостою в гневе нанесен?

Адам

Глазная кость, вот это что! Представьте,

Не чувствовал я ровно ничего.

Лихт

Да где и чувствовать в пылу сраженья!

Адам

Сраженья? Как? За печкою, с козлом

Проклятым я сразился. Понимаю.

Внезапно равновесье потеряв,

Как бы в пространствах утопая, шарю

Кругом, хочу схватиться за штаны,

Что с вечера висели для просушки

Над печкою. И тут-то, вы поймете,

Связь — пополам. Мы рушимся втроем —

Веревка со штанами да со мною

Вниз головой, налобником об печь,

Как раз туда, откуда из-за краю

Своею мордой тычется козел.

Лихт

(смеется)

Так-с, так с.

Адам

Тьфу, пропасть!

Лихт

Это — как бы вроде

Адамова паденья, но — с кровати.

Адам

Вот, вот. Однако нет ли новостей?

Лихт

Н-да, новостей вам. Черт бы их побрал.

Скорей бы позабыть их.

Адам

В чем же дело?

Лихт

Готовьтсся к нежданной встрече гостя

Из Утрехта. Утрехтского суда

Советника.

Адам

Какого?

Лихт

Ревизует

Округу нашу всю. Советник Вальтер

Из Утрехта. И нынешний же день

Заявится он к нам.

Адам

Уж и сегодня!

В своем ли вы уме?

Лихт

Ручаюсь вам.

Вчера в деревне пограничной Голле

Он произвел ревизию суда.

От одного крестьянина я слышал,

Что подставных на Гейзум запрягли.

Адам

Сегодня к нам советник из Утрехта?

Кто сам овец своих стрижет умело,

Тот лютый враг подобных наваждений.

К чему тревожить своего же брата!

Лихт

Он в Голле был, быть в Гейзуме ему.

Смотрите в оба.

Адам

Полно.

Лихт

Говорю вам.

Адам

Другим рассказывайте эти сказки.

Лихт

Но, черт возьми, мужик-то очевидец!

Адам

Поди узнай, кого еще видал

Ваш черт косой. Для этих дураков

Между лицом и задом нет различий.

Накройте треуголкой эту трость,

Привесьте плащ, два сапога приставьте, —

Кого угодно в палке голь признает.

Лихт

Не верьте, леший с вами; а как в дом

Взойдет, поверите?

Адам

Взойдет! Своим

Вперед о том и знака не подавши?

Лихт

Возьмите в толк, что это ведь — не прежний

Наш ревизор Вахгольдер, что теперь

Не он — советник Вальтер ревизором.

Адам

Хотя б и так. Подите вы. Чиновник

Дал, как и мы, чиновничью присягу,

Свои дела и он вершит согласно

Законам и обычаям страны.

Лихт

Послушайте, негаданным-нежданым

Вчера советник появился в Голле.

Проверил кассу и регистратуру

И дал отставку писарю с судьей.

За что? И знать не знаю. По закону.

Адам

Тьфу, черт! Мужик об этом вам сказал?

Лихт

Да, это часть рассказа.

Адам

Как?

Лихт

Так знайте ж.

Чем свет хватились бедного судьи,

Посаженного под арест домашний.

За мызаю в сарае на задах

Бедняк болтался в петле на стропиле.

Адам

Да что вы!

Лихт

Тут подоспевает помощь.

Судью водой окатывают, трут,—

Спасибо хоть, что к жизни возвратили.

Адам

Да? Возвратили?

Лихт

Но на все добро

Наложены печати, домик заперт,

Как будто бы покойник в нем, и ждет

Наследника вакантный пост судейский.

Адам

Что ж, поделом! Я честью вас заверю:

Судья был нерадив, как пес; а впрочем,

Добрейший человек, каких не сыщешь.

Но все ж скажу — безбожно нерадив,

Должно, бедняге солоно пришлось,

Коль это факт, что был советник в Голле.

Лихт

Лишь этот случай, сказывал мужик,

Тому виной, что Вальтер задержался.

Скорей всего он будет к нам в обед.

Адам

В обед? Ну, кум, за дружбой дело стало.

Рука, известно, руку моет. Знаю,

Что вы хотели б стать судьей. Пускай

Достойны вы. Но случая такого

Нет налицо и нынче. Эта чаша

Пусть и сегодня вас еще минует.

Лихт

Судьею, я? Так на меня подумать!

Адам

Я знаю, вы любитель красноречья.

Послушайте, убавьте нынче спеси.

Еще не раз представится вам случай

Во всем искусстве показать себя.

Лихт

Подите вы! Кажись, мы — кумовья ведь.

Адам

Послушайте, молчал и Демосфен[19]

Нередко. Вот с кого пример берите.

Пускай я и не македонский царь —

Мне чувство благодарности не чуждо.

Лихт

Да что вы, право? Что за недоверье?

Давал ли я когда...

Адам

Что до меня,

Я следую примеру Грека.[20] Трудно ль

Составить речь о вкладах и процентах?

Но по своей охоте кто же станет

Периоды такие строить?

Лихт

Нуте?

Адам

Я выше этого упрека. Шут с ним!

Все, в чем загвоздка, — почитай, одно

Дурачество, затеянное ночью,

Робеющее пред уликой дня.

Лихт

Итак?

Адам

По чести — есть ли основанье

Тому, чтобы и в жизни судия

Хранил величье белого медведя?

Лихт

И я того же мненья.

Адам

Ну, и ладно.

Теперь пойдете, кум, в регистратуру

И наведем порядок средь бумаг.

Они подобны Вавилонской башне.

Явление второе

Те же.

Входит

слуга

. Потом —

две служанки.

Слуга

Бог помочь, господин судья. Советник

Привет вам шлет и скоро будет сам.

Адам

Святая сила! Разве он уж с Голлой

Покончил?

Слуга

Да. Он в Гейзуме уже.

Адам

Эй! Лиза, Грета!

Лихт

Больше хладнокровья.

Адам

Ах, куманек!

Лихт

Ответьте на привет.

Слуга

А завтра в Гуссаге мы выезжаем.

Адам

Что делать мне? Что приказать?

(Хватается за свое платье.)

Первая служанка

(входит)

Вы звали?

Лихт

Наденьте же штаны. В уме вы, что ли?

Вторая служанка

(входит)

Вам что угодно, барин?

Лихт

Вот камзол.

Адам

(оглядывается)

Советник?

Лихт

Нет, пока еще — служанка.

Адам

Воротничок мне. Плащ.

Первая служанка

Вперед жилетку.

Адам

Камзол долой. Живей.

Лихт

(слуге)

Советник Вальтер

Желанным гостем будет здесь. Скажите,

Что мы всегда принять его готовы.

Адам

Еще чего! Просите извиненья.

К несчастью...

Лихт

Извиненья?

Адам

Извинения.

Уж он не на пути ль сюда?

Слуга

Советник

В гостинице. Заждался кузнеца,

Карету разнесло.

Адам

Слуга покорный!

Кузнец ленив. — Итак, прошу простить.

Судья свернул, мол, лядвею и шею.

Вы видите? Взгляните, каково!

А как испуг — так у меня поносы.

Судья, скажите, болен.

Лихт

Вы в уме?

Мы ждем его, советнику скажите.

Адам

Вот провалиться мне!

Лихт

Что?

Адам

Провалиться,

Коль средства исцеленья не нашел.

Лихт

Охота вам на след их наводить.

Адам

Маргрета! Лиза! Костяной мешок!

Обе служанки

Мы — тут. Что вам угодно?

Адам

С глаз долой!

Сыр, масло, ветчину, колбасы, фляги —

Вон из регистратуры. Да проворней.

Не ты, — другая. — Ты, разиня, ты. —

Да не тебе, Маргрета. Слышишь, Лизе,

Коровнице, в регистратуру.

Первая служанка уходит.

Вторая служанка

Где нам

Понять вас! Толком говорите!

Адам

Цыц!

Цыц, говорю я, марш за париком.

В шкафу он. В книжном. Духом чтоб слетала.

Лихт

(слуге)

С советником, надеюсь, по пути

Не приключилось ничего дурного?

Слуга

Нас вывалило из возка в овраг.

Адам

(надевая сапог)

Распухла. Тьфу! Сапог не налезает.

Лихт

В овраг, вы говорите? Боже правый!

Но без вреда?

Слуга

Нет, ничего такого.

Советник руку вывихнул слегка,

Да дышло пополам.

Адам

(про себя)

Уж лучше б шею!

Лихт

Ужель свихнул? Кузнец-то приходил?

Слуга

За дышлом.

Лихт

Что?

Адам

Сказать хотите — доктор?

Лихт

Чего?

Слуга

За дышлом?

Адам

Нет. Насчет руки.

Слуга

Прощайте, господа. — Кажись, рехнулись.

(Уходит.)

Лихт

Про кузнеца я.

Адам

Выдали себя.

Лихт

Как так?

Адам

Вы смущены?

Лихт

Смущен?

Входит

первая служанка .

Адам

Эй, Лиза!

Ты с чем?

Первая служанка

С брауншвейгской, господин судья.

Адам

Тут акты по опеке!

Лихт

Я смущен?

Адам

Назад, в регистратуру.

Первая служанка

Колбасу?

Адам

Какую колбасу! Обертку видишь?

Лихт

Сплошное недоразуменье.

Вторая служанка

(входит)

Барин,

В шкафу нет парика.

Адам

Как так?

Вторая служанка

Да так вот.

Адам

Да как же?

Вторая служанка

Потому что вы вчера

В одиннадцать...

Адам

Да ну же...

Вторая служанка

Воротились

Без парика.

Адам

Домой? Не может быть.

Вторая служанка

Без парика, вестимо. Вот и Лиза

Была при том — спросите-ка ее.

А ваш другой парик сейчас в цирюльне.

Адам

Без парика?

Первая служанка

Вот истинный господь,

Лысехонек пришли вы, про ушиб

Все что-то толковали. Знать, забыли?

Еще я кровь смывала с головы.

Адам

Бесстыдница ты!

Первая служанка

С места не сойти мне.

Адам

Держи язык-то, слова правды нет!

Лихт

Так синяки — вчерашние?

Адам

Да нет.

Вчера — парик, а синяки — сегодня.

Придя домой, должно быть, по ошибке

Со шляпой вместе я парик стащил.

А та чего-чего не наплела.

Ступай к чертям, проклятая чертовка.

В регистратуру, слышишь!

Первая служанка уходит.

Маргарита,

Поди спроси у кистера[21], не даст ли

На время свой. А в мой, скажи, мол, кошка

Сегодня, пакостница, наметала.

Изгажен весь, под лавкою лежит.

Лихт

Час от часу не легче.

Адам

Верьте слову,

Пяток. Пятнистых четверо да белый.

Пятнистых, верно, в Вехте[22] утоплю.

На что мне! Может, одного возьмете?

Лихт

Все в парике?

Адам

Ну да. Вот чертовщина!

Ложусь в постель, парик на стул повесил;

Во сне за стул задел, парик со стула...

Лихт

Тут кошка, как на грех, вцепись зубами

В парик...

Адам

Ну да.

Лихт

И тащит под кровать,

И в нем котится?

Адам

Нет! Зачем зубами?..

Лихт

А как другим манером?

Адам

Кошка? Нет!

Лихт

А кто же, — вы?

Адам

Зубами. Да, как будто.

Я так ее ногой и двинул нынче,

Когда заметил.

Лихт

Поделом.

Адам

Канальи!

Напакостят, рожая где попало.

Вторая служанка (

фыркая)

Так мне пойти?

Адам

Поди, да передай

Поклон мой тетке-кистерше. Да слушай,

Верну-де ей в сохранности парик

Еще сегодня. А ему — ни слова!

Смекнула ты?

Вторая служанка

Уж ладно, принесу.

Явление третье

Адам

и

Лихт .

Адам

Не быть бы худу нынче, кум мой Лихт.

Лихт

С чего бы вдруг?

Адам

Все валится из рук.

Что нынче, не присутствие ль?

Лихт

Конечно.

Истцы давно толпятся пред дверьми.

Адам

Мне снилось, будто я истцом задержан

И будто в суд меня он приволок,

Что, в свой черед, с своих судейских кресел,

Задав себе здоровый нагоняй,

Я сам себя и засудил в оковы.

Лихт

Как? Самого себя?

Адам

Клянусь вам честью!

А там, в одном лице судья и жертва,

Мы оба скрылись в лес искать ночлега.

Лихт

И этот сон, по-вашему...

Адам

Да черт с ним!

Сон или просто в голову взбрело, —

Да наяву бы не было того же.

Лихт

Нелепый страх! А чтоб беды избежать,

Держитесь беспристрастья к сторонам,

Когда придет советник, и следите,

Чтоб не смешать судью ночного сна

С самим собой, судьей трезвой яви.

Явление четвертое

Те же.

Входит судебный советник

Вальтер.

Вальтер

Благослови вас бог, судья!

Адам

Добро

Пожаловать к нам в Гейзум. В добрый, час.

Кто б думал, господи, кто б мог подумать,

Что нас такое счастье посетит!

Не снилось и во сне, что с пробуждением

Готовится нам этакая честь.

Вальтер

Я раньше времени являюсь, знаю.

В таких разъездах рад уж и тому,

Когда иной случайный твой хозяин

Тебя добром помянет, проводив.

Что до меня, до моего привета,

Я искренне желаю вам добра.

Утрехтский трибунал решил внести

По областям в их судопроизводство

Ряд улучшений, вследствие его

Негодности во многих отношениях.

Но строгое внушенье ожидает

Того, кто власть во зло употребил.

На мне лежит лишь доля всей работы:

Досматривать, отнюдь же не карать.

Когда я нахожу не все в порядке,

Простительным — и тем доволен я.

Адам

Поистине, намеренья — похвальны.

Быть может, вашу милость здесь и там

Не удовлетворит иной обычай;

Пускай он с Карла Пятого[23] введен,

Но и доселе в Нидерландах крепок.

Чего не выдумаешь на досуге!

Мир, говорят, час от часу умнеет.

Чуть что не всяк читает Пуффендорфа[24].

Но Гейзум — небольшая часть вселенной.

И на него приходится лишь часть

Всей мудрости, наверно, небольшая.

Явите милость, сударь, просветите

И наше правосудье. Верьте слову,

Вам стоит спину повернуть к нему,

Чтобы остаться им вполне довольным.

Но нынче это было б просто чудом:

Оно застигнуто на всем ходу,

И от него желанья ваши скрыты.

Вальтер

Инструкций нет, вы правы, иль, верней, —

Их тьма, но все нуждаются в отборе.

Адам

Сквозь сито! Высевок не оберешься.

Вальтер

А это кто же, писарь?

Лихт

Писарь Лихт.

К услугам вашей милости готовый,
О тройцу девять лет, как я на службе.

Адам

(подает стул)

Прошу.

Вальтер

Оставьте.

Адам

Вы пешком из Голлы.

Вальтер

Двух миль ведь нет. — Откуда вам известно?

Адам

Осмелюсь предложить свои услуги.

Лихт

Крестьянин был из Голлы, — рассказал.

Вальтер

Крестьянин?

Адам

Я прошу — присядьте.

Вальтер

Да.

Там вышло неприятностей немало,

Они лишили бодрости меня,

Пособницы моей во всяком деле.

Кажись, уже осведомлены вы?

Адам

Неужто, ваша милость, это правда,

Что Пфуль, судья, глубоко потрясенный

Своим арестом, будто бы пытался

Повеситься?

Вальтер

Чем зло и довершил:

Что раньше мы почли бы опущеньем,
Должно принять всю видимость растраты.
Ну, а закон за это не щадит.
Да, сколько касс за вами?

Адам

Пять.

Вальтер

Откуда ж?

Я думал, что четыре.

Адам

Виноват,

Всех? Вместе с кассой сборов по борьбе

С разливом Рейна?

Вальтер

По борьбе с разливом?

Но Рейн-то ведь еще не разлился,

А посему откуда же быть взносам?

У вас присутствие, скажите, не сегодня?

Адам

Сегодня.

Вальтер

Что?

Лихт

Да, первое в неделе.

Вальтер

А та толпа народу, что у вас

Я встретил на дворе, наверно...

Адам

Это...

Лихт

Просители, они давно уж в сборе.

Вальтер

Счастлирое стечение обстоятельств.

Я попрошу ввести их, господа.

Занятно мне, как принято у вас

В поселке разбирательство вести.

А к пересмотру касс и сельских актов

Приступим по решенье этих дел.

Адам

Как вам угодно. — Эй, хозяин! Ганфрид!

Явление пятое

Те же. Входит вторая служанка.

Вторая служанка

От кистерши поклон судье Адаму.

Как ей ни жаль, но парика...

Адам

Не даст?

Вторая служанка

Обедня нынче с проповедью длинной,

Один парик на кистере надет,

Другой, сказала, вовсе не годится,

Его в цирюльню нынче отнесут.

Адам

Проклятье!

Вторая служанка

А вернется муж из церкви,

Она пришлет вам кистеров парик.

Адам

Вот, сударь, наказание!

Вальтер

Что случилось?

Адам

Подумайте, иметь два парика

И невзначай обоих их лишиться.

Послать занять — и третий упустить.

Теперь изволь судить с такой плешинной.

Вальтер

С плешинной?

Адам

Да. Я с панталыку сбит.

Нельзя без парика. Парик — поддержка

Достоинству судьи. — Блеснула мысль!

Не попытаться ли послать на хутор?

Не даст ли арендатор?

Вальтер

Арендатор?

Неужто ж ближе хутора нельзя?

Адам

Да кто же даст?

Вальтер

Не знаю. Пастор.

Адам

Пастор?

Ни в жизнь не даст.

Вальтер

Или учитель.

Адам

Что вы!

С тех пор как отменили десятину,

Чему и я способствовал, как мог,

Не мне рассчитывать на их услуги.

Вальтер

Ну, господин судья, как с заседанием?

Не роста же волос нам дожидаться!

Адам

Да, если можно, я пошлю на хутор.

Вальтер

А сколько будет до него?

Адам

Пустяк.

Не больше получаса.

Вальтер

Получаса!

Час заседания, однако, пробил.

За дело. Мне сегодня выезжать.

Адам

Легко сказать...

Вальтер

Обсыпьте пудрой плешь.

Черт разберет, где ваши парики.

Я тороплюсь. Вывертывайтесь сами.

Адам

И правда.

Хожалый

(входит)

Здесь хожалый.

Адам

А пока

Отведайте брауншвейгской колбасы,

Стаканчик данцигской...

Вальтер

Благодарю вас.

Адам

Не церемоньтесь.

Вальтер

Ел уже, спасибо.

Пройдитесь-ка тем временем, что я

Кой-что отмечу у себя в тетради.

Адам

Как вам угодно. Выйдем, Маргарита.

Вальтер

Вы знатно изувечены, судья.

Упали, что ль?

Адам

Да, господин советник.

С кровати на пол прыгнул поутру,

Да до могилы чуть и не допрыгнул.

Вальтер

Мне очень жаль. Надеюсь, без последствий?

Адам

Да. Без ущерба службе. Разрешите?

Вальтер

Ступайте.

Адам

(хозяину)

Марш. Просителей зови.

Адам, служанка и хозяин уходят.

Явление шестое

Марта ,

Ева ,

Фейт

и

Рупрехт

входят.

Вальтер

и

Лихт

в глубине сцены.

Марта

Я покажу вам, как посуду бить!

Я покажу вам!

Фейт

Ладно, успокойся,

Кума, тут живо все меж нас решат.

Марта

Решат! Вот диво-то! У, пустомеля!

Чего решать-то, коль уж порешен

Кувшин мой? Ишь решат! Уж тут решат,

Что, мол, судьба кувшина ей решиться.

Да я и черепка решенного не дам

За это за решенье. Ишь решат-то!

Фейт

Не слышишь, что ли! Окажись ты правой,

Так я ни перед чем не постою.

Марта

«Ты только, дескать, окажись правой,

А я не постою». Чего стоять-то?

Кувшин-от не стоит! Поставь-ка мне

На поставец его! «Не постою, мол».

Кувшин без бока и без дна. Ни стать,

Ни лечь ему. — Поставь! А что стоять-то?

Фейт

Вот ненасытная! Пошла шипеть.

Коль мы виной тому, что ты в убытке, —

Получишь все сполна.

Марта

«Сполна»! Спросить

Козла на скотном. Тоже надоумит!

«Сполна»! Что суд, по-твоему, — гончарня?

Да если б сами стряпчие в печи

Посуду заново обжечь хотели,

Настряпали б скорей чего в кувшин,

Чем новый мне кувшин могли состряпать.

Рупрехт

Не тронь ее, отец. Пойдем. У, язва!

Не о кувшине в черепках небось,

Ее грызет, что выданье разбилось.

Вот и хлопчет силой починить.

Да нет, шалишь! Я в дураки не дамся.

Подохну, а гулящей не возьму.

Марта

Куда суешься! Только мне и дела,

Что свадьба? Да за цельную ту свадьбу

И одного не дам я черепка!

Стой тут та свадьба да горн, как жар,

Как мой кувшнн горел на поставце,

Так свадьбу ту, за ручку ухватив,

Об лоб твой вдребезги б ее расшибла.

А он — «осколки свадьбы, дескать, клеит».

Чего клеить-то?

Ева

Рупрехт!

Рупрехт

Прочь.

Ева

Родимый!

Рупрехт

Прочь! С глаз моих долой!

Ева

Побойся бога!

Рупрехт

Беспутная! Срам выговорить что!

Ева

Позволь, шепну словечко я.

Рупрехт

Не надо.

Ева

Ты, почитай, в солдаты уж забрит.

Кто знает, свидимся ль еще на свете,

Как знать, воротисься ль живой назад.

Война! Смотри, угонят на войну.

Что попусту серчать-то на прощанье?

Рупрехт

Серчать? Помилуй бог! Серчать не стану.

Пошли тебе господь своих щедрот,

Здоровья вволюшку. Но воротись я

С войны здоров и крепок, по восьмой

Десяток доживи, то и у гроба

Не отступлюсь. Прослыть тебе гулящей.

Сама же пред судом все подтвердишь.

Марта

Что, дочь, не говорила я? Капрал —

Вот это пара. Инвалид почтенный.

Сам с палкою в руках ходил, не то

Что этот вот разиня, что под палку

Подставит спину. Нынче, говорит,

Помолвка, свадьба; были б и крестины.

Мне все едино, пусть и погребенье б,

Да только бы мне сбить спесивцу гребень!

Кувшин-то мой, а он распетушился.

Ева

Дался кувшин вам, маменька! Да бог с ним.

Хотите в город сбегаю — спрошу,

Скрепить куски горшечник не возьметесь ль.

А коль на то пошло, так справьте новый.

Я собственную кружку растрясу.

И кто бы стал такую бить тревогу

Из-за посуды глиняной, кувшина,

Будь он древнее Иродова царства.

Марта

Что ж, по уму и речь. Знать, хочешь, дочка,

Со «скрипкой»[25] прогуляться в воскресенье

И в церкви покаянье принести?

Я честь твою в кувшине схоронила.

Он вместе с ней не просто сокрушен,

Не господом, не мной и не тобою.

Судья — горшечник мой, колодка — скрепа.

А чтобы честь в огне нам обелить

И заново кувшин покрыть глазурью,

И на костер не вредно б негодяев!

Явление седьмое

Те же.

Входит

Адам

в судейском наряде, без парика.

Адам

(про себя)

Вот диво! Евушка! И чертов Рупрехт

Туда же. Да, никак, и вся родня?

Не с жалобой на меня ко мне ли?

Ева

Ах, маменька, Христом прошу, вернемся,

Быть худу в этих, маменька, стенах.

Адам

Кум! С чем, кажись бы, им ко мне являться?

Лихт

Почем мне знать? Наверно, просто бабий

Переполох. Кувшин разбили, слышно.

Адам

Кувшин? Ой, ой! А кто разбил кувшин?

Лихт

Кувшин разбил?

Адам

Да, куманек, разбил кто?

Лихт

Садитесь. Так узнаете скорей.

Адам

(тайком)

Евок!

Ева

(так же)

Отстаньте.

Адам

Дай сказать.

Ева

Не надо.

Адам

Зачем пришли вы?

Ева

Сказано, отстаньте!

Адам

Слышь, Евушка, что значит это все?

Ева

Коль тотчас не отвяжетесь... Отстаньте ж!

Адам

(Лихту)

Кум, мочи нет. Не выдержать, ей-ей,

Болячка на ноге горит, ой, тошно.

Веди вы дело, я бы лег в постель.

Лихт

В постель?... Сейчас? Вы бредите как будто.

Адам

Кой черт. Тошнит. Того гляди, и вырвет.

Лихт

Вы бредите? Войти за миг пред тем...

Что до меня, советника спросите.

Отпустит — ладно. Я вас не держу.

Адам

(Еве)

Молю тебя ценою всех увечий.

Зачем вы здесь?

Ева

Узнаете сейчас.

Адам

Неужто же один кувшин причиной.

Который я как будто...

Ева

Только он.

Адам

А больше ничего?

Ева

Да нет.

Адам

Наверно?

Ева

Сказала, отвяжитесь. Ничего.

Адам

Послушайся разумного совета.

Ева

Бесстыжий вы!

Адам

В свидетельстве, уставом

И черным по белу, твой Рупрехт Тюмпель.

Вот слышишь, как хрустит? Оно и есть.

Давно в кармане у меня. Через год

Зайди за ним да траур сшей себе,

Чтобы с почетом встретить весть, что Рупрехт

В Батавии[26] подох от лихорадки,

От желтой, нет ли — черт их разберет.

Вальтер

Нельзя беседовать со сторонами

До заседания, господин судья.

Садитесь тут, чтоб допросить их.

Адам

Что вы?

Не слышу. Что прикажете, советник?

Вальтер

Что прикажу? Ведь я сказал вам ясно,

Чтоб не вели двусмысленных бесед

Со сторонами перед заседанием.

Вот место, вам присущее по званию.

Теперь к допросу. Я его заждался.

Адам

(про себя)

Тьфу, пропасть! Нет решимости на это.

Как уходить, упало что-то вслед.

Лихт

(невзначай)

Судья, да вы не...

Адам

(перепугавшись)

Я? Ей-богу, нет!

Со всею бережностью я его повесил,

И надо быть медведем...

Лихт

Что?

Адам

Простите...

Лихт

Сдается мне...

Адам

Что я?

Лихт

Что вы оглохли.

Не слышите? Советник вас зовет.

Адам

Я думал... Кто зовет?

Лихт

Зовет советник.

Адам

(про себя)

Чем черт не шутит! Не добром, так силой.

Ну, с богом! Либо пан, либо пропал.

Сейчас! Сейчас! К услугам вашим, сударь,

Угодно ль вам сейчас процесс начать?

Вальтер

Рассеянны на редкость вы. Что с вами?

Адам

Простите. У цесарки — мне ее

Моряк один из Индии привез —

Типун. Ее б кормить лапшой, да где мне!

Вот я спросил у девушки совета.

Я сам не смыслю в этом ничего,

А кур своих зову детьми родными.

Вальтер

Садитесь. Надо выслушать истца.

Вы ж, писарь, протокол суда ведите.

Адам

Угодно ль вашей милости процесс

С формальностями, или, может, так,

Как в Гейзуме заведено, направить?

Вальтер

С законными формальностями, так,

Как принято здесь, в Гейзуме. А как же?

Адам

Прекрасно. Постараюсь угодить вам.

Готовы, писарь?

Лихт

Да, к услугам вашим.

Адам

Свои врата открой, о правосудье!

Истцы, вперед!

Марта

Здесь, господин судья.

Адам

Вы кто такая?

Марта

Кто?

Адам

Вы.

Марта

Я кто?

Адам

Кто вы?

По имени, по званию и так дальше.

Марта

Вы шутите, судья?

Адам

Что тут за шутки!

Я здесь во имя правосудья, Марта,
И правосудью нужно ваше имя.

Лихт
(вполголоса)
Нелепые расспросы!

Марта
Что ни праздник,
Не вы ль коситесь на мое окно,
Идя на хутор?

Вальтер
Вам она знакома?

Адам
К ней, сударь, за угол. Там будет тропка,
Да тут же за кустарником и дом.
Была за кастеляном, ныне ж бабка,
Честна и не замечена ни в чем.

Вальтер
Коль вы осведомлены так, судья,
Подобные расспросы не излишни ль?
Поставьте имя бабки в протокол

И сбоку: «лично ведомству известна».

Адам

И то. Вы не сторонник формализма.

Пишите, как советник приказал.

Вальтер

Теперь спросите о предмете тяжбы.

Адам

Я должен...

Вальтер

Да, установить предмет.

Адам

Да это тот же все кувшин.

Вальтер

Как «тот же»?

Адам

Ей-ей, кувшин. Пишите же: «кувшин»,

И сбоку: «лично ведомству известен».

Лихт

Как я дерзнул уже предположить,

Вы, господин судья...

Адам

Сказал, пишите.

Слышь, Марта, нешто это не кувшин?

Марта

Ну да, кувшин.

Адам

Что, слышали?

Марта

Разбитый.

Адам

Точна до педантизма.

Лихт

Но позвольте ж...

Адам

Кувшин-то кто разбил? Знать, тот повеса?

Марта

Кому ж еще!

Адам

(про себя)

Мне большего не надо.

Рупрехт

Нет, господин судья!

Адам

(про себя)

Адам, воскресни.

Рупрехт

Врет, в петлю норовит!

Адам

Молчать, разиня!

Про петлю брось, сам скоро угодишь.

Как сказано, «кувшин» проставьте, писарь,

Совместно с именем разбившего кувшин.

Сейчас, пожалуй, все и установим.

Вальтер

Судья, что за насильственный прием?

Адам

Зачем?

Лихт

Начнете ль вы по форме?

Адам

Нет же.

Советник сам — противник лишних форм.

Вальтер

Не место здесь вас обучать тому,

Как применять на деле распорядок,

Для судопроизводства заведенный.

Но если вам лишь свой прием доступен,

Пожалуйста: вас писарь заместит.

Адам

Позвольте. В Гейзуме таков обычай,

И вы изволили так приказать.

Вальтер

Как, я?..

Адам

По совести.

Вальтер

Я приказал вам

Судебные дела вести законно,

А в Гейзуме, так думалось мне,

Законы те же, что и всюду в Штатах.[27]

Адам

Тогда покорнейше прошу прощенья.

Тут, с позволенья вашего, у нас

Имеются свои установленья,

Не писанные, соглашусь, но все же

Завещанные внукам стариною.

От этих форм, надеюсь, ни на шаг

И по сю пору я не уклонился.

Что до иных, до ваших форм, то я
И в них, как в этих, опытен и сведущ.
Хотите доказательств? Прикажите.
Я так и сяк умею суд чинить.

Вальтер

Вы мне внушаете дурное мнение,
Да что уж там, сначала все начнем.

Адам

Спасибо сами скажете, ей-богу.
Истица Марта Рулль, за вами слово.

Марта

Известно, на разбившего кувшин
Прошу суда.

Адам

За вами слово, Марта.

Марта

Вот, судьи досточтимые, кувшин.
Вы видите?

Адам

Мы видим.

Марта

Ничего.

Не видите. А видите осколки!

Кувшин, кувшинам всем кувшин, — расколот.[28]

Здесь вот дыра, а ведь на этом месте

Сданы были испанскому Филиппу

Все, полностью, уделы Нидерландов.[29]

Здесь, в облачении, стоял Карл Пятый,

Вот тут стопы его еще стоят.

Здесь, преклонясь, помазан был Филипп.

Остался он всего по поясницу,

Да и ее пинком не обошли.

А здесь его растроганные тетки,

Венгерская с французской королевой,

Слезинки утирали. У одной

Платок в руке висеть так и остался,

Оплакивает, зная, сама себя.

Здесь, опершись на шпагу, Филиберт,

Кого сам император спас от шпаги,

Стоял среди свиты. Но пришлось упасть

С Максимилианом и ему, пострелу.

Вот тут внизу мечи совсем отбиты.

А здесь, посереде, в священной митре

Архиепископ arrasский стоял,

Да в преисподнюю и провалился,

Но тень его еще лежит на плитах.

А здесь, кругом, стояли в глубине
При алебардах с копьями драбанты.
А вот дома вокруг брюссельского рынка;
Еще глядит в оконце любопытный,
Да что сейчас он видит, не пойму.

Адам

Увольте. Ваш распавшийся союз
До дела не касается нисколько.
Дыра — вот в ней и суть. А не в уделах,
Которые сданы были на ней.

Марта

А сколь красив кувшин, — ужель не к делу?
Сперва он стал добычей Хильдерика,
Котельника, когда с отрядом гезов
Орания на Бриль обрушилась врасплох.[30]
Края вином сровняв, хотел испанец
Ко рту поднести кувшин, да Хильдерик
Шел мимо, сзади повалил испанца,
Взял, осушил кувшин и далé шел.

Адам

Достойный гез.

Марта

Потом за милу душу

Достался он могильщику в наследье.

Он трезвенник; пил только три раз?,

И то водой разбавив, из кувшина.

Впервые — лет под шестьдесят, молодку

В свой дом приведши. Года три спустя, —

Отцом счастливым став через нее.

Когда ж еще пятнадцать народилось,

Он в третий выпил, на ее поминках.

Адам

И этот не дурак.

Марта

Потом попал он

К Захею, тирлемонтскому портному[31],

Вот что случилось, со слов его —

Покойник муж мне сказывал. В годину

Француза[32] бросил будто бы портной

Кувшин со всею утварью в окошко,

И сам туда ж, да шею и сломал, —

Дороден был, а глиняный кувшин

Стал ст?йма — вот какой, и цел остался.

Адам

Опять? О деле, Марта Рулль! О деле!

Марта

А при пожаре в шестьдесят шестом

Теперь уж муж мой, царствие ему...

Адам

Не баба — черт! Иль всласть не наболталась?

Марта

Коль не для слова, господин судья,

Тогда на что ж я здесь? Так я пойду

Искать себе суда, где станут слушать.

Вальтер

Вы властны говорить, но не о вещи,

Вне жалобы лежащей. Заявите,

Что тот кувшин вам дорог. Для суда

Достаточно такого заявления.

Марта

В чем вы нуждаетесь, чтобы судить,

Почем мне знать? И знать-то нет охоты.

Но знаю я — чтоб жаловаться, надо

Быть вправе объяснить суду, на что.

Вальтер

Пускай. Кончайте. Что же случилось с ним?

А? При пожаре в шестьдесят шестом

Что случилось с ним?

Марта

Что с кувшином случилось?

Да ничего с ним, господи прости,

С кувшином, в шестьдесят шестом не случилось.

Да. И в огне остался цел кувшин.

Чем свет нашла его я в грудe пепла.

Как новенький, блистал поливой, будто

Сейчас из печки вынут гончаром.

Вальтер

Так. Вот мы и знакомы с ним. И знаем,

Что случилось с кувшином тем, что — нет.

Что ж дальше?

Марта

Дальше? Дальше мой кувшин,

Что и в осколках не чета другому,

Кувшин для губок девичьих; под стать

Самой штатгальтерше,[33] такой кувшин,

Такой, высокочтимые вы судьи,

Кувшин разбойник этот расколел.

Адам

Кто?

Марта

Рупрехт.

Рупрехт

Господин судья, не верьте!

Вранье!

Адам

Молчать, покамест не спросили.

Небось дойдет черед и до тебя.

Вписали это в протокол?

Лихт

Еще бы!

Адам

Сударыня, ход дела изложите.

Марта

Вчера, в одиннадцать часов...

Адам

Когда?

Марта

В одиннадцать.

Адам

Утра?

Марта

Нет, сударь, ночи.

Ложусь, хотела лампу потушить,

Как вдруг в испуге слышу я, в дочерней

Каморке, крайней в доме, шум, сполох,

Мужские голоса, — ин враг вломился.

Спешу я вниз по лестнице и вижу —

Дверь взломана, а из каморки ругань

Доносится и крики: «Стой! — кричу. —

Стой! Дай-ка, посвечу себе с порога!»

Что ж вижу тут я, судари мои?

Кувшин расколот, вижу, на куски.

Та вот ломает руки, а разбойник

Середь каморки стал — не подступись.

Адам

Нелегкая!

Марта

Как?

Адам

Во как, Марта!

Марта

Да.

Ну, чую я, как будто рук с десяток

Повыросло с досады у меня,

И каждая — что коршунова лапа.

С него ответа требую, какого

Рожна он тут о полночь не видал.

И что ж в ответ он мне тут, догадайтесь?

Разбойник этакий! Бесстыжие глаза!

Я сна спокойного решусь, доколе

Озорника на дыбе не увижу.

Он говорит, другой-де с поставца

Свалил кувшин, другой — каков? — который

Вперед его из спальни улизнул,

И осыпает руганью девчонку.

Адам

Вот враки! Дальше.

Марта

При таких словах

Пытаю девку взглядом. Та стоит,

Бледна, хоть в гроб клади; я молвлю: «Ева!»

Садится. «Был другой кто?» Жду, ответит.

Та как взревет: «Пречистая, да что вы,

Грешно вам, маменька!» — «Так кто ж тогда?»

«Кому ж еще? Да мог ли кто другой?» —

Она в ответ; и божится, что Рупрехт.

Ева

Когда божилась я? Когда божилась?

Неправда!

Марта

Ева!

Ева

Выдумки одни.

Рупрехт

Слыхали?

Адам

Окаянный пес, молчи!

Иль глотку кулаком тебе заткнем.

Придет и твой черед, да не пришел вот.

Марта

Ты не клялась?

Ева

Нет, маменька, поклеп.

Душа болит на людях оглашать,

Да что ж — судьба. Ни в чем я не божилась,

Ни в чем, ни в чем пред вами не клялась.

Адам

Что малые ребята.

Лихт

Это странно.

Марта

Так, стало, ты ни в чем не заверяла?

Пречистой от меня не ограждалась?

Ева

Ей-богу, нет. Вот побожусь, когда
К пречистой воззову, что нет, неправда.

Адам

Стой! — Ай да тетка Марта! Не годится
Стращать послушное свое дитя.
Дай девушке одуматься — и вспомнит,
Как было все, — я говорю, как было.
О том, что будет, коль она не скажет
Положенного, — это сказ другой,
Пречистую ж советую не трогать.

Вальтер

Нет, полноте, судья! Кто сторонам
Дерзнет давать такие указанья?

Марта

Коль этой девке подлой не зазорно
В одно твердить, в глаза мне, что другой,
Что то не Рупрехт был, так быть ей, девке, —
Язык не повернется молвить чем.
Что до меня, то хоть не побожуся,
Что подлинно клялась, мол, но ручаюсь,
Что то слова вчерашние ее, —
Пречистую на этом призываю.

Адам

Да, девушка сама готова...

Вальтер

Сударь!

Адам

Что, ваша милость? Как? Не правда ль, Ева?

Марта

Сознайся-ка. Не говорила, что ли?

Не говорила мне вчера? Не говорила?

Ева

Кто ж спорит, — сказывала.

Адам

Вот вам.

Рупрехт

Гулящая!

Адам

Впишите.

Фейт

Срам какой!

Вальтер

О вашем поведении, судья,

Не знаю, что и думать. Расколи вы

Кувшин тот сами, вряд ли стали б вы

Усердней подозрение с себя

На парня сваливать, чем в этом деле.

Вы занесете в протокол одно

Ее сознание в сделанном вчера

Признании, — отнюдь не в факте, писарь.

Да разве уж за девушкой черед?

Адам

Пусть не за ней черед; в таких вещах

Запутается всякий, ваша милость.

Кого спросить? Ответчика поди?

Уж не его ль? Обяжете советом.

Вальтер

Ответчика, конечно. Вот развязность!

Допрашивайте, говорю; кончайте.

Смотрите. То последний ваш процесс.

Адам

Последний? Как? Ответчика. Конечно!

Кого ж ты думал, старый ты судья?

Будь проклята цесарка с типуном.

Уж лучше б мор ее побрал индейский.

Все катышек лапшовый на уме.

Вальтер

Что? Катыш на уме? Какой?

Адам

Лапшовый.

Простите, — курице от типуна,

Да только б дрянь тот катыш проглотила,

А то не знаю просто, как и быть.

Вальтер

Черт побери! Возьметесь вы за дело?

Адам

Ответчик, подойдите.

Рупрехт

Здесь, судья.

Сын Фейтов Рупрехт, гейзумский половник.

Адам

Слыхал, что показала тетка Марта

Перед судом почтенным на тебя?

Рупрехт

Да, сударь, слышал.

Адам

Сознаешься, что ли?

Или осмелишься, как нечестивый

Безбожник, отпираться? Говори.

Рупрехт

Что супротив ее сказать имею,

Так с позволения вашего, судья,

Она и слова правды не сказала.

Адам

И ты готов нам это доказать?

Рупрехт

Еще бы!

Адам

Уважаемая Марта,

Не беспокойтесь, все всплывет наружу.

Вальтер

Что вам за дело, сударь, до вдовы?

Адам

Мне? Боже правый! Просто долг христианский.

Вальтер

Что от себя имеешь ты сказать?

Умеете ль вы, писарь, вести процесс?

Адам

Вот на!

Лихт

Ну, что же, если ваша милость...

Адам

Да что глаза ты пучишь, в самом деле?

Вот остолоп! Уперся, ровно бык.

Имеешь ли сказать что?

Рупрехт

Да, имею.

Вальтер

Порядком все, как было, расскажи.

Рупрехт

Ох, сударь, только б говорить мне дали.

Вальтер

Он прав, судья, ведь дальше так нельзя.

Рупрехт

О десять ночи было, почитай,

И даром, что январь, теплынь такая —

Май месяц. Говорю отцу я: «Тять,

Схожу-кось я еще маленько к Еве».

Сказать должно, мы с ней сговорены.

Крепка девчонка; встретились на жатве.

Спорится, вижу, дело у нее:

Серпом махнет — так локти и мелькают.

Вот я ей: «Хочешь?» — а она мне: «Ох.

Что квохчешь-то?» А после: «Да, хочу», — грит.

Адам

Поближе к делу. Больно расквохтался.

«Что, хочешь? — грю. Она ж мне «да» в ответ».

Рупрехт

«Да, — говорю я. — Тять, схожу-кось к Еве

Потолковать маленько под окном».

«Что ж, сбегай, грит, да только до крылечка,

Негоже дальше». — «Знаю, не пойду».

«Что ж, грит, беги, в одиннадцать назад».

Адам

Что ж, грю, квохчи, мели, мели без меры.

Всего еще не намолол, знать?

Рупрехт

Что ж,

Дал слово, ладно, — шапку на затылок.

Пошел уж было на мосток, да надо

Деревней ворочаться, речка вздулась.

Эх, Рупрехт, думаю, вот наказание!

Небось у Марты дверь уж на запоре.
До десяти лишь девка на свободе.
Поздней прийти — и вовсе не попасть.

Адам

Нелепые порядки.

Вальтер

Что же дальше?

Рупрехт

Ну вот, осталось липы мне пройти,
Где чаще сень. От этих лип у Марты
И в полдень — чисто в Утрехтском соборе.
Чу, издавеча скрипнула калитка.
Глядь, Ева. Не ложилась, знать, еще.
Не обознался. Ева, душегрейка
Ее. Да не одна, а с кем-то вместе.

Адам

Как? С кем еще? Ну, с кем, отгадчик, с кем же?

Рупрехт

Почем мне знать? Спросили тоже.

Адам

То-то!

Что петлю ладить, вора не поймав?

Вальтер

Ну? Дальше что? — Судья, оставьте, право.

Зачем вы прерываете его?

Рупрехт

Причастия на том бы я не принял,

Где разглядеть, ночь темная, ни зги...

Да надо вам сказать, сапожник Лебрехт,

Который призывался и уволен,

Давно за девкой по следу таскался,

Еще в ту осень. «Слушай, говорю,

Не потерплю, чтоб леший волочился.

Скажи ему, что кус-де не по нем.

Не я, коль не спущу его с приступок».

«Ревнивец», — крик, а Лебрехту — шу-шу,

Да так, ни то ни се, ни путь, ни дело.

Пришлось детине горб наkostenять.

Адам

Так Лебрехтом звать парня?

Рупрехт

Лебрехт.

Адам

Ладно.

Запишем — Лебрехт. Все всплывет наружу.

(Лихту.)

Отмечено ли это в протоколе?

Лихт

О да, и многое другое, сударь.

Адам

Ну, сын мой, рассказывай.

Рупрехт

При этой встрече

В одиннадцать — я ж позже десяти

Не хаживал — подплыло кровью сердце.

Стой, думаю, еще не время, Рупрехт,

Рога олени возвращать тебе:

Ощупай лоб, уж не рогат ли? Что-то

Мерещатся откуда-то рога.

Вот крадучись я шмыг через калитку

И схоронился в тисовых кустах.

Что милованья было там, что шуток,

Возни что было, сударь, что возни!

От зависти едва я не...

Ева

Злодей!

Что мелешь! Грех тебе.

Марта

Смотри, разбойник!

Вот с глазу на глаз попадись мне, — зубы

Пересчитаю я тебе! Не знаешь,

Где у меня зудит, так вот узнаешь!

Рупрехт

И долго, долго шла у них возня.

Что ж будет, думаю, не свадьба ж ныне?

Да только это я подумал, глядь,

Уж оба в дом, венчанья не дождавшись.

Ева

Пусть, маменька, его, пусть. Будь что будет.

Адам

Молчала б лучше! Громом разрази
Тебя, непрошенная ты болтунья!
Молчи да жди, покамест не спросили.

Вальтер

Уму непостижимо!

Рупрехт

Слышу, сударь,
Кровь будто к глотке подступает. Тошно.
Тут пуговка с жилетки, — тошно, сударь.
Тут я по шву жилетку: тошно мне.
Да встал, иду, а дверь-то на задвижке.
Ну что ж, я жать-пожать, да понапер,
Да буйно так, — и вышиб дверь с засовом.

Адам

Пострел тебя!

Рупрехт

И дверь не отгремела,
Ан с поставца кувшин уж и кувырк
Да об землю. Да кто-то прыг в окошко.
Мелькнули фалды, только и видал.

Адам

То Лебрехт был?

Рупрехт

Кому ж еще быть, сударь?

Я девку с ног валю, бегу к окошку.

Вон греховодник, вон он на тычке,

На колышке повис на виноградном.

Да надо быть на грех дверной скобе —

В руках осталась. Тут единым махом

Его я по башке скобою в фунт.

Иного места не достать бы, сударь.

Адам

Скобою!

Рупрехт

Что?

Адам

Скобой?

Рупрехт

Ну да, дверною.

Адам

Так вот что!

Лихт

Что ж вы думали, что шпагой?

Адам

Что шпагой? Почему же?

Лихт

Бог ты мой!

Ведь можно и ослышаться. Скоба

Во многом ведь напоминает шпагу.

Адам

Подумаешь!

Лихт

А что ж? Хотя бы ручкой.

Адам

Как ручкой?

Рупрехт

Ручка? Не было ее.

Ведь это был другой конец засова.

Адам

Так это был другой конец болта!

Лихт

Так. Так.

Рупрехт

Сказать, по правде, со свинчаткой.

Была та ручка впрямь, как рукоять.

Адам

Как рукоять?

Лихт

Как рукоять у шпаги.

Что там ни будь, а злостное оружие

Скрывается за всем. Я так и знал.

Вальтер

Нет, господа, нельзя так! К делу! К делу!

Адам

Вы все о постороннем, писарь.

(Рупрехту.)

Дальше.

Рупрехт

Тут он — ничком. Я было отвернулся.

В потемках, вижу, копошится все.

«Да ты ведь жив!» Взбираюсь на окошко.

Уж прыгать изловчился, сударь мой,

Тут пригоршней песку глаза ожгло мне.

Адам

Провал его... Кто ж это сделал?

Рупрехт

Лебрехт.

Адам

Разбойник!

Рупрехт

Верно слово, коли он.

Адам

А кто ж еще?

Рупрехт

Меня б не шибче градом

Смело с откоса в десять сажений,

Как в комнату я сверзился с окошка.

Дивлюсь тому, как пол не провалился,

Как шеи не свихнул себе, крестца,

Как бедер не сломал тогда я об пол,

Меж тем того уж не заполучить.

Вот я сажусь, глазища протираю,

Та — тут как тут, да «господи», да «Рупрехт»,

Да «что с тобой, дружок». Я ногу поднял,

Спасибо, не видал, куда пихнул.

Адам

Не от песку ли?

Рупрехт

От песку, вестимо.

Адам

Попал-таки!

Рупрехт

Так вот, встаю я, значит.

Взойди тут тетка в горенку с огнем.

Ну, дальше вам известно.

Адам

Как известно?

Рупрехт

Тут входит тетка. Взлаялась. И Ральф,

Сосед, пришел, да Гинц, сосед, за ними

И тетка Зузе с теткой Лизой, девки

И батраки, да псов, да кошек что

За ними приплелось! Потеха! Марта ж

Изводит девку, кто кувшин разбил.

А та ей: «Он, мол», — значит, я, — и правда:

Не в шутку голову сложил кувшин,

Что по воду повадился к ней шляться,

Коль у сапожника башка пробита.

Адам

Что возразите вы на это, Марта?

Вываливайте.

Марта

Что я возражу?

Вот, сударь, что. Что парень правду режет.

Да только так, как курку режет хорь.

Адам

Мы доказательств требуем от вас.

Марта

Охотно. Вот свидетельница. Ну-ка.

Адам

Чтоб дочь? Нет, тетка Марта.

Вальтер

Почему же?

Адам

В свидетельницы, сударь? А в законе,

В статье четвертой, что ли, или пятой:

«Коль скоро парень разобьет кувшин

И все такое, то за матерей

Свидетельствовать дочери не могут».

Вальтер

У вас смешались в голове вкрутую
Познания с незнанием, как в квашне,
Что ни ломоть — и то в нем и другое.
Нам не свидетельство, нам показанье
Покамест нужно. Выясним затем,
В чем, за кого свидетельствовать ей.

Адам

Да, показанье. Так. Статья шестая.
Однако веры нет ее словам.

Вальтер

Пожалуй-ка сюда, дитя.

Адам

Дозвольте.
Язык отсох совсем. Эй, Маргарита!

Явление восьмое

Те же.

Входит

служанка .

Адам

Воды стакан!

Служанка

Сейчас.

(Уходит)

Адам

Вам не угодно ль?

Вальтер

Спасибо.

Адам

Водки? Мозелю? На вкус.

Вальтер

отказывается.

Служанка

подает воду и удаляется.

Явление девятое

Те же,
без служанки.

Адам

Сказать вам откровенно, ваша милость,
Все дело можно кончить мировой.

Вальтер

Неясно, сударь, мне, как то возможно.

Разумные, бывает, и мирятся.

Но вы-то как поспели с мировой,

Когда процесс еще и не разобран?

И как возьметесь вы за это? Разве

Вы к мненью твердому уже пришли?

Адам

Когда б, лишившись помощи закона,

Я к философии прибегнул здесь.

То это — Лебрехт.

Вальтер

Кто?

Адам

А может, Рупрехт,

Вальтер

Но кто ж из двух?

Адам

Вернее, Лебрехт все ж.

Вальтер

Так кто ж в итоге — Лебрехт или Рупрехт?

Видать, для вас решенье принимать,

Что руку запускать в мешок с горохом.

Адам

Как так?

Вальтер

Ни слова больше!

Адам

Как угодно.

Что до меня, мне, право, все едино,

Хотя б и оба провинились в том.

Вальтер

Спросите их — узнаете.

Адам

Извольте,

Но голову секите, коль чего

Доищетесь. Готов ли протокол?

Лихт

Вполне.

Адам

Добро.

Лихт

Я начал новый лист

Из любопытства: чем его заполнят.

Адам

Добро и это.

Вальтер

Сказывай, дитя.

Адам

Слышь, Евушка, слышь, сказывай, красотка.

Дай господу и нам отведать правды.

Подумай — ты пред божеским судом.

Негоже пред судьейю заператься

И докучать сторонней болтовней.

Да что, ты девка и сама не промах.

Судья всегда, ты знаешь ли, судья,

Сегодня одному, другому — завтра.

Скажи ты: это Лебрехт был — добро;

Скажи, что Рупрехт, — пусть, добро и это.

Скажи ты так иль сяк скажи, и все

Раскроется по твоему желанью.

Залопочи ж ты тут о ком другом

Да третьего по имени припомни —

Остерегись! А больше я ни слова.

Кой черт! Тебе тут, в Гейзуме, никто,

Никто и в Нидерландах не поверит.

Ты знаешь, стены голые молчат,

А тот сумеет тоже защититься,

И Рупрехта нелегкая возьмет.

Вальтер

Оставили б вы лучше эти речи.

Адам

Вам это непонятно, ваша милость.

Вальтер

Мы вдоволь вас наслушались. К делу.

Адам

По чести, не учен я, ваша милость.

Вам, горожанам, трудно нас понять.

Иная вещь — народ: бьюсь об заклад,

Что девушка смекнула, что мне надо.

Марта

Ну, что стоишь-то? Смело все наружу!

Ева

Ах, маменька!

Марта

Советую тебе!

Рупрехт

Ей-богу, тетка Марта, не легко

С отвагой знаться, если гложет совесть.

Адам

Цыц, стой, да не брыкайся.

Марта

Кто же был-то?

Ева

Спаситель!

Марта

Он, дурак пропащий, он!

Ни дать ни взять блудница! Что же, скажешь,

Спаситель виноват?

Адам

Уймись, Марта!

Зачем напрасно девушку стыдить?

Застрачивать блудницей? Не добьемся

Так ничего. Одумается девка.

Рупрехт

Одумается!

Марта

Сказано, молчи!

Рупрехт

Сапожник-то придет уж ей на память.

Адам

Вот дьявол. Ганфрид! Эй, сюда, хожалый!

Рупрехт

Ну, ну, не стану, сударь мой. Авось

Она для вас и нападет на след мой.

Марта

Слышь, девка, не срами меня на людях.

Я сорок девять с честью прожила,

С шестого мне десятка не меняться ж.

Рожденье, знаешь, — третье февраля.

А нынче первое. Мне спех. Кто был-то?

Адам

Так, Марта, так! Хвалю! Мои слова!

Марта

Отец сказал пред смертью: «Слушай, Марта,
Девчонке мужа путного добудь,
А зашалит да станет потаскушкой,
Дай грош могильщику, пускай опять
Положит на спину меня. Ох, чую,
В гробу перевернуся, бог свидетель».

Адам

Что ж, прав и он.

Марта

А если хочешь, дочка,
Почтить отца и мать по четвертой
По заповеди, так скажи: в светлицу
Сапожника иль третьего кого,
А все не жениха вечер впустила.

Рупрехт

Мне жаль ее. Да бросьте вы кувшин,
Ужо снесу его вам в Утрехт. Лучше б
И вправду я разбил его.

Ева

Стыдись!

Бессовестный, зачем не скажешь: ладно,
Кувшин-то я разбил. Стыдися, Рупрехт,

Что веры не даешь мне в этом деле.
Своей руки тебе не отдала ль я?
Не молвила ли «да», как ты спросил:
«Хошь, Ева, за меня пойти?» Стыдися!
Ты думаешь, сапожника не стоишь?
Да подгляди ты в дверь, что мы вдвоем
Пьем с Лебрехтом из одного кувшина,
Тебе б подумать: «Ева — девка с честью.
И разрешится все во славу ей,
Не на земле, так там, в загробном мире».

Рупрехт

Ей, Евушка, уж больно долго ждать.
Как не поверить в то, что на ладони!

Ева

Положим, это б Лебрехт был; тогда —
Разверзлись подо мной земля — подумай,
Зачем во всем тебе б мне не открыться?
Иная вещь, имей, положим, я
Таиться пред соседями причину,
Зачем и не сказать мне на тебя,
По верности по нашей обоюдной,
Коль надо так. Зачем, скажи, зачем?

Рупрехт

Тьфу, пропасть! На меня вали, согласен,

От скрипки б лишь избавило тебя.

Ева

Неблагодарный ты! Уж погожу я
Ходить со скрипкой. Стоишь ты того,
Чтоб я единым словом обелилась,
Вовек тебе на пагубу.

Вальтер

Итак?

И это слово? Не томи нас доле.
Так, стало, это не был Рупрехт?

Ева

Нет!

Нет, сударь мой, коль сам того он хочет,
Его же ради я о том молчала.
Не бил кувшина глиняного Рупрехт.
И прав, как отпирался.

Марта

Ева, что ты?

Не Рупрехт, значит?

Ева

Нет. А что вчера

Сказала вам, все, маменька, неправда.

Марта

(ставя кувшин на пол)

Я кости сокрушу те!

Ева

Воля ваша.

Вальтер

Сударыня!

Адам

Сюда, хожалый! Взашей

Гоните эту ведьму! Разве спрос

Лишь с Рупрехта во что бы то ни стало?

Светили ль вы ему при этом, что ли?

Девице, думается, лучше знать.

И я не я, коль не был это Лебрехт.

Марта

Так это Лебрехт был? Выходит, Лебрехт?

Адам

Так, значит, Лебрехт, Евушка, красотка?

Ева

Бесстыжий греховодник! Вам ли думать
На Лебрехта?

Вальтер

Что? Девушка, опомнись!

Какая дерзость! Это ль уважение,
Которым ты должна платить судье?

Ева

Какой судья он! Самого б под суд.
Подумаешь, — допрашивает тоже,
А сам всех лучше знает, чья вина.

(Обращаясь к судье.)

Не вы ли Лебрехта вчера с бумагой
Послали в город жеребий тянуть
В комиссии? Тогда зачем же даром
На Лебрехта клепать? Ведь вам известно,
Что в Утрехте он.

Адам

Ну, так кто ж тогда?

Коль то не Лебрехт, черт возьми, не Рупрехт,
Не Лебрехт... Забываешься! Смотри!

Рупрехт

Сказать дозвольте, сударь мой, по правде:

Насчет того вам девушка не врет.

Вчерашний день в восьмом часу утра

Я встретил Лебрехта дорогой в Утрехт,

И на воз коль его не посадили,

Так к ночи десяти часам никак

Не мог он, кривоногий, воротиться.

Знать, третий кто.

Адам

Нашел еще хромого!

Вот дуралей! И в ус себе не дую,

Детина, знай, шагает спрехвала,

И быть мне неотесанным чурбаном,

Когда овчарке среднего размера

Не попотеть, гоняючись за ним.

Вальтер

Подробно, Ева, все нам расскажи.

Адам

Простите, ваша милость, но навряд

Вам девушка на это пригодится.

Вальтер

Не пригодится? Это почему?

Адам

Придурковата. Видите, что с дурью,

Первопричастница, дитя: краснеет

При виде бороды издалека.

Впотьмах откуда прыть у них берется,

Но только день, — запрутся пред судьей.

Вальтер

Вы очень снисходительны, судья

Адам, во всем, касающемся Евы.

Адам

Сказать по правде, господин советник,

Я был приятелем ее отца.

И знаете? Уважим память друга:

Отпустим с миром дочь его домой.

Мы этим долг свой перед ним исполним.

Вальтер

Мне слишком важно, господин судья,
До сущности вопроса их добраться.
Дитя, смелее! Кто разбил кувшин?[34]

Ева

Любезный, досточтимый государь мой,
Не требуйте с меня всего признанья,
Худого не подумайте про то.
Произволенья божьего рука
Уста мои пока мне заграждает.
Что Рупрехт не разбил того кувшина,
Я в этом поклянусь пред алтарем,
Коль будет ваша воля, в остальном же
Вчерашний случай схороню в себе.
И мать не властна спрашивать всей пряжи
С меня за то, что прядь одна — ее,
Хоть и впрялась та прядь во все плетенье.
Я не могу сказать, кто расколол
Кувшин. Я посягнула бы на тайну;
Чужая, к делу не идет она.
Когда-нибудь я ей во всем признаюсь,
Но не в суде, пред всем народом — место,
Где б матери принадлежало право
Отчета требовать с меня.

Адам

По чести,
Такого права нет у ней. Ай, девка,

Не промах! Ей и книги наши в руки.
Ты только дай присягу пред судом,
И отпадут все притязанья тетки.
На это ничего не возразишь.

Вальтер

Сударыня, не побойте ль вы нам
Распутаться?

Марта

Коль, сударь, путным чем
Не ужогу вам, значит, отнялся
И вовсе у меня язык от горя.
Бывает, что пропащий человек,
Чтоб обелиться пред людьми честными,
И ложно присягнет перед судом.
Но мир честной впервые здесь увидит,
Как присягают перед алтарем,
Чтобы потом украсить столб позорный.
Будь то не Рупрехт, заберись другой
Вчера в ее каморку, будь то правда,
Будь мыслимо лишь это, господа,
Я времени не тратила бы даром.
Тогда б на первое обзаведенье
Я стул бы за порог швырнула ей.
«Свет, дитяtko, широк, — сказала б, — найма
Не платят там, твой волос длинен, есть
На чем повеситься, как срок приспеет».

Вальтер

Спокойней, тетка Марта!

Марта

Но коль скоро

И без ее пособья постоять

Могу за правое свое за дело

И веры не теряю в то, что он,

Не кто другой, как он, разбил кувшин мой,

То эти отпирательства меня

На пущие догадки навели:

Наверно, в той ночи иной таится

Злой умысел, а не битье посуды.

Да, сударь, надобно сказать, что Рупрехт

Набору рекрутскому подлежит.

На днях он должен приносить присягу.

Дают, известно, тягу молодые.

Что, если ночью этой он сказал:

«Бежим, не клином свет сошелся, Ева.

А от укладок у тебя ключи?»

Она уперлась малость, я ж вошла:

Не то же ли затеяли бы оба, —

Из мести парень, девка по любви, —

Что и вчера? Все в точку б не сошлось ли?

Рупрехт

Помет вороний! Каркай тоже, дрянь!

Укладки.

Вальтер

Тише!

Ева

Рупрехт дал бы тягу?

Вальтер

Эй, к делу! К делу! О кувшине речь.

Пусть Рупрехт. Доказательств, доказательств!

Марта

Добро же, сударь, докажу сперва,

Что Рупрехт расколол кувшин мой, после ж

Все дома перерою у себя.

Достала б я свидетеля и раньше,

От слова д? слова бы опроверг

Все Рупрехтовы выдумки свидетель,

Да думала, что вызволит и дочь.

Так вот, коль тетку вы его Бригитту

Сейчас благоволили бы позвать,

С меня б и этого довольно было.

При ней от главного бы Рупрехт отказался:

Бригитта их видала в полчаса

Одиннадцатого, прошу заметить.
Был цел еще кувшин, а уж вдвоем
Они шептались. Посудите ж сами,
Как прахом от того от языка
Пошла б вся басня Рупрехта.

Рупрехт
Кто видел?

Фейт
Сестра Бригитта?

Рупрехт
Как, меня да Еву?

Марта
В саду; его да Еву, в половине
Одиннадцатого, за полчаса
До той поры, как, по его словам,
Все сокрушив, он к Еве в дверь вломился,
Шушукались то с лаской, то в сердцах,
И он ее упрашивал о чем-то.

Адам
(про себя)

Тьфу, черт!

Сам дьявол, видно, за меня.

Вальтер

Послать за этой женщиной.

Рупрехт

Неправда!

Вздор, сударь, вздор. Не может быть того.

Адам

Постой, разбойник! Эй, хожалый! Ганфрид!

В бегах народ кувшины-то и бьет!

Ступайте, писарь, тотчас за Бригиттой.

Фейт

Слышь, сорванец, ты это что затеял?

Вот кости перебью тебе!

Рупрехт

За что?

Фейт

Зачем молчал, что с девкой бедокурил?

Зачем молчал о том?

Рупрехт

Зачем молчал?

Да потому, что это все неправда.

А скажет что Бригитта, так повесьте,

Да заодно и старую к ногам.

Фейт

Попомни же и не пеняй, коль скажет.

Уж как вы с Евушкой ни храбрись,

А сразу видно — оба хороши.

Одним укрылись покрывалом оба.

Постыдной тайны скрытчица она,

Да жаль тебя, и вот молчит, не выдаст.

Рупрехт

Какой там тайны?

Фейт

А зачем вчера

Имущество собирал и торопился?

Рупрехт

Имущество?

Фейт

Штаны, пиджак, белье.

Связал все в узел, точно на дорогу.

Осталось за плечи взвалить.

Рупрехт

Затем,

Что в Утрехт мне к набору. Провалиться.

А вы уж, видно...

Фейт

В Утрехт? Как же, в Утрехт!

Спешил, боялся в Утрехт не успеть!

Третьёго дня еще не знал, какого

Шестого ль, пятого ль ему идти.

Вальтер

Не скажете ль чего, отец, о деле?

Фейт

Заподлинно я ничего не знаю.

Был дома я, когда кувшин разбили.

И о другой затее, правду молвить,

Мне подлинного нечего сказать.

И ничего, коль дело пообмыслить,
Не примечал за ним я никогда.
Я шел сюда, сыновней правдой крепок,
Чтоб по решенье тяжбы их сговор
Расторгнуть тут же да взыскать с девчонки
За ладанку с серебряной цепочкой,
Которой летошнюю осень он
Пожаловал ее, помолвясь с нею.
Коль что насчет бегов наружу выйдет,
Мне это в новость, судьи, как и вам.
Тогда пусть дьявол шею сыну сломит.

Вальтер

Судья Адам, доставьте в суд Бригитту.

Адам

Боюсь, чтоб это вас не утомило.
И так уж затянулся этот спор.
А впереди у нас разбор отчетов
И касс. Который час-то?

Лихт

Полчаса...

Адам

Одиннадцатого?

Лихт

Почти двенадцать.

Вальтер

Так что ж?

Адам

Пора. Вам надо отдохнуть.

(Смотрит на часы.)

По совести... Итак, что вы решили?

Вальтер

По-моему...

Адам

Прервать допрос? — Прекрасно.

Вальтер

По-моему, напротив, продолжать.

Адам

Прекрасно. Продолжать. А то бы завтра

Я утром сам все это разобрал.

Вальтер

Мое желанье вам известно.

Адам

Ладно.

Хожалого пошлите, писарь. Тотчас.

Пускай сюда Бригитту приведет.

Вальтер

И позаботьтесь, — мне ведь недосуг, —

Пожалуйста, об этом малость сами.

Лихт уходит.

Явление десятое

Те же,

без Лихта, затем

несколько служанок.

Адам

(встает)

Покуда бы не грех, коль вы не прочь,
Немного освежиться.

Вальтер

Гм... Ну, что же.

Что я хотел сказать...

Адам

Да хорошо б

И сторонам, покуда ждем Бригитту...

Вальтер

Что сторонам?

Адам

Наружу отлучиться.

Вальтер

(про себя)

Тьфу, черт!

(Громко.)

Судья, я попрошу у вас

Стакан вина на время перерыва...

Адам

Готов от всей души. Эй, Маргарита!

Почту за счастье. Где ж ты, Маргарита?

Служанка

является.

Служанка

Здесь.

Адам

Что поднести вам? — Остальные марш!

Рейнвейну? — Выдьте в сени. — Или водки?

Вальтер

Рейнвейну.

Адам

Так-с. — Пока не позову.

Вальтер

Куда вы их?

Адам

С печатью, Маргарита.

Людей куда? Лишь в сени. — Ключ возьми.

Вальтер

Оставьте их.

Адам

Марш! Духом, Маргарита!

Подай нам сыру лимбургского, гуся

Копченого да масла, что на льду.

Вальтер

Постойте, господин судья. Мгновенье.

К чему такие хлопоты?

Адам

(остальным)

Пошли!

Пошли! А ты ступай, как приказали.

Вальтер

Вы отсылаете их?

Адам

Ваша милость?

Вальтер

Вы их...

Адам

Я полагаю, пусть они,

Покамест нет Бригитты, разомнутся.

Не возражаете?

Вальтер

Как вам угодно.

Не знаю только, стоит ли труда,

Вы думаете, поиски Бригитты

Займут так много времени?

Адам

Сегодня

День сбора хворосту, когда у нас

Все бабы разбредаются по рощам,

И очень может статья...

Рупрехт

Тетка дома.

Вальтер

Ну, вот вам.

Рупрехт

И, не мешкая, придет.

Вальтер

Придет, не мешкая. — А где ж вино-то?

Адам

(про себя)

Ах, черт!

Вальтер

А от закуски откажусь.

Кусочек хлеба с солью разве только.

Адам

(про себя)

Хотя б минуту с девкой с глазу на глаз.

(Громко.)

Кусочек хлеба с солью?.. Я обижусь.

Вальтер

Без шуток.

Адам

Ломтик лимбургу. От сыру

Разымчивее вина.

Вальтер

Хорошо.

Так лимбургу, а больше ничего.

Адам

Ступай. Да чистую постелешь скатерть.

А там — чем бог послал.

Служанка уходит.

Холостяков

Заклятых преимущество не то ли,

Что между тем как в скудости иной

С семьею всем делиться должен скупю,

Мы в должный час пируем, не скупясь,

С приятелем.

Вальтер

Спросить я собирался.

Где вы расшиблись, господин судья?

Рубцы на голове не из пустячных.

Адам

Упал.

Вальтер

Упали? Не вчера ли?

Адам

Нынче.

В шестом часу утра, в тот самый миг,

Как из постели стал я подыматься.

Вальтер

Наткнулись, знать, на что?

Адам

Вот не солгать,

На самого себя наткнулся, сударь.

Об печку грохнулся я головой,

А отчего, доселе непонятно.

Вальтер

Затылком?

Адам

Как затылком?

Вальтер

Или лбом?

У вас две раны, спереди и сзади.

Адам

И так и эдак.

Вальтер

Странно.

Адам

Маргарита!

Обе служанки с вином и прочим накрывают на стол и уходят.

И так и сяк. Сперва об изразцы

Лбом треснулся, потом затылком об пол.

Перевернулся, темя и зашиб.

(Наливает ему.)

Вот, не побрезгуйте.

Вальтер

(беря стакан)

Будь вы женаты,

Бог знает, что б подумал я, судья.

Адам

Как так?

Вальтер

Да очень просто. Так ужасно

Искромсаны вы вдоль и поперек.

Адам

(со смехом)

Нет, слава богу. То не бабьи когти.

Вальтер

Прибавьте: к выгоде холостяков.

Адам

(продолжая смеяться)

Прутняк, под шелковичного червя,

Поставлен был за печкой для просушки.

Здоровье ваше.

(Пьет.)

Вальтер

Да. И, как назло,

Остаться по игре судьбы сегодня

Без парика! Он раны вам прикрыл бы.

Адам

Беда гнездом, как говорится, ходит.

Вот, со слезой. Дозволите?

Вальтер

Кусочек.

Из Лимбурга?

Адам

Как есть, прямой дорогой.

Вальтер

Но как, скажите мне, случилось это?

Адам

Что именно?

Вальтер

Что вы без парика.

Адам

Да вот. Сажуся я вчерашний вечер
Читать дела. Очки запропастились;
Засунул — не найти. Я носом так
Уткнулся в дело, что и не очнулся б,
Не запылай от свечки вдруг парик.
Схватил его, хочу сорвать, отбросить,
Но не успел и ниток развязать,
Как он сгорел уж, как Содом с Гоморрой.
Спасибо, спас своих три волоска.

Вальтер

Проклятье! А другой отправлен в город?

Адам

К цирюльнику. Ну что ж, приступим к делу.

Вальтер

Не торопите, господин Адам.

Адам

А время-то летит. Еще стаканчик.

(Наливает ему.)

Вальтер

И Лебрехту — коль малый не соврал, —

Я тоже, думаю, пришлось не сладко.

Адам

Я думаю!

Вальтер

И если б нам сейчас —

Боюсь — не удалось распутать дела,

Всегда в поселке будет вам легко

Установить виновника по ранам.

(Пьет.)

Нирштейнер?

Адам

А?

Вальтер

Иль добрый Оппенгеймер[35]?

Адам

Нирштейнер. Вот те на! Да вы знаток!

Нирштейн, как есть.

Вальтер

Назад тому три года

Я пробовал вино у них в давилъне.

Адам снова наливает ему.

Окно у вас высоко ль, тетка Марта?

Марта

Окно-то?

Вальтер

Да. В той комнате окно,
Где дочка спит.

Марта

Хотя и в первой связи
Каморка, с погребом под ней, и смерить —
От грунта до окна и девяти
Не будет футов; ну, да только прыгать
Неловко из него. А почему?
Лозье! На два шага от стенки лозы.
От этих самых лоз по всей стене
В узлах стоит шпалерник, да и все
Окошко в них. Ни вепрю, ни ловцу
Лозы той не прорвать.

Адам

И слава богу.
Пока не застревали.

(Наливает себе.)

Вальтер

Ой ли?

Адам

Ну вас!

(Пьет.)

Вальтер

(Рупрехту)

Ты как его... по голове ударил?

Адам

Долить?

Вальтер

Нет.

Адам

Дайте!

Вальтер

Полон ведь почти.

Адам

Долюю я.

Вальтер

Будет, говорю.

Адам

Для тройцы.

Вальтер

Нет, нет.

Адам

По правилу пифагорейцев.[36]

(Доливает ему.)

Вальтер

(снова, Рупрехту)

А сколько раз хватил по голове?

Адам

Един — господь, два — темный хаос; три —

Вселенная. Так слава ж трем стаканам!

Из третьего мы солнце пьем по капле,

Изо всех прочих — твердь.

Вальтер

Так сколько ж раз

Ты беглеца по голове ударил?

Я спрашиваю, Рупрехт!

Адам

Скажешь, что ль?

Ну, сколько раз? Видать, не помнит, бил ли.

Забыл.

Рупрехт

Скобою?

Адам

Кто тебя там знает.

Вальтер

С окошка — как по нем ты размахнулся.

Рупрехт

Два раза.

Адам

Это скрыл небось подлец!

Вальтер

Да знаешь ли, что с двух таких ударов

Ты насмерть мог его...

Рупрехт

Что ж, уложил,

И ладно бы. Мне лучшего б не надо.

Лежи он мертвый, было б на кого

Сказать вам, судари: вон он, не врал я.

Адам

Лежи он. Ишь чего ты захотел!

(Наливает.)

Вальтер

Что ж, не признал его в потемках, что ли?

Рупрехт

Ни на вот столько, сударь. Ни полстолька.

Адам

Что ж глаз-то не таращил? Ваше здравье!

(Пьет.)

Рупрехт

Глаза-то? Как тарацил! Да ведь, черт,

Песком запорошил мне.

Адам

(себе в бороду)

Да, песочком.

(Громко.)

Тогда, выходит, зря тарацил их.

За тех, кого мы любим, выпьем, сударь.

Вальтер

За правду выпьем, за добро и честь.

(Пьют.)

Адам

Ну, для конца теперь, не откажитесь.

(Наливает.)

Вальтер

Судья Адам, случается бывать

У тетки Марты вам? Скажите, кто к ним

Вхож, кроме Рупрехта?

Адам

Я гость не частый.

Кто вхож к ним, право, не могу сказать.

Вальтер

Неужто вы не ходите к вдове

Приятеля хоть изредка?

Адам

Да право ж,

Почти совсем нет. Редко.

Вальтер

Тетка Марта!

Аль чем поладить не могли с судьей?

Вот, говорит, не навещает вас.

Марта

Не то чтоб не поладили. Мы в дружбе.

Он кумом почитается моим,

Да тем, чтоб часто я его видала,
Не стану хвастать, не могу хвастнуть,
Недель уж девять, как зашел в последний,
И то ведь, мимо идучи, зашел.

Вальтер

Возможно ль?

Марта

Что?

Вальтер

Недель уж девять?

Марта

Девять.

И десять все в четверг. Пришел спросить

Семян у нас, гвоздики с первоцветом.

Вальтер

А в праздник, как идет на хутор?

Марта

Что же,

Иной когда в окошко и заглянет
Да с дочкой поздоровается. После ж
Опять своей дорогою идет.

Вальтер

(про себя)

Чуть человека не подвел.

Я думал,

(пьет)

Что, принимая помощь по хозяйству
От дочери, могли б вы в благодарность
И мать порой за это навестить.

Адам

Как, ваша милость?

Вальтер

Как? Сказали ж сами,
Что пользует девица ваших кур,
Когда они больны. И не сегодня ль
Она еще вас наставляла в этом?

Марта

Вестимо, ваша милость, все — она.

Третьёго дня цесарку ей прислал,
Болезненная, в чем душа держалась;
В тот год одну спасла от тифуна,
Теперь лапшою выходит и эту:
Да вот и в благодарность не приходит.

Вальтер

(в смущении)

Налейте, господин судья, прошу вас.

И мне налейте. Выпьем по одной.

Адам

Рад услужить. Почту за счастье. Выпьем.

(Наливает.)

Вальтер

Здоровье ваше! Рано или поздно

Судья Адам заглянет к вам.

Марта

Не верю.

Вот если б можно куму поднести

Такого же Нирштейну, как вот этот, —

Другое дело. Где ж мне! Ну, а так

На что ему польститься-то?

Вальтер

Тем лучше.

Явление одиннадцатое

Те же. Входят Лихт, Бригитта с париком в руке, служанки.

Лихт

Сюда, Бригитта.

Вальтер

Это вот она?

Лихт

Вот тетушка Бригитта, ваша милость.

Вальтер

Пора кончать. За дело. Ну, девицы,

Поприберите тут.

Служанки со стаканами и прочим уходят.

Адам

Ну, Ева, слушай!

Как следует мне катышек сомни,

Так нынче вечерком авось зайду к вам

Поесть ухи. А выйдет ком велик,

Так вовсе подавиться б ей тем комом.

Вальтер

(замечает парик)

Что это за парик там у Бригитты?

Лихт

Как, сударь?

Вальтер

Что там за парик у ней?

Лихт

Гм...

Вальтер

Что?

Лихт

Простите.

Вальтер

Долго ль ждать ответа?

Лихт

Благоволите, сударь, допросить

Через нашего судью особу эту,

И, думаю, откроется легко,

Чей то парик и многое другое.

Вальтер

Мне знать не надо, чей это парик,

Но как он найден ею. Где он найден?

Лихт

Она его в шпалернике нашла

У тетки Марты Руль. Висел торчмя

На переплете, как гнездо, под самым

Окном каморки, где девица спит.

Марта

В моем шпалернике?

Вальтер

(по секрету)

Судья Адам,

Имеете ль мне что-нибудь доверить?

Я вас судейской честью заклинаю,

Скажите мне.

Адам

Я — вам?..

Вальтер

Нет? Ничего?

Адам

Клянусь!

Вальтер

(схвативши парик)

А это что, не ваш парик?

Адам

Конечно, мой! Мой собственный парик!

Да это, гром и молния, тот самый,

Какой я дурню восемь дней назад

Велел снести в цирюльню Меля в Утрехт!

Вальтер

Кому? Что?

Лихт

Рупрехту?

Рупрехт

Мне?

Адам

Не давал ли

Тебе, как шел ты восемь дней назад,

Разбойник, в Утрехт, отнести парик

Цирюльнику, чтоб обновил?

Рупрехт

Давали.

Адам

Так что ж ты, плут, не отдал парика?

Зачем, я говорю, его не отдал?

Рупрехт

Да что вы, право, господи прости!

Давно парик ваш в мастерскую отдан,

Давно у Меля-мастера.

Адам

У Меля!

А вот висит в шпалернике у Марты!

Постой, каналья! Нет, не улизнешь!

За этим скрыто переодеванье,

Мятеж, черт знает что! — Прошу позволить

Особу эту тотчас допросить.

Вальтер

В цирюльню, говорите?

Адам

Прошлый вторник,

Как малый этот в Утрехт снарядился

С отцовскими волами, перед тем

Пришел сюда и говорит мне: «Сударь,

Не надо ль в городе чего?» — «Сынок, —

Я отвечаю, — окажи услугу,

Поди скажи, чтоб взбили мне парик».

Да не сказал: ступай и у себя

Оставь парик, надень, чтоб не узнали,

И урони в шпалернике у Марты.

Бригитта

Не осерчайте, судари, но это

Не Рупрехт, полагаю, был. Вчера

Иду на хутор я, к куме. Хворает,

В родах лежит. За садом, слышу, девка

Корит кого, да глухо так. Видать,

Без голоса с досады да со страху.

«Стыда в вас нет. Бессовестный такой.

Не троньте. Прочь! Вот мать я позову».

Ну ровно бы испанец в нашем крае.

Тут я через забор ей: «Ева, кличу,

Что, Евушка, с тобой?» И все примолкло.

«Ответишь ли?» — «Да что вам надо, тетя?»

«Что это у тебя?» — «Чему и быть-то?»

«Что это, Рупрехт там?» — «А что ж, и Рупрехт.

Идите-ка». — «Ну, ложек наготовь,

Чай, любят это, миром расхлебают».

Марта

Меж тем?

Рупрехт

Меж тем?

Вальтер

Пусть тетка говорит.

Бригитта

Иду я, значит, с хутора, назад.

О полночь, надо быть, свернуть хотела

В липняк ее; вдруг мимо промахнул

Плешивый кто-то об одной о конской

Ноге, да как пахнуло смрадно

Горелым волосом, смолой и серой.

«Святая сила с нами!» Оглянулась.

Ой, страшно как, — сквозь чащу, вижу, плешь

Гнилушкой все еще, запропадая,

Просвечивает.

Рупрехт

ТЬфу, ты!

Марта

Чай, рехнулась?

Рупрехт

Так то был черт, выходит?

Лихт

Тише, тише!

Бригитта

Что видела да нюхала, то знаю.

Вальтер

(нетерпеливо)

Был ли то черт иль нет, не станем спорить.

А он — так не доносят на него.

О ком другом всегда готовы слушать,

А от чертей прошу уволить нас.

Лихт

Дозвольте тетке, сударь, продолжать.

Вальтер

Вот темнота народ-то!

Бригитта

Как угодно-с,

Да только писарь Лихт — свидетель мне.

Вальтер

Как, вы свидетель?

Лихт

Да, в известном смысле.

Вальтер

Не знаю, право, как...

Лихт

Прошу покорно

Бригитты в показанье не тревожить.

Что это черт, я утверждать не стану.

Что ж до ноги до конской и до плечи,

До смраду — если я не ошибаюсь,

Своя есть правда в этом. — Продолжайте.

Бригитта

Вот слышу нынче я, какое диво

У Марты Руль случилось. Чтоб напасть

На след того крушителя кувшина,

Что ночью промелькнул, пошла я шарить

На месте том, куда он пряданул.

Вдруг вижу — след. Чей, думаете, след

Тут вижу на снегу я, государи?

По правую пошел все человечесий,

Оттиснут ясно, чисто, хорошо,

По левую, нескладно, колченого,

Проволоклася конская стопа.

Вальтер

(с досадой)

Безумье! Сумасбродство! Бабы бредни!

Фейт

И быть того не может, тетя.

Бригитта

Ей-богу!

Вблизи шпалерника, куда прыжок

Пришелся, снег кругом изрыт, как будто

Свинья валялась в нем, и через сад

За следом след: за человеческим конский,

Людской и конский, конский и людской.

Адам

Какая дерзость! Видно, плут задумал

Перерядиться чертом?

Рупрехт

Я?

Лихт

Молчи!

Бригитта

Охотник, выследивши барсука,
Не ликовал бы так, как я. «Кум писарь, —
Тут говорю я (потому ко мне
Подходит он по вашему посылу), —
Зря заседаете, кум писарь Лихт.
Не засудить злодея вам: не промах;
Засел не где-нибудь, а в преисподней —
Вот тут и след, каким он уходил».

Вальтер

И вы в том убедились?

Лихт

Убедился.

Насчет следа все верно.

Вальтер

Конский след?

Лихт

Нет, виноват, не конский — человеческий,
Но, между прочим, как бы след подковы.

Адам

По чести, судари, вопрос серьезный.

Есть множество предательских трудов,

Где отрицают бытие господне,

Но черта ни один еще безбожник,

Сколь мне известно, не отверг всерьез

Мне кажется, по данному вопросу

Нужны особенные разъяснения.

А потому я предложу, пред тем

Как выносить решение, запросить

Синод в Гааге, есть ли полномочья

Установить, что это Вельзевул

Разбил кувшин.

Вальтер

Иного предложенья

Не мог я ожидать от вас. Что вы

Советуете, писарь?

Лихт

Ваша милость,

К синоду не придется прибегать.

Бригитта, продолжайте. Связью фактов

Мы до конца их сущность осветим.

Бригитта

Вот я и говорю: «Кум писарь Лихт,
Пойдемте малость по следу, посмотрим,
Куда бы это мог он улизнуть».
«Ей, тетка, — говорит он, — это дело,
Авось и крюку много не дадим,
Коль напрямиком пойдем к судье Адаму».

Вальтер

Что ж оказалось?

Бригитта

Поначалу место
Нашли, за садом, в липняке; как раз
Где, ошибая серным духом, дьявол
Со мной столкнулся: вокруг раскидан снег,
Как будто пес шарахнулся, попятясь
От кошки подступившей.

Вальтер

Дальше что ж?

Бригитта

Невдалеке, под деревом, я вижу, —
Ой, страсти! — памятник по нем остался.

Вальтер

Как памятник?

Бригитта

Небось вы засмеете...

Адам

(про себя)

Живот несчастный мой.

Лихт

Минуйте, тетка,

Минуйте этот пункт, я вас прошу.

Вальтер

Куда вас след привел, хотел бы знать я.

Бригитта

Куда привел? К вам, батюшка, привел,

Как писарь говорил, — прямой дорогой.

Вальтер

Сюда?

Бригитта

Сюда. Из липняка сперва

На старостино поле вдоль запруды,

Потом тропинкой поперек кладбища,

Ну, словом, напрямик к судье Адаму.

Вальтер

К судье Адаму?

Адам

Что? Сюда? Ко мне?

Бригитта

Да, к вам.

Рупрехт

Видать, живет в суде нечистый?

Бригитта

Не знаю, право, здесь ли он живет,

Да думаю, что здесь остановился.

Хоть верьте, хоть не верьте. След ведет

С задов двора прямехонько к порогу.

Адам

Быть может, он проследовал лишь тут?

Бригитта

А может, и проследовал. Бывает.

Но впереди...

Вальтер

И впереди есть след?

Лихт

Нет, спереди следов совсем не видно.

Бригитта

Затоптан путь.

Адам

Проследовал. Затоптан.

Проследовал. Покрыться мне позором,

Коли не строит козней мне нечистый!

Здесь дух его, и быть мне подлецом,

Уж, верно, пахнет им в регистратуре.

И если б оказались не в порядке

Мои счета, в чем спору нет, — ни в чем

Я не ответчик за него.

Вальтер

Я тоже.

(Про себя.)

Не левая, так правая — одна

Из ног его...

(Громко.)

Нельзя ли табакерку

Мне вашу?..

Адам

Табакерку?

Вальтер

Табакерку.

Ссудите!

Адам

(Лихту)

Передайте.

Вальтер

Не чинитесь! Достаточно и шагу.

Адам

Он исполнит.

Их милости подайте. Одолжайтесь.

Вальтер

Я б на ухо шепнул вам что-то.

Адам

После,

Как случай нам представится.

Вальтер

Отлично.

(После того как Лихт вновь садится.)

В местечке нет ли тут кого с изъяном

В ногах?

Лихт

Здесь есть одно лицо такое.

Вальтер

И это...

Лихт

Вы о том судью спросите.

Вальтер

Судью Адама?

Адам

Ничего не знаю.

Я здесь на должности уж десять лет,

И, кажется, все сложены на славу.

Вальтер

(Лихту)

А вы кого в виду имели?

Марта

Ноги

Свои наружу выставьте! А то

Упрятал их под стол. Иной и вправду

Подумает: вот кто следы оставил.

Вальтер

Судья Адам?

Адам

Я? След тот? Черт я, что ли?

А это разве конская нога?

(Показывает левую ногу.)

Вальтер

Нога в порядке.

(Судье, тайком.)

Объявите тотчас

Закрыть заседание.

Адам

Будь у черта

Такие ноги, на балах плясал бы.

Марта

И я скажу — куда судье...

Адам

Э, что там!

Вальтер

Закройте, говорю вам, заседание.

Бригитта

В чем только вот сомнение, господа,

Так это в этом праздничном уборе.

Адам

Какой там праздничный!..

Бригитта

Да вот, парик.

На черте кто когда видал такое?

Топорщится-то ишь как от помады!

Декан[37] на кафедре — бери и надевай!

Адам

Бригитта, наши местные понятия

Об адских модах так несовершенны!

У черта, слышно, волосы свои,

Но на земле, и в этом я уверен,
Набрасывает он парик, дабы
Смешаться с благородными.

Вальтер

Ничтожный!

Достойный всенародного изгнания
Из трибунала! Что спасает вас,
Так это лишь судилища значенье.
Закройте заседание!

Адам

Я надеюсь...

Вальтер

Надеяться вам не на что теперь!
Вывертывайтесь!

Адам

Это, значит, я
Вчера в шпалернике парик оставил?
Как вас понять?

Вальтер

Бог с вами! Нет. Ведь ваш

Пожрало пламя, как Содом с Гоморрой.

Лихт

Вернее, сударь, — виноват — вчера,
К несчастью, кошка в ихнем окотилась.

Адам

По видимости, господа, пропал я.
Мне предстоит иль честь, иль поруганье.
Пока молчит девица, не пойму,
Кто дал вам право строить обвиненья?
Вот перед вами, в Гейзуме, на месте
Судейском, положив парик на стол,
Я вызываю в суд верховный в Утрехт
Лжеца, который скажет вам, что мой он.

Лихт

Парик, однако ж, впору вам, си-богу.
Как будто б даже выросли вы в нем.

(Надевает на него парик.)

Адам

Поклеп!

Лихт

Поклеп?

Адам

И в качестве плаща

В плечах широк, ну, а в висках тем боле.

(Глядится в зеркало.)

Рупрехт

Вот плут-то, вот лукавый!

Вальтер

Тише там!

Марта

Ну и судья! Чтоб те издохнуть, подлый!

Вальтер

(судье)

Еще раз: вы иль я закончу дело?

Адам

Что ж, ваша воля.

Рупрехт

(Еве)

Ева, это — он?

Вальтер

Как смеешь ты, бесстыдник?

Фейт

Цыц, молчи!

Адам

Смотри-ка, доберусь я до тебя!

Рупрехт

У, чертова культяпка!

Вальтер

Эй, хозяин!

Фейт

Заткни, сказали, глотку.

Рупрехт

Погоди!

Песком в глаза мне нынче не запустишь.

Вальтер

Иль нет, судья, в вас смыслу ни на столько?

Адам

Когда вы разрешите, ваша милость,

Я приговор сейчас произнесу.

Вальтер

Произносите. Ладно.

Адам

Дело ясно.

Виновен Рупрехт, жулик этот вот.

Вальтер

Прекрасно. Дальше.

Адам

К кандалам за это

Его я присуждаю, а за то,
Что отзывался о своем судье
Без уваженья, засажу в тюрьму,
На сколько же, определю, подумав.

Ева
Что? Рупрехт?

Рупрехт
Меня в тюрьму?

Ева
В оковы?

Вальтер
Не беспокойтесь, дети. Все сказали?

Адам
Что до кувшина — дело не мое.
Убыток возместит ли, нет, как хочет.

Вальтер
Прекрасно. Заседание закрыто.
А Рупрехт может жаловаться в Утрехт.

Ева

Вот канитель-то!

Рупрехт

Жаловаться?

Вальтер

Тише!

Покуда же...

Ева

Покуда ж?..

Рупрехт

Сесть в тюрьму?

Ева

В тюрьму? В оковы? Это ль правосудье?

Вот он, бесстыдник тот, что заседает,

И есть тот самый...

Вальтер

Замолчи! — Покуда ж

И волоска на нем не тронут.

Ева

Рупрехт!

Смелей! Судья Адам разбил кувшин.

Рупрехт

Ну, погоди ж!

Марта

Он?

Бригитта

Он?

Ева

Смелее, Рупрехт!

Он был у Евы у твоей вчера.

Держи его. Что хочешь, делай с ним.

Вальтер

(встает)

Порядок нарушать?

Ева

Один конец!

Уж коль в тюрьму, так хоть за дело!

Рупрехт!

Тащи его со стула.

Адам

(пытаясь бежать)

Виноват...

Ева

Лови!

Рупрехт

Держи его.

Ева

Проворней!

Адам

Что?

(Убегает.)

Рупрехт

У, черт хромой!

Ева

Поймал?

Рупрехт

Держи карман!

Лишь плащ его в руке.

Вальтер

Сюда, хожалый!

Рупрехт

(бьет по плащу)

Бац! Это раз. Да бац! Да бац! Еще раз!

Эх, жалко, по плащу — не по горбу.

Вальтер

Вот непутевый! Это что? К порядку!

Знай, сбудется, коль не угомонишься,

Сегодня ж приговор насчет тюрьмы.

Фейт

Утихомирься, озорник нескладный!

Явление двенадцатое

Те же,

без Адама. Все подходят к авансцене.

Рупрехт

Эх, Евушка, и вспомнить срам, как нынче

Обидел я тебя! А как вчера!

Ох, золото, голубушка моя!

Простишь ли ты меня когда за это?

Ева

(бросается советнику в ноги)

Ох, сударь, пособите нам в беде,

Не то пропали мы совсем!

Вальтер

Пропали?

А в чем печаль твоя?

Рупрехт

Да что ты, Ева?

Ева

Спасите Рупрехта! Всех новобранцев

Его набора — господин Адам

О том шепнул мне — в Индию угонят[38].

Оттуда ж ворочаются едва

Из трех один, ведь вам самим известно.

Вальтер

В Ост-Индию? Да ты с ума сошла!..

Ева

Да, в Бантам[39], сударь мой, чего скрывать!

Вот и бумага с тайным предписанием

Касательно народных ополчений,

Властями выпущенная на днях.

Как видите, я толком все узнала.

Вальтер

(берет бумагу и просматривает)

Какой обман! Подложное письмо.

Ева

Подложное?

Вальтер

Подложное, конечно.

Скажите, писарь, разве это ордер

Из Утрехта, вам посланный на днях?

Лихт

Вот это? Ну и плут! Его изделья

Бумажка-то. В Ост-Индию никто

И не подумает их посылать.

Войска вербуются для местной службы.

Ева

Не станут посылать?

Вальтер

Клянуся честью!

И в доказательство, случись такое,

За Рупрехта готов внести я выкуп.

Ева

(поднимается)

О господи! Вот оболгал, злодеи!

Какою горькою заботой сердце

Мне истомил! Пришел ночной порою

И навязал мне рапорт о болезни
Для Рупрехта. По этому письму
Освободят-де. Объяснял, божился
И в комнату ко мне залез писать.
А тут с меня стал требовать такого,
Что девушке и выговорить срам!

Бригитта

Какой срамник! Какой обманщик подлый!

Рупрехт

Оставь хромого с конскою стопой.
Когда б кувшин твои лошадь расколола,
Не боле б ревновал я, чем теперь.

Целуются.

Фейт

Вот то-то же! Миритесь и целуйтесь.
О троицу можно б свадьбу вам сыграть.

Лихт

(у окна)

Глядите, вон судья Адам. Как будто б
От колеса и плахи он бежал,
С холма на холм по пашне так и лупит!

Вальтер

Как? Это вон судья Адам?

Лихт

Конечно.

Остальные

К поселку вышел, — видите? Гляди!

Парик-то по спине-то так и хлещет!

Вальтер

Вдогонку, писарь! Воротить судью,

Чтоб пущих бед, спасаясь, не наделал.

Конечно, он от службы отрешен.

И я, впредь до особых предписаний,

На эту должность назначаю вас.

Но может статья, кассы и в порядке.

Я б не хотел толкать его к побегу.

Верните же его скорей, прошу вас!

Лихт уходит.

Явление последнее

Те же,
без Лихта.

Марта

Скажите, ваша милость, где найти мне
Правительство в Утрехте?

Вальтер

А на что вам?

Марта

(чувствительно)

На что? Да как же... Разве мой кувшин
Не требует суда и воздаянья?

Вальтер

Конечно. На большом базаре. Вторник
И пятница — присутственные дни.

Марта

Так я туда отправлюсь на неделе.

Занавес

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Трагедия

Перевод с немецкого Ю. Корнеева.

Действующие лица

Пентесилея, царица амазонок[40].

Протоя, Мероя, Астерия — знатные амазонки.

Верховная жрица Дианы[41].

Ахилл[42], Одиссей[43], Диомед[44], Антилох[45] — греческие цари.

Автомедон — возничий Ахилла.

Греки, амазонки.

Место действия — поле сражения под Троей[46].

Явление первое

Входят с одной стороны Одиссей и Диомед; с другой — Антилох; за ними свита.

Антилох

Цари, привет мой вам! Какие вести

С тех пор, как я под Троей видел вас?

Одиссей

Дурные, Антилох. Вон там, в полях,

Сцепились, словно два голодных волка,

Отряды греков с войском амазонок,

Хоть, видит Зевс, причины нет к вражде.

И если не уймет их гневный Марс[47],
Не образумит Феб[48] и не рассеет
Громо?вою стрелой тучегонитель,
То дотемна зубами перервут
Свирепые бойцы друг другу глотки.
Подать мне шлем воды!

Антилох

О мать-природа

Что сделали мы этим амазонкам?

Одиссей

Ахилл и я с дружиной мирмидонской
Им двинулись навстречу по совету
Атрида[49]. Слух прошел, Пентесилея,
Покинув дебри Скифии далекой,[50]
Чтоб снять осаду с города Приама[51],
Через ущелья гор ведет на Трою
Бесчисленных и смелых амазонок,
Которым кожа змей одеждой служит.
Мы узнаем на берегу Скамандра[52],
Что с войском сын Приама Деифоб[53]
Из Илиона[54] выступил поспешно,
Чтоб с честью встретить ту, кто помощь Трое
Готова оказать. Мы не идем —
Летим в надежде пагубную встречу
Двух нам враждебных сил предотвратить.
Путь был извилист. Мы всю ночь шагали,

Но чуть заря на небе заалела,
Изумлены мы были, Антилох,
Увидев, что в долине перед нами
Дарданцев[55] Деифоба амазонки
Безжалостно громят. Пентесилея
Рассеивает пред собой троянцев
И гонит, словно тучи в небе вихрь, —
Как будто их сперва за Геллеспонт[56],
Потом за грань земли смести собралась.

Антилох

Клянусь богами, странно!

Одиссей

Мы сомкнулись,
Чтоб к отступленью путь закрыть троянцам,
Лавиною катившимся на нас,
И оцетинились стеною копий.
Остановился Приамид[57], а мы
Посоветались и решили встретить
По-дружески царицу амазонок,
Замедлившую бег победный тоже.
Могло ли быть решение иным?
Спроси Афину[58] я, она сама
Разумнее совета не дала бы.
Клянусь Аидом[59] черным, эта дева,
Вмешавшаяся так нежданно, словно
Она упала с неба, в нашу распря,

Должна примкнуть к одной из двух сторон;
А мы, коль скоро тевкрам[60] враг она,
Союзницу обязаны в ней видеть.

Антилох

Клянусь я Стиксом[61], прав ты был!

Одиссей

Итак,

Отправились мы к скифской героине —

Ахилл и я. Вздывая гриву шлема

Пред толпами воительниц своих,

Она задором боевым кипела,

И рыл под нею землю иноходец,

Колыша пурпур бахромы чепрачной.

«Задумавшись, окинула она

Меня со свитой взглядом безучастным,

Как будто перед ней не люди — камни.

Моя ладонь сейчас — и та, пожалуй,

Красноречивей, чем ее лицо.

Но тут она увидела Пелида[62]

И сразу же румянцем залилась

До самой шеи, словно мир вокруг

Сиянием внезапно озарился.

Стремительно на землю соскочив,

Прислужнице поводиья передав

И мрачным взором оглядев Пелида,

Она спросила нас, зачем мы к ней

Пожаловали со столь пышной свитой.
Ответил я, что рады видеть мы,
Аргивяне[63], в ней недруга троянцев;
Что злобою на Приамидов полны
Давно сердца у греков; что на пользу
И ей и нам пошел бы наш союз.
Сказал я, словом, все, что мог придумать,
И с удивленьем увидал, что мне
Она не внимлет. От меня царица
К подруге близстоящей отвернулась
С лицом столь изумленным, что казалась
Она девчонкой шестнадцатилетней,
Идущей с олимпийских игр домой,
И крикнула: «Отрера, мать моя,
И та прекрасней мужа не встречала!»
Подруга растерялась. Мы с Ахиллом
Переглянулись, еле скрыв улыбку,
А уж царица в светлый лик Эгинца[64]
Опять вперила опьяненный взор.
Тогда подруга, робко подойдя,
Напомнила ей, что ответа жду я.
Вновь — то ль от гнева, то ль от срама — вспыхнув
Так, что румянец латы осветил,
Дикарка мне бессвязно и надменно
Сказала, что она — Пентесилея,
Царица амазонок, и ответит
Нам содержимым своего колчана.

Гонец твой рассказал дословно то же,
Но в стане греческом его не понял
Никто.

Одиссей

Так вот, не зная, что и думать,
Пылая гневом, красные от срама,
Вернулись мы назад к своим и видим,
Как тевкры вновь ряды смыкают к бою,
Ликуя и осмеивая нас.
Позор наш угадав, они решили,
Что всё теперь за них, что лишь ошибкой,
Которую нетрудно устранить,
Гнев амазонки против них был вызван,
И вестника немедля снарядили,
Чтоб дружбу предложить царице вновь.
Но прежде чем он пыль стряхнул с доспехов,
Пентесилея, опустив поводья,
Стремительная, как разлив потока,
С неистовством кентавра устремилась[65]
На них и нас, на тевкров и на греков,
Тех и других безжалостно разя.

Антилох

Неслыханно, данайцы[66]!

Одиссей

Грянул бой,
Какого не бывало на земле,
С тех пор как гнев в нас фурии вселяют.
Там, где столкнулись две враждебных силы,
Сама природа исключает третью:
То превратить в пары не может воду,
Что? гасит пламя, — и наоборот.
Но здесь нашлась такай третья сила,
Что влага и огонь уже не знали,
Огню ль с водой потоками струиться
Или воде с огнем взметаться к небу.
Троянец от ударов амазонки
Спасается под греческим щитом,
А грек его от девы прикрывает,
И общему смертельному врагу
Дают отпор и тевкр и грек совместно,
Как будто не похищена Елена.[67]

Один из греков подает ему воду в шлеме.
Благодарю! Мой рот от жажды сохся.

Диомед
С тех пор все яростнее там в долине
Сражение ревет, как непогода
В ущелье узком меж лесистых склонов.
Когда вчера привел я этолийцев[68]
На помощь нашим, битва бушевала
С таким ожесточеньем ураганным,

Как будто эта бранная гроза
Намерена дотла всех греков выжечь.
Уж облетел цвет родины под бурей:
Астианакс, Менандр и Аристон
Своею юной и прекрасной плотью
На поле боя утучняют землю
Под лаврами для дочери Арея[69];
А пленных взято амазонкой больше,
Чем глаз, чтоб их пересчитать, и рук,
Чтоб их освободить, у нас осталось.

Антилох

Ужель никто не понял, что? ей нужно?

Диомед

Никто, — куда бы лот раздумий наших
Не опускали мы в недоуменье.
Порою пыл, с которым в гуще боя
Она того, чья мать — Фетида, ищет,[70]
Внушал нам мысль, что ненависть к нему
Особую питает амазонка.
Не мчится так голодная волчица
За жертвой облюбованной по следу,
Как гонится царица за Ахиллом,
Сквозь нас к нему дорогу прорубая.
Однако же вчера, когда во власти
Ее он оказался, жизнь ему
С улыбкой амазонка подарила.

Не будь ее, сошел бы в Орк[71] Пелид.

Антилох

Не будь ее? Кого? Царицы?

Диомед

Да.

На поле боя в сумерках вечерних
С Пентесилеей встретился Ахилл.
К ним тут же подоспел и Деифоб,
Который, встав на сторону царицы,
Исподтишка по панцирю Пелида
Нанес столь сокрушительный удар,
Что дрогнули вершины ближних вязов.
На краткий миг Пентесилея руки,
Бледнея, опустила, но затем,
Вновь вспыхнув и кудрями потрясая,
Привстала в ярости на стременах,
И молнией, слетевшей с небосвода,
Вонзился Деифобу в горло меч,
И пал ее непрошенный союзник
Пред богоравным отпрыском Фетиды.
Хотел из благодарности Ахилл
Ответить тем же ей, но амазонка,
Припав к гривастой холке скакуна,
Который грыз уздечку золотую,
Удара избежала и, с улыбкой
Поводья опустив, умчалась прочь.

Антилох

Как странно!

Одиссей

С чем ты прибыл из-под Трои?

Антилох

Я послан Агамемноном к тебе,
Чтобы спросить, не будет ли разумней
Вам отступить, раз все переменилось.
Мы Трою брать должны, а не мешать
Царице вольной и в поход идущей
Из побуждений, безразличных нам.
Коль скоро ты уверен, что она
Явилась не на выручку дарданцам,
Атрид повелевает вам немедля
Любой ценою путь пробить себе
Назад, в аргивский укрепленный лагерь.
А если вам вдогон она помчится,
Он самолично выйдет с войском в поле,
Чтобы узнать, чего под Троей ищет
Пентесилея, этот новый сфинкс.

Одиссей

Я, видит Зевс, и сам того же мненья.

Иль думаете вы, что Лаэртиду[72]
Бессмысленная бойня по душе?
Но трудность в том, как увести Пелида.
Охотник, если на рога оленю
Бросается остервенело свора,
О псах заботясь, отзывает их;
Но, в горло зверю красному вцепляясь,
Те мчатся вслед за жертвой через горы
И реки в глушь лесов. Так и Ахилл
Безумствует с тех пор, как повстречал
Столь редкую добычу в чаще боя.
Стреножила ему царица волю:
Поклялся он, что за Пентесилеей
Повсюду будет гнаться неотступно,
Пока ее с чубарого коня
За косы шелковистые не стащит.
Ты, Антилох, коль есть охота, сам
Дар убежденья пробуй на Ахилле,
Когда он с губ стирает пену гнева.

Диомед

Обдумаем, цари, без раздраженья,
Как клином разума нам расколоть
Скалу его решимости безумной.
Лариссец хитроумный,[73] быть не может,
Чтоб трещину ты в ней не отыскал.
Но если и тебе он не поддастся,
Двух этолийцев я возьму и с ними,
Взвалив безумца на спину, как камень,

Силком его стащу в аргивский стан.

Одиссей

Идите же за мной.

Антилох

Кто там спешит?

Диомед

Адраст. Но как он бледен и подавлен!

Явление второе

Те же и военачальник.

Одиссей

Ну что?

Диомед

Ты с вестью?

военачальник

И с такой, что горше

Придумать трудно.

Диомед

Что?

Одиссей

Да говори же!

военачальник

Захвачен амазонками Ахилл.

Пергаму больше не грозит паденье.[74]

Диомед

О небожители!

Одиссей

О вестник горя!

Антилох

Как, где, когда произошло несчастье?

военачальник

Ряды отважных этолийцев смяли

Неистовые дочери Арея,
Чей новый и молниеносный натиск
На нас обрушил водопад бегущих,
Впервые побежденных мирмидонян[75].
Напрасно мы потоку беглецов
Дорогу преградили: с поля битвы
Он смыл и нас в своем разливе диком.
Когда же строй мы вновь сомкнуть смогли,
Пелид далёко позади остался.
Тогда он вырвался из гущи боя,
Пробившись сквозь кольцо из вражьих копий,
И вниз с холма, чтоб к нам примкнуть, помчался.
Уже, считая, что Ахилл спасен,
Мы ликование криком выражали,
Как вдруг в груди у нас он оборвался:
Ахиллова четверка поднялась
Перед крутым обрывом на дыбы,
И замерли, над бездной взвившись, кони.
Теперь — всё тщетно, как ни искушен
Пелеев сын в искусстве игр истмийских.[76]
Упряжка в страхе пятится назад,
Хоть бич ее по головам стегает;
Захлестнутые спутавшейся сбруей.
Сгрудились, пали, бьются жеребцы,
И рушится на землю с колесницы,
Застряв в силках поводьев, сын богини.

Антилох

Безумец! Что его...

военачальник

Автомедон,

Возничий, ловкий даже в миг смятенья,

Бросается к упавшим лошадям

И поднимает на ноги четверку.

Но прежде чем от петель и узлов

Освободить коней он успевает,

С толпой победоносных амазонок

Врывается в ущелие царица,

Ахиллу путь к спасенью преградив.

Антилох

О боги!

военачальник

Тучей пыль взметнув, она

На месте иноходца осадила

И, кверху взор сверкающий подняв,

Измерила им высоту обрыва —

Такую, что назад чело царицы

Шлем потянул, как будто ужаснулся.

Затем она поводья опустила

И вдруг, как бы от головокруженья,

Двумя руками маленькими лоб,

Волной кудрей полусокрытый, сжала.

Встревоженные этим странным жестом,

Наездницы вокруг нее столпились,
Царицу в чем-то пылко убеждая.
Одна и, видно, близкая ей дева
Ее рукою обвила; другая
Коня схватила смело под уздцы,
Дерзая задержать царицу силой.
Но та...

Диомед
Решилась?

Антилох
Дальше!

военачальник
Продолжаю.
Остановить ее не удалось.
Раздвинув женщин властно, хоть и кротко
И рыща но ущелью взад-вперед,
Она высматривает беспокойно
Тропу наверх, дабы осуществить
Свое неокрыленное желанье.
То здесь она, безумная, на скалы
Неистово пытается взобраться;
То там, от вожделения сгорая,
С отчаяньем надежды ищет путь
К добыче, оказавшейся в тенетах.

Она уже испробовала тщетно
Все щели, что в утесе дождь промыл,
И видит невозможность восхожденья,
Но, словно выбор отнят у нее,
По склону вновь взбираться начинает,
Неутомимо ищет и находит
Тропинку, где и пешему-то страшно,
Вскарабкивается на край утеса,
Который высотой равен вязу,
И там встает на узенькой площадке,
Где места разве что для серны хватит.
Вокруг зияет пропасть — и вперед,
Как и назад, нельзя ступить ни шагу.
Вдруг воздух прорезают крики женщин:
Неудержимо, словно в Орк свергаясь,
Наездница и конь летят с обрыва
Под грохот вслед катящихся камней
К подножию утеса в глубь ущелья.
Не унялась царица, уцелев,
И на скалу опять взбираться стала.

Антилох

Ослепшая от ярости гиена!

Одиссей

А что ж Автомедон?

военачальник

Он наконец

Сумел упряжку привести в порядок —
Хотя Гефест сковать за то же время
Такую же успел бы колесницу,[77] —
Вскочил на место он, схватил поводья;
У нас, аргивян, отлегло от сердца;
Но прежде чем коней он повернул,
Отлогую тропу наверх находят
Наездницы и криком ликования
Глубокое ущелье оглашают,
Взывая к обезумевшей царице,
Которая на скалы лезет вновь.
Та прынула назад, услышав их,
Окинула тропинку быстрым взглядом
И, как пантера за своею жертвой,
По ней наверх помчалась, но Пелида
Уж понесли путем обратным кони.
Он скоро скрылся в глубине долины,
И что с ним стало — неизвестно мне.

Антилох

Ахилл погиб!

Диомед

Что делать нам, друзья?

Одиссей

То, что велит нам сердце. В бой, цари!

Пелида мы у амазонок вырвем,

Хотя бы даже мне пришлось на смерть

Вас повести от имени Атридов.

Одиссей, Диомед и Антилох уходят.

Явление третье

военачальник. Отряд греков, поднявшийся тем временем на холм.

Мирмидонец

(оглядывая местность)

Друзья, смотрите, что? там над горой?

Не голова ль то воина в доспехах?

Не шлем ли, конской гривой осененный?

Не шея ли могучая под ним?

Не плечи ли и руки в блеске стали?

Не грудь ли, под которою на солнце

Сверкает пояс золотой? Глядите!

военачальник

Кто это?

Мирмидонец

Кто? Я сплю иль нет, данайцы?

Уже я вижу лысины на лбах

Четверки жеребцов, и лишь копыта

Еще не появились из-за скал.

А вот теперь видна на горизонте

Вся колесница, яркая, как солнце,

Всходящее в погожий вешний день.

Греки

Победа! То Ахилл, то сын богини!

Он сам своею колесницей правит!

Спасен!

военачальник

Да не померкнет ваша слава

Вовеки, боги! — Одиссей! — Где он?

Позвать живею сюда царей аргивских!

Один из греков убегает.

Он к нам, данайцы, мчится?

Мирмидонец

Ох, гляди!

военачальник

Что там?

Мирмидонец

Дыханье у меня пресеклось.

военачальник

Да говори же!

Мирмидонец

О, как туго он

Напряг поводья левою рукою!

Как хлещет он божественных коней

Бичом, чей свист их горячит так сильно,

Что под копытами дрожит земля!

От морд валит так густо пар, что мог бы

Он и один влачить всю колесницу.

Олень, спасаясь, не быстрее бежит!

Не видит больше взгляд отдельных спиц.

Затем что слились в круг сплошной колеса.

Этолиец

Но сзади...

военачальник

Что?

Мирмидонец

По склону той горы...

Этолиец

Пыль...

Мирмидонец

Пыль клубится грозовою тучей.

А перед ней, как молния...

Этолиец

О боги!

Мирмидонец

Сама Пентесилея!

военачальник

Кто?

Этолиец

Царица!

За отпрыском Пелея по пятам

С толпою дев своих она несется.

военачальник

Мегера обезумевшая!

Греки

(кричат)

К нам!

К нам, богоравный, бег спеши направить!

К нам!

Этолиец

Посмотрите, как она ногами

Чубарому коню бока сжимает!

Как воздух, преграждающий ей путь,

Она, припав к луке, глотает жадно!

Летит, как будто с тетивы сорвавшись,

Неотвратимей нумидийских стрел![78]

Как стае псов дворовых за борзой,

Ее дружине не поспеть за нею.

На шлеме грива — отстает и та!

военачальник

Она к Пелиду близко?

Долоп

Близко.

Мирмидонец

Нет.

Долоп

Увы, данайцы — близко! Пожирает

Скакун царицы с каждым новым шагом

Кусок пути меж нею и Пелидом.

Мирмидонец

Клянусь Олимпом, нашею защитой.

От них до нас сравнялось расстоянье.

Уже бросает пыль из-под колес

В лицо Пентесилее встречный ветер,

И комьями земля из-под копыт

Ее стремительного иноходца

Уже летит к Ахиллу в колесницу.

Этолиец

А он ее, гордец безумный, дразнит!

Сворачивает он, берет в объезд.

Наперерез несется амазонка.

Путь прегражден!

Мирмидонец

Спаси его, о Зевс!

Она с ним поравнялась. Тень ее,
Такая исполинская на солнце,
Его закрыла.

Этолиец

Нет, он ускользает.

Долоп

Он круто и внезапно повернул
Свою четверку.

Этолиец

И опять к нам гонит!

Мирмидонец

Ну и хитрец! Провел Пентесилею!

Долоп

Ого, смотрите — мимо колесницы
Она промчалась!

Мирмидонец

Вскинулась в седле,

Подпрыгнула...

Долоп

Упала!

военачальник

Что?

Мирмидонец

Упала!

Одна из дев свалилась на нее...

Долоп

Вторая...

Мирмидонец

Третья...

Долоп

И еще одна!

военачальник

Так, значит, падают?

Долоп

Да, друг за дружкой.

Мирмидонец

Как угли пережженные в костре,

Смешались в кучу всадницы и кони.

военачальник

Да станут пеплом!

Мирмидонец

Сквозь густую пыль

Проблескивают латы и оружие,

Но больше ничего не различить.

Из дев и разномастных лошадей

Такой клубок там свился, что едва ли

Был беспорядочней первичный Хаос.[79]

Этолиец

Но ветром потянуло. Пыль редет,

И вот одна из рухнувших встает.

Долоп

Какая суета и оживленье!

Как ищут девы дротики и шлемы,

Что по полю далеко раскатились.

Мирмидонец

Но три коня и всадница лежат,

Как мертвые.

военачальник

А это не царица?

Этолиец

Пентесилея, то есть?

Мирмидонец

Что? Царица?

Нет, не она, — пусть мне глаза откажут!

Стоит царица.

Долоп

Где?

военачальник

Да говори же!

Мирмидонец

Клянусь Кронидом[80], там же, где упала, —

Под тем вон дубом. Шлема нет на ней.

Она над иноходцем наклонилась

И, кудри отведя рукою правой,

Со лба стирает левой кровь иль пыль.

Долоп

Она, свидетель Зевс!

военачальник

Цела!

Этолиец

И кошка

Издохла б, так упав. А ей все сходит.

военачальник

Но где ж Пелид?

Долоп

Богами он храним.

Он вырвался вперед на три полета

Стрелы. Теперь его настичь царица
Лишь взором может. Мысли о погоне
В ее груди пресеклись, как дыханье.

Мирмидонец

Победа! Одиссей идет на помощь!
Вон там на солнце из лесного мрака
Все войско греков чередой выходит.

военачальник

Что? Одиссей? И Диомед? О небо!
Далеко ли до них еще Ахиллу?

Долоп

Не дальше, чем добросить камень можно.
Он мчится вдоль Скамандра по холмам,
Где наши к бою строятся поспешно.
Вот он уж вдоль рядов понесся.

Голоса

(вдалеке)

Слава!

Долоп

Приветствуют его данайцы.

Голоса

Слава!

Привет тебе, о богоравный! Слава!

Пелиду слава!

Долоп

Бег замедлил он

И пред собраньем всех царей аргивских

Коней сдержал. Вот Одиссей подходит.

Ахилл, покрытый пылью, спрыгнул наземь.

Вознице вожжи бросил. Обернулся.

Снимает шлем с натруженного лба.

Цари кольцом Пелида окружают.

Ему колени обнимают греки,

Влекут его с собою, торжествуя,

А рядом с ними взмыленных коней

Автомедон проводит, охлаждая.

Неистовствуя, к нам толпа спешит.

Привет, Ахиллу! Славься, богоравный!

Смотрите, все смотрите! Вот он сам!

Явление четвертое

Ахилл, за ним Одиссей, Диомед, Антилох, Автомедон с колесницей и все войско греков.

Одиссей

Приветствую тебя, герой-эгинец.
Который даже в бегстве побеждает.
Юпитером клянусь, уж если ты
Противницу, к ней обратись спиною,
Поверг во прах одной лишь силой духа.
То что же будет в день, когда ты с ней
Лицом к лицу сойдешься, богоравный?

Ахилл держит шлем в руке и вытирает лоб. Два грека, не спрашивая позволения, начинают перевязывать его раненую руку.

Ахил

Что там еще?

Антилох

Сын Нереиды,[81] в битве
Ты выказал такую быстроту,
С какою даже вихрь неудержимый,
Разбушевавшись, на просторах неба,
Над изумленным миром не свистит.
В свидетели Эриний призываю, —
Когда б бежал я на твоей четверке
От совести[82] по колеям житейским,
Я согласился б в грудь свою вместить
Грехи и преступленья всех троянцев.

Ахилл

(двум грекам, которые, видимо, раздражают его своими заботами)

Болваны!

Один из греческих военачальников

Кто?

Ахилл

Ну, что вам?

Первый грек

(перевязывая ему руку)

Ты же ранен,

Ахилл

И пусть.

Второй грек

Нет, стой.

Первый грек

Дай сделать перевязку.

Второй грек

Сейчас закончим.

Диомед

Слух сперва разнесся,
Что отступленьем воинов моих
Ты к бегству принужден. Меня в то время
При войске не было — Улисс[83] и я
Внимали сообщеньям Антилоха,
Которого Атриды к нам послали.
Но все дальнейшее мне показало,
Что это состязанье с амазонкой
Затеял ты нарочно. Мне сдается,
Что ты при первом слабом свете дня,
Когда еще мы к бою снаряжались,
Уж присмотрел тот камень, о который
Споткнулась на скаку Пентесилея, —
Так ловко на него, клянусь богами,
Ее потом сумел ты навести.

Одиссей

Но не пора ль тебе, герой долопский,
В аргивский стан вернуться с нами, если
Нет у тебя намеренья другого.
Сыны Атрея нас зовут назад.
Притворным отступленьем мы царицу
В долину, где течет Скамандр, заманим,
А там уж амазонкам Агамемнон,
Ударив из засады, бой навяжет.

Свидетель громовержец, только так
Ты у царицы отобьешь охоту
Травить тебя, как юного оленя.
А я тебе от всей души желаю
Успеха, потому что ненавистна
Мне до смерти, как и тебе, мегера,
Мешающая нам вести войну,
И рад я буду видеть, как раздавишь
Ты розы щек ее своей пятой.

Ахилл

(взглянув на коней)

Они в поту.

Антилох

Кто?

Автомедон

(ощупывая коням шею)

Тело, как свинец.

Ахилл

Води их — пусть на воздухе простынут,

А после ты их оботрешь вином.

Автомедон

Вон мехи уж несут.

Диомед

Богopodobный,

Ты видишь сам — не взять нам верх сегодня.

Везде, куда бы ты ни бросил взгляд,

Холмы чернеют полчищами женщин.

Пожалуй, саранча и та не гуще

На спелых нивах иногда кишит.

Кто равную твоей стяжал победу?

Кто скажет, что и он, как ты, смотрел

В лицо царице, столь с кентавром схожей?

Напрасно мы зовем ее на бой,

Ей возвещая золотом доспехов

И звуком труб, что перед ней — цари.

Она навстречу нам не хочет выйти.

И, чтобы хоть издали услышать

Ее как серебро звенящий голос,

Пришлось бы нам дать своре адских псиц,

Которая ее оберегает,

Бесславный бой с сомнительным исходом.

Ахилл

(глядя вдаль)

Она еще все там же?

Диомед

Кто?

Антилох

Царица?

военачальник

Ее не видно из-за грив на шлемах.

Эй, расступитесь!

Грек

(перевязывающий Ахиллу руку)

Погоди.

Один из царей

Она

Все там же.

Диомед

Где?

Один из царей

Близ дуба, где упала.

Вновь шлем гривастый на ее челе, —

Она уже пришла в себя.

Первый грек

Готово.

Второй грек

Владей опять своей рукой свободно.

Первый грек

Мы кончили. Иди.

Греки затягивают еще один узел и отпускают руку Ахилла.

Одиссей

Пелид, ты слышал,

Что мы тебе сказали?

Ахилл

Мне сказали?

Нет, не слыхал. Да вы чего хотите?

Одиссей

Не слыхал? Странно! Мы передавали

Тебе приказ Атрида. Агамемнон

В аргивский лагерь нам велит вернуться.

Совет царей решение это принял,
И Антилох к нам прибыл с ним, как видишь.
Наш план таков: царицу амазонок
Заставить подступить к троянским стенам,
Чтоб, очутясь меж двух враждебных ратей
И силе обстоятельств покорясь,
Она сказала, кто ей — друг, кто — недруг,
И чтобы мы, каков бы ни был выбор,
По крайней мере, знали, что нам делать.
Я верю, что разумен ты, Пелид,
И подчинишься мудрому решению.
Бессмертными клянусь, безумьем было б
Забуть, что нас война зовет под Трою,
И с девами ввязаться в бой, не зная,
Что нужно им от нас; не зная даже,
Да нужно ли им что-нибудь от нас.

Ахилл

(надевая шлем)

Хотите — так сражайтесь, как кастраты,
А я — мужчина и от этих женщин
Не побегу, оставшись и один.
Хотите — стойте здесь, под сенью сосен,
Вдали от ложа битвы, за царицей
С бессильным вождением следя;
Хотите — отступайте к Илиону.
Я Стиксом вам клянусь — мне все равно.
Я знаю, что? богоподобной нужно —
Ведь мне она шлет оперенных сватов,

Чей вкрадчивый и смертоносный посвист
Мне шепчет о желаниях ее.
Я женщин никогда не сторонился
И был, с тех пор как у меня пробилась
Впервые борода, отзывчив к каждой.
Лишь потому — клянусь вам громовержцем! —
Царице я покамест недоступен,
Что не нашел местечка под кустами,
Где б голову она, как на подушки,
Склонила бы на медь моих доспехов.
Цари, ступайте. Вас я догоню:
Уж мне теперь недолго ждать свиданья.
Но если даже свататься придется
Мне месяцы и годы к ней, — клянусь! —
Не раньше поверну я колесницу
Назад к друзьям и вновь Пергам увижу,
Чем амазонке стану женихом
И, увенчав ей лоб смертельной раной,
Ее пророчью вниз головой по камням.
За мной!

Грек

(вбегая)

Пелид, спешит к тебе царица.

Ахилл

Иду. Она уже опять в седле?

Грек

Покамест нет. Она идет пешком,
Но рядом конь персидский выступает.

Ахилл

Тогда, друзья, и мне коня подайте.
За мною, мирмидоняне мои!

Войско выступает.

Антилох

Безумец!

Одиссей

Антилох, что ж ты молчишь?
Дар убежденья свой на нем испробуй!

Антилох

А если силой?..

Диомед

Поздно: он далеко.

Одиссей

Проклятье амазонкам и войне.

Все уходят.

Явление пятое

Пентесилея, Протоя, Мероя, свита, войско амазонок.

Амазонки

Царица, славься! Слава и триумф

Тебе, кем будет праздник роз[84] украшен!

Пентесилея

Не для меня триумф и праздник роз:

Мне снова шлет призыв свой властный битва.

Надменный юный бог войны повержен

Быть должен мною: ведь над ним победа —

Блистательней, чем десять тысяч солнц,

Единым раскаленным шаром ставших.

Протоя

Возлюбленная, заклинаю...

Пентесилея

Прочь!

Я так решила, и остановить,
Поток, с горы летящий в пропасть, легче,
Чем обуздать порыв моей души,
Откуда гром уже готов ударить.
Хочу во прах втоптать я гордеца,
Который нынче, в славный день сраженья,
Смутил мой дух воинственный впервые.
Как! Я, царица грозных амазонок,
Вселяющая ужас во врагов,
Мчусь на него, а он, чей медный панцирь
Мне служит зеркалом, стоит, не дрогнув!
Да разве я, на ком богов проклятье,
Не сознаю себя, героя видя,
Униженной, надломленной душевно,
И обессиленной, и побежденной,
Хоть войско греков предо мной бежит?
Не только грудь моя — все существо
Исполнено предчувствием гнетущим,
И в гущу боя, где меня глумливо
Он поджидает, кинуться я жажду,
Чтоб победить его иль умереть!

Протоя

Склони на грудь твоей Протои верной
Свое чело и отдохни немного.
Паденье слишком потрясло тебя:
Смутило разум, кровь воспламенило.
Дрожит все тело юное твое.
Мы умоляем — подожди с решеньем,

Пока не обретешь вновь ясность духа.

Побудь со мною и передохни.

Пентесилея

Зачем? Что я сказала? Что случилось?

О чем ты?

Протоя

Как! Из-за одной победы,

Заманчивой лишь на одно мгновение,

Играешь ты исходом всей войны

И, чтоб осуществить свое желанье,

Тебе самой неясное, рискуешь,

Как девочка капризная, удачей,

Ниспосланной народу твоему!

Пентесилея

Да будет проклят этот день несчастный,

Когда мои любимые подруги

С коварною судьбой в союз вступили,

Чтоб мне вредить и унижать меня!

Едва я руку протираю жадно,

Чтобы поймать за кудри золотые

Вблизи меня витающую славу,

Как кто-нибудь помеху мне чинит

И этим дух мой пуще распаляет.

Прочь!

Протоя

(в сторону)

Будьте ей защитой, силы неба!

Пентесилея

Я думаю — что? вновь на поле битвы

Меня влечет. Моя ли только воля?

Иль мой народ? Иль неизбежность смерти,

Вплетающей шум дальних крыл своих

В хмельное исступление победы?

Зачем, чуть Веспер[85] вспыхнет в небе, тянет

На отдых нас, как будто кончен труд?

Хотя сокровища обильной жатвы

В снопы связали мы, набили ими

Высокий загром, уходящий в небо,

Но тучами затянуто оно

И молнией губительной чревато.

Вам не венчать цветами пленных греков,

Вам не вести их юную толпу

При трубных звуках и кимвальном звоне

В благоуханные долины наши.

Мне кажется все время, что вот-вот

На нас Пелид ударит из засады,

Ликующее шествие смутит

И, чтобы пленных выволить, нас будет

Преследовать до самой Фемискиры[86].

Где он в священном храме Артемиды

Их от цепей из роз[87] освободит,
А нас без сожаленья закует
В тяжелые железные оковы.
Ужель ему я дам уйти теперь,
Когда пять дней себя я не щадила,
Его паденье приуготовляя;
Когда, как спелый плод, готов свалиться
Он под копыта моего коня
От первого же моего удара?
Нет, прежде чем великое начало
Концом великим я не завершу,
Последних роз в венок свой не вплету,
Не возведу на пирамиду счастья,
Как обещала, дочерей Арея
Или под нею, рухнувшей, могилу
Не обрету себе бок о бок с ними,
Я не устану робость проклинать!

Протоя

О госпожа, глядят столь отчужденно
Твои глаза, что у меня в груди
Предчувствия теснятся так зловеще,
Как будто породил их вечный мрак.
Ту рать, что странный страх тебе внушает,
Рассеяла ты, как соломѹ ветер:
Лишь кое-где вдали сверкнет копье.
Едва лишь с войском ты сюда явилась,
Как был Ахилл отрезан от Скамандра.
Ты не дразни его, но избегай.

Юпитером клянусь, что первым делом
Направится он к лагерю данайцев,
А я сама тыл наших войск прикрою,
И он у нас ни одного из пленных
Не отобьет, клянусь тебе Олимпом.
Не будет даже издали страшить
Твоих наездниц блеск его оружия,
Четверки топот — заглушать их смех, —
Я в этом головой тебе ручаюсь.

Пентесилея

(внезапно поворачиваясь к Астерии)

Возможно ли, Астерия...

Астерия

Царица!..

Пентесилея

Разумно ли — как требует Протоя —

Мне возвращаться с войском в Фемискиру?

Астерия

Прости, царица, если я осмелюсь...

Пентесилея

Скажи, не бойся.

Протоя

(робко)

Если б ты совета

Спросить у всех соратниц пожелала...

Пентесилея

Он не от всех мне нужен — от нее!

Иль перестала я уж быть царицей?

Астерия, имею ли я право

Войска вести назад, в наш край родной?

Астерия

Властительница, раз тебе угодно,

Признаюсь я, что разум мой не верит

Картине странной, мне представшей здесь.

Хотя с Кавказа лишь на сутки позже

Я выступила с племенем моим,

Мы не успе[88]ли за твоею ратью,

Стремительной, как горная река,

И лишь сегодня под вечер явилась

Я, в бой вступить готовая, сюда,

Где услышала тысячеголосый

Звонящий ликованием крик: «Победа!»

Закончилась война для амазонок,

К их радости всеобщей. Я, в восторге,

Что цели наш народ достиг так быстро,
Хотя и обошелся без меня,
Дала приказ в обратный путь собираться,
Сама ж пошла взглянуть из любопытства
На пленников — хваленый плод победы
И вижу горсть рабов, дрожащих, бледных,
Не греков, а подонков, чьи щиты,
Во время бегства брошенные ими,
Твои воительницы подобрали.
А греческая рать под гордой Троей
По-прежнему стоит. Там Агамемнон
И Менелай[89], Аякс[90] и Паламед[91].
Тем временем тебе бросают вызов
Здесь Диомед, Улисс и Антилох,
А юный сын Фетиды, чье чело
Ты собиралась розами украсить,
Склонить его перед тобой не хочет
И всюду объявляет, что намерен
Попрять ногами царственный твой лик.
И дочь Арея спрашивает, вправе ль
Она домой вернуться с торжеством?

Протоя

(пылко)

Ты лжешь! Царица потрясла героев

Красой, величием, смелостью!

Пентесилея

Умолкни, Лукавая! С Астерией не спорь!

Она права: тот, кто один достоин

Быть мной сраженным, не сражен еще.

Протоя

Но, госпожа, пока ослеплена

Ты страстью...

Пентесилея

Прикуси язык, ехидна,

И не дерзай в царице гнев будить!

Прочь!

Протоя

Пусть я гнев в царице пробужу,

Пусть больше лик твой светлый не увижу,

Но все равно предательницей льстивой

Из трусости не стану в миг опасный.

Пока огнем тебя сжигает страсть,

Ты дев вести в сражение не способна:

Копью не может противостоять

Лев, если наглotalся он отравы,

Подложенной охотником коварным.

Клянусь богами вечными, с Пелидом

Не сладишь ты в подобном исступленьи.

Скорей мы сами до заката солнца

Всех юношей, с таким трудом безмерным

В бою жестоком взятых нами в плен,
Из-за безумства твоего лишимся.

Пентесилея

Мне странно это слышать. Что вселило
В тебя такую трусость вдруг?

Протоя

В меня?

Пентесилея

Скажи, кто побежден тобою?

Протоя

Юный

Царь Ликаон, аркадец[92]. Ты как будто
Его видала.

Пентесилея

Так. Не тот ли это,
Кто, весь дрожа, стоял в измятом шлеме
Вчера, когда я к пленникам...

Протоя

Дрожа?

Он тверд был, как Пелид, перед тобою!
Стрелой моей в сражении пронзенный,
Он пал к моим ногам, и с ним пойду я
На праздник роз так гордо, как умеем
Лишь мы одни идти в священный храм.

Пентесилея

Вот как? Я вижу, ты одушевилась!
Ну что ж, он у тебя не будет отнят.
Эй, отыскать немедленно меж пленных
И ей отдать аркадца Ликаона!
Возьми его и вдаль от шума битвы
Беги с ним, невоинственная дева.
Укройся, раз он стал тебе так дорог,
Под сень кустов цветущей бузины
В ущелье дальнем, где ты с нежным другом
Под сладострастный соловьиный свист
Отпразднуешь, распутница, тот праздник,
Которого дождаться не желаешь.
Но на глаза не попадайся мне
И путь навек забудь в мою столицу.
Пускай тебя любовник утешает,
Раз все презрела ты — любовь и славу,
Отечество, царицу и подруг.
Ступай, — я разрешаю. Больше видеть
Тебя я не хочу — ты мне мерзка.

Мероя

О госпожа!..

Предводительница амазонок

(из свиты)

Одумайся!

Пентесилея

Молчите!

Кто вступится, тот будет предан каре!

Амазонка

(входит)

Царица, приближается Ахилл!

Пентесилея

Ахилл? Чего же лучше! Девы, в битву!

Подайте мне метчайшее копье,

Острейший из стальных мечей подайте!

Миг радости даруйте мне, о боги:

Пусть юный и желанный мне воитель

К моим ногам, поверженный, падет.

Отдайте разом мне всю меру счастья,

На жизнь мою отпущенную вами.

Астерия, веди в сражение войско,

Аргивян отвлеки и позаботься,

Чтоб пыл моих войнолюбивых дев
Не помешал мне в бой вступить с Пелидом.
Отточена смертельная стрела
Для той, кто головы его... о нет!
Хотя бы волоса на ней коснется.
Я, только я должна сразить героя!
Подруги, только эта сталь должна
Привлечь его в мои, увы, стальные
Объятья, чтобы он к моей груди
Прильнул и безболезненно и нежно.
Пускай он на весенние цветы
Поникнет, чтоб остаться невредимым:
Мне кровь его дороже, чем своя.
Не успокоюсь я, пока не рухнет
Пелид, как с неба редкостная птица,
К моим ногам, но так, чтоб, грянув оземь,
Ни одного пурпурного пера
Из крыльев сломанных он не утратил.
Тогда пусть тени из страны блаженных
Приходят праздновать победу нашу,[93]
Тогда я вас домой на праздник роз
Смогу вести по праву, как царица.
Идем!

(Уходя, замечает плачущую Протою, встревоженно оборачивается и внезапно бросается ей на шею.)

Сестра моей души! Протоя!

Пойдешь ли ты со мной?

Протоя

(надломленным голосом)

С тобой хоть в Орк!

Пентесилея

О лучшая из всех людей! Мы вместе

Сразимся, победим или погибнем.

Вперед, и пусть девизом нашим будет:

Иль на челе героев наших розы,

Иль над могилой нашей кипарис!

Все уходят.

Явление шестое

Входит верховная жрица Дианы в сопровождении жриц, за ними толпа девушек с кошницами на головах и пленники под охраной нескольких вооруженных амазонок.

Верховная жрица

О девы — собирательницы роз,

Мне плод своих стараний покажите.

Здесь, где меж скал под пинией безмолвной

Лишь ключ журчит, никто нам не мешает.

Здесь предо мной рассыпьте вашу жатву.

Одна из девушек

(высыпая свою корзину)

Мать, посмотри, я нарвала все это.

Вторая девушка

(делая то же самое)

Охапку эту — я.

Третья девушка

Вот эту — я.

Четвертая девушка

А я вот эту, что весны пышнее.

Верховная жрица

Тут больше роз, чем на гиметских склонах![94]

Диана, не запомнит твой народ

Дня достославней и благословенней.

И матери и дочери дары

Приносят мне, но знаю я, чьи лучше, —

Двойная роскошь взор мой не слепит.

Как! Это все, что вы собрали, дети?

Первая девушка

Да, это все, что мы найти сумели.

Верховная жрица

Ну, значит, матери прилежней вас.

Вторая девушка

Святая жрица, на полях окрестных
Брать пленных легче, чем срывать цветы.
Стоят густые толпы юных греков
По всем холмам, как спелые хлеба,
Серпа проворной жницы ожидая,
В то время как цветут в ущельях розы
Так скудно и так труден доступ к ним,
Что легче, чем сквозь их шипы пробраться,
Путь проложить себе сквозь стену копий.
Взгляни сама, что с пальцами моими!

Третья девушка

Рискнула я взобраться на скалу,
Чтоб там сорвать единственную розу —
Вернее, бледный и едва заметный
В темно-зеленой чашечке бутон,
Раскрыться для влюбленных не успевший.
Я все же сорвала его, споткнулась
И в пропасть рухнула. Мне показалось,
Что смертный мрак меня уже объял,
Но счастьем было для меня паденье:
Цвел под скалой куст роз — такой, что их
На дюжину побед бы нам хватило.

Четвертая девушка

Тебе я лишь одну, святая жрица,
Всего одну лишь розу принесла,
Зато такую, что она достойна —
Взгляни же! — увенчать чело царя.
Пентесилея, победив Ахилла, —
И та себе иной не пожелает.

Верховная жрица

Ну что ж, когда она его сразит,
Ты поднесешь ей царственную розу,
А до тех пор побереги цветов.

Первая девушка

Когда под звон кимвалов[95] в битву снова
Помчатся амазонки, с ними вместе
Позволь идти и нам, но не затем,
Чтобы победу матерей украсить,
Сбирая розы и венки сплетая.
Смотри, моя рука уже умеет
Владеть пращой и дротик в цель метать,
А потому венок мне тоже нужен, —
И пусть робеть не вздумает в бою
Тот юноша, в кого мой лук направлен.

Верховная жрица

Ты так считаешь? Что ж, тебе я верю.

Раз на челе его ты розы видишь,
То будущей весной, когда они
Вновь зацветут, в бою найдешь его ты.
Теперь же вам пора плести венки —
Ведь ваших матерей торопит радость.

Девушки

(перебивая друг друга)

За дело! Ну, кто с кем? Живей, подружки!

Первая девушка

(второй)

Я — с Главкотоей.

Третья девушка

(четвертой)

С Хармионой — я.

Рассаживаются попарно.

Первая девушка

Сплетем венок Орнитии, чей пленник —

Альцест могучий в шлеме пышногривом.

Третья девушка

А мы — сестре, Партенионе. Ею

Взят Атеной с Медузой[96] на щите.

Верховная жрица

(вооруженным амазонкам)

Что ж вы беспомощно стоите, девы?

Иль вы гостей развеселить не в силах?

Иль я должна любви вас обучать?

Скажите им приветливое слово.

Спросите их, сраженьем изнуренных,

Что нужно им, чего они хотят.

Первая амазонка

Они твердят: «Нам ничего не надо».

Вторая амазонка

Они на нас рассержены.

Третья амазонка

Упрямы,

Чуть к ним подходим мы, нам кажут спину.

Верховная жрица

Пусть сердятся, а вы должны суметь

Их умягчить. Зачем иначе было

Брать верх над ними в беспощадной сече?

Скажите им, что? ждет их, что? утешит,

И станут поприветливей они.

Первая амазонка

(одному из пленных греков)

О юноша, не хочешь ли на мягкий

Ковер прилечь? Иль из цветов весенних

Под сенью лавров ложе приготовить

Я для тебя, усталого, должна?

Вторая амазонка

(другому греку)

Не хочешь ли, чтоб с ключевой водой

Я ароматы Персии смешала

И ноги пыльные тебе омыла?

Третья амазонка

Ужель ты отвернешься, коль подам

Сок апельсинов я тебе любовно?

Все три амазонки вместе

Скажите, как вам услужить?

Один из греков

Никак.

Первая амазонка

Вот странно! Что гневит вас, чужеземцы?

Чем облик наш пугает вас? Ведь мирно

Покоятся в колчанах наших стрелы.

Иль страх в вас шкуры львиные вселяют?

Ты, на котором пояс, отвечай!

Грек

(глядя ей прямо в лицо)

Скажи, вы для кого венки сплели?

Первая амазонка

Как — для кого? Для вас.

Грек

Итак, цветами,

Чудовища, украсите вы пленных,

Чтоб их потом, как жертвенных животных,

Зарезать?

Первая амазонка

Вздор! Вас поведут в дубраву

Близ храма Артемиды. Там, в тени,

Вы вкусите безмерные восторги.

Грек

(изумленный, вполголоса остальным пленным)

Здесь явь странней, чем самый странный сон!

Явление седьмое

Те же. Военачальница.

Военачальница

Достойная, зачем еще ты здесь,

Откуда до готовой к битве рати

Не дальше, чем метнуть могу я камень?

Верховная жрица

Как! Снова бой? Где наши?

Военачальница

В той долине,

Которая к Скамандру прилегает.

Прислушайся! Доносит ветер с гор

Громоподобный клич царицы нашей,

И ржание коней, и лязг оружия,

И звуки труб, кимвалов и литавр —

Кровавого сраженья медный голос.

Одна из жриц

Кто, девушки, на холм взбежит?

Девушки

Я! Я!

(Взбегают на холм.)

Верховная жрица

Царица? Ничего не понимаю...

Зачем она велела праздник роз

Готовить, прежде чем утихла битва?

Военачальница

Что? Праздник роз? Кому велела?

Верховная жрица

Мне.

Военачальница

Когда и где?

Верховная жрица

Под тем вон обелиском

Я час тому назад в тени стояла

И вижу вдруг — несутся, словно ветер,

Пелид и вслед за ним Пентесилея.

Я крикнула царице: «Ты куда?»

Она в ответ: «На праздник роз, как видишь!»

И, миновав меня, расхохоталась:

«Смотри, чтобы на всех хватило роз!»

Первая жрица

(девушкам)

Ее вам видно?

Первая девушка

(с холма)

Ничего не видно.

Неотличимы шлемы друг от друга.

Закрыли тени туч грозо?вых поле,

Где можно разглядеть лишь колыханье

Нестройных толп, смешавшихся в бою,

Чей гул долину смерти оглашает.

Вторая жрица

Царица прикрывает отступленье?

Первая жрица

Наверно.

Военачальница

Нет, она стремится в бой.

Я говорю вам, ждет она Пелида,
Разгоряченная, как конь персидский,
Который встал под нею на дыбы.
Ее глаза из-под ресниц сверкают.
Она так бурно, но свободно дышит,
Как если бы впервые воздух битвы
Пила ее воинственная грудь.

Верховная жрица

Бессмертные, что? гонит в бой ее?
Чего она еще найти там хочет
Теперь, когда десятки тысяч пленных
В окрестные леса мы отведи?

Военачальница

Чего она еще в сраженьи ищет?

Девушки

(с холма)

О боги!

Первая жрица

Что? Иль стало вдруг светлей?

Первая девушка

Сюда, святые жрицы!

Вторая жрица

Говори же!

Военачальница

Чего она еще в сраженье ищет?

Первая девушка

Смотрите все! Сквозь толщу облаков

Луч солнца неожиданно пробился

И шлем Пелида ярко озарил.

Верховная жрица

Чей шлем?

Первая девушка

Да чей еще как не Пелида?

Тот, как и конь его, закован в латы
И, стоя на холме, сверкает ярче,
Чем хризолит или сапфир горят.
Цветущая земля вокруг него,
Закутанная в сумрак непогоды,
Подобна фону темному из фольги,
Которым блеск героя оттенен.

Верховная жрица
Что нашему народу до Пелида?
К лицу ль царице дочерей Арея
В бой ради одного врага вступить?

(Одной из амазонок.)

Спеши к ней, Арсиноя, и царице
От имени богини объяви,
Что Марс уже предстал своим невестам
И что под страхом гнева Артемиды
Я ей велю увенчанного бога
Вести немедля в Фемискиру, чтобы
Там справить в храме праздник роз святой.

Амазонка уходит.

Что за безумство! Слыхано ль такое?

Первая жрица

Не видите ли вы царицу, дети?

Первая девушка

(с холма)

Да. Вон она — там, где сверкает поле.

Первая жрица

Где, где?

Первая девушка

Она перед толпою дев

Летит, сияя золотом доспехов

И пылом боевым кипя, как будто,

Ужаленная шпорой славолюбья,

Опередить решила даже солнце,

Которое ласкает ей чело.

Взмой к небесам она, чтобы сравняться

С соперником-светилом, — и тогда бы

Персидский конь, ее покорный воле,

Над миром окрыленной не взлетел!

Верховная жрица

(военачальнице)

Ужель никто из дев не попытался

Ни остеречь, ни удержать ее?

Военачальница

Нет, все ее знатнейшие подруги,
Особенно Протоя, с ней вступили
Здесь, где стоишь ты, в спор ожесточенный,
Домой ее вернуться убеждая,
Но красноречье им не помогло.
Она не внимлет голосу рассудка,
Затем что сердце юное пронзил ей
Опаснейшей из стрел своих Амур.

Верховная жрица

Немыслимо!

Первая девушка

(с холма)

Они нашли друг друга!
О боги, да не задрожит земля:
Они сейчас, пока я говорю,
Столкнутся на лету, как два светила!

Верховная жрица

(военачальнице)

Ты говоришь — царица? Быть не может!
Стрела? Амура? Где? Когда? Кого?
Ту, что владеет поясом алмазным?[97]
Дочь Марса, у которой нет груди,[98]

Куда любовь вонзить стрелу могла бы?

Нет, нет!

Военачальница

Но так гласит молва, и мне

Сама Мероя это рассказала.

Верховная жрица

О горе!

Возвращается амазонка.

Первая жрица

С чем вернулась ты назад?

Верховная жрица

Ты говорила или нет с царицей?

Амазонка

Прости, святая мать, я опоздала,

К ней не пробилась и могла лишь видеть,

Как вдалеке она меж дев мелькает.

Но я на миг с Протоей повстречалась

И волю ей твою передала,

А та в ответ... Не знаю только, верно ль

Я поняла ее в смятенье боя.

Верховная жрица

Так что ж она в ответ?

Амазонка

Сдержав коня,

Она взглянула на Пентесилею,

Смахнула с глаз слезу и, услышав,

Как недовольна ты нелепой битвой,

Идущей из-за головы одной,

Ответила: «Ступай обратно к жрице,

Пусть молит на коленях, чтоб в сраженье

Лишь эта голова скатилась наземь,

Не то ни нам, ни жрицам не спастись».

Верховная жрица

Прямым путем стремится в Орк царица,

И если не Пелид, то враг, живущий

У ней самой в груди, ее сразит!

Всех нас с собой она потянет в пропасть.

Уже я вижу, как по Геллеспонту

В насмешку нам разубранный корабль,

Закованных, в Элладу нас уносит.

Первая жрица

А вот спешит и вестница несчастья!

Явление восьмое

Те же. Предводительница амазонок.

Предводительница

Беги, спасай скорее пленных, жрица:

Сейчас все войско греков будет здесь!

Верховная жрица

О боги-олимпийцы! Что случилось?

Первая жрица

А где Пентесилея?

Предводительница

Пала в битве.

Рассеяны дружины амазонок.

Верховная жрица

Да ты сошла с ума! Что ты сказала?

Первая жрица

(вооруженным амазонкам)

Всех пленных увести!

Пленных уводят.

Верховная жрица

Как? Где? Когда?

Предводительница

Я буду краткой, ибо весть — ужасна.

Ахилл с царицей, копья опустив,

Столкнулись, словно две стрелы громо?вых,

Друг в друга полетевшие из туч.

Ударясь в груди, копья расщепились.

Пелид не покачнулся, но она,

Почуя смерть, с коня упала наземь.

Все думают уже, что он ее,

У ног его лежащую бессильно,

Из мести в Орк немедленно низвергнет.

Но чудо! Став бледнее мертвеца

И весь дрожа, он восклицает: «Боги!

Как смотрит на меня она пред смертью!»

С коня соскакивает торопливо

И к ней, — меж тем как, скованные страхом

И помня повеление царицы,

Не смеют девы взяться за мечи, —

Подходит, наклоняется над нею

И, горестно воззвав: «Пентесилея!» —
Удар, им нанесенный, проклиная,
Ее любовно на руки берет
И молит снова к жизни возвратиться.

Верховная жрица
Как! Он? Он сам?

Предводительница

Грохочет гневно войско:

«Проклятый, прочь!» Протоя восклицает:
«Смерть — вот ему награда! Пусть уходит,
Или стрелу острейшую — в него!»
И, оттеснив своим конем Пелида,
Из рук его царицу вырывает.

Тем временем несчастная очнулась.

Она хрипит. Одежда на груди
Изодрана, и косы растрепались.

Ее уводят девы с поля битвы,
А он, загадочный герой долопский, —
Как если б некий бог любовью сердце
Смягчил в его закованной груди, —
Взывает к ним: «Подруги, не спешите!
Ахилл вам предлагает вечный мир».
Отбрасывает он свой щит и меч,
Шлем с головы срывает, с плеч доспехи
И следует — хоть с ним покончить можем
Мы палками иль голыми руками —

За нашу царицей так отважно,
Как будто сознает в своем безумье,
Что жизнь его для наших стрел запретна.

Верховная жрица
Кем отдан столь бессмысленный приказ?

Предводительница
Царицей. Кем же как не ею?

Верховная жрица
Ужас!

Первая жрица
Смотрите, вон ведет сюда Протоя
Ее, живой прообраз поражения.

Верховная жрица
О боги, как плачевен вид ее!

Явление девятое

Те же. Пентесилея, которую ведут Протоя и Мероя; свита.

Пентесилея

(слабым голосом)

Собак спустите на него! В слонов,
Чтоб натравить их, факелы метайте!
Пусть, скошенный серпами колесниц,
Он будет их колесами размолот!

Протоя

Мы заклинаем...

Мероя

Выслушай, царица!

Протоя

Сюда Пелид стремится за тобою.
Спасайся, если жизнью дорожишь!

Пентесилея

Пусть грудь мою он раздробит, Протоя!
Ведь это все равно что мне самой
Втоптать во прах ту лиру, из которой
Исторг мое же имя ветер ночи.
Ведь я склонилась пред медведем диким
И леопарда гладила, хоть он
Приблизился ко мне с такой же целью,

С какою подошла к нему и я.

Мероя

Не хочешь ты бежать?

Протоя

Не хочешь скрыться?

Мероя

Спасти не хочешь?

Протоя

И произойдет

Здесь то, чему нет в языке названья?

Пентесилея

Моя ль вина, что я его любви

Должна искать оружием в сраженьи?

Да разве я, грозя ему мечом,

Хочу его низвергнуть в Орк бездонный?

Нет, боги мне свидетели, я только

Хочу его на эту грудь привлечь!

Протоя

Она в бреду!

Верховная жрица

Несчастливая!

Протоа

Решилась

Она ума.

Верховная жрица

И об одном лишь мыслит.

Протоа

В беспомыслие ее паденье ввергло.

Пентесилея

(с вынужденной решимостью)

По-вашему пусть будет. Я смирилась.

Раз нужно, я себя переборю

И тяжкий долг с улыбкой исполню.

Вы правы. Я не смею, как дитя,

Чьему капризу взрослые не вняли,

Презреть своих богов. Трубите сбор!

Сознаюсь вам, и я хотела счастья,

Но раз его мне звезды не послали,

В бой за него я с небом не вступлю.
На лошадь сесть мне только помогите,
И вас домой согласна я вести.

Протоя

Благословенно трижды, госпожа,
Твое достойное царицы слово!
Идем! К отходу все готово.

Пентесилея

(увидев в руках у девушек венки и неожиданно вспыхнув)

Стойте!

Кто дал приказ плести венки из роз?

Первая девушка

Забывчивая, кто мог это сделать,
Как не...

Пентесилея

Как кто?

Верховная жрица

Твои спешили девы
Отпраздновать желанную победу,
И ты сама приказ нам отдала.

Пентесилея

Я проклинаю ваше нетерпенье!

Проклятье всем, кто в час кровавой сечи

Умеет лишь об оргиях мечтать!

Проклятье вождельням, псам, живущим

В груди невинных дочерей Арея,

Где покрывает их голодный лай

Рев медных труб и голос полководцев!

Иль победили мы, что вы триумф

Готовите с насмешливостью адской?

Прочь с глаз моих!

(Разрубает венки мечом.)

Первая девушка

Владычица, опомнись!

Вторая девушка

(подбирая розы)

Других на много миль вокруг не сыщешь —

Скупа весна.

Пентесилея

Пусть и весна увянет,

Пусть и планета, где мы дышим, будет

Раздавлена вот так, как эта роза!
О, если б все соцветие миров
Могла я разрубить, венку подобно!
О Афродита!

Верховная жрица
Бедная царица!

Первая жрица
Она погибла безвозвратно!

Вторая жрица
Стала
Ее душа добычею Эриний.

Жрица
(с холма)
Я заклинаю вас, бегите, девы!
Ахилл отсюда — на полет стрелы.

Протоя
Беги! — тебя молю я на коленях.

Пентесилея

Ах, до смерти душа моя устала!

(Садится.)

Протоя

Что делаешь ты?

Пентесилея

Можете бежать.

Протоя

Как!

Мероя

Неужели?

Протоя

Хочешь ты?..

Пентесилея

Остаться.

Протоя

Безумица!

Пентесилея

Меня не держат ноги.

Встав, я себе сломаю кости. Прочь!

Протоя

Несчастливая! Уже до нас Пелиду —

Один полет стрелы...

Пентесилея

Пусть он придет.

Пусть выю мне стальной пятой придавит.

Доколе же моим щекам цветущим

От первородной грязи отличаться?

Пусть за четверкой он меня протащит

Вниз головой, а после бросит это

Трепещущее юной жизнью тело

Стервятникам пернатым или псам.

Уж лучше прахом быть, чем нелюбимой.

Протоя

Царица!

Пентесилея

Прочь все побрякушки с шеи!

Протоя

О боги! Ведь совсем, совсем иное

Твои уста недавно изрекли.

Пентесилея

Прочь украшенья с головы! Проклятье

Им, кто еще бессильней щек и стрел!

Будь проклята рука, меня сегодня

Пред боем украшавшая, и губы,

Шептавшие мне: «Это для победы!»

Проклятье вам, притворщицам, стоявшим

Вокруг меня и восхвалявшим льстиво

Мой гибкий даже в медных латах стан!

Проклятье вашим дьявольским уловкам!

Греки

(за сценой)

Вперед, вперед, Пелид! Еще немного,

И ты пробьешься к ней. Смелей вперед!

Жрица

(с холма)

Владычица, Дианой заклинаю,

Беги или погибнешь!

Протоя

Жизнь моя,

Сестра моя, спасайся!

Пентесилея с плачем прислоняется к дереву. Растроганная Протоя опускается к ее ногам.

Ну, как хочешь.

Пусть будет так, раз иначе нельзя.

Не плачь. Я остаюсь с тобою. Боги

Да не попустят, чтобы от тебя

Потребовала я того, что сделать

Не в силах ты. Вы, девы, уходите

И возвращайтесь в милую отчизну,

А мы с царицей остаемся здесь.

Верховная жрица

Как! Ты сама безумной потекаешь?

Мероя

Что ей бежать мешает?

Верховная жрица

Да ничто.

Тут дело не в судьбе и не в помехах,

А в глупом сердце.

Протоя

Так уж рок судил.

Поверь, с себя ей сбросить много легче

Стальные неразрывные оковы,

Чем груз тобой осмеянного чувства.

Лишь ей одной известно, что творится

В ее груди: где чувство, там загадка.

Она пленилась высшим благом жизни,

Его коснулась, и ее рука

Не хочет браться ни за что другое, —

Прильни к моей груди. О чем ты плачешь?

О чем тоскуешь?

Пентесилея

Ах, болит, болит!

Протоя

Где?

Пентесилея

Здесь.

Протоя

Могу ли я помочь?

Пентесилея

Не можешь.

Протоя

Тогда крепись: все совершится вскоре.

Верховная жрица

(вполголоса)

Безумицы!

Протоя

(так же)

Прошу тебя, молчи!

Пентесилея

А если бы я все ж бежать решилась,

Скажи, куда направиться мне?

Протоя

В Фарсос[99].

Там ты нашла бы, я ручаюсь в том,

Твое сейчас рассеянное войско,

Передохнула, залечила раны

И, если б захотела, снова в бой

С рассветом повела своих наездниц.

Пентесилея

Ах, если б я могла!.. Но я без сил.

Гонясь за невозможным, я свершила

Все то, что человек свершить способен.

Поставила я на кон всю себя,

Взлетели кости и упали вновь,

И я должна понять, что проиграла.

Протоя

Нет, нет, любимая, не думай так!

Себя напрасно ценишь ты столь низко.

Хоть ты и мнишь, что цель твоей игры

Отныне больше ничего не стоит,

По-прежнему заманчива она.

Ужели, сбросив с шеи ожерелье

Из розовых и белых жемчугов,

Лишилась ты душевного богатства?

Как много для своей высокой цели

Могла б ты сделать, в Фарсос отступив!

Но я боюсь — теперь уж слишком поздно.

Пентесилея

(тревожно вздрогнув)

Будь я проворней... Ах, с ума сойду я!

Высоко ль солнце?

Протоя

Прямо над тобой.

Мы засветло еще поспеем в Фарсос,
От греков втайне заключим союз
С дарданцами и проберемся в бухту,
Где корабли аргивские стоят.
В условный час, под кровом темной ночи,
Мы подожжем их и ворвемся в лагерь,
И войско греков с двух сторон охватим,
В смятенье ввергнем, по стране рассеем,
А тех из них, кого мы захотим,
Нагоним, в плен возьмем и увенчаем.
Я счастлива была б увидеть это!
Не отдыхать хочу я, а сражаться
С тобою рядом под палящим солнцем
И устали не знать, пока желанье
Сестры любимой не осуществится
И не падет к ее ногам Пелид,
Ценой усилий долгих побежденный.

Пентесилея

(которая все это время пристально смотрела на солнце)

О, если б в воздух взмыть на мощных крыльях
Могла я...

Протоя

Что?

Мероя

О чем ты говоришь?

Протоя

Что видишь ты?

Мероя

Куда ты взор бросаешь?

Протоя

Скажи!

Пентесилея

Я знаю, чересчур высоко

Парит он в дальнем, знойном, вечном небе

Вокруг моей тоскующей груди.

Протоя

Кто, милая царица?

Пентесилея

Знаю, знаю...

Куда ведет дорога?

(Собирается с силами и встает.)

Мероя

Ты решилась?

Протоя

Ты встала? — А тогда уж будь, царица,

Подобна исполину и не гнись,

Хотя бы лег тебе весь Орк на плечи!

Стой твердо, как стоит тяжелый свод,

Хоть каждый камень в нем стремится выпасть.

Чело, как он — замо?к, подставь громам,

Воскликни: «Небожители, разите!»

И — пусть удар тебя до пят расколет —

Ни одного мгновенья не колеблись,

Пока цемент дыханья не дает

В твоей груди распасться камням жизни.

Идем. Дай руку.

Пентесилея

А куда идти?

Протоя

Хоть вон туда где скалы неприступны;

Хоть вот сюда, в укромные долины.

Ну, что предпочитаешь ты?

Пентесилея

Скалу.

Там ближе буду я к нему. За мною.

Протоя

Владычица, к кому?

Пентесилея

Подруги, руку!

Протоя

На тот вон холм взойди и сразу будешь

Там в безопасности.

Мероя

Идем.

Пентесилея

(дойдя до моста и внезапно останавливаясь)

Послушай,

Пойду я с вами, но сперва должна я...

Протоя

Что?

Мероя

Несчастливая царица!

Пентесилея

Еще одно осталось мне, подруги.

А было бы безумьем, согласитесь,

Хотя б одну возможность упустить.

Протоя

(негодующе)

Тогда уж лучше нам погибнуть разом —

Ведь все равно спасенья нет.

Пентесилея

О чем ты?

Скажите, что я сделала ей, девы?

Верховная жрица

Задумала ты?..

Мероя

Здесь решила ты?..

Пентесилея

Нет, нет, я не обидеть вас хочу,

А просто Иду взгромоздить на Оссу[100]

И на вершине от трудов почить.

Верховная жрица

Что? Иду?..

Мероя

Иду взгромоздить на Оссу?

Протоя

(поднимая взор к небу)

О, сжальтесь, боги вечные!

Верховная жрица

Погибла!

Мероя

(робко)

Царица, труд такой — лишь для гигантов.[101]

Пентесилея

Пусть так. А в чем я уступаю им?

Мероя

В чем ты им?..

Протоя

Небо!

Верховная жрица

Взвесь, что говоришь!

Мероя

Подумай, в силах ли ты это сделать?

Протоя

Подумай, что с тобою станет?

Пентесилея

Вздор!

За пламенные золотые кудри

Поймаю я его, когда...

Протоя

Кого?

Пентесилея

Он, Гелиос, чело мое заденет.

Испуганные амазонки молча переглядываются.

Верховная жрица

Силком ее тащите!

Пентесилея

Я — безумна:

Вот он у ног моих! Бери меня!

(Хочет кинуться в реку.)

Протоя и Мероя ее удерживают.

Протоя

Несчастливая!

Мероя

К нам на руки поникла

Она без чувств и жизни, словно саван.

Жрица

(с холма)

Вон, вон Ахилл! Его не удержать

Всей рати наших амазонок разом.

Одна из амазонок

Царице дев защитой будьте, боги!

Сразите дерзновенного!

Верховная жрица

(жрицам)

Уйдем!

Ни вам, ни мне не место в гуще боя.

Верховная жрица, жрицы и девушки — собирательницы роз уходят.

Явление десятое

Те же. Толпа амазонок с луками в руках.

Первая амазонка

(кричит в глубь сцены)

Смельчак, назад!

Вторая амазонка

Он слушать нас не хочет!

Третья амазонка

Военачальницы, что делать нам?

Не удержат безумца, не стреляя.

Вторая амазонка

Как быть, скажи, Протоя!

Протоя

(хлопоча вокруг царицы)

Да пустите

В него хоть десять тысяч стрел...

Мероя

(свите)

Воды!

Протоя

Но так, чтоб не был ранен он смертельно.

Мероя

Подайте шлем воды. Живее!

Амазонка из свиты

Вот он!

(Зачерпывает и подает воду.)

Третья амазонка

(Протое)

Спокойнее! Не бойся!

Первая амазонка

Стройтесь тут!

Пусть стрелы кудри опалят ему

И вкус лобзаний смерти он узнает.

Натягивают луки.

Явление одиннадцатое

Те же, Ахилл, без шлема, доспехов и оружия, в сопровождении нескольких греков.

Ахилл

Кому вы, девы, стрелами грозите?

Ужель моей груди незащищенной?

Иль снять мне даже шелковый нагрудник,

Чтоб доказать, что в сердце нет вражды?

Первая амазонка

Снимай, коль хочешь.

Вторая амазонка

Это не поможет.

Третья амазонка

В то место, где он руку держит, цельтесь!

Первая амазонка

Чтоб сердце, словно лист, стрела пробила

И унесла с собой.

Амазонки

(отдельные голоса)

Стреляй!

Ахилл

Оставьте!

Глазами поражаете вы метче.

Бессмертными клянусь, я не шучу

И, чувствуя, что, раненный глубоко,

Мой дух, как и рука, обезоружен,
Склоняюсь к вашим маленьким ногам.

Пятая амазонка

(пораженная копьем, которое вылетает из-за сцены)

Благие боги!

(Падает.)

Шестая амазонка

(так же)

Горе мне!

(Падает.)

Седьмая амазонка

Диана!

(Падает.)

Первая амазонка

Неистовый!

Мероя

(хлопоча вокруг царицы)

Несчастливая царица!

Вторая амазонка

Вот как обезоружен он!

Протоя

(также хлопоча вокруг царицы)

Ей худо!

Третья амазонка

Он ждет, пока всех дев не перебьют!

Мероя

А воины его все новых косят.

Что делать?

Первая амазонка

Колесницей смять его!

Вторая амазонка

Псов на него спустить!

Третья амазонка

Или засыпать

Его камнями с башен на слонах!

Амазонка из свиты (
внезапно оставляя царицу)
Попробую-ка я на нем свой лук!

(Снимает с плеча лук и натягивает его.)

Ахилл

(обращаясь то к одной, то к другой амазонке)

Нет, нет, я вам не верю: ложь речей

Ваш серебристый голос обличает.

Ужели ты, с глазами голубыми,

Иль ты, шелковокудрая, хотите

Отдать меня на растерзанье псам?

Я знаю, если бы сюда их свору

Привел ваш необдуманный призыв,

Меня б вы телом собственным прикрыли,

Чтоб защитить мое мужское сердце,

Которое любовью к вам горит.

Первая амазонка

Наглец!

Вторая амазонка

Как он расхвастался кичливо!

Первая амазонка

Он думает, что мы на лесть...

Третья амазонка

(многозначительно, к первой)

Отерпа!

Первая амазонка

Смотрите! Первая из наших лучниц!

Круг разомкните, девы! Тише!

Пятая амазонка

Что там?

Четвертая амазонка

Не спрашивай — увидишь.

Восьмая амазонка

Вот стрела!

Амазонка из свиты

(кладя стрелу на тетиву)

Ему сейчас прошью я бедра ею.

Ахилл

(греку, который стоит подле него с наведенным луком)

Стреляй в нее!

Амазонка из свиты

Бессмертные!

(Падает.)

Первая амазонка

Злодей!

Вторая амазонка

Не он — она сама убита.

Третья амазонка

Боги!

Подходит к грекам подкрепление вновь!

Явление двенадцатое

С противоположной стороны появляется Диомед с этолийцами; немного спустя, со стороны Ахилла, — Одиссей с войском

Диомед

Вперед, сыны Этолии! За мной!

(Ведет их через мост.)

Протоя

Спаси нас, всеблагая Артемида,

Иначе мы погибли!

(С помощью амазонок опять выносит царицу на авансцену.)

Амазонки

(в смятенье)

Мы пропали!

Нас обошли, отрезали! Спасайся,

Кто может! Все бегите! Прочь!

Диомед

(Протое)

Сдавайтесь!

Мероя

(бегущим амазонкам)

Вы что, сошли с ума? Остановитесь!

Протоя, видишь?

Протоя

(не отходя от царицы)

Задержи бегущих

И, если сможешь, нас освободи.

Амазонки рассеиваются. Мероя следует за ними.

Ахилл

Кто видит шлем царицы?

Один из греков

Вон она.

Ахилл

Десятка царств не жаль для Диомеда!

Диомед

Сдавайтесь, говорю я вам!

Протоя

Не ты,

А победитель ею завладеет.

Ее Пелиду я отдам.

Диомед

Тащите

Ее сюда.

Один из этолийцев

Эй, поднимайся!

Ахилл

(отталкивая этолийца)

Прочь!

Тот тенью станет, кто царицу тронет.

Она — моя, и вы здесь ни при чем.

Диомед

Ну нет, клянусь кудрями громовержца!

Твоя? Да по какому это праву?

Ахилл

Что хочешь думай, — лишь отдай.

Протоя

Тебя

Я не боюсь — ты так великодушен.

Ахилл

(поднимает царицу на руки)

Да, да.

(Диомеду.)

Иди, преследуй амазонок,

А я здесь на минуту задержусь.

Не спорь. Ступай. Не то что Диомеду —

Аиду я ее не уступлю.

(Опускает царицу на землю у подножия дуба.)

Диомед

Пусть так. За мною!

Одиссей

(проходя с войском по сцене)

В добрый час, Ахилл!

Прислать тебе четверку?

Ахилл

(склонившись над царицей)

Нет, не надо.

Я здесь побуду.

Одиссей

Хорошо. Как хочешь.

Вперед, чтоб не опомнилось бабье!

Одиссей и Диомед с войском уходят, преследуя амазонок.

Явление тринадцатое

Пентесилея, Протоя, Ахилл, свита греков и амазонок.

Ахилл

(расстегивая панцирь царицы)

Она мертва?

Протоя

О, лучше б уж закрылись

Ее глаза для света навсегда!

Мне страшно думать, что она очнемся.

Ахилл

Куда ее я ранил?

Протоя

Хоть разбил

Ты ей ударом грудь, царица встала.

Ее сюда мы довели и с нею

Хотели вон на том утесе скрыться,

Но (что тому причиной, я не знаю —
Боль или унижение) не смогла
Она с твоей победой примириться:
Ей ноги отказались вдруг служить,
Бессвязный бред с поблекших губ полился,
И на руки она мне вновь упала.

Ахилл

Ты видишь? Вздрогнула она.

Протоя

О боги!

Ужели ею чаша испита

Еще не вся? Но посмотрите...

Ахилл

Дышит!

Протоя

Пелид, коль состраданья ты не чужд.

Коль есть в тебе хоть слабый проблеск чувства,

Коль ты ее, смятенную, не хочешь

Ни умерщвлять, ни разума лишать,

Не откажи мне в просьбе.

Ахилл

Говори.

Протоя

Уйди! Пускай тебя, о несравненный,
Она, очнувшись, не увидит рядом.
Вели своей дружине удалиться,
И пусть, пока из-за туманных гор
Не встанет солнце, ни один из греков
Не подойдет к ней, не убьет ее,
Сказав: «Ты стала пленницей Ахилла».

Ахилл

Я ненавистен ей?

Протоя

Великодушный,
Не спрашивай! — Когда рука надежды
Вернет царицу радостную к жизни,
Пусть, чтобы в скорбь ее не погрузить,
Не первым ей предстанет победитель.
Немало в женском сердце есть такого,
Что нужно прятать от дневного света.
Пусть позже, раз так суждено, она,
Как пленница, склонится пред тобою,
Но — заклинаю! — этого не требуй,
Покуда не окрепнет дух ее.

Ахилл

Признаюсь, с ней я поступить намерен,
Как с гордым Приамидом поступил.[102]

Протоя

Жестокосердый!

Ахилл

Страшно ль это ей?

Протоя

Нет имени тому, что ты задумал!
Чудовище, ужель ее, чье тело
И юно и прелестно, как ребенок,
Украшенный цветами, ты предашь
Позору, словно труп?..

Ахилл

Ты ей скажи,
Что я ее люблю.

Протоя

Как!

Ахилл

Видит небо,

Люблю, как все мужчины женщин любят:

Стыдливо и желанием томясь,

Невинно и пылая вожделеньем.

Хочу ее назвать своей царицей.

Протоя

Уж не ослышалась ли я, о боги?

Ты хочешь? Ты?

Ахилл

Так можно мне остаться?

Протоя

Дай ноги мне твои облобызать!

Теперь, будь ты не здесь, богоподобный,

А хоть у Геркулесовых Столпов[103],

Тебя сама повсюду б я искала.

Но посмотри: она глаза открыла.

Ахилл

Шевелится.

Протоя

Мужчины, прочь отсюда!

А ты, Пелид, за этим дубом спрячься.

Ахилл

Друзья, ступайте.

Свита Ахилла уходит.

Протоя

(Ахиллу, прячущемуся за дубом)

Встань еще подальше

И выходи, молю тебя, не раньше,

Чем зов услышишь мой. Ты обещаешь?

Ведь не понять, что? на сердце у ней.

Ахилл

Да, обещаю.

Протоя

Наблюдай за нами.

Явление четырнадцатое

Пентесилея, Протоя, Ахилл, свита амазонок.

Протоя

Очнись, сонливица Пентесилея!

В каких просторах светоносных реет

Твой беспокойный дух, как будто стало

Ему постыло в собственном жилище,

Меж тем как счастье, словно юный царь,

Стучится в грудь твою и, удивляясь,

Что милая обитель опустела,

Уже готово повернуть назад

И в небо беглый свой полет направить?

Ужель ты гостя удержать не хочешь?

Встань, припади на грудь Протои.

Пентесилея

Где я?

Протоя

Иль незнаком тебе, сестра, мой голос?

Иль, видя этот мост и эти скалы,

Не узнаешь ты весь цветущий край?

Взгляни на дев, кольцом тебя обставших: О

ни тебя приветствуют, как будто

Стоят у входа в некий лучший мир,

Но ты вздыхаешь? Что с тобой?

Пентесилея

Протоя,

Какой ужасный сон видала я!

И сладко мне до слез, что, пробудясь,

Прижаться я могу усталым сердцем

К твоей груди отзывчивой, сестра!

Мне снилось, что в ожесточенной схватке

Пелид меня пронзил копьем и пала

Я, загремев доспехами, на землю,

Издавшую протяжный гул в ответ.

Покуда я беспомощно лежала,

В испуге разбежалось наше войско,

А он поспешно соскочил с коня,

Приблизился ко мне победным шагом,

Схватил меня, простертую, и поднял

Могучими руками вверх, а я,

Не в силах даже взяться за кинжал,

Ждала, когда меня к нему с глумленьем,

Как пленницу, в палатку повлекут.

Протоя

Нет, нет, царица милая! Глумленье

С его великодушьем несовместно,

И если б даже сон твой странный сбылся,

Верь, ты пережила бы миг блаженный,

Увидев, как во прах перед тобой

Любовь повергнет отпрыска богини.

Пентесилея

Проклятье мне, коль срамом жизнь куплю я!

Проклятье мне, коль стану я женой

Тому, кого мечом не победила!

Протоя

Спокойна будь, царица.

Пентесилея

Что? Спокойна?

Протоя

Иль верная Протоя не с тобою?

Каков бы ни был жребий твой, его

Разделишь ты со мною. Успокойся.

Пентесилея

Как море в тесной бухте между скал,

Была сейчас я, и не возмущало

Волненье безмятежность чувств моих.

Но, словно ветер волны океана,

Меня хлестнул совет: «Спокойна будь!»

Зачем мне быть спокойной? Что случилось?

Вы так глядите, — небо мне свидетель! —

Как будто, стоя за моей спиною,

Мне страшное чудовище грозит.

Но это только сон. Он был и минул.

Да или нет? Ты слышишь? Отвечай!

А где Мероя, Мегарида?

(Озирается и замечает Ахилла.)

Горе!

Вот и само чудовище стоит!

Но я теперь не скована...

(Выхватывает кинжал.)

Протоя

Опомнись!

Пентесилея

Негодная, ты смеешь мне мешать?

Протоя

Ахилл, спаси ее!

Пентесилея

С ума сошла ты!

Мое чело во прах ногой он втопчет.

Протоя

Ногою? Он? Безумица!

Пентесилея

Уйди!

Протоя

Да посмотри же на него, бедняжка!

Он без оружия за тобой стоит.

Пентесилея

Как!

Протоя

Знай, готов он, если ты захочешь,

Себя венком украсить.

Пентесилея

Быть не может!

Протоя

Ахилл, она не верит. Сам скажи!

Пентесилея

Он — пленник мой?

Протоя

А как же? Разве нет?

Ахилл

(выходя из-за дуба)

Во всем, царица, и готов до смерти

В оковах этих взоров пребывать.

Пентесилея закрывает лицо руками.

Протоя

Вот видишь, сам он это подтверждает.

В бою не только ты — он тоже рухнул

И был, пока ты замертво лежала,

Обезоружен. Так ведь?

Ахилл

Да, конечно,

И приведен сюда к ее ногам.

(Преклоняет перед нею колени.)

Пентесилея

(помолчав)

Тогда привет тебе, моя отрада,
Бог юный, чистый и розовощекий!
Гони по телу, сердце, кровь мою, —
Она, прихода гостя ожидая,
В груди давно без дела застоялась.
Проснитесь, силы юности моей,
По жилам растекитесь с ликованием,
Как вестники крылатые веселья,
И пусть, алея, словно стяг багряный,
Мои ланиты гордо возвещают:
«Отныне юный сын богини — мой!»

(Встает.)

Протоя

Умерь свое волнение, царица!

Пентесилея

(выходя вперед)

Сюда, покрытые в сраженьи пылью,
Победою увенчанные девы!
С собой ведите, дочери Арея,
Аргивян юных, взятых вами в плен!
Кошницы роз сюда несите, дети:
Венков немало нынче нужно нам.

Приказываю вам: в поля идите
И там дыханьем отогрейте розы,
Раз опоздала их весна взрастить.
За дело, жрицы всеблагой Дианы!
Как светлые ворота рая, двери
Ее благоухающего храма
Передо мной спешите распахнуть!
На алтаре священном заколите
Тучнейшего быка железом острым,
Чтоб туша круторогая все зданье
Падением безмолвным потрясла.
Служительницы храмовые, где вы?
Персидские душистые масла
Нагрейте на угле и с плит тяжелых
Проворно смойте жертвенную кровь.
Свои одежды легкие наденьте,
Вина налейте в золотые чаши,
В кимвалы гряньте, затрубите в трубы,
И пусть ваш хор, восторженный и стройный,
Повергнет в трепет прочный свод небес!
Протоя, помоги мне в ликованье,
Сестра, подруга, подскажи, придумай,
Как мне торжественней, чем на Олимпе,
Отпраздновать вступленье в брак святой
Моих невест войнолюбивых, свадьбу
Сынов Инаха с дочерьми Арея![104]
Мероя, где ты? Где ты, Мегарида?

Протоя

(подавляя волнение)

Равно вредны тебе и скорбь и радость,

Тебя равно сводящие с ума.

Когда вот так, переходя все грани,

Мечта тебя уносит в Фемискиру,

Мне хочется сказать тебе то слово,

Которое тебе подрежет крылья.

Обманутая, посмотри вокруг!

Где ты сейчас? Где жрицы? Мегарида?

Астерия? Мероя? Твой народ?

Пентесилея

(припадая к груди Протои)

Протоя, пусть хоть на одно мгновенье,

Как в реку запыленное дитя,

В поток веселья сердце окунется,

Чтоб каждое касание волны

С моей груди смывало пятна срама.

Исчезли мерзостные Эвмениды[105],

Я чувствую, что где-то рядом боги,

И жажду в их согласный хор вступить.

Мой дух окреп, для смерти я созрела,

Но прежде знать хочу: ты мне простила?

Протоя

Владычица моя!

Пентесилея

Я знаю, знаю:

Все лучшее, что есть во мне, — твое.

Считают, что несчастье возвышает,

Но этому не верю я, родная.

Оно меня ожесточало только

И вынуждало на богов и смертных

С необъяснимой страстью восставать.

Мне каждое лицо, коль скоро счастьем

Оно светилось, было ненавистно.

Казалось мне: когда дитя играет,

Оно смеется над моею болью.

А ныне всех вокруг хочу я видеть

В довольстве и веселье. Ах, подруга,

Героем можно и в страданье стать,

Но с богом только радость нас равняет.

Теперь быстрее за дело! Пусть немедля

Готовится в поход обратный войско.

Чуть лошади и люди отдохнут,

Мы выступаем с пленниками вместе,

К полям отчизны нашей путь держи.

Где Ликаон?

Протося

Кто?

Пентесилея

(с нежным упреком)

Ты ль его не знаешь?

Герой-аркадец, юноша, который
Тобой в бою захвачен. Где же он?

Протоя

(смущенно)

Еще содержат, как и прочих пленных,
Его в лесу. Со мною он, царица,
Увидится не раньше, чем в отчизну
Вернемся мы. Такой у нас закон.

Пентесилея

Позвать его! Как! Он еще в лесу,
Хоть должен быть у ног моей Протои?
Прошу, родная, позови его,
Иначе ты, как заморозок в мае,
Мешать мне будешь радоваться жизни.

Протоя

(в сторону)

Несчастливая! — Идите же скорей,
Исполните приказ царицы вашей.

(Кивает одной из амазонок, та уходит.)

Пентесилея

А где же собирательницы роз?

(Замечает розы, рассыпанные по земле.)

Смотри, благоуханные какие

И как их много!

(Проводит рукою по лбу.)

Ах, мой сон дурной!

(Протое.)

Ты не видала здесь верховной жрицы

Дианы?

Протоя

Я? Нет, нет, моя царица.

Пентесилея

Тогда откуда розы тут?

Протоя

(торопливо)

Смотри!

Те девушки, что их в полях сбирали,

Оставили нам целую кошницу.

Вот повезло! Позволь, я подберу
Душистые цветы и для Пелида
Сплету из них убор венчальный. Хочешь?

(Садится под дубом.)

Пентесилея

Как тронула ты, милая, меня!

Да, да, хочу. А я для Ликаона

Совью из тех вон пышных роз венки.

(Также подбирает розы и садится рядом с Протоей.)

Пусть музыка играет. Я волнуюсь.

Меня утешьте, девы, сладким пеньем.

Девушка

(из свиты)

Что спеть нам лучше?

Вторая девушка

Песнь победы?

Пентесилея

Гимн.

Девушки

(отдельные голоса)

Обманутая! — Что ж, споем. — Играйте.

Хор девушек

(в сопровождении музыки)

Аррей бежит!

Смотрите, в Орк спешит, дымясь,

Его белоснежная четверка.

Раскрыли ужасные Эвмениды

Ворота и снова закрыли их.

Одна из девушек

Гимен, что медлишь?

Зажги свой факел, и пусть он светит![106]

Гимен, что медлишь?

Хор

Аррей бежит!

(и т. д.)

Ахилл

(подойдя во время пения к Протое, вполголоса)

Я знать хочу, чем кончится все это.

Протоя

Великодушный, наберись терпенья

Еще хоть на минуту, — и увидишь.

Пентесилея и Протоя, сплетя венки, обмениваются ими, обнимаются и рассматривают их.
Музыка смолкает. Возвращается амазонка.

Пентесилея

Исполнила?

Амазонка

Перед тобою вскоре

Предстанет царь аркадский Ликаон.

Явление пятнадцатое

Пентесилея, Протоя, Ахилл, амазонки.

Пентесилея

Приди, прекрасный отпрыск Нереиды,

Приди, склонись к моим ногам. Вот так!

Будь посмелей. Иль ты меня боишься?

Иль ненавидишь ту, кем был повержен?

Скажи, боишься ты меня иль нет?

Ахилл

(у ее ног)

Как розы — солнечных лучей.

Пентесилея

Отрадный

Ответ! Тебе я солнце заменю.

Владычица Диана, он же ранен!

Ахилл

Пустое! Лишь рука слегка задета.

Пентесилея

Пелид, я заклинаю, не считай,

Что жизнь я у тебя отнять хотела.

Конечно, ты сражен моим копьем,

Но верь, когда ты в пыль повергся, зависть

Я к ней, тебя принявшей, испытала.

Ахилл

Не говори об этом, если любишь.

Уж заживает рана.

Пентесилея

Ты прощаешь?

Ахилл

От всей души.

Пентесилея

Тогда мне расскажи,

Как удастся ввергнуть льва в оковы

Любви — крылатому ребенку?

Ахилл

Гладит

Она его, наверное, по гриве

И этим укрощает.

Пентесилея

Вот и ты

Теперь в неволе, словно юный голубь,

Который пойман девушкой в силки,

А чувство, мной владеющее, это —

Рука, которой глажу я тебя.

(Увивает его цветами.)

Ахилл

Но кто же ты, волшебница?

Пентесилея

Умолкни.

Не спрашивай. Ты скоро все узнаешь.

Сейчас я легкой розовой гирляндой

Увью тебе чело; затем вокруг шеи,

Плеч, рук и ног и вновь вокруг чела

Ее я пропущу. Ты что вздыхаешь?

Ахилл

Я пью благоуханье уст твоих.

Пентесилея

(отстраняясь)

Нет, не они благоухают — розы.

Нет!

Ахилл

Вот я и хотел к кусту прильнуть.

Пентесилея

Дай им сперва созреть — сорвешь их после.

(Возлагает еще один венок на голову Ахиллу и отпускает его.)

Вот так! — Взгляни, прошу тебя, Протоя,
Как оттенен его грозный лик
Неяркими тонами роз пурпурных!
Клянусь, что даже юный день, подруга,
Когда его низводят Оры[107] с гор
И под его стопой блещут алмазы,
Ни чище, ни прекрасней быть не может.
А как глаза сверкают у него!
Его таким вот видя, я не верю,
Что это вправду он.

Протоя
Кто он?

Пентесилея

Пелид.

Скажи, да ты ли под стенами Трои
Сразил сильнейшего из Приамидов[108]?
Ужели ты вот этими руками
Пронзил ему, бегущему, стопу
И протащил его за колесницей
Вкруг города? Скажи! Но что с тобой?

Ахилл

Да, я.

Пентесилея

Ты? Так ли?

Протоя

Это он, царица:

Нельзя его приметы перепутать.

Пентесилея

Что за приметы?

Протоя

То вооруженье,

Которое Фетида, мать-богиня,

Достала у Гефеста для него.[109]

Пентесилея

Тогда, неукротимый, поцелуем

Позволь приветствовать тебя. Ты — мой!

О юный Марс, тобою я владею!

Коль спросят, чей ты, назови меня.

Ахилл

Но кто ты, непостижное виденье,

Ко мне из светоносного эфира

Сошедшее?[110] Могу ль тебя назвать я,

Когда моя смятенная душа
Сама не знает, кто владеет ею?

Пентесилея

Пускай она мне даст такое имя,
Чтоб в ней оно мой образ вызывало.
Хоть ты получишь перстень золотой,
Который будет для тебя защитой
И пропуском ко мне в любое время, —
Теряют перстень, забывают имя.
Утратив перстень, имя позабыв,
Сумеешь ли с закрытыми глазами
Ты в памяти мой образ воскресить?

Ахилл

Он будет в ней запечатлен прочнее,
Чем на алмазе.

Пентесилея

Знай, что я — царица
От Марса род ведущих амазонок.
Я рождена Отрерою великой,
Меня Пентесилеей нарекли.

Ахилл

Пентесилеей?

Пентесилея

Да.

Ахилл

И умирая,

Я буду повторять: Пентесилея!

Пентесилея

Тебе свободу я дарю — ты волен

Один меж дев по лагерю бродить.

Я прикую тебя к себе не цепью —

Оковами иными, что на сердце

Ложатся легче роз, но крепче меди.

Когда ж сомкнутся навсегда их звенья,

В горниле чувств запаянные так,

Что не порвут ни случай их, ни годы,

Ко мне, мой юный друг, ты возвратишься

И я, блюдя обычай, позабочусь

Исполнить все желания твои.

Скажи, ведь ты вернешься?

Ахилл

Да, как кони,

Бегущие домой на запах стойла.

Пентесилея

Ну что ж, тебе я верю. В Фемискиру

Обратно нынче выступаем мы.

Ты из моих коней возьмешь любого,

В шатрах пурпурных будешь ночевать,

И хватит у меня рабов покорных,

Чтоб воле царственной твоей служить.

Но так как я — ты это понимаешь —

В походе не свободна от забот,

Ты с остальными пленными побудешь,

Покуда в Фемискире, сын Фетиды,

Твоей не стану безраздельно я.

Ахилл

Пусть будет так.

Пентесилея

(Протое)

Что ж ты не признаешься,

Где спрятан твой аркадец?

Протоя

Госпожа...

Пентесилея

Хочу, чтоб на моих глазах, Протоя,
Его ты увенчала.

Протоя

Он придет.

Венок ему плела ты не напрасно.

Пентесилея

(вставая)

Меня зовут дела. Идти должна я.

Ахилл

Как! Ты уходишь?

Пентесилея

Дай мне встать, мой друг.

Ахилл

Любимая, ужель меня оставишь

Ты, прежде чем найдет чудесный выход

Мне грудь переполняющее чувство?

Пентесилея

До встречи в Фемискире, друг.

Ахилл

Останься.

Пентесилея

Друг, подожди прибытья в Фемискиру.

Пусти меня.

Протоя

(испуганно удерживая ее)

Владычица, куда ты?

Пентесилея

(высокомерно)

Клянусь Коцитом[111], странен твой вопрос!

Иду к войскам, к Мерое, к Мегариде.

Где ждут дела, там не до болтовни.

Протоя

Преследуют войска бегущих греков.

Мероя там. Пусть бой она закончит,

А ты здесь отдохни. Как только девы

Противника прогонят за Скамандр,

К тебе с победой войско возвратится.

Пентесилея

(в раздумье)

Сюда? Ко мне, на это поле? Так ли?

Протоя

Так, — я тебе ручаюсь в том.

Пентесилея

(Ахиллу)

Будь краток.

Ахилл

Скажи, зачем, загадочная дева,

Ты в спор наш с Приаидами вмешалась,

Под Троей с войском появившись вдруг,

Как с облаков сошедшая Афина?

Чем объяснить тот гнев непостижимый,

С которым ты, закованная в медь,

Как фурия, ударила на греков,

Хотя тебе довольно было б им

Предстать в своей красе, чтобы увидеть

Перед собой во прахе всех мужчин?

Пентесилея

Ах, сын богини, для меня запрещено

Сладчайшее искусство женских чар!
Не смею я, как греческие девы,
На празднествах, когда в веселых играх
Соперничают юноши Эллады,
Возлюбленного высмотреть себе;
Не смею я его, цветком играя
Или потупив скромно взор, увлечь;
Не смею на заре в гранатной роще,
Звнящей от напевов соловьиных,
К нему прижаться и сказать: «Твоя!»
Нет, юный мой избранник должен мною
Быть найден на кровавом поле битвы
И привлечен рукою, в медь одетой,
На эту грудь, что нежности полна.

Ахилл

Откуда же идет столь непонятный,
Неженственный — прости меня! — закон,
Как людям, так и естеству противный?

Пентесилея

От праисточника всего святого —
От вечности, горы, на чью вершину
Никто не восходил, затем что небо
Ее закрыло облачным дыханьем.
Праматерями нам закон наш дан,
И мы ему покорны, сын Фетиды,
Как ты заветам праотцев своих.

Ахилл

Не понял. Объясни.

Пентесилея

Изволь. Вот слушай.

В стране, подвластной ныне амазонкам,

Жил встарь народ богопослушных скифов,

Свободных и воинственных, как все

Земные племена в тот век далекий.

Своими с незапамятных времен

Считал он земли тучного Кавказа,

Однако эфиопский царь Вексор

Пришел к подножью наших гор и скифов,

Его с оружием встретивших, разбил,

В долины их проник и, острой сталью

Уничтожая мальчиков и старцев,

Род наших предков стер с лица земли.

В дома их победители вселились,

Свою утробу алчно насыщая

Дарами плодоносной их земли,

И с беспримерным варварским бесстыдством

Их женщин стали принуждать к любви,

Влача на ложе похоти и срама

Жен прямо от могилы их мужей.

Ахилл

Да, страшные события, царица,
Начало положили царству женщин.

Пентесилея

Но рано или поздно человек
С плеч сбрасывает груз невыносимый.
Терпеть не станет свыше меры он.
В храм Марса ночью женщины сходились
И о ступени бились головой,
Мольбы о мщенье втайне воссылая.
В постелях опозоренных они
Припрятавали острые кинжалы,
Откованные ими в очагах
Из игл, колец, браслетов и застежек,
И ждали только бракосочетанья
Вексора с их царицей Танаисой,
Чтобы гостей клинком облобызать.
В день свадебного торжества царица
Сама пронзила сердце жениху,
Не с эфиопом в брак вступив, а с Марсом,
И насмерть жены в ту же ночь все племя
Насильников клинками заласкали.

Ахилл

Да, женщины способны на такое.

Пентесилея

И, на совет сойдясь, народ решил,
Что женщинам, свершившим этот подвиг,
Быть подобает вольными, как ветер,
И власти пола сильного не знать.
Они свое устроят государство,
Где больше не раздастся никогда
Мужское повелительное слово,
Где учредят они свои законы,
Где будут сами охранять себя
И где царицей станет Танаиса.
Мужчина, увидавший царство их,
Свои глаза сомкнет навеки тут же;
А если у кого родится мальчик,
Зачатый от насильника, он будет
Вслед дикому отцу отправлен в Орк.
Затем народ нахлынул в храм Арея,
Чтобы венчать на царство Танаису,
Блюстительницу нового закона.
В торжественный тот миг, когда она
Всходила на алтарные ступени,
Чтоб золотой огромный царский лук,
Эмблему власти скифских государей,
Из рук верховной жрицы воспринять,
Разнесся вдруг по храму чей-то голос:
«Такое государство только смех
В мужчинах будет вызывать и рухнет
При нервом же нашествии соседей:
Ведь руки женщин немощны, свободе
Движений их мешает полногрудость,
И лук им, как мужчинам, не напярчь».

Царица взором обвела толпу,
Внимавшую смущенно этой речи,
И, видя, что народ заколебался,
Грудь правую себе оторвала
И стала женщин, лук натячь способных,
Кропить своею кровью, но упала
Без чувств. Отсюда и произошло
Название «амазонок», иль «безгрудых».
Затем венец надели на нее.

Ахилл

Клянусь, такой, как ей, груди не надо:
Она мужчин и так бы покорила.
Я преклоняюсь всей душой пред ней.

Пентесилея

Народ молчаньем встретил этот подвиг.
Лишь лук нарушил звоном тишину,
Из рук смертельно-бледной, неподвижной
Верховной жрицы Артемиды выпав.
Огромный, золотой, державный, гулкий,
Как колокол, ударился он трижды
О мраморную лестницу и лег,
Безмолвный, словно смерть, к ногам царицы.

Ахилл

Никто, надеюсь, в царстве женщин больше

Не подражает ей?

Пентесилея

Конечно, нет.

Не каждая легко идет на это.

Ахилл

(изумленно)

Но все ж идет? Не может быть!

Пентесилея

О чем ты?

Ахилл

Так, значит, сказка страшная правдива

И каждая из тут стоящих дев,

Которыми ваш пол гордиться может,

Перед которыми влюбленный должен

Склонять колени, как пред алтарем,

Ограблена чудовищно, безбожно?..

Пентесилея

Как! Ты не знал об этом?

Ахилл

(прижимаясь лицом к ее груди)

О царица!

Вместилище чистейших юных чувств

Из дикости нелепой...

Пентесилея

Успокойся!

Они нашли прибежище себе

Здесь, слева, ближе к сердцу,[112] и, надеюсь,

Все полностью ты их во мне найдешь.

Ахилл

Клянусь, что предрассветный сон — и тот

Правдоподобней, чем мгновенье это.

Но продолжай...

Пентесилея

Что?

Ахилл

Кончи свой рассказ.

Как это царство сверхнадменных женщин,

Возникшее без помощи мужчин,

Без помощи их может продолжаться?

Иль камни вам свои Девкалион

От времени до времени бросает?[113]

Пентесилея

Когда, произведя подсчет годичный,
Царица то, что смертью взято в царстве,
Решает возместить, она сзывает
Прекраснейших...

(Останавливается и смотрит на Ахилла.)

Чему ты улыбнулся?

Ахилл

Кто? Я?

Пентесилея

Да. Так мне показалось, милый.

Ахилл

Твоей красе. Прости за невниманье:
Я думал, не с луны ли ты спустилась.

Пентесилея

(помолчав)

Когда, произведя подсчет годичный,

Царица то, что смертью взято в царстве,
Решает возместить, она сзывает
Прекраснейших из дев своей страны
И в фемискирском храме Артемиды
Богиню молит, чтобы та их лоно
Благословила семенем Арея.
День этот отмечают тихо, скромно
И праздником цветущих дев зовут.
Затем мы ждем, когда снега растают
И поцелует грудь земли апрель.
Тогда святая жрица Артемиды
В храм Марса отправляется и к богу
Возносит, перед алтарем простершись,
Мольбу мудрейших матерей народа.
Бог, если им он пожелает внять, —
Затем что он отказывает часто
И на горах не растопляет снег, —
Указывает нам устами жрицы,
Какой народ, отважный и прекрасный,
Ему в замену избран им для нас.
Узнав названье племени и края,
Все бурно предаются ликованью.
Вручают матери оружие девам.
Невестами Арея нареченным.
Подруги им несут кинжалы, стрелы
И радостно им помогают тело
В металл наряда брачного облечь.
В веселый день похода, возвещенный
Негромким зовом труб, садятся девы,
Шепчась между собою, на коней

И от дорог вдали, ночами, тихо,
Как будто в войлок завернув копыта,
В назначенную им страну спешат.
Когда она достигнута, дается
Двухдневный отдых людям и животным,
А после, словно огненная буря,
Врываемся мы с ходу в лес мужчин,
Срубаем самых зрелых и увозим,
Как желуди, опавшие с дубов,
Их в нашу отдаленную отчизну.
Там, в храме Артемиды, мы их чтим
Святыми торжествами, о которых
Я знаю лишь, что это — праздник роз,
И всем, за исключением невест,
Под страхом смерти вход туда заказан,
Покуда не взойдет посев цветущий.
Затем, по-царски пленных одарив,
Их отсылаем в праздник материнства
На пышных колесницах мы домой.
Но этот день весельем не отмечен,
Сын Нереиды. Многим слез он стоит,
И многие сердца, скорбя глубоко,
Не знают, нужно ли на каждом слове
Хвалою Танаису поминать.
О чем мечтаешь ты?

Ахилл

Я?

Пентесилея

Да.

Ахилл

(рассеянно)

О большем,

Чем выразить словами я могу.

Любимая, ужель отослан буду

Тобой и я?

Пентесилея

Не спрашивай. Не знаю.

Ахилл

Как странно!

(Задумывается.)

Объясни еще одно.

Пентесилея

Охотно, милый.

Ахилл

Почему решила

Преследовать ты именно меня?

Иль обо мне ты знала?

Пентесилея

Без сомненья.

Ахилл

Откуда?

Пентесилея

А не будешь ты смеяться?

Ахилл

(улыбаясь)

Отвечу, как и ты: не знаю.

Пентесилея

Слушай.

Я все скажу. — Веселый праздник роз

Я в двадцать третий раз уже с рожденья

Встречала, по всегда издалека

Внимая крикам радости в дубраве

Вблизи святого храма. Лишь когда

Прощалась с жизнью мать моя Отрера,

Арей меня невестою избрал,
Затем что по желанью своему
Царевна рода моего не может
Прийти на этот праздник дев цветущих,
А ждет, пока ее возжаждет бог
И призовет к себе устами жрицы.
Я с умиравшей матерью сидела,
Когда служительницы Артемиды
Пришли, чтоб возвестить мне волю Марса —
Идти под Трою и его оттуда,
Увенчанного, привести с собой.
Как видно, богу не нашлось замены,
Которая была б желанней девам,
Чем эллины, сражавшиеся там.
Повсюду воцарилось ликование,
Раздались песни о деиньях славных —
О яблоке Париса, похищенье
Елены и Атридах-флотоводцах,
О Брисеиде, споре меж царями,
Пожаре кораблей, судьбе Патрокла,
О погребальных торжествах и мести,
Которыми почтил ты память друга,[114]
И об иных событиях этих лет.
Но, жгучими слезами обливаясь,
Рассеянно внимала я вестям,
Мне принесенным в смертный час Отреры.
Я к ней взывала: «Мать моя, позволь
С тобою мне остаться и проститься,
А этим женщинам вели уйти».
Но мать моя достойная, которой

Давно меня в поход послать хотелось,
Чтоб трон, прямой наследницы лишенный,
Не мог добычей честолюбья стать,
Ответила: «Иди, мое дитя,
Тебя зовет Арей. Венчай Пелида
И будь счастливой матерью, как я»,
И, руку нежно мне пожав, скончалась.

Протоя

Тебе Отрера имя назвала?

Пентесилея

Да, назвала, и порицать за это

Кто станет мать, что верит в дочь свою?

Ахилл

Как! Ваш закон и это воспрещает?

Пентесилея

Хоть дочери Арея и невместно

Противника искать, а надлежит

Избрать того, кого ей бог укажет,

В бою ей подобает устремляться

К сильнейшим из врагов. Ведь так, Протоя?

Протоя

Да, так.

Ахилл

Но дальше...

Пентесилея

Целый долгий месяц

Проплакала я горько над могилой

Усопшей и к короне, сиротливо

Лежавшей близ меня, не прикасалась,

Пока настойчивый призыв народа,

Который жаждал выступить в поход

И вокруг дворца толпился в нетерпенье,

Меня на трон не вынудил воссесть.

Вошла я, раздираемая скорбью,

В храм Марса, где дала мне жрица лук,

Державы амазонок звонкий символ,

И показалось мне, что мать со мною

И что наисвященнейший мой долг —

Ее последнюю исполнить волю.

Тогда я, саркофаг ее осыпав

Душистыми цветами, повела

Рать амазонок к городу дарданцев,

Скорей желанью матери моей,

Чем зову бога Марса повинуюсь.

Ахилл

Печаль недолго сковывала силу,

Которая кипит в твоей груди.

Пентесилея

Я мать любила...

Ахилл

Дальше...

Пентесилея

Так безмерно,

Что, подойдя к Скамандру и услышав,

Как те долины, где скакал мой конь,

Раскатам битвы из-за Трои вторят,

Забыла я о скорби и душою

В привольный мир сражений унеслась.

Я думала: «Пусть даже повторятся

Передо мной великие мгновенья

Истории, пусть даже сонм героев,

Которых славим мы в высоких песнях,

Сойдет ко мне с небес, но и меж них

Никто венка из роз не стоит больше,

Чем тот, кого мне указала мать, —

Неистовый, любимый, страшный, милый,

Во прах втоптавший Гектора Пелид,

Всегдашняя мечта моя дневная,

Всегдашний сон мой но ночам!» Весь мир

Казался мне одним ковром узорным,

И каждый из его стежков искусных
Являл один из подвигов твоих,
И, как на белом шелке алой нитью,
Был каждый вышит в сердце у меня.
Я видела, как под стенами Трои
Ты Приаида на бегу сражаешь;
Как поле ты, победой распаленный,
Оглядываешь, а чело врага,
Кровоточа, влачится по камням;
Как в твой шатер Приам с мольбою входит, —
И слезы проливала я при мысли,
Что даже у тебя, неумолимый,
В груди, как мрамор твердой, чувство есть.

Ахилл

Любимая!

Пентесилея

А что со мною было,
Когда тебя я увидела, друг,
Когда ты мне на берегу Скамандра
Среди героев своего народа,
Как солнце между звезд ночных, предстал!
Мне показалось, что с высот Олимпа
Сам бог войны Арей на колеснице,
Влекомой снежно-белыми конями,
Встречать невесту низошел, гремя.
Я вслед тебе смотрела долго-долго,

Почти ослепнув, словно странник ночью,
Когда при вспышке молнии ворота
Элисия пред чьею-то душой
Раскроются и с громом вновь сомкнутся.
Мгновенно угадала я, Пелид,
Какое чувство в грудь мою проникло.
Любовь меня настигла. Я решила,
Что мне одно из двух теперь осталось —
Иль победить тебя, иль умереть.
И вот тобой владею я, любимый.
Куда ты смотришь?

Вдали слышен звон оружия.

Протоя

(тихо)

Я прошу тебя,

Открой ей все немедля, сын богини.

Пентесилея

(вскакивая)

В бой, девы! Греки близко.

Ахилл

(удерживая ее)

Успокойся.

То пленники шумят, моя царица.

Пентесилея

Как! Пленники?

Протоя

(тихо, Ахиллу)

Нет, это Одиссей.

Клянусь я Стиксом, он тесним Мероей.

Ахилл

(в сторону)

Чтоб им окаменеть!

Пентесилея

Что происходит?

Ахилл

(с напускной веселостью)

Ты полубога мне должна родить,

Чтоб Прометей, воспрянув с ложа казни,

Народам возвестил: «Вот человек,

Каким его хотелось мне увидеть!»

Но знай, не я с тобою в Фемискиру,

А ты со мной отправишься во Фтию.

Когда народ мой кончит воевать,

Я увезу тебя туда, ликуя,
И возведу на трон отцов моих.

Шум за сценой продолжается.

Пентесилея

Что? Объясни. Не понимаю...

Амазонки

(встревоженно)

Боги!

Протоя

Ты, богоравный, хочешь?..

Пентесилея

Что случилось?

Ахилл

Царица, не случилось ничего.

Не бойся. Просто наступило время

Открыть тебе, что суждено богами.

Да, покорясь любви, я стал твоим

И уз ее не отряхну вовеки,

Но счастьем бранным ты мне отдана,

Затем что в схватке был не я повержен,
А ты упала в пыль к моим ногам.

Пентесилея
(взрываясь)
Чудовище!

Ахилл
Любимая, не надо!
Сам Зевс того, что было, не изменит.
Гнев подави и твердо, как скала,
Встреть вестника, который к нам подходит.
Он, кажется, несет дурную весть,
Но не тебе, а мне, как понимаешь.
Навек твой жребий предрешен отныне:
Ты — пленница моя, и охранять
Тебя я буду бдительней, чем Цербер.

Пентесилея
Я у тебя в плену?

Протоя
Да, госпожа.

Пентесилея

(заламывая руки)

О силы неба, где вы? Заступитесь!

Явление шестнадцатое

Те же. Входит военачальник, за ним свита Ахилла, несущая его доспехи.

Ахилл

С чем ты пришел?

Военачальник

Пелид, спеши отсюда!

Переменилось боевое счастье

И амазонок вновь ведет к победе.

Сюда летят стремительно они,

Бросая бранный клич: «Пентесилея!»

Ахилл

(вскакивая и срывая с себя венки)

Подать доспехи! Где моя четверка?

Я всех их колесницей растопчу!

Пентесилея

(у нее дрожат губы)

Взгляните, как он страшен! Он ли это.

Ахилл

(дико)

Они далеко?

Военачальник

Нет, уже в долину

Их полумесяц золотой[115] вкатился.

Ахилл

(вооружаясь)

Царицу увести.

Один из греков

Куда?

Ахилл

В наш лагерь.

Я сразу вслед за вами буду там.

Грек

(Пентесилее)

Вставай.

Протоя

Царица!

Пентесилея

(исступленно)

Почему, Кронид,

Ты молнию в меня еще не бросил?

Явление семнадцатое

Те же. Одиссей и Диомед с войском.

Диомед

(проходя по сцене)

Герой долопский, прочь! Беги отсюда!

Единственный еще открытый путь

Тебе вот-вот отрежут амазонки.

Не медли.

(Уходит.)

Одиссей

Греки, увести царицу!

Ахилл

(военачальнику)

Прошу тебя, Алексей, помоги ей.

Грек

(военачальнику)

Она нейдет.

Ахилл

(грекам, помогающим ему вооружаться)

Живей мой щит! Копье!

(К сопротивляющейся царице.)

Пентесилея!

Пентесилея

Неужели, милый,

Ты не пойдешь со мною в Фемискиру,

Ты не пойдешь со мной в тот храм, который

В дубраве дальней виден? Сын богини,

Приди — еще не все сказала я.

Ахилл

(теперь уже в полном вооружении, подходит и протягивает ей руку)

Ждет Фтия[116] нас.

Пентесилея

Не Фтия — Фемискира!

Друг, заклинаю, едем в Фемискиру,

Где храм Дианы меж дубов стоит.

Будь Фтия даже краем душ блаженных,

Нам лишь одна дорога — в Фемискиру,

Где храм Дианы над дубами встал.

Ахилл

(поднимая ее)

Любимая, прости и покорись.

Во Фтии я такой же храм построю.

Явление восемнадцатое

Те же. Мероя и Астерия с войском амазонок.

Мероя

Убить его!

Ахилл

(выпускает царицу и оборачивается)

Да вы быстрее бури!

Амазонки

(бросаясь между Пентесилеей и Ахиллом)

Спасай царицу!

Ахилл

Прочь, клянусь десницей!

(Хочет увести царицу.)

Пентесилея

(тащит его к себе)

Иди со мной, иди!

Амазонки натягивают луки.

Одиссей

Беги, безумный!

Сейчас не до упрямства. Все за мной!

(Увлекает Ахилла за собой.)

Все уходят.

Явление девятнадцатое

Те же, без греков. Верховная жрица Дианы с младшими жрицами.

Амазонки

Победа! Слава! Спасена царица!

Пентесилея

(помолчав)

Проклятье вам, постыдная победа,

И языки, хвалящие ее,

И воздух, разносящий восхваленья!

Да разве в плен путем обманным взял

Меня любимец счастья боевого?

Наверно, люди в распрях меж собой

Привыкли подражать волкам и тиграм,

Раз между них ведется так, что пленник,

Который ввергнуть в узы дал себя,

Уйти от победителя дерзает.

Пелид!

Амазонки

О боги, слышите ль вы это?

Мероя

Достойнейшая жрица Артемиды,

Прошу, приблизься.

Астерия

Нас клянет царица

За то, что мы спасли ее от рабства.

Верховная жрица

(выступая из толпы смятенных женщин)

Царица, я не скрою от тебя,

Что ты своею нечестивой речью

Безумный день достойно завершила.

Как! Ты не только выбрала себе

Врага в бою сама, презрев обычай;

Не только в пыль поверглась перед ним,

Кого должна была сразить; не только

Его за это розами венчаешь, —

Но и клянешь народ свой верный, снявший

С тебя оковы, и зовешь обратно

Того, кем ты в бою побеждена.

Ну что ж, великий отпрыск Танаисы,

Прошу прощенья за поспешность нашу —

Она была ошибкою, не больше,

Хотя и жаль мне крови пролитой,

Хотя я и желала б наших пленных,

Из-за тебя утраченных, вернуть.

Скажу тебе от имени народа:

Направь шаги, куда тебе угодно;

Одежды разметав, гонись за тем,

Кто вверг тебя в оковы, и вторично

Дай их обрывки на себя надеть.

Ведь так велит закон войны священный!

Но милость окажи и нам, царица:

Позволь твоим войскам войну закончить
И в Фемискиру возвратиться вновь,
Чтоб не пришлось хоть нам, по крайней мере,
Держа, как ты, в руках венки победный,
Молить бегущих греков задержаться,
Просить их пасть во прах у наших ног.

Пауза.

Пентесилея

(шатаясь)

Протоя!

Протоя

Госпожа!

Пентесилея

Со мной останься.

Протоя

С тобою — хоть на смерть. Ты что дрожишь?

Пентесилея

Так, ничего. С собой сейчас я справлюсь.

Протоя

В великом горе будь сама великой.

Пентесилея

Их отняли у нас?

Протоя

Кого, царица?

Пентесилея

Тех юношей, что взяты нами в плен.

И я тому виною?

Протоя

Успокойся.

В другой войне ты нам вернешь их вновь.

Пентесилея

(поникая к ней на грудь)

Нет, никогда!

Протоя

Царица!

Пентесилея

Никогда!

Хочу от всех я скрыться в вечном мраке.

Явление двадцатое

Те же. Входит вестник.

Мероя

К тебе, царица, вестник.

Астерия

Что он хочет?

Пентесилея

(подавляя радостный порыв)

Он от Пелида! Ах, что я услышу?

Пусть он уйдет, Протоя.

Протоя

С чем ты прибыл?

Вестник

Царица, шлет меня к тебе Ахилл,

Сын камышом венчанной Нереиды,
И вот что знать дает через меня:
Раз ты желаешь, чтобы он как пленник,
Отправился с тобой в твой край родимый,
А он, со стороны своей, желает
Взять в плен и увести с собой тебя,
То на смертельное единоборство
В последний раз тебя зовет он в поле,
Чтоб меч, стальной язык судьбы, решил
Перед лицом всеправедных бессмертных
И по святому приговору их,
Кто — ты иль он, Пелид, — из вас достоин
Противника к ногам своим повергнуть.
Согласна ль ты на это испытанье?

Пентесилея

(поблднев на мгновение)

Пусть молния спалит тебе язык,
Болтун проклятый, если не умолкнешь!
Приятней было б слышать мне, как глыба
По камням бесконечно громыхает,
Свергаясь в пропасть со скалистых круч.

(Протое.)

Мне слово в слово повтори посланье.

Протоя

(дрожа)

Я поняла, что прислан он Пелидом,
Который в поле вновь тебя зовет.
Ответь ему решительным отказом.

Пентесилея

Нет, не могу.

Протоя

Но почему, царица?

Пентесилея

Пелид меня зовет на поединок?

Протоя

Сказать мне: «Нет!» — и вестника прогнать?

Пентесилея

Пелид меня зовет на поединок?

Протоя

Да, госпожа, я и сказала так.

Пентесилея

Протоя, значит, бой мне предлагает

Тот, кто узнал, что я его слабей,

Тот, кто пленится этой верной грудью

Не раньше, чем копьем ее пронзит,

Тот, для кого мои признанья были

Лишь музыкою — сладкой, но пустой?

Ужель не вспомнит он про храм в дубраве?

Ужели камень мной увенчан был?

Протоя

Забудь бесчувственного.

Пентесилея

(пылко)

Что ж, прекрасно!

Найду в себе я силу с ним схватиться.

Во прах он рухнет, даже если будут

В союзе с ним гиганты и лапифы[117]!

Протоя

Не торопись, царица!

Мероя

Все обдумай!

Пентесилея

(прерывая ее)

Всех пленников себе вернете вы.

Вестник

На бой с Пелидом выйдешь ты?

Пентесилея

Да, выйду.

Пусть он со мной перед лицом богов

И фурий, мною призванных, сразится.

Раскат грома.

Верховная жрица

Царица, хоть тебя я укоряла,

Но только скорбь...

Пентесилея

(подавляя рыдания)

Умолкни, мать святая,

И верь, укоры не пропали зря.

Мероя

Достойнейшая, убеди царицу.

Верховная жрица

Царица, слышишь гневный голос неба?

Пентесилея

Пускай оно в меня метнет все громы!

Предводительница амазонок

Царевны!..

Вторая предводительница

Помешайте!..

Третья предводительница

Запретите!..

Пентесилея

(дрожа от бешенства)

Сюда, Ананке, псов моих вожак!

Первая предводительница

Мы понесли потери.

Вторая предводительница

Мы устали.

Пентесилея

Тирроя, где твои слоны?

Протоя

Царица,

Ты хочешь на него слонов, собак?..

Пентесилея

Сюда, сверкая острыми серпами,

Катитесь, ряд за рядом, колесницы,

Чтоб снять на поле боя урожай!

Пусть всадницы вокруг меня сомкнутся

И так людскую жатву обмолотят,

Чтоб все погибло — стебли и зерно!

Сюда, война во всем твоём величье,

Губительная, страшная, сюда!

(Вырывает у одной из амазонок свой лук.)

Появляются амазонки с собаками на сворках, с метательными факелами, слоны, колесницы и т. д.

Протоя

Возлюбленная, погоди, послушан!

Пентесилея

(обращаясь к собакам)

Гей, Тигр, ты будешь нужен мне сегодня!

Гей вы, Леена и Меламп косматый!

Ген вы, Акле, гроза лисиц, и Сфинкс,

И ланей обгоняющий Алектор!

Гей, Окс, задрать способный кабана!

Гей, Гиркаон, кому и лев не страшен!

Сильный раскат грома.

Протоя

Царица вне себя!

Первая предводительница

Она безумна!

Пентесилея

(с явными признаками безумия опускается на колени. Собаки поднимают жуткий вой)

Взываю я к тебе, Арей свирепый,

Родоначальник дома моего!

О, ниспошли свою мне колесницу,

Которую ты бог-всеистребитель,

Растаптываешь мириады жизней
И сокрушаешь стены городов!
О, ниспошли свою мне колесницу,
Чтоб я одним прыжком в нее вскочила,
Поводья что есть силы натянула
И, по полям прогрохотав, на грека
Обрушилась громовою стрелой!

(Встает.)

Первая предводительница
Царевны!

Вторая предводительница
Сумасшедшую держите!

Протою
Послушай, госпожа, меня!

Пентесилея
(напрягая лук)
А ну,
Посмотрим, метко ль я еще стреляю!

(Прицеливается в Протою.)

Протоя

(бросаясь на землю)

О боги!

Одна из жриц

(быстро становясь позади царицы)

Чу, Ахилл зовет!

Вторая жрица

Пелид!

Третья жрица

Он за тобой.

Пентесилея

(оборачиваясь)

Где?

Первая жрица

Он исчез куда-то.

Пентесилея

Нет, фурии еще не собрались. —

За мной, Ананке! Псы, за мной бегите!

(Уходит в сопровождении собак, слонов и т. д. под непрерывные раскаты грома.)

Мероя

(поднимает Протою)

Чудовищная!

Астерия

Женщины, за ней!

Верховная жрица

(поблднев как смерть)

О сонм бессмертных, что же будет с нами?

Явление двадцать первое

Ахилл, Диомед, затем Одиссей, позже вестник.

Ахилл

Будь другом, Диомед, не говори

Ни слова из того, что расскажу я,

Придирчивому ворчуну Улиссу:

Во мне он вызывает тошноту

Своею снисходительной улыбкой.

Диомед

Ты к амазонке вестника послал?

Неужто это правда?

Ахилл

Слушай, друг,

Но мне не возражай ни словом. Понял?

Любим я этой женщиною странной —

То фурией, то грацией, и сам —

Клянусь как Стиксом, так и всем Аидом, —

Всех эллинок презрев, ее люблю.

Диомед

Ты?

Ахилл

Да. Но свято чтит она обычай,

Который запрещает ей любить

Того, кто ею в битве не повержен.

Я и послал...

Диомед

Безумец!

Ахилл

Но послушай,

Ужель и ты себе представить можешь

Лишь то в подлунном мире, что случилось

Увидеть голубым глазам твоим?

Диомед

И ты решил?.. Скажи: решил?

Ахилл

(помолчав)

Так что же?

Нет ничего особенного в этом.

Диомед

Ее на бой ты вызвал лишь затем,

Чтоб ей...

Ахилл

Клянусь Кронидом-громовержцем,

Я не боюсь ее. Скорее вступит

Ее рука с ее же грудью в битву

И, сердце ранив, возгласит: «Победа!» —

Чем ею вред она мне причинит.

Покорен буду я ее желаньям

Недолго — месяц или два. Не рухнет

Изглоданный волнами древний Истм
От этого. Затем я стану снова —
Она сама сказала так — свободен,
Как зверь в лесу. А если согласится
Она со мной уехать, буду счастлив
С ней разделить престол отцов моих.

Входит Одиссей.

Диомед

Улисс, прошу, иди сюда.

Одиссей

Пелид,

Царицу вызвал ты опять на битву.

Ужели утомленными войсками

Осмелишься ты снова рисковать?

Диомед

Тут дело, друг, не в риске и не в битве.

Он просто ей задумал сдаться в плен.

Одиссей

Как!

Ахилл

(кровь бросается ему в лицо)

Заклинаю, отвернись скорее!

Одиссей

Он хочет?..

Диомед

Ты же слышал: с ней схватиться,

Пылая гневом, как бойцу пристало,

Разбить ей щит, из шлема высечь искры, —

И все это затем, чтоб побежденным

Во прах у ножек амазонки пасть.

Одиссей

Да в здравом ли рассудке сын Пелея?

Да от него ль ты слышал, что...

Ахилл

(еле сдерживаясь)

Улисс,

Прошу тебя, сотри ты с губ улыбку,

Клянусь богами, увидав ее,

Зуд в кулаках я тотчас ощущаю.

Одиссей

(неистово)

Клянусь Коцитом огненным, я должен

Знать, правда ль то, что я услышал здесь!

Прошу тебя, ответь мне, сын Тидея,

И клятвой подтверди свои слова,

Чтоб у меня сомнений не осталось:

Решил ли он царице сдаться в плен?

Диомед

Ты сам слышал.

Одиссей

Он хочет в Фемискиру

Уехать?

Диомед

Да

Одиссей

И дело всей Эллады —

Борьбу за Трою — он, умалишенный,

Оставить хочет, как игру дитя,

Нашедшее забаву поновее?

Диомед

Юпитером клянусь, что да.

Одиссей

(скрестив рука на груди)

Не верю.

Ахилл

И он со мной о Трое говорит!

Одиссей

Что?

Ахилл

Что?

Одиссей

Сказал ты что-то?

Ахилл

Я?

Одиссей

Да, ты.

Ахилл

Сказал я, что о Трое говоришь ты.

Одиссей

Да, спрашиваю я, как одержимый,
Ужель забыл ты, как минутный сон,
Борьбу за Троию, дело всей Эллады?

Ахилл

(подходя к нему)

Запомни, Лаэртид, что, если даже
Провалится под землю ваша Троя,
И озеро над нею разольется,
И к флюгерам ее ночами станет
Привязывать челнок седой рыбак,
И щука во дворец царя Приама
Вселится, и блаженствовать на ложе
Елены будет пара выдр иль крыс,
Я и тогда останусь равнодушным.

Одиссей

Тидид, клянусь я Стиксом, он не шутит!

Ахилл

Аидом, Стиксом и Лернейской топью[118],

Земным, подземным и небесным миром

Клянусь тебе, Улисс, что не шучу

И что решил увидеть храм Дианы.

Одиссей

(вполголоса, Диомеду)

Тидид, будь добр, не отпускай его

Отсюда.

Диомед

Я? Попробую. Но прежде

Будь добр свои мне руки одолжить.

Входит вестник.

Ахилл

Ну что, согласна? Говори: согласна?

Вестник

Пелид, она согласна и уже

Идет сюда. Но с ней слоны, собаки

И целая толпа наездниц диких.

А что на поединке делать им?

Ахилл

Пусть. Это дань обычаю. За мною!

Клянусь богами, сметлива царица!

Ты говоришь, с ней псы?

Вестник

Да.

Ахилл

И слоны?

Вестник

Пелид, поверь, смотреть на это страшно.

Иди она под Трою, чтобы штурмом

Взять лагерь двух Атридов, — и тогда бы

Свирепей не казалась рать ее.

Ахилл

(про себя)

Зверье у ней такое же ручное,

Как и она сама. За мной!

(Уходит со свитой.)

Диомед

Безумец!

Одиссей

Связать его! Что ж вы стоите, греки?

Диомед

Нет, поздно: амазонки здесь. Идем.

Все уходят.

Явление двадцать второе

Верховная жрица, она бледна. Множество жриц и амазонок.

Верховная жрица

Веревки, женщины!

Первая жрица

Святая мать!..

Верховная жрица

Свалить на землю и связать покрепче!

Одна из амазонок

Кого? Царицу?

Верховная жрица

Бешеную суку!

Руками с ней уже не совладать.

Амазонки

Достойнейшая мать, ты вне себя!

Верховная жрица

Трех дев я удержать ее послала —

Их в ярости она свалила с ног.

Собак она спустила на Мерию

За то, что та пыталась на коленях

Ее словами нежными унять.

Когда сама я подошла к безумной,

Она обеими руками камень,

В меня метая яростные взгляды,

С земли приподняла, — и я погибла б,

Когда б в толпе не скрылась от нее.

Первая жрица

Чудовищно!

Вторая жрица

О женщины, мне страшно!

Верховная жрица

Теперь она средь воющих собак,

К ним с пеной на губах взывая: «Сестры!» —

Беснуясь и размахивая луком,

Несется, как менада[119], по полям

И алчущую свежей крови свору

Натравливает яростно на дичь,

Какой — кричит она — земля не знала.

Амазонки

Пал на царицу гнев богов подземных!

Верховная жрица

Не медлите же, дочери Арея!

На перекрестке растяните сеть,

Листвой прикройте сверху и, как только

Ногою в петлю угодит царица,

Ее, как бешеного пса, валите,

Вяжите и везите в Фемискиру,

Где мы ее попробуем спасти.

Войско амазонок

(за сценой)

Победа! Слава! Верх взяла царица.

Ахилл упал. Герой в плену у ней.

Сейчас он будет розами увенчан.

Пауза.

Верховная жрица

(задыхаясь от радости)

Я не ослышалась?

Жрицы и амазонки

Хвала богам!

Верховная жрица

То в самом деле крики ликования?

Первая жрица

Да, мать святая, это крик победы,

И звука слаще не слыхала я!

Верховная жрица

Кто новости мне принесет?

Вторая жрица

Эй, Тэрпи,

Нам расскажи, что видишь ты с холма.

Амазонка

(перед этим взобравшаяся на холм, испуганно)

О беспощадный сонм богов подземных!

Неужто правда то, что вижу я?

Верховная жрица

Уж не привиделась ли ей Медуза?

Первая жрица

Да говори же ты!

Амазонка

Пентесилея,

Забыв, что рождена от человека,

Лежит меж разъяренных псов и тело

Ахилла вместе с ними в клочья рвет.

Верховная жрица

О, ужас, ужас!

Все

Нет ему названья!

Амазонка

Вот и Мероя, бледная как смерть,
Спешит сюда с ключом к загадке страшной.

(Сходит с холма.)

Явление двадцать третье

Те же. Мероя.

Мероя

Внемлите мне, о дочери Арея
В вы, святые жрицы Артемиды,
И я вас речью в камень превращу
Быстрее, чем африканская Горгона[120].

Верховная жрица

Скажи и не щади нас.

Мероя

Вам известно,
Что та, чье имя вымолвить мне страшно
И чей рассудок юный помутило
Желание любимым обладать,

На поединок яростный с ним вышла,
Всем, что вселяет страх, вооружась.
На бой она явилась с метким луком,
Ведя с собой слонов и псов рычащих.
Сама война гражданская, когда,
Как кровью залитое привиденье,
Она, неумолимая, свои факел
В цветущие бросает города, —
И та не столь дика, не столь свирепа.
Ахилл же — о, глупец! — послал ей вызов
Лишь для того, как уверяют в войске,
Чтоб дать ей над собой возобладать,
Затем что он — как боги всемогущи! —
И сам, плененный юностью ее,
Идти с ней был согласен в храм Дианы.
Друзей оставив позади, он к ней
Подходит, полный радостных предчувствий.
Она ж к нему бросается со сворой
Ужасных псов. Тогда, вооруженный
Лишь легким дротиком — и то для вида,
Тревожно он поводит головой,
Бежит назад, на месте замирает
И вновь бежит, как молодой олень,
Рычанью льва в ущелье дальнем внявший.
Кричит он, задыхаясь: «Одиссей!» —
С тоской глядит вокруг, зовет Тидида
И вновь к друзьям пытается бежать.
Но, всадницами от своих отрезан,
В отчаянье вздымает руки к небу
И прячется, несчастный, за сосною,

Склонившей ветви темные к земле.
Тем временем со сворой, как охотник,
Холмы и лес обшаривая взглядом,
Царица приближается к нему,
И в миг, когда он раздвигает ветви,
Чтоб пасть к ее ногам, она кричит:
«Рога оленя выдали. Попался!»
И лук свой напрягает исступленно,
Так, что концы друг друга лобызают,
И целится, и тетиву спускает,
Пелиду шею пронизав стрелой.
Тот надает. Победно воют девы,
Но жив еще несчастнейший из смертных.
Он на колени привстает с трудом,
Стрелу, хрипя, из горла извлекает,
Вновь надает, встает и хочет скрыться.
Но тут царица с воплем: «Тигр, ату!
Ату, Меламп, Леена, Гиркаон!» —
Бросается к нему — о Артемида! —
И рвет с него, как сука, шлем гривастый,
Распихивая набежавших псов.
Они впились в него — кто в грудь, кто в шею.
Он падает — так, что земля дрожит,
Катается с царицей в алой луже
И, нежных щек ее касаясь, стонет:
«Пентесилея, неужели это —
Тот праздник роз, что ты сулила мне?»
Она ж — хотя ему вняла бы даже
В пустыне зимней рыщущая львица,
Которая от голода рычит, —

С него доспехи ратные сдирает
И запускает зубы в грудь ему,
С неистовыми псами состязаясь:
На нем повисли справа Сфинкс и Окс,
Царица — слева. Кровь у ней струилась
И с рук и с губ, когда я подошла.

Полная ужаса пауза.

Вот, женщины, и все. Рассказ мой кончен.

Что ж вы молчите? Дайте знак, что живы.

Пауза.

Первая жрица

(рыдая на груди второй)

Ох, Гермия, я не видала девы

Умней, прекрасней, чище и достойней!

А как она плясала! Пела как!

Как ловко управлялась с рукодельем!

Верховная жрица

Хоть во дворце она и родилась,

Но от Горгоны, а не от Отреры,

Первая жрица

(продолжая)

Нет, родилась она от соловьев,
Влиз храма Артемиды вьющих гнезда,
И, как они, жила в ветвях дубов,
И заливалась, пела, щебетала,
И тихими ночами путник слушал,
И грудь его преисполнялась чувств.
Она не раздавила б и червя,
Который ползал под ее ногою;
Она, из лука вепря поразив,
Пред ним бы опустилась на колени
И вырвала б стрелу из раны, словно
Предсмертным взором зверь ее смягчил.

Пауза.

Мероя

И вот она стоит оцепенело
Над мертвецом, чью кровь собаки лижут.
Свой лук победный за плечи забросив,
Взор в бесконечность, словно в чистый лист,
Она вперила и молчит упорно.
Страх волосы нам вздыбил. Мы кричим ей:
«Что сделала ты с ним?» Она молчит.
«Узнала нас?» Молчит. «Пойдешь ли с нами?»
Молчит. — И ужас к вам меня погнал.

Явление двадцать четвертое

Пентесилея. Вносят труп Ахилла, покрытый красным ковром. Протоя и прочие.

Первая амазонка

Смотрите, девы, вон она идет.

Крапивой и боярышником тощим

Себе чело украсив вместо лавров,

И следует, ужасная, за трупом,

Свой страшный лук неся так горделиво,

Как будто ею враг сражен заклятый!

Вторая жрица

О, эти руки!

Первая жрица

Девы, отвернитесь!

Протоя

(падая верховной жрице на грудь)

О мать!

Верховная жрица

(с отвращением)

Клянусь Дианой всеблагой,

Я не причастна к мерзкому деянию!

Первая амазонка

Она к верховной жрице подошла.

Вторая амазонка

Гляди, кивает ей.

Верховная жрица

Исчадье Орка!

Прочь, гнусная! Вот это покрывало

Возьмите и прикройте ей лицо.

(Срывает с себя покрывало и швыряет его царице в лицо.)

Первая амазонка

О труп живой! — Она не шевелится.

Вторая амазонка

Нет, головой кивнула.

Третья амазонка

Вновь кивает...

Первая амазонка

Кивает, жрице под ноги смотря.

Вторая амазонка

Глядите же!

Верховная жрица

Чего ты хочешь, призрак?

Уйди! Исчезни! С вороньем живи:

Твой взгляд лишает жизнь мою покоя.

Первая амазонка

Так! Ясно...

Вторая амазонка

Вот теперь она спокойна.

Первая амазонка

...Она хотела, чтобы труп Пелида

К ногам верховной жрицы положили.

Третья амазонка

Но почему к ногам верховной жрицы?

Четвертая амазонка

Что думает она?

Верховная жрица

Что это значит?

Зачем положен труп передо мной?

Пусть горы неприступные сокроют

Его и память о твоём деянье!

Иль я тебя — кого и человеком

Нельзя назвать — толкнула на убийство?

Нет, если бы из кротких уст любви

Подобные веленья исходили,

У фурий мы бы кротости учились!

Первая амазонка

Она по-прежнему глядит на жрицу.

Вторая амазонка

В глаза ей смотрит.

Третья амазонка

Пристально и твердо,

Как будто в душу хочет ей проникнуть.

Верховная жрица

Протоя, уведи ее отсюда.

Мне вид ее несносен.

Протоя

(плача)

Горе мне!

Верховная жрица

Ну, соберись же с духом!

Протоя

Слишком гнусно

Ее злодейство. Дай мне здесь остаться.

Верховная жрица

Мужайся. Не забудь, кто мать ее.

Ступай и увести ее попробуй.

Протоя

Нет, на нее смотреть я не могу.

Вторая амазонка

Она стрелу разглядывает жадно.

Первая амазонка

Ее поворачивает, крутит...

Третья амазонка

Мерит.

Первая жрица

Не этой ли стрелю он сражен:

Первая амазонка

Да, этой.

Вторая амазонка

Кровь она с нее счищает,

Стирает пятна все до одного.

Третья амазонка

О чем она при этом размышляет?

Вторая амазонка

О как любовно перья на стреле

Разглаживает, сушит? Всё, как надо.

Взгляните же.

Третья амазонка

Иль так она привыкла?

Первая амазонка

И прежде было так?

Первая жрица

Да, лук и стрелы

Она обычно чистила сама.

Вторая жрица

Она их свято чтит, — это правда.

Вторая амазонка

Глядите-ка, сняла с плеча колчан,

Стрелу назад, в ее гнездо, вставляет.

Третья амазонка

Готово.

Вторая амазонка

Всё теперь опять в порядке.

Первая жрица

И вот уж вновь она глядит на мир.

Многие

(одновременно)

О, скорбный взгляд, безжизненный и мрачный,

Как почва солнцем выжженной пустыни!

Сады, спаленные потоком лавы,

Которую земля из недр извергла

На грудь свою цветущую, — и те

Отрадней, чем лицо царицы нашей.

Внезапно Пентесилея содрогается от ужаса и роняет лук.

Верховная жрица

Чудовище!

Протоя

(испуганно)

Что там еще такое?

Первая амазонка

Лук выпал у нее из рук на землю.

Вторая амазонка

Подпрыгнул...

Четвертая амазонка

Звякнул, кружится, упал...

Вторая амазонка

В последний раз затрепетал...

Третья амазонка

И умер,

Как если б Танаисой был рожден.

Пауза.

Верховная жрица

(внезапно поворачиваясь к Пентесилее)

Прости меня, великая царица!

Диане всеблагой ты угодила

И утишила гнев ее опять.

Я признаю, что даже Танаиса,

Создательница государства женщин.

Достойней не употребляла лук.

Первая амазонка

Молчит.

Вторая амазонка

Глаза расширились.

Третья амазонка

Подносит

Кровавый палец к ним. Что с ней? Смотрите!

Вторая амазонка

О, этот взгляд! Как нож он в сердце входит!

Первая амазонка

Слезу с ресниц смахнула.

Верховна я жрица

(вновь поникая на грудь к Протое)

О Диана,

Какая то была слеза!

Первая жрица

Такая,

Которая, проникнув в грудь людскую,

Бьет в пламенный набат всех наших чувств

И возглашает: «Горе!» — чтобы хлынул

Весь род ее отзывчивых сестер
Из наших глаз и, озером разлившись,
Оплакал гибель сломленной души.

Верховная жрица

(с горечью)

Но ей помочь Протою не желает,
И здесь ее отчаянье убьет.

Протою

(весь ее вид выражает внутреннюю борьбу. Затем она подходит к Пентесилее. Голос ее все еще прерывается от рыданий)

Приди и отдохни, моя царица,
Здесь, на груди твоей Протои верной.
Был страшен день. Сражалась много ты
И выстрадала тоже много — столько,
Что вправе ты склониться мне на грудь.

Пентесилея озирается, словно ищет, где сесть.

Что ж вы стоите? Сесть царица хочет.

Амазонки подкатывают камень. Пентесилея, поддерживаемая Протоей, опускается на него. Затем садится и Протою.

Ты узнаешь меня, сестра?

Пентесилея смотрит на Протою, лицо ее слегка оживляется.

С тобой

Твоя Протоя любящая рядом.

Пентесилея ласково гладит ее по щеке.

Перед тобой колена преклоняет

Моя душа, скорбя...

(Целует царице руку.)

Но ты устала!

Твой вид твое занятие обличает:

Ведь рук не выпачкав, не победишь.

Какое ремесло — такое платье.

Но почему б тебе лицо и пальцы

Не освежить? Я принесу воды?

Да, дорогая?

Пентесилея оглядывает себя и кивает.

Да, она согласна.

(Делает знак амазонкам, те идут за водою.)

Умоешься, и сразу станет легче,

А после от дневных трудов тяжелых

Ты на коврах прохладных отдохнешь.

Первая жрица

Водю ей обрызгайте лицо —

И вновь она придет в себя.

Верховная жрица

Надеюсь.

Протоа

А я, напротив, этого страшусь.

Верховная жрица

(недоумеая)

Но почему? Тут риска нет большого,

Хотя, конечно, нужно б труп Ахилла...

Пентесилея бросает на нее яростный взгляд.

Протоа

Молчи, молчи!

Верховна жрица

Нет, нет, моя царица,

Не бойся: мы оставим все, как есть.

Протоа

Сними с чела венок — тернисты лавры.

Что победила ты, и так мы знаем.

Освободи и шею. Ах, смотри:

Ты ранена — и глубоко, бедняжка!

Да, не на шутку потрудились ты,

Зато теперь ликуешь с полным правом.

О Артемида!

Две амазонки приносят большую плоскую мраморную чашу с водой.

Здесь ее поставьте.

Дай я водой тебе чело смочу.

Ты не боишься?.. Что ты хочешь делать?

Пентесилея соскальзывает с камня, становится на колени перед чашей и льет воду себе на голову.

Царица, до чего же ты проворна!

Ну что, ведь легче стало?

Пентесилея

(оглянувшись)

А, Протоя!

(Снова льет на себя воду.)

Мероя

(радостно)

Заговорила!

Верховная жрица

Слава небесам!

Протоя

Лей! Лей!

Мероя

Она опять вернулась к жизни.

Протоя

Отлично. Так. Всей головою в воду!

Еще. Вот так. Ты — словно юный лебедь.

Мероя

Возлюбленная!

Первая жрица

Как она склонилась!

Мероя

Как у нее с чела вода бежит!

Протоя

Готова ты?

Пентесилея

Ах, как это чудесно!

Протоя

Тогда идем опять на камень сядем.

Живее, жрицы, ваши покрывала,

Чтоб мокрые ей кудри осушить.

Фания, Тэрпи, сестры, помогайте

Закутать ей и голову и шею.

Вот так! Теперь ее усадим мы.

(Укутывает царицу, сажает ее на место и прижимает к груди.)

Пентесилея

Как мне...

Протоя

Что? Хорошо иль нет?

Пентесилея

(шепотом)

Покойно.

Протоя

Сестра! Возлюбленная! Жизнь моя!

Пентесилея

Скажи, ведь я уже вошла в Элисий,
А ты — одна из вечно юных нимф,
Прислуживающих царице нашей,
Когда она нисходит в грот хрустальный
Под тихий шелест вековых дубов?
Ты приняла моей Протон облик,
Чтобы меня порадовать, не правда ль?

Протоя

Нет, нет, моя любимая царица!
Тут я, твоя Протоя, и в объятьях
Ты у меня. А то, что здесь ты видишь, —
Лишь мир наш преходящий, на который
Взирают боги с высоты небес.

Пентесилея

Так, так. Прекрасно. Это безразлично.

Протоя

Что, госпожа?

Пентесилея

Я все равна довольна.

Протоя

Родная, объясни. Не понимаю.

Пентесилея

Я рада, что живу. Мне отдых дайте.

Пауза.

Мероя

Что с нею?

Верховная жрица

Как все странно повернулось!

Мероя

Вот если б расспросить ее искусно...

Протоя

Скажи, с чего тебе пришло на ум,
Что ты уже в страну теней спустилась?

Пентесилея (
помолчав, судорожно)
Сестра, мне так отрадно, так чудесно!
Созрела я для смерти, о Диана!
Хоть я не знаю, что со мной здесь было,
Но умереть могу, не сомневаясь,
Что мною в битве побежден Пелид.

Протоя
(украдкой, верховной жрице)
Труп унести пора.

Пентесилея
(быстро выпрямляясь)
С кем говоришь ты,
Сестра?

Протоя
(двум амазонкам, поднявшим труп, но медлящим)
Живей, безумицы!

Пентесилея

Диана!

Так это правда?

Протоя

Ты о чем, родная?

Сюда! Да сдвиньтесь же!

(Делает жрицам знак сдвинуться и закрыть телами поднятый труп.)

Пентесилея

(радостно закрывает лицо руками)

Благие боги!

Никак я оглянуться не решусь.

Протоя

О чем ты? Что ты вздумала, царица?

Пентесилея

(оглядываясь)

Ты притворяешься, родная.

Протоя

Нет,

Клянусь предвечным Зевсом.

Пентесилея

Расступитесь,

Святые жрицы.

Верховная жрица

(отступая к женщинам, столпившимся вокруг трупа)

Милая царица!

Пентесилея

(вставая)

Зачем скрывать? Ведь за моей спиной

Стоял он уж однажды, о Диана!

Мероя

Смотрите, в ужасе она!

Пентесилея

Постойте!

Я знать хочу, что вы несете. Стойте!

(Проталкивается через толпу женщин к трупу.)

Протоя

Не спрашивай, царица!

Пентесилея

Это он?

Скажите, девы, это он?

Одна из носильщиц

(опуская труп)

О ком ты?

Пентесилея

Не так уж это и невероятно.

Я подбивала ласточке крыло,

Но и лечить его сама старалась.

Да, за оленем с луком я гналась,

Но ведь стрельба — неверное искусство:

Мы в сердце счастьем стрелы направляем,

А боги отвращают их коварно.

Ужель не промахнулась я? Где он?

Протоя

Я заклинаю всем Олимпом грозным,

Не спрашивай!

Пентесилея

Прочь! Даже если раны

На нем зияют, словно ад разверстый,
Я все-таки увижу их.

(Поднимает ковер.)

Чудовища, кто их ему нанес?

Протоя

Да разве ты не знаешь?

Пентесилея

О Диана,

Свершилось! Дочь твоя обречена.

Верховная жрица

Она шатается.

Протоя

Благие боги!

Зачем ты не вняла моим советам?

Уж лучше бы, несчастная, нашло

На твой рассудок полное затмение,

Уж лучше б ты скиталась вечно, вечно,

Чем этот страшный день пережила.

Возлюбленная, выслушай!

Верховная жрица

Царица!

Мероя

Скорбят с тобою тысячи сердец.

Верховная жрица

Встань!

Пентесилея

(выпрямляясь)

О, багрянец этих роз кровавых!

Увенчанное ранами чело!

О, пахнущие тлением бутоны,

Которые на корм червям пойдут!

Протоя

(нежно)

И все же он любовью был увенчан.

Мероя

Но слишком глубоко надет венок.

Протоя

И прикреплен к челу навек шипами.

Верховная жрица

Уйди отсюда.

Пентесилея

Раньше знать хочу я,

Кто был моей соперницей свирепой.

Не спрашиваю я уже о том,

Кем был убит живой. Клянусь богами,

Она останется, как птица, вольной.

Я спрашиваю, кем убит убитый,

И ты ее, Протоя, назовешь.

Протоя

Я, госпожа?

Пентесилея

Пойми, я не желаю

Знать имя той, кто искру Прометея

Украла у Пелида из груди.

Нет, не желаю. Так уж я решила.

Я ей прощу и скрыться разрешу.

Но кто грабитель, в этот храм вошедший

Не через отворенные ворота,

Но стены белоснежные его
Кощунственно взломавший? Чьей рукою
Герой и полубог обезображен
Так, что из-за него уже не спорят
Жизнь и гниенье; кем он так истерзан,
Что не скорбит о нем уже и жалость,
Что и сама бессмертная любовь
Ему, как шлюха, в смерти изменяет?
Вот ей я отомщу. Скажи, кто это?

Протоя

(верховой жрице)

Что я могу безумице ответить?

Пентесилея

Ну, скоро ль назовешь ее?

Мероя

Царица,

Казни из нас любую, если только

Твои страдания это облегчит.

Мы все перед тобою. Выбирай же.

Пентесилея

Послушать вас, так я его убила.

Верховная жрица

(робко)

Несчастливая, да кто же как не ты!

Пентесилея

Исчадье тьмы в одеждах светоносных,

Дерзаешь ты...

Верховная жрица

Клянусь тебе Дианой,

И все, кто здесь собрался, подтвердят,

Что он твоей стрелою был настигнут.

О небо, если б только лишь стрелой!

Но ты, когда упал он, на него

Собак спустила в умоисступленья

И кинулась сама его терзать.

Мои уста дрожат. Твое деянье

Назвать я не могу. Молчи. Уйдем.

Пентесилея

Нет, пусть Протоя подтвердит мне это.

Протоя

О госпожа, не спрашивай меня!

Пентесилея

Что? Я? Его? С собаками моими?..

Вот этими малютками руками?..

Вот этим ртом, созревшим для любви?..

Нет, не затем наделена я ими!

Их дело — в счастье дополнять друг друга,

Чтоб рот служил рукам, а руки — рту.

Протоя

Царица, дорогая!

Верховная жрица

Горе! Горе!

Пентесилея

Нет, в этом вы меня не убедите.

Пусть это молния в ночи начертит

И гром раскатом тяжким подтвердит,

Я все равно им закричу: «Вы лжете!»

Мероя

Незыблемей, чем горы, стой на этом.

Не нам тебя в противном уверять.

Пентесилея

Но почему ж он не сопротивлялся?

Верховная жрица

Несчастливая, ведь он тебя любил

И сдаться в плен был сам тебе намерен.

Затем тебя и вызвал он на бой,

Куда явился в сладостной надежде

Отправиться с тобою в храм Дианы.

А ты...

Пентесилея

Что дальше?

Верховная жрица

Ты его сразила.

Пентесилея

Нет, растерзала?

Протоя

Госпожа!

Пентесилея

Не так ли?

Мероя

Чудовище!

Пентесилея

Зацеловала насмерть?

Первая жрица

О небо!

Пентесилея

Растрезала? Да? Скажи.

Верховная жрица

Увы! Так было. Удались, царица,

И в вечном мраке скройся навсегда.

Пентесилея

Ошибка здесь. Влечение и мученье —

Созвучные слова. Кто крепко любит,

Тому нетрудно перепутать их.

Мероя

Над нею сжальтесь, боги!

Протоя

(схватывает царицу)

Прочь!

Пентесилея

Пустите!

(Сбрасывает покрывало и становится на колени перед трупом.)

Прости меня, несчастнейший из смертных!

Напрасно я дала обет Диане:

Мысль над устами быстрыми не властна.

Но и тогда — скажу тебе открыто —

Я думала одно: люблю тебя.

(Целует труп.)

Верховная жрица

Пусть уведут ее!

Мероя

Что здесь ей делать?

Пентесилея

Как много женщин, обнимая друга,
Твердят ему: «Люблю тебя так сильно,
Что съесть тебя готова от любви!»
И не успеют молвить это слово,
Как милым уж до отвращения сыты.
Но мною ты, любимый, не обманут:
Все, что, тебя обняв, я говорила.
От слова и до слова свершено.
Я менее безумна, чем казалось.

Мероя

Чудовище! Что говорит она!

Верховная жрица

Ведите же ее.

Протоя

Пойдем, царица!

Пентесилея

(дает себя поднять)

Да, я иду, иду.

Верховная жрица

Пойдешь ты с нами?

Пентесилея

Нет, с вами — нет!..

Вернитесь в Фемискиру и вкушайте

Там счастье, если можете...

Протое,

Равно как всем, его желаю я...

И поручаю вам, но в строгой тайне,

Прах Танаисы по ветру развеять.

Протоя

А ты куда, сестра?

Пентесилея

Я?

Протоя

Да.

Пентесилея

Скажу тебе, моя Протоя.

Я отрекаюсь от закона женщин

И за Пелидом юным уйду.

Протоя

Как, госпожа!

Верховная жрица

Несчастливая царица!

Протоя

Ты хочешь...

Верховная жрица

Ты намерена...

Пентесилея

Конечно!

Мероя

О небо!

Протоя

Выслушай меня, сестра.

(Хочет отнять у царицы кинжал.)

Пентесилея

Что у меня за поясом ты ищешь?

Постой! Ах, поняла, хоть и не сразу.

Вот мой кинжал.

(Вынимает кинжал из-за пояса и отдает Протое.)

Отдать тебе и стрелы?

(Снимает с плеч колчан.)

Изволь, я высыплю хоть весь колчан.

(Вытряхивает стрелы.)

Меня, конечно, соблазняет мысль...

(Подбирает несколько стрел.)

Вот этой? Или нет? Быть может, этой?

Да, этой. Впрочем, все равно. Бери же.

Бери себе их разом все.

(Собирает все рассыпанные стрелы и протягивает их Протое.)

Протоя

Отдай.

Пентесилея

Теперь, как в копь, сойду к себе я в душу

И все уничтожающее чувство —

Руду тоски холодной там найду.

Ее расплавлю я в горниле скорби,

И закалю отчаяньем, как сталь,

И ядом угрызений пропитаю.

На вечной наковальне упований

Я из нее скую потом кинжал

И грудь подставляю под его удары.

Так! Так! Еще! Теперь мне хорошо!

(Падает и умирает.)

Протоя

(подхватывает царицу)

Скончалась.

Мероя

Вслед за ним ушла.

Протоя

Так лучше.

Ей в этом мире больше места нет.

(Опускает ее на землю.)

Верховная жрица

О силы неба, как мы, люди, бренны!

Как гордо та, кто здесь лежит, стояла

Еще недавно на вершине жизни!

Протоя

Она цвела — поэтому и пала:

Сломить не может буря дуб иссохший,

Но с громом молодой и крепкий валит,

Его за крону пышную схватив.

Занавес

КЕТХЕН ИЗ ГЕЙЛЬБРОНА,

ИЛИ ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Большое историческое представление из рыцарских времен

Перевод с немецкого Н. Рыковой.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Император.

Геггардт, архиепископ Вормский.

Фридрих Веттер, граф фом Штраль.

Графиня Елена, его мать.

Элеонора, ее племянница.

Рыцарь Фламберг, вассал графа.

Готшальк, его слуга.

Бригитта, домоправительница графского замка.

Кунигунда фон Турнек.

Розалия, ее камеристка.

Теобальд Фридеборн, оружейник из Гейльбронна[121].

Кетхен, его дочь.

Готфрид Фридеборн, ее жених.

Максимилиан, бургграф Фрейбургский.

Георг фон Вальдштеттен, его друг.

Рыцарь Шаурман; Рыцарь Вецлаф — его вассалы.

Рейнграф фон Штейн, жених Кунигунды.

Фридрих фон Гернштадт, Эгингардт фон дер Варт — его друзья

Граф Отто фон дер Флюэ, Венцель фон Нахтхейм, Ганс фон Беренклау — советники императора и судьи Тайного суда.

Якоб Пех, хозяин гостиницы.

Три господина фон Турнек.

Старые тетки Кунигунды.

Мальчик — угольщик.

Ночной сторож.

Рыцари, герольд, два угольщика, слуги гонцы, стражники, народ.

Действие происходит в Швабии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Подземная пещера со знаками Тайного суда[122], освещенная одним светильником.

Явление первое

Граф Отто фон дер Флюэ — председатель, Венцель фон Нахтхейм, Ганс фон Беренклау — члены суда, графы, рыцари, дворяне — все в масках, стражники с факелами. Теобальд Фридеборн, бюргер из Гейльброна, истец и граф фом Штраль, ответчик, стоят перед барьером.

Граф Отто

(вставая). Мы, судьи высокого Тайного суда, мы, земные вершители божеского правосудия, мы, провозвестники крылатой рати, которой господь повелевает у себя в облаках, мы, открывающие злодеяние даже там, в глубинах души человеческой, где оно таится, подобно саламандре, ускользая от руки суда мирского, — мы призываем тебя, Теобальд Фридеборн, достопочтенный и славный оружейник из Гейльброна, изложить твою жалобу на Фридриха, графа Веттера фом Штраль. Ибо, согласно требованию твоему, он явился по первому зову Священного суда, когда герольд наш трижды ударил рукоятью меча правосудия в ворота его замка, явился и спрашивает, чего ты хочешь.

(Садится.)

Теобальд Фридеборн. Вельможные господа, облеченные покровом священной тайны! Если бы тот, на кого я принес жалобу, вооружался у меня, скажем, в серебро с головы до ног или в вороненую сталь с золотыми набедренниками, пряжками и кольцами и на мою просьбу: «Платите, господин», — от-ветил: «Теобальд, что ты от меня хочешь? Я же тебе ничего не должен»; или если бы он перед лицом властей оклеветал змеиным языком мою честь; или, напав на меня во мраке ночного леса, покушался мечом или кинжалом на мою жизнь — то, бог мне свидетель, я думаю, что не стал бы жаловаться на него. За мои пятьдесят три года испытал я столько неправды, что против ее жала душа у меня теперь словно в броне. И вот кую оружие тем, кого разве комарик укусит, а скорпиону, что меня жалит, только говорю: «А ну тебя», — и даю ему уползти. Фридрих, граф Веттер фом Штраль обольстил мою дочь, мою Катарину. Возьмите его, земные вершители божеского правосудия, и передайте закованным в броню стражам адских врат, что потрясают своими докрасна раскаленными копьями. Я обвиняю его в гнусном колдовстве, во всех ухищрениях черной ночи и в побратимстве с самим Сатаной!

Граф Отто. Мастер Теобальд из Гейльброна! Взвесь хорошенько свои слова. Ты утверждаешь, будто граф фом Штраль, которого мы знаем давно с самой лучшей стороны, обольстил твою дочь. Но в колдовстве-то ты его обвиняешь, надеюсь, не за то, что он отвел от тебя сердце твоей дочери? А уж не за то ли, что юную девицу с живым воображением он привлек к себе простым вопросом, кто она такая? Или только румянцем своих щек, зардевших ей из-под его шлема, или каким-нибудь иным ухищрением, что в ходу на любой ярмарке в ясный день?

Теобальд. Это верно, господа, не видел я, чтобы он ночью бродил по болотам или в камышах, куда редко ступает человеческая нога, да водился там с болотными огнями. Не приходилось мне видеть, чтобы он, стоя с волшебным жезлом на вершинах гор, обмерял незримое воздушное царство^[123] или в глубоких пещерах, куда не заглянет ни единый луч света, простершись во прахе земном, шептал колдовские заклинания. Не видел я рядом с ним тех, кого назвал его побратимами, — Сатану и его воинство, рогатое, хвостатое и когтистое, как оно нарисовано в гейльбронской церкви над алтарем. Но если вы позволите мне говорить, то, я думаю, от одного лишь рассказа моего о том, что произошло, вы все вскочите с места, завопите: «Нас тринадцать, четырнадцатый черт», — броситесь к дверям и разбежитесь кто куда на триста шагов в округности по всему лесу, что растет вокруг этой пещеры, теряя на бегу свои атласные мантии и оперенные шляпы.

Граф Отто. Ну ладно, говори, старый бешеный сутяга!

Теобальд. Прежде всего надобно вам знать, господа, что в минувшую пасху моей Кетхен исполнилось пятнадцать лет. Здорова она телом и душою, как могли быть первые люди, когда они только появились на земле, не дитя, а истинная радость господня, что тихим вечером моей жизни возникла из пустыни, словно прямо восходящая к небу благовонная струйка дыма мирты и можжевельника! Существа нежнее, милее, чище и не помыслить вам, хотя б вы и вознеслись на крыльях воображения к милым ясноглазым ангелочкам, что высовываются сквозь облака из-под рук и ног господа бога. Как пойдет она по улице в своем городском наряде — на головке соломенная шляпа блестит желтым лаком, грудь охватывает душегрейка черного бархата, на шее серебряная цепочка, — так изо всех окон и слышится шепот: «Кетхен из Гейльброна! Кетхен из Гейльброна!» Господа, словно небо Швабии лобзаньем своим обрюхатило землю, что под ним лежит, и от этого она родилась. Родичи, такие дальние, что родством не считались уже три поколения, на крестинах да на свадьбах называли ее милой сестричкой. Вся округа, где мы живем, собиралась на ее именины, люди так и теснились да наперебой друг перед другом старались получше одарить ее. Кто ее хоть раз увидел и получил от нее, мимоходом, ласковый привет, тот потом целую неделю поминал ее в своих молитвах, словно благодаря ей сам стал лучше. Дедушка так любил ее, свою золотую внучку, что, обойдя меня, отказал ей свое имя, и она теперь самостоятельна — одна из богатейших горожанок. Пятеро молодых людей — всё сыновья достойнейших граждан — уже сватались к ней, чуть не до смерти пораженные ее прелестью. Рыцари, проезжавшие через город, просто плакали, что она не дворянская дочь: была б она дворяночкой, так они уже разорили бы весь Восток и сложили к ее ногам жемчуг и самоцветы, принесенные на плечах маврами. Но и ее душу и мою небо охранило от гордыни, и когда Готфрид Фридеборн, молодой земледелец, чья земля граничит с ее землей, попросил ее в жены и на мой вопрос: «Катарина, согласна ты?» — она ответила: «Отец, пусть будет по твоей воле», — я и сказал: «Да благословит вас господь», — и до слез обрадовался и решил — в будущую пасху пускай венчаются. Вот какая она была, господа, пока этот ее не похитил.

Граф Отто. Ну, а как же он ее у тебя похитил? Каким способом увел он ее от тебя, сбил с пути, по которому ты ее направил?

Теобальд. Каким способом? Если б я мог сказать, господа, так, значит, это было бы постижимо моими пятью чувствами и я не стоял тут перед вами и не жаловался на все эти непонятные адские козни. Что мне ответить, когда вы спрашиваете — каким способом? Встретил ли он ее у колодца, когда она ходила по воду, и сказал: «Милая девица, кто ты такая?» Стоял ли у колонны, когда она шла от обедни, и спросил: «Милая девица, где ты живешь?» Прокрался ли ночью к ее окошку и, надевая ей на шею ожерелье, молвил: «Милая девица, где ты почиваешь?» Вельможные господа, этим ее не возьмешь! Сам Спаситель наш разгадал бы Иудино лобзанье не скорее, чем она подобные хитрости. Она его отроду и в глаза не видывала. Свою спину и родинку на ней, что унаследовала от покойницы матери, знала она лучше, чем его.

(Плачет.)

Граф Отто

(после паузы). И все-таки, если он ее соблазнил, так это, диковинный ты старик, где-нибудь и когда-нибудь да произошло?

Теобальд. Накануне троицына дня, когда он на пять минут зашел ко мне в мастерскую, чтобы, по его словам, я скрепил ему железную застежку доспехов между плечом и грудью.

Венцель. Как?

Ганс. Среди бела дня?

Венцель. Когда он на пять минут зашел в твою мастерскую, чтобы скрепить застежку нагрудника?

Пауза.

Граф Отто. Успокойся, старик, и расскажи все по порядку.

Теобальд

(утирая слезы). Было часов одиннадцать утра, когда он примчался с толпою всадников к моему дому, соскочил, гремя панцирем, с коня и вошел в мастерскую: из-за султана на шлеме пришлось ему в дверях низко наклонить голову. «Мастер, погляди-ка, — говорит он, — я иду на пфальцграфа[124], который хочет снести ваши стены; такая у меня охота с ним сойтись, что от одного этого лопнула на груди застежка. Возьми железо и проволоку и затяни латы покрепче, да на мне, чтоб ничего не пришлось снимать». — «Ну, господин, — говорю я, — если на вашей груди доспех лопается, так уж пфальцграфу наших стен не разрушить», — усаживаю его на скамью посреди комнаты и кричу в дверь: «Вина да свежeproкопченного окорока на закуску!» — и ставлю подле него табурет с инструментами, чтобы чинить застежку. И пока на дворе все еще ржет боевой жеребец и вместе с конями слуг топчет копытами землю так, что поднимается облако пыли, словно херувим с неба свалился, — медленно открывается дверь и, держа на голове большой плоский серебряный поднос, уставленный бутылками, кубками и блюдами с закуской, входит девушка. Так вот, если бы сам господь бог явился мне из-за облаков, со мной бы, наверно, случилось то же, что с нею. Едва завидев рыцаря, роняет она на пол и поднос, и кубки, и закуску, смертельно-бледная, складывает руки, точно для молитвы, и повергается перед ним ниц, головой и грудью ударяясь об пол, словно ее поразила молния. Я говорю: «Господи владыко живота моего, что это с девочкой приключилось?» — и поднимаю ее. Она же стремительным движением руки, точно перочинный нож сложился, обнимает меня и поднимает к нему пылающее лицо, как будто перед нею неземное видение. Граф фом Штраль, взяв ее за руку, спрашивает: «Чье это дитя?» Сбегаются подмастерья, служанки, вопят: «Спаси господи! Да что это с девушкой?» Но так как она, бросив на него несколько робких взглядов, успокоилась, я подумал, что припадок прошел, и принялся с шилом и иглами за свою работу. Потом кончил и говорю: «В добрый час, господин рыцарь! Теперь можно и встретиться с пфальцграфом: застежка скреплена, сердце ваше ее теперь не разорвет». Граф поднимается, задумчиво оглядывает с головы до ног девушку, которая ему едва по грудь, наклоняется, целует ее в лоб и говорит: «Да благословит тебя господь, да хранит он тебя, да ниспошлет тебе мир. Аминь». И только мы подошли к окну, в тот самый миг, когда он садился на боевого коня, девушка, воздев руки к небу, бросается с высоты тридцати футов прямо на мостовую, как безумная, утратившая все свои пять чувств! И ломает себе обе ноги, милостивые господа, оба своих нежных бедра прямо над круглыми коленками, словно точенными из слоновой кости. И я, старый жалкий дурак, думавший найти в ней опору для своей убывающей жизни, должен был нести ее на плечах, как в могилу. А он — накажи его бог! — кричит со своего коня из-за толпы сбежавшегося народа: «Что случилось?» И вот лежит она на смертном ложе в лихорадочном жару, без движения, шесть бесконечных недель. Ни звука не издает: даже безумие, отмывка всех сердец, не открывает нам ее сердца. Никто не сумел бы исторгнуть тайну, которая овладела ею. А едва стало ей немного лучше, она встает, завязывает свою котомку и при первом луче дня идет к двери. «Куда?» — спрашивает служанка. «К графу фом Штраль», — ответила она и исчезла.

Венцель. Невероятно!

Ганс. Исчезла?

Венцель. И все оставила?

Ганс. Имущество, родной город, жениха, с которым помолвлена?

Венцель. И даже благословения твоего не испросила?

Теобальд. Исчезла, милостивые господа. Оставила меня и все, с чем ее связывали долг, привычка, сама природа. Поцеловала мне глаза — в ту пору я еще спал — и исчезла. А я-то хотел, чтобы она мне их закрыла.

Венцель. Вот, ей-богу, удивительный случай!

Теобальд. С того дня ходит она за ним с места на место, в какой-то слепой покорности, как распутная девка. Сердце ее тянет к сиянию его лица словно канатом, сплетенным из пяти проволок. Над голыми ногами, что каждый камешек ранит, развевается по ветру юбочка, едва прикрывающая бедра, и только соломенная шляпа защищает ей голову от солнца или от ярости непогоды. Куда бы ни устремился он в погоне за приключениями — в сырые ущелья, в пустыню, палимую полдневным жаром, во мрак густых лесов, — всюду она за ним, как собака, над которой много трудился ее хозяин. Привыкшая спать на мягких подушках, ощущавшая малейший узелок на простынях, ее же рукой случайно туда затканый, лежит она теперь, как служанка, в его конюшнях, а ночью засыпает, усталая, на соломе, которую подстилают его гордым коням.

Граф Отто. Граф Веттер фом Штраль, правда ли все это?»

Граф фом Штраль. Правда, государи мои. Неотступно идет она по моему следу. Стоит мне обернуться, и вижу я две вещи: свою тень да ее.

Граф Отто. А как вы объясняете себе этот удивительный случай?

Граф фом Штраль. Безымянные господа, члены Тайного судилища! Коли черт затеял с нею игру, так я ему тут пригодился, как обезьяне кошачьи лапы[125]. Будь я последний негодяй, если этот орешек он стащил для меня. Можете вы просто-напросто поверить моему слову: да — да, нет — нет, — как в Писании сказано, тогда ладно! Не можете, поеду в Вормс просить императора, чтобы он посвятил Теобальда в рыцари, а пока бросаю ему свою перчатку здесь, перед вами.

Граф Отто. Вы должны отвечать на наши вопросы: как объясняете вы, что она спит под вашим кровом, когда ей следует быть в доме, где она была рождена и воспитана?

Граф фом Штраль. Недель двенадцать тому назад, по дороге в Страсбург, лег я в полдневный зной, усталый, под утесом — мне теперь даже и во сне не виделась та девушка, что в Гейльбронне выбросилась из окна, — а просыпаюсь, — она дремлет у меня в ногах, словно роза, упавшая с неба! Я и говорю слугам, что лежали тут же на траве: «Что за черт! Да ведь это Кетхен из Гейльброна!» — а она открывает глаза и подвязывает шляпку свою, что во время сна сползла у нее с головы. «Катарина! — обращаюсь я к ней. — Девица, ты здесь откуда? В пятнадцати милях от Гейльброна, на самом берегу Рейна?» — «Дело есть у меня в Страсбурге, доблестный господин, — отвечает мне она, — а одной по лесам идти страшно, вот я к вам и пристала». Тут я велел дать ей перекусить чего-нибудь, что для меня мой слуга Готшалк с собой возит, и стал расспрашивать: оправилась ли она после падения, да что делает отец, да что она собирается делать в Страсбурге? Вижу, что не очень-то она охотно отвечает, и думаю: мне-то что за дело? Велел слуге проводить ее через лес, а сам вскочил

на своего вороного — и в путь. Вечером, в гостинице на Страсбургской дороге, собираюсь уже на покой, — входит Готшалк, слуга мой, и говорит: девушка, мол, внизу, просит, нельзя ли ей переночевать в нашей конюшне. «С лошадьми? — спрашиваю, а потом говорю: — Если ей там достаточно мягко, мне-то что?» — и еще добавляю, поворачиваясь на другой бок: «Ты, Готшалк, подбрось ей соломы побольше да присмотри, чтобы с ней ничего не случилось». А на другой день она встала раньше всех и пошла вперед по большой дороге, опять ночевала в моей конюшне, и так каждую ночь, куда бы меня ни занесло, словно она принадлежит к моему отряду. Я ведь это терпел, государи мои, ради вот этого седого ворчливого старика, что теперь меня к суду привлеч. Потому что моему Готшалку, чудаку этакому, девушка полюбилась, и он о ней, правду сказать, словно о дочери заботится. Я и подумал: придется еще раз ехать через Гейльброн, старик будет нам благодарен. Но когда она очутилась со мной и в Страсбурге, в архиепископском замке, заметил я, что никакого своего дела у нее в Страсбурге нет, потому что занималась она только моими делами — стирала да штопала, — словно никого другого на Рейне для этого не нашлось бы. Завидел я ее как-то на пороге конюшни, подошел к ней и спрашиваю, какие же такие у нее в Страсбурге дела. «Ах, — говорит она, и так вспыхивают у нее щеки, что я думал, передник на ней загорится, — доблестный господин, что ж вы спрашиваете? Вы же и без того знаете!» Эге, думаю, вот оно что! И тут же посылаю гонца в Гейльброн, к отцу ее, с такой вестью: Кетхен у меня, я ее поберег и везу в замок Штраль: пусть он приедет поскорее и заберет ее.

Граф Отто. Ну? И что же?

Венцель. Старик не забрал девушку?

Граф фом Штраль. На двадцатый день после того появляется он у меня в замке, ввожу я его в зал моих предков и с удивлением замечаю, что, входя в дверь, опускает он руку в чашу со святой водой и брызгает на меня. Я не рассердился — такой уж у меня нрав, — усаживаю его и чистосердечно рассказываю все, как было, из сочувствия к нему советы еще даю, как ему поправить дело, чтобы все шло согласно его желанию. Утешаю его и веду вниз, в конюшню, чтобы передать ему девушку, — а она там стоит и очищает от ржавчины мое оружие. Только он вошел в дверь и со слезами на глазах раскрыл объятия, чтобы принять ее, как она, смертельно побледнев, бросается мне в ноги, заклиная всеми святыми, чтобы я ее от него защитил. Он же при виде этого застыл на месте, как соляной столп[126], а потом, не успев я опомниться, посмотрел на меня с ужасом: «Да это сам Сатана!» — и бросил мне в лицо шляпу, которую держал в руках, будто желая отогнать страшное видение, и побежал обратно в Гейльброн, словно за ним гнался весь ад.

Граф Отто. Что тебе в голову взбрело, чудной ты старик?

Венцель. Что худого в поведении рыцаря? Чем он виноват, если к нему прилепилось сердце твоей безумной дочери?

Ганс. В чем тут можно его обвинить?

Теобальд. В чем обвинить? Ах ты — человек, страшнее, чем можно выразить словом или мыслью, да разве тебе все это не ясно так, словно херувимы совлекли с себя весь свой блеск и он, как майские лучи, озарил тебе душу? Ну как мне не дрожать перед человеком, который до того извратил природу чистейшего на всем свете сердца, что дочь отвращает белое как мел лицо от отца, открывающего ей объятия родительской любви, словно от волка, который грозит растерзать ее? Что ж, пусть, значит, господствует Геката[127], владычица волшебства, царица ночных туманных болот! Поднимайтесь из земли, демонские силы, которые прежде закон человеческий старался искоренить, расцветайте, согретые дыханьем ведьм, разрастайтесь, как лес, глуша собою все, чтобы сгнила малейшая небесная поросль, укоренившаяся в нашей земле. Пусть из ваших стволов и стеблей потекут адские соки, водопадами заливая всю землю, поднимая к небу удушливый чад, заполняя все русла нашей

жизни и смывая своим потопом всякую невинность и добродетель!

Граф Отто. Ядом он ее опоил, что ли?

Венцель. Ты думаешь, он дал ей волшебное питье?

Ганс. Опиум, что вливает таинственную силу в сердце человека, который его выпьет?

Теобальд. Яд? Опиум? Да что вы меня-то спрашиваете, вельможные господа? Я ведь не откупоривал бутылку, из которой он поил ее под утесом. Я ведь не был в гостиницах, где она ночь за ночью спала в его конюшнях. Откуда мне знать, подливал ли он ей яду? Подождите девять месяцев: тогда вы увидите, что случилось с ее юным телом.

Граф фом Штраль. Вот ведь старый осел! Против этого у меня есть только мое имя! Позовите ее, и, если она произнесет хоть одно слово, от которого отдаленно запахнет этим вымыслом, назовите меня графом зловонной лужи или как там еще вздумается вашему праведному гневу.

Явление второе

Те же и Кетхен, которую с завязанными глазами вводят два стражника. Стражники снимают с нее повязку и уходят.

Кетхен

(оглядывает всех собравшихся и, увидев графа, преклоняет перед ним одно колено)

Высокий господин мой!

Граф фом Штраль

Что ты хочешь?

Кетхен

Меня призвали пред лицо судьи.

Граф фом Штраль

Но я-то не судья. Вон там сидит он.

Встань. Я ответчик, так же как и ты.

Кетхен

Ты шутишь, господин мой.

Граф фом Штраль

Нет. Послушай:

Зачем во прах ты предо мной склонилась?

Кудесник я, сознался в волшебстве,

Но вот наложенные мною узы

Снимаю с девичьей души.

(Поднимает ее.)

Граф Отто

Прошу, девица, стань сюда, к барьеру.

Ганс

Мы — судьи.

Кетхен

(оглядываясь по сторонам)

Испытать меня хотите.

Венцель

Сюда иди и здесь держи ответ.

Кетхен становится рядом с графом фон Штраль и смотрит на судей.

Граф Отто

Ну?

Венцель

Что ж?

Граф Отто

Пора бы подчиниться судьям!

Ганс

Тебе угодно будет отвечать?

Кетхен

(про себя)

Мне говорят.

Венцель

Ну, да!

Ганс

Что ты сказала?

Граф Отто

(с удивлением)

Так что же с этим странным существом?

Переглядываются.

Кетхен

(про себя)

Закутанные с головы до ног

Сидят, как будто это Страшный суд.

Граф фом Штраль

(стараясь вернуть ее к действительности)

О чем ты грезишь, странное создание?

Ты отвечаешь Тайному суду!

Меня здесь обвиняют в колдовстве,

Которым я твое похитил сердце.

Рассказывай, как все произошло!

Кетхен

(смотрит на него и складывает руки на груди)

До слез меня ты мучишь, господин мой!

Покорную служанку научи,
Что делать ей и как себя вести.

Граф Отто
(нетерпеливо)
Учить ее!

Ганс
Ну слыхано ли это?

Граф фом Штраль
(с мягкой серьезностью)
Сейчас должна ты подойти к барьеру
И отвечать на все, о чем ни спросят!

Кетхен
Скажи, ты обвинен?

Граф фом Штраль
Ведь я сказал.

Кетхен
А судьи — это люди в масках?

Граф фом Штраль

Да.

Кетхен

(подходя к барьеру)

Кто б ни были вы, господа, сойдите

С судейских мест, и пусть он сядет там!

Как перед богом говорю — в нем сердце,

Что латы, — чистое. В сравненье с ним

И ваше и мое — чернее мантий.

Когда свершен здесь грех — ему судить,

А вам — дрожа стоять перед барьером.

Граф Отто

Ты, дурочка, недавний сосунок,

Кем на пророчество вдохновлена,

Им одарил тебя какой апостол?

Теобальд

Ах ты, несчастная!

Кетхен

(заметив отца, направляется к нему)

Отец мой милый!

(Хочет взять его за руку.)

Теобальд

(строгим голосом.)

Вон там тебе положено стоять!

Кетхен

Не прогоняй!

(Берет его руку и целует.)

Теобальд

Меня ты узнаешь?

Из-за тебя я поседел нежданно.

Кетхен

Я вспоминала каждый божий день,

Как вьются волосы твои. Терпенье.

Не предавайся скорби непомерной.

Знай: если радость волосы чернит,

Как юноша, ты снова расцветешь.

Граф Отто

Эй, слуги, привести ее сюда!

Теобальд

Иди, куда зовут.

Кетхен

(к судьям, когда к ней подходят стражники)

Но что вам надо?

Венцель

Не видел я строптивей существа!

Граф Отто

(когда она стала у барьера)

Должна ты ясно, коротко ответить

На все вопросы наши, ибо мы

Тебя по совести и правде судим,

И если ты виновна, пусть душа

Надменная твоя страшится кары!

Кетхен

Что, господа честные, знать вам надо?

Граф Отто

Увидев графа Фридриха фом Штраля

В отцовском доме, ты зачем поверглась,

Как перед господом, к его ногам?
Зачем на мостовую из окошка
Ты бросилась, когда он уезжал?
Зачем, едва поправившись, пошла ты
За ним повсюду сквозь туман, сквозь ночь,
Сквозь страх — куда бы конь копыт ни ставил?

Кетхен

(багровая от смущенья, графу)

Я этим людям все должна сказать?

Граф фом Штраль

Зачем тебе, безмозглой, одержимой,

Меня-то спрашивать? Неужто мало

Приказа, что получен от суда?

Кетхен

(повергаясь во прах)

Убей меня, когда я провинилась!

Что родилось в глубинах тайных сердца

По божьей воле, знать не надо людям.

Жестокий тот, кто спрашивать посмел!

А если ты об этом хочешь знать,

Что ж, спрашивай — тебе душа открыта.

Ганс

Бывало ли подобное на свете?

Венцель

Лежит пред ним во прахе...

Ганс

На коленях...

Венцель

Как мы перед Спасителем своим!

Граф фом Штраль (

судьям)

Я за ее безумство, господа,

Надеюсь, не в ответе? Что она

Рехнулась, это ясно, хоть ни вы,

Ни я причин пока не разумеем.

Когда позволите, ее спрошу я:

Быть может, по вопросам вы поймете,

Лежит ли на душе моей вина.

Граф Отто

(испытующе глядя на него)

Пусть так! Увидим. Спрашивайте, граф.

Граф фом Штраль

(обращаясь к Кетхен, все еще стоящей на коленях)

Ты, Катарина, можешь мне открыть —

Пойми меня — все тайное, что дремлет

В глубинах темных сердца твоего?

Кетхен

Я сердце, господин, тебе открою,

Чтоб верно знал ты все, что в нем живет.

Граф фом Штраль

Так что ж, скажи мне коротко и ясно,

Тебя из дома отчего влекло

И следовать за мною повелело?

Кетхен

Ты, господин мой, требуешь так много.

Когда бы я лежала, как сейчас,

Не пред тобой — перед своим сознанием,

Что суд вершит на троне золотом,

И все угрозы совести нечистой

Стояли тут же в огненных доспехах,

То и тогда на этот твой вопрос

Во мне все отвечало бы: не знаю.

Граф фом Штраль

Ты лжешь мне, хочешь обмануть меня,
Меня, твою опутавшего душу?
Ведь я взгляну — ты клонишься, как роза,
Что солнцу открывает лепестки.
Припомнишь ли, что сделал я с тобой,
Что с телом и душой твоей случилось?

Кетхен

Где?

Граф фом Штраль

Там ли, тут ли.

Кетхен

А когда?

Граф фом Штраль

Когда-то.

Кетхен

Ты помоги мне, господин.

Граф фом Штраль

Помочь?

Ну и чудн?я

(Сдерживается.)

Ничего не помнишь?

Кетхен стоит, опустив глаза.

Какое лучше видится тебе

Из разных мест, где ты меня встречала?

Кетхен

Мне в памяти всего яснее Рейн.

Граф фом Штраль

Да. Там и было. Это знать хотел я.

Скала на рейнском берегу, где мы

В полдневный зной с тобою отдыхали.

Что там с тобой случилось, ты не помнишь?

Кетхен

Нет, славный господин мой.

Граф фом Штраль

Разве нет?

А чем я освежил твои уста?

Кетхен

Когда я отказалась пить вино,
По твоему приказу из пещеры
Принес воды мне Готшальк, твой слуга.

Граф фом Штраль

А за руку я взял тебя? Поднес
К твоим губам еще... Ну, что ж молчишь ты?

Кетхен

Когда?

Граф фом Штраль

Тогда же.

Кетхен

Нет, мой господни.

Граф фом Штраль

Так, значит, позже.

Кетхен

В Страсбурге?

Граф фом Штраль

Иль раньше.

Кетхен

Ни разу ты руки моей не тронул.

Граф фом Штраль

Катрина!

Кетхен

(краснея)

Верно: в Гейльбронне! Прости!

Граф фом Штраль

Когда?

Кетхен

Когда отец чинил твой панцирь.

Граф фом Штраль

И больше никогда?

Кетхен

Нет.

Граф фом Штраль

Катарина!

Кетхен

Руки?

Граф фом Штраль

А может, и чего другого!

Кетхен

(припоминая)

Да, в Страсбурге... Я помню: подбородка.

Граф фом Штраль

Как это было?

Кетхен

Сидя на пороге,

Я плакала и, что б ни говорил ты,

Молчала.

Граф фом Штраль

Почему?

Кетхен

Мне было стыдно.

Граф фом Штраль

Ты устыдилась? Правда. Мой вопрос

Тебя заставил покраснеть до шеи.

А что спросил я?

Кетхен

Ты сказал, отец мой

Остался дома в Швабии, тоскует

Он обо мне, тебе же надо в Гейльброн

Отправить лошадей своих. Так вот,

Не захочу ли я домой вернуться?

Граф фом Штраль

(холодно)

Речь не об этом. Ну, а где еще?

Где в жизни мы с тобой еще встречались

Ведь я тебя в конюшне навещал.

Кетхен

Нет, славный господин.

Граф фом Штраль

Нет? Катарина!

Кетхен

В конюшне ты меня не навещал

И никогда ко мне не прикасался.

Граф фом Штраль

Как? Никогда?

Кетхен

Нет, господин.

Граф фом Штраль

Катрина!

Кетхен

(страстно)

Нет, нет, ни разу, славный господин!

Граф фом Штраль

Ну, право слово, этакая лгунья!

Кетхен

Пусть я погибну, пусть я в ад пойду,

Когда хоть раз...

Граф фом Штраль

(с притворной резкостью)

Клянется, губит душу

Свою, девчонка глупая, как будто

Господь ей все за молодость простит!

А что произошло пять дней назад

В моей конюшне? Сумерки спускались,

И Готшальку велел я уходить?

Кетхен

Ох, Иисусе! Я совсем забыла!

Ты в замке заходил ко мне в конюшню.

Граф фом Штраль

Вот и призналась! Так зачем же ты

Божилась так, что душу погубила?

Я замке Штраль в конюшню к ней пришел.

Кетхен плачет.

Граф Отто

Замучили вы девочку.

Теобальд

(подходит, растроганный, к Кетхен)

Ах, дочка!

(Хочет прижать ее к груди.)

Кетхен

Нет, нет!

Венцель

Бесчеловечно это, право.

Граф Отто

В конюшне ничего и не случилось,

Граф фом Штраль

(глядя на нее)

Что ж, господа, раз вы решили так, —

Согласен я: велите расходиться.

Граф Отто

С такой издевкой варварской нельзя
Допрашивать ребенка — мы считаем.
Над нею власть природа вам дала,
Но ваше обращение с ней ужасней,
Чем колдовство, приписанное вам.

Граф фом Штраль

(поднимая Кетхен)

Я это делал только для того,
Чтоб с торжеством она пред вами встала.
Моя перчатка

(показывая на землю)

за меня ответчик.
Когда невинность Кетхен вы признали,
Прошу вас, разрешите ей уйти.

Венцель

Не зря вы, видно, этого хотите!

Граф фом Штраль

Не зря? Что? Да не вы ли, господа,
Так возмущались варварской издевкой?

Венцель

(многозначительным тоном.)

Хотим мы, если разрешите, знать,

Что все-таки произошло в конюшне,

Граф фом Штраль

Хотите знать?

Венцель

Конечно.

Граф фом Штраль

(багровея, обращается к Кетхен)

На колени!

Кетхен становится перед ним на колени.

Граф Отто

Вы непомерно дерзки, граф фом Штраль!

Граф фом Штраль

(к Кетхен)

Так! Отвечать ты будешь только мне.

Ганс

Позвольте! Подобаает нам...

Граф фом Штраль

(по-прежнему, к Кетхен)

Ни с места!

Тебя судить здесь будет тот, кому

Твоя душа свободно покорилась.

Венцель

Найдем мы средство, граф...

Граф фом Штраль

(с трудом подавляя раздражение)

Сказал я: нет!

И пусть меня сам черт возьмет, когда

Ее вы приневолите. Так что же

Вам, господа, сейчас угодно знать?

Ганс

(запальчиво)

Ей-богу же!

Венцель

Вот дерзость!

Ганс

Эй, охрана!

Граф Отто

Друзья, не надо! Помните, кто он.

Первый судья

Ведь он как будто хитростью своей

Ее заставил говорить?

Второй судья

Конечно!

Пускай же он за нас ведет допрос.

Граф Отто

(графу фом Штраль)

Спросите, что пять дней назад, под вечер,

В конюшне замка вашего случилось,

Когда вы Готшалька услали прочь?

Граф фом Штраль

(к Кетхен)

Скажи, что вечером, пять дней назад,
В конюшне замка моего случилось,
Когда велел я Готшальку уйти?

Кетхен

Прости меня, высокий господин мой!
Теперь я все, как должно, расскажу.

Граф фом Штраль

Так. Значит, я тебя коснулся, правда?
Ведь ты призналась?

Кетхен

Да, мой господин.

Граф фом Штраль

Ну?

Кетхен

Что, мой господин?

Граф фом Штраль

Что знать хочу я?

Кетхен

Что хочешь знать?

Граф фом Штраль

Живей! Чего молчишь?

Я взял тебя, ласкал и целовал

И обнял?

Кетхен

Нет, высокий господин мой.

Граф фом Штраль

А что же?

Кетхен

Оттолкнул меня ногой.

Граф фом Штраль

Ногой? Да я и пса не оттолкнул бы!

Зачем? За что? В чем провинилась ты?

Кетхен

Когда мой добрый, ласковый отец

Приехал с лошадьми, чтоб взять меня,

Я, в страхе отвернувшись от него,
Вез памяти у ног твоих простерлась,
Моля, чтоб ты меня не отдавал.

Граф фом Штраль

А я тебя ногою оттолкнул?

Кетхен

Да, господин.

Граф фом Штраль

Вот чепуха, ей-богу!

Перед отцом твоим я притворялся.

Ведь ты осталась в замке у меня.

Кетхен

Нет, господин мой.

Граф фом Штраль

Нет? Куда ж ты делась?

Кетхен

Когда, от гнева весь побагровев,

Сорвал ты кнут с гвоздя, я поскорей

За обомшелые ворота вышла
И на развалинах стены уселась,
Под сладко пахнущею бузиной,
Где чиж, насвистывая, вил гнездо.

Граф фом Штраль
И на тебя я напустил собак?

Кетхен
Нет, господин.

Граф фом Штраль
Когда ж под лай собачий
Ты побежала из моих владений,
Я и соседа кликнул — гнать тебя?

Кетхен
Да нет же, господни! Что говоришь ты?

Граф фом Штраль
Нет? Эти господа тебя осудят!

Кетхен
До них тебе, я знаю, дела нет.

На третий день ты Готшалька прислал
Сказать, что ты со мной, как прежде, дружен,
Но надо быть разумной и уйти...

Граф фом Штраль
А что же ты ответила?

Кетхен
Сказала,
Что терпишь ты веселого чиж
В его гнезде на бузине пахучей.
Так не гони ж и Кетхен из Гейльброна.

Граф фом Штраль
(подымая Кетхен)
Вам все она сказала, господа.
Мы в вашей власти. Вам теперь решать.

Пауза.

Граф Отто
(с неудовольствием)
Ты, жалобщик безумный, не знаком
С обычным волшебством самой природы!
Когда вам дело ясно, господа,
Как ясно мне, — пора принять решение,

Венцель

Пора.

Ганс

Голосовать!

Все

Голосовать!

Один из судей

Вот вздор! И без того ведь дело ясно.

Граф Отто

Герольд! Возьми свои шлем, собирай шары!

Герольд собирает шары в шлем и подает его графу.

(Встает.)

Ты, Фридрих Веттер, граф фом Штраль, решением

Единогласным Тайного суда

Оправдан. Ты же, Теобальд, не должен

С такими жалобами к нам являться,

Пока улики получше не найдешь.

(Судьям.)

Вставайте все. Закрыто заседание.

Судьи встают.

Теобальд

Так он, высокочтимые, оправдан?

Из ничего господь наш создал мир,

А он, проклятый, сделал мир ничем,

Поверг в ничто, в первоначальный хаос.

Да разве он не гнусный Сатана?

Граф Отто

Молчи, доживший до седин глупец!

Мозги тебе вправлять — не наше дело.

Эй, стражник, завяжи ему глаза

И выведи его обратно в поле.

Теобальд

Меня? Беспомощного старика?

А девочка моя?

Граф Отто

Вы, граф фом Штраль,

Должны принять от фемы порученье:

Немало здесь мы видели примеров

Чудесной вашей силы. Покажите,

Пока мы здесь еще, последний, главный:

Верните дочку старику отцу.

Граф фом Штраль

Готов я сделать все, что будет в силах.

Дитя!

Кетхен

Мой господин?

Граф фом Штраль

Меня ты любишь?

Кетхен

Всем сердцем.

Граф фом Штраль

Сделай же, как я прошу,

Кетхен

Чего ты хочешь?

Граф Фом Штраль

Не иди за мной,

Вернись к отцу. Ну как?

Кетхен

Я обещала.

(Падает без чувств.)

Теобальд

(подхватывает ее)

Дитя мое! Спаси, отец небесный.

Граф фом Штраль

(оборачиваясь)

Повязку, стражник!

(Завязывает себе глаза.)

Теобальд

Будь ты проклят, гнусный,

Несущий смерть во взгляде василиск!

Еще пример твоей зловредной силы!

Граф Отто

(сходя с судейского места)

Ну, что там, господа?

Венцель

Она упала.

Все смотрят на Кетхен.

Граф фом Штраль

(стражнику)

Веди меня отсюда.

Теобальд

Прямо в ад!

И пусть у врат его тебя сгребет

Толпа его змеиновласых стражей,

Чтоб ты на десять тысяч сажень глубже

Тех мест, где пекло самое, попал!

Граф Отто

Молчи, старик.

Теобальд

(плачет)

Дочурка! Кетхен!

Кетхен

Ах!

Венцель

(радостно)

Глаза открыла!

Ганс

Да, она очнется.

Граф Отто

Снеси ее к привратнику! Ну, с богом!

Все уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лес перед пещерой Тайного суда.

Явление первое

Граф фом Штраль входит с завязанными глазами; его ведут два стражника, которые снимают с него повязку и снова исчезают в пещере.

Граф фом Штраль

(бросается на землю и плачет). Вот буду лежать здесь, словно какой-нибудь пастух, и плакать. Низкое солнце еще краснеет между стволами деревьев, макушки их неподвижны. И если через четверть часа, после того как оно исчезнет за холмами, я сяду на коня и даже немного помедлю в Блохфельде, где дорога уже ровная, то попаду в замок Веттерштраль еще до того, как там погасят огни. А сейчас представлю себе, будто кони мои там, внизу, где бежит ручей, это овцы и козы, что карабкаются на скалы и щиплют траву да горный кустарник. Одет я в легкую белую холстину, перевязанную красными лентами, вокруг меня роятся резвые ветерки, чтобы донести к добрым богам вздохи, вырывающиеся из моей стесненной горем груди. Истинная правда! Переберу-ка я все слова родного языка да так основательно ограблю всю богатую главу под названием «Чувство», что ни один рифмоплет не сможет на новый лад сказать: мне грустно. Я призову все, что в печали есть трогательного, переплету друг с другом радость и влекущую к смерти скорбь, чтобы они провели мой голос, как искусного плясуна, через все извороты, пленяющие душу. И если деревья не сдвинутся с места, стряхивая с себя, как дождь, свою сладостную росу, значит, и впрямь нет в них ничего, кроме дерева, а все, что о них рассказывают поэты, просто красивая сказка. О ты... как назвать тебя, Кетхен! Почему нельзя мне назвать тебя своей? Кетхен, девушка, Кетхен! Почему нельзя мне назвать тебя своей? Почему не могу я взять тебя на руки и отнести на благоуханную постель под балдахин, которую устроила мне мать в парадном покое у нас дома? Кетхен, Кетхен, Кетхен! Ты, чья юная душа, представшая мне сегодня совершенно обнаженной, источала сладострастный аромат, словно невеста персидского царя, умащенная драгоценными маслами и усеивающая благоуханным дождем все ковры, по которым ее ведут в брачный покой. Кетхен, Кетхен, Кетхен! Почему я не могу этого сделать! Ты — так прекрасна, что нет слов тебя воспеть, и я создам новое искусство, которое будет о тебе плакать. И открою все фиалы чувства, небесные и земные, и создам такое смешение слез, и они заструятся таким немислимым священным и вместе с тем бурным потоком, что каждый, на чьей груди я заплачу, скажет: «Они струятся ради Кетхен из Гейльбронна!..» А вам что надо, седобородые старцы? Зачем вы, портреты моих закованных в броню предков, вышли из своих позолоченных рам, развешанных в моем рыцарском зале, и, потрясая своими почтенными седыми кудрями, тревожно обступаете меня со всех сторон? Нет, нет, нет! Как ни люблю я ее, а в жены взять не могу. Я не выйду из вашего горделивого круга: это было решено еще до вашего появления. Но тебя, Винфрид, первого в этом хороводе, тебя, первого из носивших наше имя, божественного, с головой, как у Зевса, тебя спрошу я, была ли праматерь нашего рода такой, как она? Так ли светилась она благочестием и добродетелью, так ли была совершенна душой и телом, так ли украшена всеми чарами любви? О Винфрид, седовласый старец! Целую твои руки, благодарю за то, что существую, но если бы ты ее прижал к своей стальной груди, от тебя пошел бы подлинно царский род, и всякий закон на этой земле давался бы именем Веттера фом Штраль. Я знаю, что превозмогу себя и рана эта заживет, ибо какая рана не заживает у человека? Но если я когда-нибудь найду женщину, подобную тебе, Кетхен, то пройду все страны земные, и всем языкам научусь, и прославлю бога на всех наречиях, какие существуют. — Готшалк!

Явление второе

Граф фом Штраль. Готшалк.

Готшальк

(входя). Эй! Эй! Господин граф фом Штраль!

Граф фом Штраль. Ну, что там?

Готшальк. Что, черт побери! Гонец прибыл от вашей матушки.

Граф фом Штраль. Гонец?

Готшальк. Примчался во весь опор, запыхавшись, опустив удила. Клянусь душой, когда б ваш замок был железным туком, а он — стрелой, так и то не смог бы лететь быстрее.

Граф фом Штраль. Что он должен мне передать?

Готшальк. Эй, рыцарь Франц!

Входит рыцарь Фламберг.

Явление третье

Те же, Фламберг.

Граф фом Штраль. Фламберг! Что это ты так спешно сюда примчался?

Фламберг. Милостивейший господин! Это — повеление графини, вашей матушки: она велела мне взять лучшего скакуна и ехать вам навстречу.

Граф фом Штраль. Ну? Что же ты должен мне сообщить?

Фламберг. Война, клянусь честью, война! Вызов на новую распрю, еще теплый, как он вышел из уст герольда.

Граф фом Штраль

(озабоченно). Но чей? Не бургграфа[128] же, с которым я сейчас только заключил мир?

Фламберг. Рейнграфа, юнкера фом Штейн,[129] чьи владения там, внизу, среди виноградников Неккара[130].

Граф фом Штраль. Рейнграфа? А какие такие дела у меня с рейнграфом, Фламберг?

Фламберг. А какие, клянусь душой, были у вас дела с бургграфом? А что нужно было от вас многим другим до того, как вы ввязались в войну с бургграфом? Если вы не затопчете искорки греческого огня[131], от которой вспыхивают все такие войны, так против вас загорится все Швабское нагорье да вдобавок Альпы.

Граф фом Штраль. Возможно ли? Фрейлейн Кунигунда...

Фламберг. Рейнграф от имени фрейлейн Кунигунды фон Турнек требует перепродажи вашего владения Штауфен, тех трех городков и семнадцати деревень и хуторов, которые вашему предку Отто были на известных условиях проданы ее предком Петером. Так же как это раньше делал от ее имени бургграф Фрейбургский, а еще до того ее родичи.

Граф фом Штраль

(встает). Бешеная ведьма! Ведь это, кажется, третий имперский рыцарь, которого она, словно пса, науськивает на меня, чтобы отобрать эти земли! Похоже, будто вся империя у нее на посылах. Клеопатра в свое время нашла одного поклонника, и, когда он свернул себе шею, другие поостереглись,[132] а ей служит всякий, у кого одним ребром меньше, чем у нее. И вместо каждого из них, которого я отправляю потрепанным назад, на меня лезут десять других. А какие доводы он приводит?

Фламберг. Кто? Герольд?

Граф фом Штраль. Какие у него доводы?

Фламберг. Эх, доблестный господин, покраснеть бы ему, приводя эти доводы.

Граф фом Штраль. Он говорил о Петере фон Турнек — да? И о том, что продажа владения была совершена неправильно?

Фламберг. Разумеется. И о швабских законах, и к каждому третьему слову примешивал долг и совесть и призывал бога в свидетели, что только самые чистые побуждения заставляют его господина рейнграфа взяться за дело фрейлейн фон Турнек.

Граф фом Штраль. А о розовых щечках этой дамы он умолчал?

Фламберг. Об этом он ни слова не вымолвил.

Граф фом Штраль. Чтоб на нее черная оспа напала! Набрать бы мне ведро ночной росы да окатить ее белую шею! Распроклятое ее личико — главная причина всех этих войн против меня. И пока я не отравлю мартовский снег, которым она умывается, не будет мне покоя от здешних рыцарей. Но — терпение! Где она сейчас обретается?

Фламберг. В замке Штейн, где уже третий день в ее честь такие пиры задают, что твердь небесная вот-вот рухнет, и уж не видно будет ни солнца, ни луны, ни звезд. Бургграф, которому она дала отставку, горит жаждой мщения, и, если вы пошлете к нему гонца, я не сомневаюсь, что он вместе с вами пойдет на рейнграфа.

Граф фом Штраль. Ладно! Подайте лошадей, — еду. Я уж пообещал этой юной подстрекательнице, что, если она не перестанет поднимать на меня свое оружие, свое дерзкое личико, я ей подложу такую игрушечку, что ей вечно придется носить ее при себе в футляре. И пусть у меня правая рука отсохнет, если не сдержу слова. За мной, друзья!

Все уходят.

Явление четвертое

Хижина угольщика в горах. Ночь. Гроза с громом и молнией. Входят бургграф Оренбургский и Георг фон Вальдштеттен.

Фрейбург

(кричит за сцену). Снимите ее с лошади!

Молния и удар грома.

Ну, рази себе куда хочешь, только не в набеленную мелом голову моей дражайшей невестушки Кунигунды фон Турнек.

Голос

(из-за сцены). Эй, где вы?

Фрейбург. Здесь!

Георг. Случалось вам переживать подобную ночь?

Фрейбург. С неба такое льет, затопляя макушки деревьев и вершины гор, будто разразился второй всемирный потоп. Снимите ее с лошади.

Голос

(из-за сцены). Она недвижима.

Другой голос. Лежит, как мертвая, у ног коня.

Фрейбург. А, притворство! Она это делает для того, чтобы не потерять своих фальшивых зубов. Скажите ей, что я бургграф Фрейбургский и сосчитал, сколько у нее во рту настоящих. Так-то! Тащите ее сюда.

Появляется рыцарь Шауерман, неся на плечах фрейлейн Кунигунду фон Турнек.

Георг. Вон там хижина угольщика.

Явление пятое

Те же, рыцарь Шауерман с фрейлейн Кунигундой, рыцарь Вецлаф и всадники бургграфа. Два угольщика.

Фрейбург

(стучась в хижину). Эй, эй!

Первый угольщик

(изнутри). Кто стучит?

Фрейбург. Нечего спрашивать, бездельник, открывай.

Второй угольщик

(изнутри). Ого! Придется подождать, пока я поверну ключ. Кто там, уж не сам ли император?

Фрейбург. Мерзавец! Если и не он, так тот, кто здесь правит. Вот сейчас обломаю с ближайшего сука скипетр, чтобы ты это на себе почувствовал.

Первый угольщик

(выходит из хижины с фонарем в руке). Кто вы такие? Чего вам надо?

Фрейбург. Я рыцарь, а эта дама, которую несут на руках, тяжело больна и...

Шауерман

(сзади). Убрать свет!

Вецлаф. Выбить у него из рук фонарь!

Фрейбург

(отнимая у угольщика фонарь). Плут! Будешь ты тут светить?

Первый угольщик. Господа, по-моему, тут самый главный — я! Зачем вы забираете у меня фонарь?

Второй угольщик. Кто вы такие? Чего вам надо?

Фрейбург. Рыцари, хам ты несчастный, сказано тебе уже было!

Георг. Мы — странствующие рыцари, добрые люди, в пути нас застала непогода.

Фрейбург

(перебивая). Воины мы, идем из Иерусалима к себе на родину. А эта дама, которую несут, закутанную с ног до головы в плащ, это...

Удар грома.

Первый угольщик. Ишь, хватило так, что небо разорвалось! Из Иерусалима, говорите?

Второй угольщик. У этого грома такой рык, что ни слова не слышать.

Фрейбург. Да, из Иерусалима.

Второй угольщик. А особа женского пола, которую там несут...

Георг

(указывая на бургграфа). Больная сестра этого господина, честные люди, ей надо...

Фрейбург

(перебивая). Его сестра, прохвост, а моя супруга — тяжело больна, сам видишь, град и ливень чуть не убили ее, так что она ни слова вымолвить не может. Ей надо местечко в твоей хижине, пока не пройдет гроза и не наступит день.

Первый угольщик. Место в моей хижине?

Георг. Да, добрый угольщик. Пока не пройдет гроза и мы не сможем ехать дальше.

Второй угольщик. Клянусь душой, чего только не наговорили, а все ваши слова не стоят дыхания, с которым они из вас выходят.

Первый угольщик. Исаак!

Фрейбург. Ну, пустишь нас?

Первый угольщик. Я и собак императорских пустил бы, господа, если бы они выли у меня под дверь. Исаак! Бездельник! Оглох, что ли?

Мальчик

(из хижины). Э, слышу! Чего там?

Второй угольщик. Расстели солому, бездельник, а поверх одеяло. Придет больная дамочка и ляжет в хижине. Слышишь?

Фрейбург. А кто там у тебя?

Первый угольщик. Да белобрысый мальчишка, десятилетний, помогает нам.

Фрейбург. Хорошо. Сюда, Шаурман. Здесь один узел развязался.

Шаурман. Где?

Фрейбург. Да ладно! Туда ее, в угол. На рассвете я тебя позову.

Шаурман уносит Кунигунду в хижину.

Явление шестое

Те же, без Шаурмана и Кунигунды.

Фрейбург. Ну, Георг, и ударю же я теперь во все кимвалы радости: попалась она нам, попалась в наши руки эта Кунигунда фон Турнек! Не будь я окрещен именем моего отца, если даже за весь божий рай, о котором молился в детстве, отдам то наслаждение, что мне назавтра уготовано. — Почему ты раньше не приехал из Вальдштеттена?

Георг. Да ты меня раньше и не звал.

Фрейбург. Ох, Георг! Посмотрел бы ты на нее, как она гарцевала, точно в сказке, окруженная

всеми здешними рыцарями, — ну прямо солнце среди планет! Только что не говорила она кремешкам на дороге, из которых искры вылетали: извольте таять, когда меня видите. Фалестра[133], царица амазонок, спускаясь с Кавказских гор просить Александра Великого, чтоб он ее поцеловал, не была божественнее и пленительнее.

Георг. Где ты ее захватил?

Фрейбург. На расстоянии пяти часов, Георг, пяти часов от Штейнбурга, где рейнграф давал ей целых три дня шумные празднества. Едва провожавшие ее рыцари отъехали, как я свалил ее двоюродного брата Изидора, что при ней оставался, на землю, вскочил с ней на вороного, да и был таков.

Георг. Макс, Макс! Что ты...

Фрейбург. Сейчас скажу, друг...

Георг. Для чего все эти чудовищные приготовления?

Фрейбург. Милый! Добрый! Чудный! Это мед Гиблы[134] для моей души, высохшей от жажды мести, как деревяшка. Зачем допускать, чтобы эта пустая оболочка висилась на пьедестале, подобно олимпийской богине, и отвлекала нас и нам подобных от христианского храма? Долой ее, в мусорную кучу, чем выше она красовалась — тем ниже падет, пусть все видят, что никакого божества в ней и не бывало.

Георг. Но ради всего святого, скажи ты мне, из-за чего ты к ней полон такой бешеной ненависти?

Фрейбург. О Георг! Человеку ничего не стоит бросить в грязь все, что он называет своим, кроме чувства. Георг, я любил ее, а она была недостойна моей любви. Я любил ее, а она посмеялась надо мной, она была недостойна моей любви. Я скажу тебе одну вещь... Но я бледнею, когда об этом думаю. Георг, Георг! Когда черти становятся в тупик, надо им посоветоваться с тем петухом, что без толку бегал вокруг курочки, а потом вдруг увидел, что она изъедена проказой и ему для забавы не пригодна.

Георг. Но ты не обойдешься с ней не по-рыцарски?

Фрейбург. Нет. Боже упаси. Никакому слуге я не поручу своей мести. Я отвезу ее обратно в Штейнбург к рейнграфу, а там только и сделаю, что сниму с нее шейный платок. Вот и вся моя месть!

Георг. Что? Шейный платок снимешь?

Фрейбург. Да, Георг, и созову народ.

Георг. Ну, а когда это будет сделано, ты...

Фрейбург. Э, тогда я насчет нее пофилософствую. Тогда я выставлю вам по ее поводу метафизическое положение, как Платон, а потом я разъясню его на манер веселого Диогена. [135] Человек есть... Но тише... (Прислушивается.)

Георг. Ну же! Человек есть?..

Фрейбург. По Платону, человек есть двуногое неоперенное существо. Ты знаешь, как это доказал Диоген: кажется, он ощипал петуха и бросил его в толпу... И эта Кунигунда, друг, эта Кунигунда фон Турнек, она, по-моему... Но тише! Не будь я мужчиной, если кто-то не

спрыгнул там с коня!

Явление седьмое

Те же и граф фом Штраль, который входит в сопровождении Фламберга. Потом появляется Готшальк и мальчик-угольщик.

Граф фом Штраль

(стучится в дверь). Эй вы там, добрые угольщики!

Фламберг. В такую ночь и волков в ущелье о приюте попросишь.

Граф фом Штраль. Можно войти?

Фрейбург

(загораживая ему дорогу). Позвольте, господа! Кто бы вы ни были...

Георг. Войти туда вам нельзя.

Граф фом Штраль. Нельзя? А почему?

Фрейбург. А потому что там места нет — ни для вас, ни для нас. Там лежит моя тяжелобольная жена, а в единственном свободном углу поместилась ее прислуга: вы же не выгоните ее оттуда?

Граф фом Штраль. Нет, клянусь честью! Напротив, желаю ей поскорее там поправиться. Готшальк!

Фламберг. Ну, значит, переночуем в гостинице «Под открытым небом».

Граф фом Штраль. Готшальк, я тебя зову!

Готшальк

(за сценой). Здесь!

Граф фом Штраль. Подай сюда одеяла. Расположимся тут, под деревьями.

Входят Готшальк и мальчик-угольщик.

Готшальк

(принося одеяла, шепотом). Черт знает, что здесь за дела творятся. Парнишка говорит, что в хижине сидит мужчина в доспехах и сторожит благородную девицу, а та лежит связанная и с кляпом во рту, словно теленок, привезенный на бойню.

Граф фом Штраль. Что ты говоришь? Девица благородная? Связанная и с заткнутым ртом?

Кто тебе это сказал?

Фламберг. Мальчик! Откуда ты это знаешь?

Мальчик. Тсс! Во имя всех святых! Что вам, господа?

Граф фом Штраль. Поди сюда.

Мальчик. Я сказал: тсс!

Фламберг. Мальчик, кто тебе это сказал? Отвечай!

Мальчик

(тихо, оглядевшись по сторонам). Сам видел, господа. Я лежал на соломе, когда ее внесли, говоря, что она больная. А я осветил ее лампой и вижу — она здорова, и щеки у нее не хуже, чем у нашей Лоры. И стонет потихоньку, подмигивает, и руки мне жмет, ну только что не говорит словами, — как умная собака: «Развяжи меня, мальчик, развяжи». Так что я глазами услышал и пальцами уразумел.

Граф фом Штраль. Ну так и сделай это, белобрысый.

Фламберг. Чего медлишь? Что ты делаешь?

Граф фом Штраль. Развяжи ее и пришли сюда.

Мальчик

(боязливо). Тсс, говорю вам. Молчите как рыбы. А ну как поднимутся там все трое да придут сюда посмотреть, что тут делается?

Граф фом Штраль. Не бойся, мальчуган, не бойся.

Фламберг. Ничего они не слышали.

Граф фом Штраль. Они все места ищут, где бы от дождя укрыться.

Мальчик (озираясь). А вы за меня заступитесь?

Граф фом Штраль. Да, не будь я рыцарем, — заступлюсь.

Фламберг. На этот счет не беспокойся.

Мальчик. Ладно! Я скажу отцу. А вы поглядывайте, что я сделаю, — зайду в хижину или нет.

(Говорит со старыми угольщиками, стоящими у костра, а затем исчезает в хижине.)

Фламберг. Ну и чудной народ! Рыцари Вельзевула, у которых орденская мантия — черная ночь! Супруги, что на большой дороге сочetalись веревками и кандалами!

Граф фом Штраль. Они сказали — больная.

Фламберг. Тяжелобольная! И благодарили за помощь!

Готшалк. Ну, погоди. Уж мы их разведем.

Пауза.

Шауерман (из хижины). Эй! Эй! Скотина!

Граф фом Штраль. Вставай, Фламберг, поднимайся!

Оба истают.

Фрейбург. Что там такое?

Люди бургграфа поднимаются.

Шауерман. Я привязан! Привязан!

Появляется Кунигунда.

Фрейбург. Боги! Что я вижу?

Явление восьмое

Те же и фрейлен Кунигунда фон Турнек, в дорожном платье, с распущенными волосами.

Кунигунда

(бросается к ногам графа фом Штраль)

Спаситель мой неведомый! Вступитесь,

Как рыцарское званье вам велит,

За девушку, изведавшую столько

Обид и поношений. О защите

Она вас молит здесь, у ваших ног.

Фрейбург

Убрать ее отсюда!

Георг

(удерживая его)

Макс, послушай.

Фрейбург

Убрать ее, пускай она молчит!

Граф фом Штраль

Нет, господа! Что надо вам?

Фрейбург

Что надо?

Жену мою! Ах, черт! Убрать ее!

Купигунда

Жену твою? Вот лжец!

Граф фом Штраль

(строго)

Не смейте трогать!

Что надобно тебе от этой дамы,

Ты скажешь мне. — Она теперь моя,

Затем что я отныне ей защитник.

(Поднимает ее.)

Фрейбург

Кто ты, осмелившийся дерзко стать

Меж мужем и женой? И у тебя

Откуда право разделять супругов?

Кунигунда

Супругов? Вот злодей! Мы не супруги.

Граф фом Штраль

А ты кто, негодяй, что смеешь звать

Ее своей женой, бесстыжий плут,

Сказавший, что она твоя, ворюга

Срамной, которого сам черт венчал

С девицей этой кляпом и веревкой?

Фрейбург

Как? Что? Кто?

Георг

Макс, прошу тебя.

Граф фом Штраль

Кто ты?

Фрейбург

Ошиблись вы...

Граф фом Штраль

Я спрашиваю: кто ты?

Фрейбург

Вы думать не должны...

Граф фом Штраль

Подайте свет!

Фрейбург

Та женщина, которую привез я...

Граф фом Штраль

Велел я свет подать!

Готшалк и угольщики выходят с факелами из хижины.

Фрейбург

Я, господа...

Георг

(понижая голос)

Безумец, вот кто ты! Скорей бежать!

Ты хочешь герб свой запятнать навеки.

Граф фом Штраль

Так, славные ребята! Посветите.

Фрейбург опускает забрало.

Ну, кто ты? Говори. Открой лицо.

Фрейбург

Я, господа...

Граф фом Штраль

Долой забрало!

Фрейбург

Слушай...

Граф фом Штраль

Ты вздумал безнаказанно, бездельник,
Смолчать на мой вопрос, как я на твой?

(Срывает с головы бургграфа шлем, тот пошатнулся.)

Шауерман

На землю повалите наглеца!

Вецлаф

Живей! Мечи!

Фрейбург

Безумец, как ты смел!

(Выпрямляется, вырывает из ножен меч и бросается на графа, тот уклоняется от удара.)

Граф фом Штраль

А, защищаешься, жених подложный!

(Поражает его.)

Ступай-ка в ад, откуда ты пришел,

И можешь там справлять медовый месяц!

Вецлаф

Глядите: ужас! Он упал, он ранен!

Фламберг (нападая на людей бургграфа)

Живей, друзья!

Шауерман

Бежим!

Фламберг

Задай им жару!

Гоните эту сволочь, пусть бегут.

Люди бургграфа разбегаются, остается только Георг, хлопочущий около распростертого на земле Фрейбурга.

Граф фом Штраль

Кого я вижу? Фрейбург? Боги, боги!

Ты ль это?

Кунигунда

(про себя)

Чертов пес неблагодарный!

Граф фом Штраль

Несчастный, что тебе девица эта?

Чего хотел ты от нее?

Георг

Не может

Он говорить: кровь заливает рот.

Кунигунда

Пусть захлебнется!

Граф фом Штраль

Это словно сон!

Ведь он такой прямой и благородный.

Помочь ему! Эй, люди!

Фламберг

Поднимите

Его с земли и в хижину несите.

Георг и угольщики уносят Фрейбурга.

Кунигунда

В могилу бы его скорей зарыть!

Граф фом Штраль

Спокойнее! Ведь он и так повержен:

И незарытый вам не навредит.

Кунигунда

Воды!

Граф фом Штраль

Вам худо?

Кунигунда

Ничего, пройдет...

Мне... Кто тут?.. Где бы сесть?.. Ой, худо!

(Шатается.)

Граф фом Штраль

Готшальк!

Эй, помоги нам! Боже всемогущий!

Готшальк

Огня сюда!

Кунигунда

Не надо!

Граф фом Штраль

(усаживает ее).

Как? Прошло?

Кунигунда

Теперь уже не так темно в глазах.

Граф фом Штраль

Что это случилось с вами так внезапно?

Кунигунда

Великодушный мой освободитель!

Как мне сказать? Какого преступления

Злодейского я стала б жертвой здесь,

Когда б не вы?.. Что было бы со мною?

Подумать — дыбом волосы встают

И я от страха просто каменею.

Граф фом Штраль

Скажите, кто вы? Что произошло?

Кунигунда

Какая радость это вам открыть!

Ваш славный меч свершенным не унижен.

Пред вами баронесса Кунигунда

Фон Турнек, знайте это, мой спаситель.

Вам жизнью я обязана, и вас

Благодарить должна не только я —

Все близкие мои из дома Турнек.

Граф фом Штраль

Вы — это невозможно! — Кунигунда

Фон Турнек?

Кунигунда

Да. Чему ж вы поразились?

Граф фом Штраль

(встает)

Сказать но чести должен — очень жаль,

Вы из огня да в полыми попали:

Ведь я-то — Фридрих Веттер граф фом Штраль!

Кунигунда

Что слышу? Избавитель мои зовется...

Граф фом Штраль

Ну да: он — Фридрих Штраль. Весьма жалею,
Что лучшего назвать вам не могу.

Кунигунда

(встает)

Всевышний бог! Какое испытанье!

Готшальк

(вполголоса)

Фон Турнек? Не ослышка ли?

Фламберг

Она!

Пауза.

Кунигунда

Пусть так. И пусть ничто не заглушит

В моей душе родившегося чувства.

Я вижу, знаю, помню лишь одно:

Здесь жизнь моя и честь нашли защиту,

А хищный волк мечом повержен в прах.

Но подойди же, юный, золотой

Мои избавитель, и возьми кольцо, —

Со мной сейчас нет ничего другого.

Потом смогу я лучше одарить

Тебя за подвиг, давший мне свободу,
Избавивший меня от поношенья,
За славный подвиг, счастье давший мне.

(Обращается к графу.)

Мой повелитель, вам принадлежит
Все, что моим зовется. Как решили
Со мной вы поступить? Я в вашей власти.
Отправиться должна я в замок ваш?

Граф фом Штраль

(несколько смущенный)

Сударыня, ко мне не так далеко.
Садитесь на коня, и эту ночь
У матушки моей вы проведете.

Кунигунда

Подайте же коня.

Граф фом Штраль

(после паузы)

Простите мне,
Что отношения, в которых мы...

Кунигунда

Нет, нет! Прошу вас. Мне ужасно стыдно:

Я и в темницу к вам пойду покорно.

Граф фом Штраль

В темницу? Что вы? Сами убедитесь...

Кунигунда

(прерывая его)

подавлена я вашей добротой!

Ведите же меня!

Граф фом Штраль

Эй! свету нам.

Уходят.

Явление девятое

Замок Веттерштраль. Один из покоев замка. Входит Кунигунда, полуодетая, в романтическом наряде, и садится перед туалетным зеркалом. За нею появляются Розалия и старая Бригитта.

Розалия

(Бригитте). Бабушка, садись сюда! Граф фом Штраль велел доложить о себе моей госпоже, но я еще должна причесать ее, а она пока послушает твои рассказы.

Бригитта (садится). Так, значит, вы фрейлейн Кунигунда фон Турнек?

Кунигунда. Да, бабушка, это я.

Бригитта. И зоветесь дочерью императора?

Кунигунда. Императора? Нет. Кто тебе это сказал? Нынешний император мне не родня. Но я правнучка одного из прежних императоров, которые в прошлом столетии занимали германский престол.

Бригитта. О господи! Возможно ли это? Правнучка...

Кунигунда. Ну да!

Розалия. Я же тебе говорила!

Бригитта. Ну, ей-богу, можно мне теперь и в могилу лечь: исполнился сон графа фом Штраль!

Кунигунда. Какой такой сон?

Розалия. Да вы только послушайте. Это самая удивительная история на свете. Но рассказывай покороче, бабушка, и без предисловий: я уж говорила тебе, что времени у нас мало.

Бригитта. В конце прошлого года на графа напала какая-то странная тоска, а почему — никто не мог разгадать, и он от этого заболел. Лежал он совсем слабый, лицо пылало жаром, и он бредил. Врачи уже все средства испробовали и сказали, что теперь уж ничем его не спасти. И все, что таилось в его сердце, теперь, в горячечном безумии, перешло на язык. Говорил он, что охотно расстанется с жизнью, нет девушки, которая могла бы его полюбить, а жизнь без любви — смерть. Белый свет он называл могилой, а могилу колыбелью, — он, мол, только в ней бы и родился вновь. В течение трех ночей подряд мать не отходила от него, и он рассказывал ей, что явился к нему ангел и взывал: «Уповай, уповай, уповай!» А на вопрос графини, не укрепилось ли его сердце от этого высшего призыва, он ответил: «Укрепилось? Нет», — а потом со вздохом добавил: «Укрепится, матушка, укрепится, только бы мне ее увидеть!» Графиня и спрашивает: «А увидишь ты ее?» — «Наверно!» — отвечает он. — «Когда? — спрашивает она. — Где?» — «В Сильвестрову ночь, когда наступает Новый год; тогда он меня к ней поведет». — «Кто? — спрашивает она. — Милый, к кому?» — «Ангел, — говорит он, — к моей девушке», — поворачивается на другой бок и засыпает.

Кунигунда. Бредни!

Розалия. Послушайте дальше. — Ну?

Бригитта. И вот в Сильвестрову ночь, в тот самый миг, когда старый год сменяется новым, он приподнимается на своем ложе, смотрит, не отрываясь, в одно место, словно ему там видение явилось, и, указывая пальцем, говорит: «Матушка, матушка!» — «Что такое?» — спрашивает она. «Там, там!» — «Где?» — «Скорее!» — говорит он. «Что?» — «Шлем, латы, меч!» — «Куда же ты?» — спрашивает мать. «К ней, — говорит он, — к ней! Так! Так! Так!» — и упал навзничь. «Прощай, мать, прощай», — вытянулся весь и лежит, как мертвец.

Кунигунда. Мертвец?

Розалия. Ну да, мертвец!

Кунигунда. Она хочет сказать — похожий на мертвого.

Розалия. Она сказала «мертвец». Не перебивайте ее, — Ну?

Бригитта. Мы прижались ухом к его груди: тихо там, словно в пустой комнате. Поддержали перышко у рта, посмотреть, как дыхание: перышко и не дрогнет. Врач и впрямь думал, что

душа его уже отлетела: боязливо кликал его по имени в самое ухо, давал ему чего-то понюхать, чтобы оживить его, колот шпильками и иголками, волосы выдергивал, так что кровь показалась. Все напрасно: лежал он без движения, как мертвец.

Кунигунда. Ну? А потом что?

Бригитта. А потом, полежавши так немалое время, он вдруг очнулся, повернулся с печалью на лице к стенке и говорит: «Ах, вот и светильники принесли. Опять она исчезла!» — словно свет что-то спугнул. Тогда графиня нагнулась над ним, прижала его к груди и спрашивает: «Мой Фридрих! Где же ты был?» — «У нее! — отвечает он радостно. — У той, что меня любит, у невесты, назначенной мне свыше! Иди, матушка, иди и вели, чтобы во всех церквах за меня молились, потому что теперь я хочу жить».

Кунигунда. И он действительно поправился?

Розалия. В том-то и чудо.

Бригитта. Поправился, фрейлейн, поправился. С того же часа пришел в себя, окреп, словно исцеленный небесным бальзамом, и месяц еще не обновился, как он был совсем здоров.

Кунигунда. И рассказывал? Что он рассказывал?

Бригитта. Рассказывал, рассказывал, конца не было рассказам. Как ангел вел его за руку сквозь темную ночь, как тихонько открыл дверь в девичью спальню и вошел, озарив своим сиянием все стены, как там лежало прелестное дитя, девушка без ничего, только в рубашечке; увидев его, она широко раскрыла глаза и позвала голосом, сдавленным от удивления: «Марианна!» — кого-то спавшего в соседней комнате; как она потом, все ярче и ярче рдея от радости, сошла с кровати, опустилась перед ним на колени, голову склонила и прошептала: «Мой высокий господин!» Как потом ангел сказал ему, что она императорская дочь, и показал у нее на затылке красноватую родинку, как он, потрясенный непомерным восторгом, взял девушку за подбородок, чтобы взглянуть ей в лицо, но тут окающая служанка, Марианна эта самая, вошла со свечой в комнату, и с приходом ее видение исчезло.

Кунигунда. И ты думаешь, что эта императорская дочь — я?

Бригитта. А то кто же?

Розалия. И я так считаю.

Бригитта. Все в Штральбурге после вашего приезда, как узнали, кто вы такая, так всплеснули руками и крикнули как один человек: «Это она!»

Розалия. Только и остается, чтобы колокола развязали языки да затрезвонили: да, да, да!

Кунигунда

(встает). Спасибо тебе, матушка, за рассказ. Пока возьми себе на память вот эти сережки и ступай.

Бригитта уходит.

Явление десятое

Кунигунда и Розалия.

Кунигунда

(поглядевшись в зеркало, машинально подходит к окну и открывает его. Пауза)

Розалия, ты вынула все то,

Что мною приготовлено для графа, —

Свидетельства, бумаги, письма?

Розалия

(стоя у стола)

Всё

Сложила я вот тут, в одной обертке.

Кунигунда

Дан мне...

(Достает из-за окна прикрепленный к нему снаружи и смазанный клеем прутик.)

Розалия

Что, барышня?

Кунигунда (оживленно)

Смотри, смотри-ка,

Здесь словно след от крылышка остался.

Розалия

(подходит к ней)

Что тут у вас?

Кунигунда

Да прутик с клеем. Кто же

Его здесь прикрепил? Но посмотри:

По-моему, его крылом задело!

Розалия

Да, след крыла! Что это было? Чиж?

Кунигунда

То зяблик был, которого напрасно

Все утро я пыталась приманить.

Розалия

Взгляните: перышко с его крыла.

Кунигунда

(озабоченно)

Так дай же мне...

Розалия

Что, барышня? Бумаги?

Кунигунда

Плутовка! — Просо! Там оно стоит.

Розалия смеется, идет и достает просо. Входит слуга.

Явление одиннадцатое

Те же и слуга.

Слуга

Граф Веттер фом Штраль и графиня-мать.

(Уходит.)

Кунигунда

(бросая все, что у нее в руках)

Убери все это, живее!

Розалия

Сейчас, сейчас!

(Закрывает туалетный стол и уходит.)

Кунигунда

Добро пожаловать.

Явление двенадцатое

Кунигунда.

Входят графиня Елена и граф фом Штраль.

Кунигунда

(идет им навстречу)

Чему обязана я счастьем видеть

Высокочтимейшую мать того,

Кто спас мне жизнь, и с умиленным сердцем

Облобызать ей дорогие руки?

Графиня

Вы, право же, меня смутили, фрейлейн.

Я к вам пришла поцеловать вас в лоб

И справиться, как вам у нас живется.

Кунигунда

Чудесно. Я нашла здесь все, что нужно,

Вы обо мне печетесь, словно мать,

И только то смущало мой покой,

Тревожило мне совесть, что ничем

Я вашей доброты не заслужила.
Но вот — смущенье это улеглось
Сейчас, в минуту нашей с вами встречи.

(Оборачивается к графу фом Штраль.)
Что с вашей левою рукой, граф Фридрих?

Граф фом Штраль
С моей рукой? Ах, фрейлейн, ваш вопрос,
Поверьте, мне чувствительней, чем рана.
Пустяк: неловко я задел седло,
Когда с коня сойти вам помогал.

Графиня
Ты ранен? Я об этом и не знала.

Кунигунда
Когда вчера мы в замок прискакали,
С руки у вас уже стекала кровь.

Граф фом Штраль
Рука давно об этом позабыла.
И если, с Фрейбургом за вас сражаясь,
Я этой кровью заплатил ему,
То, право, он вас продал за пустяк.

Кунигунда

Вольны вы думать так — я не могу.

(Обращается к его матери.)

Сударыня, вам не угодно сесть?

(Подает стул.)

Граф приносит еще два стула. Все садятся.

Графиня

Что предпринять вы думаете, фрейлейн?

И положение взвесили, в котором

Находитесь теперь? И ясно ль вам,

На что должно решиться сердце ваше?

Кунигунда

(растроганно)

Высокочитимая графиня, дни,

Отсчитанные мне, я посвящу

Безмерной благодарности и ярким

Воспоминаниям о всем, что было,

И неизменно буду чтить и вас,

И дом ваш до последнего дыханья, —

Когда бы только было мне дано

Вернуться в Турнек к родичам моим.

(Плачет.)

Графиня

Когда же вы отправиться хотите?

Кунигунда

Меня заждались тетушки мои,

И я хотела бы поехать завтра

Иль в крайнем случае на этих днях.

Графиня

А что ж вам может в этом помешать?

Кунигунда

Теперь — ничто, но только разрешите

Мне с вами откровенно объясниться.

(Целует ей руку, встает и приносит бумаги.)

Прошу, возьмите это, граф фом Штраль.

Граф фом Штраль

(встает)

А это что? Могу узнать я, фрейлейн?

Кунигунда

Здесь документы о владенье Штауфен,
Что долго было спорным между нами,
Здесь все, что мой оправдывало иск.

Граф фом Штраль

Сударыня, я, право, пристыжен.

И если вы считаете, что здесь

Опора ваших прав, я уступаю,

Хотя б последней хижины лишился.

Кунигунда

Возьмите, граф фом Штраль. Бумаги эти

Двусмысленны, не скрою, даже срок

На право выкупа истек давно.

Но будь мои права ясны, как солнце,

Сейчас я им значенья не придам.

Граф фом Штраль

Нет, фрейлейн, ни за что и никогда.

Я с радостью готов принять от вас

В подарок мир, но если можно думать,

Что эти документы подтверждают

Права на Штауфен ваши, пусть решат

Наш спор верховный суд и император.

Кунигунда

(графине)

Тогда хоть вы, почтенная графиня,
Меня освободите от бумажек,
Что жгут мне руки, что противны чувству,
Меня одушевившему, и больше
Мне не понадобятся никогда,
Хоть проживи я лет до девяноста.

Графиня (тоже встает)

Нет, дорогая! Слишком далеко
Вас может благодарность завести.
Не можете в порыве мимолетном
Отдать вы достоянье всей семьи.
Последуйте совету сына, пусть
Рассмотрят в Вецларе бумаги эти,[136]
А мы, поверьте, будем вас любить,
Какое б там ни приняли решенье.

Кунигунда (страстно)

Ведь я одна владела этим правом!
И родичей мне спрашивать не надо.
А сыну — сердце завещать смогу!
Высоких судей я не потревожу,
Порыв сердечный разрешит вопрос!

(Рвет бумаги и бросает на пол.)

Графиня

Ах, милый, легкомысленный ребенок,
Что сделали вы? Раз уж так случилось,
Позвольте мне покрепче вас обнять.

(Обнимает ее.)

Кунигунда

Пускай ничто не поперечит чувству,
Что вспыхнуло сейчас в моей груди.
Хочу я, чтобы рухнула стена
Меж избавителем моим и мною!
Хочу, чтоб не мешало мне ничто
Всю жизнь его любить и прославлять.

Графиня

(растроганно)

Довольно, девочка моя, довольно.
Вы так взволнованы!

Граф фом Штраль

Хотел бы я,
Чтоб вы потом об этом не жалели.

Пауза.

Кунигунда

(вытирая глаза)

Когда смогу я в Турнек возвратиться?

Графиня

Когда хотите! Вас проводит сын.

Кунигунда

Так завтра!

Графиня

Хорошо. Вы так решили.

А я бы рада видеть вас подольше.

Но вы придете к нашему столу?

Кунигунда

(склоняясь перед нею)

Вот справлюсь с сердцем — и к услугам вашим.

(Уходит.)

Явление тринадцатое

Графиня Елена, граф фом Штраль.

Граф фом Штраль

Как верно то, что я мужчина, в жены

Ее хочу.

Графиня

Ну, ну, ну, ну!

Граф фом Штраль

Как? Нет?

Ведь ты же хочешь, чтобы я женился.

Но не на этой? Нет?

Графиня

Ну, что с тобой?

Ведь не сказала я, что не согласна.

Граф фом Штраль

Я на сегодня свадьбы не прошу.

Один из императоров германских,

Саксонец родом, — предок Кунигунды.

Графиня

А новогодний сон вещал о ней,

Что скажешь ты?

Граф фом Штраль

А что скрывать мне! Да!

Графиня

Но все-таки подумаем сперва.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Горы и лес. Здание монастыря.

Теобальд и Готфрид Фридеборн помогают Кетхен спуститься со скалы.

Теобальд. Осторожно, моя крошка. Видишь, на горной тропе трещина. Поставь ногу вон на этот камень — он слегка порос мохом. Если б я знал, где тут можно сорвать розу, я бы тебе сказал.

Готфрид. Ты что ж, Кетхен, ничего не сказала богу о пути, который намеревалась совершить? А я думал, что на перекрестке, у статуи девы Марии, явятся нам два ангела — величавые юноши со снежно-белыми крыльями за плечами — и скажут: «Прощай, Теобальд! Прощай, Готфрид! Возвращайтесь себе, откуда пришли. Дальше мы поведем Кетхен по ее дороге к богу». Но ничего похожего не случилось. Мы и довели тебя до монастыря.

Теобальд. Дубы, раскинувшиеся по горным склонам, стоят так тихо, слышно, как стучит дятел. Видно, знают они, что пришла Кетхен, и прислушиваются, о чем это она думает. Хотел бы я раствориться в природе, чтобы тоже это узнать. Звуки арфы не могут быть нежнее, чем ее чувства. Израиль отрекся бы от Давида и с ее слов научился бы новым псалмам.[137]
Милая моя Кетхен!

Кетхен. Милый отец!

Теобальд. Скажи хоть слово.

Кетхен. Мы уже дошли?

Теобальд. Дошли. Там, в красивом здании с башнями, зажато в ущелье, находятся тихие кельи набожных августинцев[138], а здесь — священное место, где они молятся.

Кетхен. Я что-то устала.

Теобальд. Так присядем. Подойди-ка, подай мне руку, я тебя поддержу. Здесь перед решеткой есть скамейка, поросшая короткой густой травой. Взгляни, никогда не видывал приятней местечка.

Садятся.

Готфрид. Как ты себя чувствуешь?

Кетхен. Отлично.

Теобальд. Но ты все же бледна, и лоб у тебя весь в ноту.

Пауза.

Готфрид. Прежде ты была такая крепкая, могла пройти целые мили через леса и поля, а чтоб отдохнуть, тебе довольно было камня под голову да узелка, что ты несла за плечами. А сейчас ты так изнурена, что, кажется, все постели, на которых почивает императрица, не помогли бы тебе стать на ноги.

Теобальд. Может, подкрепилась бы чем-нибудь?

Готфрид. Принести тебе глоток воды?

Теобальд. Или поискать спелых ягод?

Готфрид. Скажи хоть слово, милая Кетхен.

Кетхен. Спасибо, милый отец.

Теобальд. Ты благодаришь нас.

Готфрид. Ты от всего отказываешься.

Теобальд. Тебе ничего не надо, только поскорее бы конец, только поскорее бы пошел я к приору[139] Гатто, моему старому другу, да сказал: пришел старый Теобальд похоронить свое единственное, любимое дитя.

Кетхен. Милый отец!

Теобальд. Ну хорошо. Пусть так. Но прежде чем сделать решительный шаг, от которого уж не отступишься, я хочу тебе кое-что сказать. Я скажу тебе, что мне и Готфриду пришло в голову, пока мы сюда шли, и что, сдается нам, надо сделать, прежде чем мы обо всем этом поговорим с приором. Хочешь это знать?

Кетхен. Говори!

Теобальд. Ладно, слушай же хорошенько и крепко пытай свое сердце! Ты хочешь уйти в

монастырь урсулинок[140], что скрыт далеко в горах, поросших сосновым лесом. Не прельщает тебя мир, радостное поле жизни. В одиночестве, в благочестии хочешь ты созерцать лик божий, чтобы это заменило тебе отца, брак, детей и ласки маленьких славных внучат.

Кетхен. Да, милый отец.

Теобальд

(немного помолчав). А что, если бы тебе вернуться недели на две, пока погода еще хорошая, к тем стенам и еще раз хорошо все продумать?

Кетхен. Как так?

Теобальд. Я говорю, вернуться бы тебе в Штральбург, под бузиновый куст, где чиж себе гнездо свил, знаешь, под навесом скалы, откуда замок, озаренный солнцем, глядит на поля и села?

Кетхен. Нет, дорогой отец.

Теобальд. Почему — нет?

Кетхен. Граф, мой господин, запретил мне это.

Теобальд. Запретил. Хорошо. И того, что он тебе запретил, ты делать не должна. Но что, если бы я пошел к нему и попросил, чтобы он тебе это разрешил?

Кетхен. Как? Что ты говоришь?

Теобальд. Если бы я попросил его отвести тебе местечко, где тебе было так хорошо, а мне — дать разрешение с любовью снабжать тебя там всем, что тебе понадобится?

Кетхен. Нет, дорогой отец.

Теобальд. Почему — нет?

Кетхен. Ты этого не сделаешь. А если бы ты это и сделал, граф не разрешит. А если бы он и разрешил, я не воспользуюсь его разрешением.

Теобальд. Кетхен, милая моя Кетхен! Я это сделаю. Я лягу у ног его, как сейчас лежу у твоих, и скажу: «Мой высокий господин! Позвольте, чтобы Кетхен жила под небом, простершимся над вашим замком. А когда вы будете выезжать из замка, позвольте, чтобы она следовала за вами издали, на расстоянии полета стрелы, а когда настанет ночь, дайте ей местечко на соломе, что подстилаете гордым вашим скакунам. Все же это лучше, чем погибать ей от скорби».

Кетхен

(тоже опускаясь перед ним на колени). О господи, всевышний владыка! Отец, ты уничтожаешь меня! Слова твои, как будто ножом, крест-накрест распорили мне грудь. Теперь я уж не пойду в монастырь, вернусь с тобой в Гейльброн, забуду графа, выйду замуж, за кого ты захочешь. Пусть даже брачным ложем мне будет могила в восемь локтей глубиной.

Теобальд

(встает и поднимает ее). Ты сердисься на меня, Кетхен?

Кетхен. Нет, нет! Что это пришло тебе в голову?

Теобальд. Я доставлю тебя в монастырь.

Кетхен. Ни за что, никогда. Ни в Штральбург, ни в монастырь! Отведи меня только на ночь к приору, чтобы мне было где приклонить голову. А на заре, если можно будет, уйдем обратно.

(Плачет.)

Готфрид. Что ты натворил, старик?

Теобальд. Ах, я ее оскорбил!

Готфрид

(звонит). Дома приор Гатто?

Привратник

(открывает дверь). Слава Иисусу Христу!

Теобальд. Во веки веков, аминь!

Готфрид. Может быть, она придет в себя.

Теобальд. Пойдем, доченька!

Все уходят.

Явление второе

Гостиница.

Входят Рейнграф фом Штейн и Фридрих фон Гернштадт, за ними Якоб Пех, хозяин гостиницы, и слуги графа.

Рейнграф

(слугам). Расседлать коней! Расставить часовых на триста шагов вокруг гостиницы, впускать всех, не выпускать никого. Остальные пусть кормят лошадей и остаются в конюшнях, показываясь как можно меньше. Когда Эгингардт возвратится из Турнека с новостями, я отдам дальнейшие приказания.

Слуги уходят.

Кто помещается здесь?

Якоб Пех. С позволения вашей милости, доблестный господин, — я и моя жена.

Рейнграф. А там?

Якоб Пех. Скотина.

Рейнграф. Что?

Якоб Пех. Скотина — свинья со своим пометом, с позволения вашей милости. Это ведь свинарник, сколоченный на дворе из дранки.

Рейнграф. Хорошо. А тут кто живет?

Якоб Пех. Где?

Рейнграф. Вон за той, третьей, дверью?

Якоб Пех. Никто, с позволения вашей милости.

Рейнграф. Никто?

Якоб Пех. Никто, доблестный господин, истинно так — никто. Или, вернее, кто угодно. Это — выход в чистое поле.

Рейнграф. Хорошо. Как тебя звать?

Якоб Пех. Якоб Пех.

Рейнграф. Иди себе, Якоб Пех.

Якоб Пех уходит.

Притаюсь здесь, как паук, чтоб выглядеть, как невиннейший комочек пыли. А когда она попадется в сеть, эта Кунигунда, наброшусь на нее и глубоко, в самое сердце, вонжу ей жало мести. Смерть ей, смерть, смерть, а скелет ее пусть хранится на чердаке Штейнбурга как памятник архиблуднице!

Фридрих. Потихе, Альбрехт, потихе! Ведь Эгингардт, которого ты послал в Турнек, чтоб он в точности разузнал о том, что ты подозреваешь, еще не возвратился.

Рейнграф. Ты прав, друг. Эгингардт еще не вернулся. Хотя в письме этой негодницы прямо сказано: она мне низко кланяется, в хлопотах моих ей больше нет нужды, граф фом Штраль уступил ей Штауфен по дружескому соглашению. Клянусь своей бессмертной душой, если во всем этом есть какой-то честный смысл, я готов это проглотить и отменить приготовления к войне, которые я ради нее делал. Но если Эгингардт вернется и подтвердит дошедшие до меня слухи, что она с ним обручилась, тогда я сложу свою учтивость, как перочинный ножик, и выбью из нее все военные расходы, даже если бы пришлось перевернуть ее верх ногами, так, чтобы по геллеру вытряхивать все у нее из карманов.

Явление третье

Те же. Входит Эгингардт фон дер Варт.

Рейнграф. Ну, друг, приветствую тебя, как верный друг и брат. Как обстоит дело в замке Турнек?

Эгингардт. Друзья, все — так, как твердит молва! Они на всех парусах плывут по океану любви и еще до того, как обновится месяц, войдут в гавань брака.

Рейнграф. Пусть молния ударит в их мачты, прежде чем они туда попадут!

Фридрих. Они уже обручились?

Эгингард. Думаю, что словами это еще не подтверждено, но если взгляды говорят, выражения лиц пишут, а рукопожатия скрепляют печатью, то, можно сказать, брачный договор уже готов.

Рейнграф. А как случилось, что он отдал ей Штауфен? Это ты мне расскажи.

Фридрих. Когда он принес ей этот дар?

Эгингардт. Э! Позавчера утром, в день ее рождения, когда родичи устроили ей в Турнеке блестящее празднество. Едва солнце озарило ее ложе, как она нашла дарственную у себя на одеяле. А дарственная, сами понимаете, вложена в письмецо влюбленного графа, где сказано — это, мол, его свадебный дар, если она соизволит отдать ему свою руку.

Рейнграф. И она взяла? Ну конечно же! Стала перед зеркалом, сделала книксен и приняла?

Эгингардт. Дарственную-то? Ясное дело.

Фридрих. А рука, которую просили в письме?

Эгингардт. О, она в ней не отказала.

Фридрих. Как? Не отказала?

Эгингардт. Нет. Боже сохрани! Да разве она отказывала кому-нибудь из женихов?

Рейнграф. А когда в церкви начинают звонить, она не держит слова?

Эгингардт. Об этом вы меня не спрашивали.

Рейнграф. Что она ответила на письмо?

Эгингардт. Она, мол, до того растрогана, что слезы льются из глаз ее двумя потоками и затопляют письмо. Ищет слова, чтобы выразить свои чувства, а слова эти жалки, словно нищие. Даже и без такой жертвы он имеет право на вечную ее благодарность, и это, как алмазом, вырезано у нее на сердце. Словом, письмо, полное двусмысленных ужимок, которое, как атлас, сотканный из двуцветных нитей, отливает то одной краской, то другой и не говорит ни да, ни нет.

Рейнграф. Ну, друзья, уж эта проделка сведет в могилу все ее колдовство! Меня она провела, но больше никого не проведет. Вереница простаков, которых она нанизывала на нитку, мною замыкается. Где оба верховых гонца?

Фридрих

(зовет в дверь). Эй, вы, там!

Входят два гонца.

Явление четвертое

Те же и два гонца.

Рейнграф

(извлекая из колета два письма). Возьмите оба письма: ты бери это, ты — это. Отвезете их — это ты приору доминиканцев Гатто, понял? В семь вечера я буду у него в монастыре, чтобы получить отпущение грехов. А это ты Петеру Кванцу, домоправителю замка Турнек: как пробыет полночь, я с моим отрядом буду у замка и ворвусь в него. Пока не стемнеет, в замок не входи, и пусть ни одна душа тебя не видит. Понял? А тебе нечего бояться дневного света. Понятно вам?

Гонцы. Все понятно.

Рейнграф

(снова берет у них из рук письма). Письма-то не перепутаны?

Фридрих. Нет, нет.

Рейнграф. Нет? Земля и небо!

Эгингардт. Что случилось?

Рейнграф. Кто их запечатывал?

Фридрих. Письма?

Рейнграф. Да.

Фридрих. Разрази тебя гром! Да сам ты и запечатывал!

Рейнграф (снова отдает письма гонцам). Верно! Ну, берите! Буду ожидать вас у мельницы возле водопада. Идемте, друзья.

Все уходят.

Явление пятое

Турнек. Комната в замке.

Граф фом Штраль сидит, задумавшись, у стола, на котором стоят две свечи. В руках у него

лютня, он небрежно перебирает струны. На заднем плане Готшальк, занятый уборкой платья и оружия.

Голос за сценой

Откройте мне, откройте!

Готшальк

Эй! Кто там?

Голос

Я, Готшальк, это я, мой милый Готшальк!

Готшальк Кто?

Голос Я.

Готшальк Ты?

Голос Да!

Готшальк Кто?

Голос Я!

Граф фом Штраль

(кладет лютню на стол)

Знакомый голос!

Готшальк

Клянусь душой, мне тоже он знаком!

Голос

Откройте, господин мой граф фом Штраль!

Граф фом Штраль

Ей-богу, это...

Готшальк

Это, провались я...

Голос

Я — Кетхен! Кто ж еще? Впустите Кетхен,

Я — Кетхен из Гейльбронна.

Граф фом Штраль

(встает)

Черт возьми!

Готшальк

(бросая все, что у него было в руках)

Ты, девочка! Сердечная! Ты здесь?

(Открывает ей дверь)

Граф фом Штраль

Ну, слыхано ль такое?

Голос Кетхен

Это — я.

Готшальк

Она сама! Помилуй бог! Она!

Входит Кетхен с письмом в руке.

Явление шестое

Те же и Кетхен.

Граф фом Штраль

Прочь! Я о ней и слышать не хочу!

Готшальк

Как? Можно ли?..

Кетхен

Да где же граф фом Штраль?

Граф фом Штраль

Прочь! Я о ней и слышать не хочу!

Готшалък

(берет ее за руку)

Как, ваша милость...

Кетхен

(протягивая письмо)

Господин, возьмите.

Граф фом Штраль

(внезапно оборачиваясь к ней)

Чего ты ищешь? Что тебе здесь надо?

Кетхен

(испуганно)

Я? Ничего! Спаси господь! Письмо...

Граф фом Штраль

Не надо мне письма! Что за письмо?

Откуда? Что мне до него за дело?

Кетхен

Письмо...

Граф фом Штраль

И знать о нем я не хочу!

Прочь! А его отдай внизу, в передней.

Кетхен

Мой господин! Позвольте объяснить...

Граф фом Штраль (яростно)

Ах, девка, ах, бесстыжая бродяжка!

Знать ничего не знаю! Прочь отсюда!

Обратно в Гейльброн! Там тебе и место.

Кетхен

Мой повелитель! Я сейчас уйду,

Но снизойдите взять из рук моих

Письмо, которое для вас так важно.

Граф фом Штраль

Я не хочу! Оно не нужно мне!

Прочь! Да живей!

Кетхен

Высокий господин мой!

Граф фом Штраль

(отворачивается)

Где хлыст? Где он висит? Вот мы посмотрим,
Неужто от беспутной этой девки
Мне у себя покоя не найти?

(Срывает со стены хлыст.)

Готшальк

Что с вами, ваша милость? Что вы? Что вы?
Письмо не от нее, так почему
Его и не принять вам дружелюбно?

Граф фом Штраль

Молчи, осел ты старый!

Кетхен

(Готшальку)

Брось! Не надо!

Граф фом Штраль

Я в Турнеке и знаю, что мне делать.

Из рук ее письма я не возьму!

Уйдешь теперь?

Кетхен (скороговоркой)

Да, славный господин мой!

Граф фом Штраль

Ступай!

Готшальк

(вполголоса, дрожащей Кетхен)

Не бойся!

Граф фом Штраль

Ну же, уходи!

Письмо отдай слуге — он там, в сенях, —

И живо убирайся восвояси.

Кетхен

Да, да. Покорна я тебе во всем,

Но дай мне слово Готшальку сказать —

Не бей!

(Обращается к Готшальку.)

Возьми письмо.

Готшальк

Давай, малютка.

Что это за письмо? О чем в нем речь?

Кетхен

Пойми: его писал рейнграф фом Штейн.

И говорится в нем, что нынче ночью

Готовится на Турнек нападение

И на невесту моего владыки,

Прекраснейшую фрейлейн Кунигунду.

Готшальк

На замок нападут? Не может быть!

Рейнграф фом Штейн? Где ты взяла письмо?

Кетхен

Послание приор Гатто получил,

Как раз когда с отцом мы находились

По воле божьей в келье у него.

Почтенный приор, не поняв письма,

Гонцу хотел его вернуть тотчас же,

Но я бумажку мигом подхватила

И в Турнек бросилась, чтоб это всё

Узнали вы и взялись за оружие, —

Ведь нынче, только час пробьет полночный,

Злодейский замысел они свершат.

Готшальк

А как же к приору письмо попало?

Кетхен

Не знаю, милый. Да не все ль равно?

Оно, как видно, послано кому-то,

Кто в Турнеке находится, а как

Попало к приору, мне не понятно.

Но что в нем правду пишут — в этом я

Воочью убедилась, словом, знайте:

Граф движется на Турнек, он уж близко,

Сама я видела его в пути

Готшальк

Тебе приснилось, дочка.

Кетхен

Нет и нет!

Не будь я Кетхен, если мне приснилось!

У замка граф стоит. Пусть верховой

Отсюда выедет, чтоб осмотреться:

Увидит он, что весь окружный лес

Кишит и вправду всадниками графа!

Готшальк

Возьмите же, прочтите, ваша милость,

Не знаю, право, верить или нет.

Граф фом Штраль

(откладывает хлыст, берет и разворачивает письмо)

«Едва пробьет двенадцать, буду я

У Турнека. Не запирай ворот.

Как только запыхает, я ворвусь.

Не трону никого: лишь Кунигунда

Да граф фом Штраль, жених ее, нужны мне.

Укажешь нам, старик, где их жилье».

Готшальк

Вот адский замысел! А подпись чья?

Граф фом Штраль

А подпись — три креста.

Пауза.

И много там народу, Катарина?

Кетхен

Их шестьдесят иль семьдесят, мой граф.

Граф фом Штраль

А граф фом Штейн был там же?

Кетхен

Не видала.

Граф фом Штраль

Так кто же вел отряд?

Кетхен

Два неизвестных

Мне рыцаря, высокий господин мой!

Граф фом Штраль

Ты говоришь, теперь они у замка?

Кетхен

Да, господин мой!

Граф фом Штраль

Далеко отсюда?

Кетхен

Они в лесу, в трех тысячах шагов.

Граф фом Штраль
Направо от дороги?

Кетхен
Нет, налево,
В густом бору, где мост над водопадом.

Пауза.

Готшальк
Неслыханное, гнусное злодейство!

Граф фом Штраль
(прячет письмо)
Господ фон Турнек позови скорей.
Который час?

Готшальк
Пробьет уж скоро полночь.

Граф фом Штраль
Терять нельзя ни одного мгновенья.

(Надевает шлем.)

Готшальк

Сейчас, сейчас бегу. Малютка Кетхен,

Пойдем, тебе бы надо отдышаться.

Да, есть за что тебя благодарить!

Вот так, во мраке, через лес и дол...

Граф фом Штраль

А что б ты мне еще сказать хотела?

Кетхен

Да ничего, мой господин.

Граф фом Штраль

Что ищешь?

Кетхен

(шарит у себя на груди)

Ищу конверт, — тебе он, может, нужен.

Ах, где же он? Тут?.. Или там?..

Граф фом Штраль

Конверт?

Кетхен

Вот он.

(Вынимает конверт и подает его графу.)

Граф фом Штраль

Давай.

(Рассматривает бумагу.)

Твое лицо горит!

Надень платок сейчас же, Катарина,

Сперва остынь, а после можешь пить.

Да есть он у тебя?

Кетхен

Нет...

Граф фом Штраль

(снимает с себя шарф, но внезапно отворачивается и бросает его на стол)

Вот, возьми.

(Берет перчатки и натягивает на руки.)

Когда к отцу захочешь ты вернуться,

Я дам тебе, понятно...

(Удерживается.)

Кетхен

Что мне дашь?

Граф фом Штраль

(замечает хлыст)

Зачем здесь хлыст?

Готшальк

Да вы же сами взяли...

Граф фом Штраль

(яростно)

Что? Мне отсюда надо гнать собак?

(Бросает хлыст в окно, так что слышно, как звенят осколки разбитых стекол. Потом к Кетхен.)

Повозку с лошастью, дитя мое,

Чтоб в Гейльброн ты вернулась безопасно.

Когда поедешь?

Кетхен

(дрожа)

Господин, сейчас!

Граф фом Штраль

(глядя ее по щеке)

Сейчас нельзя! В трактире заночуешь!

(Оттирает слезы. Готшальку.)

Чего воззрился? Подбери осколки!

Готшальк подбирает осколки.

(Берет со стола шарф и подает Кетхен.)

Возьми! Когда остынешь, возвратишь.

Кетхен

(хочет поцеловать ему руку)

Мой властелин!

Граф фом Штраль

(отворачиваясь)

Прощай! Прощай! Прощай!

За сценой шум и гул набата.

Готшальк

Всесильный боже!

Кетхен

Что там? Что случилось?

Готшальк

Ворвались?

Кетхен Как?

Граф фом Штраль

Эй, господа фон Турнек,

Клянусь вам богом, рейнграф тут как тут!

Все уходят.

Явление седьмое

Двор замка. Ночь. Замок горит. Шум и боевые крики.

Ночной сторож

(входит, трубя в рог). Пожар! Пожар! Пожар! Просыпайтесь, мужи Турнека, просыпайтесь, женщины и дети! Стряхните с себя сон, что навалился на вас, как исполин, очнитесь, проснитесь, вставайте! Пожар! Злодеяние прокралось через ворота! Смертоубийство с луком и стрелами стоит посреди вас, а разорение, чтобы осветить ему, зажгло факелы по всем углам замка! Пожар! Пожар! Ох, были бы у меня медные легкие да знал бы я слово, которое громче бы кричалось, чем это: пожар! Пожар! Пожар!

Явление восьмое

Граф фом Штраль, трое господ фон Турнек. Свита, ночной сторож.

Граф фом Штраль. Небо и земля! Кто поджег замок? Готшальк!

Готшальк

(за сценой). Эй!

Граф фом Штраль. Подай щит и копье!

Рыцарь фон Турнек. Что случилось?

Граф фом Штраль. Не спрашивайте, собирайте всех, кто тут есть, и скорее на стены, сражайтесь, разите направо и налево, как раненый вепрь!

Рыцарь фон Турнек. Рейнграф у ворот?

Граф фом Штраль. У ворот, господа! И не успеете вы задвинуть засовы, как он будет в замке. Ворота ему отворила измена, которая тут, среди нас.

Рыцарь фон Турнек. Неслыханное злодейство! Вперед!

(Уходит со свитой.)

Граф фом Штраль. Готшальк!

Готшальк

(за сценой). Эй!

Граф фом Штраль. Подай меч, щит, копье!

Явление девятое

Те же и Кетхен.

Кетхен

(неся меч, копье и щит). Здесь!

Граф фом Штраль

(беря у нее меч, прикрепляет его к поясу). А ты что тут делаешь?

Кетхен. Я тебе оружие принесла.

Граф фом Штраль. Я не тебя звал!

Кетхен. Готшальк спасает людей.

Граф фом Штраль. Что ж он парней не пошлет? Ты опять суешься не в свое дело.

Ночной сторож снова трубит в рог.

Явление десятое

Те же и рыцарь Фламберг со всадниками.

Фламберг. Эй, ты, — трубишь так, что у тебя щеки, чего доброго, лопнут. Даже рыбы и кроты знают, что пожар, нечего нам возвещать его твоим богопротивным воем!

Граф фом Штраль. Кто идет?

Фламберг. Штральбургские.

Граф фом Штраль. Фламберг?

Фламберг. Он самый!

Граф фом Штраль. Иди сюда! Побудь здесь, пока мы разведем, где свирепствует битва!

Явление одиннадцатое

Те же и тетки фон Турнек.

Первая тетка. Помоги нам боже!

Граф фом Штраль. Успокойтесь, успокойтесь.

Вторая тетка. Пропали мы! Всех нас перебьют!

Граф фом Штраль. А где ваша племянница, фрейлейн Кунигунда?

Тетки. Наша племянница?

Кунигунда

(за сценой, в замке). На помощь! Люди! На помощь!

Граф фом Штраль. Боже великий! Да это ее голос!

(Отдает Кетхен щит и копье.)

Первая тетка. Она зовет! Скорее! Скорее!

Вторая тетка. Она показалась там, в портале!

Первая тетка. Скорее! Ради всех святых! Она шатается, падает!

Вторая тетка. Помогите же ей поскорее!

Явление двенадцатое

Те же и Кунигунда фон Турнек.

Граф фом Штраль

(принимая ее в свои объятия)

Моя Кунигунда!

Кунигунда (слабым голосом)

Портрет, что вы мне подарили, граф,

Портрет с футляром!

Граф фом Штраль

Что же с ним? Где он?

Кунигунда

В огне! Увы, спасите! Он сгорит!

Граф фом Штраль

Пускай! Ведь сам я с вами, дорогая!

Кунигунда

Портрет с футляром! Милый граф фом Штраль!

Портрет с футляром!

Кетхен

(подходит к ним)

Где? В каком он месте?

(Передает щит и копье Фламбергу.)

Кунигунда

В столе! Ах, золотце мое, вот ключ!

Кетхен хочет идти.

Граф фом Штраль

Стой, Кетхен!

Кунигунда

Нет, живей!

Граф фом Штраль

Стой!

Кунигунда

Почему

Вы не пускаете ее?

Граф фом Штраль

Ах, фрейлейн,

Я десять вам портретов подарю...

Кунигунда

(прерывая его)

Нет, этот, только этот! Объяснять вам

Не место здесь, что для меня он значит.

Ступай, дитя, спаси портрет с футляром.

Алмазом я тебя вознагражу.

Граф фом Штраль

Иди же, ладно! Поделом безумной!

И впрямь — чего ей нужно было здесь?

Кетхен

В покой — направо?

Кунигунда

Нет, наверх, налево,

Там, где балкон над входом выступает!

Кетхен

Там, в средней комнате?

Кунигунда

Да, там, родная!

Беги, найдешь! Но торопиться надо.

Кетхен

Бегу! Господь поможет, принесу![141]

Явление тринадцатое

Те же, без Кетхен.

Граф фом Штраль

Эй, люди, золота кошель тому,

Кто с ней пойдет!

Кунигунда

Но почему? Зачем?

Граф фом Штраль

Фейт Шмидт! Ты, Ганс! Карл Беттигер! Фриц Тепфер!

Кто вызовется?

Кунигунда

Что такое с вами?

Граф фом Штраль

Сударыня! Я должен вам сказать...

Кунигунда

Какой у вас необычайный пыл!

Кто эта девочка?

Граф фом Штраль

Она сегодня

Великую нам службу сослужила.

Кунигунда

Да будь отцом ее сам император —

Чего бояться? Дом хоть и горит,

Но, как скала, стоит на прочном срубе.

На лестнице огонь не появлялся,

И там ей гибель, право, не грозит.

Глотнет немного дыму — вся беда.

Кетхен

(появляется в пылающем окне)

О господи! Я задыхаюсь, фрейлейн,

Не тот вы ключ мне дали!

Граф фом Штраль

(Кунигунде)

Смерть и ад!

И нужно же вам было ошибиться!

Кунигунда

Что? Ключ не тот?

Кетхен

(слабеющим голосом)

О боже, помоги!

Граф фом Штраль

Сюда, дитя!

Кунигунда

Оставьте!

Граф фом Штраль

Я сказал:

Сюда! Что ты найдешь там без ключа?

Кунигунда

Одну минутку!

Граф фом Штраль

К черту! Что еще?

Кунигунда

Ключ — я припомнила, мое сердечко, —

Ключ на гвозде, том самом, на котором

И зеркало висит над туалетом.

Кетхен

На зеркале?

Граф фом Штраль

Уж лучше б не рождались

На свет ни тот, кто рисовал меня,

Ни тот, кем я рожден, клянусь всевышним!

Ищи!

Кунигунда

Над туалетом, светик, слышишь?

Кетхен

(отходит от окна)

А где же туалет? Здесь все в дыму.

Граф фом Штраль

Ищи!

Кунигунда

Направо!

Кетхен

(ее уже не видно)

Где направо?

Граф фом Штраль

Быстро!

Кетхен (слабым голосом)

О боже, боже!

Граф фом Штраль

Говорю: ищи!

Будь проклята услужливость собачья!

Фламберг

Ей надо торопиться: рухнет дом!

Граф фом Штраль

Подайте лестницу!

Кунигунда

Как, мой любимый!

Граф фом Штраль

Скорее лестницу! Я поднимусь!

Кунигунда

Мой милый друг! Вы сами...

Граф фом Штраль

Я прошу вас

Мне не мешать. Портрет я вам найду.

Кунигунда

Одно мгновенье, заклинаю вас,

Она сейчас сойдет.

Граф фом Штраль

Сказал: пустите!

И зеркало, и туалет, и гвоздь

Я знаю хорошо. Она не знает.

Изображенье маслом на холсте

Я вам найду, коль вы того хотите.

Четверо слуг приносят пожарную лестницу.

Так! Лестницу сюда!

Первый слуга

(оглядываясь на задних)

Эй, вы, давайте!

Второй слуга

(графу)

Куда?

Граф фом Штраль

К открытому окну.

Слуги

(поднимая лестницу)

Эхма!

Первый слуга

Назад подайтесь! Ну куда вы прете?

Длинна-то лестница!

Задние

В окно, с размаху!

И — раму вышибай! Вот так, вот так!

Фламберг

(помогая)

Ну, лестница теперь стоит, как надо.

Граф фом Штраль

(отбрасывая меч)

Так, ладно!

Кунигунда

Мой возлюбленный! Прошу вас...

Граф фом Штраль

Сейчас вернусь!

(Ставит одну ногу на лестницу.)

Фламберг

(кричит)

Стой! Боже всемогущий!

Кунигунда

(в испуге отбегая от лестницы)

Что, что?

Слуги

Дом рушится! Скорей назад!

Все

Спаситель! Всё там — уголья да пепел!

Дом рушится. Граф отворачивается, стискивая обеими ладонями лоб. Все находящиеся на сцене отступают и тоже отворачиваются.

Пауза.

Явление четырнадцатое

Кетхен быстро выходит через уцелевший высокий портал. В руках у нее свиток. За нею — херувим в образе белокурого, окруженного сиянием юноши с крыльями за плечами и пальмовой ветвью в руках.

Кетхен

(едва выйдя из портала, оборачивается и падает ниц перед херувимом)

Где я? Ты спас меня, посол небесный!

Херувим касается ее головы пальмовой ветвью и исчезает.

Явление пятнадцатое

Те же, без херувима.

Кунигунда

(оглядываясь)

Клянусь я господом, всё — как во сне!

Мой друг! Взгляните!

Граф фом Штраль

(подавленный)

Фламберг!

(Прижимается к его плечу.)

Кунигунда

Братья! Тети!

Послушайте же, граф!

Граф фом Штраль

(отталкивая ее)

Прочь! Прочь! Не надо!

Кунигунда

В столпы вы соляные обратились?

Все кончилось отлично.

Граф фом Штраль

(отвернувшись)

Горе мне!

Вся красота ушла теперь из мира.

Фламберг

(слугам)

Живее, братцы!

Один из слуг

Топоров, лопат!

Другой

Искать в обломках: может быть, жива!

Кунигунда

(резко)

Болваны бородатые! Девица,

По-вашему, обуглилась в пожаре,

А тут она, здоровая, лежит,
Над вами же хихикая в передник.

Граф фом Штраль
(оборачиваясь)
Где?

Кунигунда
Здесь!

Фламберг
Да что вы? Это невозможно.

Тетки
Девица...

Все
Боже!! Вот она лежит!

Граф фом Штраль (
подходит и смотрит на нее)
Сам бог над ней с его небесной ратью!

(Поднимает ее.)

Как ты спаслась?

Кетхен

Не знаю, господин мой.

Граф фом Штраль

Здесь дом стоял, ты находилась в нем —

Ведь так?

Фламберг

Где ты была, когда он рухнул?

Кетхен

Я знать не знаю, что со мной случилось.

Пауза.

Граф фом Штраль

Да и портрет в руках у ней.

(Берет у нее из рук свиток.)

Кунигунда

Где?

Граф фом Штраль

Вот.

Кунигунда

(бледнеет)

Так? Это ведь портрет? Ну да!

Тетки

Вот чудо!

Фламберг

Кто дал его тебе? Скажи!

Кунигунда

(бьет ее свитком по щеке)

Вот дура!

Ведь я ж ей говорила про футляр!

Граф фом Штраль

Ну, правый боже, должен я сказать...

Вам нужен был футляр?

Кунигунда

Один футляр!

На нем вы имя ваше написали,

И он был дорог мне, я ей сказала.

Граф фом Штраль

Ну, если это всё...

Кунигунда

Вы не согласны?

Не вам судить об этом — только мне.

Граф фом Штраль

Вы так добры, что я немею, фрейлейн.

Кунигунда

(к Кетхен)

Зачем, скажи, ты вынула портрет?

Граф фом Штраль

Зачем, дитя?

Кетхен

Портрет?

Граф фом Штраль

Ну да, зачем?

Кетхен

Не вынимала я, мой господин.

Открыла стол — и там, с футляром рядом,

Лежал он полусвернутый в углу.

Кунигунда

Прочь! Обезьянья рожа!

Граф фом Штраль

Кунигунда!

Кетхен

Так надо было мне его запрятать

Опять в футляр?

Граф фом Штраль

Нет, нет, малютка Кетхен!

Все сделала ты славно, хорошо.

Могла ль ты знать, что важен был футляр?

Кунигунда

Сам черт водил ее рукой!

Граф фом Штраль

Не бойся!

Не так уж фрейлейн зла. Иди спокойно.

Кетхен

Но ты меня не бей, мой господин!

(Идет к Фламбергу и скрывается в глубине сцены среди слуг.)

Явление шестнадцатое

Те же и господа фон Турнек.

Рыцарь фон Турнек

Победа! Неприятель отражен!

И, раненный в висок, бежал рейнграф!

Фламберг

Бежал он?

Народ

Слава! Слава!

Граф фом Штраль

По коням!

Добраться бы скорей до водопада,

А там их шайке мыотрежем путь!

Все уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Местность в горах. Мост через порожистый горный поток.

Явление первое

Рейнграф фом Штейн, верхом на коне, во главе отряда пехотинцев едет через мост. Его преследует на коне граф фом Штраль, за ним вскоре появляется рыцарь Фламберг со слугой и спешенными всадниками, наконец, Готшалк на лошади, возле него Кетхен.

Рейнграф

(своим пехотинцам). За мост, ребята, за мост! Этот Веттер фом Штраль мчится за нами с таким грохотом, словно его несет ураган. Надо разрушить мост, не то — мы погибли.

(Переезжает через мост.)

Слуги рейнграфа

(следуя за ним). Ломайте мост!

(Разрушают мост.)

Граф фом Штраль

(появляется на сцене, пришпоривая коня). Прочь, вы! Не трогайте моста!

Слуги рейнграфа (стреляя в него из луков). Вот тебе наш ответ!

Граф фом Штраль

(поворачивая коня). Трусливые убийцы! Эй, Фламберг!

Кетхен

(поднимая над головой какой-то сверток). Мой славный господин!

Граф фом Штраль

(Фламбергу). Стрелков сюда!

Рейнграф

(кричит через поток). До свиданья, господин граф! Если умеете плавать, плывите. Нас можно найти в Штейнбурге по сю сторону моста.

(Скрывается вместе со своим отрядом.)

Граф фом Штраль. Благодарю вас, господа! За рекой мы с вами побеседуем!

(Переезжает верхом через поток.)

Слуга

(из его отряда). Стойте! Черт побери, осторожнее!

Кетхен

(на берегу). Господин граф фом Штраль!

Второй слуга. Тащите бревна и доски!

Фламберг. Что? Или ты — жид?

Все. Вброд! Вброд!

Граф фом Штраль. За мной, за мной! Это ручей, где форели водятся, узкий и мелкий! Так, так! Изрубим всю эту сволочь!

(Исчезает вместе со своим отрядом.)

Кетхен. Господин граф фом Штраль! Господин граф фом Штраль!

Готшальк

(оборачиваясь к ней с коня). Ну что ты шумишь и кричишь? Чего тебе нужно в этой кутерьме? Что ты все время бежишь за нами?

Кетхен

(держась за ствол дерева). О небо!

Готшальк

(спешиваясь). Ладно! Подбери юбку и прыгай в седло. Я поведу коня и перевезу тебя через ручей.

Граф фом Штраль

(за сценой). Готшальк!

Готшальк. Сейчас, ваша милость, сейчас! Что прикажете?

Граф фом Штраль. Давай сюда копье!

Готшальк

(держа стремя для Кетхен). Несу!

Кетхен. Лошадь боится!

Готшальк

(дергая лошадь за уздцы). Стой, ты, волчья сыть! — Что ж, снимай башмаки и чулки.

Кетхен

(садясь на камень). Сейчас!

Граф фом Штраль

(за сценой). Готшальк!

Готшальк. Сейчас, сейчас! Несу копье. — Что это у тебя в руке?

Кетхен

(разуваясь). Футляр, милый, тот, что давеча... ну, вот!

Готшальк. Как? Тот, что остался в огне?

Кетхен. Тот самый! За который меня бранили. Сегодня рано утром я пошарила в золе и с божьей помощью... вот так!

(Срывает с себя чулок.)

Готшальк. Вот чертовщина!

(Берет у нее футляр.) И целехонек, клянусь честью, словно из камня выточен! А что там внутри?

Кетхен. Не знаю.

Готшальк

(вынимает из футляра бумагу). «Дарственная грамота на имение Штауфен, данная графом фом Штраль...» Ну, проклятье!

Граф фом Штраль

(за сценой). Готшальк!

Готшальк. Сейчас, ваша милость, сейчас!

Кетхен

(встает). Ну, я готова!

Готшальк. Это ты должна отдать графу.

(Снова вручает ей футляр.) Дай мне руку и иди за мной.

(Ведет ее и коня через ручей.)

Кетхен

(едва вступив в воду). Ай!

Готшальк. Надо немного подобрать платье.

Кетхен. Нет, ради бога, не надо!

(Останавливается.)

Готшальк. Только по колено, Кетхен!

Кетхен. Нет! Я лучше найду брод помельче.

(Идет назад.)

Готшальк. До лодыжки, дитя! До наружного края ступни!

Кетхен. Нет, нет, нет, нет! Сейчас я приду.

(Вырывается от него и убегает.)

Готшальк

(выходит из ручья на берег и кричит ей вслед). Кетхен! Кетхен! Я отвернусь! Я закрою глаза! Другого брода и за милю не найти! Хоть бы у нее пояс лопнул! Бежит по берегу вверх по течению к снежным крутым вершинам. Клянусь душой, погибнет она, если не сжалится над ней какой-нибудь перевозчик!

Граф фом Штраль

(за сценой). Готшальк! Небо и земля! Готшальк!

Готшальк. Ладно, ори! — Здесь я, ваша милость, иду!

(Ворча, переводит коня через ручей.)

Явление второе

Замок Веттерштраль. Место, густо заросшее деревьями у внешней, полуразрушенной стены, опоясывающей замок. На переднем плане куст бузины, образующий как бы естественную беседку, под ним каменное ложе, покрытое соломенной циновкой. На ветках развешаны для просушки сорочка, пара чулок и т. п. Кетхен лежит под деревом и спит. Входит граф фом Штраль.

Граф фом Штраль

(пряча на груди футляр). Готшальк принес мне футляр и сказал, что Кетхен опять здесь. А Кунигунда как раз вступила в ворота моего замка — ее-то замок сгорел. Приходит он ко мне и говорит: лежит, мол, она под бузиной и спит. И со слезами на глазах просил у меня позволения взять ее в конюшню. Я сказал, что пока за ней не явится отец, старый Теобальд, пристрою ее в гостинице. Вот я и спустился сюда, чтобы с ней это обсудить. Не могу больше видеть ее скорби. Хочу я знать, почему осужден я таскать за собой, точно блудницу, эту девушку, которая могла бы осчастливить первого швабского бюргера; хочу знать, зачем она тащится за мной, как собака, сквозь огонь и воду, за мной, нищим, у которого нет ничего, кроме герба на щите. Это не просто сердечное влечение, это какое-то адское наваждение завладело ее душой. Сколько я ни спрашивал ее: «Кетхен, почему ты так испугалась, когда впервые увидела меня в Гейльбронне?» — она всегда растерянно смотрела на меня и отвечала: «Да как же так, доблестный господин, вы же сами знаете!» Вот она! Правду сказать, когда она лежит так, с румянцем на щеках, сложив ручки, меня охватывает такое ощущение женской прелести, что слезы на глазах проступают. Умереть мне на этом месте, если она и хлыст мне не простила. Да что я говорю — если она не уснула с молитвой за меня, который с ней так дурно обращался! Надо кончать живей, пока не пришел и не помешал Готшальк. Он сказал мне о ней три вещи: во-первых, что она спит, как сурок, потом, что она всегда видит сны, словно охотничья собака, и, наконец, что она говорит во сне. Использую-ка я для своего опыта эти три ее свойства. Да простит мне бог, если это грех.

(Становится на колени перед Кетхен и мягко возлагает на нее руки.)

Она делает движение, словно пробуждается, но тотчас же снова успокаивается.

Что, Кетхен, спишь ты?

Кетхен

Нет, мой господин.

Граф фом Штраль

А все же веки у тебя сомкнуты?

Кетхен

Сомкнуты?

Граф фом Штраль

Да, и, мне сдается, — плотно.

Кетхен

Ах, нет же!

Граф фом Штраль

Нет? Глаза твои открыты?

Кетхен

Так широко, как только могут. Вижу,

Мой господин, — сидишь ты на коне.

Граф фом Штраль

Да? На каком? На рыжем?

Кетхен

Нет, на белом.

Граф фом Штраль

А где же ты, скажи, моя голубка?

Кетхен

Я на зеленом радостном лугу,
Он весь в цветах, и так пестро кругом!

Граф фом Штраль
Ах, незабудки, белые ромашки!

Кетхен
Тут и фиалки: видишь, целый кустик.

Граф фом Штраль
Сойду-ка я с коня, пожалуй, Кетхен,
Да посижу с тобою на траве.
Что скажешь?

Кетхен
Сделай так, мой господин.

Граф фом Штраль
(делая вид, что зовет)
Эй, Готшальк! Где коня поставить, Готшальк?

Кетхен
Оставь кобылу. Лиза не уйдет.

Граф фом Штраль

(улыбаясь)

Ты думаешь? Пусть так.

(Звонит оружием)

Пауза.

Малютка Кетхен!

(Берет ее за руку.)

Кетхен

Мой господин!

Граф фом Штраль

Меня ты крепко любишь?

Кетхен

Всем сердцем.

Граф фом Штраль

Ну, а я? Как ты считаешь.

Я — нет?

Кетхен (улыбаясь)

Хитрец!

Граф фом Штраль

Да почему?

Кетхен

Оставь!

Ведь ты в меня влюблен, как майский жук!

Граф фом Штраль

Вот как? Мне кажется...

Кетхен

Что ты сказал?

Граф фом Штраль

(со вздохом)

Как башня каменная — эта вера!

Пусть так. Сдаюсь. Но если правда, Кетхен,

То, что ты говоришь...

Кетхен

Ну, если правда?

Граф фом Штраль

Так что ж получится у нас?

Кетхен

У нас?

Граф фом Штраль

Ты думала об этом?

Кетхен

Да.

Граф фом Штраль

И что же?

Кетхен

На пасхе той возьмешь меня ты замуж.

Граф фом Штраль

(подавляя смех)

Как? Неужели? Замуж? Я не знал.

А кто тебе сказал об этом, Кетхен?

Кетхен

Сказала мне об этом Марианна.

Граф фом Штраль

Ах, вот как! Марианна? Кто ж она?

Кетхен

Служанка, что была у нас тогда.

Граф фом Штраль

Откуда же она об этом знала?

Кетхен

На олове расплавленном она

Мне нагадала в ночь под Новый год.

Граф фом Штраль

Вот чудеса! И, значит, предрекла...

Кетхен

Возьмет меня красивый, гордый рыцарь.

Граф фом Штраль

И сразу ты решила: это я?

Кетхен

Да, господин.

Граф фом Штраль

(растроган)

А я тебе скажу,

Мое дитя, мне кажется — другой,

Ну, рыцарь Фламберг или кто еще...

Кетхен

Нет, нет!

Граф фом Штраль

Нет?

Кетхен

Нет, нет, нет!

Граф фом Штраль

Но почему же?

Кетхен

В ту ночь, когда мы кончили гадать,
Пошла я спать и помолилась богу,
Чтоб, если было правильным гаданье,
Он рыцаря мне показал во сне.
И вот тогда ты в полночь появился
Такой, каким тебя сейчас я вижу,
Пришел ко мне, как к суженой своей.

Граф фом Штраль

К тебе?.. Голубка, ничего не знаю.
Когда же это...

Кетхен

В ночь под Новый год!
Как подойдет опять канун Сильвестра —
Тому два года минет.

Граф фом Штраль

Где же, в замке?

Кетхен

Нет, в Гейльброне, в моей девичьей спальне.

Граф фом Штраль

Дитя мое, ты бредишь: я лежал

В недуге тяжком дома, в замке Штраль.

Пауза. Кетхен вздыхает, шевелится и что-то бормочет.

Что ты шепнула?

Кетхен

Кто?

Граф фом Штраль. Ты.

Кетхен Ничего.

Пауза.

Граф фом Штраль

Ей-богу же, чудно! В канун Сильвестра...

(Опустил голову, припоминая.)

Но Расскажи мне что-нибудь об этом.

Один пришел я?

Кетхен

Нет, мой господин.

Граф фом Штраль

Кто был со мной?

Кетхен

Поди ты!

Граф фом Штраль

Нет, скажи!

Кетхен

Не помнишь ты?

Граф фом Штраль

Душой клянусь, не помню.

Кетхен

Мой господин! С тобой был херувим

С большими белоснежными крылами.

Он весь сиял, слепительно сиял,

И за руку тебя ко мне подвел.

Граф фом Штраль

(не отрываясь, глядит на нее)

Клянусь спасением своей души —

Так было!

Кетхен

Да, высокий господин мой.

Граф фом Штраль

(сдавленным голосом)

Лежала ты в своей постели белой

Под красным одеялом шерстяным?

Кетхен

Все так! Все так!

Граф фом Штраль

В одной сорочке легкой?

Кетхен

В сорочке? Нет...

Граф фом Штраль

Как — нет?

Кетхен

В сорочке легкой?

Граф фом Штраль

Звала ты: «Марианна»?

Кетхен

Да, звала:

«Ко мне! Скорей! Христина! Марианна!»

Граф фом Штраль

Во все глаза глядела на меня?

Кетхен

Я думала, что это сон.

Граф фом Штраль

Потом,

Дрожа всем телом, поднялась с постели,

К моим ногам упала...

Кетхен

И шептала...

Граф фом Штраль

(перебивая)

Шептала ты: «Высокий господин мой!»

Кетхен

(улыбаясь)

Вот видишь? Ангел показал тебе...

Граф фом Штраль

Да, пятнышко... Есть у тебя оно?

Кетхен

Конечно.

Граф фом Штраль

(срывая с нее косынку)

Где, на шее?

Кетхен

Ой, не надо!

Граф фом Штраль

Предвечный боже! И когда я взял
Тебя за подбородок, чтоб увидеть
Твое лицо...

Кетхен

Явилась Марианна

Со свечкой, нам на горе. Все исчезло:

Лежала я в сорочке на полу,

А Марианна надо мной смеялась.

Граф фом Штраль

Спаси меня господь! Я раздвоился.

Я — дух, и я блуждаю по ночам!

(Оставляет ее и выпрямляется.)

Кетхен

(просыпаясь)

Всесильный боже! Что это со мной?

(Встает и оглядывается.)

Граф фом Штраль

Мой сон был, значит, истинною правдой:

Больной, в жару, без сил и без сознания

Лежал я в замке Штраль, и вот мой дух,

Ведомый херувимом, посетил

Ее, спокойно спящую в Гейльбронне!

Кетхен

О небо! Граф!

(Надевает на себя шляпу и оправляет косынку.)

Граф фом Штраль

Так что ж теперь мне делать?

Пауза.

Кетхен

Мой господин, у ног твоих лежу я

И жду покорно слова твоего:

Ведь несмотря на строгий твой приказ,

Меня нашел ты под стеною замка.

Клянусь, легла я только отдохнуть

И тотчас же дойду своей дорогой.

Граф фом Штраль

Увы! Безумье мутное колеблет

Мой дух, что светом чуда ослеплен!

Как мне понять святое возвещенье,

Серебряно звенящее в ушах,

Что император наш — ее отец?

Готшальк

(за сценой)

Эй, Кетхен, девочка!

Граф фом Штраль

(поспешно поднимая ее)

Вставай живее!

Надень платок! Что у тебя за вид?

Явление третье

Те же и Готшальк.

Граф фом Штраль

Вот кстати, Готшальк! Спрашивал меня ты,

Нельзя ли Кетхен приютить в конюшне.

Ей там не место. Матушка моя

Устроит в замке дочку Фридеборна.

Готшальк

Как? Что? Где? В самом замке, наверху?

Граф фом Штраль

Да, и сейчас же. Вещи собери

И по тропе неси за нею в замок.

Готшальк

Гром разрази меня! Ты слышишь, Кетхен?

Кетхен

(с изысканным поклоном)

Мои славный господин! Пусть будет так,

Пока я не узнаю, где отец.

Граф фом Штраль

Да, да. Его не медля разыщу я.

Готшальк связывает ее вещи. Кетхен помогает ему.

Готово?

(Поднимает с земли платок и подает ей.)

Кетхен

(краснея)

Что ты? Это не годится!

Готшальк поднимает узелок.

Граф фом Штраль

Дай руку мне!

Кетхен

Высокий господин мой!

Он проводит ее по камням. Миновав их, пропускает ее вперед и идет вслед за нею.

Все уходят.

Явление четвертое

Сад. В глубине грот в готическом стиле.

Входит Кунигунда, с ног до головы закутанная в огнецветное покрывало, и Розалия.

Кунигунда. Куда уехал граф фом Штраль?

Розалия. Фрейлейн, никто в замке понятия об этом не имеет. Поздно ночью прибыли три императорских комиссара и разбудили его. Он заперся с ними, а нынче на рассвете вскочил на коня и исчез.

Кунигунда. Отопри мне грот.

Розалия. Он уже отперт.

Кунигунда. Я слышала, рыцарь Фламберг ухаживает за тобой. К полудню, когда я выкупаюсь и оденусь, ты мне разузнай, что это все означает.

(Уходит в грот.)

Входит фрейлейн Элеонора.

Явление пятое

Розалия и Элеонора.

Элеонора. Доброе утро, Розалия.

Розалия. Доброе утро, фрейлейн. Что это вы так рано вышли сюда?

Элеонора. Так нынче жарко, что я хочу искупаться в этом гроте с Кетхен, милой маленькой гостьей, которую привел в замок граф фом, Штраль.

Розалия. Простите! В гроте сейчас фрейлейн Кунигунда.

Элеонора. Фрейлейн Кунигунда? Откуда вы взяли ключ?

Розалия. Ключ? Грот был не заперт.

Элеонора. А Кетхен вы там не нашли?

Розалия. Нет, фрейлейн. Там никого не было.

Элеонора. Ну что вы! Готова побожиться, что Кетхен в гроте.

Розалия. В гроте? Не может быть.

Элеонора. Право же! В боковой темной камерке. Она пошла вперед. Когда мы дошли до ворот, я сказала, что сбегая только к графине за простыней, чтоб обтереться. О господи, владыко живота моего, вот и она!

Из грота выходит Кетхен.

Явление шестое

Те же и Кетхен.

Розалия

(про себя)

О небо! Что это?

Кетхен

(вся дрожа)

Элеонора!

Элеонора

Ну, ты как будто искупалась, Кетхен?

Глядите, вся она — сиянье, блеск,

Как лебедь, что из голубых, прозрачных

Озерных вод плывет легко и гордо!

Какая свежесть в теле молодом!

Кетхен

Пойдем, Элеонора.

Элеонора

Что случилось?

Розалия

(бледнея от страха)

Откуда появилась ты? Из грота?

Ты пряталась в проходе?

Кетхен

Заклинаю,

Уйдем скорей!

Кунигунда

(из грота)

Розалия!

Розалия

Сейчас!

(К Кетхен.)

Ты видела ее?

Элеонора

Да что с тобой?

Скажи! Как ты бледна!

Кетхен

(падая ей на руки)

Элеонора!

Элеонора

Спаси господь! Да что с тобой, дитя?

Кунигунда

(из грота)

Розалия!

Розалия

(к Кетхен)

Ей-богу, лучше б очи

Ты вырвала себе, чем языку

Доверили б они, что подглядели!

(Уходит в грот.)

Явление седьмое

Элеонора и Кетхен.

Элеонора

Что, дитяtko, случилось? Почему

Она бранится, ты же вся дрожишь?

Когда бы там тебе явилась смерть

С косой, с песочными часами, сердце

Тебе не сжал бы ужас так жестоко!

Кетхен

Я расскажу...

(Не может вымолвить ни слова.)

Элеонора

Ну, говори смелей!

Кетхен

Но поклянись, Ленора: никому

Об этом ты не передашь ни слова.

Элеонора

Да никому ни слова. Будь спокойна.

Кетхен

Так вот: я в боковое помещенье

Пробралась через потайную дверь.

Под сводом пышным было так светло!

Когда ж меня купанье освежило,

Вошла, смеясь, в просторный средний грот:

Я думала, оттуда слыша плеск,

Что это ты. И вот внезапно вижу —

В бассейн спускается...

Элеонора

Да кто? Скажи!

Кетхен

Нет, нет, молчать нельзя! И ты не медля

Должна, Ленора, графу все сказать.

Элеонора

Дитя мое! Да что же это было?

Кетхен

Но ради всех святых, он знать не должен,

Что от меня... Тогда пускай уж лучше

И не услышит он про эту мерзость.

Элеонора

Но, Кетхен, все загадки у тебя!

Какая мерзость? Что ты увидела?

Кетхен

Нет, чувствую — не нужно этих слов

Из уст мне выпускать. Пускай не я

Разоблачу пред ним обман постыдный!

Элеонора

Но почему? Зачем же нам скрывать?..

Скажи лишь...

Кетхен

(оборачивается)

Слушай!

Элеонора

Что это?

Кетхен

Идут!

Элеонора

Там фрейлейн, с ней Розалия — и всё.

Кетхен

Скорей!

Элеонора

Зачем?

Кетхен

Безумная, скорей!

Элеонора

Куда?

Кетхен

Не важно, лишь бы прочь из сада...

Элеонора

Да ты в уме?

Кетхен

Послушай, я погибла,

Когда она меня увидит здесь.

Мое спасенье — только у графини.

Уходят.

Явление восьмое

Из грота выходят Кунигунда и Розалия.

Кунигунда

(передавая Розалии ключ)

Вот! Из-под зеркала ты выдвинь ящик:

Там справа порошок в коробке черной.

Смешай с вином, водой иль молоком

И молви: «Кетхен, выпей». Или лучше

Зажми ее между своих колен!

Яд, смерть и мщенье! Делай так, как знаешь,

Но пусть она проглотит порошок.

Розалия

Однако, фрейлейн...

Кунигунда

Яд, чума и тленье!

Заткни ей рот, сама молчи!

Когда она, отравленная, ляжет

В могилу, чтоб истлеть, как стебель мирта,

И лишь ветрам прошепчет обо всем,

Что видела, — тогда и говори мне

О кротости, прощенье, о законе,

И долге, и о черте, и о боге,

И о мученьях совести виновной.

Розалия

Что пользы в том? Все видела она.

Кунигунда

Яд! Пепел! Ночь и хаос первозданный!

Там хватит порошка на целый замок

С собаками и кошками. Ты делай,

Как я велела. Знаю, вкралась в сердце

Она к нему. Пусть я умру, когда

Он не влюбился в обезьянью рожу.

Иди! Развеять в дым ее! На свете

Отныне стало тесно нам вдвоем.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Вормс.[142] Открытое место перед императорским замком. В стороне тронное кресло. В глубине отгороженное пространство, где происходит божий суд[143].

Явление первое

Император на троне. По обе стороны трона архиепископ Вормский, граф Отто фон дер Флюэ и много других рыцарей, дворян и императорских телохранителей. Граф фом Штраль в легком шлеме и панцире и Теобальд, вооруженный с головы до ног. Оба стоят перед тронном.

Император

Граф Веттер Штраль, три месяца назад

На том пути, что вел тебя чрез Гейльброн,

Проник ты в сердце неразумной девы.

От старика отца она сбежала,

И ты ее не отослал домой,

А в замке предков от него скрываешь.

Чтоб приукрасить это злодеянье,

Ты распустил смешной, безбожный слух, —

Тебе, мол, ночью ангел весть принес,

Что дева, увезенная тобою,

От нашей благосклонности зачата.

Смеюсь я над пророчеством нелепым:

Сам на нее корону надевай,

А в нашей Швабии ей нет наследья,

И двор мой в Вормсе для нее закрыт.
Но здесь стоит отец, убитый горем:
Не только дочь ты у него похитил —
И матери приписываешь блуд.
Женою верной он ее считал,
Себя ж отцом девицы злополучным.
Теперь по горькой жалобе его,
Тебя зовем мы перед наш престол
На божий суд, чтоб доказал ты то,
Чем память этой женщины позоришь.
Ты, друг небес, на поединке честном
Обязан словом стали утвердить
Вещанье, ими данное тебе.

Граф фом Штраль

(краснея от негодования)

Мой августейший государь! Вот в этой
Моей руке, мечом вооруженной,
Хватило б силы с дьяволом сразиться.
Седой же этот череп мой удар
Вмиг размозжил бы, как головку сыра,
Что в сыроварне на доске лежит.
Но, по великой милости твоей,
Не требуй, чтоб я выступил в защиту
Нелепой сказки, праздным хитроумьем
В народе сложенной лишь потому,
Что два события так чудно сошлись
Друг с другом, словно половинки перстня.
Прошу тебя, по мудрости своей,

Сочти случившееся в ночь Сильвестра
За бред больного. Я б не оскорбился,
Вообрази меня ты вдруг жидом,
Не оскорбляйся ж, если бред мой принял
Дочь этого простого человека
За отпрыска владыки моего.

Архиепископ

Мой государь, по правде, речь такая
Смирить могла бы ярый дух истца.
Наветов злых на честь его супруги
Мы здесь не слышали. Граф опроверг
Все, что наговорил он Марианне
В беседе тайной! Странного немало
Бывает в мире. Надо ли карать
За то, что ум его на миг смутился?
Знай, Теобальд, он час тому назад
Мне поручился, что девицу Кетхен
Отдаст тебе, как только ты придешь
За нею в Штраль. Утешься же, старик,
Прими ее и дело кончи миром.

Теобальд

Проклятый лицемер, ты отрицаешь,
Что все в тебе, от головы до пят,
Полно безумной веры в то, что Кетхен
Побочный отпрыск цесарского ложа?
Ты день ее рожденья не смотрел

В церковных книгах? И не вычислял
Ее зачатая час? Не проявил
Сметливости постыдной доискаться,
Что был — прошло с тех пор шестнадцать весен —
Проездом в Гейльбронне наш государь?
Какой-то бог, облобызавший ведьму,
Тебя, наглец, на горе нам родил.
Ты — в пышном блеске дух отцеубийства,
Колеблющий гранитные устои,
Что подпирают вечный храм природы,
Исчадые ада — пусть мой честный меч
Изобличит тебя, иль сам я буду
Его неверным взмахом поражен.

Граф фом Штраль

Пусть, ядом брызжущий гонитель мой,
Тебя осудит бог. Не видел ты
Обиды от меня и мог бы жалость
Ко мне питать. Да будет, как ты хочешь.
Когда в ночи я при смерти лежал,
Мне херувим явился лучезарный
И весть принес, не стану отрицать я,
Что волей неба послана была.
И пред лицом всевышнего сейчас
Я утверждаю, слушай речь мою:
Ты Кетхен дочерью своею мнишь, —
Дочь государя нашего она.
Вступай же в бой, чтоб опровергнуть это.

Император

Играйте, трубачи, на смерть лжецу.

Трубные звуки.

Теобальд

(приближаясь)

И если б меч мой был как стебель гибок

И прикреплен непрочно к рукоятке,

Литой из воска желтого, — я все же

Тебя рассек бы с головы до ног,

Как ядовитый гриб, растущий в поле,

Чтоб все в тебе увидели лжеца.

Граф фом Штраль

(снимает с себя меч и отдает его)

А если б шлем мой и чело под ним

Прозрачны были, и тонки, и хрупки,

Как скорлупа яйца пустого, — все же

Твой длинный искрометный меч, от них бы

Отпрянув, раздробился на осколки,

Как будто по алмазу угодил,

Чтоб знали все, что правду я сказал.

Бей, дай увидеть мне, чье дело чисто!

(Снимает шлем и вплотную подходит к Теобальду.)

Теобальд
(отступая)
Надень
свой шлем!

Граф фом Штраль
(надвигаясь на него)
Бей!

Теобальд
Надевай свой шлем!

Граф фом Штраль
(валит его на землю)
Один мой взгляд тебя лишает сил?

(Вырывает меч из его рук и наступает ногой ему на грудь.)
По праву победил я. В правом гневе
Я мог бы мозг твой растоптать! Живи!

(Бросает его меч к подножию трона.)
Пусть время, древний сфинкс, тебе докажет,
Что Кетхен все-таки, как я сказал,
Дочь нашего высокого владыки!

Народ

(в смятении)

О боже! Победил граф Веттер Штраль!

Император (бледнея, встает)

Пойдемте, господа!

Архиепископ

Куда?

Рыцарь (из свиты)

В чем дело?

Граф Отто

Всесильный бог! Что с государем нашим?

Не худо ли ему? За ним, друзья!

Уходят.

Явление второе

Там же. Комната в императорском замке.

Император

(входя, оборачивается в дверях). Прочь! Пусть за мной никто не идет! Впустить бургграфа Оренбургского и рыцаря фон Вальдштеттен: только с ними я буду говорить.

(Закрывает дверь.) Кажется, клянусь своей честью — честью императора, ангел, возвестивший графу фом Штраль, что Кетхен моя дочь, изрек истину. Девушке, по слухам, пятнадцать лет. А ровно шестнадцать лет назад без трех месяцев давал я в честь сестры своей пфальцграфини большой турнир в Гейльбронне. Было около одиннадцати вечера и ярко мерцающий Юпитер только что взошел на востоке, когда я, устав от танцев, вышел из замковых ворот, чтобы никем не узнанным развлечься среди народа в прилегающем саду. И эта самая звезда, струящая такой нежный и мощный свет, сияла — теперь я уверен в этом — в час зачатия этой девушки. Насколько я помню, Гертрудой звалась та, с кем я беседовал в отдаленной, почти пустынной части сада, при свете гаснувших фонариков, среди благоухающих лип, под смутно доносящиеся из бального зала звуки музыки. И имя матери Кетхен — Гертруда! Помню, когда она заплакала, я снял с груди медальон с изображением папы Льва и опустил ей за корсаж на память от меня, которого она тоже не знала. Теперь мне стало известно: точно такой же медальон есть у Кетхен из Гейльброна! О небо! Весь мир словно зашатался в своих устоях! Если граф фом Штраль, этот наперсник небесных сил, сумеет отделаться от блудницы, с которой связался, я признаю Кетхен своей дочерью, уговорю каким угодно способом Теобальда уступить мне девушку и обвенчаю ее с графом. Слишком дерзновенно было бы ждать, чтобы херувим вторично спустился на землю и разгласил на весь мир то, что я доверил этим четырем стенам!

(Уходит.)

Явление третье

Входят бургграф Фрейбургский и Георг фон Вальдштеттен. За ними рыцарь Фламберг.

Фламберг

(в полном изумлении). Господин бургграф Фрейбургский! Вы ли это или ваш дух? Подождите, заклинаю вас!..

Фрейбург

(оборачиваясь). Чего тебе надо?

Георг. Кого ты ищешь?

Фламберг. Несчастливого моего господина, графа фом Штраль! Его невеста, фрейлейн Кунигунда, — на беду свою мы ее у вас отбили! — задумала подкупить повара, чтоб он подал Кетхен яду. Яду, доблестные господа, и по какой возмутительной, непонятной, загадочной причине! Из-за того, что девочка подсмотрела, как она купается!

Фрейбург. Не понимаете в чем тут дело?

Фламберг. Нет!

Фрейбург. Так я вам скажу. Она — искусная мозаика, в составлении которой участвовали все

три царства природы. Зубы ее принадлежат одной мюнхенской девушке, волосы выписаны из Франции, свежесть ее щек происходит из рудников Венгрии,[144] а стройностью стана, которой все так восхищаются, обязана она рубашке, которую один кузнец выковал ей из шведской стали. Понял теперь?

Фламберг. Как же так?

Фрейбург. Передай поклон твоему господину.

(Уходит.)

Георг. И от меня тоже! Граф уже возвращается в Штральбург. Скажи ему — если он возьмет ключ и застанет ее утречком, когда все прелести ее еще разложены на стульях, то сам, пожалуй, обратится в статую, которую можно выставить около хижины угольщика для увековечения его геройского подвига.

(Уходит.)

Явление четвертое

Комната Кунигунды в замке Веттерштраль. Розалия хлопочет возле туалетного стола фрейлейн. Входит Кунигунда, только что вставшая с постели и еще не нарумяненная. Вскоре вслед за тем — граф фом Штраль.

Кунигунда

(садясь к туалетному столу)

Закрыта дверь?

Розалия

Я заперла ее.

Кунигунда

Как — заперла? Ведь надо на задвижку.

На ключ и на задвижку, каждый раз!

Розалия

(идет к двери, чтобы закрыть ее на задвижку, и
сталкивается с графом фом Штраль; в испуге)

О боже! Граф! Как вы сюда попали?

Фрейлейн!

Кунигунда

(оборачивается)

Кто там?

Розалия

Взгляните!

Кунигунда

Боже мой!

(Быстро встает и уходит.)

Явление пятое

Граф фом Штраль и Розалия.

Граф фом Штраль

Кто та неведомая дама?

Розалия

Где?

Граф фом Штраль

Да тут прошла! С пизанской башней схожа.

Надеюсь, не...

Розалия

Кто?

Граф фом Штраль

Фрейлейн Кунигунда?

Розалия

Вы, ваша милость, шутите, ей-богу!

Сибилла, мачеха моя...

Кунигунда

(за сценой)

Розалья!

Розалия

Проснулась фрейлейн и зовет меня.

Простите, если я...

(Придвигает стул.)

Угодно сесть?

(Берет принадлежности туалета и уходит.)

Явление шестое

Граф фом Штраль

(подавленный)

О боже всемогущий! Недостойна

Душа моя душою называться!

Ведь мера та, с которою она

К вещам на рынке мира подходила,

Неверной оказалась: злую мерзость

Я принимал за нежность и величье.

Куда, злосчастный, от себя я скроюсь?

Пусть разразится где-нибудь гроза —

В порыве буйном на коня вскочу я,

И — головою под любой топор!

Что, сердце, делать мне, куда деваться?

Явление седьмое

Кунигунда в обычном своем блеске, Розалия и старая Сибилла, которая, еле передвигаясь на костылях, уходит через среднюю дверь. Граф фом Штраль.

Кунигунда

Как, вы, граф Фридрих? По какой причине

В такую рань заходите ко мне?

Граф фом Штраль

(проводя взглядом Сибиллу)

Двоятся ведьмы, что ли?

Кунигунда

(оглядываясь) Кто?

Граф фом Штраль

(спохватывается)

Простите.

Хотел узнать я, как здоровье ваше.

Кунигунда

Ну что? Для нашей свадьбы все готово?

Граф фом Штраль

(подходя ближе и пристально глядя на нее)

Да, кроме главного — почти что все.

Кунигунда

(отступая)

Когда же?

Граф фом Штраль

День назначен был — на завтра.

Кунигунда

(после паузы)

Давно уже его я страстно жду!

Но в вас как будто радости не видно!

Граф фом Штраль

(с поклоном)

Простите, я счастливейший из смертных!

Розалия

(грустным тоном)

А правда ль, что вчера малютка Кетхен,

Которую вы приютили...

Граф фом Штраль

Дьявол!

Кунигунда

Что с вами?

Розалия

(про себя)

Дело дрянь!

Граф фом Штраль

(овладев собой)

Удел всеобщий!

На кладбище ее перенесли.

Кунигунда

Что слышу?

Розалия

Но еще не хоронили?

Кунигунда

Хочу увидеть в саване ее.

Явление восьмое

Те же. Входит слуга.

Слуга

Гонца прислал к вам Готшалък, ваша милость.

Он дожидается в прихожей.

Кунигунда

Готшалък?

Розалия

Откуда же?

Граф фом Штраль

От гроба, от покойной.

Вам туалета прерывать не стоит.

(Уходит.)

Явление девятое

Кунигунда и Розалия.

Пауза.

Кунигунда

(с отчаянием в голосе)

Теперь ничем уж не помочь! Он знает,

Он видел все, и мне теперь конец!

Розалия

Не знает он!

Кунигунда

Нет, знает!

Розалия

Нет, не знает!

Вы стонете, а я бы в пляс пустилась.

Он думает, что та, кого он видел

Сидящей здесь, — Сибилла, мать моя.

Вот уж поистине счастливый случай,

Что к вам она зашла, неся в тазу

Снег, собранный в горах для умыванья.

Кунигунда

Как он пытливо на меня смотрел!

Розалия

Пускай! Ведь он глазам своим не верит!

Я веселюсь, как белка на сосне!

Быть может, в нем сомненье и возникло,

Но вы предстали стройной и прекрасной,

И все сомненья разлетелись вмиг.

Вот умереть мне, если он не бросит

Перчатку всякому, кто усомнится,
Что вы среди прочих женщин — королева.
Зачем же падать духом? Одевайтесь,
И завтрашнее утро вас увидит
Графиней Кунигундой Веттерштраль!

Кунигунда

Под землю бы мне лучше провалиться.

(Уходит.)

Явление десятое

Внутренность пещеры с видом на долину. Кетхен, переодетая, сидит на камне, прижавшись головой к стене. Входят граф Отто фон дер Флюэ, Венцель фон Нахтхейм, Ганс фон Беренклау в одеянии имперских советников и Готшальк, свита. Потом — император и Теобальд; они, закутанные в плащи, остаются в глубине сцены.

Граф Отто

(с пергаментным свитком в руке)

Девушка из Гейльброна! Почему

Живешь ты здесь, в пещере, словно ястреб?

Кетхен

(поднимая глаза)

О боже! Кто вы?

Готшальк

Не пугайте Кетхен!

Злодейка извести ее хотела,

И нам пришлось укрыть ее в горах.

Граф Отто

А где твой господин, имперский граф?

Кетхен

Не знаю.

Готшальк

Он появится сейчас!

Граф Отто

(вручает ей пергаментный свиток)

Его величество наш император

Шлет эту грамоту тебе, девица.

Прочти ее, встань и иди за мной.

Не это место ранга твоего

Достойно: замок в Вормсе — твой приют!

Император

(в глубине сцены)

О, как она мила!

Теобальд

Да, сущий ангел!

Явление одиннадцатое

Те же е. Входит граф фом Штраль.

Граф фом Штраль

(пораженный)

Совет имперский в мантиях парадных!

Граф Отто

Привет вам, граф!

Граф фом Штраль

С какой явились вестью?

Граф Отто

Девице грамота от государя.

О чем — спросите у нее самой.

Граф фом Штраль

Как бьется сердце!

(К Кетхен.)

Что в руке твоей?

Кетхен

Не знаю, господин.

Готшальк

Давай, голубка.

Граф фом Штраль

(читает)

«Внушил господь мне выполнить все то,

О чем вещал святой его посланец.

Отцовские права передает

Мне оружейный мастер Теобальд.

Отныне Кетхен — дочь моя, и впредь

Ей называться — Катариной Швабской».

(Перелистывает другие бумаги.)

Вот здесь: «Да ведают», здесь «Замок Швабах».

Короткая пауза.

Во прах бы пасть пред ней, благословенной,
И ноги ей обнять и оросить
Слезами благодарности горячей.

Кетхен

(садится)

Скорее, Готшальк, помоги, мне дурно!

Граф фом Штраль

(советникам)

Где император наш? Где Теобальд?

Император

(сбрасывает плащ, так же как и Теобальд)

Они здесь оба!

Кетхен (встает)

Господи! Отец!

(Бросается к Теобальду, он ее обнимает.)

Готшальк (про себя)

Сам император! Вот он! Право слово!

Граф фом Штраль

Божественный! Как мне тебя назвать?

Прочел я верно?

Император

Видит бог, что верно.

С ней херувимы дружат: император

Гордиться может дочерью такой.

Возвысилась она перед людьми,

Как высоко стояла перед богом.

Кто в жены хочет получить ее,

Пускай меня о том, как должно, просит.

Граф фом Штраль

(преклоняя перед ним колени)

Молю я на коленях: дай мне Кетхен.

Император

Что с вами, граф?

Граф фом Штраль

О, дай ее мне, дай!

Иначе, для чего б ты это сделал?

Император

Ах, вот как? Только смерть дается даром,

А я условие ставлю.

Граф фом Штраль

Говори!

Император

(строго)

В свой дом отца ты примешь!

Граф фом Штраль

Это шутка!

Император

Ты не согласен?

Граф фом Штраль

Прямо в руки эти

Приму его я, прямо в руки сердца!

Император

Слыхал, старик?

Теобальд

(подводя к нему Кетхен)

Отдай ее, отдай!

Связал их бог, да не развяжут люди.

Граф фом Штраль

(встает и берет Кетхен за руку)

Ты мне сейчас блаженство подарил!

Позвольте мне один лишь поцелуй

Сорвать, отцы, с ее небесных уст.

Имей я не одну, а десять жизней,

Все после ночи свадебной отдам,

Ликуя сердцем, каждому из вас.

Император

Пойдем! Пусть он ей разъяснит загадку!

Явление двенадцатое

Граф фом Штраль и Кетхен.

Граф фом Штраль

(берет Кетхен за руку и садится рядом с ней)

Поближе сядь, моя малютка Кетхен!

Я кое-что тебе доверить должен.

Кетхен

Высокий господин мой! Что такое?..

Граф фом Штраль

Сперва, моя сладчайшая, скажу,
Что предан я тебе с моей любовью,
Бескрайней, вечной, предан всей душой.
Олень, что истомлен полдневным зноем
И острыми рогами роет землю,
Не так неистово стремится
Со скал сорваться в бешеный поток,
Как жажду я теперь, когда моя ты,
Весенней юной прелести твоей.

Кетхен

(краснея от стыда)

Исусе! Что ты, право, говоришь?

Граф фом Штраль

Прости, что часто обижал тебя
Я резким словом, грубым обращеньем.
Когда я только вспомню, как бездушно
Отталкивал тебя, а ты сейчас
По-прежнему полна любви и ласки,
Такая мной овладевает грусть,
Что горьких слез не в силах удержать я.

(Плачет.)

Кетхен

(робко)

О господи! Да что ты? Чем взволнован?

Что мне худого сделал? Я не знаю.

Граф фом Штраль

За мною, девушка, бежала ты,

Изранив ноги, но с восходом солнца

Я облеку их в золото и шелк.

Я пышным балдахином осеню

Твою головку, что на всех дорогах

За мною солнце жгло. Арабский конь,

Весь в золоте, тебе, дитя, послужит,

Когда на зов охотничьих рогов

Помчимся мы в поля. А там, где чиж

Свил в бузине гнездо, построен будет

Тебе приют для знойных летних дней.

И в светлые просторные покои

Введу я Кетхен милую мою.

Кетхен

Мой Фридрих! Мой боготворимый!

Но что мне думать о речах твоих?

Ты хочешь...

(Пытается поцеловать ему руку.)

Граф фом Штраль

(отдергивая руку)

Нет, прости, моя услада.

(Целует ее в лоб.)

Кетхен

Нет?

Граф фом Штраль

Мнилось мне, что завтра наступило.

Так что ж хотел сказать я? Да, припомнил:

Одной услуги у тебя прошу.

(Оттирает слезы.)

Кетхен

(несмело)

Услуги? Но какой? Да ты скажи.

Пауза.

Граф фом Штраль

Ну вот. Я завтра должен справить свадьбу.

И все уже для праздника готово.
И ровно в полдень поведут
Мою невесту к алтарю. Задумал
Я торжество, где будешь ты богиней.
И из любви к владыке своему
Должна ты завтра это платье снять
И облачиться в праздничный наряд,
Что матерью моею приготовлен.
Ты это сделаешь?

Кетхен

Да, господин.

Граф фом Штраль

Красивый он, хоть скромный, но богатый.

Как тот убор, что дан тебе природой.

Ты будешь в жемчугах и в изумрудах,

И я хочу, чтоб в замке ты затмила

Всех дам, и Кунигунду в том числе.

Что ж плачешь?

Кетхен

Я не знаю, господин мой,

Мне что-то в глаз попало!

Граф фом Штраль

В глаз? Куда?

(Поцелуями осушает ее слезы.)

Теперь пойдем. Все скоро разъяснится.

(Уводит ее.)

Явление тринадцатое

Площадь перед замком. Направо на переднем плане портал. Налево в глубине замок с лестницей. В самой глубине церковь. Марш. Торжественный выход. Впереди идет герольд, за ним телохранители. Четверо арапов несут балдахин. В центре замковой площади стоят император, Граф фом Штраль, Теобальд, граф Отто фон дер Флюэ, рейнграф фом Штейн, бургграф Фрейбургский и остальная свита и встречают балдахин. Под порталом справа фрейлейн Кунигунда фон Турнек в одеянии невесты со своими тетками и двоюродными братьями, готовые присоединиться к шествию. На заднем плане народ, среди него рыцарь Фламберг, Готшалк, Розалия и другие.

Граф фом Штраль. Вы, с балдахином, становитесь здесь. Герольд, делай свое дело.

Герольд

(читает). «Да будет ведомо здесь всем и каждому, что имперский граф Фридрих фом Штраль сегодня справляет свою свадьбу с Катариной, принцессой Швабской, дочерью нашего светлейшего повелителя императора. Да благословит небо высокую чету и да изольет на них из рога изобилия все счастье, которое в его власти даровать им».

Кунигунда

(Розалии). Человек этот одержимый, Розалия?

Розалия. Клянусь небом, если он не помешался, то все идет к тому, чтобы это случилось с нами.

Фрейбург. Где же невеста?

Рыцарь фон Турнек. Здесь, высокочтимые господа!

Фрейбург. Где?

Рыцарь фон Турнек. Здесь, под этим порталом, наша двоюродная сестрица.

Фрейбург. Мы ищем невесту графа фом Штраль. Господа, приступим к своему делу!

Следуйте за мной, и приведем ее сюда.

Бургграф Фрейбургский, Георг фон Вальдштеттен и рейнграф фом Штейн поднимаются по ступеням и входят в замок.

Господа фон Турнек. Ад, смерть и дьявол! Что означают все эти приготовления?

Явление четырнадцатое

Кетхен в подвенечном наряде имперской принцессы. Ее ведут графиня Елена и фрейлейн Элеонора. Трое пажей несут ее шлейф. За нею по лестнице сходят бургграф Фрейбургский и другие.

Граф Отто. Хвала тебе, дева!

Рыцарь Фламберг и Готшалк. Хвала тебе, Кетхен из Гейльброна, имперская принцесса Швабская!

Народ. Хвала тебе! Хвала! Хвала!

Фон Гернштадт и фон дер Варт

(оставшиеся на площади). Это и есть невеста?

Фрейбург. Да, это она.

Кетхен. Я, вельможные господа? Но чья же?

Император. Того, с кем тебя посватал херувим. Согласна ты обменяться с ним кольцами?

Теобальд. Согласна ты отдать свою руку графу?

Граф фом Штраль

(обнимая ее). Кетхен, невеста моя! Хочешь ли ты меня?

Кетхен. Храни меня господь и все святые!

(Штатается.)

Графиня поддерживает ее.

Император. Хорошо. Возьмите ее, граф фом Штраль, и ведите в церковь!

Колокольный звон.

Кунигунда. Мор, смерть и месть! Вы мне за это поношение поплатитесь!

(Уходит со своими спутниками.)

Граф фом Штраль. Отравительница!

Марш. Император становится рядом с Кетхен и графом фом Штраль под балдахин. Дамы и рыцари идут вслед за ними. Шествие замыкают телохранители. Все уходят.

Занавес

ПРИНЦ ФРИДРИХ ГОМБУРГСКИЙ

Драма в пяти действиях

Перевод с немецкого Б. Пастернака.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фридрих Вильгельм, курфюрст[145] Бранденбургский[146].

Курфюрстина.

Принцесса Наталия Оранская[147], шеф драгунского полка.

Фельдмаршал Дерфлинг.

Принц Фридрих Артур Гомбургский, генерал от кавалерии.

Полковник Коттвиц, полка принцессы Оранской.

Геннингс; Граф Трукс — пехотные полковники.

Граф фон Гогенцоллерн, из свиты курфюрстины.

Фон дер Гольц

Граф Георг фон Шпаррен; Штранц; Зигфрид фон Мернер; Граф Рейсс — ротмистры.

Вахмистр.

Офицеры, капралы и кавалеристы, придворные, фрейлины, пажы, гайдуки, слуги, народ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Фербеллин[148]. Сад в старофранцузском вкусе. В глубине замок со спускающейся лестницей в балюстрадах.

Ночь.

Явление первое

Принц Гомбургский с непокрытой головой и расстегнутым воротом сидит в сонном оцепенении под деревом. Он плетет венок. Курфюрст, курфюрстина, принцесса Наталия, Граф фон Гогенцоллерн, ротмистр Гольц и другие, крадучись, выходят из замка и, прислонясь к перилам балюстрады, глядят сверху на принца. Пажи с факелами.

Гогенцоллерн

Принц Гомбург, наш кузен, с такой отвагой

Проследовавший шведа на рысях

И нынче лишь, с трехдневной скачки, в мыле

Примчавшийся на главную квартиру,

Не получил приказа ль: в Фербеллине

Но длить кормежки дольше трех часов,

Но тотчас выступать назад, на Гаккель,

И Врангелю стараться помешать

В попытке укрепиться с Рина[149]?

Курфюрст

Точно.

Гогенцоллерн

Отдавши эскадронным командирам

Инструкции к ночному выступлению

Из города, он, как борзая с гона,

Ложится на солому, чтоб пред делом,
Которое нам завтра предстоит,
Сомкнуть глаза и отдохнуть немного.

Курфюрст

Я слышал. Ну?

Гогенцоллерн

Но только десять бьет
И конница в готовности походной
Теснится у ворот, нельзя найти
Кого? — их командира, принца Гомбург.
Героя ищут, светят, жгут смолу,
И наконец находят — где? —

(берет из рук пажа факел)

гляди-ка.

На той скамье, куда он, как сноброд[150],
Побрел на свет и сел, и видишь — занят:
Плетет венок себе, и видишь — спит,
Без памяти; сам — вылитая память
Потомства; сам — посмертной славы тень.

Курфюрст

Как?

Гогенцоллерн

Убедись. Взгляни-ка вниз. Не видишь?

(Освещает его с балюстрады.)

Курфюрст

Он спит? Невероятно!

Гогенцоллерн

Как мертвец!

Покличь его, повалится без чувства.

Пауза.

Курфюрстина

Принц нездоров, ручаюсь жизнью.

Принцесса Наталия

Надо

Позвать врача.

Курфюрстина

Мне кажется, наш долг —

Помочь ему, а не терять мгновенья

На шутки. Бедный малый!

Гогенцоллерн

Он здоров,

Сударыня, он, видит бог, на зависть

Здоров, — и завтра утром в поле швед

При первой встрече убедится в этом.

А это все — не более как блажь.

Распушенность — и только.

Курфюрст

Это правда.

Я тех же мыслей. Можно ль верить снам?

За мной, друзья; рассмотрим принца ближе.

Спускаются по лестнице.

Придворный

(пажам)

Убрать огни.

Гогенцоллерн

Оставьте их, оставьте!

Теперь бы сад пожаром мог пылать, —

А он во сне об этом меньше б ведал.

Чем тот алмаз, что у него на пальце.

Они окружают его; пажи светят.

Курфюрст

(нагибаясь к нему)

Что за венок? Никак, из листьев ивы!

Гогенцоллерн

Из листьев ивы? Что ты! Это — лавр.

Он следует героям на портретах

В Берлинском оружейном зале.

Курфюрст

Где ж

Достал он лавр в песках моих коронных?

Гогенцоллерн

Одним богам известно.

Придворный

Может быть.

На том участке сада, где садовник

Выращивает редкости.

Курфюрст

Дивлюсь!

Всерьез дивлюсь. Да стоит ли стараться

Проникнуть в то, чем этот дух пленен?

Гогенцоллерн

Чем? Завтрашнею битвой, повелитель.

Бьюсь об заклад, — он видит звездочетов,

Плетущих для него венец из солнц.[151]

Принц осматривает венок.

Придворный

Готово дело.

Гогенцоллерн

Жалко, ах, как жалко,

Что зеркало не близко! Он бы стал,

Как женщина, пред ним венок, как чепчик,

Вертись то так, то этак, примерять.

Курфюрст

Посмотрим, до чего дойдет безумье.

(Берет у него из рук венок.)

Принц, оживившись, смотрит на него. Курфюрст обматывает венок цепью со своей шеи и передает его принцессе. Принц быстро встает.

Курфюрст отступает назад с принцессой, высоко приподымающей венок.

Принц Гомбургский

(протянув руки, следует за ними; шепотом)

Наталья! Девочка моя! Невеста!

Курфюрст

Живей! Идем!

Гогенцоллерн

Что он сказал?

Придворный

Слыхали?

Все вступают на лестницу.

Принц Гомбургский

Мой князь! Отец мой! Фридрих!

Гогенцоллерн.

Ад и дьявол!

Курфюрст

(отступая назад)

Открой скорей мне дверь!

Принц Гомбургский

О мать моя!

Гогенцоллерн

Безумец. Он...

Курфюрстина

Кого он звал?

Принц Гомбургский

(протягивая руки за венком)

Любовь,

Что ускользаешь ты? Наталья!

(Хватает принцессу за руку; ее перчатка остается у него в руке.)

Гогенцоллерн

Небо!

Что он схватил?

Придворный

Венок?

Наталия

Венок при мне.

Гогенцоллерн

(открывает дверь)

Сюда! Скорей, мой князь! Пускай вся сцена

Рассеется в душе его, как сон.

Курфюрст

(с порога)

Назад! Во прах, светлейший принц фон Гомбург!

Во прах, во прах! На поле битвы мы

Увидимся, коль то тебе угодно.

Таких вещей не достают во сне.

Все исчезают. Дверь с лязгом захлопывается перед принцем.

Пауза.

Явление второе

Принц Гомбургский с выражением крайнего удивления остается с минуту перед дверью; потом медленно, в раздумье, не выпуская перчатки из руки, спускается по лестнице;

достигнув низа, оборачивается назад и смотрит наверх, по направлению к двери.

Явление третье

Граф фон Гогенцоллерн входит через решетчатую дверь, находящуюся внизу. За ним следует паж. Принц Гомбургский.

Паж

(вполголоса)

Граф, слушайте! Сиятельнейший граф!

Гогенцоллерн

(досадливо)

Постой! Сверчок проклятый. Ну? В чем дело?

Паж

Вас курфюрст просит...

Гогенцоллерн

Слышишь, как трещит?

Не разбудил бы. Ну? И чем дело?

Паж

Курфюрст

Просил вас, граф, чтоб не проговорились

Ни даже словом принцу, как проснется,

Какую шутку курфюрст с ним сыграл.

Гогенцоллерн

(вполголоса)

И это все? Так выпись. Сами знаем.

Паж уходит.

Явление четвертое

Граф фон Гогенцоллерн и принц Гомбургский.

Гогенцоллерн

(ставши в некотором отдалении позади принца, все еще неотступно глядящего вверх, на лестницу)

Артур![152]

Принц падает.

Упал. Как пулей уложило.

(Приближается к нему.)

Послушаем, что выдумает он,

Чтоб объяснить, как здесь он очутился.

(Нагибается к нему.)

Эй, Артур! Что ты делаешь? Скажи,

Как ночью ты попал на это место?

Принц Гомбургский

Ах, милый!

Гогенцоллерн

Знато, нечего сказать!

Уж конница твоя давно в дороге,

На расстоянье марша, скажем, в час,

А ты в саду лежишь да почиваешь?

Принц Гомбургский

Какая, к черту, конница?

Гогенцоллерн

Мамлюки![153]

Ей-богу, кажется, он позабыл,

Что он начальник конницы коронной.

Принц Гомбургский

(встает)

Живей! Оружье! Каску!

Гогенцоллерн

Где найти их?

Принц Гомбургский

Направо, Гейнц. На лавке, Гейнц. На лавке.

Гогенцоллерн

На лавке?

Принц Гомбургский

Да. Как снял, там и лежат.

Гогенцоллерн

(смотрит на него)

Так сам и доставай их с этой лавки.

Принц Гомбургский

(заметив перчатку, зажатую в руке)

Что это за перчатка?

Гогенцоллерн

Знать не знаю.

(Про себя.)

Проклятье! Вот он, значит, что

Нечаянно сорвал с руки принцессы?

(Переменив тон.)

Живей. Идем. Не мешкай. Ну?

Принц Гомбургский

(отбросив перчатку)

Сейчас.

Мошенник Франц! Не разбудил, бездельник!

Гогенцоллерн

(наблюдая его)

Он в бешенстве.

Принц Гомбургский

Ей-богу, милый Генрих,

Не понимаю, где я нахожусь.

Гогенцоллерн

Ты — в Фербеллине, сумасброд, сновидец,

В саду, за замком, в боковом проходе.

Принц Гомбургский

Пусть поглотила б ночь меня!

Опять блуждал я, привлеченный лунным светом!

Прости! Теперь я понял все. Вчера
От духоты невмочь и постели стало.
Почти без сил я вышел в этот сад.
И оттого, что ночь с такою силой —
Ах, как тавризиянка[154] жениха —
Меня, благоухая, охватила,
Я сонный перед ней простерся ниц.
Который час?

Гогенцоллерн
Двенадцатый.

Принц Гомбургский
Так поздно?
А конница, ты говоришь, в пути?

Гогенцоллерн
Еще бы! С десяти часов, по плану.
Оранский полк,[155] наверно, в этот час
Уже на возвышеньях Гаккельвица
И занимает склоны, где с зарей
При стягиванье войска нас прикроет.

Принц Гомбургский
Я не тревожусь. С ними старый Коттвиц.
Он знает, как задуман этот ход.

К тому ж и так я вызван к двум часам
Опять сюда за боевым приказом.
Не лучше ль, что остался здесь? Пойдем.
Об этом курфюрст ничего не знает?

Гогенцоллерн

Куда ему! Давно уж на боку.

Принц Гомбургский

(сделав несколько шагов, останавливается и, возвратившись назад, поднимает перчатку)

Какой я странный сон видал! Внезапно,
Сверкая золотом и серебром,
Передо мной открылись двери замка,
И с мраморной террасы вниз ко мне —
Все сердцу дорогие люди: курфюрст,
Курфюрстина и эта, знаешь, третья, —
Ну как ее?..

Гогенцоллерн

Кто именно?

Принц Гомбургский

(в поисках)

Да та, —

Ее немой и то назвать сумеет.

Гогенцоллерн

Графиня Платен?

Принц Гомбургский

Нет, мой друг.

Гогенцоллерн

Рамин?

Принц Гомбургский

Да нет, мой друг.

Гогенцоллерн

Борк? Винтерфельд?

Принц Гомбургский

Да нет же!

Прошу тебя, оставим! За кольцом

Ты жемчуга не видишь.

Гогенцоллерн

Вот так штука!

Нельзя ли имя дамы угадать?

Принц Гомбургский

Оставим! Имя я забыл. Не в нем

Значенье сна. Припоминать нет нужды.

Гогенцоллерн

Так что же дальше?

Принц Гомбургский

Только не мешай.

Вот вижу я, как вылитый Юпитер,

Подходит князь, у самого ж в руке

Венок из лавра, и, чтоб совершенно

Зажечь меня, снимает с шеи цепь

И, обмотав венок, передает, —

Представь себе, мой друг...

Гогенцоллерн

Кому?

Принц Гомбургский

О друг мой!

Гогенцоллерн

Так говори ж!

Принц Гомбургский

Ты прав: графине Платен.

Гогенцоллерн

Как? Платен? Той, что в Пруссии сейчас?

Принц Гомбургский

(рассеянно)

А может быть, Рамин, когда не Платен.

Гогенцоллерн

Рамин? Рыжеволосой? А не врешь?

Не Платен с шаловливыми глазами,

Фиалковыми? Ты ведь, говорят,

Нравнодушен к ней.

Принц Гомбургский

(рассеянно)

Нравнодушен.

Гогенцоллерн

И нот она-то, стало быть, венок

И отдает тебе?

Принц Гомбургский

Как гений славы,

Она его приподымает вверх.

Ты представляешь, как я к ней рванулся!

Но как от ветра луговой туман,

Так от меня по лестнице все трое.

Тогда я вверх за ними, чтоб поймать

Кого-нибудь из них. Увы, напрасно!

Едва лишь я на лестницу, она

Растягивается в длину безмерно,

Неимоверно, — до самих небес!

Как молния, в конце, сквозь дверь портала

Их озаряет вырвавшийся свет

И поглощает, с громом хлопнув дверью.

Одну перчатку только впопыхах

Стянуть с руки виденья успеваю.

И что за притча! Пробудясь, смотрю:

Перчатка у меня в руке зажата.

Гогенцоллерн

Свидетельствую. Это, стало быть,

Ее перчатка?

Принц Гомбургский

Чья?

Гогенцоллерн

Графини Платен?

Принц Гомбургский

Наверно, Платен. Если не Рамин.

Гогенцоллерн

(смеется)

И плут же ты, с твоим виденьем вместе.

Поди дознайся, с кем ты проводил

Часы недолгой ночи, что на память

Перчатку подцепил.

Принц Гомбургский

Клянусь, ни с кем.

Гогенцоллерн

А мне-то что? Хотя б Рамин, хоть Платен.

Узнать не хитрость. По воскресным дням

Отходит почта в Пруссию. Пошли

Запрос письмом, не ищет ли перчатку

Твоя краса. Идем. Уж полночь бьет.

Чего стоим мы тут и балагурим?

Принц Гомбургский

(в мечтах, рассеянно)

Ты прав. Да, да. Пойдем-ка лучше спать.

Да что бишь я спросить хотел? Скажи-ка,

Все здесь еще ль курфюрстина с прелестной

Племянницей, принцессою Оранской,

На этих днях прибывшей в лагерь к нам?

Гогенцоллерн

Тебе-то что, чудак?

Принц Гомбургский

Да очень просто.

Я должен был им конных дать в эскорт

В препровожденье но военной зоне.

Мной наряжен для этого Рамин.

Гогенцоллерн

Уехали. А может — выезжают.

Рамин, готовый к выезду, стоял

Всю ночь, по меньшей мере, у подъезда.

Пойдем же наконец. Уже двенадцать,

А до начала дела я б хотел

Немножечко соснуть, покамест время.

Оба уходят .

Явление пятое

Там же. Зал в замке. В отдалении слышатся выстрелы. Входят курфюрстина и принцесса Наталия в сопровождении придворного и садятся в стороне; фрейлины. Затем Курфюрст и фельдмаршал Дерфлинг, принц Гомбургский с перчаткой за колетом, граф Трукс, полковник Геннингс, ротмистр фон дер Гольц и другие военные.

Курфюрст

Что значат эти залпы? Это Гец?

Фельдмаршал

Так точно, Гец, мой князь и повелитель,

Вчера поведший авангард вперед.

От них был вестовой. Тебя спешат

На этот счет заране успокоить.

Хотя уже до Гаккельских высот

У шведов тысячный отряд продвинут,

Тебе за горы отвечает Гец,

И поступай, как если б были наши.

Курфюрст

(офицерам)

План маршалу известен, господа.

Карандаши возьмите и пишите.

Офицеры собираются вокруг фельдмаршала на другой стороне зала и вынимают записные книжки.

(Обращается к придворному.)

Готов Рамин сопровождать карету?

Придворный

Сию секунду. Запрягают, князь.

Курфюрст

(садится на стул позади курфюрстины и принцессы)

Мою Элизу будут охранять

Рамин и тридцать расторопных конных.

Мой канцлер, Калькун, срочно предварен.

Вы едете к нему[156] за Гафель, в замок.

Он — но другую сторону реки,

И швед никак туда не сунет носа.

Курфюрстина

А что, успели починить паром?

Курфюрст

На Гафеле? Распоряженье было.

К тому ж, пока домчитесь, будет день.

Пауза.

Что так тиха сидит Наталья, детка?

Что с девочкою?

Наталия

Дядя, я боюсь.

Курфюрст

А здесь у нас за ней такой уход.

Что за нее и мать была б спокойна.

Курфюрстина

Когда, скажи, мы свидимся с тобой?

Курфюрст

Нельзя сказать. Но при большой удаче —

Я думаю, на недалеких днях.

Являются пажи и сервируют дамам завтрак. Фельдмаршал Дерфлинг диктует. Принц Гомбургский, с карандашом и записной книжкой в руках, смотрит, не отрываясь, на дам.

Фельдмаршал

Почтенные полковники, в основе

Их светлостью составленного плана

Такая цель: «Бегущие войска

Врага, для полного их расщепленья,

Отрезать от предмостных укреплений,

На Рине прикрывающих им тыл.

(Возвысив голос.)

Фон Геннингс!»

Полковник Геннингс

Здесь!

(Пишет.)

Фельдмаршал

(прежним голосом)

«Который, волей князя,

Командует сегодня правым флангом,

Старается с лоцины обойти

Врага на левом фланге и немедля

Развертывается у трех мостов...

(Останавливается.)

У трех мостов, где вместе с графом Труксом...»

(Возвысив голос.)

Граф Трукс!

Граф Трукс

Я здесь!

Фельдмаршал

«Где вместе с графом Труксом...

(Останавливается.)

Успевшим против Врангеля меж тем

Уставить батареи...»

Граф Трукс

(пишет)

«Батареи...»

Фельдмаршал

Вы написали?

(Продолжает.)

«Должен тот же час

Гнать вражеские части в глубь болот,

Лежащих у него за правым флангом».

Гайдук

(входит)

Сударыня, карета ждет у входа.

Дамы поднимаются.

Фельдмаршал

«Принц Гомбург...»

Курфюрст

(также подымается)

А Рамин готов?

Гайдук

Так точно.

На лошади давно уж ждет внизу.

Уезжающие прощаются с курфюрстом.

Граф Трукс

(пишет)

«лежащих у него за правым флангом».

Фельдмаршал

(тоном диктовки)

«Принц Гомбург...»

(Оторвавшись от диктовки.)

Где принц Гомбург?

Гогенцоллерн

(вполголоса)

Артур!

Принц Гомбургский

(вздрагнув от неожиданности)

Здесь

Гогенцоллерн

Ты в памяти?

Принц Гомбургский

Что маршал мне прикажет?

(Краснеет. Берет карандаш и книжку, пишет.)

Фельдмаршал

«...Которому светлейший князь опять

Вверяет честь, как в утро Ратенова[157],

Командованье конницей его...

(Останавливается.)

Полковнику Коттвицу не в обиду,

Которому с советом быть при нем...»

(Вполголоса, ротмистру Гольцу.)

Где Коттвиц? В замке?

Гольц

Нет, мой генерал.

Я послан им присутствовать на чтение

И за него записываю план.

Принц опять бросает взгляд в сторону дам.

Фельдмаршал

(продолжает)

«Становится, имея правый фланг

Противника все время пред собою,

У въезда в деревушку Гаккельвиц

Вдали от орудийного пристрела».

Гольц

(пишет)

«Вдали от орудийного пристрела».

Курфюрстина кутает принцессу платком. Принцесса, собираясь надеть перчатки, оглядывается, чего-то ища.

Курфюрст

(подходит к ней.)

В чем дело, деточка?

Ты что-то ищешь?

Наталия

Куда перчатка делась, не пойму.

Все втроем оглядываются

Курфюрст

((фрейлинам))

Красавицы! Позвольте утрудить вас.

Курфюрстина

(принцессе)

А что в руке ты держишь?

Наталия

Эта с правой.

А левой нет.

Курфюрст

Скорей всего осталась

В опочивальне.

Наталия

Дорогая Борк...

Курфюрст

(названной фрейлине)

Скорей, скорей! Спешите!

Наталия

(громко, вслед)

На камине!

Фрейлина уходит.

Принц Гомбургский

(про себя)

Творец небесный! Верно ли слышал?

(Вынимает перчатку из-под колета.)

Фельдмаршал

(смотрит в бумагу, которую держит в руке)

«Вдали от орудийного пристрела.

(Продолжает.)

Их светлость, принц...»

Принц Гомбургский

Она перчатку ищет!

(Смотрит попеременно то на перчатку, то на принцессу.)

Фельдмаршал

«По точной воле нашего главы...»

Гольц

(пишет)

«По точной воле нашего главы...»

Фельдмаршал

«Какой бы оборот ни принял бой,

Не тронется с предписанного места...»

Принц Гомбургский

Вот случай испытать — ее ль перчатка.

(Роняет вместе со своим носовым платком перчатку. Платок тотчас подымает, а перчатку оставляет лежать так, что каждый может ее видеть).

Фельдмаршал

(с изумлением)

Чем занята их светлость?

Гогенцоллерн

(вполголоса)

Артур!

Принц Гомбургский

Здесь!

Гогенцоллерн

Ты помешался?

Принц Гомбургский

Что прикажет маршал?

(Берет снова в руки карандаш и книжку.)

Фельдмаршал с минуту вопрошающе смотрит на него. Пауза.

Гольц

(дописав до конца)

«...Не тронется с предписанного места...»

Фельдмаршал

(продолжает)

«Пока, теснимый Геннингсом и Труксом...»

Принц Гомбургский

(ротмистру Гольцу, тайком, заглядывая в его запись)

Кто? Гольц милейший! Я?

Гольц Да. Вы. А кто же?

Принц Гомбургский

«Ни с места» — это мне?

Гольц

Ну да!

Фельдмаршал

Готово?

Принц Гомбургский

(громко)

«Не тронется с предписанного места...»

(Пишет.)

Фельдмаршал

«Пока, теснимый Геннингсом и Труксом...»

(Останавливается.)

Не врежется в свой правый фланг, сломясь,
Разбитый неприятель левым флангом
И кинется толпой бежать к болотам —
Что, собственно, и входит в наши планы, —
Где он и будет нами истреблен».

Курфюрст

Пажи, светите! Дамы, дайте руки!

(Собирается уходить с курфюрстиной и принцессой.)

Фельдмаршал

«Тогда он даст приказ играть фанфару».

Курфюрстина

(в ответ офицерам, чинно прощающимся с ней)

Прощайте, господа. Не отвлекайтесь.

Фельдмаршал также прощается с ней.

Курфюрст

(внезапно останавливается)

Глядите-ка! Принцессина перчатка!

(Придворному.)

Возьмите с полу!

Придворный

Где?

Курфюрст

Да на полу!

У ног кузена!

Принц Гомбургский

Как? Так это ваша?

Наталия

Благодарю, мой принц.

Принц Гомбургский

Так это — ваша?

Наталия

Моя. Как раз которой не хватало.

(Надевает ее.)

Курфюрстина

(принцу, удаляясь)

Прощайте, принц. Счастливо оставаться.

Всех благ. Удач. Здоровья. Постарайтесь,

Чтоб радостно и скоро нам свидаться.

Курфюрст с дамами уходят. Фрейлины, придворные и пажи — вслед за ними.

Принц Гомбургский

(с минуту стоит, как громом пораженный, потом радостно возвращается в кружок офицеров)

«Тогда он даст приказ играть фанфару».

(Делает вид, что пишет.)

Фельдмаршал

(смотрит в свою бумагу)

«Тогда он даст приказ играть фанфару.

Однако курфюрст, с тем чтоб тот удар

Нечаянно не выпал слишком рано...»

(Останавливается.)

Гольц

(пишет)

«Нечаянно не выпал слишком рано...»

Принц Гомбургский

(графу Гогенцоллерну, украдкой, в сильном волнении)

Ах, Генрих!

Гогенцоллерн

(в раздражении)

Что? В чем дело?

Принц Гомбургский

Ты не видел?

Гогенцоллерн

Нет. Не мешай. Проваливай к чертям!

Фельдмаршал

(продолжает)

«Еще пошлет ему, чтоб подтвердить

Приказ к атаке, офицера свиты,

До какой — запомните — поры

Команды б не давал играть фанфару».

Принц стоит, замечтавшись.

Записано?

Гольц

(пишет)

«Команды б не давал

Играть фанфару».

Фельдмаршал

(повысив голос)

Кончили, принц Гомбург?

Записано?

Принц Гомбургский

Мой маршал?

Фельдмаршал

Записали?

Я спрашиваю, кончили?

Принц Гомбургский

С фанфарой?

Гогенцоллерн

(вполголоса, раздраженно)

С фанфарой! Дуралей! Не прежде, чем...

Гольц

(с тем же выражением)

Чем курфюрст...

Принц Гомбургский

(прерывая их)

Разумеется! Не прежде...

Но вслед за тем велит играть фанфару.

(Пишет.)

Пауза.

Фельдмаршал

(Гольцу)

Я с Коттвицем, запомните, барон,

Хотел бы личной встречи и беседы,

Желательно бы до начала дела.

Гольц

(значительно)

Я понял и исполню. Положитесь.

Курфюрст

(возвращается)

Ну, генералы, с доброю зарей,

Вот и рассвет. Вы кончили диктовку?

Фельдмаршал

Исполнено, мой князь.

Твой план прочтен

И разделен по пунктам полководцам.

Курфюрст

(берясь за шляпу и перчатки)

Тебе, принц Гомбург, я рекомендую

Спокойствие. Недавно, согласись,

Ты прошутил мне сдуру две победы

У рейнских круч.[158] Умей владеть собой

И третьей нынче мне не упусти,

Она мне стоит трона и державы.

(Офицерам.)

За мной! Эй, Франц!

Стремянный

(входит)

Здесь!

Курфюрст

Жеребца! Проворней!

Еще до солнца в поле быть хочу.

(Уходит.)

Все, кроме принца Гомбургского, за ним следом.

Явление шестое

Принц Гомбургский.

Принц Гомбургский

(на авансцене)

Добро ж, чудовищная, — ты, чье покрывало,

Как парус, треплет ветер, кто кого?

На пушечном ядре катись навстречу![159]

Уж ты коснулось, счастье, на лету

Моих волос; из рога изобилья

Уже мне гроздь подброшена в залог.

Дитя богов, знай, нынче я ловлю

Тебя на поле битвы и низрину

К моим ногам, хотя б ты десять раз

Прикована была железной цепью

К победной колеснице Густав-Карла.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Поле битвы под Фербеллином.

Явление первое

Полковник Коттвиц, граф фон Гогенцоллерн, ротмистр фон дер Гольц и другие офицеры, командующие конницей.

Коттвиц

(за сценой)

Стой, конница, и спешься!

Гогенцоллерн и Гольц

(входят)

Стойте! Стой!

Коттвиц

Кто мне с коня поможет слезть?

Гогенцоллерн и Гольц

(за сцену)

Мгновенно!

Мы, старина!

(Уходят.)

Коттвиц

(за сценой)

Спасибо, братцы! Старость —

Не радость. Дай вам бог сынов — надёж,

Чтоб в дряхлости и вам опорой были.

(Входит.)

За ним — Гогенцоллерн, Гольц и другие.

На лошади я полон свежих сил,

А спешусь, начинаются раздоры

Меж непокорным телом и душой.

(Озирается кругом.)

А где светлейший принц, наш предводитель?

Гогенцоллерн

Сейчас вернется.

Котвиц

Где ж он?

Гогенцоллерн

Завернул

В село за косогором.

Котвиц

Ночью, слышно,

Под ним свалился конь на всем скаку?

Гогенцоллерн

Да, кажется.

Коттвиц

Что с принцем?

Гогенцоллерн

Вздор. Безделка.

Конь задурил у мельницы, но он

Откинул стремя в момент паденья

И соскользнул с седла. Все обошлось.

Коттвиц

(поднявшись на пригорок)

А ведь денек на славу! День, всевышним

Задуманный для лучшего чего,

Чем до смерти рубиться. Прелесть утро!

Так и взлетел бы с жаворонком ввысь,

В ликующую солнцем свежесть неба.

Гольц

Ты Дерффлинга нашел?

Коттвиц

(спустившись вниз)

Отыщешь, как же!

Уж не вообразил ли он, что я

Стрела, иль мысль, иль птица, чтоб носиться

По прихоти его из края в край?

Я был вверху, у Гаккельских позиций.

Был в арьергарде, в Гаккельских низах;

Единственный, кто мне не попадался,

Так это маршал. И, махнув рукой,

Я догонять моих драгун пустился.

Гольц

Он очень пожалеет. Он, как видно,

Сбирался что-то важное сказать.

Офицер

Вот и светлейший принц, наш полководец.

Явление второе

Принц Гомбургский с черной повязкой на левой руке.

Коттвиц

Добро пожаловать, светлейший принц!

Всмотрися, как, пока ты был в деревне,

Я конницу в логу расположил.

Я думаю, ты будешь мной доволен.

Принц Гомбургский

Здорово, Коттвиц! Добрый день, друзья!

Всегда доволен, что бы ты ни начал.

Гогенцоллерн

Что делал ты в деревне? Что с тобой?

Ты так задумчив.

Принц Гомбургский

Я из сельской церкви.

Был благовест, как мимо мы неслись,

Вот к алтарю меня и потянуло,

С молитвой общей стать среди прихожан.

Коттвиц

Хвалю за благочестье. Молодчина!

Что начато молитвою, то — впрок

И завершится славой и победой.

Принц Гомбургский

Чтоб не забыть: хотел спросить я, Генрих...

(Отводит Гогенцоллерна немного вперед.)

Напомни мне, что это был за пункт

Насчет меня у Дерфлинга в приказе?

Гогенцоллерн

Ты был рассеян, помнится.

Принц Гомбургский

Весьма.

Не понимаю, что со мной творилось.

Писанье под диктовку не по мне.

Гогенцоллерн

На этот раз твой пункт не столь запутан:

Граф Трукс и Геннингс первыми пойдут

С пехотою; твоя же вся задача

Держаться тут, в долине, начеку

И ждать, пока пришлют приказ к атаке.

Принц Гомбургский

(после минутного раздумья)

Вот странности случаются!

Гогенцоллерн

Какие?

(Смотрит на него.)

Раздается пушечный выстрел.

Котвиц

Ура, друзья! Садись на лошадей!

Сражение началось, и это — Геннингс.

Все поднимаются на холм.

Принц Гомбургский

Кто, ты сказал?

Гогенцоллерн

Полковник Геннингс, Артур.

Он Врангелю закрался в тыл. Пойдем.

Пойдем со мной! Оттуда все увидишь

Гольц

(с пригорка)

Как мощно развернулся он за Рином!

Принц Гомбургский

(смотрит, защищая глаза ладонью)

Да разве тот, на правом фланге, — Геннингс?

Первый офицер

Да, ваша светлость.

Принц Гомбургский

Полно, что за черт!

Ведь он вчера стоял на левом.

Орудийные выстрелы вдали.

Коттвиц

Дьявол!

Чума его! В двенадцать жарких жерл

Беднягу Геннингса молотит Врангель.

Первый офицер

А шанцы[160], рыть, так шведы мастера!

Вот это шанцы!

Второй офицер

Ишь нагородили!

До колокольни, что у них в тылу.

Выстрелы вблизи.

Гольц

А это Трукс!

Принц Гомбургский

Граф Трукс?

Коттвиц

Да, Трукс. Конечно.

Из центра в помощь Геннингсу пошел.

Принц Гомбургский

Как это нынче Трукс попал в середку?

Жестокая канонада.

Гольц

Святители! Никак, село зажгли?

Третий офицер

Горит, свидетель бог!

Первый офицер

Горит! Горит!

Огонь по колокольне зазмеился.

Гольц

И рыщут вестовые ж у него!

Ай, шведы!

Второй офицер

Переходят в наступленье!

Котвиц

Да где?

Первый офицер

На правом фланге.

Третий офицер

Верно. Частью.

Тремя полками. Видимо, хотят

Усилить левый.

Второй офицер

Помереть. Ей-богу!

И конница пошла на правый фланг.

Хотят прикрыть, пока не перестроят.

Гогенцоллерн

(смеясь)

Зато как живо с поля побегут,

Лишь только обнаружат нас в засаде.

Мушкетный огонь.

Коттвиц

Гляди! Глядите!

Второй офицер

Слышите?

Первый офицер

Мушкеты!

Третий офицер

Теперь сошлись у шанцев с грудью грудь.

Гольц

Такой пальбы трескучей в жизнь не слышал.

Гогенцоллерн

Пали! Пали! Глуши поля! Пусть лопнут!

Их трещины могилой будут вам.

Пауза.

Победные клики вдали.

Первый офицер

Господь ниспосылает нам победу!

Глядите, Врангель повернул.

Гогенцоллерн

Не ври.

Гольц

Да ей-же-ей! Редуты без орудий.

Он их убрал. Взгляни на левый фланг.

Все

Ура! Ура! Ура! Мы победили!

Принц Гомбургский

(сходит с холма)

За мною, Коттвиц.

Коттвиц

Тише, тише, брат.

Принц Гомбургский

За мной, сказал! Вели играть фанфару!

Коттвиц

Еще раз: тише.

Принц Гомбургский

(дико)

Небо, рай и ад!

Коттвиц

Светлейший князь вчера в распоряженье

Велел нам ждать особого приказа.

Прочти-ка принцу это место, Гольц.

Принц Гомбургский

Приказа, Коттвиц? Все ль так тихо едешь?

А сердцем не дан он еще тебе?

Коттвиц

Приказ?

Гогенцоллерн

Послушай!

Коттвиц

Сердцем, говоришь ты?

Гогенцоллерн

Послушай, Артур!

Гольц

Слушай, командир!

Коттвиц

(обиженно)

Недолжный тон берешь со мной, молодчик!

Кобылку, что несет тебя, в хвосте

Своей еще поволоку, случится.

Марш, господа! За мной! Трубач, фанфару!

Валяй сплеча. Семь бед — один ответ.

Гольц

(Коттвицу)

Нет, ни за что! Нет, никогда, полковник!

Второй офицер

Еще ведь Геннингс Рина не достиг.

Первый офицер

Отнять у принца шпагу.

Принц Гомбургский

Шпагу? Неуч!

(Отталкивает его.)

А десять заповедей Бранденбурга?[161]

Видал свою, с ножнами?

(Срывает с него шпагу с кушаком.)

Первый офицер

(шатаясь)

Принц, ей-богу,

Поступок...

Принц Гомбургский

(наступая на него)

Языка не прикусил?

Гогенцоллерн

(офицеру)

Молчи! Забылся, что ли?

Принц Гомбургский

(отдавая шпагу)

Ординарцы!

Отвесьте его под стражей в штаб-квартиру.

(Коттвицу и прочим офицерам.)

А сказ у нас теперь один: подлец,

Кто в битве оставляет командира.

Кто остается?

Коттвиц

Брось. Не горячись.

Гогенцоллерн

То было дружеское увещанье.

Коттвиц

Ответчик ты, не правда ли? Идем.

Принц Гомбургский

Идемте, братцы.

(Успокоившись.)

Что же, — и отвечу.

Уходят.

Явление третье

Комната в деревенском доме.

Входит придворный в сапогах со шпорами. Крестьянин с женой сидят у стола за работой.

Придворный

Бог помочь, люди добрые! Привет!

Гостям в дому угла не отведете?

Крестьянин

От всей души.

Жена

Нельзя ль узнать — кому?

Придворный

Курфюрстине. Лицу не из последних.

На выезде у нас сломалась ось,

Но, говорят, одержана победа,

И ехать дальше надобности нет.

Оба

(встают)

Мы победили? Боже!

Придворный

Как же, как же!

Противник уничтожен в пух и прах.

И ежели не навсегда, то на год

Наш край избавлен от его меча.

Вот и княгиня собственной персоной.

Явление четвертое

Те же. Входит курфюрстина, бледная, расстроенная. За ней — принцесса Наталия и несколько фрейлин.

Курфюрстина

(с порога)

Борк! Винтерфельд! Слабею. Поддержите.

Наталия

(спеша к ней)

Родная!

Фрейлины

Ах! Бледнеет! Упадет!

(Поддерживают ее.)

Курфюрстина

Присесть бы малость. Подведите к стулу.

Убит, сказал? Убит?

Наталия

Моя родная!

Курфюрстина

Сама хочу поговорить с гонцом.

Явление пятое

Те же. Входит ротмистр Мернер, раненый; его ведут два драгуна.

Курфюрстина

Ужасный вестник, что ты мне принес?

Мернер

То, что глазами собственными видел,

На горе им.

Курфюрстина

Рассказывай скорей.

Мернер

Нет курфюрста!

Наталия

Какой удар ужасный!

(Закрывает лицо руками.)

Курфюрстина

Дай мне отчет о том, как он скончался.

Так молния, что путника разит,

Ему пред смертью озаряет местность.

Ты скажешь все, ты все договоришь,

И надо мной навек сойдется сумрак.

Мернер

(поддерживаемый драгунами, делает к ней несколько шагов)

Едва, теснимый наступленьем Трукса,
Противник дрогнул, Гомбург полетел
На Врангеля. Две линии успел он
Прорвать и в бегство изрубить, как вдруг
Наткнулся на редут, укрытый в поле.
Здесь бил в лицо такой смертельный дождь,
Свинцовый ливень был здесь так убийствен,
Что конницу валило, как колосья.
Нам надо было стать в лесу привалом,
Чтоб поредельй корпус подобрать.

Наталия

(курфюрстине)

Родимая, мужайся!

Курфюрстина

Ах, родная!

Мернер

Вот в эту-то минуту, вдалеке,
С опушки и заметили мы князя.
Он ехал на коне между знамен
Пехоты Трукса, шедшей в наступленье.
Сиял на солнце белый конь. Ездок
Казался ярким светочем победы.

При виде князя посреди огня
В тревоге сбились мы на косогоре,
Но не успели и моргнуть, как вдруг
Наездник исчезает в клубе пыли,
И, курфюрста знаменами покрыв,
Срываются два знаменщика наземь.

Наталия
Родимая!

Первая фрейлина
О небо!

Курфюрстина
Дальше, дальше.

Мернер
При этом страшном зрелище тоска
Охватывает принца. С жадной мести,
Как яростью охваченный медведь,
Он с нами устремляется к реду.
С налета перескакиваем ров;
Перелетаем насыпь; выбиваем,
Преследуем и топчем гарнизон.
Овладеваем пушками, обозом,
Знаменами; и если б тет-де-пон[162]

Не помешал кровавой рукопашной,
Не выжил бы никто, чтоб утверждать:
Я видел смерть героя Фербеллина.

Курфюрстина

Какой утратой купленный успех!
Верните мне его живую цену.

(Падает в обморок.)

Первая фрейлина

О господи! Княгиня чувств лишилась.

Наталия плачет.

Явление шестое

Те же. Входит принц Гомбургский.

Принц Гомбургский

Бесценная Наталья!

Наталия

Это правда?

Принц Гомбургский

Когда б я мог сказать вам: нет! Когда б

Я мог его всей этой кровью вызвать

К существованью!

Наталия

(утирает слезы)

Тело отыскали?

Принц Гомбургский

Я мезтью Врангелю был поглощен,

Как мог заняться я другой заботой?

Но я послал искать на смертном поле.

Наверно, к ночи тело будет тут.

Наталия

Кто в этой свалке яростной теперь

Задержит натиск шведов? Кто укроет

От целой тьмы завистников? Увы.

Их создали его успех и слава.

Принц Гомбургский

(берет ее за руку)

Принцесса, это предоставьте мне.

Отныне я, как ангел у Эдема,

Вас охраняю пламенным мечом.

Покойный пожелал к исходу года
Увидеть край свободным. Я берусь
Исполнить свято это завещанье.

Наталия

Мой милый принц!

(Отнимает свою руку.)

Принц Гомбургский

Что думаете вы,

Наталия, о будущности вашей?

Наталия

Что думать мне в минуту потрясения,

Когда вся почва ходит подо мной?

Родителей гробницы в Амстердаме,

Наследный город Дортрехт мой сожжен.

В тисках испанского завоеванья

Мой бедный родич Мориц, принц Оранский,

Не знает, как спасти своих детей,

И вот теперь последней нет опоры

И я сегодня — дважды сирота.

Принц Гомбургский

(привлекая ее к себе)

Мой милый друг! Когда бы не печали
Был отдан этот час, я б вам сказал:
Вот грудь моя и руки — обопритесь.
Обвейтесь повиликою вокруг них.

Наталия

Мой милый, милый Гомбург!

Принц Гомбургский

Вы согласны?

Наталия

Всего ль себя дадите вы обвить?

(Прижимается к нему.)

Прочь! Что со мной?

Принц Гомбургский

Всего. Как можно крепче.

(Целует ее; она вырывается.)

О боже, будь тут тот, по ком мы плачем,

Чтоб видеть наш союз. О, если б мы

Могли сказать ему: благослови нас.

(Закрывает лицо руками.)

Наталия возвращается к курфюрстине.

Явление седьмое

Те же. Поспешно входит вахмистр.

Вахмистр

Мой принц, свидетель бог, едва решаюсь

Довести до вас, какой разнесся слух.

Ведь курфюрст жив!

Принц Гомбургский

Он жив?

Вахмистр

Клянусь! Граф Шпаррен

Привез сию минуту эту весть.

Наталия

Отец небесный! Слышала, родная?

(Опустившись перед курфюрстиной, обнимает ее.)

Принц Гомбургский

Не может быть. Кто весть привез?

Вахмистр

Граф Шпаррен,

Который только что его видал

В здоровье добром при пехоте Трукса

В деревне Гаккельвиц.

Принц Гомбургский

Беги за графом!

Вахмистр уходит.

Явление восьмое

Те же. Входит Граф Шпаррен и вахмистр.

Курфюрстина

О, только не толкайте дважды в пропасть!

Наталия

Нет, что ты, дорогая!

Курфюрстина

Фридрих жив?

Наталия

(поддерживает ее)

Да, да! Вы снова на вершине счастья!

Вахмистр

(входя)

Вот этот очевидец.

Принц Гомбургский

Шпаррен, вы

Видали князя утром в добром здравье

При армии в деревне Гаккельвиц?

Шпаррен

Да, в сельском пасторате, при отдаче

Приказа о предании земле

Убитых в их и нашем войске.

Фрейлины

(друг другу)

Боже!

Обнимемся!

Курфюрстина

(Наталии)

Питомица моя!

Наталия

Нет, эта радость слишком велика!

Принц Гомбургский

Но разве я воочию не видел,

Как он упал, подшибленный ядром,

И был с конем засыпан клубом пыли?

Шпаррен

И конь и всадник, оба, — это точно,

Да только павший всадник был не князь.

Принц Гомбургский

Не он? Не князь?

Наталия

О, радость!

Принц Гомбургский

Говори же!

Мне золота дороже речь твоя.

Шпаррен

Вот трогательнейшая из историй,

Какую кто когда-либо слышал.

Глухой ко всяким увещаньям, курфюрст

Сегодня был опять на том коне,

Что в Англии купил шталмейстер[163] Фробен.

Ввиду его слепящей белизны

Князь сразу стал мишенью шведских пушек.

Мы в свите следовали в ста шагах.

Кругом взрывались ядра и гранаты,

Бушуя смертоносною рекой,

И все живое пятилось на берег.

Лишь он, пловец бесстрашный, плыл и плыл

К холмам, откуда ядра извергались.

Принц Гомбургский

Святая правда. Жуть брала глядеть.

Шпаррен

Средь свиты Фробен первым был в ряду.

Вот он и говорит мне: «Будь он проклят,

Тот конь, что стоил столько золотых.

Я б отдал новых пятьдесят охотно,

Чтоб неказистой шкурой перекрыть».

Сказал, — и к князю с этими словами:

«Светлейший князь, твой конь шалит, — пуглив.

Отдай-ка мне опять его в науку».

И наземь прыг и лошадь под уздцы.

Смеясь, слезает князь и отвечает:

«Твою науку, старина, едва ль

Постигнет конь, покуда солнце светит.

А все ж поглубже в тыл его поставь,

Где враг его изъяна б не заметил».

И, сев на фробеновского гнедого,

Летит назад, где долг и дело ждут.

Но только бедный Фробен ногу в стремя,

Ядро сшибает всадника с конем

И, не подавши голоса, он гибнет.

Короткая пауза.

Принц Гомбургский

Он отомщен! Имей я десять жизней,

Я б с большей пользой их не мог отдать.

Наталия

Бесстрашный Фробен!

Курфюрстина

Беззаветно верный!

Наталия

Похуже кто, и то бы стоил слез.

Плачут.

Принц Гомбургский

Довольно! К делу! Где же курфюрст? Значит,
Он занял штаб-квартирой Гаккельвиц?

Шпаррен

Нет, виноват. Он выехал в Берлин
И вызвал генералитет туда же.

Принц Гомбургский

В Берлин? Да разве же поход окончен?

Шпаррен

Я удивлен. Ты ничего не знаешь?

Граф Горн, посланник шведский, прибыл в лагерь.

Мы заключили перемирие с ним.

Как понял я, ведут переговоры:

Легко возможно, скоро будет мир.

Курфюрстина

О боже, как кругом все прояснилось!

(Поднимается.)

Принц Гомбургский

Поедемте и мы сейчас в Берлин.

Уступишь ли ты место мне в карете?

Мне это бы ускорило отъезд.

Вот Коттвицу черкну лишь пару строчек,

И моментально еду.

(Садится и пишет,)

Курфюрстина

От души!

Принц Гомбургский

(складывает письмо и передает вахмистру; затем обращается к курфюрстине, привлеки к себе Наталию)

Мне все равно к тебе с секретной просьбой,

Вот душу по пути и отведу.

Наталия

(отстраняясь от него)

Ах, Борк! Где мой платок?

Курфюрстина

С секретной просьбой?

Первая фрейлина

Да он у вас, принцесса, на плечах.

Принц Гомбургский

Не догадалась?

Курфюрстина

Нет.

Принц Гомбургский

Не догадалась?

Курфюрстина

Сегодня никому не откажу,

Тебе же, победитель наш, всех меньше.

Сбирайся и путь.

Принц Гомбургский

Как мне тебя понять?

Позволишь ли, как мне б того хотелось?

Курфюрстина

Ступай, прошу. Поговорим в пути.

Ведите, фрейлины.

Принц Гомбургский

Итак, о Цезарь,

Я ставлю лестницу к твоей звезде![164]

(Уводит дам.)

Все следуют за ним.

Явление девятое

Берлин. Сад для гулянья перед старым замком. В глубине замковая церковь с лестницей. Колокольный звон; церковь ярко освещена; видно, как проносят тело Фробена и опускают на великолепный катафалк.

Входят курфюрст, фельдмаршал Дерфлинг, полковник Геннингс, граф Трукс и другие. Навстречу курфюрсту показывается несколько офицеров с депешами. Как в церкви, так и на площади много народу.

Курфюрст

Кто б ни был тот, кто конницу повел

В атаку прежде, чем полковник Геннингс

Разрушил неприятельский понтон,

И дал бежать им, он непослушаньем

Заслуживает смерти. Отдаю

Его под суд. Так это не был Гомбург?

Трукс

Нет, князь мой.

Курфюрст

Это надо доказать.

Трукс

Тебе драгуны это подтвердят.

От видевших я слышал до сраженья:

Под ним на всем скаку свалился конь,

И принца перевязывали в церкви.

Курфюрст

Не он, — другой. Блестящая победа.

За это бога возблагодарим.

Но, будь она и вдесятеро больше,

Успех бы не оправдывал того,

Кто мне ее снискал случайно. Много

В грядущем ждет еще меня боев,

И я хочу, чтоб слушались закона.

Кто б ни был тот, кто с ними наступал,

Я повторяю — он достоин казни,

И требую его в военный суд.

За мной, друзья мои; войдемте в церковь.

Явление десятое

Те же, принц Гомбургский с тремя шведскими знаменами в руках, полковник Коттвиц — с двумя: у графа Гогенцоллерна, ротмистра Гольца и графа Рейсса — по одному; другие кавалеристы с военными трофеями.

Фельдмаршал

(увидев принца)

Видали, Трукс? Принц Гомбург, где вы были?

Курфюрст

(в изумлении)

Откуда, принц?

Принц Гомбургский

(приблизившись)

К тебе из Фербеллина

Военную добычу эту сдать.

(Опускает перед ним свои знамена; то же делают все прочие.)

Курфюрст

(с возрастающим изумлением)

Ты ранен, говорят? Слыхал — серьезно?

Граф Трукс?

Принц Гомбургский

(весело)

Оставь!

Трукс

Клянусь, я поражен.

Принц Гомбургский

Игрений[165] мой споткнулся до сраженья.

А руку фельдшер мне перевязал.

Но это, разумеется, не рана.

Курфюрст

Так, значит, ты повел драгун в атаку?!

Принц Гомбургский

(смотрит на него)

Ну да! А ты нуждался в подтвержденье?

Нагнись-ка. Доказательства — в ногах.

Курфюрст

Взять шпагу у него, он арестован.

Фельдмаршал

(испуганно)

Принц Гомбург?

Курфюрст

(становится среди знамен)

Здравствуй, Коттвиц!

Трукс

(про себя)

Вот так фунт!

Коттвиц

Клянусь, я чрезвычайно...

Курфюрст

(глядит на него)

Как сказал ты?

Смотри, какой богатый урожай.

Вот знамя их лейб-гвардии. Не правда ль?

(Поднимает знамя, разворачивает его и рассматривает.)

Коттвиц

Мой курфюрст...

Фельдмаршал

Повелитель...

Курфюрст

Так и есть.

Времен Густава-Адольфа[166]. Вот надпись.

Коттвиц

Осмелюсь ли...

Фельдмаршал

(читает)

Per aspera ad astra.

Курфюрст

Но этого оно не соблюло

На Фербеллинском поле.

Коттвиц

(робко)

Я осмелюсь...

Курфюрст

Знамена уберите и развесьте

Пучками на церковных косяках.

Они нам завтра празднество украсят.

(Поворачивается к курьерам, берет у них депеши и, вскрыв, прочитывает.)

Коттвиц

(про себя)

Нет, видит бог, уж это чересчур!

(После некоторых колебаний подымает свои два знамени; его примеру следуют прочие; заметив, что три принцевых знамени остаются лежать, он подбирает также и их.)

Офицер

(подойдя к принцу)

Принц, вашу шпагу.

Гогенцоллерн

(подойдя со знаменем)

Хладнокровней, друг мой!

Принц Гомбургский

Сплю? Бодрствую? В своем ли я рассудке?

Гольц

Принц, мой совет — отдай без лишних слов.

Принц Гомбургский

Я арестант?..

Гогенцоллерн

Конечно.

Гольц

К сожаленью.

Принц Гомбургский

Нельзя ль узнать причину?

Гогенцоллерн

(значительно)

Не теперь!

Ты слишком рано ринулся в атаку.

А мы предупреждали: был приказ

До вызова не шевелиться с места.

Принц Гомбургский

На помощь! Я рехнулся...

Гольц

(перебивая его)

Тише, тише!

Принц Гомбургский

Скажите, разве мы побеждены?

Гогенцоллерн

(топает ногами)

Не в этом суть. Закон повиновения!

Принц Гомбургский

(с горечью)

Так, так.

Гогенцоллерн

(удаляясь)

Авось не голову снесут.

Гольц

(точно так же)

Быть может, завтра и освободят.

Курфюрст складывает письма и возвращается в круг офицеров.

Принц Гомбургский

(отстегнув шпагу)

Мой родич Фриц разыгрывает Брута[167]

И в мыслях видит, кажется, себя

Изображенным на курульном кресле,[168]

Со шведскими знаменами кругом,

Перед столом, загроможденным кипой

Военных уложений Бранденбурга?

Так что ж, пускай. Но должен я сказать,

Он сына не найдет во мне, который

Под топором его благословит.

Немецкая душа старинной складки,

Привык я к благородству и любви.

И если он, как римский мир, бездушен

И чопорен со мною в этот миг,

Мне князя жалко, к моему прискорбью.

(Отдает шпагу офицеру и уходит.)

Курфюрст

Доставьте принца в Фербеллин и там

Военный суд при штабе нарядите.

(Уходит в церковь.)

За ним несут знамена, и пока он со свитой молится у гроба Фробена, знамена развешивают на церковных колоннах.

Похоронная музыка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Фербеллин. Тюрьма.

Явление первое

Принц Гомбургский. В глубине два драгуна на карауле. Входит граф фон Гогенцоллерн.

Принц Гомбургский

Вот радость! Генрих, здравствуй, милый друг!

Меня освободили?

Гогенцоллерн

(изумленно)

Слава богу!

Принц Гомбургский

Что ты сказал?

Гогенцоллерн

Тебя освободили?

Тебе вернули шпагу?

Принц Гомбургский

Нет.

Гогенцоллерн

Нет?

Принц Гомбургский

Нет.

Гогенцоллерн

Откуда ж взял ты, что освободили?

Принц Гомбургский

Я думал, ты принес ее. Да пусть!

Гогенцоллерн

Не знаю ничего.

Принц Гомбургский

Да пусть! Ты слышишь?

Пускай его. Другому передаст,

И принесут.

(Сходивши за стульями.)

Садись. Скажи, что слышно?

Приехал курфюрст из Берлина?

Гогенцоллерн

(рассеянно)

Да.

Вчерашний вечер.

Принц Гомбургский

Праздновали в замке

Победу? Курфюрст с вами в церкви был?

Гогенцоллерн

Присутствовал. С супругой и Натальей.

Храм был в достойной мере освещен.

В суровую торжественность Те Деум

Врывались с воли залпы батарей.

Вдоль стен висели шведские знамена,

И по желанью курфюрстову — ты

Как победитель с кафедры был назван.

Принц Гомбургский

Слышал, слышал. Еще какие вести?

Мой друг, невесел что-то будто ты?

Гогенцоллерн

Ты с кем-нибудь видался?

Принц Гомбургский

С Гольцем, в замке,
Где только что происходил допрос.

Молчание.

Гогенцоллерн
(озабоченно)

Что думаешь ты о своей судьбе.
Которая так странно изменилась?

Принц Гомбургский

То самое, что ты и Гольц — и судьи.
Князь поступил, как заставляет долг.
Теперь черед за повеленьем сердца.
«Ты совершил проступок», — скажет он
И что-нибудь ввернет про смерть иль крепость.
«Но, скажет, я дарю тебе свободу», —
И чем-нибудь еще украсит меч,
Который добыл родине победу.
А если нет, так что ж — не заслужил.

Гогенцоллерн
Ах, Артур!

(Останавливается.)

Принц Гомбургский
Ну?

Гогенцоллерн

Ты в этом так уверен?

Принц Гомбургский

Я думаю! Он мною дорожит,

Как сыном, я ведь знаю: это с детства

Он мне тысячекратно доказал.

Какие у тебя еще сомненья?

Не радовался ль он, живей меня,

Развитию моей недавней славы?

Не через него ли стал я всем, что есть?

Так как же он теперь цветок растопчет,

Что сам растил, за то, что он не в срок

И слишком пышно распустился! Что ты!

Его врагу я в этом не поверю,

Тебе ж подавно: ты ведь друг его.

Гогенцоллерн

(многозначительно)

Ты только что с военного допроса

И полон веры, Артур?

Принц Гомбургский

Оттого,

Что я с допроса! Боже, так далеко

Нейдет никто, вперед не предрешив
Помиловать. Как раз-то пред барьером
Военного суда, как раз-то там,
Ко мне опять и возвратилась вера!
Ах, разве это было преступленьем,
Достойным смерти, разгромить врага
На две минуты раньше приказанья?
А что за грех еще лежит на мне?
Да мог ли он призвать меня к допросу
Судей без сердца, наподобье сов,
Поющих мне каноны о расстреле,
Когда б, как бог, он не предполагал
Вступить в их круг со словом избавленья?
О, нет, мой друг, он копит эту ночь,
Чтоб надо мной потом подняться солнцем,
И эту радость можно разрешить.

Гогенцоллерн

Я слышал, суд тебя приговорил...

Принц Гомбургский

Я знаю — к смерти.

Гогенцоллерн

(поражаясь)

Ты и это знаешь?

Принц Гомбургский

Решенье слышал Гольц и рассказал.

Гогенцоллерн

И эта вещь не трогает тебя?

Принц Гомбургский

Меня? Ни в малой мере.

Гогенцоллерн

Сумасшедший!

На чем беспечность зиждется твоя?

Принц Гомбургский

На чувствах к князю.

(Встает.)

Перестань! Довольно!

Зачем меня сомненьями терзать?

(Садится.)

Короткое молчание.

Суд мог признать вину достойной смерти.

На то и суд, чтоб уважать закон.
Но прежде чем он даст исполнить кару
И это сердце, верное ему,
Отдаст на казнь, платку на мановенье,
Он сам себе скорее вскроет грудь
И кровь свою разбрызжет в прах по капле.

Гогенцоллерн

Но, Артур, уверяю...

Принц Гомбургский

(в негодовании)

Полно!

Гогенцоллерн

Маршал...

Принц Гомбургский

Оставь, мой друг!

Гогенцоллерн

Два слова дай сказать.

А не дойдет, умолкну.

Принц Гомбургский

Знаю! Понял!

В чем дело?

Гогенцоллерн

Маршал только что, представь,

Был с приговором во дворце, и курфюрст,

Хотя б и мог помиловать, велел

Прислать ему твой приговор на подпись.

Принц Гомбургский

Мне все равно. Ты слышишь?

Гогенцоллерн

Все равно?

Принц Гомбургский

На подпись?

Гогенцоллерн

Да, клянусь тебе.

Принц Гомбургский

Решенье?

Не протокол?

Гогенцоллерн

Нет, осужденье на смерть.

Принц Гомбургский

Кто это все тебе сказал?

Гогенцоллерн

Сам маршал.

Принц Гомбургский

Когда?

Гогенцоллерн

Сейчас.

Принц Гомбургский

По выходе?

Гогенцоллерн

Ну да.

Когда назад по лестнице спускался.

Когда он увидел мое смущенье,
То он сказал, что завтра тоже день,
Не все пропало; но дрожали губы
Немым признанием: поздно, я боюсь!

Принц Гомбургский

(встает)

Чтоб он — да нет же! — мог таить в груди

Такие бессердечные решенья?

За мелкий брак, чуть видимый в очки,

Растаптывать дарителя алмаза?

Тогда белей бела Алжирский бей[169],

Сарданапал[170] безгрешней херувима!

Тогда невинны римские цари,[171]

Как на груди умершие младенцы!

Гогенцоллерн

Тебе придется в этом убедиться.

Принц Гомбургский

Вот все, что маршал мог тебе сказать?

Гогенцоллерн

А что ж еще?

Принц Гомбургский

Творец! Мои надежды!

Гогенцоллерн

Быть может, ты себе когда-нибудь

Позволил шаг — умышленно ли, нет ли, —

Задевший гордость князя?

Принц Гомбургский

Никогда.

Гогенцоллерн

Припомни.

Принц Гомбургский

Нет, свидетель бог, — ни разу.

Я чтил ревниво тень его главы.

Гогенцоллерн

Ах, Артур, не сердись, но я в сомненье.

У нас в гостях посланник шведский Горн.

Он с делом до принцессы.[172] К горю князя,

Расстраивает что-то сватовство:

Есть будто свой избранник у принцессы.

Скажи, ты не замешан в этот спор?

Принц Гомбургский

Творец! Что говоришь ты?

Гогенцоллерн

Ты — избранник?

Принц Гомбургский

Ну да, мой друг; теперь я понял все!

Посольство шведов роет мне могилу.

В ее отказе, знай, повинен я.

Она уже помолвлена со мною.

Гогенцоллерн

Глупец! Что ты наделал? Сколько раз

Я предостерегал тебя, бывало!

Принц Гомбургский

Спаси, подай мне помощь, я пропал!

Гогенцоллерн

Ну да, а как найти из горя выход?

Быть может, ты б к курфюрстине сходил?

Принц Гомбургский

Эй, стража!

Драгуны

(в глубине)

Здесь!

Принц Гомбургский

Начальство позовите.

(Торопливо снимает плащ со стены и надевает шляпу, лежащую на столе.)

Гогенцоллерн

Вперед вполне обдумай этот шаг.

Он может послужить тебе к спасенью.

Ведь если только этою ценой

Желает Карл мириться, курфюрст тотчас

Помирится за это и с тобой,

И через час ты будешь на свободе.

Явление второе

Те же. Входит офицер.

Принц Гомбургский

(офицеру)

Я у тебя под караулом, Штранц.

Дозволь по настоящему делу

Уйти на час из камеры.

Офицер

Мой принц,

Ты не под караулом. Предписание,

Полученное мной насчет тебя,

Велит пускать тебя, куда захочешь.

Принц Гомбургский

Диковинно! Так это не арест?

Офицер

А как же! Слово принца — те же узы.

Принц Гомбургский

(собираясь идти)

Ах, так? Идем. Прекрасно же. Прощай.

Гогенцоллерн

А узы принца мы с собой захватим.

Принц Гомбургский

Я только в замок, к тете, на момент,

И ворочусь немедленно обратно.

Уходят.

Явление третье

Комната курфюрстины.

Курфюрстина и Наталия.

Курфюрстина

Ступай, дитя. Пора. Посланник шведский

Граф Густав Горн уехал из дворца.

У дяди свет я вижу в кабинете.

Накинь платок и проберись к нему.

Ступай. Попробуй, не спасешь ли друга.

Собираются уходить.

Явление четвертое

Те же. Входит фрейлина.

Фрейлина

Сударыня, за дверью принц фон Гомбург.

Едва поверила своим глазам!

Курфюрстина

(пораженная)

Не может быть!

Наталия

Он сам?

Курфюрстина

Ведь он под стражей.

Фрейлина

Он на дворе, в плаще и шляпе, просит

Впустить на миг и выслушать его.

Курфюрстина

(с досадой)

Вот легкомыслие! Нарушить слово!

Наталия

Как знать, какое дело.

Курфюрстина

(по некотором размышлении)

Пусть войдет.

(Садится на стул.)

Явление пятое

Те же. Входит принц Гомбургский.

Принц Гомбургский

Ах, матушка!

(Бросается перед ней на колени.)

Курфюрстина

Как вы сюда попали?

Принц Гомбургский

Позволь твои колени мне обнять.

Курфюрстина

(подавляя волнение)

Вас под арест — а вы сюда без спросу?

Зачем к проступку новый прибавлять?

Принц Гомбургский

(настойчиво)

Ты знаешь, что со мной случилось?

Курфюрстина

Знаю,

Но чем могу я, бедная, помочь?

Принц Гомбургский

Ах, матушка, ты б так не говорила,

Когда б тебе грозила смерть, как мне.

Мне кажется: ты, весь твой двор, принцесса

Одарены всеильностью небес.

Ведь я на шею броситься готов

К последнему из слуг твоей конюшни

С одной мольбой: спаси меня, спаси!

Лишь я один в огромном божьем мире

Беспомощен, покинут и без сил.

Курфюрстина

Да ты ведь вне себя! Но что случилось?

Принц Гомбургский

Ах! По пути к тебе сейчас я видел:

При свете факелов открыли гроб,

Который завтра примет это тело.

Смотри: глаза, молящие тебя,

Они хотят одеть холодной ночью

И эту грудь свинцом изрешетить.
На площади, где совершится казнь,
Заранее расхватывают окна.
А тот, кто в будущность с вершины жизни
Еще вперяет взор, как в царство фей,
Назавтра будет заколочен в доски
И лишь надгробье скажет вам: он был.

Принцесса, стоявшая до сих пор в отдалении, прислонившись к плечу фрейлины, опускается при этих словах к столу и плачет.

Курфюрстина

Мой сын, раз воля неба такова,
То надо мужеством вооружиться.

Принц Гомбургский

Но божий мир, родная, так хорош!
Не приобщай меня до срока в мыслях
К семье страшилищ черных под землей!
Он должен наказать меня? Есть кары,
К чему же обязательно расстрел?
Он может отрешить меня от званья,
Понизить в чине, раз таков закон —
Разжаловать, уволить. Боже правый!
С тех пор как я увидел близко гроб,
Что ждет меня, я жить хочу, и только.
А с честью, нет ли — больше не вопрос.

Курфюрстина

Вставай, мой сын, вставай! Что говоришь ты?

Ты слишком потрясен. Приободрись!

Принц Гомбургский

Не подымусь, пока не обещаешь

В мою защиту князю в ноги пасть,

И умолять, и вымолить прощенье.

Гедвига Гомбургская, умирая,

Меня тебе с зарокотом отдала:

«Будь матерью ему, как я скончаюсь».

Ты поклялась беречь, как своего.

Теперь ты это докажи на деле,

Ворвись к нему, как истинная мать,

И голоси, покамест не смягчится,

И выйди с вестью: «Ты освобожден!»

Курфюрстина

(плачет)

Уже я это делала, родной мой,

Но все мои старанья ни к чему.

Принц Гомбургский

Я откажусь от всяких прав на счастье,

Руки Натальи, не забудь сказать,

Не домогаюсь больше, не желаю.

Во мне совсем угасла нежность к ней.

Она опять, как лань лесов, свободна.
Вольна с любим, как будто никогда
Меня и не бывало, обручиться.
А если это будет Густав-Карл,
Я первый похвалю ее за выбор.
Я ж уберусь хозяйствовать на Рейн,
Займусь распашкой, севом, стройкой, сносом,
До одури, без сроку, за троих.
Чуть кончив жатву, буду снова сеять
И погоню один по кругу жизнь,
Пока она зарей не порешится.

Курфюрстина

Ну, ладно! А теперь — назад, в тюрьму.
Иначе ничего не обещаю.

Принц Гомбургский

(поднявшись, принцессе)

Бедняжка, ты в слезах. С закатом дня
Сейчас совпал для нас закат надежды.
Ты первым чувством выбрала меня,
Как золото живое, неподдельно
Твое лицо без слов мне говорит,
Что никогда другому не отдашься.
Чем, бедному, утешить мне тебя?
Ступай на Майн, в девический капитул,
Найди сиротку-мальчика в горах,
Усынови безродного ребенка,

Чтоб мамой звал; когда же подрастет,
Наставь, как закрывать глаза умершим.
Иного счастья нет перед тобой!

Наталия

(поднявшись и взяв его за руку, мужественно и воодушевляюще)

Ступай, храбрец, назад в свою темницу
И, возвращаясь, присмотришь путем
К разверзшемуся гробу хладнокровней.
Не шире он и не темней того,
В который ты сто раз гляделся в битве.
Тем временем, навек тебе верна,
Я дяде за тебя замолвлю слово.
Кто знает, может, сердце и смягчу
И ото всех кручин тебя избавлю.

Пауза.

Принц Гомбургский

(сложив руки, засматривается на нее)

Будь пара крыльев у тебя, клянусь,
Я б ангелом почел тебя, принцесса.
Дослышал ли? Поддержкой будешь ты?
Где раньше был колчан твоих речей.
Что ты беседы с князем не робеешь?
О луч надежды, просиявший мне!

Наталия

Господь мне стрелы меткие подаст.

Но если князь не может и не властен

Менять закон, — что ж, доблестный, тогда

Ты с доблестью и року подчинишься.

И тот, кто столько в жизни побеждал,

Еще и в смерти победить сумеет!

Курфюрстина

Ступай! Не надо времени терять.

Принц Гомбургский

Так да хранит тебя святая сила!

Прощай! Прощай! Каков ни будь конец,

Не откажи в известье об исходе.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната курфюрста.

Явление первое

Курфюрст стоит с бумагами у заставленного свечами стола. Наталия входит через среднюю дверь и опускается в некотором отдалении от него на колени.

Пауза.

Наталия

(на коленях)

Светлейший дядя, Фридрих Бранденбургский!

Курфюрст

(отложив бумаги)

Наталья!

(Хочет поднять ее.)

Наталия

Полно!

Курфюрст

Что тебе, дитя?

Наталия

У праха ног твоих, как мне пристало,

О милости для Гомбурга прошу.

Я хлопочу не для себя за принца,

Хоть я люблю его и не таюсь.

Какую хочет, в жены пусть берет.

Мне надо лишь, чтоб Гомбург был на свете,

Чтоб сам существовал он, как цветок,

Который мне понравился, и только.

Яви такую милость, князь и друг!

Я знаю, ты мне в этом не откажешь.

Курфюрст

(подняв ее)

Дитя мое. Скажи, какие речи!

А знаешь ли, в чем Гомбург обвинен?

Наталия

О милый дядя!

Курфюрст

Или он безвинен?

Наталия

Ах, эту шалость с синими глазами,

Что надо было на руки поднять,

Не дожидаясь лепета: «Помилуй!»,

Не оттолкнешь же ты ее ногой!

Ужель не приласкаешь эту резвость,

В ней преданности детище узнав?

Не ради славы вящей ли твоей

Нарушил он закон в несчастной схватке?

Но, юношески преступив его,

Не растоптал ли он потом дракона?

Сперва венчать, а вслед за тем казнить?

Историей ли требуется это?

Ведь это было б так возвышенно, что я
Почла б бесчеловечным; а господь
Тебя сердечней никого не создал.

Курфюрст

Дитя мое! Да будь я и тиран,
Твоя бы речь мне сердце растопила.
Но вот, скажи-ка мне сама: могу ль
Я отменить судебное решение?
Что это б нам в дальнейшем принесло?

Наталия

Кому? Тебе?

Курфюрст

Мне? Нет. Сказала! Мне!
А высшего чего, чем я, не знаешь?
А со святыней не знакома ты,
Что в лагерях отечеством зовется?

Наталия

Отечество? Нашел о чем скорбеть!
Ах, так оно сейчас и распадется
От дуновенья милости твоей!
Ты в лагере учен. Порвать в клочки
Судебный акт считаешь непорядком.

А я порядок высший вижу в том.
Пусть властвуют военные законы,
Но и живые чувства пусть живут.
Отечество стоит твоей закладкой.
Мой дорогой, оно перенесет
Еще другие, не такие бури,
Как этот грех победы невзначай.
Оно на диво вширь распространится,
Украсится, окрепнет под рукой
Потомков, пышно, мощно, баснословно,
Друзьям на радость и на страх врагам.
Нуждается ль оно в таком цементе,
Как родственника кровь, чтоб пережить
Твою безбурно-золотую осень?

Курфюрст

Что, Гомбург тех же мыслей?

Наталия

Гомбург?

Курфюрст

Тоже

Тех мыслей, что для края все равно,

Царит ли в нем закон иль своеволие?

Наталия

Ах, это мальчик!

Курфюрст

Ну?

Наталия

Ах, милый дядя!

Другого нет ответа, кроме слез.

Курфюрст

(удивленно)

Но почему же, детка? Что случилось?

Наталия

Каких он мыслей? Вот каких: спастись.

Ружейные стволы так неотступно

Мерещатся ему, что от тоски

В нем все умолкло, кроме жажды жизни.

Теперь при нем могла бы провалиться

Вся Пруссия, при молниях и в громах,

А он и не спросил бы: что творится.

Ах, что за сердце, князь, ты надломил!

(Отворачивается и плачет.)

Курфюрст

(в крайнем изумлении)

Наталья, нет, действительно? Он молит

О милости?

Наталья

Ах, лучше б никогда

Его не осуждали!

Курфюрст

Как? Он молит

О милости? Да что ж произошло?

Ты говорила с ним? Зачем ты плачешь?

Скажи мне все. Ты говорила с ним?

Наталья

(прижавшись к нему)

Не дальше часу, в тетиних покоях,

Куда под кровом мрака он проник

Тайком, в плаще, надвинув низко шляпу,

Столь жалкий, столь растерянный на вид,

Что было стыд глядеть! Не ожидала,

Чтоб человек, имеющий войти

В историю героем, мог настолько

Позорно опуститься! Посмотри.

Я — женщина. Могу отпрянуть в страхе

От червяка, ползущего в траве;
Но до низин такого малодушья
Меня бы даже смерть от львиных лап
Не довела! Так вот как мало значат
Величие и слава человека!

Курфюрст

(в замешательстве)

Раз это так, то, всемогущий бог,
То можешь ликовать, то он — свободен.

Наталия

Светлейший князь, возможно ль?

Курфюрст

Он прощен.

Сейчас я напишу распоряженье.

Наталия

Родной мой! Это правда?

Курфюрст

Я сказал.

Наталия

Он не умрет? Он получил прощенье?

Курфюрст

Ручаюсь честью. Разве я пойду

Против сужденья воина такого?

Ты знаешь ведь, как я высоко чту

Его души устои; и коль скоро

Он признает неправым приговор,

Я отменю решение: он свободен.

(Подает ей стул.)

Присядь пока на несколько минут.

(Отходит к столу, садится и пишет.)

Пауза.

Наталия

(про себя)

Что, сердце, так стучишься ты в груди?

Курфюрст

(не отрываясь от писанья)

Принц все еще у тети?

Наталия

Нет, прости. Вернулся в караульню.

Курфюрст

(запечатывает написанное и подходит с письмом к принцессе)

Кто б поверил!

Бедняжка плакала, — и я-то, я,

Кому поручена над ней опека,

Слезами сам туманил ей глаза.

(Обнимает ее.)

Письмо отвезть ему не согласишься?

Наталия

Сама?

Курфюрст

(вручив ей письмо)

Ну да. А что же? — Гайдуки!

Входят гайдуки.

Велеть подать карету ей. Принцесса

Поедет к принцу Гомбургу.

Гайдуки уходят.

Курфюрст

Отдашь,

И пусть за все тебе спасибо скажет.

(Обнимает ее.)

Так мы опять по-прежнему — друзья?

Наталия

(после некоторой паузы)

Я не берусь судить, что родило

Твое благодеянье так внезапно.

Но знаю, ты не стал бы надо мной

В несчастье недостойно издеваться.

Чего б ни заключал в себе пакет,

Я верю во спасенье — и спасибо.

(Целует его руку.)

Курфюрст

Ну да, конечно, милое дитя.

Все сызнава — в руках и воле принца.

Явление второе

Комната принцессы.

Входит принцесса Наталия. За ней две фрейлины и ротмистр граф Рейсс.

Наталия

(торопливо)

В чем дело, граф? От моего полка?

Что, это важно, или можно завтра?

Граф Рейсс

(передавая пакет)

Сударыня, от Коттвица письмо.

Наталия

Давайте. Что в письме?

(Вскрывает его.)

Рейсс

Прошение князю

В защиту принца от всего полка,

Почтительное, но без ложной лести.

Наталия

(читает)

«Всеподданнейшее, полка принцессы

Наталии Оранской...»

Пауза.

Чьей руки

Ходатайство?

Рейсс

Нетвердость линий — признак,

Что Коттвиц составитель; а к тому ж

Средь подписей, его — одна из первых.

Наталия

А тридцать прочих?

Рейсс

Личный наш состав

В порядке нисхождения по чину.

Наталия

И эта просьба подается мне?

Рейсс

Да, ваша светлость, вам. Не откажите,

Как шеф, заполнить подписью пробел,

Оставленный для вас над остальными.

Пауза.

Наталия

Принц, говорят, помилован и так

По личному желанью князя. Вряд ли

Имеется нужда в таких шагах.

Рейсс

(радостно)

Как? Правда?

Наталия

Тем не мене я согласна

Открыть ваш ряд имен — своим. Ваш лист

К прощенью подает удобный повод,

Чему и князь, возможно, будет рад.

(Собирается оставить его, чтоб подписать бумагу.)

Рейсс

Премного нас обяжете, принцесса!

Пауза.

Наталия

(снова обращается к нему)

Граф Рейсс. Тут только

мой полк. Отчего

Здесь нет драгунов Гетца, кирасиров

Бомсдорфа; не представлен Ангальт-Плесс?

Рейсс

Не думайте, что их сердца слабее

Или недружно бьются за него.

К невыгоде прошения, старый Коттвиц

Стоит постоем в Арнштейне, вдали

От прочих: расстоянье помешало

Распространить листок по всем полкам.

Наталия

А он не маловесен в этом виде?

Уверены ли вы, что если нам

Пустить его кругом по офицерству

Вблизи расквартированных частей,

То все дадут согласие на подписку?

Рейсс

Здесь, в Фербеллине? Все наперечет.

Вся конница приложит руку. Верю,

С успехом можно было бы открыть

Подписку и по всем войскам короны.

Наталия

(после некоторой паузы)

Так отчего ж тогда по лагерям

Не разослать бы наших офицеров?

Рейсс

Полковник не согласен. Говорит,

Не надо делать ничего такого,

Что по-дурному могут окрестить.

Наталия

Вот странный человек! То смел, то робок.

По счастью, курфюрст — вспомнила сейчас —

Мне поручил за личным недосугом

Приказом вызвать Коттвица с полком,

За теснотой его постоя, в город.

Сейчас я вам его и напишу.

Рейсс

Сударыня, какое совпадение!

Благоприятней выдумать нельзя.

Наталия

Воспользуйтесь же им как можно лучше.

(Кончив, запечатывает и встает.)

Покуда что приказ у вас в портфеле.

Не раньше в Арнштейн выезжайте с ним,

Чем я вам это укажу особо.

(Передает ему бумагу.)

Гайдук

(входит)

Карета для принцессы, по приказу

Светлейшего, — готова.

Наталия

Хорошо.

К подъезду подавайте. Я спускаюсь.

Пауза, в течение которой Наталия в задумчивости подходит к столу и надевает перчатки.

Мне надо с вами, граф, поговорить.

Поедьте со мною к принцу Гомбург.

Я вас могу в карете подвезти.

Рейсс

Почту себя поистине польщенным!

(Предлагает ей руку.)

Наталия

(фрейлинам)

Пожалуйте, подружки.

(Графу Рейссу.)

Может быть,

Я там-то и решу, как быть с приказом.

Явление третье

Темница.

Принц Гомбургский вешает шляпу на стену и беспечно растягивается на постели, посланной на полу.

Принц Гомбургский

Жизнь дервиши считают переходом

Не столь уже далеким: с двух аршин

Вверх от полу на два аршина под пол.

Вот я и отдохну на полпути.

Чья голова покамест на плечах,

Дрожа, ее на грудь повесит завтра,

А послезавтра — скатится к ногам.

Там тоже солнце светит, говорят,

Поля же там еще пестрее здешних.

Да только жаль, что прогнивает глаз,

Что должен эти прелести увидеть.

Явление четвертое

Входит принцесса Наталия в сопровождении ротмистра графа Рейсса и фрейлины.

Впереди них скороход с факелом. Принц Гомбургский.

Скороход

(докладывает)

Светлейшая Оранская принцесса!

Принц Гомбургский

(вскочив с полу)

Наталия, так скоро!

Наталия

(с поклоном, Рейссу)

Граф фон Рейсс,

Оставьте нас наедине на время.

Граф Рейсс и скороход уходят.

Принц Гомбургский

Моя принцесса!

Наталия

Милый, добрый принц!

Принц Гомбургский

Ну, как мои дела? Какие вести?

Наталия

Блестящие. Я знала наперед.

Он вас помиловал. Вы — на свободе.

А в подтвержденье, — вот его письмо.

Принц Гомбургский

Нет, это невозможно! Сновиденье!

Наталия

Читайте, принц. Вас это убедит.

Принц Гомбургский

(читает)

«Принц Гомбургский, когда я вас велел

Арестовать за ваш удар не в пору,

Я полагал, что исполняю долг,

И думал, вы одобрите решенье.

Но если ваше мнение таково,

Что с вами обошлись несправедливо,
Уведомьте об этом в двух словах,
И я велю вернуть вам вашу шпагу».

Наталия бледнеет. Пауза. Принц вопрошающе смотрит на нее.

Наталия

(с выражением внезапной радости)

Ну вот! Теперь все дело в двух словах.

О милый друг!

(Жмет ему руку.)

Принц Гомбургский

Принцесса, дорогая!

Наталия

Блаженный миг, ты свыше послан мне!

Вот вам перо. Пишите.

Принц Гомбургский

Где же подпись?

Наталия

Да вот. Вот это «эф» — курфюрстов знак.

О Борк! О, радуйтесь же! Милость князя
Безбрежна, знала я, как океан!
Достаньте стул и тотчас отвечайте.

Принц Гомбургский

Он говорит: «но если ваше мнение...»

Наталия

(перебивает его)

Ну да! Я продиктую вам ответ.

Скорей! Садитесь!

(Ставит ему стул.)

Принц Гомбургский

Перечту вторично

И вдумуюсь.

Наталия

(вырывает письмо курфюрста из его рук)

К чему? Ах, разве вы

Разверстой пасти гроба у собора

Не видели? Минута дорога.

Садитесь и пишите!

Принц Гомбургский

(усмехаясь)

Что за спешка!

Послушать вас, так вправду, будто рысь,

Того гляди, смерть вцепится в загривок.

(Садится и берет перо.)

Наталия

(отворачивается и плачет)

Пишите! Я не в шутку рассержусь.

Принц звонит; входит слуга.

Принц Гомбургский

Бумаги мне, чернил, печать и воску.

Собрав требуемое, слуга уходит. Принц пишет. Пауза.

(Разорвав и бросив под стол написанное.)

Глупейшее начало.

(Берет другой лист.)

Наталия

(подобрав брошенное)

Боже мой!

Да это же прекрасно, превосходно!

Принц Гомбургский

Но отдает мерзавцем, а не принцем.

Придумаю получше оборот.

Пауза.

(Тянется за курфюрстовым письмом, которое у принцессы.)

Что, собственно, он пишет?

Наталия

(не дает письма)

Ничего.

Принц Гомбургский

Отдайте!

Наталия

Вы ж читали.

Принц Гомбургский

(вырывает письмо)

Ну так что же?

Я только посмотрю, как мне начать.

(Расправляет его и перечитывает.)

Наталия

(про себя)

О боже! Он теперь погиб.

Принц Гомбургский

(пораженный)

Гляди-ка!

Какая удивительная вещь!

Ты, верно, проглядела это место?

Наталия

Да нет. Какое?

Принц Гомбургский

Он зовет меня

Быть судьей во всем.

Наталия

Ну да.

Принц Гомбургский

Как честно!

Как благородно! В полном смысле так,
Как поступать должно большое сердце.

Наталия

Его великодушью нет границ.

Зато и ты в долгу не оставайся.

Ответь, как надо. Дай ему предлог,

Чтоб кончить словопренья.

Принц Гомбургский

(откладывает письмо)

Нет, подруга.

Отвечу завтра.

Наталия

Что тут размышлять?

Зачем тянуть? Нужда ли в оборотах?

Принц Гомбургский

(поднявшись со стула, с пылкостью)

Пожалуйста, не спрашивай меня.

Ты не сумела взвесить содержанья!

Писать ему, что он ко мне не прав,

Как он мне ставит здесь в письме условьем, —

Я не могу. А если настоишь,
Чтоб я ответил в этом состоянье,
Я тотчас же отвечу: «Князь, ты прав».

(Садится, скрестив руки, к столу.)

Наталия

(поблднев)

Что ты сказал? Нет, ты всерьез рехнулся!

(В волнении наклоняется к нему.)

Принц Гомбургский

(жмет ей руку)

Пусти на миг! Мне кажется...

(Задумывается.)

Наталия

Постой!

Принц Гомбургский

Мне кажется, я знаю, как ответить.

Наталия

(с болью)

Мой Гомбург!

Принц Гомбургский

(берет перо)

А? В чем дело?

Наталия

Дорогой!

Хвалю тебя за побужденья сердца.

Но, бог свидетель, полк предупрежден,

Чтоб завтра был готов во всем параде

К отданию последних почестей

Твоим останкам. Если ты не в силах

Оспорить приговор, как просит князь, —

То он ведь тоже выше предрассудков

И завтра величаво повелит

Привести его по форме в исполнение.

Принц Гомбургский

(за писанием)

Не все равно ли?

Наталия

Все равно?

Принц Гомбургский

Ну да.

Пусть делает как знает. С тем же правом

Я поступлю, как мне внушает долг.

Наталия

(с испугом подходит ближе)

Чудовище! Мне кажется, ты пишешь...

Принц Гомбургский

(дописывает, вслух)

«Принц Гомбургский, дано при Фербеллине,

Двенадцатого». Вот и кончил. Франц!

Входит слуга.

Наталия

О боже правый!

Принц Гомбургский

(встает)

Сбегай с этим в замок

И на руки сдай князю.

Слуга уходит.

Я привык

Платить за уваженье уваженьем.

Лежащая на мне вина — тяжка.

Я знаю сам. Ценою препирательств

Пощады не ищу. Нельзя без них,

Так вовсе не хочу об этом слышать.

Наталия

(целует его)

Дай обниму! Пускай хотя б двенадцать

Стрелков сейчас разделались с тобой,

А все ж, смеясь и плача, я б кричала:

«Ты нравишься мне! Ты мне по душе!»

Ну, а теперь последовавши сердцу,

И своего мне слушаться позволь.

Граф Рейсс!

Скороход отворяет дверь; входит граф.

Рейсс

Здесь!

Наталия

Тотчас, как уговорились,

Летите в Арнштейн к Коттвицу. Мой полк

Приказом курфюрста снимает лагерь.

Еще до ночи жду его сюда.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Зал в замке.

Явление первое

Курфюрст, полураздетый, выходит из бокового кабинета. За ним идут Граф Трукс, Граф Гогенцоллерн и ротмистр фон дер Гольц. Пажи со свечами.

Курфюрст

Как? Коттвиц здесь? С драгунами принцессы?

Трукс

Да, мои светлейший.

(Открывает окно.)

Высунься в окно.

Ты видишь, он их выстроил пред замком.

Курфюрст

А все же разрешите мне загадку:

Кто звал его?

Гогенцоллерн

Не можем, курфюрст, знать.

Курфюрст

Но пункт, который я ему назначил,

Зовется Арнштейн. Сбегайте за ним.

Гольц

Он должен все равно сейчас явиться.

Курфюрст

А где он?

Гольц

В здешней ратуше, слышал,

Где генералитетом Бранденбурга

Устроено собрание.

Курфюрст

Для чего?

С какою целью?

Гогенцоллерн

Этого не знаю.

Трукс

Позволишь ли, светлейший князь, и нам

Туда же ненадолго отлучиться?

Курфюрст

Вам? В ратушу?

Гогенцоллерн

В собрание дворян.

Мы дали слово быть там.

Курфюрст

(после непродолжительной паузы)

Вы свободны.

Гольц

Пойдемте же скорее, господа.

Офицеры уходят.

Явление второе

Курфюрст.

Курфюрст

Дела! Будь я Тунисский бей, я б поднял
При столь двусмысленном событье шум
И заготовил мыло и веревку,
А у ворот, за крепостным плетнем,
Расположил бы гаубицы и пушки.
Но так как этот дерзкий бунтовщик —
Ганс Коттвиц из-под Пригница, то вот что:
Я с ним по-бранденбургски поступлю.
За тот из трех вихров, что всех ершистей,
Его я тихо в Арнштейн отведу
И все его двенадцать эскадронов.
Что город даром подымать со сна?

(Подошедши снова на минуту к окну, переходит к столу и звонит.)

Входят двое слуг.

Спустись и, будто для себя, узнай,
Что в ратуше.

Первый слуга

Немедленно, светлейший.

(Уходит.)

Курфюрст

(другому)

А ты ступай и платье принеси.

Слуга уходит и возвращается с платьем. Курфюрст одевается и возлагает на себя знаки своего достоинства.

Явление третье

Те же. Входит фельдмаршал Дерффлинг.

Фельдмаршал

Восстание, мой курфюрст!

Курфюрст

(еще занятый одеванием)

Тише, тише!

Вот не люблю, будь ведомо тебе,

Когда ко мне заходят без доклада.

Ну, что тебе?

Фельдмаршал

Необычайный случай.

Полковник Коттвиц — в городе. Вступил

Без приказанья. Офицеров со сто

Собралось в зале рыцарей. Листок,

По смыслу слов, имеющий вмешаться

В права державы, ходит по рукам.

Курфюрст

Я знаю все. Движенье в пользу принца?

Фельдмаршал

Так точно, князь. Ты верно угадал.

Курфюрст

Ну и прекрасно. Я душою с ними.

Фельдмаршал

Передают, безумцы-де вручат

Тебе листок сейчас, а не смягчишься,

Они его — не смею произнести —

Освободят из заключенья силой.

Курфюрст

(мрачно)

Откуда это?

Фельдмаршал

Так передала

Родня жены, мадам фон Ретцов, дама,

Достойная доверья; говорит,

Была у дяди, он градоначальник,

И слышала, как офицеры вслух

При ней такую дерзость предлагали.

Курфюрст

В таких вещах не женщина указ.

Ботфорт с ноги к дверям тюрьмы поставлю,

И будь покоен, узник будет цел.

Фельдмаршал

Я заклинаю: сам помилуй принца,

Пока не сделан ненавистный шаг!

Солдаты любят своего героя.

Не допускай, чтоб искра родила

Пожар всепожирающий. Ни Коттвиц,

Никто из офицерского кружка

Не знает о моих увещеваньях.

Предупреди приход их! Возврати,

К тому ж и по заслугам, принцу шпагу.

Дай людям умилиться лишний раз.

Не заставляй злословить втихомолку.

Курфюрст

Вперед о том спросить я должен принца,

Которого судил не произвол,

А значит, и прощать не произволу.

Как соберутся, мы поговорим.

Фельдмаршал

(про себя)

Тьфу, пропасть! У него на все отводы!

Явление четвертое

Те же. Входят два гайдука; у одного из них в руках письмо.

Первый гайдук

Фон Котвиц, Геннингс и другие просят

Их выслушать.

Курфюрст

(другому гайдуку, взяв у него письмо)

От принца?

Второй гайдук

Да, мой князь.

Курфюрст

Кто дал?

Второй гайдук

Швейцару — принцев егерь.

Курфюрст

(становится к столу с письмом; прочитав его, зовет пажа)

Приттвиц,

Сходи за смертным приговором принцу

И паспортом для шведского посла.

Паж уходит.

(Первому гайдуку.)

Прием открыт для Коттвица и прочих.

Явление пятое

Те же. Входят полковник Коттвиц и Геннингс, граф Трукс, граф Гогенцоллерн, граф Шпаррен, граф Рейсс, ротмистр фон дер Гольц, Штранц и другие.

Коттвиц

(с прошением)

Великий князь, от всех частей армейских

Дозволь покорнейше тебе подать

Бумагу эту.

Курфюрст

Коттвиц, наперед

Ответь мне, кем ты вызван в этот город?

Коттвиц

(смотрит на него)

С драгунами?

Курфюрст

С полком драгун. Ведь я

Тебе назначил Арнштейн для поста.

Коттвиц

Твоим приказом.

Курфюрст

Вот как? Покажи.

Коттвиц

Вот он.

Курфюрст

(читает)

«...дано: Натальей, в Фербеллине,

Веленьем князя Фридриха...»

Котвиц

Светлейший!

Мне б не хотелось думать, что приказ

Тебе неведом.

Курфюрст

Нет. Но ты не понял:

Кто свез его тебе?

Котвиц

Граф Рейсс.

Курфюрст

(после минутной паузы)

Итак.

Я рад тебе. Отдать последний долг

Казнимому — я поручаю завтра

Тебе с полком.

Котвиц

(испуганно)

Как так, светлейший князь?

Курфюрст

(возвращая ему приказ)

Полк все еще без крова, перед замком?

Коттвиц

Без крова, князь?..

Курфюрст

Зачем не вводишь в город?

Коттвиц

Введен и размещен, как ты сказал.

Курфюрст

(с невольным движением в сторону окна)

Да ну? Момент назад... Вот это прыть!

Уж и конюшни раздобыл? Тем лучше.

Еще раз рад душою. Что привез?

Коттвиц

Вот эту просьбу преданного войска.

Курфюрст

Дай, посмотрю.

Коттвиц

Но то, чем нас ты встретил,

Повергло все мои надежды в прах.

Курфюрст

Так, может, что другое их подымет.

(Читает начало.)

«На имя высочайшее с мольбой

О командире принце Гессен-Гомбург...»

(Офицерам.)

Нет спору, имя славное. Вполне

Достойное таких больших усилий.

(Снова бросает взгляд на бумагу.)

Кто составлял прошение?

Коттвиц

Я.

Курфюрст

А принц

Слышал про содержание?

Коттвиц

Ни наслышкой!

Ни столечко! Оно сочинено

И писано в теснейшем нашем круге.

Курфюрст

Я попрошу у вас на миг терпенья.

(Подходит к столу и с начала до конца прочитывает бумагу.)

Продолжительная пауза.

Гм. Странно. Ты, седой вояка, взял

Поступок принца под защиту? Значит,

Он правильно, докажешь, поступил,

На Врангеля ударив без приказа?

Коттвиц

Да, скажет Коттвиц; да, светлейший князь!

Курфюрст

В сражении ты был другого мненья.

Коттвиц

Тогда я это плохо взвесил, князь!

Мне следовало подчиниться принцу,
Который знает толк в войне. В тот миг,
Как левым флангом зашатались шведы,
К ним справа подкрепление пошло.
Решись он ждать приказа, шведы снова
По склонам стали б прочною ногой,
И ты б никак не выиграл сраженья.

Курфюрст

Да ну? Ты так изволил рассудить?
Был Геннингс послан, как тебе известно,
В обход, разрушить шведский тет-де-пон,
Служивший сзади Врангелю прикрытием.
Когда бы вы не исказили плана,
То Геннингсов маневр бы удался.
Он в два часа зажег бы переправы,
А в третий стал на Ринском берегу,
И Врангель был бы наголову, с корнем
В канавах и болоте истреблен.

Коттвиц

Ах, князь, тупицам уступил бы дело
Расчетами срывать цветы судьбы.
Досель мы счастье на лету ловили.
Дракон, опустошавший этот край,
С пробитой головой уполз в берлогу.
На первый раз как будто ничего?
Ведь мы искусство бить его постигли

И жаждем в нем достигнуть мастерства.
Отдышится — еще раз с ним сойдемся,
И уж тогда ему несдобровать:
Барахтаясь, уйдет Балтийским морем.
Не в день ведь тоже был отстроен Рим.

Курфюрст

А в чем, глупец, залог такой надежды,
Коль будет вправе всяк, кому не лень,
К моим браздам державным прикасаться?
Ты полагаешь, счастье впредь возьмет
За правило венчать непослушанье?
Таких побед подметных не хочу.
Их производит случай. Я желаю,
Чтоб цвел закон и чтоб с короной в браке
Родил мне племя целое побед.

Коттвиц

Князь, тот закон, чье действие всех крепче
И глубже всех живет у нас в груди,
Отнюдь не буква твоего хотенья,
Но — родина, но — княжеская власть,
Но, наконец, ты сам, ее носитель.
Твоя ль забота, правильно ли враг
Иль против правил терпит поражение?
Поникли же его знамена в пыль?
То правило, что бьет его, всех лучше.
Неужто войско, льнущее к тебе

Так горячо, ты уподобишь сабле
И, мертвое, прицепишь к кушаку?
Беднейший дух, кто первый в этом мире
Блеснул таким ученьем! Велика ль
Цена столь близорукого правленья?
За то, что чувство оказалось раз
Негодным средством, забывать про десять
Таких других, когда оно одно
В сплетенье бед вносило избавленье!
В виду наград ли кровь свою я лью?
Для этого не слишком хороша ли?
Не стал бы лить! Не стал бы, если б мне
Самостоятельно, и без раздела,
И без зависимости от тебя
Не доставляло столько наслажденья
Величье дел твоих и этот рост
Твоей бессмертной, справедливой славы.
Допустим, за нечаянный успех
Ты осуждаешь принца; скажем, завтра
С драгунами и я, как пастушок,
В кусточках набредаю на победу.
Ведь если я тогда не повторю
Проделки принца, я — подлец несчастный!
И если ты с уставами в руках
Мне скажешь: «С головой прощайся, Коттвиц», —
Отвечу: «Курфюрст, это я учел,
Бери ее, бери. Когда присяга
Меня связала с кожей и костями
С короной, я не делал исключенья
Для головы; а что твое — твое».

Курфюрст

С тобой вовек, диковинный старик,
Не столкнуться мне. Наш спор неравен.
Я безоружен, ты вооружен
Сознанием моего расположения.
Я стряпчего возьму. Он поведет
Мою защиту в этом спорном деле.
Согласен ты?

(Звонит.)

Входит слуга.

(Слуге.)

Скажи, чтоб привели
Из заключенья Гомбургского принца.

Слуга уходит.

Вот кто тебя сумеет научить
Военной дисциплине! Я имею
Записку от него, и дух письма
Совсем иной, чем догмат о свободе,
Который ты, как мальчик, развивал.

(Становится снова к столу и читает.)

Коттвиц

(пораженный)

Кого зовет он?

Геннингс

Принца?

Трукс

Неужели?

Офицеры сходятся в беспокойстве и беседуют друг с другом.

Курфюрст

Кем писана вторая просьба?

Гогенцоллерн

Мной.

Курфюрст

(читает)

«Записка в объяснение того,

Кто косвенный виновник дела принца...»

Ну, знаешь, есть и дерзости предел!

Вину и повод к преступленью принца

Ты взваливаешь, значит, на меня?

Гогенцоллерн

Да, князь, да, на тебя, я, Гогенцоллерн!

Курфюрст

Пред этим басня всякая бледна!

Послушать одного, так он безвиновен,

Другого, так во всем виновен я.

Чем ты докажешь это положение?

Гогенцоллерн

Мой господин, ты, верно, вспомнишь ночь,

Когда в саду, в платановой аллее,

Нашли мы принца? Помнишь, Гомбург спал

И, вероятно, грезил о победе,

Сжимая лавр в руках. Ты взял венок

И, обмотавши цепью, дал принцессе.

Принц встал с понятным чувством. Мог ли он

Не пожелать такой прекрасной вещи

Из столь прекрасных рук? Однако ты,

Маня его и уводя принцессу,

Стал уходить. Теперь вообрази

Себя на месте принца. Все исчезло:

Ни девушки, ни цепи, ни венка;

И он один перед дворцовой дверью,

С перчаткой чьей-то женскою в руках.

Курфюрст

С какой перчаткой?

Гогенцоллерн

Курфюрст, дай мне кончить.

Все было только в шутку, но с каким

Значеньем для него — я после понял,

Когда его чуть позже разбудил.

Он долго приходил в себя, но вскоре

Вернувшаяся память обдала

Его дождем таких воспоминаний,

Что он мне тут же все пересказал

И, думая, что это сновиденье,

Был поражен правдоподобьем сна.

Так постепенно он проникся верой,

Что сон не зря, но знак того, что рок

Сулит ему в ближайший день сраженья

Все то, что он видал во сне: венок,

Красавицу и блеск твоей награды.

Курфюрст

Вот странно! А перчатка...

Гогенцоллерн

В ней и суть.

Остаток сна и явная загадка,

Она бы с толку сбила хоть кого.

Сперва, тараща на нее глаза,
Гадал он, как она к нему попала.
Когда ж мы поспешили на совет
К принятью диспозиции — засунул
Ее за свой колет и позабыл
Про то, чего не в силах был постигнуть.

Курфюрст

Ну? А затем?

Гогенцоллерн

Затем, с карандашом
И книжкою в руках, он вместе с нами
Выслушивает боевой приказ
Из уст фельдмаршала. Меж тем княгиня
С принцессою, готовые к пути,
Находятся при этом в том же зале.
Но кто опишет Гомбургов столбняк
В виду принцессы, ищущей перчатку,
Что у него за пазухой! Не раз
Фельдмаршал повторяет: «Принц фон Гомбург!»
А тот твердит: «Что скажет маршал мне?»
Он как во сне...

Курфюрст

(перебивая его)

Так это оказалась

Принцессина перчатка?

Гогенцоллерн

Ну конечно!

Курфюрст задумывается.

(Продолжет.)

Окаменев, с карандашом в руке,

Он будто и живет и дышит с виду;

Не тут-то было: принц заморожен!

Лишь на другое утро гул орудий

Приводит принца в чувство, и тогда

Он задает вопрос: скажи мне, Генрих,

Что мне в приказе Дерфлинг поручил?

Фельдмаршал

Князь, я готов под этим подписаться!

Принц, сознаюсь, не слышал ничего

Из сказанного мной. Я часто видел

Его в рассеянности. Но таким

Отсутствующим не видал ни разу.

Курфюрст

Итак, когда тебя я верно понял,

То умозаключение таково:

Когда б я не сыграл невинной шутки

Над дремлющим, то не бывать беде б.

Он не был бы рассеян на приказе

И своеволен не был бы в бою.

Не правда ли? Ты не такого мненья.

Гогенцоллерн

Предоставляю выводить тебе.

Курфюрст

Ну и дурак ты! Стало быть, когда бы

Ты сам меня в ту ночь не вызвал в сад,

Я б не поддался твоему соблазну

И шутки б над сновидцем не сыграл.

Итак, я с тем же правом утверждаю,

Всему виновник — ты. Не нахваляюсь

Дельфийской мудростью моих военных![173]

Гогенцоллерн

И тем доволен, курфюрст! Убежден,

Как ни сказал, а заронил глубоко.

Явление шестое

Те же. Входит офицер.

Офицер

Принц явится сейчас, светлейший князь.

Курфюрст

Впустить его.

Офицер

Минуты две терпенья.

Замедлясь у кладбищенских ворот,

Он попросил привратника открыть их.

Курфюрст

Ворота?

Офицер

Да, светлейший князь.

Курфюрст

Зачем?

Офицер

Сказать по правде, я и сам не знаю.

Но, кажется, чтоб посмотреть на склеп,

Который ты отвесть ему изволил.

Сошедшись в кружок, командиры беседуют.

Курфюрст

Отлично. Как придет, прошу впустить.

(Снова отходит к столу и просматривает бумаги.)

Трукс

А вот идет и Гомбург под конвоем.

Явление седьмое

Те же. Входит принц Гомбургский. Офицер со стражей.

Курфюрст

Милейший принц, я вас призвал на помощь.

Полковник Коттвиц подал мне сейчас

Вот этот лист — прошение в вашу пользу,

Подписанное сотнею дворян.

Войска желают видеть вас свободным

И не согласны с мнением суда.

Прочтите-ка и разберитесь сами.

(Передает ему лист.)

Принц Гомбургский

(бросив взгляд на бумагу, осматривается среди офицеров)

Дай руку, Коттвиц, престарелый друг!

Ты не в пример добрей, чем в день сраженья

Я заслужил. Однако воротись

Назад в свой Арнштейн и сиди на месте.

По зрелом размышленья я решил

Принять конец, что мне закон назначил.

(Отдает ему прошение.)

Коттвиц

(с горечью)

Нет, никогда! Принц, что ты говоришь?

Гогенцоллерн

Он примет смерть?

Трукс

Не должен и не может!

Он не умрет!

Несколько офицеров

(теснясь вперед)

Мой князь и господин!

Дозволь сказать! Послушай! Повелитель!

Принц Гомбургский

Спокойнее. Я так хочу. Мое

Решенье непреклонно. Я желаю

Увековечить смертью тот святой

Закон войны, который я нарушил

Перед лицом солдат. Друзья мои,

Что значит скромный выигрыш сраженья

Пред одоленьем страшного врага:

Пред торжеством над спесью и упрямством,

Которые я завтра поборю?

Да будет ниспровергнут чужеземец,

Несущий иго нам. Да процветет

Свободный и счастливый бранденбуржец

На собственной земле. Она — его.

И для него ее луга и нивы.

Коттвиц

(растроганный)

Мой сын! Мой друг! Как мне тебя назвать?

Трукс

О господи!

Коттвиц

Дай руку, поцелую!

Теснятся вокруг него.

Принц Гомбургский

А ты, мой князь, которого я встарь
Когда-то звал нежней, — дай опущусь
В последний раз к твоим ногам. Прости,
Когда тебе в то роковое утро
С незрелым рвением я служил. Прими,
Что этот промах завтра смерть отмоет.
Дай думать мне, что мы примирены.
И в знак того позволь мне в час прощанья
О милости одной тебя просить.

Курфюрст

Проси, что хочешь, молодой воитель.
Я предоставлю, что б ни пожелал.
Тому порукой честь моя и слово.

Принц Гомбургский

Рукой принцессы, князь, не покупай
У Густав-Карла мира. Пусть посредник,
Явившийся с позорным сватовством,
Покинет лагерь. Ты же напиши
Ответ свой Карлу ядрами цепными.

Курфюрст

(поцеловав его в лоб)

Быть по сему. Я этим поцелуем

Даю согласие. В том, что ты сказал,

Такой великой будущности проблеск,

Что нам ее не жертвой покупать.

Наталья — принца Гомбурга невеста,

Отвечу я, который кончил век,

За Фербеллинский штурм понесши кару.

Пусть сам ее у духа отобьет,

Когда среди знамен перед рядами

Он, мертвый, в бой свой корпус поведет.

(Целует его еще раз и подымает с пола.)

Принц Гомбургский

Ты подарил мне жизнь. Молю творца

О ниспосланье всякой благодати,

Которую на гениев он льет,

На голову твою. Иди, полмира

Оружьем повоюй, и покори,

И знай, что ты таких надежд достоин.

Курфюрст

Эй, караул! Отвесь его в темницу.

Явление восьмое

Те же. В дверях показываются Наталия и курфюрстина.
Фрейлины.

Наталия

Княгиня, что твердишь ты про пристойность?

Пристойно лишь быть рядом с ним теперь.

Мой дорогой, несчастный друг!

Принц Гомбургский

(решительно)

Ведите!

Трукс

(удерживая его)

Нет, ни за что!

Офицеры заступают ему дорогу.

Принц Гомбургский

Ведите, говорю!

Гогенцоллерн

Ты согласишься, курфюрст?

Принц Гомбургский

Изуверы!

Не на себе ж на площадь вас тащить!

Я с этим миром счеты свел. Слыхали?

(Уходит со стражей.)

Наталия

(падает курфюрстине на грудь)

Померкни, солнце! Расступись, земля!

Прими меня. Зачем мне жить на свете?

Явление девятое

Те же, без принца Гамбургского.

Фельдмаршал

Должно ли было до того дойти?

О господи!

Курфюрст секретно беседует по делу с одним офицером.

Коттвиц

(холодно)

За всем, что приключилось,

Откланяться дозволишь?

Курфюрст

Нет пока.

А как дозволю, сам о том узнаешь.

(Некоторое время пристально смотрит на него; затем берет бумаги, принесенные пажом, со стола и обращается к фельдмаршалу.)

Вот паспорт графу Горн. Сказать послу:

Я обещал исполнить волю принца

И по его желанью через день

Возобновляю ход военных действий.

Пауза.

(Бросает взгляд на смертный приговор.)

Ну вот, судите сами, господа!

Прошедший год принц Гомбург по упрямству

Лишил нас двух блистательных побед.

Теперь и третью также нам ослабил.

Пройдя с ним вместе школу этих дней,

Согласны ль вы на новую попытку?

Коттвиц и Трукс

(наперебой)

Как, обожаемый, бесценный?

Курфюрст

Вы согласны?

Согласны?

Коттвиц

Как же! Стой ты на краю

Погибели, он больше без команды

Теперь рукой не двинет для тебя.

Курфюрст

(рвет в клочки смертный приговор)

Тогда, друзья, я попрошу вас в сад.

Все уходят.

Явление десятое

Замок с лестницей, ведущей в сад, как в первой картине. Снова ночь. Ротмистр Штранц вводит через решетчатую калитку принца Гомбургского с завязанными глазами. Вдалеке слышны барабаны, выбивающие похоронный марш. Офицеры со стражей.

Принц Гомбургский

Теперь, бессмертье, ты в моих руках

И, сквозь повязку на глаза, сверкаешь

Снопом из многих тысяч жарких солнц.

На крыльях за обоими плечами,

За взмахом взмах, пространствами плыву.

И как из кругозора корабля
Под вздохом ветра исчезает гавань,
Так постепенно вдаль уходит жизнь.
Вот все еще я различаю краски,
Но вот их нет, и вот сплошной туман.

(Садится на скамью, кольцом охватывающую дуб, в середине площадки.)

Ротмистр Штранц отходит от него и устремляет взгляд на лестницу.
Как хорошо ночной фиалкой пахнет.
Ты здесь?

Штранц
(возвращаясь к нему)
Нет, тут гвоздика и левкой.

Принц Гомбургский
Левкой? Как он попал сюда?

Штранц
Не знаю.
Посажен, верно, сторожа семьей.
Сорвать тебе гвоздику?

Принц Гомбургский

Да. Спасибо.

Поставлю дома в воду, как вернусь.

Явление одиннадцатое

Курфюрст с лавровым венком, обвитым золотой цепью. Курфюрстина, принцесса Наталия, фельдмаршал Дерфлинг, полковник Котвиц, Гогенцоллерн, Гольц и другие, фрейлины, офицеры и прочие. Факелы показываются на лестнице замка. Гогенцоллерн, подошедши к перилам, платком подзывает ротмистра Штранца, который, оставив принца Гомбургского, договаривается в глубине сцены со стражею.

Принц Гомбургский

Мой друг, что за внезапное сиянье?

Штранц

(возвращаясь к нему)

Изволь-ка, принц, подняться.

Принц Гомбургский

Что такое?

Штранц

Бояться нет причины. Развяжу

Тебе глаза, и только.

Принц Гомбургский

Разве пробил

Последний час моих страданий?

Штранц

Да.

Хвала и честь тебе, ты их достоин.

Курфюрст передает венок принцессе, берет ее под руку и сводит по лестнице вниз. Все общество следует за ними. Принцесса, окруженная факелами, подходит к принцу; он встает, пораженный; принцесса возлагает на него венок и надевает цепь. Принц падает без чувств.

Наталия

Его убила радость. Боже мой!

Гогенцоллерн

(подняв его)

На помощь!

Курфюрст

Разбудите канонадой.

Холостые пушечные выстрелы. Марш. Замок освещается.

Коттвиц

Да здравствует принц Гомбург!

Офицеры

Слава! Слава!

Все

Да здравствует наш фербеллинский вождь!

Внезапное и мгновенное молчание.

Принц Гомбургский

Что это — сон?

Коттвиц

Конечно, сон! А что же?

Разные офицеры

В сраженье!

Трукс

В бой!

Фельдмаршал

К победе!

Все

В поле! В бой!

Занавес

МИХАЭЛЬ КОЛЬХААС

Из старой хроники

Перевод с немецкого Н. Ман.

На берегах Хавеля жил в середине шестнадцатого столетия[174] лошадиный барышник по имени Михаэль Кольхаас, сын школьного учителя, один из самых справедливых, но и самых страшных людей того времени. Необыкновенный этот человек до тридцатого года своей жизни по праву слыл образцом достойного гражданина. Близ деревни, и поныне носящей его имя,[175] у него была мыза, и, живя на ней, он кормился своим промыслом. Детей, которых ему подарила жена, он растил в страхе Божьем для трудолюбивой и честной жизни. Среди соседей не было ни одного, кто бы не испытал на себе его благодетельной справедливости. Короче, люди благословляли бы его память, если б он не перегнул палку в одной из своих добродетелей, ибо чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу.

Однажды с табунком молодых, лоснящихся, отлично выкормленных коней он отправился к границе Саксонского курфюршества[176]. Прикидывая, сколько барыша они принесут ему на ярмарках, он решил часть его, как то и подобает рачительному хозяину, пустить в оборот, часть же истратить себе на потеху и радость. В таких размышлениях он достиг Саксонской земли и неподалеку от горделивого рыцарского замка наткнулся на шлагбаум, которого прежде на этой дороге не видывал. Он остановил своих коней, как раз когда начался дождь, и кликнул сторожа: тот вскоре показался в окне и бросил на него угрюмый взгляд. Барышник попросил открыть шлагбаум.

— Что это у вас за новость? — спросил он, когда сборщик дорожных пошлин, изрядно помешкав, вышел наконец из дому.

— Привилегия, дарованная курфюрстом нашему господину, юнкеру[177] Венцелю фон Тронка, — отвечал он.

— Так, — проговорил Кольхаас, — значит, Венцелем звать этого юнкера? — и посмотрел на замок, чьи дозорные башни, блестящие от дождя, уставились вдаль. — А разве старого хозяина нет больше в живых?

— Помер от удара, — сказал сторож, подымая шлагбаум.

— Жаль! Жаль! — отозвался Кольхаас. — Почтенный был старик, радовался проезжему люду и чем мог поощрял торговлю и промыслы; он даже велел вымостить камнем дорогу в

деревню, потому что моя кобыла на ней сломала ногу. Ну, ладно, сколько с меня? — спросил он, с трудом доставая из-под развевающегося на ветру плаща монеты, затребованные сборщиком. — Да, старина, — добавил он, когда тот, кляня непогоду, пробормотал еще: «Живей, живей поворачивайся», — кабы дерево, срубленное для шлагбаума, осталось в лесу, нам бы с вами куда лучше было.

С этими словами он протянул ему деньги и тронул своего коня. Не успел Кольхаас проехать под шлагбаумом, как с башни донесся еще чей-то голос.

— Стой, стой, конепас, ни с места!

Захлопнув окно, вниз уже торопливо спускался кастелян[178].

«А это еще что за новости?» — сам себя спросил Кольхаас и снова остановил табун. На ходу застегивая жилетку на обширном животе, кастелян прибежал и, став боком к ветру, потребовал у Кольхааса пропускное свидетельство.

— Пропускное свидетельство? — переспросил Кольхаас и не без смущения добавил, что, насколько ему известно, у него такового не имеется. Но если ему объяснят, что это за штука, то, может, случайно и окажется, что она у него в кармане. Кастелян, искоса на него поглядывая, отвечал, что без этого свидетельства ни один барышник со своими конями не будет пропущен через границу; на что Кольхаас отвечал, что он семнадцать раз переезжал через границу безо всякого свидетельства и что ему до точности известны все постановления касательно его промысла: здесь, мол, произошла ошибка, и он покорнейше просит не задерживать его из-за такой безделицы, поскольку путь ему еще сегодня предстоит не близкий. Кастелян отвечал, что в восемнадцатый раз у него ничего не получится, что постановление это совсем недавнее и что барышник должен либо представить пропускное свидетельство, либо возвращаться восвояси. Кольхаас, которого начинало сердить это незаконное вымогательство, немного подумал, слез с коня, передал поводья своему конюху и заявил, что сам поговорит с юнкером фон Тронка. Кастелян семенил за ним, бормоча что-то о сквалыжных обиралах-барышниках и о том, как им полезно хорошее кровопускание. Наконец оба, мерая друг друга сердитыми взглядами, вошли в зал.

Как на грех, юнкер бражничал там с дружками, и, когда Кольхаас приблизился к столу, чтобы принести свою жалобу, все они покатывались со смеху от какой-то соленой шутки. Юнкер спросил, что ему надобно, рыцари, завидев чужого, приумолкли, но не успел Кольхаас рассказать о случившемся, как вся честная компания с криком: «Кони? Где они?» — ринулась к окну поглядеть, что за кони стоят на дворе. Увидев прекрасный табун, они, с согласия хозяина дома, стремглав сбежали вниз. Дождь перестал; кастелян, управитель замка и слуги столпились вокруг рыцарей и тоже глазели на лошадей. Один не мог налюбоваться рыже-чалым жеребцом с белой звездочкой на лбу, другому приглянулась караковая кобылка, третий все гладил и гладил пегого жеребца в черно-рыжих подпалинах. Все в один голос твердили, что лучших коней еще не выдывали на немецкой земле, кони-де что твои олени! Кольхаас бойко отвечал, что кони не лучше рыцарей, которым предстоит скакать на них, и предложил купить у него этих коней. Юнкер, которому уж очень пришелся по душе могучий чалый жеребец, спросил о цене. Управитель посоветовал ему лучше купить парочку вороных — в хозяйстве, мол, пригодятся. Но когда конноторговец назвал цену, рыцари сочли ее слишком высокой, а юнкер так даже посоветовал ему скакать к Круглому Столу и предложить коней королю Артуру[179], ежели он за них столько ломит. Смутное предчувствие овладело Кольхаасом, когда он заметил, что кастелян и управитель перешептываются, бросая красноречивые взгляды на вороных, и ему захотелось во что бы то ни стало сбыть им коней. Он оборотился к юнкеру:

— Сударь, полгода назад я купил этих вороных за двадцать пять золотых гульденов; заплатите мне тридцать, и они ваши.

Двое рыцарей, стоявших подле хозяина замка, недвусмысленно дали ему понять, что кони стоят этих денег. Но тот, видно, решил — если уж тратиться, то на чалого жеребца, а не на вороных, и собрался воротиться в замок. Кольхаас сказал: ну, что ж, может, им удастся столкнуться в следующий раз, когда он будет проезжать со своими конями, поклонился юнкеру и уже взялся за поводья. Но тут из толпы выступил кастелян и напомнил Кольхаасу, что без пропускного свидетельства ему ехать нельзя. Кольхаас обернулся и спросил хозяина, неужто же и вправду существует установление, которое ставит под угрозу его промысел? Юнкер со смущенным видом отвечал:

— Да, Кольхаас, без свидетельства не обойдешься. Поговори с кастеляном и ступай своей дорогой.

Кольхаас его заверил, что не собирается пренебрегать установлениями, касающимися вывоза лошадей, пообещал проездом через Дрезден[180] выправить себе свидетельство в канцелярии и попросил лишь на этот раз, поскольку такой порядок был ему неизвестен, пропустить его.

— Ладно, не задерживайте беднягу, — сказал юнкер, а так как непогода пуще разгулялась и ветер до костей пронизывал его тщедушное тело, то он добавил, обращаясь к рыцарям: — Пошли! — и направился было в замок. Кастелян приблизился к нему и сказал, что надо, по крайней мере, взять с барышника залог, а то он не станет выправлять себе свидетельство. Юнкер снова остановился, уже у самых ворот. Кольхаас спросил, во сколько, деньгами или вещами, он оценивает залог за вороных. Управитель пробурчал себе в бороду, что лучше будет, если в залог он оставит самих вороных.

— И уж конечно, всего разумнее, — поддержал его кастелян, — а как выправит свидетельство, может их забирать в любое время.

Кольхаас, пораженный столь бесстыдным требованием, сказал продрогшему юнкеру, который силился плотнее запахнуть свой камзол, что ему ведь надо этих коней продать. Но юнкер, тем паче что порыв ветра вдруг закрутил в подворотне вихрь дождя и града, желая положить конец препирательствам, крикнул:

— Не хочет оставлять коней, так гоните его за шлагбаум!

Барышник, смекнув, что тут ничего не поделаешь, счел за благо уступить этому требованию и отвел вороных в конюшню, указанную кастеляном. Он оставил при них конюха, дал ему денег, велел получше ходить за конями до его возвращения и с остатками табуна отправился на ярмарку в Лейпциг, теряясь в догадках, неужто и в самом деле такой приказ издан в Саксонском курфюршестве для поощрения собственного коневодства.

Прибыв в Дрезден, где у него в предместье имелся дом с конюшнями, ибо отсюда ему было удобно вести торговлю на мелких ярмарках, он тотчас же отправился в канцелярию и от знакомых советников получил подтверждение того, о чем ему сразу же сказало сердце: вся история с пропускным свидетельством не более как злостное измышление. Кольхаас, которому рассерженные советники по его ходатайству все-таки выдали письменное удостоверение касательно бессмысленности упомянутого требования, усмехнулся шутке худосочного юнкера, хотя и не понимал, к чему она клонится. Несколько недель спустя, к вящему своему удовольствию выгодно распродав весь табун, Кольхаас вернулся в Тронкенбург, огорчаясь случившимся лишь в той мере, в какой каждого огорчает людская кривда. Кастелян, которому он показал удостоверение, не стал более на эту тему распространяться и на вопрос конноторговца, можно ли ему наконец получить своих коней, велел ему идти в конюшню и забрать их. Но Кольхаас, еще идя туда, услышал пренеприятную весть, а именно, что конюха, которого он оставил в Тронкенбурге, через несколько дней после его отъезда, так ему было сказано, избили за непристойное поведение

и согнали со двора. Он спросил паренька, сообщившего ему об этом, что натворил его конюх и кто же вместо него ходил за лошадьми. Тот отвечал, что ничего не знает, и с этими словами открыл перед Кольхаасом, у которого уже тревожно билось сердце, ворота конюшни. И как же он был потрясен, увидев вместо своих гладких, лоснящихся коней тощих, изможденных одров: торчащие кости, на которые хоть вещи вешай, свалявшиеся, нерасчесанные гривы, — картина истинного бедствия в мире животных! Кольхаас, которого злополучные кони приветствовали чуть слышным ржанием, вне себя от негодования спросил паренька, что же это такое с его воронами. Никакой беды с ними не стряслось, отвечал тот, и корму им задавали вдоволь, но во время жатвы не хватило тяглого скота, и коням пришлось немного поработать в поле. Кольхаас, кляня на чем свет стоит постыдный произвол, но понимая свою беспомощность, подавил в себе ярость и уж совсем было собрался увести коней из этого разбойничьего гнезда, когда подошел кастелян, привлеченный громкими голосами, и поинтересовался, что здесь происходит.

— Что происходит? — переспросил Кольхаас. — Кто дал право юнкеру Тронка и его людям использовать оставленных мною коней на полевых работах? — И присовокупил: — Да разве это по-людски?

Засим он попытался взбодрить измученных коней ударом хлыста, но они по-прежнему стояли без движения, на что он и обратил внимание кастеляна. Кастелян пристально на него посмотрел и сказал:

— Вот нахал так нахал! Этому мужлану надо бы Бога благодарить за то, что его кони еще не околели. — И спросил Кольхааса, как он полагает, кто должен был ходить за конями, если его конюх сбежал? И разве не справедливо, что лошади отработывали корм, который получали? — А вообще, — заключил кастелян, — ври, да не завирайся, а не то свистну собак, они уж наведут здесь порядок.

У барышника сердце готово было выпрыгнуть из груди. Руки чесались швырнуть в грязь разжиревшего холопа и ногою придавить его медную рожу. Но чувство справедливости, ему присущее и точное, как аптекарские весы, все еще колебалось. Перед судом своего сердца не мог он утвердительно сказать, что вся вина ложится на его противника. Не дав поносным речам сорваться со своих уст, он подошел к лошадям, про себя взвешивая все обстоятельства, стал приводить в порядок их гривы и, наконец, вполголоса спросил, за какую провинность был его конюх удален из замка.

— За то, что этот негодяй свой характер выказывал! За то, что не хотел ставить лошадей в другую конюшню и требовал, чтобы кони двух молодых рыцарей, приехавших в Тронкенбург, — из-за его-то одров — ночевали под открытым небом.

Кольхаас с радостью отдал бы деньги, которые мог выручить за вороных, лишь бы здесь на месте оказался его конюх и он мог бы сравнить его показания с показаниями толстомордого кастеляна. Он продолжал гладить коней, раздумывая, что можно предпринять в его положении, когда декорация внезапно переменялась: двор заполнила толпа рыцарей, слуг и псарей с собаками — это воротился с охоты на зайцев юнкер Венцель фон Тронка. Юнкер спросил кастеляна, что здесь происходит, и тот, под неистовый лай собак, почуявших чужого, под окрики рыцарей, пытавшихся их успокоить, преднамеренно искажая истину, стал говорить хозяину, что-де этот барышник поднял настоящий бунт, узнав, что его кони малость поработали в поле. Он даже отказывается признать коней своими, добавил кастелян с язвительным хохотом.

— Это не мои кони, сударь! — вскричал Кольхаас. — Не те, что стоили тридцать золотых гульденов! Мне нужны мои упитанные, здоровые лошади, вот и все!

Внезапно побледневший юнкер спешился и крикнул:

— Если эта сволочь не желает брать своих лошадей, так пусть они остаются. Идем, Гюнтер, Ганс, идем! — крикнул он, отряхая пыль со своих штанов. — Вина, да поживее! — обернулся юнкер уже в дверях и вошел в дом, сопровождаемый рыцарями.

Кольхаас твердым голосом заявил, что скорее сведет коней на живодерню, чем в таком виде поставит их в свою конюшню в Кольхаасенбрюкке. Он оставил их на замковом дворе, вскочил на каракового жеребца, крикнул, что сумеет постоять за свои права, и был таков.

Во весь опор скача к Дрездену, он вдруг вспомнил о своем конюхе и о взведенном на него обвинении, затрусил мелкой рысцей и, не проехав и тысячи шагов, свернул в Кольхаасенбрюкке, дабы учинить предварительный допрос конюху, что представлялось ему разумным и справедливым. Ибо правдолюбивое его сердце, изведавшее все несовершенство миропорядка, несмотря на обиды, которые ему пришлось претерпеть, склонялось к тому, чтобы утрату коней принять как справедливое воздаяние, если его конюх и вправду в чем-нибудь провинился, как то утверждал кастелян. В то же время другое, но столь же верное чувство, все прочнее в нем укоренявшееся по мере того, как он продвигался вперед, и всюду, куда бы ни заезжал, слышал разговоры о несправедливостях, что ни день чинимых проезжим людям в Тронкенбурге, говорило ему, что если все происшедшее — а на то было похоже — нарочно подстроено, то он, человек недюжинной силы, обязан добиться удовлетворения за обиду, ему нанесенную, и впредь оградить своих сограждан от подобной участи.

По прибытии в Кольхаасенбрюкке, едва обняв преданную свою жену Лисбет и расцеловав детей, радостно кинувшихся к нему, он тотчас же спросил, что слышно о Херзе, старшем конюхе.

— Ах, милый Михаэль, — отвечала Лисбет, — если бы ты знал, сколько хлопот нам наделал этот Херзе! Представь себе, что недели две назад он явился домой весь избитый, избитый до того, что едва дышал. Мы уложили его в постель, и он вдруг начал харкать кровью, а когда ему чуть-чуть полегчало и мы принялись его расспрашивать, рассказал нам историю, в которой и понять-то толком ничего нельзя было: как ты оставил его при лошадях, которых задержали в Тронкенбурге, как его разными издевательствами принудили уйти из замка и как ему не удалось увести с собой коней.

— Вот оно что, — проговорил Кольхаас, снимая плащ, — а он уже поправился или нет?

— Да, только все еще харкает кровью, — отвечала она. — Я хотела немедленно послать в Тронкенбург другого конюха, чтобы он ходил за лошадьми до твоего приезда. Но ведь Херзе никогда не лгал и предан нам больше, чем другие; потому мне и в голову не пришло сомневаться в его рассказе, подтвержденном столькими живыми подробностями; ни минуты я не думала, что у него украли лошадей или что с ними еще что-то стряслось. Он молил меня никого не посылать в это разбойничье гнездо и пожертвовать лошадьми, если я не хочу загубить из-за них человека.

— Он еще лежит в постели или уже встал? — спросил Кольхаас, разматывая шейный платок.

— Вот уже несколько дней, как он на ногах. Словом, ты сам убедишься, что он сказал правду и вся эта история только одно из позорных бесчинств, которые с недавних пор творят в Тронкенбурге над проезжими.

— Ну, в этом я еще сам должен разобраться, — отвечал Кольхаас, — поди, Лисбет, позови его ко мне, если он не в постели.

С этими словами он уселся в кресло, а хозяйка дома, обрадованная его спокойствием, поспешила за конюхом.

— Что ты там набедокурил в Тронкенбурге? — спросил Кольхаас, когда Лисбет вместе с

Херзе вошла в комнату. — Я не очень-то доволен тобой.

Конюх, чье бледное лицо при этих словах пошло красными пятнами, немного помолчал и ответил:

— Ваша правда, хозяин, серный шнур, который я Божьим соизволением держал при себе, чтобы поджечь разбойничье гнездо, я бросил в Эльбу, когда услышал, что в замке плачет ребенок; пусть испепелит эти стены Господень огонь, а я этого делать не стану, подумалось мне.

Кольхаас, немного смешавшись, продолжал:

— А чем ты, спрашивается, заработал изгнание из Тронкенбурга?

Херзе на это:

— Дурным поступком, хозяин, — и вытер пот со лба. — Но что было, то было, сделанного не воротишь. Я не хотел, чтобы они заморили вороных на полевых работах, и сказал, что кони еще молоды и никогда в упряжи не ходили.

Силясь подавить свое замешательство, Кольхаас сказал конюху, что тот, выходит, немного прилгал: ведь лошадей изредка запрягали еще прошлой весной.

— Тебе бы следовало, — добавил он, — поскольку ты оказался вроде как гостем в замке, быть немного неуслужливее и разок-другой помочь им, раз уж надо было спешить с уборкой урожая.

— Я так и сделал, — отозвался Херзе. — Вижу, они на меня волками смотрят, я и подумал, что коням ничего не сделается, запряг их на третий день и привез три воза зерна.

Кольхаас, у которого сердце обливалось кровью, опустил глаза долу и пробормотал:

— Об этом мне ничего не сказали, Херзе! Херзе заверил его, что все так и было:

— Моя строптивость только в том и заключалась, что в полдень, не успели лошади поесть и передохнуть, я отказался снова запрягать их, да еще в том, что, когда кастелян и управитель предложили мне бесплатно брать корм в ихней конюшне, а деньги, что вы мне оставили на овес, положить себе в карман, я отвечал: «Еще что выдумали», повернулся и ушел.

— Но ведь не за это же тебя выгнали из Тронкенбурга?

— Упаси бог! — воскликнул конюх. — За другое ужасное преступление. Дело в том, что вечером коней двух рыцарей, приехавших в Тронкенбург, завели в конюшню, а моих стали привязывать снаружи. Я взял поводья из рук кастеляна и спросил, куда же им теперь деваться, а он указал мне на дощатый свиной хлев, притулившийся у стены.

— Ты хочешь сказать, — перебил его Кольхаас, — что это было настолько плохое помещение, что походило скорее на свиной хлев, чем на конюшню?

— Это и был взаправдашний свиной хлев, хозяин, — отвечал Херзе, — свиньи сновали там взад и вперед, а я так даже распрявиться в нем не мог.

— Может быть, больше негде было поставить лошадей и рыцарским коням, само собой, было отдано предпочтение?

— Конюшня там была малопоместительная, — тихим голосом отвечал Херзе, — а в замке гостевало уже семеро рыцарей. Будь вы на их месте, вы бы приказали поставить лошадей

немного потеснее. Я сказал, что поищу в деревне, не сдаст ли мне кто-нибудь конюшню; но кастелян заявил, что лошади должны оставаться под его присмотром и чтоб я и думать не смел уводить их со двора.

— Гм, — произнес Кольхаас, — и что же ты ему на это ответил?

— Управитель сказал, что оба гостя только переночуют в замке, потому я и отвел лошадей в свиной хлев. Но прошел день, другой, а гости и не собирались уезжать; на третий же день выяснилось, что они чуть ли не месяц проживут в замке.

— Выходит, Херзе, что свиной хлев был уж не так плох, как тебе показалось, когда ты первый раз туда сунулся, — заметил Кольхаас.

— Ваша правда, — отвечал тот. — Я там немножко подмел и дал денег скотнице, чтобы она еще где-нибудь пристроила свиней. А назавтра, едва забрезжило утро, я снял доски со стропил, чтобы лошади могли стоять во весь рост, вечером же опять положил их на место. Кони наши, словно гуси, вытягивали шеи поверх крыши да поглядывали в сторону Кольхаасенбрюкке или еще куда, где бы им было получше.

— Ну ладно, — перебил его Кольхаас, — но скажи на милость, почему тебя все-таки выгнали оттуда?

— Потому, хозяин, что хотели от меня отделаться. При мне-то лошадей уморить они бы не сумели. Во дворе, в людской, как увидят меня — рожи корчат, а я и говорю себе: гримасничайте на здоровье, покуда челюсти не свихнули; вот они и удумали придраться к какой-то ерунде да и выгнать меня.

— Ну а повод? — воскликнул Кольхаас. — Был же у них какой-нибудь повод?

— Разумеется, — отвечал Херзе, — и притом самый что ни на есть правильный. Вечером, после двух дней в свином хлеве, лошади мучились почесухой, и я решил искупать их в реке. Не успел я подъехать к замковым воротам, как вижу — из людской выскакивает кастелян, за ним управитель со слугами, собаками и батогами, все гонятся за мной, крича: «Держи вора! Хватай висельника!» Привратник преграждает мне дорогу. Я спрашиваю его и всю шайку, что на меня насккивает, в чем дело. «В чем дело?» — повторяет кастелян и берет моих вороных под уздцы, потом хватает меня за шиворот и кричит: «Куда это ты собрался с конями?» — «Куда собрался? — говорю я. — На речку, черт вас подери, коней купать. Вам, может, примерещилось, что я?..» — «На речку? — заорал кастелян. — Я тебе покажу, мошенник, как плавают в Кольхаасенбрюкке по пыльной дороге!» — и заодно с управителем, который что есть силы дернул меня за ногу, они сбрасывают меня с лошади так, что я во всю длину растянулся в грязи. «Караул, убивают! — кричу я. — В конюшне у меня осталась сбруя, попоны и узелок с бельем!» Управитель уводит коней, а кастелян со слугами бьют меня чем ни попадя, пинают ногами и выбрасывают за ворота. Я упал, полумертвый, но все-таки поднялся и крикнул: «Разбойники! Негодяи! Куда вы ведете моих коней?» — «Вон отсюда, — орет мне в ответ кастелян. — Ату его, Кайзер, ату его, Егерь, ату, Шпиц!» И на меня набрасывается добрая дюжина псов. Я вырвал из забора то ли доску, то ли планку и как размахнусь! У троих псов сразу дух вон. Но раны не позволяют мне сражаться дальше. Вдруг свисток — собаки миглом вбегают во двор, ворота закрываются, а я без памяти валяюсь на дороге.

Кольхаас, сильно побледнев, с наигранным лукавством спросил:

— А не хотел ли ты и впрямь удрать, Херзе? Тот густо покраснел и потупился.

— Признайся, — продолжал Кольхаас, — тебе не по душе пришелся свиной хлев: ты решил, что конюшня и Кольхаасенбрюкке получше будет?

— Разрази меня гром! — вскричал Херзе. — Я в этом хлеву оставил сбрую и попоны. И узелок с бельем. Неужто я бы не взял с собой трех гульденов, завернутых в красный шелковый платок, который я припрятал за яслями? Гром, молния и все адские силы! Когда я слушаю ваши речи, я жалею, что выбросил серный шнур, мне впору сейчас разыскать его и поджечь!

— Полно, полно, — произнес барышник, — я ничего худого не думал и верю каждому твоему слову; так бы я и на исповеди сказал. Жаль мне, что тебе так круто пришлось у меня на службе! Поди, Херзе, ляг в постель, вели принести себе бутылку вина и утешься: справедливость восторжествует.

Сказав это, он отвернулся и стал составлять список вещей, оставленных старшим конюхом в свином хлеву, обозначил их стоимость, потом спросил Херзе, в какую сумму тот оценивает расходы на лечение, наконец, пожал ему руку и отпустил его.

Засим он пересказал жене своей Лисбет весь ход событий, разъяснил их внутреннюю связь, добавил, что твердо решил добиться справедливости по суду, и порадовался, что она всей душой одобрила его замысел. Ведь и многим другим проезжим, сказала Лисбет, возможно, менее терпеливым, чем он, ее муж, не миновать замка Тронкенбург и потому покончить с безобразиями, которые там творятся, — поистине богоугодное дело, средства же, необходимые на ведение процесса, она уж поможет ему изыскать. Кольхаас назвал ее своей славной женошкой, провел счастливый день в кругу семьи и, как только ему позволили дела, снова выехал в Дрезден — подать в суд свою жалобу.

В Дрездене с помощью ученого юриста, давно ему знакомого, он составил исковое заявление, в котором, подробно изложив бесчинства юнкера фон Тронка как по отношению к нему, Кольхаасу, так и к его конюху Херзе, просил, во-первых, законного наказания владельца замка, во-вторых — усиленного откорма коней для восстановления их в прежнем виде и, наконец, возмещения убытков, понесенных им и его конюхом. Правота его в этом деле была самоочевидна. Незаконное задержание лошадей проливало свет на все остальное, но даже если предположить, что лошади хирели по чистой случайности, требование барышника вернуть ему их здоровыми и тогда оставалось справедливым. Вдобавок у Кольхааса нашлось немало друзей в резиденции, пообещавших ему поддержку. Его широко разветвленная торговля лошадьми и честность, с какою он вел ее, снискали ему благоволение самых именитых людей страны. Он частенько и превесело обедал у своего адвоката, тоже человека весьма влиятельного. В скором времени Кольхаас вручил ему солидную сумму денег на процессуальные расходы. По истечении двух или трех недель, успокоенный уверенностью последнего в исходе процесса, он вернулся в Кольхаасенбрюкке, к жене своей Лисбет. Однако прошли долгие месяцы, едва ли не целый год, а он все еще не получил из Саксонии извещения касательно вчиненного им иска, не говоря уже о резолюции.

Кольхаас неоднократно запрашивал трибунал, в чем причина столь невероятной задержки, и наконец обратился с доверительным письмом к своему советчику адвокату, от коего и узнал, что по указанию свыше его иск прекращен дрезденским судом. В ответ на удивленное письмо барышника, в котором он интересовался, что побудило суд вынести столь странное решение, адвокат сообщил, что юнкер Венцель фон Тронка состоит в родстве с двумя придворными, Хинцем и Кунцем фон Тронка, из них первый является кравчим курфюрста Саксонского, а второй — так даже его камергером[181]. Далее он советовал Кольхаасу без дальнейшей беготни по судебным инстанциям забрать коней, оставленных в Тронкенбурге, давая понять, что юнкер, ныне пребывающий в столице Саксонии, приказал своим людям беспрекословно отдать их ему; письмо заключалось просьбою: буде Кольхаас на этом не успокоится, не обременять его, адвоката, дальнейшими поручениями по данному делу.

О ту пору Кольхаас находился в Бранденбурге[182], где градоправитель Генрих фон Гейзау, в чей округ входил и Кольхаасенбрюкке, стремясь использовать капитал, случайно

доставшийся городу, занят был устройством благотворительных заведений для больных и бедных; больше всего хлопот ему доставлял минеральный источник, забивший в одной из деревень; предполагалось, что этот источник будет способствовать излечению недужных, однако будущее показало, что его целебные свойства были сильно преувеличены. Поскольку Генрих фон Гейзау имел дело с Кольхаасом еще в бытность свою при дворе и хорошо его знал, то и разрешил Херзе, старшему конюху, после горьких дней в Тронкенбурге все еще ощущавшему стеснение и груди, испытать на себе целебное действие маленького источника, уже подведенного под крышу и обложенного камнем.

Случилось так, что градоправитель, отдавая какие-то распоряжения, стоял возле бассейна, в который Кольхаас уложил Херзе, и видел, как человек, посланный Лисбет к мужу, подал ему роковое письмо от дрезденского адвоката. Градоправитель, беседовавший с врачом, заметил, что при чтении этого листка слезы выступили на глазах Кольхааса; он приблизился и дружелюбно и сочувственно спросил, что за несчастье его постигло. Вместо ответа барышник протянул ему письмо; тогда сей достойный человек, уже наслышанный о позорной несправедливости тронкенбургского юнкера, вследствие которой Херзе был болен, возможно, на всю жизнь, похлопал Кольхааса по плечу и сказал, пусть-де не падает духом, он же со своей стороны поможет ему в его правом деле. Когда барышник согласно его приказанию вечером явился к нему во дворец, градоправитель посоветовал ему написать прошение курфюрсту Бранденбургскому[183], приложить к таковому письмо адвоката и, ввиду грубого насилия, жертвой коего он стал на Саксонской земле, просить об его августейшем заступничестве. Далее он пообещал передать это прошение вместе с другим уже заготовленным пакетом в руки курфюрста, который, если позволят обстоятельства, вскоре должен свидеться с курфюрстом Саксонским, а большего и не потребует для дрезденского трибунала, чтобы положить конец проищам юнкера и его приспешников. Обрадованный Кольхаас не знал, как и благодарить градоправителя за это новое доказательство его благосклонности, и тут же высказал сожаление, что сразу не подал свою жалобу в Берлин, минуя Дрезден. Кольхаас направился в канцелярию городского суда и там по всем правилам написал прошение и, вручив его градоправителю, вернулся в Кольхаасенбрюкке, более чем когда-либо уверенный в благоприятном исходе своего дела.

Однако не прошло и нескольких недель, как некий судейский чиновник, ехавший в Потсдам по делам градоправителя, сообщил ему горестную весть: что-де курфюрст Бранденбургский передал его прошение своему эрцканцлеру графу Кальхейму, а тот не стал ходатайствовать перед дрезденским двором о доследовании дела и наказании виновного, что было бы естественно и разумно, но обратился за более подробными сведениями к юнкеру фон Тронка. Судейскому, оставшемуся сидеть в карете перед домом Кольхааса, видимо, было поручено передать сие сообщение, но на удивленный вопрос конноторговца, зачем же было заводить эту канитель, он не дал сколько-нибудь вразумительного ответа и, спеша продолжить путь, сказал только, что градоправитель велит Кольхаасу набраться терпения. Лишь в конце этой краткой беседы, по нескольким словам, оброненным чиновником, Кольхаас понял, что граф Кальхейм в свойстве с домом Тронка. Не видя более радости ни в своем конном заводе, ни в мызе, охладев даже к жене и детям, Кольхаас весь месяц томился недобрыми предчувствиями — и как в воду глядел. По истечении этого срока из Бранденбурга вернулся Херзе, которому целебный источник и вправду принес некоторое облегчение, с рескриптом и приложенным к нему письмом градоправителя следующего содержания: ему-де очень жаль, что он ничем не может быть полезен Кольхаасу; при сем он препровождает полученную им резолюцию государственной канцелярии и советует забрать лошадей, оставленных в Тронкенбурге, и все дело предать забвению.

Резолюция гласила: трибунал города Дрездена решил, что податель сего прошения занимается сутяжничеством; юнкер, во владениях коего он оставил своих лошадей, отнюдь не намеревается их задерживать; жалобщик может немедленно послать за ними или, по крайней мере, сообщить юнкеру, куда их следует доставить; ему же, Кольхаасу, предлагается

впредь не обременять государственную канцелярию подобными дрязгами и кляузами. Но Кольхаасу не лошади были важны, он испытал бы не меньшую боль, будь то даже собаки, и теперь, прочитав письмо, задыхался от ярости. Всякий раз, когда со двора доносился шум, его грудь теснило зловещее предчувствие, ранее ему неведомое, и он не спускал глаз с ворот, ожидая, что вот-вот появятся люди юнкера фон Тронка и передадут ему, еще, того и гляди, с извинениями, изголодавшихся, изможденных коней. И это было единственное, с чем не могло смириться его закаленное жизнью сердце. Вскоре, однако, он услышал от одного знакомого, проехавшего по тому же пути, что его лошади сейчас, как и раньше, используются на полевых работах вместе с хозяйскими. И тут сквозь боль за чудовищные неполадки мира пробилась внутренняя удовлетворенность тем, что собственное его сердце отныне в полном ладу с его совестью. Он позвал к себе соседа, некоего амтмана[184], давно уже лелеявшего мечту расширить свои владения путем покупки граничивших с ними земельных участков, и, усадив гостя, спросил, сколько на круг он даст за его дома и земли в Бранденбургском и Саксонском курфюршествах, словом, за всю его недвижимость. Лисбет побледнела, это услышав. Она взяла на руки своего младшенького, возившегося подле нее на полу, и, не глядя на румяные щечки малютки, игравшего ее ожерельем, устремила взор, в котором, казалось, застыла смерть, на мужа и на бумагу в его руках. Амтман, удивленно взглянув на Кольхааса, спросил, с чего это вдруг осенила его столь странная мысль. Барышник со всей бодростью, на какую был способен, отвечал: мысль продать мызы на берегу Хавеля не так уж нова, они с женой частенько об этом подумывали, дом же в предместье Дрездена идет уж, так сказать, заодно, об нем и говорить не стоит, — словом, если амтману угодно будет приобрести оба землевладения, то можно приступать к составлению купчей крепости. И присовокупил вымученную шутку: свет-де клином не сошелся на Кольхаасенбрюкке и человек может задаться целями, в сравнении с которыми обязанности отца семейства не так важны, даже попросту ничтожны; короче говоря, его душа готова к великим свершениям, и возможно, амтман вскоре о них услышит.

Успокоенный его словами, амтман весело сказал Лисбет, осыпавшей поцелуями своего малютку, что деньги-то он ведь еще не выкладывает, затем положил на стол шляпу и трость, которую держал зажатой между коленями, и взял из рук хозяина бумагу, чтобы прочитать ее. Кольхаас, придвинувшись к нему, пояснил, что эта купчая крепость составлена впрок и вступит в силу лишь через четыре недели, в ней все написано, отсутствуют только подписи обеих сторон и не проставлены суммы: продажной цены, а также отступных, которые он, Кольхаас, обязан уплатить амтману в случае, если в течение этих четырех недель откажется от сделки; затем предложил ему назвать свою цену, при этом деловито заверив, что он человек сговорчивый и долго торговаться не будет. Жена Кольхааса ходила взад и вперед по комнате; грудь ее вздымалась так, что косынка, которую к тому же теребил ребенок, казалось, вот-вот упадет с плеч. Когда амтман заметил, что, конечно, не может судить о стоимости дрезденского владения, то Кольхаас, ни слова не говоря, пододвинул ему письма, которыми обменивался при покупке такового, и сказал, что ценит его в сто золотых гульденов, хотя из писем явствовало, что ему оно обошлось едва ли не вдвое дороже. Амтман еще раз перечитал купчую и, обнаружив пункт, позволявший и ему, в свою очередь, отступить, сказал уже довольно решительно, что племенные лошади Кольхаасова конского завода ему, собственно говоря, ни к чему. Но когда Кольхаас отвечал, что вовсе не хочет сбывать своих лошадей и намеревается также оставить за собой кое-что из оружия, хранящегося у него в оружейной палате, тот заколебался, долго молчал и наконец назвал цену, которую уже давал ему однажды во время прогулки, наполовину в шутку, наполовину всерьез, цену ничтожную в сравнении с подлинной стоимостью имущества. Кольхаас пододвинул ему перо и чернила для подписания купчей, но так как амтман сам себе не верил, то еще раз спросил Кольхааса, уж не смеется ли тот над ним. На что барышник, несколько задетый, отвечал: неужто же он полагает, что с ним здесь шутки шутят? Тогда амтман, правда, с несколько недоверчивым выражением на лице, взял перо и стал писать, но первым делом зачеркнул пункт о выплате ему отступных в случае отказа от сделки; далее он взял на себя обязательство внести сто золотых гульденов в задаток за дрезденскую недвижимость, ибо ни в коем случае не желал

покупать ее за половинную цену, и, наконец, предоставлял Кольхаасу право в течение двух месяцев безвозмездно отступить от продажи своего имущества. Барышник, растроганный таким поступком, от всей души пожал ему руку. И после того, как они пришли к согласию касательно последнего и главнейшего условия, а именно, что четвертая часть продажной цены будет выплачена наличными, остальная же сумма через три месяца перечислена на гамбургский банк, Кольхаас приказал принести вина, чтобы отпраздновать заключенную сделку. Когда служанка внесла бутылки, он велел ей сказать Штернвальду, конюху, чтобы тот седлал рыжего жеребца, — дела, мол, срочно призывают его в столицу. И еще он дал понять, что вскоре, то есть по возвращении, чистосердечно расскажет о том, что сейчас еще вынужден держать про себя. Затем, разливая вино, спросил амтмана, что слышно о поляках и турках, в ту пору воевавших между собой, и вовлек его в политический спор; наконец, он поднял кубок за успех их общего дела и отпустил гостя.

Едва амтман закрыл за собою дверь, Лисбет пала на колени перед мужем.

— Если ты еще не изгнал из своего сердца меня и детей, которых я родила тебе, — вскричала она, — если мы еще не навек отторгнуты от него, не знаю уж, за какие грехи, то объясни мне, что означают эти страшные приготовления?

— Любимая моя жена, — отвечал Кольхаас, — пусть ничто тебя сейчас не тревожит. Мне прислали судебное решение, и оно гласит, что моя жалоба на юнкера Венцеля фон Тронка не более как грязная кляуза. Конечно же, это плод недоразумения, и я решил сызнова подать жалобу прямо в руки государя.

— Зачем ты продаешь свой дом? — крикнула она, поднимаясь и ломая руки.

Барышник, любовно прижав ее к своей груди, отвечал:

— Затем, милая моя Лисбет, что я не могу жить в стране, которая не защищает моих прав. Если топчут тебя ногами, лучше быть псом, нежели человеком! И я уверен, что моя жена думает так же.

— Почему ты знаешь, — в отчаянии спросила она, — что твои права не будут ограждены? Почему ты знаешь, что твое прошение отшвырнут в сторону, если ты скромно, как тебе подобает, приблизишься с ним к государю, почему ты знаешь, что тебя откажут выслушать?

— Что ж, — отвечал Кольхаас, — если мои опасения безосновательны, так ведь и дом мой еще не продан. Государь справедлив, это я знаю; если я сумею пробиться к нему через тех, кто его окружает, я, без сомнения, обрету свои права и еще до конца недели радостно возвращусь домой — к тебе, к старым своим занятиям. И уж тогда, — добавил он, целуя Лисбет, — до конца жизни буду с тобой! Но я должен быть готов ко всему и считаю желательным, чтобы ты, если это возможно, на некоторое время удалилась; возьми детей и поезжай к тетке в Шверин[185] — ты ведь давно собиралась ее навестить.

— Как? — вскричала Лисбет. — Мне ехать в Шверин? С детьми ехать через границу в Шверин? — Ужас перехватил ей горло.

— Вот именно, — сказал Кольхаас, — и притом немедленно, чтобы я мог без помехи предпринять шаги, необходимые для моего дела.

— О, я понимаю тебя! Тебе сейчас не нужно ничего, кроме коней и оружия; все остальное пусть забирает кто хочет! — Она зарыдала и бросилась в кресло.

— Что с тобой, моя дорогая Лисбет? Господь благословил меня женой, детьми и богатством; неуж-то же сегодня я вдруг пожелал, чтобы ничего этого у меня не было?

Он подсел к ней, а она, покраснев от слов мужа, упала в его объятия.

— Скажи, — говорил Кольхаас, откидывая кудри с ее чела, — что же мне делать? На всем поставить крест? Явиться в Тронкенбург, попросить, чтобы рыцарь вернул мне коней, вскочить на одного из них и мчаться домой, к тебе?

Лисбет не отваживалась сказать: да! да! да! — она, рыдая, качала головой, прижимала его к себе, страстными поцелуями осыпала его грудь.

— Ну вот, Лисбет, — воскликнул Кольхаас, — ты поняла, что если я хочу продолжать свой промысел, то мои права должны быть ограждены; так предоставь же мне свободу, необходимую, чтобы постоять за них. — С этими словами он поднялся и сказал конюху, пришедшему доложить, что рыжий жеребец оседлан: — Завтра надо будет запрячь караковых — отвезти хозяйку в Шверин.

Вдруг Лисбет объявила, что ей в голову пришла отличная мысль. Она встала, вытерла слезы и спросила мужа, усевшегося было за конторку, не позволит ли он ей поехать вместо него в Берлин, дабы вручить прошение государю.

Кольхаас, по многим причинам растроганный предложением Лисбет, усадил ее к себе на колени и стал говорить:

— Дорогая моя жена, увы, это невозможно. Государя окружает плотная стена придворных, и немало трудностей придется преодолеть тому, кто вздумает к нему приблизиться.

Лисбет возразила, что женщине дойти до государя проще, чем мужчине.

— Дай мне прошение, — повторила она, — и если тебе одно только нужно — знать, что бумага у него в руках, клянусь, он ее получит!

Кольхаас, не раз имевший случай убедиться в ее отваге и уме, спросил, как же она думает это устроить. Лисбет, стыдливо потупившись, отвечала, что кастелян курфюрстова двора, в свое время служивший в Шверине, сватался к ней, и хотя он теперь человек женатый и отец многочисленного семейства, но ее еще не вовсе позабыл, одним словом, она уж сумеет извлечь пользу из этого обстоятельства и ряда других, о которых сейчас, право, нет времени распространяться. Кольхаас с большой радостью поцеловал жену и согласился на ее предложение, объявив, что ей достаточно будет остановиться у жены кастеляна, чтобы обеспечить себе доступ во дворец, отдал прошение, велел закладывать караковых, поудобнее усадил ее в карете и приказал Штернбальду, верному своему конюху, сопровождать хозяйку.

Много безуспешных шагов предпринял Кольхаас в своем злополучном деле, но несчастнейшим из них оказалась эта поездка. Ибо уже через несколько дней Штернбальд вернулся домой, медленно ведя под уздцы лошадей, тянувших экипаж, в котором с проломленной грудью лежала его хозяйка. Кольхаас, бледный как полотно, ринулся к ней, но толком так и не узнал, из-за чего произошло несчастье. Кастеляна не оказалось дома, рассказывал конюх; они были вынуждены остановиться на постоялом дворе, неподалеку от дворца. На следующее утро Лисбет ушла, приказав Штернбальду оставаться при лошадях, и вернулась лишь к вечеру уже в этом плачевном состоянии. Похоже, что она слишком дерзко пробивалась к особе государя и один из не в меру ретивых стражников ударил ее в грудь древком своей пики. Так, во всяком случае, говорили люди, вечером принесшие ее в беспмятстве на постоялый двор; сама она почти не могла говорить, ибо кровь текла у нее изо рта. Прошение из рук Лисбет спустя некоторое время взял какой-то рыцарь, сказал Штернбальд и добавил, что хотел тотчас же скакать домой с прискорбной вестью, но Лисбет, вопреки настояниям призванного к ней хирурга, потребовала, чтобы ее отвезли к мужу в Кольхаасенбрюкке, ни о чем заранее его не оповещая. Кольхаас перенес ее, вконец

изнемогшую от дороги, на постель, и Лисбет, мучительно лова ртом воздух, прожила еще несколько дней. Попытки вернуть ей сознание, чтобы узнать от нее, как случилось это несчастье, ни к чему не привели; она лежала недвижимая, с остановившимся и уже отсутствующим взором. Только перед самой смертью сознание вернулось к ней. Когда у ее постели уже стоял священник лютеранской веры (к этой только что возникшей религии[186] она примкнула по примеру мужа) и громким прочувствованно-торжественным голосом читал из Библии, она устремила на священника затуманенный взор, взяла у него из рук книгу, словно не хотела слушать, и долго-долго ее листала, что-то ища, затем пальцем показала Кольхаасу, сидевшему у ее изголовья, стих: «Прости врагам твоим; делай добро и тем, что ненавидят тебя». Проникновенно посмотрела на него и скончалась.

«Пусть господь никогда не простит меня, как я никогда не прощу юнкера Тронка», — подумал Кольхаас, поцеловал ее — слезы безудержно лились по его лицу, — закрыл ей глаза и вышел из горницы.

Он взял те сто золотых гульденов, которые амтман заплатил ему за дрезденские конюшни, и заказал похороны, подобающие скорее владетельной княгине, чем бедной Лисбет: дубовый гроб, щедро обитый металлом, шелковые подушки с золотыми и серебряными кистями и могила глубиной в восемь локтей, выложенная булыжниками, скрепленными известью. Сам он стоял возле ямы, держа на руках своего меньшенького, и наблюдал за могильщиками. В день похорон тело Лисбет в белоснежных одеждах было положено в зале, обитом по приказанию Кольхааса черным сукном. Едва священник договорил свое растроганное напутствие, как Кольхаасу принесли ответ на прошение, поданное покойной. Ответ гласил: ему надлежит забрать лошадей из Тронкенбурга и под угрозой тюремного заключения больше по этому делу жалоб не подавать. Кольхаас сунул письмо в карман и велел нести гроб на катафалк. Когда могила была засыпана землей и увенчана крестом, когда разошлись гости, съехавшиеся на похороны, он еще раз упал на колени перед ее навеки опустелым ложем и затем приступил к делу возмездия.

Кольхаас сел за свою конторку и в силу права, дарованного ему самой природой, написал приговор, обязывающий юнкера Венцеля фон Тронка в трехдневный срок, считая с проставленной даты, привести вороных, отнятых им у барышника Кольхааса и заморенных на полевых работах, в конюшни Кольхаасенбрюкке и самолично откармливать, покуда они не приобретут прежней стати. Эту бумагу он отослал с верховым, приказав ему тотчас же после вручения скакать обратно, в Кольхаасенбрюкке. Когда три дня истекли, а о лошадях не было ни слуху ни духу, он позвал Херзе и открыл ему свой замысел, — принудить юнкера откармливать вороных в его, Кольхааса, конюшнях, потом задал ему два вопроса: согласен ли Херзе ехать вместе с ним в Тронкенбург и увезти оттуда юнкера; и еще: если увезенный юнкер будет лениво работать в здешних конюшнях, согласен ли он поощрять его кнутом. И так как Херзе, едва до него дошел смысл этих слов, крикнул: «Да хоть сейчас, хозяин!» — подбросил в воздух шапку и радостным голосом сказал, что велит сплести себе ремennую плетку о десяти узлах, — тут-то уж юнкер научится коней скребницей чистить, — то Кольхаас продал дом, посадил детей в карету и отправил их через границу в Шверин, а когда спустилась ночь, кликнул своих конюхов, семь человек, преданных ему душой и телом, роздал им оружие, коней и поскакал в Тронкенбург.

Уже на третью ночь с кучкой своих людей Кольхаас ворвался в замок, копытами коней растоптав сборщика пошлин и привратника, мирно беседовавших у ворот. Покуда с треском разваливались надворные постройки, которые они закидали горящими головнями, Херзе взбежал по винтовой лестнице в канцелярию, где управитель с кастеляном, полуодетые, играли в карты, и заколол, зарубил их; сам же Кольхаас кинулся в замок к юнкеру Венцелю. «Ангел мщения слетает с небес», — возгласил юнкер под громкий хохот собравшихся в замке приятелей, ибо как раз читал им вердикт, переданный ему посланцем барышника, и не сразу расслышал голос последнего во дворе, но вдруг, покрывшись смертной бледностью, крикнул гостям: «Спасайтесь, друзья мои!» — и бросился вон из зала. Кольхаас у самых дверей

преградил путь попавшемуся ему навстречу юнкеру Гансу фон Тронка, швырнул его в угол, так что мозг брызнул на каменный пол, и спросил, в то время как конюхи расправлялись с другими рыцарями, схватившимися было за оружие, где юнкер Венцель фон Тронка. Обеспамятевшие люди ничего не могли ему ответить; тогда он ударом ноги распахнул двери покоев, ведущих в боковые пристройки замка, обежал все обширное строение, но никого не нашел и, изрыгая проклятия, стремглав бросился во двор, чтобы поставить стражу у всех выходов. Меж тем огонь с дворовых строений перекинулся на замок, дым валил из окон, вздымаясь к небу, и в то время как Штернбалд с тремя расторопными конюхами хватал что ни попадя и бросал прямо под ноги своим лошадям, Херзе из окон канцелярии с ликующим хохотом выбрасывал трупы управителя, кастеляна, их чад и домочадцев.

Кольхаасу, сбегавшему по лестнице, бросилась в ноги скрюченная подагрой старуха, домоправительница юнкера; остановившись, он спросил, где юнкер Венцель фон Тронка, и так как она дрожащим, чуть слышным голосом ответила: ей кажется, что юнкер укрылся в часовне, то он кликнул двоих своих конюхов с факелами и, не имея ключей, велел взломать дверь ломом и топорами. Они обыскали всю часовню, опрокидывая алтари и скамьи, но юнкера, к вящей ярости Кольхааса, так и не обнаружили. Не успел Кольхаас выйти из часовни, как мимо него опрометью пробежал парень из тронкенбургской челяди к большой каменной конюшне, на которую вот-вот могло переброситься пламя, чтобы вывести ратных коней своего господина. В это самое мгновение Кольхаас заметил обоих своих вороных в сарайчике, крытом соломой, и спросил, почему он их не спасает. «Потому что сарай уже в огне», — отвечал парень, поворачивая ключ. Кольхаас с силой вырвал ключ из замка, швырнул его через стену и своим кинжалом стал плашмя колотить парня по спине, загоняя в пылающий сарай; так, под громкий хохот окружающих, он заставил его спасти вороных. Однако, когда тот вышел из сарая, который мгновение спустя обрушился, ведя под уздцы лошадей, Кольхааса уже не было поблизости. Парень побежал на замковую площадь, где орудовали люди Кольхааса, и спросил их главаря, не удостоившего его даже взглядом, что делать с вороными. Тот обернулся и топнул ногой, словно желая раздавить его, ни слова не говоря, вскочил на своего каракового жеребца и под воротами замка стал молча дожидаться наступления дня. Когда забрезжило утро, огонь оставил от замка лишь каменные стены и никого в нем не было, кроме Кольхааса и семерых его конюхов. Кольхаас слез с коня и при ярком свете солнца еще раз обшарил все углы и закоулки; с тяжелым сердцем убедившись, что нападение на замок не достигло цели, он послал Херзе и еще двоих разведать, в каком направлении скрылся юнкер. В первую очередь он подумал о богатой обители Эрлабрунн на берегу Мульде, где настоятельницей была Антония фон Тронка, известная всей округе как женщина благочестивой и святой жизни, ибо несчастный Кольхаас был почти уверен, что юнкер, гол как сокол, укрылся в этой обители, тем паче что настоятельница приходилась ему родной теткой и в раннем детстве была его воспитательницей. Учтя все это, он поднялся на башню канцелярии, в которой еще сохранилась одна комната, пригодная для жилья, и сочинил так называемый «Кольхаасов мандат»[187]: в нем он призывал всех жителей не давать убежища юнкеру фон Тронка, с которым он ведет справедливую войну, вернее, вменял в обязанность каждому, включая родственников и друзей фон Тронка, под страхом смертной казни и сожжения всего имущества, движимого и недвижимого, выдать ему его заклятого врага. Этот мандат он распространил по округе через проезжих и вовсе незнакомых людей; более того, дал список с него Вальдману, своему конюху, строго наказав вручить бумагу госпоже Антонии в Эрлабрунне. Засим он переговорил с теми тронкенбургскими челядинцами, что были недовольны своим господином и хотели перейти к нему на службу, раззадорил их надеждой на богатую добычу, вооружил на манер пехоты арбалетами и кинжалами, научил ездить вторым на седле с его всадниками, превратил в деньги добычу, награбленную шайкой, и разделил ее между ними; только сделав все это, он несколько часов передохнул от горестных своих дел под воротами замка.

К полудню вернулся Херзе и подтвердил то, что говорило Кольхаасу его сердце, всегда исполненное наилучших предчувствий: юнкер действительно находился в Эрлабруннской

обители у своей тетки, старой настоятельницы Антонии. Видимо, он выбрался через дверцу в задней стене замка, выходящую на наружную крытую лестницу, которая спускалась к Эльбе. Во всяком случае, рассказывал Херзе, в прибрежную деревню, к вящему удивлению жителей, собравшихся поглазеть на пожар в Тронкенбурге, он прибыл около полуночи в челне без руля и без весел и затем, уже на деревянной подводе, уехал дальше, в Эрлабрунн. При этом известии Кольхаас облегченно вздохнул.

— Лошади уже накормлены? — спросил он, и, получив утвердительный ответ, крикнул: — По коням!

Через три часа он со своими людьми уже был у ворот обители в Эрлабрунне. Под дальние раскаты грома, с факелами, зажженными уже на месте, ворвался Кольхаас со своей шайкой в монастырский двор. Вальдман, его конюх, поспешивший ему навстречу, объявил, что мандат был им вручен; в это мгновение Кольхаас заметил настоятельницу, взволнованно разговаривавшую с монастырским кастеляном на ступеньках портала. В то время как кастелян, низкорослый, седой как лунь старикашка, торопливо надевал на себя кирасу и кричал слугам, его обступившим, чтобы они ударили в набат, настоятельница с серебряным распятием в руках, бледная как полотно, спустилась с лестницы и вместе со всеми своими монахинями пала ниц перед Кольхаасовым конем. Покуда Херзе и Штернвальд связывали кастеляна, у которого и меча-то при себе не было, и проводили своего пленника между конями, Кольхаас спросил ее, где юнкер фон Тронка. И так как она, отвязывая от пояса большую связку ключей, отвечала: «В Виттенберге, Кольхаас, достойный муж» — и дрожащим голосом присовокупила: «Побойся Бога и не твори неправого дела!» — то Кольхаас, вновь низринутый в ад неосуществленной мести, уже собрался крикнуть своим парням: «Поджигайте!» — как вдруг неистовый удар грома потряс землю. Повернув своего коня, Кольхаас спросил настоятельницу, получила ли она его мандат. Слабым, едва слышным голосом она ответила:

— Получила, только что.

— Когда?

— Через два часа, Бог тому свидетель, после отъезда моего племянника.

Вальдман, конюх, на которого Кольхаас бросил сумрачный взгляд, запинаясь подтвердил ее слова: вода в Мульде так поднялась от дождя, что он долго не мог переправиться и лишь несколько минут назад прискакал в монастырь. Кольхаас взял себя в руки, а внезапный ливень, загасивший факелы и громко застучавший по мощеному двору, утишил боль в его исстрадавшемся сердце. Он взмахнул шляпой перед настоятельницей, поворотил своего коня, пришпорил его и со словами: «За мной, братья! Юнкер в Виттенберге!» — ускакал из обители.

Когда спустилась ночь, им пришлось завернуть на постоялый двор и отдыхать там целые сутки, так как лошади очень устали. Кольхаас, уразумев, что с войском в десять человек (а именно столько приверженцев было у него теперь) не сможет выстоять против такого города, как Виттенберг, сочинил второй мандат, в котором, после краткого изложения того, что сделали с ним в Саксонии, сулил «каждому доброму христианину», как он выражался, «приличный денежный задаток и прочие воинские преимущества», буде он присоединится к нему «в борьбе против юнкера фон Тронка, заклятого врага всего христианства».

В следующем мандате, написанном почти тотчас же, он именовал себя «человеком, неподвластным государственной, сиречь земной, власти и покорным лишь Господу Богу», — болезненно-уродливое самоупоение, — тем не менее звон его денег и виды на добычу привлекали к нему чернь, оставшуюся без куска хлеба после заключения мира с Польшей, да так привлекали, что в его шайке было уже тридцать душ, когда он снова отошел на правый

берег Эльбы, готовясь сжечь Виттенберг. С конями и людьми укрылся Кольхаас в полуразрушенном кирпичном сарае, среди густого леса, в те времена еще окружавшего этот город. Кольхаас там простоял довольно долго, прежде чем Штернбальд, которого он переодетым посылал в город со своим мандатом, сообщил, что мандат горожанам уже известен; и вот вечером под самую Троицу, когда город погрузился в сон, он ворвался туда со своей шайкой и поджег Виттенберг одновременно с разных сторон[188]. Покуда его парни грабили в предместье, сам он прибил на косяк церковной двери лист бумаги, на коем стояло: он, Кольхаас, поджег город, но, если ему не выдадут юнкера, сожжет его дотла, так что — это было его выражение — «никому не придется заглядывать через стену, чтобы этот город увидеть».

В ужас повергла жителей неслыханная наглость Кольхааса; к счастью, ночь была по-летнему безветренной, и огонь успел пожрать всего девятнадцать зданий, — правда, среди них и церковь. На рассвете, когда горожанам удалось немного сбить пламя, старик ландфохт[189] Отто фон Горгас уже выслал отряд в пятьдесят человек для поимки зарвавшегося злодея. Однако начальник отряда, некий капитан Герстенберг, действовал так неумело, что не только не уничтожил шайку Кольхааса, но посодествовал воинской славе последнего; этот вояка разделил отряд на мелкие группы, полагая, что так ему будет легче окружить и подавить противника. Кольхаас же, рассредоточивший своих людей, ударил по нему сразу в нескольких точках и так его разбил, что к вечеру следующего дня от отряда, на который возлагала надежды вся страна, не осталось ни единого человека. Кольхаас, в этом бою потерявший нескольких людей, на рассвете вновь поджег город, причем его злодейские умыслы выполнялись так точно, что в огне снова погибло множество домов, не говоря уже о пригородных амбарах, сплошь превратившихся в прах и пепел. Тогда он прибил свой мандат на углу ратуши, приписав к нему несколько слов касательно участи посланного ландфохтом и уничтоженного им, Кольхаасом, отряда капитана фон Герстенберг. Взбешенный его упорством, ландфохт сам с несколькими рыцарями встал во главе ста пятидесяти всадников. К юнкеру фон Тронка, обратившемуся к нему с письменной просьбой, он приставил охрану, ибо народ жаждал его изгнания из города и готов был прибегнуть к насильственным действиям. Расставив на случай нападения сторожевые посты во всех окрестных деревнях, а также на городской стене, он сам в день святого Гервазия[190] выехал на бой с драконом, опустошавшим страну. Кольхаас был достаточно умен, чтобы уклониться от встречи с его войском; хитроумными маршами он заставил ландфохта отойти на пять миль от города и к тому же поверить, будто теснимая превосходящими силами шайка спасается бегством за бранденбургскую границу. На третью ночь Кольхаас внезапно повернул, стремительным броском достиг Виттенберга и в третий раз зажег его. Осуществил это злодейство Херзе, переодетым прокрававшийся в город. И пламя из-за сильного северного ветра оказалось настолько пагубным, что менее чем за три часа пожрало сорок два дома, две церкви, несколько школ и монастырей и даже канцелярию ландфохта. Ландфохт, уверенный, что его противник ушел в Бранденбург, узнав о случившемся, стремительным маршем воротился в город, уже объятый мятежом. Тысячи жителей лагерем расположились у дома юнкера фон Тронка, загороженного грудями наваленных столбов и балок, и с неистовыми криками требовали его удаления из города. Двое бургомистров, Иенкенс и Отто, в одежде, присвоенной их званию, во главе всего магистрата тщетно толковали народу о необходимости дожидаться гонца, посланного к президенту государственной канцелярии с запросом касательно препровождения в Дрезден юнкера фон Тронка, куда тот и сам, по многим причинам, желал отбыть. Обезумевшая толпа, вооруженная дрекольем, их не слушала и, понося упорствующий магистрат, уже подготовилась взять штурмом и сровнять с землей дом, в котором отсиживался юнкер фон Тронка, когда в город прискакал ландфохт Отто фон Горгас со своими всадниками. Этому достойному господину, привыкшему одним своим присутствием внушать народу благоговение и покорство, удалось, как бы в отплату за неудачный поход, изловить у самых городских стен троих Кольхаасовых парней, отбившихся от шайки. Покуда их на глазах у народа заковывали в цепи, ландфохт в краткой и умной речи заверил, что в скором времени, как ему думается, будет схвачен и закован главный

поджигатель; на след его уже напали. Эти успокоительные слова разрядили страх толпы и заставили ее отчасти примириться с тем, что юнкер пробудет в городе до возвращения гонца из Дрездена.

Ландфохт спешил и приказал убрать заграждения; сопровождаемый несколькими рыцарями, он вошел в дом, где юнкер фон Тронка то и дело падал в обморок, несмотря на хлопоты двух врачей, пытавшихся эссенциями и другими возбуждающими средствами вернуть его к жизни. Господин Отто фон Горгас понял, что сейчас не время говорить с юнкером о его поведении, возымевшем столь печальные последствия. Молчаливо смерив его презрительным взглядом, он отрывисто приказал ему одеваться и следовать за ними — для его же сохранности — в рыцарский тюремный замок. На юнкера надели камзол и шлем, но ему все еще не хватало воздуха, и когда он, грудь нараспашку, опираясь на руки ландфохта и его зятя графа фон Гершау, вышел из дому, улица огласилась богохульными проклятиями. Народ, с трудом сдерживаемый ландскнехтами, обзывал его кровопийцей, оканным мучителем, проклятием Виттенберга, чумой Саксонии. Печален был их путь по лежащему в развалинах городу; юнкер даже не замечал, что шлем несколько раз слетал у него с головы и один из рыцарей, шедший позади, подымал его и вновь нахлобучивал; наконец они пришли к тюрьме, и он скрылся в башне, охраняемой усиленным караулом.

Возвращение гонца с резолюцией курфюрста повергло город в новую тревогу; ибо правительство, ссылаясь на только что поступившее настойчивое ходатайство дрезденского бюргерства, слышать не хотело о прибытии фон Тронка в столицу, прежде чем не будет пойман злодей; более того, вменяло в обязанность ландфохту защищать юнкера, где бы он ни находился (а где-то он все же должен находиться), силами своего воинского отряда. Засим, для успокоения славного города Виттенберга, сообщалось, что войско численностью в пятьсот человек под началом принца Фридриха Мейссенского выступило, дабы впредь защищать его от злодея.

Ландфохт живо смекнул, что такого рода резолюция отнюдь не успокоит народ, ибо победы, одержанные конноторговцем в окрестностях города, вызвали к жизни преувеличенные и пренеприятные слухи о его возросшей мощи. Война, которую он со своими ряжеными парнями вел во мраке ночи — соломой, смолой и серой, война неслыханная и беспримерная, не отступила бы и перед бо?льшим войском, нежели приближающийся отряд принца Мейссенского. Не долго думая, ландфохт решил скрыть врученную ему резолюцию и приказал развесить на городских углах только списки с послания принца Мейссенского, возвещавшего о его скором прибытии. На рассвете из двора рыцарского тюремного замка выехала на Лейпцигскую дорогу занавешенная карета, которую сопровождали четверо вооруженных до зубов рейтаров[191], каким-то образом пустивших слух, что она направляется в Плейссенбург; а так как к этому времени народ уже поуспокоился насчет юнкера, из-за коего в городе лилась кровь и пылал огонь, то ландфохт с тремя сотнями воинов решился идти на соединение с отрядом принца Фридриха Мейссенского.

Между тем шайка Кольхааса, волею судеб занявшего столь странное положение, насчитывала уже сто девять человек и после нападения на склад оружия в Иессене была вооружена как нельзя лучше. Извещенный о двойной грозе, на него надвигавшейся, Кольхаас принял решение не дать ей над собой разразиться, а со скоростью вихря лететь ей навстречу, уже следующей ночью под Мюльбергом он напал на отряд принца Мейссенского: однако в этом бою его постигло великое горе: первыми же выстрелами был убит Херзе, сражавшийся бок о бок со своим господином; но потрясенный потерей Кольхаас в трехчасовой битве так разгромил принца, что тот не сумел собрать своих солдат, а поутру, из-за собственных тяжких ранений и полного развала отряда, был вынужден отступить к Дрездену. Упоенный этой победой, Кольхаас повернул, чтобы двинуться навстречу войскам ландфохта, и, покуда тому еще ничего не было известно, среди бела дня напал на него под деревней Дамеров; неся громадные потери, он с не меньшим успехом бился с ним до глубокой ночи и утром, разумеется, снова атаковал бы ландфохта на кладбище в Дамерове,

куда тот укрылся с остатками своего войска, если бы лазутчик не донес ландфохту о поражении принца под Мюльбергом и тот не счел за благо вернуться в Виттенберг. Через пять дней после того, как были обращены в бегство оба отряда, Кольхаас был уже под Лейпцигом и зажег город с трех сторон. В мандате, выпущенном в этой связи, он именовал себя наместником архангела Михаила[192], сошедшего с небес, чтобы огнем и мечом покарать весь мир, погрязший в пороках и коварстве, всех, кто встанет на сторону юнкера. Из Лютценского замка, в котором он засел, взяв его нахрапом, он призывал народ примкнуть к нему во имя устройства лучшего миропорядка. Под этим последним мандатом с кощунственным вызовом стояло: «Дано в замке Лютцен, резиденции нашего временного всемирного правительства».

На счастье лейпцигских жителей, всю ночь шел проливной дождь, не позволивший огню распространиться, к тому же и пожарные работали умело и быстро, так что выгорело всего лишь несколько мелочных лавок возле Плейссенбурга. И все-таки город был объят несказанным ужасом, ибо осадивший его злодей пребывал в ложной уверенности, что в его стенах находится юнкер фон Тронка. Тут в город возвратился отряд из ста восемнадцати рейтаров, высланный против Кольхааса и разбитый им. Магистрату, не желавшему рисковать богатствами города, осталось только запереть ворота и заставить бюргеров денно и ночью нести караул за городскими стенами. Напрасно развешивали по окрестным деревням декларации магистрата, заверяющие, что юнкера нет в городе; Кольхаас в сходных листках утверждал, что юнкер в Лейпциге, но даже если его и нет в этих стенах, он все равно будет действовать, как будто он там, покуда ему не назовут места его пребывания. Курфюрст, оповещенный гонцом о бедственном положении города Лейпцига, дал знать, что для поимки Кольхааса собирает войско в две тысячи человек и сам берет на себя командование таковым, господину же Отто фон Горгас объявил строгий выговор за недопустимую, хотя и хитроумную выдумку, с помощью которой тот выжил злодея из окрестностей Виттенберга.

Невозможно описать смятение, охватившее Саксонию, и прежде всего ее столицу, когда там стало известно, что в деревнях под Лейпцигом появились неизвестно кем развешанные обращения к Кольхаасу следующего содержания: «Юнкер Венцель находится в Дрездене у своих двоюродных братьев Хинца и Кунца».

Ввиду всех этих обстоятельств доктор Мартин Лютер,[193] опираясь на свое незыблемое положение в свете, решил силою умиротворяющих слов вернуть Кольхааса на путь добропорядочности и, уповая на честное начало в сердце злодея и поджигателя, обратился к нему со следующим воззванием, развешанным по всем городам и весям курфюршества:

«Кольхаас, ты, возомнивший, что тебе вручен меч правосудия и справедливости! На что посягнул ты, наглец, ослепленный безумием своих страстей, ты, с головы до пят погрязший в несправедливости и злодействах? Лишь потому, что государь, подданным коего ты являешься, не признал твоей правоты в тяжбе из-за грошоваго добра, ты восстал, нечестивец, с огнем и мечом и, как волк пустыни, вламываешься в мирную паству, коей он служит оплотом. Ты, который своим измышлением, полным лжи и коварства, ввел в соблазн людей, не думаешь ли ты, грешник, надуть Господа Бога в день, что своим сиянием осветит все закоулки сердец человеческих? Как смеешь ты говорить, что твое право попорно, ты, чье лютое сердце свербит презренная жажда мести, ты, после первых же незадач отказавшийся от усилий вернуть себе это право? Выходит, что судейские чины и служители, утаившие письмо, им врученное, или задержавшие определение, каковое им надлежало препроводить, и суть твое правительство? А я должен сказать тебе, богопротивник: твое правительство знать не знает о твоём деле — да что я говорю! — государь, на коего ты ополчился, и об имени твоём понятия не имеет. И если ты когда-нибудь предстанешь перед судом Всевышнего, вообразив, что приносишь жалобу на своего государя, тот с чистой совестью сможет сказать: этого человека, Господи, я ничем не обидел, ибо душа моя не ведала о его

существовании. Знай же, меч в твоих руках — это меч разбоя и убийства, сам же ты мятежник, а не Господень воин, и участь твоя в этом мире — колесо и виселица, а на том свете — вечные муки, сужденные всем злодеям и безбожникам.

Мартин Лютер

Виттенберг и т. д.».

Кольхаас, ни в грош не ставя развешанное по деревьям сообщение, что юнкер-де находится в Дрездене, ибо оно никем не было подписано, тем более магистратом, как он того требовал, уже вынашивал в своем истерзанном сердце новый план сожжения Лейпцига, когда Штернбальд и Вальдман, к величайшему своему смущению, увидели под воротами замка кем-то прибитое ночью Лютерово воззвание. Несколько дней они тщетно надеялись, что Кольхаас, к которому они боялись с этим подступить, сам его увидит. Мрачный, погруженный в себя, он, правда, выходил вечером из своих покоев, но лишь затем, чтобы отдать краткие приказания, и ничего не замечал. Однажды утром, когда Кольхаас отдал приказ вздернуть двоих парней из своей шайки, вопреки его воле грабивших народ, они все же осмелились обратить его внимание на этот листок. Он возвращался с места казни, и народ робко расступался перед пышным шествием, — по-другому он не появлялся со времени своего последнего мандата, — перед ним несли огромный «меч справедливости» на алой кожаной подушке, украшенной золотыми кистями, за ним следовали двенадцать человек с горящими факелами. Тут оба его конюха с мечами под мышкой, что должно было удивить его, обогнули столб с прибитым на нем воззванием. Кольхаас, заложив руки за спину, углубленный в свои мысли, вошел в ворота, поднял взор и обомлел, оба парня почтительно попятнулись, он же, скользнув по ним рассеянным взглядом, сделал несколько быстрых шагов и оказался подле столба. Но кто опишет, что творилось в его душе, когда он прочитал листок, обличающий его в несправедливости, листок, на котором стояло самое дорогое, самое почитаемое имя из всех, которые он знал, — имя Мартина Лютера. Лицо его сделалось багровым, обнажив голову, он вновь перечитал написанное, дважды, от начала до конца; затем обернулся и, ни на кого не глядя, смешался с толпой своих верных слуг, словно желая что-то сказать, но ничего не сказал; снял листок со столба, еще раз его перечитал и крикнул:

— Вальдман, вели седлать моего коня! — Затем: — Штернбальд, следуй за мной в замок! — и ушел.

Немногих слов, к нему обращенных, оказалось достаточно, чтобы его обезоружить, чтобы он увидел себя во всем ничтожестве брэнного своего величия. Он быстро переоделся в платье тюрингского хлебопашца, сказал Штернбальду, что дело особой важности призывает его в Виттенберг; в присутствии некоторых наиболее надежных своих приближенных передал ему командование отрядом, остающимся в Лютцене, и, заверив их, что вернется через три дня — в этот срок вряд ли можно ожидать нападения, — отбыл в Виттенберг.

Под чужим именем он остановился на постоялом дворе и, едва спустилась ночь, завернулся в плащ, взял с собою два пистолета, которыми разжился в Тронкенбурге, и вошел в покой Лютера. Лютер сидел за своей конторкой, заваленной книгами и рукописями. Увидев странного незнакомца, открывшего дверь и тотчас ее за собою замкнувшего, он спросил, кто он такой и что ему угодно. Незнакомец, почтительно державший шляпу в руке, помедлив в предчувствии ужаса, который внушит его ответ, едва успел отрекомендоваться: «Михаэль Кольхаас, лошадиный барышник», как Лютер возопил: «Изыди, окаянный!» — вскочил с места и ринулся к сонетке, крича: «Твое дыхание — чума, твоя близость — гибель!»

Кольхаас, стоя на прежнем месте, вытащил пистолет и промолвил:

— Достопочтенный господин и учитель, если вы притронетесь к колокольчику, то этот

пистолет бездыханным бросит меня к вашим ногам! Сядьте и выслушайте меня; поверьте, среди ангелов, псалмы которым вы слагаете, вы не были бы в большей безопасности, чем со мной.

Лютер, снова усевшись в кресло, спросил:

— Чего тебе надобно?

— Разубедить вас в том, что я несправедливый человек! В вашем воззвании вы сказали, что государь знать не знает и ведать не ведает о моем деле, так добудьте мне дозволение свободно передвигаться по стране, я поскачу в Дрезден и снова подам свое прошение.

— Безбожный, страшный человек! — воскликнул Лютер, сбитый с толку и в то же время успокоенный его словами. — Как ты посмел на основании собственных правовых домыслов преследовать юнкера фон Тронка, а не найдя его в замке, огнем и мечом карать общество, ему покровительствующее?

Кольхаас отвечал:

— Достопочтенный господин и учитель, отныне я никого и пальцем не трону. Весть, что пришла ко мне из Дрездена, меня обманула и ввела в соблазн! Война, которую я веду с обществом, — преступление, поскольку оно, как вы меня заверили, не отторгло меня!

— Отторгло! — воскликнул Лютер, в упор глядя на него. — Что за шальные мысли владеют тобой? Кто мог тебя отторгнуть, отобщить от государства, в котором ты живешь? Слышанное ли дело, чтобы государство кого-либо, кто бы он ни был, от себя отторгало?

— Отторгнутым, — отвечал Кольхаас, сжимая кулаки, — я называю того, кому отказано в защите! А я в ней нуждаюсь для процветания мирного моего промысла; за помощью обращаюсь я к обществу, за охраной того, что мне принадлежит, и тот, кто мне в ней отказывает, изгоняет меня к дикарям в пустыню, дает мне в руки дубину для самозащиты.

— Кто отказал тебе в защите закона? — вскричал Лютер. — Разве я не писал тебе, что прошение, тобою поданное, не попало в руки государя, которому ты его предназначал? Если государевы слуги за его спиной кладут под сукно судебные дела или еще как-нибудь злоупотребляют его неведением, его священным именем, кому же, кроме Господа Бога, спрашивать с него ответа за выбор дурных слуг, а тебе, богоотступник, тебе, страшный человек, кто дал тебе право судить его?

— Пусть так, — ответил Кольхаас, — если государь не отторг меня, я вернусь в общество, что находится под его защитой. Повторяю, добудьте мне дозволение поехать в Дрезден, и я распушу отряд, по моему приказанию сосредоточенный в Лютценском замке, и вторично подам жалобу в трибунал.

Лютер угрюмо перекладывал с места на место бумаги, лежавшие на столе, и молчал. Независимая позиция в государстве, занятая этим странным человеком, его возмущала. Раздумывая о приговоре, который тот послал юнкеру из Кольхаасенбрюкке, Лютер спросил, чего он, собственно, ждет от дрезденского трибунала. Кольхаас отвечал:

— Наказания юнкера в соответствии с законом, приведения коней в прежний вид, а также возмещения убытков, которые понесли я и мой конюх Херзе, павший под Мюльбергом, из-за насилия, над нами учиненного.

— Возмещения убытков! — разгневался Лютер. — Тысячи ты нахватал у евреев и христиан под векселя и заклады для покрытия расходов по твоей неистойовой мести. Ты и эти суммы станешь искать, ежели дело дойдет до иска?

— Боже избави, — отвечал Кольхаас, — ни земли, ни дома, ни благосостояния, что было у меня, я обратно не потребую, равно как и того, что я истратил на похороны жены! Старуха, мать Херзе, представит счет за лечение и перечень вещей, поневоле оставленных ее сыном в Тронкенбурге. Что касается убытка, понесенного мною из-за непродажы вороных, то правительство должно будет определить его сумму с помощью сведущих людей.

— Неистовый, непостижимый и ужасный человек! — произнес Лютер, взглядываясь в него. — Теперь, когда твой меч с неслыханной жестокостью отомстил юнкеру, что заставляет тебя еще домогаться судебного приговора над ним — ведь меч правосудия не больно его коснется?

— Достопочтенный господин и учитель, — отвечал Кольхаас, и слеза скатилась по его щеке, — я заплатил за это жизнью жены; Кольхаас должен доказать миру, что она умерла за справедливое дело. Только в одном не чините препятствий моей воле: пусть свершится суд; во всем остальном, как бы оно ни было спорно, я покорюсь вашей.

Лютер ему отвечал:

— Послушай, вдумайся, чего ты требуешь? Ежели все обстоит так, как говорят люди, правда на твоей стороне; и если бы ты эту тяжбу, прежде чем самовластно мстить юнкеру, предоставил решить государю, не сомневаюсь, он, пункт за пунктом, признал бы твою правоту. Но не лучше было бы тебе все взвесить и во имя Господа нашего Иисуса Христа простить юнкера, взять под уздцы твоих вороных, пусть отощавших и изможденных, сесть на коня и отвести их в родную конюшню на откорм и поправку?

Кольхаас подошел к окну и процедил сквозь зубы:

— Возможно, и лучше, а возможно, и нет! Знай я, что кровь из сердца любимой моей жены пойдет на потребу коням, возможно, я поступил бы, как вы говорите, достопочтенный господин и учитель, и не поскупился бы на меру овса! Но раз уж я такой ценою заплатил за них, то, думается мне, надо, чтобы все шло своим чередом. Пусть суд вынесет решение, какое довлеет мне, а юнкер принимается за откорм лошадей.

Лютер, снова в задумчивости перебирая свои бумаги, сказал, что вступит в переговоры с курфюрстом по Кольхаасову делу, ему же тем временем надлежит смирно сидеть в Лютценском замке. Если государь даст ему свободный допуск в Дрезден, его известят об этом грамоты, развешанные по городам и весям.

— Правда, я не знаю, — добавил Лютер, когда Кольхаас нагнулся, чтобы поцеловать его руку, — угодно ли будет курфюрсту сменить гнев на милость; ибо дошло до меня, что он велел снарядить отряд и осадить тебя в Лютценском замке: от моего заступничества, как я уже сказал, тут мало что зависит. — С этими словами он поднялся, давая понять, что разговор окончен. Кольхаас сказал, что заступничество, обещанное Лютером в этой части его дела, вполне его успокоило. Лютер хотел было сделать прощальный жест рукой, но его гость внезапно встал на одно колено и признался, что еще одна просьба есть у него за душой. Из-за воинственной своей затеи ему, против обыкновения, не удалось быть в церкви в Троицын день и причаститься тела Господня, а потому не соблаговолит ли Лютер принять исповедь и приобщить его благодати святого таинства?

Лютер, немного подумав, — при этом он пронзительно смотрел на Кольхааса, — ответил:

— Да, Кольхаас, я это сделаю! Но помни: Господь, тела коего ты алчешь вкусить, простил врагам своим. Прости и ты юнкеру, тебя обидевшему, отправляйся в Тронкенбург, забери своих вороных и скачи с ними в Кольхаасенбрюкке, где их будут откармливать и холить.

— Достопочтенный господин и учитель, — краснея, проговорил Кольхаас, прикоснувшись к

его руке, — Господь тоже простил не всем врагам своим. Не гневайтесь на меня. Я не буду помнить зла обоим моим государям, кастеляну и управителю, господам Хинцу и Кунцу, всем, кто оскорбил и обидел меня, но юнкера, если удастся, я все же заставлю собственноручно откармливать моих коней.

Вместо ответа Лютер смерил его сердитым взглядом, повернулся спиной, дернул сонетку и снова занялся своими бумагами. Когда в сенях появился фамулус[194] со свечой в руках и стал тщетно дергать дверь, запертую изнутри, Кольхаас, вытирая слезы, поднялся с колен, шагнул к двери и отпер ее. Лютер искоса поглядел на своего посетителя, приказал слуге: «Посвети!»— после чего тот, несколько смешавшись при виде гостя, снял со стены ключи от дома и, дожидаясь его ухода, отошел к полуоткрытой двери. Кольхаас, уже держа в руках шляпу, обратился к хозяину дома:

— Итак, достопочтенный господин и учитель, мне, видно, нечего ждать благодеяния, о котором я просил вас, и душе моей не суждено примирение?

— Со Спасителем — нет, а перед государем я обещал за тебя заступиться и сдержу свое слово! — Он подал знак фамулусу без дальнейших промедлений проводить посетителя. Кольхаас с болезненно искаженным лицом прижал обе руки к груди, последовал за слугой, светившим, покуда он спускался с лестницы, и вышел из Лютерова дома.

На следующее утро Лютер направил послание курфюрсту Саксонскому, в коем он, сурово упрекая обоих господ фон Тронка, состоящих при особе его светлости, камергера Кунца и кравчего Хинца, за утайку пресловутой жалобы, тут же со свойственной ему прямою заявлял государю, что при ныне сложившихся сугубо прискорбных обстоятельствах остается только, невзирая на происшедшее, принять предложение конноторговца и предоставить ему возможность возобновить судебное разбирательство. Общественное мнение, продолжал он, угрожающим образом приняло сторону этого человека: ибо даже в трижды сожженном Виттенберге нашелся голос, поднявшийся в его защиту. Ежели сие предложение будет отклонено, то конноторговец, уж конечно, не замедлит в самых изобличительных выражениях довести обо всем до сведения народа, гнев народный примет тогда такие размеры, что государственной власти его уже не сдержать. В заключение Лютер дал совет в этом из ряда вон выходящем случае не счесть недопустимыми переговоры со взявшимся за оружие гражданином. Поскольку совершенная над ним несправедливость и в самом деле поставила его вне круга установленной государством законности, он, Лютер, думает, что лучше было бы отнестись к нему как к вторгшейся в страну иноземной силе, каковою он, будучи иноземцем, отчасти и является, а не как к мятежнику, восставшему против венценосца.

Курфюрст получил это послание, когда во дворце находились принц Кристиерн Мейссенский, генералиссимус империи и дядя побежденного под Мюльбергом и все еще не оправившегося от ран принца Фридриха Мейссенского, а также гроссканцлер трибунала[195] граф Вреде, граф Кальхейм, президент государственной канцелярии, господа Хинц и Кунц фон Тронка, камергер и кравчий, друзья юности курфюрста. Первым взял слово камергер, господин Кунц, в качестве тайного советника ведавший секретной корреспонденцией курфюрста и уполномоченный пользоваться его именем и печатью. Еще раз пространно объяснив, что он-де никогда бы не позволил себе утаить жалобу на своего двоюродного брата, поданную в трибунал барышником, если бы его не убедили, что это поклеп, пустой и безосновательный, он перешел к разбору настоящего положения вещей. Ни божеские, ни человеческие законы, сказал он, не давали барышнику права на столь страшную месть из-за досадного недоразумения; далее красноречиво расписал, сколь блистательный ореол засияет над нечестивой головой Кольхааса, если с ним вступят в переговоры как с правомочным военачальником; позор, который при этом неминуемо падет на священную особу курфюрста, представлялся ему нестерпимым, и в пылу своего красноречия он договорился до того, что лучше уж исполнить требование обезумевшего бунтовщика и послать юнкера, его двоюродного брата, самолично откармливать вороных в Кольхаасенбрюкке, нежели

согласиться с предложением доктора Лютера. Гроссканцлер трибунала граф Вреде выразил сожаление, что щепетильная заботливость о славе повелителя, высказанная камергером при обсуждении этого и впрямь пренеприятного дела, не проявилась более своевременно. Он сказал далее, что, по его мнению, государственной власти не пристали явно несправедливые меры, с многозначительным видом упомянул о том, что народ и поныне стекается к Кольхаасу, что нить злодеяний, таким образом, может виться до бесконечности и только немедленное и справедливое решение, без оглядок на допущенную ошибку, в состоянии порвать эту нить и помочь правительству выпутаться из весьма некрасивой истории. Принц Мейссенский, спрошенный курфюрстом, что он об этом думает, почтительно поклонившись канцлеру, отвечал, что точка зрения, высказанная последним, внушает ему глубочайшее уважение; однако, заступаясь за права Кольхааса, не забывает ли канцлер, что Виттенберг и Лейпциг, так же, впрочем, как и вся опустошенная Кольхаасом страна, будут тем самым ущемлены в своих справедливых претензиях на возмещение убытков или по меньшей мере на заслуженную кару злодея. Государственный порядок во всем, что касается этого человека, до такой степени нарушен, что никакими правовыми уложениями его все равно не восстановишь. Посему он поддерживает мнение камергера и, в свою очередь, предлагает применить единственно действенное в подобных случаях средство, а именно: собрать достаточно многочисленное войско, двинуть его на Лютцен, где засел Кольхаас, и либо взять мятежного барышника измором, либо выгнать его оттуда. Камергер, отодвинув два стула от стены, любезно подал их ему и курфюрсту, говоря, как его радует, что человек столь высокого ума и столь высокой души согласен с ним в выборе средства для прекращения сего сомнительного дела. Принц, положив руку на спинку стула, но не садясь, пронзительно на него взглянул и сказал, что у камергера вряд ли есть причины радоваться, ибо в этой связи прежде всего пришлось бы издать приказ об его аресте за злоупотребление именем курфюрста. Если уж необходимость требует, чтобы перед престолом справедливости была опущена завеса для сокрытия целого ряда злодеяний, друг друга породивших и столь бесчисленных, что им уже не вместиться в стены судилища, то это не относится к первому злодеянию, явившемуся первопричиной последующих; обвинение конноторговца во всем, им содеянном, дало бы право государству вынести ему смертный приговор, тогда как дело его в основе своей справедливо. При этих словах камергер в изумлении посмотрел на курфюрста, а тот, густо покраснев, отошел к окну. Граф Кальхейм, желая прервать воцарившееся неловкое молчание, заметил, что так им не выйти из заколдованного круга, в который они попали. Ведь с не меньшим основанием можно привлечь к ответственности и его племянника, принца Фридриха: предприняв довольно своеобразный набег на Кольхааса, принц, в свою очередь, и даже неоднократно, превысил данные ему полномочия, и притом в такой мере, что его, безусловно, можно сопричислить к тем, на кого ложится вина за создавшееся ныне положение и кто, собственно, должен быть призван курфюрстом к ответу за разгром под Мюльбергом. Кравчий, господин Хинц фон Тронка, к столу которого приблизился растерянный курфюрст, поспешил взять слово. Ему, мол, невдомек, как это собравшиеся здесь умудренные опытом люди не могут прийти к решению, отвечающему интересам государства. Насколько ему известно, Кольхаас намерен распустить шайку, с коей он ворвался в страну, за одно лишь обещание пересмотра его дела и разрешение на въезд в Дрезден. Отсюда, однако, не следует, что он заслуживает помилования за свою преступную и самочинную месть; это два различных правовых понятия, в чем, видимо, недостаточно отдают себе отчет как доктор Лютер, так и государственный совет.

— Если, — продолжал он, держа указательный палец вровень со своим носом, — дрезденский трибунал решит дело об этих воронах в пользу Кольхааса, ничто не помешает запрягать его в тюрьму за поджоги и разбой: с государственной точки зрения вполне разумный выход, который соединит в себе требования обеих сторон и будет одобрен современниками и потомством.

Поскольку принц и гроссканцлер на речь кравчего, господина Хинца, ответили всего лишь холодным взглядом и тем самым как бы закрыли собрание, курфюрст заявил, что к

следующему заседанию совета обдумает высказанные здесь мнения. Похоже было, что предварительные меры, предложенные принцем, отбили у мягкосердечного курфюрста охоту предпринимать уже давно подготовленный поход против Кольхааса. Так или иначе, но он попросил остаться гротканцлера графа Вреде, чье мнение представлялось ему наиболее разумным. Тот показал ему письма, из коих явствовало, что войско Кольхааса уже возросло до четырехсот человек, а принимая во внимание недовольство недостойным поведением камергера, царившее в Саксонии, в ближайшее время грозило возрасти вдвое, если не втрое: прочитав их, курфюрст без дальнейших околичностей решил принять совет доктора Лютера. Посему дело Кольхааса было отдано в руки графа Вреде, и уже несколько дней спустя повсюду был развешан указ, основное содержание которого сводилось к следующему:

«Мы, курфюрст Саксонский и прочая и прочая, сим объявляем, что, получив послание доктора Мартина Лютера, ходатайствующего за Михаэля Кольхааса, лошадиного барышника из курфюршества Бранденбургского, решили милостиво удовлетворить его ходатайство, и при условии, что Кольхаас в течение трех дней сложит оружие, мы разрешаем ему поездку в Дрезден для возбуждения ходатайства о пересмотре его дела: если дрезденский трибунал паче чаяния откажется удовлетворить его иск касательно вороных коней, поступить с Кольхаасом по всей строгости закона и взыскать с него за самоуправство; в противном же случае даровать ему и его шайке амнистию за все насильственные действия, учиненные ими в Саксонии».

Не успел Кольхаас получить от доктора Лютера экземпляр этого повсеместно расклеенного указа, как он, не считаясь с ограничительным характером такового, распустил свое воинство, щедро одарив каждого, всех поблагодарив за верную службу и снабдив наставлениями на будущее. Всю же остальную свою добычу — деньги, оружие и разную утварь — вручил как достояние курфюрста на хранение суду в Лютцене; послал Вальдмана в Кольхаасенбрюкке с письмом к амтману насчет выкупа своей мызы, ежели тот на это пойдет, а Штернбальда — в Шверин за детьми; засим он покинул Лютценский замок и, никем не признанный, отправился в Дрезден, имея при себе остаток своего состояния в ценных бумагах.

Утро еще только занималось и весь город спал, когда он постучался в дверь своего домика в предместье Пирна, сохранившегося за ним благодаря честности амтмана, и велел открывшему ему Томасу, старому дворнику, который, увидев хозяина, долго не мог прийти в себя от удивления, чтобы тот шел в город и сообщил принцу Мейссенскому, что он, Кольхаас, прибыл в Дрезден. Принц Мейссенский, услышав об этом, счел за благо немедленно и самолично убедиться, как относятся к Кольхаасу в народе; и что же, когда он со своими рыцарями и свитой показался на улицах, ведущих к Кольхаасову дому, они уже были до отказа забиты толпами народа. Весть о том, что в городе появился «ангел смерти», тот, что огнем и мечом разит поработителей народа, подняла на ноги вся и всех. Ворота Кольхаасова дома пришлось закрыть на засов, чтобы сдержать натиск толпы; мальчишки по ограде карабкались к окнам, стремясь хоть одним глазком взглянуть на поджигателя и убийцу, сидевшего за завтраком. Принц с помощью вооруженной стражи, расчищавшей ему дорогу, проник наконец в дом и тотчас же спросил полуодетого Кольхааса, поднявшегося из-за стола, он ли есть конноторговец Кольхаас. Тот, вытащив из-за пояса бумажник со всеми документами, почтительно протянул его принцу, ответил «да!» и добавил, что, распустив свой отряд, прибыл в Дрезден согласно разрешению курфюрста для подачи в суд жалобы на юнкера Венцеля фон Тронка по поводу своих вороных.

Принц, окинув его с ног до головы быстрым взглядом, пробежал глазами документы, находившиеся в бумажнике, и попросил объяснить, что означает выданное лютценским судом свидетельство о приеме на хранение драгоценностей, принадлежащих курфюрсту.

Желая лучше уяснить себе, что за человек перед ним, он задал ему еще несколько вопросов касательно его детей, состояния, планов на будущее и, убедившись, что он не внушает опасений, вернул ему бумаги, сказав, что никаких препятствий для возобновления судебного дела более не существует, и для того, чтобы начать процесс, Кольхаасу надо только лично обратиться к гроссканцлеру трибунала графу Вреде. Подойдя к окну и удивленно поглядев на собравшуюся у дома толпу, принц сказал:

— Придется к тебе на время приставить стражу, она будет охранять тебя как в доме, так и за его стенами.

Кольхаас опешил, потупился и ни слова ему не ответил.

— Как бы то ни было, — отходя от окна, промолвил принц, — а во всем случившемся тебе, кроме себя, винить некого. — С этими словами он направился к двери.

— Как вам будет угодно, ваша милость, — опомнившись, сказал Кольхаас, — если вы дадите мне слово, что я волен буду отпустить стражу, когда мне вздумается, то больше мне нечего сказать.

Принц ответил, что это само собой разумеется, объяснил троим ландскнехтам, вошедшим в комнату, что человек, к которому они приставлены, свободен, что их обязанность только охранять его и следовать за ним по городу, движением руки простился с Кольхаасом и вышел.

Около полудня Кольхаас, сопровождаемый своими ландскнехтами, а также многолюднейшей толпой, которая согласно предупреждению полиции ничем его не беспокоила, отправился к гроссканцлеру трибунала графу Вреде. Граф принял его весьма дружелюбно и обходительно, битых два часа провел в беседе с ним и, выслушав от начала до конца всю его историю, направил Кольхааса для написания жалобы к служащему в суде и прославленному на весь город адвокату. Кольхаас немедленно к нему пошел. После того как была составлена жалоба, в коей речь шла о наказании согласно закону юнкера фон Тронка, о восстановлении лошадей в прежнем виде и возмещении убытков ему, Кольхаасу, а также матери его конюха Херзе, павшего под Мюльбергом, словом, тождественная первой, отклоненной судом, он, по-прежнему сопровождаемый толпой зевак, отправился домой, твердо решив никуда более не выходить или разве что по самым неотложным делам.

Меж тем в Виттенберге и юнкер фон Тронка был освобожден из-под ареста; не успел он излечиться от опасного рожистого воспаления на ноге, как ему пришел безотлагательный вызов в дрезденский трибунал по жалобе конноторговца Кольхааса, обвиняющего его в незаконном захвате лошадей и приведении таковых в полную негодность. Двоюродные братья, камергер и кравчий, в доме которых он остановился, встретили юнкера с презрительным негодованием; как только они его не честили: он-де ничтожество и мерзавец, навлекший стыд и позор на всю семью, ему-де нечего и думать о том, чтобы выиграть процесс; советовали на потеху всему свету уже сейчас готовиться к самоличному откорму лошадей, ибо таков, несомненно, будет приговор. Юнкер дрожащим, чуть слышным голосом пробормотал, что он несчастнейший из людей, клялся и божился, что только краем уха слышал об этой злосчастной истории с лошадьми, ввергшей его в беду, в ней-де кругом виноваты кастелян и управитель, которые без его ведома воспользовались ими на уборке урожая и непосильной работой, главным образом на собственных полях, вконец их замучили. Произнося эту тираду, он опустился в кресло и стал умолять не издеваться над ним и оскорблениями не доводить его вновь до болезни, от коей он едва оправился. На следующий день господы Хинц и Кунц, владевшие поместьями в окрестностях испепеленного Тронкенбурга, по настоянию двоюродного брата, написали — да и что им еще оставалось делать — своему управителю, а также арендатору, спрашивая, не известно ли им, что? случилось с воронами, пропавшими в злополучный день пожара. Однако в опустелой округе,

где вырезаны были почти все жители, тем удалось лишь разведать, что один из работников, которого Кольхаас побоями загнал в охваченный пламенем сарай, вывел оттуда коней, но затем, вместо ответа на свой вопрос, что с ними делать и куда идти, получил от злодея только пинок ногой. Старая, скрюченная подагрой домоправительница юнкера, сбежавшая в Мейссен, на письменный запрос хозяина отвечала, что наутро после той ужасной ночи работник вместе с лошадьми двинулся к бранденбургской границе. Однако справки, наведенные в Бранденбургском курфюршестве, ни к чему не привели, старуха, надо думать, ошиблась, у юнкера не было ни одного работника, жившего в Бранденбурге или хотя бы по дороге в Бранденбург. Правда, несколько дрезденских жителей, через два-три дня после сожжения Тронкенбурга побывавших в Вильсдруфе, показали, что им встретился работник, ведший под уздцы двух коней темной масти; измученные кони едва плелись, и ему волей-неволей пришлось оставить их в коровнике у одного пастуха, который взялся их выводить. Похоже было, что это те самые пресловутые вороны. Однако вильсдруфские жители уверяли, что пастух их перепродал, а кому — неизвестно; еще поговаривали — но кто пустил этот слух, осталось невыясненным, — будто кони давно предстали перед Господом и кости их зарыты в Вильсдруфе на свалке.

Господам Хинцу и Кунцу подобный оборот дела, как нетрудно догадаться, пришелся очень по душе, ибо он избавлял их от необходимости выкармливать и выхаживать вороных в собственной конюшне за неимением более таковой у их двоюродного брата, вот они и старались найти подтверждение обнадеживающему слуху. Исходя из этого, господин Венцель фон Тронка как наследник ленного поместья и лицо, облеченное судебной властью, обратился с посланием к членам суда в Вильсдруфе, прося помочь ему разыскать двух вороных коней — далее следовало подробное их описание, — будто бы ему доверенных и пропавших по несчастной случайности, и предложить нынешнему владельцу, кто бы он ни был, за щедрое вознаграждение привести их в конюшню господина камергера Кунца в Дрездене.

Посему через несколько дней в городе и вправду появился человек, купивший злополучных коней у вильсдруфского пастуха; привязанные к задку телеги отощавшие клячи едва передвигали ноги, когда он направлялся с ними на городской рынок. На беду господина Венцеля, а также славного Кольхааса, этот человек оказался живодером из Деббельна.

Как только господин Венцель и его двоюродный брат камергер прослышали, что кто-то привел в город двух черных коней, уцелевших при пожаре в Тронкенбурге, они, прихватив с собою нескольких слуг, поспешили на площадь в надежде, буде это окажутся Кольхаасовы вороны, возместить этому человеку понесенные расходы и забрать их в свою конюшню. Но какова же была растерянность обоих рыцарей при виде огромного стечения народа на площади, привлеченного редким зрелищем. Толпа, непрерывно возрастающая вокруг двуколки с привязанными к ней одрами, покатывалась со смеху, крича: «А ведь кони-то, пошатнувшие устои государства, уже угодили в лапы к живодеру!» Юнкер, в смущении ходивший вокруг да около, наконец приблизился к жалким клячам, которые, казалось, вот-вот околеют, и пробормотал, что нет, не этих вороных он отобрал у Кольхааса. Но господин Кунц бросил на Венцеля несказанно свирепый взгляд, способный на куски разнести его, будь он даже из железа, распахнул свой плащ, чтобы видны были его цепь и ордена, подошел к живодеру и спросил: те ли это вороны, которых присвоил пастух из Вильсдруфа и которых разыскивает теперь через суд их владелец, юнкер Венцель фон Тронка? Живодер как раз принес воды, чтобы напоить своего раскормленного ломового коня; он пробормотал: «Это черные-то?» — поставил ведро наземь и, разнуздав коня, наконец соизволил ответить: вороных, привязанных к телеге, ему продал свинопас из Хайнихена. А где этот свинопас их раздобыл, у вильсдруфского пастуха или у кого другого, он знать не знает. Гонец из суда вручил ему приказ — он поднял ведро, прислонил его к оглобле, а дно подпер коленкой — привести лошадей в Дрезден, к некоему фон Тронка, только что звать этого фон Тронка Кунцем. С этими словами он выплеснул на мостовую недопитую конем воду. Камергер,

которому под насмешливыми взглядами толпы не удавалось заставить парня, невозмутимо занимавшегося своим делом, хотя бы повернуться к нему, сказал, что он и есть камергер фон Тронка, лошади же, надо думать, принадлежат его двоюродному брату. Один из работников вывел их из Тронкенбурга во время пожара, затем они попали к пастуху в Вильсдруфе, поначалу же были собственностью конноторговца Кольхааса. Он спросил парня, который, широко расставив ноги, подтягивал штаны, неужто же он об этом не знал. И не достались ли они свинопасу из Хайнихена — последнее чрезвычайно существенно для всего дела — от вильсдруфского пастуха или от кого-нибудь еще, кто их у него купил. Живодер, встав спиной к площади, помочился у телеги и сказал, что ему было приказано привести вороных в Дрезден и получить за них денежки с этих самых фон Тронка. А что там было раньше, он знать не знает; может, до свинопаса из Хайнихена они принадлежали Петру или Павлу, а не то пастуху из Вильсдруфа, — ему все едино, благо кони не краденые. И, заложив кнутовище за свою широченную спину, отправился в трактир тут же, на площади, так как изрядно проголодался с дороги. Камергер, понятия не имевший, что ему делать с лошадьми, проданными свинопасом из Хайнихена живодеру из Деббельна, если они не те самые, на которых черт промчался через всю Саксонию, потребовал, чтобы юнкер сказал свое слово. Когда тот бледными, дрожащими губами пролепетал, что, по его мнению, вороных надо купить, независимо от того, Кольхаасовы это кони или нет, взбешенный камергер стал выбираться из толпы. В это мгновение мимо проезжал верхом некий барон фон Венк, знакомый камергера; тот его окликнул и попросил заехать к канцлеру графу Вреде, чтобы при содействии последнего заставить Кольхааса явиться на площадь для опознания лошадей, сам же, желая досадить сброду, потешавшемуся над ним, — в толпе прижимали к губам платки, дожидаясь только его ухода, чтобы прыснуть со смеху, — остался на площади. Случилось так, что Кольхаас, вызванный для дополнительных показаний по лютценскому делу, сидел у канцлера, когда барон, выполняя данное ему поручение, вошел в комнату. Гроссканцлер с раздосадованной миной поднялся со своего кресла, оставив Кольхааса, которого барон не знал в лицо, стоять в стороне с бумагами в руках. Барон рассказал, в сколь затруднительном положении находятся господа фон Тронка. Из-за неправильно составленного требования вильсдруфского суда в город прибыл деббельнский живодер с лошадьми, до того безбожно заморенными, что юнкер Венцель не решается признать их за Кольхаасовых вороных, а посему желательно, чтобы Кольхаас, лично осмотрев коней, пресек все сомнения. И добавил:

— Если возможно, пошлите стражников за конноторговцем, и пусть они препроводят его на рыночную площадь, где сейчас находятся лошади.

Гроссканцлер, сняв с носа очки, заявил, что барон пребывает в двойном заблуждении, во-первых, полагая, что вышеупомянутое обстоятельство может быть выяснено только путем осмотра лошадей Кольхаасом; и, во-вторых, воображая, что он, канцлер, уполномочен под стражей препровождать Кольхааса, куда заблагорассудится юнкеру фон Тронка. Засим он представил ему конноторговца, стоявшего за его креслом, уселся и, снова надев очки, предложил с этим делом обратиться непосредственно к Кольхаасу.

Кольхаас, ни единым движением не выдав того, что творилось у него в душе, выказал готовность последовать за бароном на рыночную площадь для осмотра лошадей, приведенных живодером. Смешавшийся барон оборотился было к Кольхаасу, но тот опять подошел к столу гроссканцлера и, вынув из своего бумажника еще какие-то документы, касающиеся драгоценностей, сданных на хранение в лютценский банк, испросил дозволения уйти. Барон, с побагровевшим лицом отошедший было к окну, в свою очередь, откланялся. Оба в сопровождении трех ландскнехтов, приставленных к Кольхаасу принцем Мейссенским, и целой толпы народа отправились на рыночную площадь.

Камергер Кунц, не слушая уговоров своих невесть откуда взявшихся приятелей, упорно продолжал стоять на том же месте насупротив живодера. При появлении барона с Кольхаасом он немедленно подошел к последнему и, гордо держа свой меч под мышкой,

спросил, его ли это кони привязаны к телеге. Кольхаас приподнял шляпу перед незнакомым господином и, ни слова ему не ответив, направился к телеге живодера; рыцари следовали за ним по пятам. Остановившись шагах в двадцати от коней, что понуро стояли на подгибавшихся ногах, не притрагиваясь к сену, брошенному им живодером, он окинул их взглядом и повернулся к камергеру со словами:

— Сударь, живодер сказал правду — кони, привязанные к телеге, мои! — и, еще раз приподняв шляпу, удалился с площади, сопровождаемый своими ландскнехтами.

Камергер быстрыми шагами, так что султан на его шляпе заколыхался, подошел к живодеру и бросил ему туго набитый кошелек; покуда тот, расчесывая оловянным гребнем волосы, тарасился на деньги, камергер велел слуге отвязать лошадей и свести их к нему домой. Слуга, услышав приказ хозяина, покраснел, отошел от группы приятелей и родственников, которых у него в толпе было дополна, перешагнул через навозную жижу и приблизился к лошадям. Но не успел он взяться за недоуздок, чтобы отвязать их, как один из его родичей, мастер Химбольдт схватил его за руку и со словами: «Не смей трогать живодеровых кляч!» — оттолкнул от телеги. Тот поплелся через навозную жижу обратно, к камергеру, в безмолвном изумлении созерцавшему эту сцену, и пробормотал: пусть, мол, камергер для таких услуг нанимает себе живодерного подмастерья. Камергер, зайдясь от злости, кинул свирепый взгляд на мастера Химбольдта и через головы окружавших его рыцарей крикнул: «Стражу сюда!» Меж тем согласно приказу барона фон Венк из ворот замка вышел офицер с небольшим отрядом дворцовой стражи; камергер поспешил сообщить ему, что жители города отважились на подстрекательство к бунту, и потребовал ареста зачинщика, мастера Химбольдта. Схватив последнего за куртку, он обвинил его в грубом обхождении со слугой, которого Химбольдт оттащил от телеги, когда тот, по его, камергера, приказу собирался отвязать вороных. Мастер, ловко вывернувшись из рук камергера, воскликнул:

— Сударь, поучать двадцатилетнего паренька не значит заниматься подстрекательством! Спросите-ка, в охоту ли ему, против всех обычаев и правил, возиться с этакими конягами! Ежели после моих слов он скажет, что в охоту, пускай его сдирает с них шкуру!

Камергер повернулся к слуге и спросил: намерен ли тот отвязать лошадей и отправиться с ними домой? Парень, стараясь смешаться с толпой, робко отвечал: надо-де сначала снять с коней бесчестье, а потом уж поручать ему уход за ними. Разъяренный камергер сзади набросился на него, сорвал с его головы шапку с гербом дома фон Тронка, растоптал ее, вытащил шпагу из ножен, принялся яростно колотить парня по спине эфесом и, наконец, прогнав с площади, крикнул вдогонку, что он уволен со службы. Мастер Химбольдт заорал:

— Бей кровопийцу, вали его наземь!

Народ, негодуя на камергера, мигом оттеснил стражников, Химбольдт же толчком в спину повалил его, сорвал с него плащ, воротник и шлем, вышиб у него из рук шпагу и могучим броском далеко ее зашвырнул. Юнкер Венцель, выбравшись из сумятицы, призывал рыцарей на помощь своему двоюродному брату. Но те не успели и шага ступить, как народ дружным натиском отбросил их назад, и камергер, разбивший себе голову при падении, остался во власти разъяренной толпы. От неминуемой гибели его спасло случайное появление отряда конных ландскнехтов, к которым начальник стражников воззвал о помощи. Когда последний, разогнав наконец толпу, приказал рейтарам схватить неистового мастера и отвести его в тюрьму, двое приятелей подбежали к злополучному камергеру, обливавшемуся кровью, и повели его домой. Таков был печальный исход честной и благородно задуманной попытки загладить несправедливость, причиненную конноторговцу. Деббельнский живодер, сделав свое дело, не пожелал больше оставаться в городе и, как только народ разбрелся по домам, привязал лошадей к фонарному столбу, где они и простояли весь день на потеху уличным мальчишкам и всякому сброду, некормленные и неухоженные. Поздно вечером полиции пришлось заняться ими и вызвать на место происшествия дрезденского живодера, чтобы он в

ожидании дальнейших распоряжений свел их на пригородную живодерню.

Случившееся, как ни мало был в нем повинен лошадиный барышник Кольхаас, пробудило в людях, даже самых мирных и благодушных, чувства, весьма неблагоприятные для исхода его тяжбы. Отношения, возникшие между ним и государством, были единодушно признаны нетерпимыми, — в частных домах, равно как и в общественных местах, стали поговаривать, что лучше уж не по чести обойтись с ним и снова прекратить дело, нежели справедливо решить таковое и тем самым признать, что Кольхаас насилием и грабежами добился удовлетворения неистовой своей строптивости. На беду горемыки Кольхааса, вышло так, что гроссканцлер из повышенной щепетильности и порожденной ею ненависти к дому фон Тронка невольно укрепил, более того — распространил подобные настроения. В высшей степени невероятным казалось, чтобы лошади, порученные заботам дрезденского живодера, когда-нибудь обрели тот вид, в котором их вывели из конюшни Кольхаасенбрюкке; но если даже благодаря умелому и долговременному уходу это бы и оказалось возможным, то позор, ввиду вышеупомянутых обстоятельств ложившийся на весь именитый и едва ли не знатнейший в Саксонии род фон Тронка, был так велик, что денежное возмещение за коней всем стало казаться наиболее приемлемым и желательным выходом.

Посему, когда несколько дней спустя президент граф Кальхейм направил гроссканцлеру от имени большого камергера письмо с таким предложением, тот, в свою очередь, написал Кольхаасу, советуя не отказываться от возмещения стоимости вороных, буде ему это предложат, однако в кратких и не слишком любезных выражениях попросил президента впредь избавить его от частных поручений по означенному делу, камергеру же предложил лично снестись с Кольхаасом, какового аттестовал как человека скромного и справедливого. Что касается самого конноторговца, то его воля была сломлена последним происшествием на рыночной площади, и он, следуя совету гроссканцлера, дождался только сообщения от юнкера или его родичей, готовый все простить и забыть. Но гордым рыцарям не пристало вступать в переговоры с барышником; уязвленные письмом гроссканцлера, они показали таковое курфюрсту, приехавшему навестить больного камергера. Последний трогательно слабым голосом спросил: ужели во исполнение монаршей воли он, всю свою жизнь положив за то, чтобы это роковое дело приняло угодный курфюрсту оборот, должен теперь еще и свою честь выставить на посмешище всему свету, прося о мире и снисхождении человека, навлекшего неслыханный позор на него и весь его род? Курфюрст, прочитав письмо, смущенно спросил графа Кальхейма: не правомочен ли трибунал, считаясь с тем, что лошадей уже нельзя привести в прежний вид, объявить их более не существующими и приговорить юнкера фон Тронка к уплате денежного возмещения. Граф отвечал:

— Все милостивейший государь, они и в самом деле

мертвы с точки зрения государственного права, ибо более не имеют никакой цены и, кроме того, действительно околеют, прежде чем их успеют перевести с живодерни в рыцарские конюшни.

Выслушав его, курфюрст положил письмо в карман, обещал сам переговорить с гроссканцлером, успокоил камергера, который, приподнявшись с подушек, благодарно потянулся к его руке, еще раз посоветовал ему беречь свое здоровье, поднялся с кресла и, милостиво кивнув больному, удалился.

Так обстояли дела в Дрездене, когда над бедным Кольхаасом разразилась новая, еще более страшная гроза, надвинувшаяся из Лютцена. Коварным рыцарям все-таки удалось обрушить зловещий удар грома на его горемычную голову. Некий Иоганн Нагельшмидт, один из шайки конноторговца, распущенной им после амнистии, через некоторое время собрал остатки этого сброда, готового на любое преступление, и на границе Богемии стал самочинно продолжать разбойное дело, некогда начатое Кольхаасом. Ничтожный малый, отчасти чтобы припугнуть своих преследователей, а также, чтобы побудить деревенских жителей — им это было бы не

впервой — к участию в его проделках, именовал себя наместником Кольхааса. Понабравшись смекалки у бывшего своего атамана, он пустил слух, будто многие мирно воротившиеся в родные места, несмотря на амнистию, были брошены в тюрьму и что даже самого Кольхааса, тотчас же по его прибытии в Дрезден, вероломно взяли под стражу; более того, в грамотах, точь-в-точь похожих на Кольхаасовы, которые он приказывал развешивать по городам и весям, его разбойничья шайка объявлялась воинством, призванным во славу Божию защищать права, дарованные курфюрстовой амнистией. Делалось все это отнюдь не во славу Божию и не из приверженности к Кольхаасу, чья участь была им глубоко безразлична, просто под такой личиной удобнее было заниматься поджогами и грабежом. Когда весть о новой шайке достигла Дрездена, рыцари не могли скрыть своей радости, ибо это обстоятельство давало иной оборот всему делу. С многозначительной и недовольной миной толковали они о допущенном промахе, то есть о том, что вопреки их настойчивым и неоднократным предостережениям Кольхаасу было даровано помилование, как бы призывавшее злодеев всех мастей следовать его примеру. Мало того что они говорили, будто Нагельшмидт взялся за оружие, желая отстоять безопасность своего угнетенного атамана, они еще утверждали, что все это затея Кольхааса, имеющая целью запугать правительство и принудить суд без промедления вынести приговор, удовлетворяющий неистовое его своеволие. Кравчий же, господин Хинц, дошел до того, что в приемной курфюрста, где после обеда собралось несколько человек придворных и охотничих, стал доказывать, что Кольхаас и не думал распускать свою лютценскую шайку, что все это только хитроумный маневр; далее, насмехаясь над поборником справедливости — гроссканцлером и остроумно сопоставляя различные обстоятельства, он сделал вывод, что разбойники прячутся в лесах курфюршества, дабы по первому сигналу конноторговца снова ринуться огнем и мечом крушить все вокруг. Принц Кристиерн Мейссенский, опасаясь, как бы подобный оборот дела не запятнал славы его повелителя, немедленно отправился во дворец к курфюрсту; уразумев намерение рыцарей воспользоваться этим новым преступлением и окончательно добить Кольхааса, он испросил у курфюрста дозволения тотчас же учинить допрос последнему.

Стражник препроводил в ратушу несколько удивленного Кольхааса, державшего на руках меньших своих сыновей — Генриха и Леопольда. Верный его Штернбалд только вчера привез всех пятерых детей из Мекленбурга, где они находились, и всевозможные горькие мысли — вдаваться в них здесь будет неуместно — заставили его взять с собой мальчиков, плакавших и умолявших не оставлять их одних. Принц ласково поглядел на детей, которых Кольхаас усадил подле себя, спросил, сколько им лет, как их зовут, и лишь затем сообщил Кольхаасу о разбойных деяниях Нагельшмидта, его бывшего сообщника, в долинах Рудных гор; показав ему так называемые «мандаты Нагельшмидта», он спросил, что может Кольхаас сказать в свое оправдание. Так как принц был честным и прямодушным человеком, то Кольхаасу, хотя ужас и обьял его при виде сих позорных и предательских документов, удалось без особого труда опровергнуть огульно возведенный на него поклеп. Однако убедили принца не только слова Кольхааса, что дело его складывается сейчас достаточно благоприятно и вряд ли он может испытывать нужду в помощи третьего лица, но прежде всего бумаги, оказавшиеся при нем, из коих выяснилось даже некое весьма примечательное обстоятельство, а именно, что Нагельшмидт ни за что не стал бы помогать Кольхаасу, ибо незадолго до роспуска лютценской шайки, изблеченный в изнасиловании и прочих преступлениях, он был приговорен последним к повешению; спасла его лишь амнистия, положившая конец власти Кольхааса; на следующий же день они разошлись заклятыми врагами. По предложению принца Кольхаас сел за стол и составил послание к Нагельшмидту, в котором объявлял утверждение последнего, будто бы он и его шайка поднялись на защиту нарушенной амнистии, позорной и наглой ложью, а также сообщал, что по прибытии в Дрезден не только не был взят под стражу, но, напротив, правое его дело движется самым желательным для него образом. Далее он предупреждал Нагельшмидта и весь сброд, того окружавший, что закон со всей строгостью покарает их за поджоги и убийства, совершенные в Рудных горах уже после опубликования амнистии. Для пущей остротки в этом послании приводились еще некоторые подробности суда, который он,

конноторговец Кольхаас, вершил над ним в Лютцене, когда за постыдные преступления тот был приговорен к повешению и лишь вовремя подоспевший рескрипт курфюрста об амнистии сохранил ему жизнь. Прочитав это, принц успокоил Кольхааса насчет подозрения, которого вынужден был коснуться на этом допросе и при данных обстоятельствах, увы, неизбежного, заверил, что, покуда Кольхаас находится в Дрездене, амнистия, ему дарованная, никоим образом не будет нарушена, потом угостил детей фруктами из вазы, стоявшей на столе, попросился и отпустил Кольхааса. Гроссканцлер, узнав об опасности, нависшей над Кольхаасом, приложил немало усилий, чтобы ускорить окончание дела, покуда оно вконец не запуталось и не осложнилось, к чему как раз и стремились коварные политиканы, рыцари фон Тронка. Если прежде, молчаливо признавая свою вину, они добивались лишь смягчения приговора, то теперь с помощью всевозможных хитростей и крючкотворства пытались и вовсе эту вину отрицать. Они то твердили, что Кольхаасовы вороны были самоуправно задержаны в Тронкенбурге кастеляном и управителем, а юнкер-де ничего об этом не знал, разве только слышал краем уха, то уверяли, что лошади прибыли уже больные сильным и опасным кашлем, ссылались на свидетелей и брались немедленно доставить таковых, буде они понадобятся. Когда же эти аргументы после долгих расследований и разбирательств были опровергнуты, они откопали курфюрстов эдикт двенадцатилетней давности, в котором по случаю свирепствовавшего тогда мора и в самом деле запрещался ввоз лошадей из Бранденбурга в Саксонию, пытаясь доказать, что юнкер не только имел право, но обязан был задержать лошадей, пригнанных из-за границы.

Тем временем Кольхаас, уплатив славному амтману небольшую сумму в возмещение убытков, выкупил свою мызу в Кольхаасенбрюкке и решил, надо думать, для совершения необходимых формальностей, покинуть на несколько дней Дрезден и съездить в родную деревню. Мы, однако, допускаем, что упомянутое дело, несмотря на всю его срочность — Кольхаасу надо было еще распорядиться насчет сева озимых, — явилось лишь предлогом для того, чтобы проверить надежность своего положения при ныне существующих странных и сомнительных обстоятельствах. Возможно, здесь были и другие причины, догадываться о коих мы предоставляем читателю.

Итак, не взяв с собою приставленных к нему стражников, Кольхаас отправился к гроссканцлеру и, держа в руках письма амтмана, сказал, что намеревается на срок от десяти до двенадцати дней поехать в Бранденбургское курфюршество, если, конечно, за это время, а похоже, что так оно и будет, не потребуются его присутствие в суде. Гроссканцлер, с лицом задумчивым и недовольным, опустив глаза долу, ответил, что считает отъезд Кольхааса теперь более нежелательным, чем когда-либо, так как тот из-за козней и происков его врагов может в множестве неучтимых и непредвидимых случаев понадобиться суду для новых показаний и разъяснений. Поскольку Кольхаас, сославшись на своего адвоката, хорошо осведомленного во всех подробностях дела, продолжал сдержанно, но решительно настаивать на своем отъезде, пусть не на двенадцать, а хотя бы на восемь дней, то гроссканцлер, подумав, наконец согласился и, отпуская его, выразил надежду, что Кольхаасу удастся испросить у принца Мейссенского дозволения на выезд.

Кольхаас отлично понял выражение лица гроссканцлера и еще больше утвердился в своем намерении; он сел и, не сходя с места, написал просьбу принцу Мейссенскому о выдаче ему проездного свидетельства сроком на восемь дней для поездки в Кольхаасенбрюкке и обратно. В ответ на это прошение пришла резолюция, подписанная дворцовым комендантом, бароном Зигфридом фон Венк, следующего содержания: о просьбе Кольхааса он незамедлительно доложит его светлости курфюрсту и, как только воспоследует все милостивейшее дозволение, проездное свидетельство будет ему переслано. Спросив своего адвоката, как могло получиться, что на резолюции стоит подпись барона Зигфрида фон Венк, а не принца Кристиерна Мейссенского, к которому он адресовался, Кольхаас в ответ услышал, что принц три дня назад выехал в свои поместья, временно передав все дела по управлению дворцовому коменданту барону Зигфриду фон Венк, двоюродному брату

упоминавшегося выше барона фон Венк.

Кольхаас, у которого начинало тревожно биться сердце при мысли об этом несчастном стечении обстоятельств, много дней кряду ждал ответа на свое прошение, непонятно зачем представленное главе государства — курфюрсту. Прошла неделя, другая, а ответа из дворцового ведомства все не поступало, равно как и решения трибунала, обещанного ему в кратчайший срок. На двенадцатый день, исполнившись решимости узнать — будь что будет — намерения правительства по отношению к нему, он снова написал настойчивое представление о выдаче ему проездного свидетельства.

Но каково же было его изумление, когда вечером следующего дня, снова прошедшего без ответа из дворцового ведомства, Кольхаас, раздумывая о своем положении, и прежде всего об исхлопотанной ему доктором Лютером амнистии, подошел к окну, смотрящему во двор, и там во флигельке, отведенном для стражи, приставленной к нему принцем Мейссенским с первого же дня в Дрездене, таковой не обнаружил. Томас, его старый дворник, на вопрос, что это значит, со вздохом отвечал:

— Не по-хорошему все идет, хозяин; ландскнехтов сегодня больше, чем всегда, и, как стемнело, они сразу окружили дом: двое со щитами и копьями стоят у двери на улицу, двое у черной — в саду; а еще двое разлеглись в сенях на соломе и говорят, что будут там спать всю ночь.

Кольхаас побелел и, отвернувшись от окна, сказал, что ему все равно, сколько их там, лишь бы были, и пусть Томас, проходя через сени, зажжет свечу, чтобы не сидели впотьмах. Он открыл наружный ставень под предлогом выплеснуть воду из кружки и убедился, что старик сказал правду: в эту минуту во дворе бесшумно сменялся караул, а ведь с тех пор, как к нему была приставлена охрана, никто и не помышлял о таком церемониале. Кольхаас лег в постель, хотя сна у него ни в одном глазу не было, твердо решив, как ему поступить наутро. Ибо его до глубины души оскорбляло мнимое соблюдение законов правительством, которому он подчинялся, тогда как на самом деле амнистия, этим правительством дарованная, тут же оказалась нарушенной. Если он арестован, а в этом, увы, сомневаться не приходилось, то уж сумеет добиться от них непреложно точного объяснения.

Посему, едва забрезжило утро, Кольхаас велел верному своему Штернбальду заложить карету и сделал вид, будто собирается в Локкевиц, в гости к старому приятелю — управляющему, который, будучи проездом в Дрездене, звал его к себе вместе с детьми. Ландскнехты наострили уши — в дому происходит какое-то движение — и немедленно послали одного из своих в город: не прошло и часа, как прибыл отряд стражников, возглавляемый правительственным чиновником; все они с сугубо деловым видом вошли в дом насупротив. Кольхаас, одевавший сыновей, в свою очередь, заметил движение и суету и нарочно дольше, чем то было нужно, продержал карету у подъезда; вполне отдав себе отчет в происходящем, он вышел с детьми из дому, казалось, ничего не заметив, и, проходя мимо стоявших у дверей ландскнехтов, сказал, что не нуждается в их сопровождении, потом усадил сыновей, расцеловал и утешил плакавших девочек, которым велено было оставаться дома на попечении дворниковой дочери. Не успел он и сам сесть в карету, как чиновник со своими стражниками приблизился и спросил, куда он собрался. Услышав, что Кольхаас хочет ехать в Локкевиц к своему другу, несколько дней назад пригласившему его с обоими мальчиками к себе в деревню, чиновник поспешил сказать, что в таком случае ему придется подождать минуту-другую, так как согласно приказу принца Мейссенского его должны сопровождать конные ландскнехты. Кольхаас, продолжая сидеть в карете, с улыбкой спросил: неужто же ему может грозить опасность в доме друга, пригласившего его к себе? Чиновник поспешил отшутиться: опасность-де и впрямь невелика, но тут же добавил, что ведь сопровождающие ему ничем не помешают. Кольхаас уже вполне серьезно заметил, что принц Мейссенский с первого же дня предоставил на его усмотрение, пользоваться или не пользоваться стражей; тот, видимо, удивился и в деликатных выражениях дал понять, что

стража приставлена к Кольхаасу на все время его пребывания в Дрездене; тогда лошадиный барышник поведал ему о случае, послужившем тому причиной. Чиновник стал его уверять, что приказом барона фон Венк, сейчас исполняющего обязанности начальника полиции, на него возложена неуклонная охрана особы Кольхааса, и попросил того, ежели он отказывается от стражников, самому заявить об этом в управление полиции во избежание могущих произойти недоразумений. Кольхаас бросил на него красноречивый взгляд и, твердо решив дознаться, в чем тут дело, сказал, что исполнит его просьбу; с сильно бьющимся сердцем вылез из кареты, велел дворнику отнести детей в сени и, оставив экипаж и кучера дожидаться у подъезда, пошел, сопровождаемый чиновником и его стражниками, в управление полиции.

Случилось так, что в это время дворцовый комендант барон фон Венк вел допрос нескольких парней из банды Нагельшмидта, схваченных накануне вечером под Лейпцигом; когда в зале появился Кольхаас со своей свитой, рыцари, здесь присутствовавшие, выспрашивали у них те подробности, которые им важно было узнать. Барон, увидев Кольхааса, подошел к нему — рыцари немедленно смолкли — и спросил, что ему угодно. Конноторговец почтительно отвечал, что намеревается отобедать нынче у своего друга, управляющего в Локкевице, и просит разрешения не брать с собою стражу, поскольку она ему там не нужна, на что барон, изменившись в лице и, видимо, подавив совсем другие слова, готовые сорваться с языка, порекомендовал ему остаться дома, отказавшись от пирушки в Локкевице. Затем круто повернулся к чиновнику и строго заметил, что его приказ относительно этого человека не подлежит пересмотру и выехать из города ему можно не иначе как под охраной шестерых ландскнехтов верхами.

Кольхаас спросил: должен ли он считать себя арестованным и амнистию, торжественно дарованную ему перед лицом всего народа, нарушенной? Барон побагровел, вплотную к нему приблизился и, глядя ему прямо в глаза, крикнул: «Да! да! да!» — затем повернулся спиной и стал продолжать допрос Нагельшмидтовых парней. Кольхаас вышел вон, уже понимая, что единственным его спасением оставался побег, который он, конечно, очень затруднил себе, явившись к барону фон Венк, но тем не менее был доволен, что совершил этот шаг, освобождавший его от обязательства соблюдать отдельные пункты амнистии. Воротившись домой, он велел распрягать лошадей и в сопровождении чиновника, печальный и подавленный, прошел в свою комнату; и покуда тот, тоном глубоко отвратительным Кольхаасу, заверял его, что все это недоразумение, которое вскоре разъяснится, его подначальные заперли все выходы со двора; он же продолжал твердить, что главные ворота оставлены открытыми и Кольхаас-де может входить и выходить, сколько ему угодно.

Между тем Нагельшмидт, в лесах Рудных гор со всех сторон теснимый отрядами ландскнехтов, убедившись, что без сторонней помощи не сможет дольше играть взятую на себя роль, решил и вправду втянуть в свою игру Кольхааса. От одного проезжего Нагельшмидт в подробностях узнал, как в Дрездене обстоит дело с тяжбой барышника, и подумал, что, несмотря на прежнюю открытую вражду между ними, ему теперь все же удастся склонить Кольхааса на свою сторону. Итак, он послал гонца с письмом, нацарапанным безграмотными каракулями, в котором писал: ежели Кольхаас прибудет в Альтенбург и снова станет атаманствовать над вольницей, что составила из отпущенных им людей, то он, Нагельшмидт, готов лошадьми, людьми и деньгами помочь ему бежать из-под стражи; и еще он клялся, что исправится и впредь будет исполнительнее и послушнее, в доказательство же своей нелицеприятной верности предлагал самолично явиться в Дрезден и освободить его из заточения.

На беду, с гонцом, везшим это письмо, в деревне под самым Дрезденом случился припадок падучей, коей он с детства был подвержен. Люди, поспешившие к нему на помощь, нашли у него за пазухой письмо, его же самого, как только он очнулся, взяли под стражу — за этой процессией бежала целая толпа народа — и препроводили в управление полиции. Прочитав злополучное письмо, дворцовый комендант фон Венк тотчас же отправился к курфюрсту, в

приемной у которого застал господ Хинца и Кунца, уже вставшего с одра болезни, а также президента государственной канцелярии графа Кальхейма. Все эти господа держались мнения, что Кольхааса следует немедленно арестовать и судить за тайное соглашение с Нагельшмидтом. Они яростно доказывали, что подобное письмо не могло быть написано без предшествующих писем Кольхааса, иными словами, без преступного и нечестивого сговора касательно новых злодеяний и кровопролитий. Курфюрст упорствовал, не желая на основе Нагельшмидтова письма лишить конноторговца свободы, ему дарованной, и, напротив, считал, что из этого письма скорее можно заключить, что никакого предварительного сговора между Кольхаасом и Нагельшмидтом не существовало. Наконец, да и то весьма неохотно, он согласился, чтобы письмо было вручено Кольхаасу тем самым гонцом, якобы находящимся на свободе, и выждать, последует ли ответ на таковое. Сказано — сделано; на следующее утро парня прямо из тюрьмы привели в управление полиции, где дворцовый комендант отдал ему обратно письмо, велел как ни в чем не бывало вручить его Кольхаасу и сулил за это свободу и помилование. Молодчик охотно пошел на подлое дело; напустив на себя мнимую таинственность, он пробрался в дом конноторговца под видом продавца раков, которыми его снабдил на рынке один из стражников. Кольхаас, читавший письмо, покуда дети его забавлялись раками, в другое время, несомненно, схватил бы мошенника за шиворот и передал ландскнехтам, стоявшим у подъезда. Но при нынешнем положении вещей даже такой шаг следовало обдумать и взвесить; Кольхаас понимал, что ему никак не выбраться из тенет, в которые он угодил, и потому, бросив печальный взгляд на знакомое ему лицо парня, спросил, где он остановился, и велел через несколько часов зайти за ответом. Штернвальду, случайно зашедшему в комнату, он приказал купить у пришельца раков. Когда тот расплатился за покупку и оба вышли, не узнав друг друга, Кольхаас сел и написал Нагельшмидту письмо следующего содержания: что он, во-первых, принимает предложение возглавить вольницу под Альтенбургом; что посему для освобождения его из-под домашнего ареста вместе со всеми его детьми просит выслать запряженный парю экипаж в Нейштадт под Дрезденом; что для скорейшего следования ему потребна парная же подставка на дороге в Виттенберг, ибо только таким окольным путем, по причинам, излагать кои ему сейчас недосуг, он может проехать к Нагельшмидту; что ландскнехтов, которые его караулят, он надеется подкупить, на случай же, если понадобится применить силу, пусть ему пришлют в Нейштадт под Дрезденом несколько преданных, сметливых и хорошо вооруженных парней; что для покрытия расходов, связанных с этим предприятием, он пересылает через его гонца кошелек с двадцатью золотыми кронами, счета же они сведут, когда дело будет сделано; что он запрещает ему, Нагельшмидту, приезжать в Дрезден для его освобождения, более того, приказывает оставаться в Альтенбурге, до поры до времени возглавляя вольницу, которая ни в коем случае не должна оставаться без атамана. Ответ этот он передал Нагельшмидтову парню, явившемуся за ним, когда стемнело, и щедро его одарил, заклиная беречь письмо как зеницу ока. На самом деле Кольхаас со своими пятью детьми намеревался ехать в Гамбург и оттуда уплыть в Левант[196], или в Ост-Индию, или еще куда-нибудь, где небо синее над совсем другими людьми, ибо скорбной душе его теперь равно претила мысль о принудительном откорме вороных и о сообщничестве с Нагельшмидтом.

Не успел парень доставить письмо дворцовому коменданту, как гротсканцлер был смещен, а граф Кальхейм назначен на его место — председателем трибунала, Кольхаас же приказом кабинета министров взят под стражу, закован в тяжелые цепи и заточен в тюремную башню. На основании письма к Нагельшмидту, вывешенного на всех углах, против него был начат процесс; и так как на вопрос судьи, его ли почерком написано это письмо, он отвечал: «Да!» — а на вопрос, есть ли у него что сказать в свое оправдание: «Нет!» — и опустил глаза долу, то его приговорили к казни раскаленными щипцами и четвертованию; тело его должно было быть предано сожжению между колесом и виселицей.

Так обстояло дело со злосчастливым Кольхаасом, когда курфюрст Бранденбургский взялся спасти его от насилия и произвола и в ноте, отправленной непосредственно в государственную канцелярию Саксонии, объявлял его бранденбургским подданным. Дело в

том, что бравый господин Генрих фон Гейзау на прогулке вдоль берега Шпрее рассказал ему историю этого странного, но отнюдь не испорченного человека и, теснимый вопросами, которыми его засыпал изумленный курфюрст, вынужден был сообщить о непорядочном поведении эрцканцлера графа Зигфрида фон Кальхейм, которое, увы, бросало тень и на его августейшую особу. Возмущенный курфюрст немедленно призвал к себе эрцканцлера, допросил его и, выяснив, что виною всему было родство последнего с домом фон Тронка, весьма немилостиво с ним обошелся, удалил с поста и назначил эрцканцлером господина Генриха фон Гейзау.

Надо сказать, что о ту пору польский королевский дом, пребывавший во вражде — по какой причине, нам неизвестно, — с Саксонским домом, неоднократно и настойчиво обращался к Бранденбургскому курфюрсту с предложением союза против Саксонии, так что эрцканцлер, господин Гейзау, достаточно опытный в подобного рода делах, мог надеяться, что ему удастся исполнить желание своего повелителя во что бы то ни стало добиться справедливости для Кольхааса, при этом, во имя блага отдельного человека, не поставив на карту всеобщего спокойствия.

Итак, эрцканцлер потребовал безоговорочной и безотлагательной выдачи Кольхааса ввиду богопротивного и бесчеловечного произвола, чинимого над ним, с тем чтобы, коль скоро он и вправду виновен, его судили по бранденбургским законам, на основании обвинительного заключения, кое дрезденский двор через своего поверенного волен представить в берлинский суд. Более того, он уже заготовил проездное свидетельство для адвоката на случай, если курфюрсту Бранденбургскому угодно будет послать своего юриста в Дрезден с целью добиться справедливого решения по делу о вороних, отнятых у Кольхааса в Саксонской земле, а также о других вопиющих притеснениях и насилиях, учиненных юнкером Венцелем фон Тронка. Камергер, господин Кунц, при смене государственного аппарата в Саксонии назначенный на пост президента государственной канцелярии и находившийся в весьма затруднительном положении, по различным причинам не желая портить отношения с берлинским двором, отвечал от имени своего повелителя, глубоко огорченного полученной нотой, что нельзя-де не удивляться недружелюбию и несправедливости бранденбургского правительства, отрицающего право дрезденского двора судить Кольхааса по законам страны, в коей им совершены преступления, тогда как всему миру известно, что он владеет изрядным земельным участком в Дрездене, да и сам считает себя подданным курфюрста Саксонского. Но так как для подтверждения своих претензий королевство Польское сосредоточило на границе Саксонии пятитысячное войско, а эрцканцлер, господин фон Гейзау, заявил, что Кольхаасенбрюкке, место, по имени которого прозывается барышник, находится в Бранденбургском курфюршестве и исполнение смертного приговора над этим человеком будет рассматриваться как нарушение международного права, то курфюрст, по совету своего камергера, господина Кунца, желавшего выпутаться из этого дела, призвал обратно отъехавшего было в свои поместья принца Кристиерна Мейссенского и, выслушав сего благоразумного человека, решил удовлетворить требование о выдаче Кольхааса берлинскому двору.

Принц, несмотря на то что был недоволен многими злостворствами, имевшими место в Кольхаасовом деле, по просьбе своего растерявшегося повелителя вынужден был взять на себя надзор за таковым и спросил, как же, собственно, будет обосновано обвинение Кольхааса в берлинском верховном суде — ведь на злополучное письмо к Нагельшмидту ссылаться нельзя из-за двусмысленных и темных обстоятельств, предшествовавших его написанию, так же как нельзя ссылаться на грабежи и поджоги, ибо они были прощены Кольхаасу в обнародованной амнистии. Выслушав его, курфюрст положил послать его величеству императору в Вену донесение о вооруженном набеге Кольхааса на Саксонию, о нарушении его шайкой имперского мира и ходатайствовать перед его величеством, разумеется не связанным никакой амнистией, о предании Кольхааса суду в Берлине с участием в процессе имперского обвинителя. Восемь дней спустя в Дрезден прибыл

посланный курфюрста Бранденбургского рыцарь Фридрих фон Мальцан с шестью рейтарами и, посадив в возок закованного в цепи Кольхааса с пятерыми детьми, которых по его просьбе доставили из сиротского приюта, повез его в Берлин. В это самое время в Дааме на оленью охоту, устроенную в его честь ландратом[197], графом Алоизиусом фон Кальхейм, владевшим крупными поместьями на границе Саксонии, прибыл курфюрст Саксонский, сопровождаемый камергером, господином Кунцем, и его супругой, госпожой Элоизой, дочерью ландрата и сестрой президента, а также целой плеядой блестящих дам и кавалеров, не считая охотничих и придворных. Когда вся эта компания, вернувшись с охоты и еще не смыв дорожной пыли, расселась за столами в шатрах с развевающимися вымпелами, раскинутых по косогору, и из-за старого дуба послышалась музыка, а пажи и юные дворяне принялись разносить яства, на дороге показался неторопливый возок, в котором ехал из Дрездена Кольхаас, сопровождаемый шестью рейтарами. Опоздание было вызвано тем, что в пути заболел один из младших хрупких детей конноторговца и рыцарь фон Мальцан оказался вынужденным на три дня остановиться в Герцберге; однако дрезденское правительство он об этом в известность не поставил, считая себя ответственным единственно перед властителем, которому он служил, то есть перед курфюрстом Бранденбургским. Курфюрст Саксонский в шляпе с перьями, по охотничьему обычаю еще украшенной еловыми ветками, и в распахнутом на груди камзоле, сидел рядом с госпожой Элоизой, которая в дни юности была его первой любовью, и, наслаждаясь прелестью пира, шумевшего вокруг, неожиданно проговорил:

— Пойдемте и поднесем несчастному, кто бы он ни был, кубок вина!

Госпожа Элоиза, прельстительно взглянув на него, тотчас же встала и, взяв из рук пажа серебряный поднос, принялась накладывать на него плоды, хлеб и сласти. Большинство присутствующих со сладостями и освежающими напитками в руках уже толпою покидали шатер, когда навстречу им попался сконфуженный ландрат, попросивший всех остаться на месте. На удивленный вопрос курфюрста, что случилось и чем он так встревожен, ландрат, глядя на камергера, пробормотал, что в возке сидит Кольхаас. Вместо ответа на сие непостижимое сообщение, ибо всем было известно, что конноторговца увезли уже шесть дней назад, камергер, господин Кунц, схватил свой кубок и, встав спиной к шатру, выплеснул вино в песок. Курфюрст, красный до корней волос, опустил свой кубок на тарелку, по знаку камергера торопливо подставленную пажом. В то время как рыцарь фон Мальцан, почтительно раскланиваясь с избранным и незнакомым ему обществом, медленно проезжал меж шатров, господа по приглашению ландрата стали снова рассаживаться по своим местам, более не обращая внимания на происходящее. Как только курфюрст последовал их примеру, ландрат тайком отправил гонца в Дааме, прося магистрат обеспечить безостановочное следование Кольхааса; однако рыцарь фон Мальцан решил заночевать, так как час был уже поздний, и магистрату волей-неволей пришлось разместить всех на мызе, одиноко расположенной в лесу. Между тем гости ландрата, сытно поужинав и вдоволь отведав доброго вина, уже успели позабыть о встрече с Кольхаасом, когда хозяину пришлось на ум еще раз попытаться догнать стаю оленей, промелькнувшую в лесу. Его предложение было принято с радостью, и вся компания, схватив ружья, попарно пустилась через холмы и овраги в самую чащобу. Курфюрста же с госпожой Элоизой, повиснувшей у него на руке — ей тоже хотелось насладиться редким зрелищем, — охотничий, приставленный к ним, провел, к вящему их удивлению, через двор дома, в котором ночевал Кольхаас с бранденбургскими рейтарами. Услышав об этом, госпожа Элоиза воскликнула:

— Идемте, государь, идемте скорей! — и шаловливым движением запрягла цепь, висевшую у него на груди, под борта его шелкового камзола. — Покуда вся компания не догнала нас, давайте поберемся в дом и посмотрим на этого удивительного человека!

Курфюрст покраснел и, схватив ее руку, воскликнул:

— Что за вздор, Элоиза!

Но она, потихоньку увлекая его за собой, стала уверять, что в этом костюме его все равно нельзя узнать. В эту самую минуту навстречу им из дому вышли двое охотничих, уже успевших удовлетворить свое любопытство; они заверили курфюрста и его даму, что благодаря мерам предосторожности, принятым ландратом, ни рыцарь, ни конноторговец не догадываются о том, какое общество собралось в окрестностях Дааме; курфюрст улыбнулся, надвинул шляпу на глаза и, сказав: «Глупость, ты правишь миром, а прибежище твое — женские уста!» — последовал за госпожой Элоизой.

Когда они вошли, Кольхаас сидел у стены на мешке с соломой и кормил молоком с хлебом своего ребенка, занедужившего в Герцберге. Желая завязать разговор, госпожа Элоиза спросила, кто он, что с ребенком, а также в чем он преступил закон и куда его везут под таким конвоем. Кольхаас снял с головы свою кожаную шапку и, продолжая кормить дитя, немногословно, но с толком ответил на ее вопросы. Курфюрст, прятаясь за спинами охотничих, вдруг заметил на шее Кольхааса маленький железный медальон и, так как ничего больше ему на ум не пришло, спросил, что это такое и что в нем спрятано.

— Ваша милость, — Кольхаас через голову снял медальон и вынул из него маленькую запечатанную записочку, — странная произошла история с этим медальоном! После похорон моей жены, тому уже минуло семь месяцев, я, как вам, возможно, известно, покинул Кольхаасенбрюкке, чтобы захватить в плен юнкера фон Тронка, нанесшего мне столь жестокую обиду, когда в Ютербоке, торговом городишке, через который пролегал мой путь, происходила встреча, уж не знаю по какому случаю, курфюрста Саксонского с курфюрстом Бранденбургским; вечером они оба решили прогуляться по городу, наверно захотели посмотреть на шумную ярмарку. Вдруг видят — сидит на скамеечке цыганка и по месяцеслову ворожит обступившей ее толпе; они возьми да и спроси, не предскажет ли она им чего-нибудь приятного. Я тогда вместе со своим отрядом заехал на постоянный двор и ненароком оказался на площади, где все это происходило, правда, с моего места на паперти мне не слышать было, что говорила господам чудная эта цыганка, я только слышал, что в толпе посмеивались и перешептывались: она-де не каждому открывает, что ей известно; толкотня стояла отчаянная, каждому хотелось поближе посмотреть, чем все это обернется, меня не особенно разбирало любопытство, скорее я хотел пропустить вперед любопытных и потому влез на каменную скамью у церковных дверей. Оттуда мне как на ладони видны были оба курфюрста и цыганка, что сидела перед ними и старательно выводила какие-то каракули; вдруг она подымается, опершись на свои костыли, и оглядывает толпу, словно ищет кого-то, потом ее взгляд останавливается на мне, хотя я ее знать не знал и отродясь гаданием не интересовался, она проталкивается сквозь толпу и говорит мне: «На, держи, если господин пожелает что узнать, пусть спрашивает тебя!» С этими словами, ваша милость, она протянула мне своими костлявыми пальцами вот эту записку. Я смешался — ведь весь народ на меня смотрит — и говорю: «Матушка, чем это ты меня почтила?» Она что-то невнятное забормотала, но я, к великому своему удивлению, разобрал в этом бормотанье свое имя и слова: «Амулет, Кольхаас, лошадиный барышник, спрячь его хорошенько, в свое время он спасет тебе жизнь!» И — как сквозь землю провалилась. Что ж, — добродушно продолжал Кольхаас, — по правде говоря, как ни круто мне пришлось в Дрездене, а все же жизнью я не поплатился; а каково мне будет в Берлине и суждено ли мне там остаться в живых — покажет время.

При этих словах Кольхааса курфюрст опустился на скамью и хоть и ответил на встревоженный вопрос своей дамы: «Ничего, пустое», но упал без сознания, прежде чем она успела подбежать и подхватить его. Рыцарь фон Мальцан, зачем-то вошедший в комнату, воскликнул:

— Бог ты мой, что с этим господином?

Госпожа Элоиза закричала:

— Воды, скорей воды! — Охотничие подняли курфюрста и отнесли на кровать в соседнюю комнату. Всеобщее смятение достигло высшей точки, когда камергер, за которым послали пажа, после долгих и тщетных попыток вернуть к жизни своего господина объявил, что по всем признакам это удар. Кравчий послал верхового в Луккау за врачом, но ландрат, как только курфюрст на мгновение открыл глаза, приказал перенести больного в экипаж, чтобы медленно, шаг за шагом, доставить его в свой охотничий дворец, расположенный неподалеку. Утомленный дорогой курфюрст уже по прибытии на место дважды впадал в бессознательное состояние и почувствовал себя несколько лучше лишь на следующее утро, когда наконец явился врач из Луккау, обнаруживший у него нервную горячку.

Едва сознание вернулось к нему, он приподнялся на подушках, спрашивая: «Где Кольхаас?» Камергер, не разобрав вопроса, схватил его руку и стал умолять не тревожить себя думами о страшном человеке, который остался на лесной мызе возле Дааме под бдительной охраной бранденбургских рейтаров. Далее, заверив курфюрста в искреннем своем участии и вскользь заметив, что он высказал жене крайнее свое неудовольствие ее безответственным и легкомысленным поведением — надо же было свести его с этим человеком, — спросил, что ж было такого удивительного и ужасного в разговоре с Кольхаасом, если этот разговор довел его до болезни. Курфюрст сказал: он должен признаться, что всему виною маленькая записочка, которую этот человек носит на шее в железном медальоне. Силясь объяснить, в чем тут дело, он наговорил много непонятного, потом вдруг стал уверять, сжимая в своих руках руку камергера, что нет для него ничего важнее обладания этой запиской, прося его немедленно отправиться в Дааме и за любую цену выкупить ее у Кольхааса. Камергер, с трудом скрывая свое смущение, пробормотал, что поскольку злополучная записка столь важна для курфюрста, то прежде всего необходимо скрыть это обстоятельство от Кольхааса, иначе всех сокровищ Саксонии не хватит на то, чтобы выкупить ее из рук злодея, ненасытного в своей жажде мести. Чтобы несколько успокоить курфюрста, он добавил еще, что здесь, пожалуй, надо будет привлечь третье, незаинтересованное, лицо и с его помощью выманить записку, для Кольхааса, вероятно, особой ценности не представляющую и столь бесценную для курфюрста.

Курфюрст, утирая пот, спросил, нельзя ли тотчас же послать кого-нибудь в Дааме и задержать там конноторговца, покуда у него ценою любых ухищрений не будет отнят этот клочок бумаги. Камергер, не веря своим ушам, отвечал, что Кольхаас, надо думать, уже находится по ту сторону границы, на Бранденбургской земле, так что всякая попытка задержать его на пути следования или вернуть обратно может возыметь неприятнейшие, далеко идущие последствия, с которыми вовек не распутаяешься. И когда курфюрст с выражением отчаяния и безнадежности на лице откинулся на подушки, спросил еще, что же такое стоит в этой записке и каким таинственным, необъяснимым образом ему стало известно, что речь в ней идет именно о нем. На это, однако, курфюрст, смерив недоверчивым взглядом своего камергера, ни слова не ответил; недвижимый, с тревожно бьющимся сердцем лежал он, не сводя глаз с кончика носового платка, который задумчиво мял в руках, и вдруг попросил позвать к нему охотничего фон Штейн, статного и ловкого юношу, нередко ему служившего во всевозможных секретных делах. Посвятив его во всю эту историю и в то, как важна ему записка, находящаяся у Кольхааса, курфюрст спросил юношу, хочет ли тот приобрести вечное право на его дружбу, добыв для него записку прежде, нежели Кольхаас доберется до Берлина. И так как охотничий, несмотря на странность поручения, до известной степени смекнул, в чем тут дело, и заверил своего господина, что готов на все для него, то курфюрст приказал ему скакать вслед за Кольхаасом и, поскольку того вряд ли можно соблазнить деньгами, в хитроумной беседе пообещать ему свободу и жизнь за эту записку, и даже, если он будет на том настаивать, исподтишка помочь ему лошадьми, людьми и деньгами для побега от конвоирующих его бранденбургских рейтаров. Охотничий, запасшись письменным подтверждением этих слов и прихватив с собою нескольких слуг, ринулся в погоню за Кольхаасом, и так как они, не щадя коней, скакали во весь опор, то им удалось настигнуть его в пограничной деревушке, где он обедал вместе с рыцарем фон Мальцан и

всеми своими детьми под открытым небом у дверей отведенного ему домика. Рыцарь, которому фон Штейн выдал себя за проезжего, желающего поглядеть на удивительного человека — Кольхааса, познакомил его с последним и, любезно усадив за стол, предложил разделить с ними трапезу. И так как Мальцан, хлопоча о дальнейшем следовании, то и дело отлучался, рейтары же обедали за столом по другую сторону дома, фон Штейн быстро представилась возможность открыть Кольхаасу, кто он таков и за каким делом сюда явился. Конноторговец, давно знавший имя и сан человека, лишившегося чувств при виде железного медальона там, на мызе, мог бы достойно довершить удар, уже подкосивший курфюрста, открыв ему тайну записки; но он не пожелал ее распечатать из пустого любопытства, ибо твердо решил оставить ее при себе, памятуя о низком, не княжеском обращении, которому подвергся в Дрездене, несмотря на полную свою готовность пойти на любые жертвы. На вопрос, что побуждает его к столь странному упорству, ведь ему взамен как-никак предлагают жизнь и свободу, Кольхаас отвечал:

— Высокородный господин, если бы ваш государь и повелитель явился сюда и сказал: «Я уничтожу себя заодно со всей кликой, помогающей мне управлять страной», а вы, надо думать, понимаете, это значило бы, что сбылась заветнейшая моя мечта, я бы и то не отдал записки, которая ему дороже жизни, а сказал бы: «Ты можешь послать меня на эшафот, но я могу причинить тебе боль и сделаю это». — Без страха глядя в лицо неминуемой смерти, он подозвал одного из рейтаров под предлогом отдать ему миску с недоеденным вкусным кушаньем, во все время, проведенное им здесь, более не замечал охотничьего, и только уже садясь в повозку, подарил его прощальным взглядом.

Здоровье курфюрста, подвергшееся стольким испытаниям, после получения рокового известия настолько ухудшилось, что врач много дней опасался за его жизнь. И все же благодаря природному здоровью после долгих недель болезни он поправился хотя бы настолько, что, обложенного подушками и укутанного в одеяла, его можно было отвезти в Дрезден, где его ждали неотложные дела. Прибыв в свою резиденцию, он немедленно послал за принцем Мейссенским и спросил, что слышно относительно отправки в Вену советника суда Эйбенмайера, который должен был представить его императорскому величеству жалобу на нарушение Кольхаасом имперского мира. Принц отвечал, что согласно приказу курфюрста, отданному перед отъездом в Дааме, последний уехал в Вену тотчас же по прибытии в Дрезден ученого юриста Цойнера, присланного курфюрстом Бранденбургским для подачи в суд жалобы на юнкера Венцеля фон Тронка, задержавшего вороных Кольхааса. Курфюрст покраснел и отошел к своему письменному столу, удивляясь такой поспешности, ему помнилось, что он приказал, ввиду необходимости предварительно переговорить с доктором Лютером, исхлопотавшим Кольхаасу амнистию, задержать отъезд Эйбенмайера до особого распоряжения. Силясь обуздать свой гнев, он перекидал все лежавшие на столе письма и деловые бумаги.

После недолгого молчания принц, удивленно посмотрев на своего повелителя, выразил сожаление, что навлек на себя его неудовольствие, и предложил показать постановление государственного совета, вменившего ему в обязанность в назначенный срок отправить в Вену советника суда. К этому он добавил, что в государственном совете и речи не было о переговорах с доктором Лютером, что в свое время, возможно, было бы весьма целесообразно посоветоваться с этим высоким духовным лицом, ходатайствовавшим за Кольхааса, но не теперь, когда амнистия нарушена на глазах у всего света, когда Кольхаас вновь взят под стражу и выдан бранденбургским властям на суд и расправу. Курфюрст заметил, что в преждевременной отсылке Эйбенмайера он большой беды не видит; надо только, чтобы тот до дальнейших распоряжений не выступал в качестве обвинителя, и предложил принцу немедленно отправить к нему курьера с соответствующим предупреждением. Принц отвечал, что приказ курфюрста, увы, опоздал на один день, ибо по сведениям, сегодня им полученным, Эйбенмайер в качестве обвинителя уже подал жалобу в имперскую канцелярию. На вопрос опешившего курфюрста, как это все так быстро

сделалось, принц отвечал, что со времени отъезда Эйбенмайера прошло уже три недели, а согласно инструкции он обязан был безотлагательно выполнить дело, ему порученное. Любое промедление, добавил принц, было бы в этом случае неподобающим, так как бранденбургский юрист Цойнер настойчиво ходатайствовал перед судом о предварительном изъятии вороных у живодера на предмет их откорма и добился своего, несмотря на возражения противной стороны.

Курфюрст, потянув сонетку, заметил, что ладно, мол, не так все это важно! Задал принцу несколько безразличных вопросов: что слышно в Дрездене? Не случилось ли чего за время его отсутствия? И, не в силах более скрыть свое душевное смятение, кивнул в знак того, что аудиенция окончена. В тот же день под предлогом, что он должен самолично заняться делом столь большой государственной важности, курфюрст письменно затребовал от принца все документы, касающиеся Кольхаасова процесса, ибо мысль сгубить единственного человека, владеющего тайной записки, была ему непереносима. Более того, он собственноручно написал письмо императору[198], настойчиво и доверительно прося его, по очень важным причинам, кои он надеется изложить в ближайшее время, позволить Эйбенмайеру взять обратно поданную им жалобу.

Император ответил ему нотой, составленной в государственной канцелярии: что перемена, видимо совершившаяся в убеждениях курфюрста, его по меньшей мере удивляет; что доклад, поступивший к нему из Саксонии, придал делу Кольхааса значение, немаловажное для всей Священной Римской империи, и он, император, как глава государства, счел своим долгом выступить в этом деле в качестве обвинителя перед бранденбургским двором; поскольку гоф-ассессор Франц Мюллер, коего он назначил прокурором, уже выехал в Берлин, дабы призвать к судебной ответственности Кольхааса как нарушителя имперского мира, то жалоба, разумеется, не может быть взята обратно и судебному делу будет дан дальнейший ход в точном соответствии с законом.

Сия нота повергла курфюрста в отчаяние, вдобавок еще приумноженное частным письмом из Берлина, в котором ему сообщали, что в суде уже объявлено слушание дела Кольхааса и что оно, несмотря на все усилия адвоката, вероятно, закончится на эшафоте. Тогда этот несчастнейший из властителей решил сделать еще одну попытку и собственноручно написал курфюрсту Бранденбургскому, прося его за Кольхааса. Свое письмо он оправдывал тем, что-де, согласно букве закона, амнистия, дарованная этому человеку, не допускает совершения над ним смертной казни, далее он заверял своего собрата, что, несмотря на напускную суровость, никогда и в мыслях не имел предать Кольхааса смерти, и присовокупил, что будет безутешен, если покровительство, которое тому посулили в Берлине, вдруг обернется бедою и окажется, что было бы лучше, если бы его судили в Дрездене по саксонским законам.

Курфюрст Бранденбургский, которому многое в этом письме показалось темным и двусмысленным, отвечал, что решительность, с каковою действует прокурор его императорского величества, никак не позволяет ему исполнить желание своего собрата и попытаться обойти закон. Тревога же курфюрста Саксонского, по его мнению, излишня, ибо амнистия нарушена не им, ее даровавшим, но главою империи, для которого решение берлинского верховного суда отнюдь не обязательно. Далее он писал, что примерное наказание Кольхааса необходимо для устрашения Нагелынмидта, чьи набег, становясь все более и более дерзкими, перекинулись уже в бранденбургские владения, и просил курфюрста, буде он не пожелает принять во внимание его доводы, обратиться непосредственно к императору, так как, кроме него, никто не волен над жизнью и смертью Кольхааса.

Курфюрст с досады и огорчения из-за того, что все его попытки ни к чему не привели, снова заболел. И вот однажды утром, когда камергер пришел его проведать, он показал ему письма, написанные в надежде продлить жизнь Кольхааса и, таким образом, выгадать время

для овладения запиской. Камергер упал перед ним на колени, заклиная во имя всего святого сказать, что же такое в этой записке. Курфюрст приказал ему запереть дверь и сесть к нему на кровать; схватив руку камергера, он прижал ее к своей груди и начал говорить:

— Твоя жена, как я слышал, уже рассказала тебе, что на третий день после моего приезда в Ютербок для встречи с курфюрстом Бранденбургским мы с ним, гуляя, натолкнулись на одну цыганку. Курфюрст, по характеру живой и бойкий, решил при всем честном народе разоблачить эту женщину, об искусстве которой, кстати сказать, в тот самый день шел достаточно фривольный разговор за обедом; итак, заложив руки за спину, он подошел к столику цыганки и задорно предложил предсказать ему что-нибудь такое, что сегодня же сбудется, а иначе, будь она хоть римской Сивиллой[199], все равно он ее словам не поверит. Цыганка, окинув нас беглым взглядом, отвечала, что прежде, чем мы оба уйдем с рыночной площади, нам встретится дикий козел с большими рогами, тот, которого выпестовал в парке сын садовника. Надо тебе знать, что козел, предназначенный для дворцовой кухни, содержался под замком в высокой загородке, скрытой могучими дубами парка, не говоря уж о том, что весь парк и прилегавший к нему сад, изобиловавшие разной мелкой дичью, находились под строгой охраной, так что невозможно было себе представить, как, во исполнение странного пророчества, этот козел мог бы попасть на рыночную площадь. Курфюрст Бранденбургский, полагая, что за всем этим кроется какое-то мошенничество, и твердо решивший изобличить во лжи цыганку, что бы она еще ни говорила, перекинувшись со мной двумя-тремя словами, послал во дворец скорохода с приказом немедленно заколоть козла и в один из ближайших дней подать его к нашему столу. Засим обернулся к цыганке, слышавшей наш разговор, и сказал: «Итак, какое же будущее ты мне предскажешь?»

Цыганка, разглядывая его руку, говорила: «Слава моему курфюрсту и повелителю! Твоя милость долго будет править, и долго будет властвовать дом, из коего ты производишь, и потомки твои будут жить во славе и великолепии и станут могущественнее всех царей земных!»[200]

Курфюрст молча и задумчиво смотрел на ворожею, затем, шагнув ко мне, вполголоса сказал, что сожалеет, зачем он послал гонца во дворец, дабы помешать исполнению пророчества. И покуда монеты из рук сопровождавших его рыцарей дождем сыпались на колени цыганки, сам он, швырнув ей золотой, спросил, будет ли так же звенеть серебром предсказание, которое она делает мне.

Ворожея, отперев ящик, стоявший подле нее, обстоятельно и неторопливо уложила в него монеты, кучками по достоинству, снова его заперла и, ладонью прикрыв глаза от солнца, словно свет его был ей непереносим, взглянула на меня. Я задал ей тот же самый вопрос и, покуда она изучала мою руку, шутливо сказал, оборотясь к курфюрсту: «Мне, видимо, она уж ничего столь приятного не возвестит». Услышав это, старуха схватила костыли, медленно поднялась со скамейки, как-то загадочно простерла руки и, приблизившись ко мне, отчетливо прошептала: «Нет!» — «Вот как, — в смущении пробормотал я и отшатнулся от ворожеи, которая, глядя на меня безжизненным, холодным взором своих словно окаменелых глаз, вновь опустилась на скамеечку, — откуда же грозит моему дому опасность?» Цыганка, взяв в руки уголек и бумагу, спросила, должна ли она написать свое прорицание, и я, смутившись, отвечал, мне ведь ничего другого не оставалось: «Да, напиши!» — «Хорошо, — отвечала она, — три тайны я открою тебе: имя последнего правителя из твоего дома, год, когда он лишится престола, и имя того, кто с оружием в руках твоим царством завладеет»[201]. Сделав это на глазах у всего народа, она скрепила записку сургучом, увлажнив его своими увядшими губами, и припечатала железным перстнем, надетым на средний палец. Я, как ты сам понимаешь, сгорая от любопытства, потянулся за запиской, но она меня остановила словами: «Нет, нет, ваше высочество!» — и указала куда-то своим костылем: «Вон у того человека в шляпе с перьями, что стоит позади всего народа на скамейке у церковных дверей, вручишь ты эту записку, коли она тебе понадобится».

И прежде, чем я успел понять, что она сказала, она взвалила на спину свой ящик и смешалась с толпой, нас обступившей, я же, онемев от удивления, остался стоять на месте. Тут, к вящей моей радости, подходит рыцарь, которого курфюрст посылал во дворец, и, смеясь, докладывает, что козел уже зарезан и он сам видел, как двое егерей тащили его на кухню. Курфюрст берет меня под руку, чтобы увести с площади, и весело говорит: «Так я и знал, эти прорицания — обыкновенное мошенничество, не стоящее времени и денег, на них потраченных».

Но каково же было наше изумление, когда — он еще и договорить не успел — площадь зашумела и все взоры устремились на огромного меделянского пса; он мчался от дворцовых ворот, волоча за загривок тушу того самого козла, и в трех шагах от нас, преследуемый челядью, выронил свою добычу. Так сбылось пророчество цыганки, предназначенное служить залогом всего ею сказанного, и дикий козел, пусть мертвый, встретился нам на рыночной площади. Молния, грянувшая с небес в морозный зимний день, не поразила бы меня сильнее, чем то, что сейчас случилось, и первым моим порывом, как только мне удалось уйти от всех меня окружавших, было разыскать человека в шляпе с перьями, на которого указала цыганка. Но никто из посланных мною на розыски, продолжавшиеся целых три дня, так и не напал на его след. И вот, друг мой Кунц, несколько недель назад я собственными глазами увидел этого человека на мызе в Дааме.

С этими словами он выпустил руку камергера, вытер пот со лба и снова в бессилии опустился на подушки. Тот же, считая, что высказывать свою точку зрения на сей странный случай не стоит, курфюрст все равно будет стоять на своем, предложил изыскать какой-нибудь способ овладеть запиской, а в дальнейшем предоставить Кольхааса его собственной судьбе. Курфюрст решительно сказал, что такого способа не существует и что мысль не увидеть более роковой записки, мысль дать страшной тайне погибнуть вместе с этим человеком повергает его в ужас и отчаяние. На вопрос друга, не сделал ли он попытки выяснить, кто эта цыганка, курфюрст отвечал, что под выдуманным предлогом приказал ее разыскивать по всему курфюршеству, но след ее и по сей день нигде не обнаружился; при этом он добавил, что в силу некоторых обстоятельств — пояснить свои слова он отказался — цыганку вряд ли можно еще отыскать в Саксонии.

Как раз в это время камергер собирался в Берлин по делам, связанным с унаследованными его женой от смещенного и вскоре после того умершего графа Кальхейма крупными поместьями в Неймарке. А так как он искренне любил своего повелителя, то после некоторого раздумья и спросил последнего, не предоставит ли он ему полной свободы действий в истории с запиской. А когда тот, порывисто прижав его руку к своей груди, отвечал: «Вообрази, что ты — это я, и раздобудь ее!» — камергер, сдав дела, ускорил отъезд и отбыл в Берлин без жены, сопровождаемый лишь несколькими слугами.

Тем временем Кольхаас, доставленный в Берлин и согласно распоряжению курфюрста помещенный в рыцарскую тюрьму, предоставлявшую бо?льшие удобства ему и его пятерым детям, по прибытии из Вены прокурора предстал перед верховным судом, обвиненный в нарушении имперского мира. Правда, на первом же допросе он сказал, что в силу соглашения между ним и курфюрстом Саксонским, заключенным в Лютцене, он, Кольхаас, не может быть обвинен в вооруженном нападении на курфюршество Саксонское и последовавших засим насильственных действиях. В ответ ему было назидательно сказано, что его величеством императором, коего здесь представляет имперский прокурор, сие не может быть принято во внимание. Когда же ему все растолковали и к тому же объявили, что в Дрездене его иск к юнкеру фон Тронка полностью удовлетворен, он немедленно смирился. Случилось так, что в день прибытия камергера Кольхаасу был вынесен приговор — смерть через обезглавливание

мечом, в исполнение которого, даже несмотря на его мягкость[202], никто не хотел верить из-за запутанности всего дела; более того, весь город, зная, как курфюрст благоволил к Кольхаасу, надеялся, что по его могущественному слову казнь обернется разве что долголетним тюремным заключением.

Камергер, поняв, что ему нельзя терять времени, если он хочет выполнить поручение своего повелителя, начал с того, что в обычном своем придворном наряде стал прохаживаться под стенами тюрьмы, в то время как Кольхаас от нечего делать стоял у окна и разглядывал прохожих. По внезапному повороту головы Кольхааса камергер заключил, что тот его узнал, и с особым удовольствием отметил произвольное движение узника, поспешно коснувшегося рукой медальона. Итак, смятение, в эту минуту, видимо, охватившее душу Кольхааса, камергер истолковал как достаточный повод для того, чтобы перейти к решительным действиям. Он велел привести к себе торговку ветошью, старуху, едва ковылявшую на костылях, которую заметил на улицах Берлина среди других таких же старьевщиц и старьевщиц, ибо она по годам и по платью показалась ему похожей на ту, о которой говорил курфюрст. Уверенный, что Кольхаас в точности не запомнил мимолетно виденного лица женщины, передавшей ему записку, он решил подослать к нему старуху, заставив ее, если, конечно, удастся, сыграть роль цыганки-ворожеи. Посему он подробно рассказал ей обо всем, что в свое время произошло в Ютербоке между курфюрстом и цыганкой; не зная, однако, как далеко зашла та в своем провидении, он постарался втолковать старухе все ему известное касательно трех таинственных пунктов записки. Затем стал поучать ее говорить как можно отрывочнее и темней, дабы можно было хитростью или силой — для этого все уже подготовлено — выманить у Кольхааса записку, представляющую огромную важность для саксонского двора, буде же это окажется невозможным, предложить ему отдать эту записку ей на хранение якобы на несколько особо тревожных дней, когда у него она вряд ли будет в сохранности. Старьевщица, прельстившись солидным вознаграждением, тотчас же согласилась обстряпать это дело, потребовав, однако, от камергера задаток. А так как ей вот уже несколько месяцев была знакома мать Херзе, павшего под Мюльбергом, которая, с разрешения начальства, изредка навещала Кольхааса в тюрьме, то старухе в ближайшие дни с помощью небольшого подарка тюремщику удалось проникнуть в камеру конноторговца.

Кольхаас, увидев на руке старухи перстень с печаткой, а на шее коралловое ожерелье, принял ее за ту самую цыганку, что дала ему записку в Ютербоке; но поскольку правдоподобие не всегда состоит в союзе с правдой, то здесь и произошел некий казус, о котором мы поведаем читателям, предоставив каждому, кто пожелает, полную свободу в таком усомниться. Дело в том, что камергер, как оказалось, совершил отчаянную промашку и, погнавшись на улицах Берлина за старухой ветошницей, которой он прочил роль цыганки, изловил ту самую таинственную ворожею из Ютербока.

Так или иначе, но старуха на костылях, лаская детишек, пораженных ее странным видом и в испуге прижимавшихся к отцу, рассказала, что уже довольно давно воротилась из Саксонии в Бранденбургское курфюршество и, услышав, как камергер на улицах Берлина, не блюдя осторожности, наводит справки о цыганке, весной прошлого года находившейся в Ютербоке, немедленно к нему протиснулась и, назвавшись вымышленным именем, вызвалась выполнить его поручение. Кольхаасу бросилось в глаза непостижимое сходство цыганки с его покойной женою Лисбет, такое сходство, что он едва удержался, чтобы не спросить, уж не приходится ли она ей бабушкой, ибо не только черты ее лица, но и руки, все еще красивые, и прежде всего жесты этих рук, когда она говорила, воскрешали в его памяти Лисбет, даже родинку, так красившую шею его жены, заметил он на морщинистой шее старухи. Кольхаас — мысли у него как-то странно путались — усадил ее на стул и спросил, что ж это за дела такие, да еще связанные с камергером, привели ее к нему. Старуха, глядя любимую собаку Кольхааса, которая обнюхивала ее колени и виляла хвостом, отвечала, что камергер поручил ей разведать, какой же ответ содержится в записке на три таинственных вопроса, столь важных для саксонского двора, далее — предостеречь его, Кольхааса, от некоего человека,

присланного в Берлин, чтобы, пробравшись в тюрьму, выманить записку под предлогом, что у него она будет сохраннее, нежели на груди у Кольхааса. Пришла же она сюда с намерением сказать ему, что угроза хитростью или силой отнять у него записку — нелепица и заведомая ложь; что ему, находящемуся под защитой курфюрста Бранденбургского, нечего опасаться этого человека и, наконец, что у него на груди записка будет целее, чем даже у нее, только пусть остерегается, чтобы никто и ни под каким видом ее у него не отнял. Тем не менее, закончила старуха, ей кажется разумным использовать записку для той цели, какую она имела в виду, вручая ему в Ютербоке этот клочок бумаги, призадуматься над предложением, сделанным через охотничего фон Штейн, и записку, для него, Кольхааса, уже бесполезную, выменять у курфюрста Саксонского на жизнь и свободу.

Кольхаас, ликуя, что ему дарована сила смертельно ранить врага, втоптавшего его в прах, воскликнул:

— Ни за какие блага мира, матушка! — Засим, пожав руку старухи, любопытствовал, что же за ответы и на какие такие грозные вопросы стоят в этой записке.

Цыганка взяла на колени младшего его сына, пристроившегося было на полу у ее ног, и проговорила:

— Блага мира тут ни при чем, Кольхаас, лошадиный барышник, а вот благо этого белокурого мальчугана... — Она рассмеялась, лаская и целуя ребенка, смотревшего на нее широко раскрытыми глазами, потом костлявыми своими руками протянула ему яблоко, вынутое из кармана.

Кольхаас в волнении сказал, что дети, будь они постарше, одобрили бы его поступок и что именно в заботе о них и о будущих внуках он долгом своим почитает сохранить эту записку. Ибо кто же после горького опыта, им приобретенного, уберет его от нового обмана, и не пожертвует ли он запиской для курфюрста так же бесцельно, как пожертвовал для него своим военным отрядом в Лютцене.

— Кто однажды нарушил слово, — добавил он, — с тем я больше в переговоры не вступаю; и только ты, матушка, прямо и честно можешь сказать, надо ли мне расстаться с листком, столь чудесным образом вознаградившим меня за все, что я претерпел?

Старуха, спустив с колен ребенка, отвечала, что кое в чем он прав и, конечно, волен поступать, как ему заблагорассудится. С этими словами она взяла костыли и направилась к двери. Кольхаас повторил свой вопрос касательно содержания загадочной записки, и, когда старуха нетерпеливо ему ответила, что он ведь может ее распечатать, хотя это и будет пустое любопытство, пожелал узнать еще и многое другое: кто она, как пришло к ней ее искусство, почему она не отдала курфюрсту записку, собственно для него предназначавшуюся, и среди многих тысяч людей избрала именно его, Кольхааса, никогда прорицаниями не интересовавшегося, и ему вручила чудесный листок.

Но тут вдруг на лестнице послышались шаги тюремной стражи, и старуха, боясь, что ее здесь застанут, торопливо проговорила:

— До свидания, Кольхаас! Когда мы снова встретимся, ты все узнаешь! — Затем, идя к двери, воскликнула: — Прощайте, детки, будьте счастливы! — перецеловала малышей всех подряд и вышла.

Тем временем курфюрст Саксонский, терзаемый мрачными мыслями, призвал к себе двух астрологов, Ольденхольма и Олеариуса, в ту пору весьма почитаемых в Саксонии, надеясь от них узнать содержание таинственной записки, столь важной для всего его рода и потомства. Но так как сии ученые мужи после нескольких дней, проведенных на башне Дрезденского замка за чтением звезд, не смогли прийти к согласию, относится ли

пророчество к последующим столетиям или же к настоящему времени и не подразумевает ли оно королевство Польское, отношения с коим все еще оставались неприязненными, то этот ученый спор не только не развеял тревоги, чтобы не сказать отчаяния, несчастного властителя Саксонии, но, напротив, усугубил ее, сделал и вовсе непереносимой. К этому еще добавилось, что камергер поручил своей жене, собиравшейся к нему в Берлин, осторожно сообщить курфюрсту о неудавшейся попытке завладеть запиской с помощью одной женщины, которая с тех пор как в воду канула. Принимая во внимание все эти обстоятельства, приходится оставить всякую надежду раздобыть злосчастную записку, тем паче что после всестороннего обсуждения дела курфюрст Бранденбургский подписал смертный приговор Кольхаасу и казнь назначена на понедельник после Вербного воскресенья.

Услышав это, курфюрст себя не помнил от горя и раскаяния; жизнь ему опротивела: запершись в опочивальне, он в течение двух дней не притрагивался к пище, но на третий, не давая никаких объяснений кабинету, вдруг заявил, что уезжает на охоту к принцу Дессаускому, и исчез из Дрездена. Вопрос о том, направился ли он в Дессау или куда-нибудь еще, мы оставляем открытым, ибо старинные хроники, из сопоставления коих мы почерпаем материал для нашей повести, в этом пункте странным образом одна другой противоречат. Установлено лишь, что принц Дессауский не мог быть на охоте, так как в это время лежал больной в Бранденбурге у своего дядюшки герцога Генриха, а также, что госпожа Элоиза вечером следующего дня в сопровождении некоего графа фон Кёнигштейн, которого она выдавала за своего двоюродного брата, прибыла в Берлин, где ее дожидался супруг, господин Кунц.

Тем временем Кольхаасу был уже зачитан смертный приговор, с него сняли оковы и возвратили отобранные было в Дрездене документы, касающиеся его имущества; когда же советники, направленные к нему судом, спросили, как желает он распорядиться своим достоянием, Кольхаас с помощью нотариуса составил завещание в пользу своих детей, а опекуном над ними назначил доброго старого друга — амтмана из Кольхаасенбрюкке. Посему спокойствием и безмятежностью были исполнены его последние дни; тем более что курфюрст распорядился открыть темницу и предоставить право друзьям Кольхааса, которых в городе у него было великое множество, посещать его днем и ночью. Но еще большее удовлетворение суждено было испытать Кольхаасу, когда в тюрьму к нему явился богослов Якоб Фрейзинг, посланный доктором Лютером с собственноручным и, без сомнения, весьма примечательным письмом последнего, к сожалению, до нас не дошедшим, который в присутствии двух бранденбургских деканов причастил его святых тайн.

Но вот настал роковой понедельник после Вербного воскресенья, день, когда Кольхаасу предстояло поплатиться жизнью за необдуманно поспешную попытку собственными силами добиться правды; весь город пребывал в волнении, все еще не теряя надежды, что государево слово спасет Кольхааса. Вот, предводительствуемый богословом Якобом Фрейзингом, в сопровождении усиленного конвоя, вышел он из ворот тюремного замка, держа на руках обоих своих мальчиков (ибо эту милость он настойчиво выговорил себе у суда), как вдруг из обступившей его горестной толпы друзей и знакомых, пожимавших ему руки и навеки с ним прощавшихся, вышел кастелян курфюрстова дворца и с растерянным видом подал ему листок бумаги, сказав, что сделать это упростила его какая-то старуха. Кольхаас взял письмо, удивленно взглянув на этого почти незнакомого ему человека, и по оттиску перстня на печати сразу догадался, что оно от цыганки.

Но кто опишет изумление, его охватившее, когда он прочитал; «Кольхаас, курфюрст Саксонский в Берлине; он уже отправился к лобному месту, и ты, если захочешь, можешь узнать его по шляпе с султаном из голубых и белых перьев. Не мне тебе говорить, зачем он явился; он надеется вырыть твое тело из могилы и наконец прочитать записку, хранящуюся в медальоне. —

Твоя Элизабет».

Кольхаас, до крайности пораженный, обернулся к кастеляну и спросил, знакома ли ему чудная женщина, передавшая это письмо. Кастелян успел только сказать: «Кольхаас, эта женщина...» — но странным образом запнулся, процессия двинулась дальше, и Кольхаас уже не мог разобрать, что говорил этот дрожавший всем телом человек.

Прибыв на площадь, где высился эшафот, Кольхаас среди несметной толпы народа увидел курфюрста Бранденбургского верхом на коне, с конною же свитой, в числе которой находился и эрцканцлер Генрих фон Гейзау, одесную от него имперский прокурор Франц Мюллер держал в руках смертный приговор, ошую стоял ученый правовед Антон Цойнер с решением дрезденского трибунала; в середине полукруга, замыкавшегося толпой, герольд с узлом вещей держал в поводу обоих вороных, раскормленных, с лоснящейся шкурой, бивших копытами землю. Ибо эрцканцлер господин Генрих именем своего государя настоял в Дрездене, чтобы юнкером фон Тронка, статья за статьей, без малейшего послабления, было выполнено решение суда. Над головами вороных, когда их забирали от живодера, склонили знамя, дабы честь коней была восстановлена, затем люди юнкера фон Тронка выходили и откормили их и в присутствии нарочно для того созванной комиссии передали прокурору на рыночной площади в Дрездене. Посему, когда Кольхаас, сопровождаемый стражниками, проходил мимо, курфюрст обратился к нему со следующей речью:

— Итак, Кольхаас, сегодня тебе воздается должное! Смотри, я возвращаю тебе все, что было мною отнято у тебя в Тронкенбурге и что я, как глава государства, обязан был тебе возратить: вот твои вороные, шейный платок, золотые гульдены, белье, даже деньги, истраченные тобой на лечение конюха Херзе, павшего под Мюльбергом. Доволен ли ты мною?

Кольхаас, спустив наземь детей, которых до того держал на руках, с пылающим взором читал решение суда, врученное ему по знаку эрцканцлера. Прочитав пункт, согласно коему юнкер Венцель приговаривался к двухгодичному тюремному заключению, он, не в силах более сдерживать обуревавших его чувств, скрестил руки на груди и опустился на колени перед курфюрстом. Поднявшись, он оборотился к эрцканцлеру и радостно проговорил, что заветнейшее из его земных желаний исполнилось; затем подошел к коням, оглядел их, ласково потрепал по лоснящимся шеям и, снова приблизившись к канцлеру, сказал, что дарит их своим сыновьям — Генриху и Леопольду. Генрих фон Гейзау, нагнувшись к нему с седла, от имени курфюрста милостиво заверил Кольхааса, что последняя его воля будет свято исполнена, и предложил ему распорядиться еще и насчет вещей, связанных в узел. Кольхаас подозвал к себе старуху — мать Херзе, которую разглядел в толпе, и, передавая ей вещи, сказал:

— Возьми, матушка, это твое! — и еще отдал ей деньги, приложенные к узлу в качестве возмещения убытков, прибавив, что они пригодятся ей на старости лет.

— А теперь, конноторговец Кольхаас, — воскликнул курфюрст, — когда твой иск полностью удовлетворен, готовься держать ответ перед его императорским величеством в лице присутствующего здесь прокурора за нарушение имперского мира!

Кольхаас снял шляпу и, бросив ее наземь, объявил, что он готов, еще раз подняв детей, прижал к своей груди, передал их амтману из Кольхаасенбрюкке, который, тихо плача, увел их с площади, и взошел на помост.

Он уже снял шейный платок и отстегнул нагрудник, как вдруг среди толпы заметил хорошо знакомого человека в шляпе с голубыми и белыми перьями, которого старались заслонить собою два рыцаря. Кольхаас, отстранив стражников и неожиданно быстро к нему приблизившись, сорвал с шеи медальон, вынул из него записку, распечатал и прочитал ее; потом, в упор

глядя на человека с султаном из голубых и белых перьев, в чьей душе шевельнулась было надежда, скомкал ее, сунул в рот и проглотил.

Человек с голубыми и белыми перьями на шляпе, увидя это, в судорогах упал на землю. И в то время, как перепуганные спутники последнего склонились над ним, Кольхаас взошел на эшафот и голова его скатилась с плеч под топором палача.

На этом кончается история Кольхааса. Тело его, под неумолчный плач народа, было положено в гроб, и когда носильщики подняли его, чтобы отнести на кладбище в предместье и там как подобает предать земле, курфюрст подозвал к себе сыновей покойного, ударом меча посвятил их в рыцари и сказал своему эрцканцлеру, что воспитание оба мальчика получат в пажеской школе курфюршества.

Курфюрст Саксонский, разбитый душой и телом, вскоре после описанных событий вернулся в Дрезден, о дальнейшем же читатель может узнать из летописи этого города.

Жизнерадостные и здоровые потомки Кольхааса еще в прошлом столетии жили в герцогстве Мекленбургском.

МАРКИЗА д'О

Перевод с немецкого Г. Рачинского.

В М., одном из крупных городов Верхней Италии, вдовствующая маркиза д'О., женщина, пользовавшаяся превосходной репутацией и мать нескольких прекрасно воспитанных детей, напечатала в газетах, что она, сама того не подозревая, оказалась в положении и просит отца ожидаемого ею ребенка явиться, ибо она из семейных соображений готова выйти за него замуж.

Женщина, которая с такой уверенностью, под давлением неотвратимых обстоятельств, сделала столь странный, вызывающий всеобщую насмешку шаг, была дочь господина Г., коменданта цитадели в М. Около трех лет назад она потеряла мужа, маркиза д'О., которого искренне и нежно любила; маркиз скончался во время путешествия в Париж, предпринятого им по семейным делам. По желанию своей почтенной матери, госпожи Г., она покинула после смерти мужа поместье, где дотеле проживала, близ города В., и вместе с двумя детьми вновь поселилась у отца в комендантском доме. Здесь провела она несколько лет в полном уединении, занимаясь искусством, чтением, воспитывая детей и ухаживая за родителями до тех пор, пока вспыхнувшая война не наводнила окрестности войсками почти всех держав, в том числе и русскими.[203] Полковник Г., получивший приказ защищать крепость, предложил жене и дочери переехать либо в имение последней, либо в имение его сына, расположенное близ города В. Но, раньше чем женщины успели взвесить трудности и лишения, которые ожидали их в осажденной крепости, и ужасы, угрожавшие им в незащищенном имении, и решиться на тот или иной выбор, цитадель уже оказалась окруженной русскими войсками и коменданту ее было предложено сдаться. Полковник объявил своему семейству, что теперь он будет действовать так, как если бы их здесь не было, и ответил наступавшим ядрами и гранатами. Неприятель, со своей стороны, стал бомбардировать цитадель, Он поджег склады, овладел одним из наружных укреплений, и когда на новое предложение сдаться комендант не сразу дал ответ, то предпринял ночную атаку и взял крепость штурмом.

Как раз в ту минуту, когда русские под жестоким гаубичным огнем ворвались в цитадель, левое крыло комендантского дома загорелось, что вынудило женщин покинуть его. Жена

полковника, следовавшая за дочерью, которая со своими детьми поспешно спускалась с лестницы, крикнула ей, чтобы она вместе с нею укрылась в подвале, однако граната, разорвавшаяся в это самое мгновение внутри дома, довершила царившее в нем смятение. Маркиза оказалась с обоими детьми на площадке перед замком, где кипел бой и в ночи сверкали выстрелы, которые погнали вконец растерявшуюся женщину обратно, в горящее здание. Здесь, к несчастью, как раз в ту минуту, когда она собиралась ускользнуть через заднюю дверь, ей встретился отряд неприятельских стрелков; завидев ее, они вдруг остановились, перекинули ружья через плечо и с отвратительными гримасами потащили ее за собой. Напрасно маркиза, в то время как ужасная шайка дерущихся между собою солдат тянула ее то в одну, то в другую сторону, звала на помощь своих дрожавших от ужаса служанок, которые спаслись бегством через ворота. Ее притащили на задний двор замка, где она, обессиленная от гнусных посягательств, уже готова была упасть на землю, как вдруг, привлеченный отчаянными криками женщины, появился русский офицер и ударами разогнал всех этих псов, разохотившихся до такой добычи. Маркизе он показался ангелом, ниспосланным с небес. Последнего озверевшего злодея, который охватил рукой ее стройный стан, он ударил эфесом шпаги по лицу так, что тот, шатаясь, отошел, выплевывая кровь; затем, обратившись с любезной французской фразой к даме, он предложил ей руку и провел ее, утратившую от всего пережитого способность говорить, в другое, не охваченное огнем крыло замка, где она упала, потеряв сознание. Здесь, куда вновь сбежались ее перепуганные служанки, он распорядился вызвать врача и, надев шляпу, уверил, что она скоро придет в себя, после чего снова вернулся в бой.

Крепость вскоре была окончательно взята, и комендант, который оборонялся только потому, что не ждал себе пощады, отступил, теряя силы, к дверям замка, когда русский офицер с разгоряченным лицом вышел оттуда и крикнул ему, чтобы он сдался. Комендант отвечал, что он только и ждал этого предложения, вручил ему свою шпагу и испросил разрешения войти в замок, чтобы узнать, что случилось с его семьей. Русский офицер, бывший, судя по роли, которую он играл, одним из предводителей приступа, позволил коменданту войти под охраной конвоиров и, поспешно став во главе одного из отрядов, решил исход боя там, где он еще был сомнителен, и быстро овладел важнейшими пунктами крепости. Вскоре затем он вернулся на место сбора, приказал потушить все более и более распространявшийся пожар и сам проявлял чудеса энергии, когда его распоряжения исполнялись не с должным усердием. То влезал он с кишкой в руках на горящую крышу, направляя струю воды, то, наполняя ужасом сердца азиатов, входил в арсенал и выкатывал оттуда бочонки с порохом и начиненные бомбы. Комендант, тем временем вошедший в дом, был страшно перепуган, узнав об ужасном случае с маркизой. Маркиза, которая и без помощи врача, о коем распорядился русский офицер, совершенно очнулась от своего обморока, была чрезвычайно рада увидеть всех своих живыми и здоровыми и лишь для того оставалась в постели, чтобы успокоить их чрезмерную тревогу; она уверяла, что единственное желание ее — встать, чтобы выразить всю свою признательность своему избавителю. Она уже знала, что то был граф Ф., подполковник Т-ского стрелкового батальона и кавалер многих орденов. Она просила отца убедить графа не покидать цитадели, не зайдя хотя бы на минуту в замок. Комендант, уважая чувства дочери, немедленно вернулся в цитадель и, не найдя более удобного случая, так как граф Ф. все время переходил с места на место, будучи занят всевозможными военными распоряжениями, передал ему желание своей растроганной дочери на валу, где тот производил смотр поредевшим в бою ротам. Граф уверил его, что он только и ждет той минуты, когда ему удастся хоть ненадолго освободиться от своих дел, чтобы засвидетельствовать маркизе свою преданность. Он осведомился, как она себя чувствует, но подошедшие в это время с донесениями офицеры снова вовлекли его в сумятицу военных действий. Когда наступил день, прибыл командующий русскими войсками и

осмотрел цитадель. Он выразил коменданту свое уважение, высказал сожаление, что счастье не оказало его мужеству надлежащей поддержки, и отпустил его на честное слово, предоставив ему отправиться, куда ему будет угодно. Комендант заверил его в своей признательности, добавив, что он за этот день многим обязан русским вообще, особенно же молодому графу Ф., подполковнику Т-ского стрелкового батальона. Генерал спросил, что, собственно, произошло, и, когда ему рассказали о преступном покушении на дочь коменданта, он выразил сильнейшее негодование. Он вызвал графа Ф. Высказав сначала в кратких словах похвалу его благородному поведению, — при этом все лицо графа вспыхнуло горячим румянцем, — он в заключение заявил, что велит расстрелять мерзавцев, позорящих имя своего императора, и велел указать, кто они.

Граф Ф. смущенно и сбивчиво заявил, что он не в состоянии назвать их имена, ибо при слабом мерцании фонарей во дворе замка он не мог разглядеть их лиц. Генерал, слышавший, что в то время замок уже был охвачен пламенем, выразил по этому поводу свое удивление; он заметил при этом, что даже ночью хорошо знакомых людей можно признать по голосу, и, поскольку граф в смущении только пожал плечами, приказал произвести с возможной энергией строжайшее расследование этого дела. В это время кто-то, протеснившись вперед из задних рядов, доложил, что одного из раненных графом Ф. злодеев, упавшего в коридоре, слуги коменданта перетащили в отдельную каморку и что он все еще там находится. Генерал тотчас приказал привести его под конвоем, коротко допросить и расстрелять всю шайку, состоявшую из пяти человек, после того как тот назвал всех пятерых по именам. Покончив с этим делом, генерал, оставив в цитадели небольшой гарнизон, отдал остальным войскам приказ о выступлении; офицеры поспешно разошлись к своим частям; граф Ф. среди общей суматохи подошел к коменданту и выразил ему сожаление, что вынужден при таких обстоятельствах просить почтительнейше передать маркизе его поклон, и менее чем через час русские покинули крепость.

Семейство коменданта подумывало о том, как бы в будущем найти случай тем или иным образом выразить графу свою признательность; но сколь велик был их ужас, когда они узнали, что граф в тот самый день, когда он покинул цитадель, был убит в стычке с неприятельскими войсками. Курьер, привезший это известие в М., видел собственными глазами, как его, смертельно раненного в грудь, переносили в П., где, по достоверным сведениям, он скончался в то мгновение, когда принесшие его солдаты хотели снять его с носилок. Комендант, лично отправившийся в почтовую контору и расспросивший о подробностях этого происшествия, узнал еще, что в тот самый миг, когда пуля поразила его на поле битвы, он воскликнул: «Джульетта! Эта пуля отомстила за тебя!» — после чего его уста сомкнулись навеки. Маркиза была безутешна, что упустила случай броситься к его ногам. Она упрекала себя, что после его отказа зайти в замок, обусловленного, как она полагала, его скромностью, она не пошла к нему сама, она пожалела о своей несчастной тещке, о которой он вспомнил перед самой смертью; тщетно пыталась она ее разыскать, дабы сообщить ей об этом печальном и трогательном происшествии, и понадобилось несколько месяцев, прежде чем она сама о нем забыла.

Семейству Г. пришлось теперь очистить дом коменданта для русского генерала. Сначала подумывали о том, чтобы перебраться в одно из поместий коменданта, чего очень желала маркиза, но так как полковник не любил деревенской жизни, то семейство наняло дом в городе и стало в нем устраиваться на постоянное жительство. Все вошло теперь в прежнюю колею. Маркиза после продолжительного перерыва снова принялась за обучение своих детей, а в свободные часы опять садилась за свой мольберт и книги; но тут, будучи вообще самой богиней здоровья, она вдруг стала испытывать частое недомогание, которое целыми неделями делало ее неспособной бывать в обществе. Она страдала тошнотами, головокружениями и обмороками, решительно не понимая, что с нею делается. Однажды утром, когда вся семья сидела за чаем и отец на минуту отлучился из комнаты, маркиза, очнувшись от продолжительного забытья, обратилась к своей матери со словами:

— Если бы какая-нибудь женщина мне сказала, что она испытывает то, что я только что ошутила, взяв в руку чашку чая, я бы подумала про себя, что она в положении.

Госпожа Г. ответила, что не понимает ее. Тогда маркиза пояснила, что у нее только что было точно такое же ощущение, какое она испытывала тогда, когда была беременна своей второй дочерью. Госпожа Г. засмеялась и сказала, что, пожалуй, она родит Фантазуса[204].

— В таком случае, по крайней мере, Морфей или какой-либо сон из его свиты оказался бы его отцом, — отвечала шутливо маркиза.

Но вошедший в эту минуту полковник прервал этот разговор, а так как маркиза через несколько дней оправилась, то и предмет разговора скоро был забыт.

Немного времени спустя, как раз когда к ним приехал сын коменданта, лесничий в Г., вся семья была напугана вошедшим в комнату лакеем, который доложил о прибытии графа Ф. «Граф Ф.!» — в один голос воскликнули отец и дочь, и все онемели от удивления. Лакей заверил, что он не обознался и не ослышался и что граф Ф. уже здесь и ждет в передней. Комендант сам вскочил, чтобы отворить ему дверь, и граф, прекрасный, как молодой бог, хотя немного побледневший, вошел в комнату. После первых минут общего изумления, в ответ на восклицание родителей маркизы, что, мол, как же так, — ведь он умер, граф сказал, что он жив, и, обратившись с глубоко растроганным выражением лица к их дочери, прежде всего спросил ее, как она себя чувствует. Маркиза уверила его, что превосходно, и только хотела от него узнать, каким образом он воскрес. Однако, продолжая настаивать на своем вопросе, граф возразил, что она говорит ему неправду: ее лицо носит отпечаток чрезвычайной усталости; или он ошибается, или она должна испытывать недомогание и страдает. Маркиза, тронутая той сердечностью, с которой он это высказал, отвечала, что ее утомленный вид, пожалуй, действительно объясняется нездоровьем, которое она испытала несколько недель тому назад; однако она не опасается, чтобы это имело какие-либо дальнейшие последствия. На это он отвечал, радостно вспыхнув, что также не опасается этого, и прибавил: не согласится ли она выйти за него замуж. Маркиза не знала, что ей и думать по поводу такого заявления. Она, покраснев до корней волос, взглянула на мать, которая, в свою очередь, в смущении глядела на сына и мужа; между тем граф подошел к маркизе, взял ее руку, словно собираясь поцеловать, и повторил: поняла ли она его? Комендант предложил ему присесть и любезно, хотя и с несколько озабоченным выражением лица, подвинул ему стул. Полковница промолвила:

— В самом деле, мы не перестанем считать вас за призрак до тех пор, пока вы не откроете нам, каким образом вы встали из гроба, в который вас положили в П.

Граф, выпустив руку маркизы, сел и сказал, что он вынужден по некоторым обстоятельствам быть очень кратким: получив смертельную рану в грудь, он был доставлен в П., где в течение нескольких месяцев сам сомневался, выживет ли он; что в это время маркиза была единственным предметом его мыслей; что он не в силах описать то упоение и то страдание, которые сплетались в его душе при воспоминании о ней; что, поправившись наконец, он вернулся в строй; что и потом он испытывал сильнейшее волнение и беспокойство; что он не раз брался за перо, желая излить свое сердце в письме господину полковнику и маркизе; что его внезапно отправили с депешами в Неаполь; что он не знает, не пошлют ли его оттуда дальше в Константинополь, что ему, пожалуй, придется даже поехать в Петербург; что между тем он не может дольше жить, не уяснив себе положения дела в связи с одним непреложным требованием его души; что, проезжая через М., он не мог удержаться, чтобы не предпринять некоторых шагов к этой цели; словом, что он питает надежду быть осчастливленным рукою маркизы, а потому он почтительнейше и настоятельнейше просит дать ему по этому поводу благосклонный ответ.

Комендант после продолжительного молчания отвечал, что предложение графа, если оно —

в чем он не сомневается — серьезно, чрезвычайно лестно для него. Однако дочь его после смерти своего супруга маркиза д'О. решила не вступать вторично в брак. Но так как граф еще недавно оказал ей такую огромную услугу, то возможно, что решение ее изменится в желательном для графа смысле; поэтому он от ее имени просит дать ей некоторое время на спокойное размышление. Граф стал уверять, что хотя этот милостивый ответ и удовлетворяет всем его надеждам, что при других обстоятельствах он почитал бы себя вполне счастливым и сознает всю неуместность того, что не довольствуется этим, но что тем не менее известные обстоятельства, изложить которые он не имеет возможности, вынуждают его просить о более определенном ответе, который является для него крайне желательным; что лошади, которые должны его отвезти в Неаполь, уже впряжены в его карету и что он убедительно просит, если в этом доме что-либо говорит в его пользу, — при этом он взглянул на маркизу, — не дать ему уехать без благосклонного ответа.

Полковник, несколько смущенный такой настойчивостью, ответил, что хотя признательность к нему, испытываемая маркизой, и дает ему право рассчитывать на многое, однако — до известного предела; она не предпримет шага, от которого зависит счастье всей ее жизни, без надлежащего благоразумия. Необходимо, чтобы его дочь, раньше чем дать окончательный ответ, имела счастье ближе с ним познакомиться. Поэтому он приглашает графа, по окончании его командировки, вернуться в М. и погостить некоторое время в его доме. Если после этого маркиза возымеет надежду, что граф может составить ее счастье, то и он в таком случае — но не прежде того — с радостью услышит, что она дала графу окончательный ответ на его предложение.

Граф, покраснев, отвечал, что всю дорогу он предсказывал такую судьбу пламенным желанием своего сердца; что тем не менее это повергает его в глубочайшую скорбь; что при той невыгодной роли, которую он в настоящее время вынужден играть, ему, безусловно, представляется желательным, чтобы с ним ближе познакомились; что свою репутацию, — если только эта крайне сомнительная принадлежность человека заслуживает внимания, — он надеется подтвердить; что единственный недостойный поступок, который он в своей жизни совершил никому не ведом и в настоящее время он на пути к искуплению его; что он вполне честный и порядочный человек и просит верить, что это его утверждение, безусловно, соответствует истине.

Комендант с улыбкой, но без малейшей иронии, отвечал что он готов обеими руками подписаться под всем им сказанным. До сих пор ему не приходилось встречать молодого человека, который в такое короткое время проявил бы столько превосходных черт своего характера. Он почти уверен, что непродолжительное размышление рассеет последние имеющиеся сомнения; однако, пока он не переговорит со своим семейством и не снесется с семейством графа, другого ответа, кроме данного им, последовать не может. На это граф отвечал, что родителей у него нет и что он совершенно самостоятелен. Дядя его — генерал К., за согласие которого он ручается. К этому он добавил, что у него значительное состояние и что он готов сделать Италию своим отечеством.

Комендант с любезным поклоном вновь высказал ему свою волю, прося его не возвращаться к этому предмету до окончания его путешествия. Граф после непродолжительного молчания, во время которого у него наблюдались все признаки глубочайшего волнения, сказал, обратившись к матери маркизы, что он сделал все от него зависящее, дабы избежать этой командировки, что шаги, предпринятые им с этой целью перед главнокомандующим и перед дядей, генералом К., были самые решительные, какие только возможны, но что последние надеялись, что это путешествие рассеет ту меланхолию, которая, по их мнению, оставалась от его болезни; между тем он именно теперь чувствует себя глубоко несчастным.

Семья коменданта недоумевала, что ответить на эти слова. Граф потер лоб рукой и продолжал: если есть какая-нибудь надежда, что это приблизит его к исполнению его желания, он мог бы отложить свой отъезд на день, а может быть, и больше, чтобы сделать

еще попытку. При этом он поочередно взглянул на коменданта, на его жену и на маркизу. Комендант с неудовольствием опустил глаза и ничего не ответил. Полковница сказала:

— Поезжайте, поезжайте, граф, съездите в Неаполь; по возвращении подарите нас на некоторое время своим присутствием, и все устроится наилучшим образом.

Граф с минуту сидел и, казалось, раздумывал, что ему предпринять. Затем, поднявшись и отодвигая стул, сказал: так как он видит, что надежда, с которой он вошел в этот дом, оказалась преждевременной и они настаивают на более близком знакомстве, что, впрочем, он не может не одобрить, то он отошлет порученные ему депеши в главную квартиру в Ц. для отправки их с другим курьером и с благодарностью примет любезное предложение погостить несколько недель в этом доме. После этих слов граф еще некоторое время помедлил; не выпуская из руки стула, он стоял у стены и глядел на коменданта. Комендант сказал ему, что его крайне огорчило бы, если бы страсть, которой граф, видимо, воспытал к его дочери, сделалась причиной серьезных неприятностей для него; что, однако, он сам должен знать, как ему поступить, а потому не соблаговолит ли он, отослав депеши, занять предназначенные для него комнаты. При этих словах граф заметно побледнел, почтительно поцеловал руку полковницы, поклонился остальным и удалился.

Когда он вышел из комнаты, все семейство пребывало в полном недоумении, не зная, как объяснить это явление. Госпожа Г. сказала, что ей представляется невозможным, чтобы граф решился отослать в Ц. депеши, с которыми он был послан в Неаполь, только потому, что ему при проезде через М. не удалось в пятиминутном разговоре добиться от почти незнакомой ему дамы согласия на брак. Лесничий заметил, что за столь легкомысленный поступок ему грозит не более и не менее как заключение в крепости.

— Да, и увольнение со службы, — добавил комендант. — Впрочем, эта опасность не грозит, — продолжал он. — Это лишь выстрел в воздух: раньше чем отослать депеши, он, верно, одумается.

Мать маркизы, узнав о том, что грозит графу, высказала живейшее опасение, что он все же отошлет депеши. Его бурное, направленное к одной цели волеустремление, полагала она, может как раз толкнуть его на этот поступок. Она убедительно просила лесничего немедленно последовать за графом и отговорить его от этого чреватого бедою шага. Последний возразил, что это приведет как раз к противоположному результату и лишь укрепит графа в надежде одержать победу при помощи военной хитрости. Маркиза была совершенно того же мнения, хотя уверяла, что без его вмешательства отсылка депеш произойдет непременно и что граф скорее предпочтет навлечь на себя беду, чем обнаружить свою слабость. Все сошлись на том, что поведение его было чрезвычайно странное и что, видимо, он привык завоевывать женские сердца приступом, как крепости. В эту минуту комендант заметил запряженную карету графа у подъезда. Он позвал семью к окну и с удивлением спросил у вошедшего в это время слуги, находится ли граф еще в доме. Слуга отвечал, что граф с адъютантом сидят внизу, в людской, где он пишет письма и запечатывает пакеты. Комендант, скрыв свое беспокойство, поспешил с лесничим вниз и, застав графа за работой у неудобного для писания стола, спросил его, не хочет ли он перейти в свою комнату и вообще, не прикажет ли он чего-нибудь. Граф, продолжая поспешно писать, отвечал, что он покорно благодарит, но что он покончил со своими делами; запечатывая письмо, спросил еще, который час, и, передав адъютанту портфель, пожелал ему счастливого пути. Комендант, не веря своим глазам и видя, что адъютант выходит из дома, сказал:

— Граф, если вы не имеете на то крайне важных оснований...

— Имею, и очень веские! — прервал его граф; проводил адъютанта до кареты и отворил дверцу.

— В таком случае, — продолжал комендант, — я бы, по крайней мере, депеши...

— Это невозможно! — ответил граф, подсаживая адъютанта в карету. — Депеши без меня не имеют в Неаполе никакого значения. Я и об этом подумал. Трогай!

— А письма вашего дядюшки? — спросил адъютант, высовываясь из окна кареты.

— Застанут меня в М., — отвечал граф.

— Пошел! — крикнул адъютант, и карета укатила. Затем граф Ф., обратясь к коменданту, спросил его, не будет ли он любезен распорядиться, чтобы его проводили в предназначенные для него комнаты. Смущенный комендант поспешил ответить, что он сам почтет за честь это сделать; он крикнул своим и графским людям, чтобы несли его вещи, провел его в комнаты для гостей, где и оставил его, сухо ему поклонившись. Граф переоделся, вышел из дома, чтобы представиться местному губернатору, и весь день не показывался, вернувшись домой лишь незадолго перед ужином.

Тем временем семья коменданта пребывала в крайнем волнении. Лесничий пересказал, как определенно отвечал граф на некоторые доводы коменданта; он полагал, что поведение графа носило характер вполне обдуманного шага, и спрашивал себя в полном недоумении, какова могла быть причина такого сватовства, проводимого словно на курьерских. Комендант заявил, что он ровно ничего не понимает, и предложил остальным членам своей семьи прекратить при нем всякие разговоры на эту тему. Мать каждую минуту выглядывала из окна, не вернется ли граф, раскаявшийся в своем легкомысленном поступке, с тем чтобы исправить его. Наконец с наступлением темноты она подседа к маркизе, которая весьма прилежно занималась своим рукодельем и, казалось, избегала вмешательства в разговор. Она вполголоса спросила маркизу, в то время как отец ходил взад и вперед по комнате, представляет ли она себе, чем все это может кончиться. Маркиза, робко взглянув на коменданта, отвечала:

— Если бы отец добился, чтобы граф поехал в Неаполь, все было бы хорошо!

— В Неаполь! — воскликнул комендант, услышавший это. — Что же мне было делать? Послать за священником? Или арестовать его, взять под стражу и под конвоем отправить в Неаполь?

— Нет, — отвечала маркиза, — но ведь живые, настоятельные доводы не могут не оказать своего действия! — И с выражением некоторой досады снова опустила глаза на свое рукоделие.

Наконец, уже к ночи, появился граф. Все ждали лишь того, чтобы после первых любезных фраз разговор на эту тему возобновился, дабы они могли общими усилиями убедить графа взять назад свое рискованное решение, если это еще возможно. Однако напрасно ожидали они в продолжение всего ужина этого мгновения. Старательно избегая всего того, что могло навести разговор на этот предмет, граф беседовал с комендантом о войне, а с лесничим об охоте. Когда он упомянул о бое под П., в котором был ранен, мать маркизы вовлекла его в рассказ об его болезни, спрашивала, как он себя чувствовал в этом маленьком городке и пользовался ли он там необходимыми удобствами. Тут он сообщил несколько интересных подробностей, характеризующих его страсть к маркизе: как неотступно сидела она у его постели во время его болезни; как в горячечном бреде, вызванном его раной, у него все время путалось представление о ней с представлением о лебеде, которого он еще мальчиком видел в поместье дяди; что особенно трогало его одно воспоминание: как он однажды забросал этого лебедя грязью и как тот, тихо погрузившись в воду, вынырнул затем совершенно чистым; что она постоянно представлялась ему плавающей по огненным волнам, а он звал ее «Тинка», по имени лебедя, но что ему не удавалось ее приманить, ибо она находила усладу лишь в том, что плавала, рассекая грудью волны; внезапно, вспыхнув, он

стал заверять, что любит ее безумно; снова опустил глаза в тарелку и умолк. Пришлось наконец встать из-за стола, и так как граф после краткого разговора с полковницей тотчас же откланялся и удалился, то оставшиеся опять стояли в недоумении, не зная, что и думать. Комендант полагал, что надо предоставить дело его собственному течению. По всей вероятности, приняв такое решение, граф рассчитывает на своих родных. В противном случае ему предстояло бы позорное увольнение со службы. Госпожа Г. спросила свою дочь, что она, в конце концов, о нем думает и согласилась ли бы она высказаться в таком смысле, чтобы предотвратить несчастье. Маркиза отвечала:

— Дорогая матушка! Это невозможно. Мне жаль, что моя благодарность подвергается столь жестокому испытанию. Но ведь я приняла решение не вступать вторично в брак; мне не хотелось бы повторно рисковать своим счастьем, и притом столь необдуманном образом.

Лесничий заметил на это, что если таково твердое решение маркизы, то объявление о нем также может быть для графа полезным, так как необходимо дать ему какой-либо определенный ответ. Полковница возразила, что раз этот молодой человек, за которого говорят столь выдающиеся его качества, заявил о своем желании окончательно переселиться в Италию, то, по ее мнению, нельзя пренебречь его предложением и решение маркизы подлежало бы проверке. Лесничий, присев около сестры, спросил ее, насколько граф, в конце концов, ей лично нравится? Маркиза с некоторым смущением отвечала:

— Он мне и нравится и не нравится, — и сослалась на впечатление других.

— Когда он вернется из Неаполя, — сказала полковница, — и если справки, которые мы о нем наведем, не будут противоречить общему впечатлению, которое у тебя сложилось, как бы ты ответила ему, если бы он возобновил свое предложение?

— В таком случае, — отвечала маркиза, — так как, по-видимому, его желания столь настойчивы, эти желания... — тут маркиза запнулась, и глаза ее заблестели, когда она это говорила, — я бы удовлетворила ради той признательности, которой ему обязана.

Мать маркизы, всегда желавшая, чтобы ее дочь вышла во второй раз замуж, с трудом могла скрыть свою радость по поводу этого заявления и стала обдумывать, как бы его тут же использовать. Лесничий, в волнении встав со стула, сказал, что раз маркиза допускает мысль, что она когда-нибудь осчастливит графа своей рукой, необходимо немедленно же предпринять какой-либо шаг в этом направлении, дабы предотвратить последствия безумного поступка. Мать была того же мнения и полагала, что в конце концов риск был бы не так велик, ибо после того, как в ночь, когда русские взяли штурмом цитадель, он проявил столько прекрасных качеств, едва ли можно предполагать, что дальнейшие его поступки будут им противоречить. Маркиза опустила глаза с выражением величайшей тревоги.

— Можно было бы, — продолжала мать, взяв ее за руку, — обещать ему, что ты до его возвращения из Неаполя не примешь иного предложения.

Маркиза отвечала:

— Такое обещание я могу ему дать, милая матушка; боюсь только, что его оно не успокоит, а нас запутает.

— Это уж моя забота! — возразила мать с живейшей радостью и оглянулась на мужа. — Лоренцо! — спросила она, — что ты об этом думаешь? — и хотела было подняться со стула.

Комендант, который все слышал, стоял у окна, глядел на улицу и ничего не отвечал. Лесничий заявил, что он берется выпроводить графа из дома при помощи этого безобидного заявления.

— Ну, делайте, делайте, делайте! — воскликнул отец, оборачиваясь. — Видно, мне придется вторично сдаться этому русскому!

Госпожа Г. радостно вскочила, поцеловала дочь и мужа улыбнувшегося ее суетливости, и спросила, как поскорее передать графу это заявление. По предложению лесничего было решено передать ему просьбу, чтобы он, если не успел раздеться, на минуту спустился к ним.

— Он сейчас будет иметь честь явиться! — последовал ответ графа; и не успел посланный лакей вернуться с этим извещением, как сам граф быстрыми шагами, окрыленный радостью, вошел в комнату и в живейшем волнении опустился к ногам маркизы. Комендант хотел что-то сказать, но граф, вставая, заявил, что знает достаточно, поцеловал руку у него и у полковницы, обнял брата и попросил лишь об одном, — предоставить ему тотчас же дорожный экипаж. Маркиза, хотя и была тронута таким поведением, все же сказала:

— Я не опасаюсь, граф, что ваши торопливые надежды слишком далеко...

— Ничего! Ничего! — перебил ее граф. — Ничего не произошло, если наведенные обо мне справки окажутся в противоречии с тем чувством, которое побудило вас снова пригласить меня в эту комнату.

После этих слов комендант самым сердечным образом обнял его, лесничий тут же предложил ему свою дорожную карету, посланный слуга поспешил на почту заказать курьерских лошадей с обещанием особого вознаграждения, и отъезд сопровождался такою радостью, какая редко бывает даже при встрече.

Он надеется, сказал граф, догнать свои депеши в Б., оттуда он поедет теперь в Неаполь более короткой дорогой, чем та, что лежит через М.; в Неаполе он сделает все от него зависящее, дабы избежать дальнейшей командировки в Константинополь; а поскольку в крайнем случае он решил даже сказать больным, то, если не встретится непреодолимых препятствий, он не более как через четыре — шесть недель непременно снова будет в М. В эту минуту его курьер доложил, что карета подана и все готово для отъезда. Граф со шляпой под мышкой подошел к маркизе и взял ее руку.

— Ну, Джульетта, теперь я несколько успокоился, — сказал он, пожимая ее руку, — хотя я страстно желал повенчаться с вами еще до отъезда.

— Повенчаться! — воскликнули все члены семьи.

— Да, повенчаться, — повторил граф, поцеловал руку маркизы и на ее вопрос, не сошел ли он с ума, отвечал, что настанет день, когда она его поймет. Ее родные готовы были на него рассердиться, но он тут же распростился со всеми самым сердечным образом, попросив их не задумываться слишком над его словами, и уехал.

Прошло несколько недель, в течение которых все члены семейства с самыми разнообразными чувствами напряженно ожидали исхода этого необыкновенного дела. Комендант получил от генерала К., дяди графа, любезное письмо; сам граф написал из Неаполя; справки, наведенные о нем, в достаточной мере говорили в его пользу; словом, все уже считали помолвку как бы решенным делом, но вот недомогания маркизы возобновились в более резкой форме, чем когда-либо. Она заметила совершенно необъяснимую перемену в своей фигуре. Вполне откровенно поведав обо всем этом своей матери, она сказала, что решительно не знает, что и думать о своем состоянии. Мать, у которой столь странные явления вызывали крайнюю тревогу за здоровье дочери, потребовала, чтобы она пригласила врача. Маркиза, надеявшаяся, что ее здоровая натура возьмет верх над болезнью, воспротивилась этому; не слушаясь совета матери, она провела еще несколько дней, испытывая тяжкое недомогание, пока ряд все повторяющихся необычайных ощущений не

вызвал в ней сильнейшего беспокойства. Она послала за врачом, пользовавшимся доверием ее отца; тот прибыл в отсутствие ее матери; она усадила его на диван и, после краткого вступления, шутливо сообщила ему, что думает о своем состоянии. Врач устремил на нее пытливый взгляд; затем, произведя тщательный осмотр и помолчав некоторое время, он совершенно серьезно заявил, что маркиза пришла к безусловно правильному заключению. После того как на вопрос своей собеседницы, что он этим хочет сказать, он совершенно ясно выразил свою мысль и с улыбкой, которую не мог подавить, добавил, что она вполне здорова и не нуждается в помощи врача, — маркиза дернула звонок, строго взглянув на него, и попросила его удалиться. Вполголоса, словно не удостаивая его разговора, она пробормотала, что ей неохота поддерживать с ним шутливый разговор на такую тему. Доктор обиженно ответил, что хорошо было бы, если бы она всегда была столь же мало расположена к шуткам, как в настоящую минуту, взял свою палку и шляпу и собирался откланяться. Маркиза заверила его, что она сообщит отцу о нанесенном ей оскорблении. Врач отвечал, что он готов подтвердить сказанное им под присягой на суде, отворил дверь, поклонился и хотел покинуть комнату. В то время как он, уронив перчатку, задержался, чтобы ее поднять, маркиза спросила:

— Как же это могло произойти, доктор?

На это доктор отвечал, что ему не приходится разъяснять ей начала вещей; еще раз поклонился и ушел.

Маркиза стояла как громом пораженная. Взяв себя в руки, она хотела было поспешить к отцу; однако необычайная серьезность доктора, слова которого ее оскорбили, будто парализовала ее. В сильнейшем волнении она бросилась на диван; не доверяя самой себе, она пробежала в памяти все моменты истекшего года и, думая об этом, решила, что сходит с ума. Наконец пришла мать, и на ее тревожный вопрос, чем она так взволнована, дочь рассказала то, что ей только что открыл врач. Госпожа Г. обозвала его наглым негодяем и поддержала дочь в ее решении сообщить о нанесенном ей оскорблении отцу. Маркиза уверяла, что врач говорил совершенно серьезно и, по-видимому, готов повторить при отце свое безумное утверждение. Сильно перепуганная госпожа Г. спросила тогда, допускает ли она возможность такого состояния.

— Скорее будут оплодотворены гроба и в лоне трупов разовьется новая жизнь! — отвечала маркиза.

— Ну, чудачка моя дорогая, чего же ты беспокоишься? — сказала полковница, крепко обняв ее. — Если ты признаешь себя чистою, какое тебе дело до суждения хотя бы целого консилиума врачей? Не все ли тебе равно, по ошибке ли или по злобе высказал этот врач свое заключение? Однако нам следует все же сказать об этом твоему отцу.

— О боже! — воскликнула маркиза с судорожным движением. — Как я могу успокоиться? Разве собственные мои внутренние ощущения, слишком знакомые мне, не свидетельствуют против меня? Разве сама я, узнав, что другая испытывает то, что я ощущаю, не решила бы, что это действительно так?

— Какой ужас! — воскликнула полковница.

— Злоба! Ошибка! — продолжала маркиза. — Что могло побудить этого человека, которого мы до сих пор ценили и уважали, что могло его побудить нанести мне такое низкое, такое ничем не вызванное оскорбление? Мне, которая никогда ничем его не обидела, которая приняла его с доверием, с готовностью сердечно отблагодарить его, и который сам, судя по его первым словам, пришел с чистым и неподдельным желанием помочь, а не причинять страдания, более жестокие, чем те, которые я дотоле испытывала? А если бы я, — продолжала она, в то время как мать подозрительно на нее глядела, — вынужденная

выбирать между ошибкой и злобой, хотела бы поверить в ошибку, то разве возможно допустить, чтобы врач, даже и не очень искусный, мог ошибаться в подобных случаях?

Полковница сказала немного резко:

— А все же приходится принять то или другое объяснение.

— Да! — отвечала маркиза, — да, дорогая матушка! — При этом вспыхнув горячим румянцем, она с выражением оскорбленного достоинства поцеловала руку матери. — Да, приходится! Хотя обстоятельства складываются столь необычайно, что я вправе сомневаться. Клянусь, — раз от меня требуется заверение, — что моя совесть так же чиста, как совесть моих детей; даже ваша совесть, досточтимая матушка, не может быть чище. Тем не менее прошу вас послать за акушеркой, дабы я удостоверилась в своем действительном положении и, каково бы оно ни оказалось, могла бы успокоиться.

— Акушерку! — воскликнула госпожа Г. в негодовании. — Чистая совесть и акушерка! — Она не могла договорить.

— Да, акушерку, дорогая матушка, — повторила маркиза, опустившись перед нею на колени, — и притом немедленно, если вы не хотите, чтобы я сошла с ума.

— Охотно, — отвечала полковница, — только прошу, чтобы роды не происходили в моем доме. — С этими словами она встала, готовая выйти из комнаты.

Маркиза, следуя за ней с распростертыми руками, упала ниц и охватила ее колени.

— Если безупречная жизнь когда-либо, — с красноречием страдания воскликнула она, — жизнь, образцом для которой служила ваша, давала мне право на ваше уважение, если в вашем сердце еще говорит хоть какое-либо материнское чувство, до той поры, пока вина моя не станет ясной как божий день, — не покидайте меня в эти ужасные минуты!

— Что же, в конце концов, тебя тревожит? — спросила мать. — Только заключение врача? Только это твое собственное внутреннее ощущение?

— Только это, матушка! — отвечала маркиза, положив руку на грудь.

— Ничего более, Джульетта? — продолжала мать. — Подумай хорошенько. Проступок, как бы тяжко он меня ни огорчил, можно простить, да я бы его и простила в конце концов, но если бы ты оказалась способной, во избежание справедливого укора матери, сочинить сказку, противоречащую всем законам природы, и нагромождать кощунственные клятвы, чтобы отяготить ими мое и без того слишком верящее тебе сердце, то это было бы постыдно; этого я бы никогда тебе не простила.

— Пусть царство небесное будет так же открыто передо мною, как открыто мое сердце перед вами! — воскликнула маркиза. — Я ничего от вас не скрывала, матушка! — Это было сказано с таким глубоким чувством, что мать была потрясена.

— Боже! — воскликнула она. — Дорогое дитя мое, как ты меня трогаешь! — Она ее подняла, поцеловала и прижала к своей груди. — Ну, чего же ты тогда боишься? Пойдем, ты, верно, сильно больна.

Она хотела довести ее до постели. Но маркиза, у которой слезы катились градом, стала ее уверять, что она совершенно здорова и ничем не страдает, за исключением того странного и непонятного состояния.

— Состояние! — снова воскликнула мать. — Какое там состояние? Раз ты твердо помнишь все прошлое, что за сумасшедший страх тебя обуял? Разве внутреннее ощущение, которое

всегда бывает так смутно, не может тебя обмануть?

— Нет, нет! — сказала маркиза. — Нет, я не обманываюсь! И если вы пошлете за акушеркой, то услышите от нее, что то ужасное, уничтожающее меня подозрение — сущая правда.

— Пойдем, моя дорогая дочка, — сказала госпожа Г., начиная опасаться за ее рассудок.

— Пойдем со мной, и ложись в постель! Как понимаешь ты, что сказал тебе врач? Почему пылает твое лицо? Почему ты вся дрожишь? Ну так что же, собственно, сказал тебе врач? — И с этими словами она увлекла маркизу за собою, окончательно перестав верить всему рассказанному дочерью.

Маркиза сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— Дорогая моя, хорошая! Я в полном сознании. Врач мне сказал, что я в положении. Пошлите за акушеркой! И как только она мне скажет, что это неправда, я тотчас успокоюсь.

— Хорошо, хорошо! — отвечала полковница, подавив свой страх. — Она сейчас придет, она немедленно явится, раз ты желаешь, чтобы она над тобой посмеялась, и скажет тебе, что ты не в своем уме и видишь сны наяву. — С этими словами она позвонила и послала сейчас же одного из людей за акушеркой.

Маркиза все еще лежала в объятиях матери и грудь ее трепетала от волнения, когда вошла акушерка и полковница рассказала ей, какой странной фантазией мучительно одержима ее дочь. Маркиза клянется, что она невинна, и тем не менее, введенная в заблуждение необъяснимыми ощущениями, которые она испытывает, считает нужным подвергнуть себя исследованию опытной женщины. Акушерка, исполняя свое дело, говорила о том, как порою играет молодая кровь и как коварен свет, а закончив осмотр, заметила, что подобные случаи ей не раз встречались: молодые вдовы, попав в такое положение, всегда воображают, будто они жили на необитаемом острове; тем временем она успокаивала маркизу и уверяла ее, что лихой корсар, высадившийся ночью к ней на остров, наверное, сыщется. При этих словах маркиза упала в обморок. Полковница, не в силах преодолеть материнского чувства, привела ее с помощью бабки в сознание. Но, когда маркиза очнулась, негодование матери взяло верх, и, удрученная горем, она воскликнула:

— Джульетта! откройся мне! назови мне отца! — И, казалось, она еще склонна была к примирению.

Однако, когда маркиза сказала, что сойдет с ума, мать, поднявшись с дивана, воскликнула:

— Прочь! прочь, презренная! Пусть будет проклят час, когда я тебя родила! — и покинула комнату.

Маркиза, у которой снова потемнело в глазах, привлекла к себе акушерку и, дрожа всем телом, положила ей голову на грудь. Прерывающимся голосом она спросила, как в таких случаях действуют законы природы и возможно ли бессознательное зачатие. Акушерка с улыбкой распустила ей шаль и отвечала, что едва ли это могло случиться с маркизой. Нет, нет! — отвечала маркиза, она зачала сознательно, ей только вообще хочется знать, существует ли такое явление в природе. На это акушерка отвечала, что, кроме пречистой девы, это еще не случалось ни с одной женщиной. Дрожь маркизы становилась все сильнее; ей показалось, что роды начнутся немедленно, и она стала умолять акушерку, еще крепче прижавшись к ней в судорожном страхе, чтобы та ее не покидала. Акушерка ее успокоила. Она уверяла, что до родов еще далеко, указала ей средства, как в подобных случаях оградить себя от людского злословия, и выразила мнение, что все еще устроится. Но так как эти утешения пронзали сердце несчастной женщины, будто ножом, то она взяла себя в руки, заявила, что ей лучше, и попросила свою собеседницу оставить ее.

Не успела акушерка покинуть комнату, как маркизе принесли письмо от матери следующего содержания:

«Господин Г. выражает желание, чтобы при настоящих обстоятельствах она покинула его дом; он отсылает ей при сем документы, касающиеся ее имения, и выражает надежду, что бог оградит его от несчастья свидеться с нею». Письмо это, однако, носило явные следы слез, и в углу стояло смазанное слово: «Продиктовано». Горькие слезы брызнули из глаз маркизы. Оплакивая заблуждение родителей и несправедливость, которую эти прекрасные люди невольно совершали, она направилась в комнаты, занимаемые ее матерью. Ей сказали, что та у отца. Шатаясь, пошла она к отцу. Найдя дверь запертою, она опустилась перед ней на колени и, призывая в свидетели всех святых, с рыданием заверяла в своей невинности. Так она пролежала несколько минут, когда дверь отворилась, вышел лесничий с пылающим лицом и спросил: разве она не слыхала, что комендант не желает ее видеть. Маркиза воскликнула, горько рыдая: «Мой милый брат!» — ворвалась в комнату, восклицая: «Дорогой отец!» — и простирая к нему руки. При виде ее, комендант повернулся к ней спиной и поспешно удалился в спальню. Когда она последовала за ним, он воскликнул: «Прочь!» — и хотел захлопнуть за собою дверь; но так как она, не переставая плакать и умолять его, мешала ему запереть дверь, он внезапно отпустил ее и бросился к задней стене, пока маркиза входила в спальню. Она упала к его ногам и с трепетом охватила его колени, хотя он повернулся к ней спиной: в эту минуту пистолет, который он сорвал со стены, выстрелил в его руку, и заряд с грохотом ударился в потолок.

— Боже милостивый! — воскликнула маркиза, побледнев как полотно, поднялась с колен и выбежала из покоев отца. — Сейчас же запрягать! — сказала она, входя к себе; в полном изнеможении опустилась она в кресло, поспешно одела детей и приказала укладывать вещи. Она держала между колен меньшую девочку и закутывала ее в платок, собираясь, так как все было готово к отъезду, уже садиться в карету, когда вошел ее брат и от имени коменданта потребовал, чтобы она оставила детей и передала их ему.

— Моих детей? — спросила она и встала. — Скажи своему бесчеловечному отцу, что он может прийти и застрелить меня, но не может отнять у меня моих детей! — С гордым видом, в сознании своей невинности, она взяла на руки детей, отнесла их в карету, — брат не посмел задержать ее, — и уехала.

Познав собственную силу в этом гордом напряжении воли, она вдруг словно сама подняла себя из той пучины, куда ее низвергла судьба. На свежем воздухе волнение, терзавшее ее грудь, утихло; она осыпала поцелуями детей, свою драгоценную добычу, и с удовольствием вспоминала о победе, одержанной ею над братом силою сознания своей невинности. Ее рассудок, достаточно сильный, чтобы не помутиться среди этих странных обстоятельств, преклонился перед великим, святым и необъяснимым устройством мира. Она поняла всю невозможность убедить семью в своей невинности; ей стала ясна необходимость с этим примириться, чтобы не погибнуть, и прошло лишь немного дней со времени ее прибытия в В., как горе уступило место героическому решению гордо противостоять всем нападкам света. Она решила замкнуться в себе, посвятить себя с сугубым усердием воспитанию обоих детей и со всем пылом материнской любви пестовать дарованного ей богом третьего ребенка. Она сделала все необходимые приготовления к тому, чтобы в несколько недель, сразу же после родов, восстановить свое прекрасное, но немного запущенное поместье; и, сидя в беседке за вязанием маленьких чепчиков и чулочков для маленьких ножек, обдумывала, как всего удобнее распределить комнаты, а также о том, какую комнату она наполнит книгами и в какой удобнее всего поставить мольберт. Таким образом, еще не истек срок, в который граф Ф. должен был вернуться из Неаполя, а она уже успела окончательно примириться со своей судьбой — проводить жизнь в вечном монастырском уединении. Привратник получил приказ никого не впускать в дом. Только одна-единственная мысль была для нее невыносима: она не могла примириться с тем, что юное существо, зачатое ею в совершенной невинности и чистоте, самое происхождение которого благодаря своей таинственности представлялось ей

более божественным, чем происхождение других людей, — что это существо в глазах общества будет отмечено клеймом позора. Ей пришло в голову странное средство отыскать его отца; средство, которое в первый момент так ее испугало, что вязанье выпало у нее из рук. Целые ночи, проведенные в беспокойной бессоннице, она обдумывала и передумывала свой замысел, чтобы приучить себя к этой мысли, оскорблявшей ее внутреннее чувство. Все в ней еще противилось тому, чтобы вступить в какие-либо сношения с человеком, так коварно надругавшимся над нею; ведь она совершенно правильно заключила, что он должен был принадлежать к отребьям человеческого рода и, очевидно, мог выйти лишь из последних подонков, к какой бы стране или народу он ни принадлежал. Однако, все более и более сознавая свою самостоятельность и понимая, что самоцветный камень сохраняет свою цену, в какой бы оправе он ни был, она однажды утром снова почувствовала, как внутри ее зашевелилась зарождающаяся жизнь, собралась с духом и отправила для напечатания в м-ских газетах то странное объявление, с которым читатель ознакомился в начале этого рассказа.

Граф Ф., которого задерживали в Неаполе неотложные дела, тем временем написал маркизе второе письмо, в котором настаивал на том, чтобы она, — какие бы посторонние обстоятельства ни возникали, — осталась верна молчаливо данному ей слову. Как только ему удалось уклониться от командировки в Константинополь и покончить с прочими делами, он немедленно покинул Неаполь и, действительно, опоздав против намеченного им срока всего лишь на несколько дней, прибыл в М. Комендант встретил его со смущенным видом и, сославшись на неотложное дело, заставляющее его отлучиться из дома, предложил лесничему тем временем занять графа. Лесничий пригласил его в свою комнату и после краткого приветствия спросил, знает ли он, что в его отсутствие произошло в доме коменданта. Граф, слегка побледнев, отвечал: «Нет». Тогда лесничий сообщил ему о том позоре, которым маркиза покрыла их семью, и рассказал ему все то, что только что узнали наши читатели. Граф ударил себя рукою по лбу.

— Зачем мне ставили столько препон! — воскликнул он в полном самозабвении. — Если бы брак был тогда же заключен, весь позор и несчастье были бы избегнуты!

Лесничий вытаращил на него глаза и спросил: неужели он до такой степени обезумел, что все еще желает вступить в брак с этой негодной женщиной? На это граф отвечал, что она выше и достойнее всего света, презирающего ее; что ее заявление о ее невинности внушает ему безусловное доверие и что сегодня же он отправится в В. и возобновит свое предложение. И действительно, он тут же взял шляпу, раскланялся с лесничим, который смотрел на него как на помешанного, и удалился.

Сев на лошадь, он поскакал в В. Когда, сойдя с лошади у ворот, он хотел войти в передний двор, привратник заявил ему, что маркиза никого не принимает. Граф спросил, касается ли это распоряжение, отданное по отношению к посторонним посетителям, также и друзей дома, на что слуга ответил ему, что ни о каком исключении ему не известно, двусмысленным тоном добавив: уж не граф ли он Ф.? Бросив на него пристальный взгляд, граф ответил: «Нет!» — и, обратившись к своему слуге, сказал так, чтобы и привратник мог его слышать:

— В таком случае я остановлюсь в гостинице и оттуда письменно сообщу маркизе о своем прибытии.

Но едва граф скрылся из глаз привратника, как, обогнув за угол, стал красться вдоль стены обширного сада, простиравшегося позади дома. Проникнув в сад через калитку, которую он нашел отпертою, и пройдя по аллеям, он только что собрался взойти на заднее крыльцо, как увидел в беседке, стоявшей в стороне, очаровательный и таинственный облик маркизы, прилежно занимавшейся рукодельем за маленьким столиком. Он приблизился к ней так, чтобы она не раньше могла его увидеть, чем когда он будет стоять в трех шагах от нее у входа в беседку.

— Граф Ф.! — сказала маркиза, подняв глаза, причем лицо ее от неожиданности покрылось румянцем. Граф улыбнулся и некоторое время оставался неподвижно у входа; затем, чтобы не испугать ее, подсел к ней со скромным, но настойчивым видом, и, раньше чем она могла опомниться и принять какое-либо решение в этом странном своем положении, он нежно обнял рукою ее стан.

— Откуда вы, граф? Возможно ли? — спросила маркиза и застенчиво потупила глаза.

— Из М., — ответил граф и тихо прижал ее к себе, — через заднюю калитку, которая была не заперта. Я понадеялся на то, что вы меня простите, и вошел.

— Разве вам не рассказали в М.? — спросила она, все еще неподвижная в его объятиях.

— Все, дорогая! — отвечал граф. — Но, будучи убежден в вашей невинности...

— Как! — воскликнула маркиза, вставая и высвобождаясь от него. — И вы все же пришли?

— Да, наперекор всему свету, — продолжал он, удерживая ее, — наперекор вашей семье и даже наперекор вам, очаровательное существо! — добавил он, запечатлев пламенный поцелуй на ее груди.

— Прочь! — воскликнула маркиза.

— Уверенный в тебе, Джульетта, — сказал он, — так, словно я всеведущ, словно моя душа живет в твоей груди...

Маркиза воскликнула:

— Оставьте меня!

— Я пришел, — договорил он, не выпуская ее, — повторить мое предложение и получить из ваших рук жребий блаженства, если вы готовы внять моей мольбе.

— Оставьте меня сейчас же! — воскликнула маркиза. — Я вам приказываю! — Она с силой вырвалась из его объятий и убежала.

— Любимая! Дивная! — шептал он, поднявшись и следуя за ней.

— Вы слышите? — воскликнула маркиза и, увернувшись, ускользнула от него.

— Одно лишь шепотом произнесенное слово! — сказал граф и быстро схватил ее гладкую, ускользавшую от него руку.

— Я ничего не хочу знать! — возразила маркиза, с силой оттолкнула его в грудь, взбежала на крыльцо и скрылась.

Он уже почти достиг крыльца, дабы во что бы то ни стало заставить ее выслушать его, когда перед ним захлопнулась дверь и, при его приближении, загремел задвигаемый с взволнованной поспешностью засов. Несколько мгновений он стоял в нерешительности, обдумывая, что ему делать при создавшемся положении: ему приходило в голову влезть в находившееся сбоку открытое окно и добиться намеченной цели; но как ни тягостно было для него во многих отношениях обратиться вспять, в данном случае это казалось неизбежным, и, глубоко досадуя на себя, что он выпустил ее из объятий, он уныло сошел с крыльца и, покинув сад, направился к своим лошадям. Он почувствовал, что попытка откровенно объясниться с нею потерпела окончательно неудачу, и поехал шагом назад, в М., обдумывая то письмо, которое теперь вынужден был написать. Вечером, когда он в отвратительном состоянии духа пришел в ресторан, он встретился там с лесничим, который тут же спросил,

удалось ли ему успешно выполнить задуманное им дело в В. Граф коротко ответил «нет» и был настроен отделаться резкой фразой от своего собеседника, но, выполняя долг вежливости, он через несколько мгновений добавил, что решил обратиться к маркизе письменно и вскоре рассчитывает выяснить свое положение. Лесничий сказал, что с сожалением видит, как страсть графа к маркизе лишает его рассудка, а между тем он должен его уверить, что она собирается сделать иной выбор. Он позвонил, потребовал последнюю газету и передал графу листок, в котором было напечатано объявление с вызовом отца ее будущего ребенка. Граф пробежал глазами объявление, причем кровь бросилась ему в лицо. Противоречивые чувства волновали его. Лесничий спросил, думает ли он, что лицо, которое маркиза разыскивает, найдется. «Несомненно!» — отвечал граф, всем своим существом погрузившись в листок и жадно вникая в его внутренний смысл. Затем, отойдя к окну и сложив газету, он сказал: «Ну, вот и прекрасно! Теперь я знаю, что мне делать!» — обернулся, любезно спросил лесничего, скоро ли они опять увидятся, и, простившись с ним, вышел, совершенно примирившись со своей судьбою.

Тем временем в доме коменданта происходили бурные сцены. Полковница была крайне раздражена пагубной вспыльчивостью мужа и собственной слабостью, с которой подчинилась ему в минуту варварского изгнания дочери из дома. Она, когда грянул выстрел в спальне коменданта и оттуда выбежала дочь, потеряла сознание; правда, она скоро пришла в себя; но в минуту ее пробуждения комендант сказал лишь, бросая разряженный пистолет на стол, как он жалеет, что напрасно ее напугал. Затем, когда речь зашла об отобрании детей, она отважилась робко заметить, что на такой шаг они не имеют никакого права; еще слабым после обморока и трогательным голосом она просила избегать резких и насильственных действий в их доме; но комендант ей ничего не ответил и только с бешенством, обратившись к лесничему, крикнул: «Иди и добудь их мне!» Когда пришло второе письмо графа Ф., комендант велел отослать его маркизе в В., которая, по словам посланного, отложила его в сторону, сказав: «Хорошо». Полковница, для которой все в этих событиях представлялось непонятным, особенно же готовность маркизы вступить в новый брак с человеком, совершенно для нее безразличным, тщетно пыталась навести разговор на этот предмет. Комендант всякий раз высказывал просьбу, скорее напоминавшую приказание, чтобы она молчала; при этом, сняв однажды со стены еще остававшийся портрет маркизы, он заявил, что желал бы окончательно стереть в душе память о ней, у него-де больше нет дочери. Тут появилось в газетах странное объявление маркизы. Крайне пораженная им, полковница пошла с газетой, которую ей принесли от коменданта, к нему в комнату и, найдя его работающим за столом, спросила, что он, в конце концов, об этом думает. Комендант, продолжая писать, отвечал:

— О! она невинна!

— Как? — воскликнула в крайнем изумлении госпожа Г. — Невинна?

— С нею это случилось во сне, — сказал комендант, не подымая головы.

— Во сне? — воскликнула госпожа Г. — И такое чудовищное событие могло...

— Дура! — крикнул комендант, бросил бумагу в кучу и вышел из комнаты.

В один из ближайших дней, сидя с мужем за утренним завтраком и просматривая свежий и еще влажный из-под печати номер газеты, полковница прочитала нижеследующий ответ:

«Если маркиза д'О. соизволит прибыть в дом ее отца, господина Г., 3-го... в 11 часов утра, то человек, которого она разыскивает, падет там к ее ногам».

Полковница, — не успела она прочитать и половину этой неслыханной заметки, — потеряла способность к речи; она пробежала конец и передала газету коменданту. Полковник три раза перечитал объявление, как бы не веря своим глазам.

— Скажи ради бога, Лоренцо, — воскликнула полковница, — что ты об этом думаешь?

— Негодяйка! — ответил, вставая со стула, комендант. — О, коварная лицемерка! Десятикратное бесстыдство суки, соединенное с десятикратной хитростью лисицы, все еще не сравняются с нею, а какой вид! Какие глаза! Чище глаз херувима! — Так он вопил и не мог успокоиться.

— Но если это хитрость, то скажи, ради бога, какую цель может она при этом преследовать? — спросила жена.

— Какую цель? Она хочет насильно навязать нам свой обман, — отвечал полковник. — Они уже наизусть выучили басню, которую оба — он и она — намерены нам здесь преподнести третьего в одиннадцать часов утра. А я на это должен сказать: дорогая дочка, а я-то этого не знал, кто бы мог подумать, прости меня, прими мое благословение и будь снова ко мне ласкова. Нет, пуля тому, кто переступит мой порог третьего утром! Впрочем, приличнее приказать лакеям выгнать его из дома.

Вторично перечитав объявление, госпожа Г. сказала, что, если уж верить в одну из двух непостижимых вещей, она охотнее поверит в неслыханную игру случая, чем в такую низость ее доселе безупречной дочери. Но не успела она договорить, как комендант закричал:

— Сделай одолжение, замолчи! — и вышел из комнаты. — Мне невыносимо даже слышать об этом!

Несколько дней спустя комендант получил по поводу этой газетной заметки письмо от маркизы, в котором она почтительно и трогательно писала, что, будучи лишена милости появиться в отцовском доме, она просит направить к ней в В. того, кто придет третьего числа утром. Полковница как раз находилась в комнате, когда комендант получил это письмо; и так как она прочла на его лице выражение смущения и недоумения (ибо если здесь был обман со стороны маркизы, то какой мотив мог он теперь приписать ей, раз она, по-видимому, вовсе и не рассчитывала на его прощение), то, ободренная этим, она решилась предложить план действия, с которым давно уже носилась, тая его в своем сердце, терзаемом сомнением. В то время как полковник ничего не выражающим взглядом все еще смотрел на письмо, она сказала, что ей пришла в голову одна мысль: не разрешит ли он ей съездить на день, на два в В. Если маркиза действительно знает того человека, который ответил ей через газету, как совершенно незнакомый, то она сумеет поставить дочь в такое положение, в котором та невольно себя выдаст, будь она даже самой завзятой обманщицей. Комендант, разорвав внезапным резким движением письмо, ответил: ей известно, что он не хочет иметь никакого дела с дочерью, и он запрещает жене вступать с нею в какие-либо сношения. Он запечатал разорванные лоскутки письма в конверт, надписал адрес маркизы и отдал посланному вместо ответа.

Полковница, ожесточенная в душе его крайним упорством, уничтожавшим всякую возможность для выяснения этого дела, решила осуществить свой план против его воли. Она взяла с собой одного из егерей коменданта и на другое утро, когда муж еще не вставал с постели, отправилась в В. Подъехав к воротам усадьбы, она услышала от привратника, что маркиза никого не принимает. На это госпожа Г. ответила, что ей это известно, тем не менее пусть он пойдет и доложит, что приехала полковница Г., на что привратник возразил, что это будет бесполезно, так как маркиза ни с кем в мире не хочет разговаривать. Госпожа Г. ответила, что с нею маркиза будет говорить, так как она ее мать, а потому пусть он не медлит и тотчас выполнит данное ему поручение. Но едва успел привратник направиться в дом, чтобы сделать эту, как он полагал, напрасную попытку, как сама маркиза вышла из дому, поспешила к воротам и упала на колени перед каретой полковницы. Госпожа Г., поддерживаемая егерем, вышла из кареты и с некоторым волнением подняла маркизу. Взволнованная до глубины души маркиза низко склонилась над рукою матери и, обливаясь

слезами, почтительно повела ее к себе в дом.

— Дорогая матушка! — воскликнула она, усадив мать на диван, сама же стоя перед нею и утирая слезы. — Какой счастливой случайности обязана я вашим драгоценным посещением?

Госпожа Г., ласково обняв дочь, сказала, что она приехала просить у нее прощенья за ту жестокость, с которой ее выгнали из родительского дома.

— Прощенья? — перебила ее маркиза и пыталась поцеловать у нее руки.

Но мать, уклонившись от поцелуя, продолжала:

— Ибо не только напечатанный в газете ответ на твою публикацию убедил и меня, и твоего отца в твоей невинности, но я должна еще тебе открыть, что сам он, к великой нашей радости и удивлению, появился вчера в нашем доме.

— Кто появился? — спросила маркиза и подседа к матери. — Кто этот «сам он»? — И все лицо ее выражало напряженное ожидание.

— Да он, автор ответа, — отвечала полковница, — тот самый человек, к которому ты обращалась в своем призыве.

— Ну так кто же это? — воскликнула маркиза с трепещущей от волнения грудью. — Кто? — еще раз повторила она.

— Мне хотелось бы, — возразила госпожа Г., — чтобы ты мне это сама сказала. Ибо вообрази себе, что вчера мы сидели за утренним чаем и только что прочли ту странную заметку в газете, как в комнату врывается человек, близко нам известный, с выражением страшного отчаяния и бросается к ногам твоего отца, а затем и к моим. В полном недоумении, что бы это могло означать, мы предлагаем ему высказаться. Тогда он говорит, что совесть ему не дает покоя, что это он — тот негодяй, который обманул маркизу; он должен знать, как смотрят на его преступление; и если ему уготовано возмездие, то вот он сам пришел принять его.

— Но кто же, кто, кто? — повторяла маркиза.

— Это, как я сказала, — продолжала полковница, — вообще вполне благовоспитанный молодой человек, от которого никак нельзя было ожидать такого гнусного поступка. Только не пугайся, когда ты узнаешь, дорогая дочь, что он — человек низкого происхождения и вообще не отвечает ни одному из тех требований, какие можно было бы предъявить к твоему мужу.

— Как бы то ни было, дорогая матушка, — сказала маркиза, — он не может быть вполне негодным человеком, так как он, раньше чем броситься к моим ногам, бросился к вашим. Но кто? Кто? Скажите же мне наконец, кто это?

— Ну, так знай же, — ответила мать, — это Леонардо, егерь, которого твой отец недавно выписал из Тироля и которого, если ты заметила, я привезла с собою, чтобы представить тебе как жениха.

— Егерь Леонардо! — воскликнула маркиза и в отчаянии схватилась за голову.

— Что тебя пугает? — спросила полковница. — Или у тебя есть какие-либо основания сомневаться в этом?

— Но как? Где? Когда? — в смятении спрашивала маркиза.

— Это, — отвечала полковница, — он хочет открыть только тебе одной. Стыд и любовь не

позволяют ему говорить об этом с кем-либо другим, кроме тебя. Но если хочешь, отворим дверь в прихожую, где он с бьющимся сердцем дожидается исхода нашего разговора; и попытайся тогда сама вывести у него его тайну, я же на это время удалюсь в соседнюю комнату.

— Боже милосердный! — воскликнула маркиза. — Однажды в полуденный зной я заснула, и когда проснулась, то увидела, как он отходит от дивана, на котором я лежала. — И она закрыла пылавшее от стыда лицо своими маленькими ручками.

При этих словах мать опустилась перед нею на колени.

— О дочь моя! — воскликнула она. — О чудная! — и заключила ее в свои объятия. — А я-то, негодная! — добавила она и припала лицом к ее коленям.

Маркиза в испуге спросила:

— Что с вами, матушка?

— Пойми же, всех ангелов чистейшая: во всем, что я тебе сейчас говорила, нет ни слова правды; моя испорченная душа не способна была верить в такую невинность, какая сияет в твоей душе, и мне понадобилась эта гнусная ложь для того, чтобы убедиться в этом.

— Дорогая моя матушка! — воскликнула радостно тронутая маркиза, склоняясь над нею, чтобы ее поднять.

Мать ответила:

— Нет, я встану не раньше, чем ты мне скажешь, что прощаешь мне всю низость моего поступка, о ты, прекрасное, неземное создание!

— Мне вас прощать, матушка! Встаньте, — воскликнула маркиза, — заклинаю вас!

— Ты слышишь! — сказала госпожа Г. — Я хочу знать, сможешь ли ты все еще меня любить и так же искренне уважать, как прежде.

— Моя обожаемая матушка! — воскликнула маркиза и опустилась рядом с матерью на колени. — Ни на одно мгновение я не переставала вас любить и уважать. Да и кто бы мог мне поверить при таких неслыханных обстоятельствах? Как я счастлива, что вы убедились в моей невинности!

— В таком случае, — отвечала госпожа Г., подымаясь при поддержке дочери, — я буду тебя носить на руках, дорогое мое дитя. Рожать ты будешь у меня, и если бы обстоятельства даже сложились так, что я ожидала бы от тебя маленького князя, я и тогда не ходила бы за тобой с большей нежностью и достоинством. До конца дней моих я не расстанусь с тобой. Я бросаю вызов всему свету, твой позор будет для меня честью — только бы ты вернула мне свою любовь и позабыла ту жестокость, с которой я тебя оттолкнула.

Маркиза пыталась ее успокоить своими горячими ласками и увещаниями, но настал вечер и пробило полночь, прежде чем ей это удалось.

На следующий день, когда волнение старой дамы, вызвавшее у нее ночью приступ нервной лихорадки, несколько улеглось, мать, дочь и внучата с триумфом двинулись обратно в М. Ехали они очень довольные и шутили по поводу егеря Леонардо, сидевшего на козлах; мать говорила дочери, что замечает, как та краснеет всякий раз, как взглянет на его широкую спину. Маркиза отвечала не то со вздохом, не то с улыбкой:

— Кто знает, однако, кого мы увидим в нашем доме в одиннадцать часов утра третьего числа!

Но чем ближе они подъезжали к М., тем серьезнее настраивались их души в предчувствии решающих событий, которые им еще предстояли. Госпожа Г., не сообщая пока дочери своего плана, провела ее, как только они вышли из экипажа, в ее прежние комнаты; сказала, чтобы маркиза устраивалась, как ей будет удобно, сама же она скоро вернется, и поспешно удалилась.

Через час она возвратилась с разгоряченным лицом.

— Ну и Фома! — сказала она, скрывая свою радость. — Подлинно — Фома неверный! Битый час потребовался мне, чтобы его убедить. Но зато теперь он сидит и плачет.

— Кто? — спросила маркиза.

— Он, — отвечала мать. — Кто же, как не тот, у кого все к тому причины?

— Но не отец же? — воскликнула маркиза.

— Как ребенок, плачет, — отвечала мать. — Если бы мне самой не пришлось утирать ему слезы, я готова была бы рассмеяться, выйдя за дверь.

— И все это из-за меня? — спросила маркиза и встала. — И вы хотите, чтобы я здесь?..

— Ни с места! — сказала госпожа Г. — Зачем он мне продиктовал письмо? Он должен сюда к тебе прийти, если хочет еще раз увидеть меня живой.

— Милая матушка! — умоляла маркиза.

— Я неумолима! — перебила ее полковница. — Зачем он схватил пистолет?

— Заклинаю вас...

— Ничего... — отвечала госпожа Г., снова, почти насильно усаживая дочь в кресло. — А если сегодня до вечера он не придет, я завтра же уеду с тобой.

Маркиза назвала это поведенье жестоким и несправедливым. Но мать отвечала:

— Успокойся! — ибо в это время издали послышались все приближавшиеся рыдания. — Вот уже он идет!

— Где? — сказала маркиза, прислушиваясь. — Есть кто-нибудь за дверью? Эти звуки?..

— Разумеется! — ответила госпожа Г. — Он хочет, чтобы мы ему отворили двери.

— Пустите меня! — вскрикнула маркиза и сорвалась со стула.

— Убедительно прошу тебя, Джульетта, седи смирно, — сказала полковница; в это мгновение в комнату уже входил комендант, держа у лица платок.

Мать стала перед дочерью, загораживая ее собой, и повернулась спиной к нему.

— Отец! Дорогой мой отец! — воскликнула маркиза, простирая к нему руки.

— Ни с места! — сказала госпожа Г. — Ты слышишь? Комендант стоял посреди комнаты и плакал.

— Он должен повиниться перед тобою, — продолжала госпожа Г., — зачем он так вспыльчив! И зачем так упорен! Я люблю его, но и тебя также, я уважаю его, но и тебя также. И если мне нужно выбирать между вами двумя, то я нахожу, что ты лучше его, и остаюсь с тобою.

Комендант весь скорчился и взвыл так, что стены задрожали.

— О боже! — вскрикнула маркиза, сразу покорилась матери и схватила платок, дав волю слезам.

Госпожа Г. сказала:

— Он только не в состоянии произнести ни слова! — и отошла немного в сторону.

Тогда маркиза поднялась, обняла коменданта и просила его успокоиться. Она сама заливалась слезами. Она спросила, не присядет ли он, хотела усадить его в кресло, она пододвинула ему кресло, чтобы он сел, но он не отвечал; он не хотел двинуться с места, не хотел и садиться, а стоял на одном месте, низко склонив голову, и плакал. Маркиза, стараясь его поддержать, обернулась к матери и сказала, что он заболел; казалось, самое полковницу покидает ее стойкость при виде его судорожных телодвижений. Когда же комендант, уступая повторным уговорам дочери, опустившейся к его ногам, наконец сел, осыпавший ее нежнейшими ласками, мать опять заговорила. Она сказала, что поделом ему, теперь уж он, верно, образумится, затем она удалилась из комнаты и оставила их одних.

Едва выйдя за дверь, она тоже утерла слезы и подумала, не повредит ли мужу то потрясение, которое она ему причинила, и не следует ли послать за врачом. К вечеру она приготовила ему на кухне все, что только могла придумать укрепляющего и успокаивающего, оправила и согрела постель, чтобы уложить его, как только он появится об руку с дочерью, но так как он все еще не появлялся, хотя ужин уже был накрыт, то она подкралась к комнате дочери, желая подслушать, что там происходит. Приложив осторожно к двери ухо, она услышала слабый, замирающий шепот, исходивший, как ей казалось, от маркизы; заглянув в замочную скважину, она увидела, что маркиза сидела на коленях у коменданта, чего раньше он бы никогда в жизни не допустил. Наконец она отворила дверь, и сердце ее переполнилось радостью, — дочь, запрокинув голову, закрывши глаза, лежала в объятиях отца, который, сидя в кресле, жадно, долго и горячо, как влюбленный, целовал ее в губы, а в широко раскрытых его глазах блестели слезы. И дочь молчала, молчал и он; склонив лицо над нею, как над девушкой — своей первой любовью, он искал ее губы и целовал ее. Мать испытывала полное блаженство; не замечаемая ими, стоя позади его кресла, она медлила нарушить восторг радостного примирения, снова наступившего в ее доме. Наконец она приблизилась к мужу и сбоку поглядела на него, перегнувшись через спинку кресла, в то время как он с несказанным упоением пальцами и губами ласкал уста своей дочери. Комендант при виде ее снова весь сморщился и опустил голову, видимо, желая ей что-то сказать; но она воскликнула: «Ну, что еще за лицо ты строишь!» — с своей стороны наградила его поцелуем, разгладившим его морщины, и шуткой положила конец трогательным излияниям. Она пригласила их обоих ужинать и повела в столовую, куда они пошли, словно жених и невеста. За столом комендант был очень весел, хотя время от времени всхлипывал, мало ел и мало говорил, глядя в тарелку и играя рукою дочери.

Но вот с наступлением следующего дня перед ними встал вопрос, кто же наконец появится завтра в одиннадцать часов утра, ибо завтра было как раз грозное третье число. Отец, мать, а также и брат, пришедший для того, чтобы также помириться с маркизой, решительно стояли за брак, коль скоро неизвестное лицо окажется мало-мальски приемлемым; решено было сделать все, что только возможно, дабы обеспечить счастье маркизы. Однако если бы положение этого человека, даже при всяческом содействии и поддержке, оказалось бы значительно ниже положения маркизы, то родители высказывались против брака, предполагая оставить ее, как и прежде, у себя в доме и усыновить ребенка. Маркиза же, по-видимому, была склонна в любом случае сдержать слово и доставить во что бы то ни стало ребенку отца, при одном лишь условии, — чтобы неизвестный не оказался отъявленным злодеем. Вечером полковница спросила всех, как следует им обставить прием ожидаемого на следующий день лица. Комендант высказался за то, чтобы к одиннадцати

часам оставить маркизу одну. Маркиза же настаивала на том, чтобы при свидании присутствовали ее родители и брат, так как она не желает иметь никаких тайн с этим человеком. К тому же она заметила, что, по-видимому, таково было желание и самого лица, напечатавшего ответ, в котором прямо был назван дом коменданта как место свидания; благодаря этому обстоятельству, заявила она открыто, ей понравился и самый ответ. Мать указала на неловкую роль, какую при этом будут вынуждены играть отец и брат, и просила дочь освободить мужчин от необходимости присутствовать при свидании, сама же она исполнит ее желание и останется с нею во время приема посетителя. После краткого размышления маркиза согласилась, и наконец было принято это последнее предложение.

И вот после ночи, проведенной в напряженнейшем ожидании, наступило утро рокового третьего числа. Когда часы били одиннадцать, обе дамы в праздничных нарядах, как для сговора, сидели в гостиной; сердца у обеих стучали так сильно, что, казалось, можно было бы слышать их биение, если бы не заглушал его дневной шум. Еще не отзвучал одиннадцатый удар, как вошел Леонардо, егерь, выписанный отцом из Тироля. Обе женщины при виде его побледнели.

— Прибыл граф Ф., — сказал он, — и велит о себе доложить.

— Граф Ф.! — воскликнули обе сразу, не успев оправиться от первого потрясения.

— Заприте двери! — воскликнула маркиза. — Для него нас нет дома.

Она встала, чтобы самой запереть комнату, и хотела уже вытолкнуть стоявшего на пороге егеря, когда перед ней предстал граф в том самом мундире, при орденах и шпаге, как был он одет при штурме цитадели. Маркиза от смущения готова была провалиться сквозь землю; она схватила платок, оставленный ею на стуле, и хотела скрыться в соседнюю комнату; однако госпожа Г., схватив ее за руку, воскликнула:

— Джульетта!.. — и, словно задыхаясь от нахлынувших на нее мыслей, не могла продолжать. Она устремила пристальный взгляд на графа и повторила: — Прошу тебя, Джульетта! — привлекая к себе дочь. — Кого же мы ждем?..

— Но не его же?.. — воскликнула маркиза, быстро обернувшись и метнув на графа сверкнувший молнией взгляд; при этом смертельная бледность покрыла ее лицо.

Граф опустился перед нею на одно колено; правую руку он прижал к сердцу; тихо склонив голову, глядел он в землю с пылающим лицом и молчал.

— Кого же еще? — воскликнула полковница. — Кого же, как не его, о мы, слепые, безумные!

Маркиза стояла над ним в оцепенении.

— Я сойду с ума, матушка! — сказала она.

— Глупая! — отвечала мать, привлекая ее к себе и шепча ей что-то на ухо.

Маркиза отвернулась и, закрыв лицо руками, упала на диван. Мать воскликнула:

— Несчастливая! Что с тобою? Что случилось такого, чего бы ты не ожидала? — Граф не отходил от полковницы; все еще стоя на коленях, он схватил край ее платья и целовал его. «Дорогая! Милостивая! Достоянейшая!» — шептал он; слеза скатилась у него по щеке. Полковница сказала:

— Встаньте, граф, встаньте! Утешьте ее, и тогда все мы примиримся, все будет прощено и забыто.

Граф в слезах поднялся; он снова склонился перед маркизой, взял ее за руку бережно, словно она была из золота и может потускнеть от его прикосновения. Однако, вскочив с возгласом: «Уйдите, уйдите, уйдите! Я приготовилась встретиться с человеком порочным, но не... с дьяволом!» — она отворила дверь, обойдя его, как зачумленного, и сказала:

— Позовите полковника!

— Джульетта! — воскликнула изумленная полковница. Маркиза безумным взглядом смотрела то на графа, то на мать; грудь ее вздымалась, лицо пылало: фурия не могла бы иметь более страшного лика. Вошли полковник и лесничий.

— За этого человека, отец, я не могу выйти замуж! — сказала она, едва они успели переступить порог. Она опустила руку в сосуд со святой водой, висевшей на стене за дверью, широким взмахом руки окропила ею отца, мать и брата и скрылась.

Комендант, пораженный столь странным поведением дочери, спросил, что случилось, и побледнел, увидав в комнате в это решительное мгновение графа Ф. Мать, взяв графа за руку, сказала:

— Не спрашивай ни о чем; этот молодой человек от всего сердца раскаивается в случившемся; дай свое благословение, дай, дай его, и тогда все еще окончится благополучно.

Граф стоял совершенно убитый. Комендант возложил на его голову руку; веки его дрогнули, губы побелели как мел.

— Да отвратится проклятие небес от их чела! — воскликнул он. — Когда думаете вы повенчаться?

— Завтра, — отвечала за него мать, ибо сам граф не мог выговорить ни слова, — завтра или сегодня, как тебе будет угодно; для графа, проявившего такое похвальное и горячее стремление загладить свою вину, конечно, ближайший час будет наилучшим.

— В таком случае я буду иметь удовольствие встретиться с вами в церкви августинцев завтра в одиннадцать часов утра! — сказал комендант, раскланялся с ним и, пригласив жену и сына вместе направиться в комнату дочери, оставил его одного.

Тщетны были попытки выведать у маркизы причину ее странного поведения; она лежала в сильнейшем жару, не хотела и слышать о браке и просила лишь оставить ее одну. На вопрос, что ее заставило вдруг изменить свое решение и что делает для нее графа ненавистнее всякого другого человека, она рассеянно взглянула на отца большими глазами и ничего не ответила. Полковница спросила: разве она забыла, что она мать? На это маркиза отвечала, что в данном случае она обязана больше думать о себе, чем о ребенке, и, снова призывая в свидетели всех ангелов и святых, стала уверять, что ни за что не выйдет замуж. Отец, видя, что она находится в состоянии чрезмерного возбуждения, заявил, что она должна сдержать свое слово, оставил ее и, снесясь письменно с графом, сделал все необходимые распоряжения для завтрашнего венчания. Он предложил графу брачный контракт, согласно которому тот отказывается от всех супружеских прав, но в то же время принимает на себя все обязанности супруга, исполнения которых от него потребуют. Граф вернул этот документ, весь залитый слезами, скрепив его подписью. Когда на другое утро комендант вручил эту бумагу маркизе, ее волнение несколько улеглось. Она перечла ее несколько раз, сидя еще в постели, задумчиво сложила, снова развернула и перечла; затем объявила, что прибудет в церковь августинцев к одиннадцати часам. Она встала, оделась, не говоря ни слова, села, когда раздались удары колокола, со своими родными в карету и поехала.

Лишь у входа в церковь разрешено было графу присоединиться к семейству маркизы. Сама

она все то время, пока совершался торжественный обряд, глядела неподвижно на запрестольный образ; она не удостоила даже мимолетным взглядом человека, с которым менялась кольцами. Граф по окончании венчания предложил ей руку; но как только они вышли из церкви, графиня ему поклонилась; комендант спросил его, будет ли он иметь честь время от времени видеть его в покоях своей дочери; в ответ граф пробормотал что-то, чего никто не мог разобрать, снял перед обществом шляпу и исчез. Он нанял квартиру в М. и прожил там несколько месяцев, ни разу даже не заглянув в дом коменданта, где графиня осталась жить. Исключительно своему деликатному, достойному и вполне образцовому поведению во всех тех случаях, когда ему приходилось вступать в какие-либо сношения с семьей жены, он был обязан тем, что, после того как графиня разрешилась от бремени сыном, его пригласили на крестины. Графиня, сидевшая в постели, укрытая коврами, увидела его лишь на мгновение, когда он остановился в дверях и издали почтительно ей поклонился. Он бросил в колыбель, где лежали подарки, которыми гости приветствовали новорожденного, две бумаги, на коих одна, как то выяснилось после его ухода, содержала дарственную на имя мальчика на двадцать тысяч рублей, а другая — духовное завещание, коим он, в случае своей смерти, назначал мать новорожденного наследницей всего своего имущества. С этого дня, по почину госпожи Г., его стали чаще приглашать; дом для него открылся, и не проходило вечера, чтобы он там не появился. Так как чутье ему подсказывало, что, в силу греховности самого миропорядка, и ему всеми прощен его грех, он снова принялся ухаживать за графиней, своей женой, вторично услышал, по прошествии года, из ее уст слово «да», и тогда отпраздновали вторую свадьбу, более веселую, чем первая, после чего вся семья переехала в В. Целая вереница маленьких русских потянулась за первым, и когда однажды в благоприятный час граф решился спросить жену, почему она в то роковое третье число, будучи готова принять любого развратника, бежала от него, как от дьявола, она отвечала, бросившись ему на шею, что он не показался бы ей тогда дьяволом, если бы при первом своем появлении не представился ей ангелом.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЧИЛИ

Перевод с немецкого Г. Рачинского.

В Сантьяго, столице королевства Чили, в самый момент начала страшного землетрясения 1647 года, при котором погибло много тысяч людей, молодой испанец, по имени Херонимо Ругера, стоял у столба в камере тюрьмы, куда он был заключен за совершенное им преступление, и собирался повеситься. Дон Энрико Астерон, один из богатейших дворян города, приблизительно за год перед этим удалил его из своего дома, где он исполнял обязанности учителя, за то, что тот вступил в любовные отношения с донной Хосефой, его единственной дочерью. Тайная переписка, попавшая в руки старого дона благодаря коварной бдительности его надменного сына, — после того как отец сделал строгое предостережение дочери, — возбудила в последнем такое негодование, что он заключил дочь в кармелитский монастырь Пресвятой девы, что на горе. Благодаря счастливой случайности Херонимо удалось здесь возобновить свои встречи с возлюбленной, и однажды в глухую ночь монастырский сад сделался местом его совершенного счастья. Как раз в день праздника тела Христова, когда началось торжественное шествие монахинь, за которыми следовали послушницы, несчастная Хосефа под звон колоколов упала в родильных муках на ступеньки собора. Это событие вызвало много шума; юную грешницу, невзирая на ее состояние, тотчас заключили в тюрьму, и едва она встала после родов, как, по приказанию архиепископа, ее предали строжайшему суду. В городе с таким ожесточением заговорили об этом скандале, а злые языки с такой яростью напали на самый монастырь, где он произошел, что ни

заступничество семьи Астерон, ни желание самой игуменьи, полюбившей молодую девушку за ее безупречное во всем остальном поведение, не могли смягчить строгости наказания, которым ей угрожал церковный закон. Удалось добиться лишь одного, — что смерть на костре, к которой ее присудили, была, к великому негодованию матрон и девиц Сантьяго, по приказу вице-короля[205] заменена отсечением головы. На улицах, по которым должны были провести на казнь преступницу, сдавали внаймы окна, сносили крыши с домов, а благочестивые дочери города трогательно приглашали своих подруг присутствовать рядом с ними на зрелище, которое давалось в угоду мстительному божеству. Херонимо, которого тем временем тоже засадили в темницу, едва не лишился рассудка, когда узнал, какой страшный оборот приняло это дело. Напрасно старался он изыскать какой-либо путь к спасению; куда бы он ни уносился на крыльях дерзновенной мечты, он натыкался на запоры и стены, а его попытка перепилить оконную решетку повлекла за собою, когда была обнаружена, еще более строгое заключение. Он бросился на колени перед иконою божьей матери и обратился к ней с пламенной молитвой, как единственной заступнице, от которой он мог еще ждать спасения. Но роковой день настал, и вместе с ним в его сердце вселилась уверенность в полной безнадежности его положения. Раздался колокольный звон, сопровождавший Хосефу на ее пути к месту казни, и отчаяние овладело его душой. Жизнь стала для него ненавистной, и он решил покончить с собою при помощи веревки, сохранившейся у него благодаря случайности. И вот, как выше было сказано, он уже стоял у столба и прикреплял к железной скобе, вправленной в карниз, веревку, которая должна была вырвать его из этой юдоли плача, как вдруг с ужасным грохотом, словно обрушился небесный свод, провалилась большая часть города, похоронив под своими обломками все, что было там живого. Херонимо Ругера окаменел от ужаса и, словно сознание его было разбито вдребезги, ухватился, чтобы не упасть, за тот самый столб, у которого искал смерти. Пол заколебался под его ногами, стены тюрьмы треснули, все здание накренилось, готовое рухнуть, и только здание на другой стороне улицы, которое, падая, случайно образовало свод с тюремным, задержало полное разрушение последнего. У Херонимо волосы встали дыбом и колени подкашивались; весь дрожа, он соскользнул по наклонной плоскости пола к отверстию, образовавшемуся в передней стене тюрьмы от столкновения обоих зданий. Но едва он оказался под открытым небом, как от вторичного подземного толчка вся остальная часть уже полуразрушенной улицы окончательно рухнула. Не отдавая себе отчета, каким образом может он спастись среди всеобщей гибели, он поспешно стал пробираться среди дымящихся развалин к ближайшим городским воротам, в то время как смерть грозила ему со всех сторон. Вот обрушился поблизости дом, далеко разбрасывая вокруг себя обломки, и загнал его в соседний переулок; здесь огненные языки, сверкая сквозь клубы дыма и вырываясь из крыш соседних домов, теснили его, объятых страхом, в другую улицу; там выступившая из берегов река Мапохо катила на него волны и с ревом гнала в третью улицу. Здесь лежала гряда тел убитых, тут раздавались из-под развалин стоны, там люди испускали крики с объятых пламенем крыш, здесь люди и животные боролись с волнами, там мужественный человек старался помочь и спасти, тут стоял другой, бледный как смерть, неподвижно, безмолвно простирая дрожащие руки к небу. Достигнув ворот и взобравшись на холм, расположенный за ними, Херонимо упал, потеряв сознание.

Пролежав в глубоком обмороке с четверть часа, он наконец очнулся и наполовину приподнялся с земли, спиной к городу. Он ощупал голову и грудь, еще не зная, в каком он состоянии, и его охватило невыразимое блаженство, когда подувший с моря западный ветер вдохнул в него новую жизнь, а глаза его, озираясь кругом, увидели цветущие окрестности Сантьяго. Только рассеянные толпы людей, которые были видны повсюду, смущали его сердце; он сразу не мог понять, что привело его и их на это место, и, лишь когда он обернулся и увидел позади себя провалившийся город, припомнилось ему пережитое им страшное мгновение. Он склонился так низко, что коснулся головою земли, благодаря бога за свое избавление; и тотчас, словно то единственное ужасное воспоминание, которое запечатлелось в его сознании, вытеснило все остальные, он заплакал от радостного чувства, что может наслаждаться пестрыми явлениями жизни, снова ставшей для него драгоценной.

Но вот, заметив на своей руке кольцо, он вдруг вспомнил о Хосефе, и тут же в памяти его воскресли и тюрьма, и звон колоколов, который он там услышал, и мгновенье, предшествовавшее разрушению. Глубокое уныние охватило его душу; он стал раскаиваться в своей молитве, и страшным показалось ему то существо, которое царит над облаками. Он смешался с толпой людей, выбегавших из ворот и занятых спасением своего имущества, и отважился робко спросить о дочери Астерона и о том, успели ли ее казнить; однако никто не мог дать ему обстоятельного ответа. Какая-то женщина, тащившая на спине, почти пригнувшись к земле, огромный груз всякой рухляди, а у груди двух маленьких детей, отвечала ему мимоходом, словно она сама при этом присутствовала, что Хосефу обезглавили. Херонимо пошел назад и, так как по расчету времени он сам не мог сомневаться в том, что казнь успели совершить, то, уединившись в тихой роще, всецело отдался своему горю. Он желал, чтобы грозные силы природы снова обрушились на него. Ему казалось непонятным, почему как раз в те минуты, когда спасительница-смерть, которой искала горестная его душа, сама шла ему навстречу, он бежал ее. Он твердо решил на этот раз не отступить, хотя бы окружавшие его дубы были вырваны с корнем и их вершины рухнули на него. Затем, выплавав свое горе, он поднялся и так как среди горючих слез в душе его снова возродилась надежда, начал обходить местность во всех направлениях. Он подымался на каждый холм, где собирались кучки людей; он бродил по всем дорогам, по которым еще двигался поток беглецов; где бы он ни увидел развевающееся на ветру женское платье, он устремлялся туда дрожащей поступью; однако ни одно из них не облекало члены любимой им дочери Астерона.

Солнце склонялось к закату, и с ним вместе исчезала его надежда; но вот он подошел к краю скалы, и перед ним открылся вид на широкую долину, в которую забрело лишь немного людей. В нерешительности, что ему предпринять, он окинул взором отдельные группы их и хотел уже повернуть обратно, как вдруг увидел у источника, орошавшего ущелье, молодую женщину, купавшую ребенка в его чистых водах. Сердце его забило при этом зрелище; исполненный предчувствия, с криком: «Мать божья, о благодатная!» — он большими прыжками стал спускаться по камням и тут узнал Хосефу, робко оглянувшуюся на шум. С каким восторгом обнялись несчастные, которых спасло лишь чудо, ниспосланное небом!

Хосефа на своем смертном пути уже совсем приблизилась к лобному месту, когда грохот разрушавшихся зданий разогнал все шествие, направлявшееся к месту казни. В ужасе бросилась она прямо к ближайшим воротам; однако скоро опомнилась и, повернув назад, поспешила в монастырь, где оставался ее маленький, беспомощный мальчик. Она нашла весь монастырь уже объятый пламенем, и игуменья, которая в те мгновения, кои должны были стать последними в жизни Хосефы, обещала ей позаботиться о младенце, стояла у ворот монастыря и звала на помощь, чтобы его спасти. Хосефа неустрашимо бросилась сквозь дым, валивший ей навстречу, в рушившееся со всех сторон здание и, словно под защитой всех небесных ангелов, вышла снова целая и невредимая из дверей монастыря с ребенком на руках. Она хотела броситься в объятия игуменьи, возложившей ей на голову благословляющие руки, но в это мгновенье игуменья и почти все монахини нашли плачевный конец под обрушившейся на них кровлей. Хосефа при этом ужасном зрелище отпрянула назад; поспешно закрыв игуменью глаза, она бросилась бежать, объятая страхом, спасая своего дорогого мальчика, которого небо вновь ей даровало. Не успела она пройти и нескольких шагов, как навстречу ей пронесли изувеченное тело архиепископа, которое только что извлекли из-под развалин собора. Дворец вице-короля провалился, здание суда, где ей вынесли приговор, было объято пламенем, а на месте, где прежде стоял дом ее отца, образовалось кипящее озеро; над которым клубились красноватые пары. Хосефа собрала все свои силы, чтобы удержаться на ногах. Отважно шагала она из улицы в улицу со своей добычей, подавив в сердце печаль, и уже приближалась к городским воротам, когда ей бросилась в глаза обращенная в груды развалин тюрьма, в которой томился Херонимо. При виде ее она зашаталась и едва не упала в обморок на углу улицы, но в ту же минуту внезапный испуг от падения позади нее полуразрушенного многими толчками здания придал

ей новые силы и погнал ее вперед. Она поцеловала ребенка, осушила слезы и, не обращая больше внимания на окружавшие ее ужасы, благополучно достигла ворот. Оказавшись под открытым небом, она скоро пришла к заключению, что не все те, кто находился в рухнувших зданиях, непременно должны были погибнуть под их развалинами. Она остановилась на ближайшем перекрестке и стала поджидать, не появится ли тот, кто после маленького Филиппа был для нее дороже всего на свете. Но так как он не появлялся, а толпы беглецов все нарастали, она отправилась дальше, не раз останавливаясь в ожидании и оглядываясь назад; под конец, проливая обильные слезы, она уныло побрела в темную, осененную пиниями долину, дабы помолиться о его душе, отлетевшей, как она предполагала, в иной мир; и здесь-то, в этой долине, обрела его, возлюбленного, и блаженство, словно то была долина Эдема. Все это она, глубоко растроганная, передала Херонимо и, закончив свой рассказ, протянула ему для поцелуя ребенка.

Херонимо взял его на руки и стал нянчить с несказанной отеческой радостью, а когда ребенок, при виде чужого лица, заплакал, он закрыл ему рот бесчисленными поцелуями. Тем временем спустилась чудная ночь, полная дивных, нежных благоуханий, такая серебристая и тихая, какая могла бы пригрезиться только поэту. Повсюду вдоль ручья, орошавшего долину, в блеске лунного сиянья расположились люди и готовили себе мягкие ложа из мха и листьев, чтобы отдохнуть после столь мучительного дня. И так как несчастные горько сетовали, — один, оплакивая утрату дома, другой — жены и ребенка, третий — потерю всего, — то Херонимо и Хосефа потихоньку удалились в более густую заросль, дабы не оскорбить кого-либо тайным ликованием, наполнявшим их сердца. Они нашли великолепное гранатное дерево, широко раскинувшее свои ветви, увешанные душистыми плодами, на вершине которого сладострастно заливался соловей. Здесь, у самого ствола, опустился Херонимо, в его объятиях покоилась Хосефа, держа на руках Филиппа; так отдыхали они, закутавшись его плащом.

Тень дерева с ее изменчивыми бликами уже сошла с них, и лунный свет поблек с появлением утренней зари, прежде чем они заснули. Ведь у них были неисчерпаемые темы для разговоров — и о монастырском саде, и о темницах, в которых они были заключены, и о том, что они выстрадали друг за друга; и их очень трогало, когда они думали, сколько горя должно было излиться над миром для того, чтобы они были счастливы. Они решили тотчас же, как прекратится землетрясение, отправиться в Ля-Консепсьон[206], где проживала близкая подруга Хосефы, и, заняв у нее, как они рассчитывали, немного денег, сесть на корабль и переехать в Испанию, где проживали родственники Херонимо с материнской стороны; там они предполагали счастливо закончить свои дни. Затем, среди бесчисленных поцелуев, они заснули.

При их пробуждении солнце стояло уже высоко в небе; они увидели неподалеку от себя несколько семейств, занятых у костра приготовлением небольшого завтрака. Херонимо стал раздумывать о том, как бы ему достать пищи для своих, когда к Хосефе подошел молодой, хорошо одетый человек с ребенком на руках и скромно спросил ее, не покормит ли она грудью бедного малыша, мать которого лежит, раненная, там, под деревом. Хосефа несколько смутилась, узнав в нем знакомого; но когда, неправильно истолковав ее смущение, он добавил:

— Всего несколько минут, донна Хосефа, — ребенок с самого того мгновенья, которое всех нас повергло в несчастье, ничего не ел, — она сказала:

— Я не ответила вам, дон Фернандо, по другой причине; в эти ужасные времена каждый, не отказываясь, должен делиться всем, что у него есть, — с этими словами она передала своего ребенка отцу, а чужого взяла на руки и поднесла к своей груди.

Дон Фернандо был чрезвычайно благодарен и предложил ей присоединиться к обществу, собравшемуся у костра, где как раз готовился небольшой завтрак. Хосефа отвечала, что

весьма охотно принимает это предложение и, так как Херонимо не возражал, последовала за Фернандо к его семейству, где обе его свояченицы, которых она знала как весьма достойных молодых дам, приняли ее самым радушным и ласковым образом. Донна Эльвира, супруга донна Фернандо, получившая тяжкие ранения ног, лежала на земле; увидав своего изнуренного ребенка у груди Хосефы, она ласково привлекла ее к себе. Ее свекор, дон Педро, раненный в плечо, приветливо кивнул ей головою.

В душе у Хосефы и у Херонимо шевельнулось странное чувство. Замечая доброту и приветливость в обращении с ними, они в недоумении вспоминали столь недавнее прошлое, — и лобное место, и темницу, и звон колоколов, и им приходило в голову, не видели ли они все это во сне. Казалось, что страшный удар, который потряс души людей до основания, всех их умиротворил. Их воспоминания как-то не шли дальше этого мгновенья. Одна только донна Элисабета, которая была приглашена подругой на вчерашнее утреннее зрелище, но приглашения этого не приняла, по временам останавливала задумчивый взгляд на Хосефе; однако новое сообщение о каком-либо ужасающем несчастье всякий раз возвращало к действительности ее унесшуюся было душу. Рассказывали, как при первом же сильном подземном толчке город оказался полон женщин, которые на глазах у мужчин разрешались от бремени, как монахи бегали с крестом в руке и кричали, что настал конец света; как ответили страже, потребовавшей именем вице-короля, чтобы очистили церковь: что в Чили теперь уже нет никакого вице-короля! Как вице-король в самые ужасные мгновенья был вынужден отдать приказ поставить несколько виселиц, дабы положить конец распространившимся грабёжам, и как один ни в чем не повинный человек, спасавшийся через черный ход горевшего дома, был схвачен второпях домовладельцем и тут же вздернут, как грабитель. Донна Эльвира, над поранениями которой хлопотала Хосефа, улучила минуту, когда разговор стал особенно оживленным, чтобы спросить, что с нею приключилось в этот ужасный день. Когда же Хосефа с сердечным волнением поведала ей в общих чертах свои приключения, то для нее было истинной отрадой увидеть, как глаза этой дамы наполнились слезами; донна Эльвира схватила ее руку, пожала ее и сделала знак, чтобы она замолчала. Хосефе казалось, что она в раю. Чувство, которое она не могла в себе подавить, говорило ей, что минувший день, который принес столько бед всему свету, был такой милостью, какой небо еще ни разу не изливало на нее. И в самом деле, в эти ужасающие мгновенья, когда гибли все земные блага людей и всей природе грозило разрушение, дух человека, казалось, раскрывался, как дивный цветок. На полях, — всюду, куда только ни достигал взор, — лежали вперемежку люди всех званий и состояний: князья и нищие, знатные дамы и крестьянки, государственные чиновники и поденщики, монахи и монахини, и все жалели друг друга, помогали друг другу, с радостью делясь тем, что каждый из них спас от гибели для поддержания своего существования, словно общее несчастье слило в одну семью всех тех, кто его избежал. Вместо пустых разговоров за чайным столом, содержанием которых служили светские пересуды, теперь рассказывали о примерах великих деяний; люди, на которых дотоле мало обращали внимания в обществе, теперь проявили величие души, достойное древних римлян; приводились тысячи примеров бесстрашия, радостного презрения к опасности, самоотречения и дивного самопожертвования; случаи, когда многие, не колеблясь, жертвовали жизнью, словно самым ничтожным благом, которое можно тут же снова приобрести. В самом деле, так как не было человека, с кем бы не приключилось чего-нибудь умильного, или кто бы не совершил какого-нибудь великодушного поступка, то в груди каждого из присутствующих к горю примешано было столько улады, что трудно было сказать, не повысилась ли с одной стороны сумма общего благополучия настолько же, насколько она понизилась с другой стороны. Херонимо взял Хосефу под руку, после того как они молча поразмыслили на эту тему, и они с неизъяснимой радостью стали прогуливаться в тенистых кущах гранатовой рощи. Он сказал ей, что, принимая во внимание теперешнее настроение умов и полный переворот мыслей и отношений, он отказывается от своего намерения переселиться в Европу; что он отважится пасть к ногам вице-короля, если он остался, в живых, так как последний относился к нему благосклонно, и что он питает надежду (при этом он ее поцеловал) остаться с нею в Чили. Хосефа отвечала, что и ей эти мысли

приходили в голову, что и она не сомневается в том, что ей удастся добиться примирения с отцом, если он остался жив, но что она советует вместо того, чтобы лично, пав к ногам вице-короля, испросить у него прощение, отправиться в Ля-Консепсьон, откуда уже письменно хлопотать о помиловании: там ведь они на всякий случай будут поближе к гавани, а если дело примет желаемый оборот, смогут сразу же вернуться в Сантьяго. После краткого размышления Херонимо признал благоразумие этой меры; еще некоторое время прогуливались они по тропинкам, мысленно переносясь в радостное будущее, а затем присоединились к обществу.

Между тем миновал полдень, и, так как подземные толчки ослабели, бродившие повсюду беглецы несколько успокоились, когда распространилась молва, что в церкви доминиканского монастыря, единственной, которую пощадило землетрясение, сам настоятель монастыря будет служить торжественную мессу, моля небо отвратить от города дальнейшие беды. Отовсюду уже начал собираться народ и потоками устремился в город. В кружке донна Фернандо поднялся вопрос, не принять ли участие в этом торжестве, присоединившись к остальным богомольцам. Донна Элисабета с некоторым волнением напомнила, какое несчастье имело место накануне в этой церкви, добавив, что подобные благодарственные моления будут еще не раз повторяться, когда станет ясно, что опасность окончательно миновала и можно будет отдаться религиозному настроению с тем большей радостью и спокойствием. На это Хосефа, быстро поднявшись, с воодушевлением возразила, что никогда еще не ощущала такой сильной потребности повергнуться в прах перед создателем, как сейчас, когда он проявил свое высокое и непостижимое могущество. Донна Эльвира с живостью присоединилась к мнению Хосефы. Она настаивала на том, что надо идти к обедне, и предложила дону Фернандо повести все общество, после чего все, не исключая и донны Элисабеты, поднялись с мест. Однако, так как все заметили, что она лишь нерешительно и с вздымающейся от волнения грудью приступила к сборам в путь, а на вопрос, что с нею, ответила, что сама не знает, какое тягостное предчувствие ее гнетет, то донна Эльвира постаралась ее успокоить, предложив ей остаться с нею и с ее больным отцом. Хосефа сказала:

— В таком случае, донна Элисабета, вы, верно, возьмете у меня моего маленького любимца, который, как видите, снова оказался у меня.

— Весьма охотно! — отвечала донна Элисабета и собралась взять мальчика на руки, но так как он, протестуя против подобной несправедливости, поднял жалобный крик и ни за что не хотел с этим согласиться, то Хосефа заявила с улыбкой, что она оставит его у себя, и успокоила поцелуями; После этого дон Фернандо, которому чрезвычайно нравилась ее достойная и привлекательная манера держать себя, предложил ей руку; Херонимо, державший на руках маленького Филиппа, повел донну Констанцу, а за ними следовали все остальные, присоединившиеся к их обществу, и в таком порядке шествие направилось в город. Но едва они отошли на пятьдесят шагов, как услышали, что донна Элисабета, тем временем с жаром о чем-то шептавшаяся с донной Эльвирой, закричала: «Дон Фернандо!» — и увидели, что она тревожными шагами спешит за ними. Дон Фернандо замедлил шаг и обернулся; он поджидал ее, не выпуская руки Хосефы, и, когда она на некотором расстоянии остановилась, словно ожидая, что он пойдет к ней навстречу, спросил, что ей нужно. Донна Элисабета приблизилась к нему, хотя и с видимым неудовольствием, и прошептала ему несколько слов на ухо, так, чтобы Хосефа не могла их слышать. Дон Фернандо спросил:

— Ну, а несчастье, которое может из этого произойти?

Донна Элисабета с расстроенным лицом продолжала шептать ему что-то на ухо. Дон Фернандо покраснел от досады; он отвечал:

— Ну ладно, пусть донна Эльвира не беспокоится, — и повел свою даму дальше.

Когда они прибыли в церковь доминиканского монастыря, в ней уже раздавались великолепные звуки органа и внутри кишела несметная толпа. Толпа теснилась и за порталом на площади перед церковью, а по стенам, держась за рамы икон, в нетерпеливом ожидании висели мальчики с шапками в руках. Яркий свет изливали все паникадила, столбы, подпиравшие своды, бросали в наступающих сумерках таинственную тень, роза из разноцветных стекол в глубине церковной апсиды[207] горела, как само заходящее солнце, освещавшее ее, и когда орган вдруг смолк, то воцарилась глубокая тишина, словно вся толпа затаила дыхание. Никогда еще ни одна христианская церковь не излучала к небу столько пламенного благочестия, как в этот день доминиканская церковь в Сантьяго, и ничье сердце не пылало жарче, чем сердца Херонимо и Хосефы! Торжество открылось проповедью, которую произнес с кафедры старейший каноник в праздничном облачении. Высоко подняв к небу дрожащие руки, с которых ниспадали складки его стихаря, он сразу начал с хвалы, прославления и благодарения за то, что в этой разрушающейся части света еще сохранились люди, способные обратиться к богу с молитвой, хотя бы коснеющим языком. Он изобразил то, что произошло по мановению всемогущего: Страшный суд не может быть ужаснее; когда же, указывая перстом на трещину в своде, он назвал вчерашнее землетрясение лишь предвестником этого суда, трепет пробежал по всему собранию. Затем, увлекаемый потоком духовного красноречия, он перешел к испорченности городских нравов; кара постигла город за мерзости, каких не видали в своих стенах Содом и Гоморра, и лишь безграничному божьему долготерпению приписывал он то, что город не был окончательно сметен с лица земли. Но как кинжалом пронзило сердца наших двух несчастных, и без того потрясенных проповедью, когда каноник по этому поводу подробно остановился на преступление, совершенном в монастырском саду кармелитского монастыря; назвал безбожную ту снисходительность, с которой свет к нему отнесся, и, уклонившись в сторону, среди ужасных проклятий предал души виновников, которых он назвал по имени, всем князьям преисподней! Донна Констанца воскликнула, судорожно ухватившись за руку Херонимо: «Дон Фернандо!» Но тот отвечал настолько настойчиво и тихо, насколько это было возможно в одно и то же время:

— Замолчите, донна, ни малейшего движения, даже глазом не моргните, но притворитесь, что вам сделалось дурно, и, мы тогда покинем церковь.

Однако, прежде чем успела донна Констанца выполнить эту благоразумно придуманную меру для их спасения, чей-то громкий голос, прервав проповедь каноника, воскликнул:

— Расступитесь, граждане Сантьяго, эти безбожники стоят здесь, среди нас!

И когда другой голос с ужасом, который передался стоявшим вокруг него, спросил: «Где?» — «Здесь!» — отвечал третий и в благочестивом исступлении с такой силой рванул за волосы Хосефу, что она упала бы вместе с сыном донна Фернандо, если бы этот последний ее не поддержал.

— С ума вы сошли! — воскликнул юноша, охватив рукою Хосефу. — Я дон Фернандо Ормес, сын городского коменданта, которого все вы знаете.

— Дон Фернандо Ормес? — воскликнул, став вплотную рядом с ним, башмачник, когда-то работавший на Хосефу и знавший ее так же хорошо, как и ее маленькие ножки, — Кто отец этого ребенка? — обратился он с наглым вызовом к дочери Астерона.

Дон Фернандо побледнел при этом вопросе; он то кидал робкие взоры на Херонимо, то оглядывал толпу, не найдется ли среди нее хоть один человек, который бы его знал. Угнетаемая ужасом Хосефа воскликнула:

— Это не мой сын, как вы думаете, мастер Педрильо! — и в несказанном страхе взглянула на донна Фернандо. — Этот молодой человек — дон Фернандо Ормес, сын городского

коменданта, которого все вы знаете.

Башмачник спросил:

— Кто из вас, граждане, знает этого молодого человека?

И многие из стоявших кругом повторили:

— Кто знает Херонимо Ругера, пусть выступит вперед!

Тут случилось, что маленький Хуан, испуганный шумом и

смятением, потянулся с рук Хосефы на руки к дону Фернандо. «Вот он — отец!» — завопил тогда какой-то голос; и: «Вот он — Херонимо Ругера!» — второй; и: «Вот они — святотатцы!» — третий; и: «Побейте их камнями! побейте их камнями!» — весь собравшийся в храме Иисуса христианский народ.

Херонимо воскликнул:

— Остановитесь, бесчеловечные люди! Если вы ищете Херонимо Ругера — так вот он! Оставьте этого ни в чем не повинного человека!

Беснующаяся толпа, смущенная заявлением Херонимо, остановилась, озадаченная; несколько рук отпустили дону Фернандо; в это мгновение к ним поспешно приблизился морской офицер высокого ранга и, протеснившись сквозь окружавшую их шумную толпу, спросил:

— Дон Фернандо Ормес! Что случилось с вами?

Тот отвечал, уже совершенно освободившись, с истинно героической находчивостью:

— Да! Посмотрите-ка, дон Алонсо, на этих злодеев! Я бы погиб, если бы этот достойный человек для успокоения разъяренной толпы не выдал себя за Херонимо Ругера. Будьте добры, арестуйте его вместе с этой молодой дамой, ради их обоюдной безопасности, а вместе с тем и этого негодяя, — добавил он, хватая башмачника Педрильо, — который поднял весь этот бунт.

Башмачник воскликнул:

— Дон Алонсо Онореха! Ответьте по совести, разве эта девица — не Хосефа Астерон?

Так как дон Алонсо, прекрасно знавший Хосефу, медлил с ответом и несколько голосов со вновь вспыхнувшим бешенством завопили: «Это — она! Это — она!» и «Смерть ей!» — то Хосефа, передав на руки дону Фернандо маленького Хуана и маленького Филиппа, которого до сих пор держал Херонимо, сказала:

— Идите, дон Фернандо, спасайте своих обоих детей и предоставьте нас нашей участи!

Дон Фернандо, приняв от нее детей, сказал, что он скорее готов погибнуть, чем допустить, чтобы кому-нибудь из его спутников причинили зло. Выпросив у морского офицера шпагу, он подал Хосефе руку и предложил другой паре следовать за ним. Им действительно удалось выйти из церкви, так как при подобных приготовлениях толпа расступилась перед ними с достаточной почтительностью; и они уже почитали себя спасенными. Но едва ступили они на площадь, также наполненную народом, как из преследовавшей их разъяренной толпы раздался голос: «Это — Херонимо Ругера, граждане, ведь я — его отец!» — и страшный удар дубины поверг его на землю. Шедшая с ним рядом донна Констанца с криком: «Иисус-Мария!» — бросилась к своему зятю, но уже раздался крик: «Монастырская девка», —

и удар дубины, нанесенный с другой стороны, поверг на землю рядом с Херонимо и ее, бездыханную.

— Чудовище, — закричал неизвестный, — это ведь донна Констанца Ксарес!

— Зачем они нас обманывали! — отвечал башмачник. — Отыщите настоящую и убейте ее!

Дон Фернандо, увидав труп донны Констанцы, вспылал гневом; он выхватил меч из ножен, взмахнул им и рассек бы пополам фанатика-злодея, вызвавшего все эти зверства, если бы тот не уклонился от удара. Но так как он не мог бы одолеть наступавшей на него толпы, то Хосефа с криком: «Прощайте, дон Фернандо, и будьте благополучны вы и дети! Вот! Убейте же меня, кровожадные тигры!» — бросилась добровольно в толпу, чтобы прекратить побоище. Педрильо ударом дубины свалил ее с ног. Затем, обрызганный ее кровью, завопил: «Пошлите ее ублюдка за ней в преисподнюю!» — и ринулся с еще не утоленной жаждой крови снова вперед. Дон Фернандо, этот богоподобный герой, стоял теперь, прислонившись спиной к церковной стене; левой рукой держал он детей, правой — меч! Каждым ударом он, словно молнией, поражал одного из нападавших; лев не мог бы обороняться лучше. Перед ним уже лежали во прахе семь кровожадных псов; сам вождь сатанинской шайки был ранен. Однако мастер Педрильо не успокоился до тех пор, пока ему не удалось за ноги оторвать у него от груди одного из мальчиков; он взмахнул им высоко над головой и раздробил его об угол одного из церковных пилястров. После этого настала тишина, и все разошлись.

Увидев перед собою своего маленького Хуана, лежащим на земле с раздробленным черепом, из которого вытекал мозг, дон Фернандо с несказанным страданием возвел очи к небу. Морской офицер подошел к нему снова, пытался его утешить и уверял, что глубоко раскаивается в своем бездействии во время этой катастрофы, хотя в данном случае многие обстоятельства могли бы служить ему оправданием; на это дон Фернандо отвечал, что его ни в чем упрекнуть нельзя и он только просит его помочь унести тела убитых. Всех их во мраке наступающей ночи перенесли в дом донна Алонсо, куда последовал за ними и дон Фернандо, орошая обильными слезами лицо маленького Филиппа. Он провел у донна Алонсо и всю ночь и долго, придумывая разные предлоги, не решался сообщить жене о несчастье во всем его объеме, во-первых, потому, что она была больна, а во-вторых, потому, что не знал, как она отнесется к его поведению во время этого происшествия; но вскоре одна посетительница сообщила ей случайно все, что произошло; и эта прекрасная женщина, выплакав втихомолку свое материнское горе, однажды утром бросилась ему на шею с последней, еще не высохшей слезой, блестящей на ее ресницах, и поцеловала его. Дон Фернандо и донна Эльвира взяли после этого маленького чужака в приемыши, и когда дон Фернандо сравнивал Филиппа с Хуаном и думало том, как он приобрел того и другого, ему почти казалось, что он должен радоваться тому, что случилось.

ОБРУЧЕНИЕ НА САН-ДОМИНГО

Перевод с немецкого Г. Рачинского.

В городе Порт-о-Пренс[208], в той части острова Сан-Доминго[209], которая принадлежала французам, проживал в начале текущего столетия, когда произошло избиение белых неграми, на плантации господина Гильома де Вильнев страшный старый негр по имени Конго Гоанго. Этот человек, родом с Золотого берега Африки[210], в молодые годы, видимо, отличавшийся верностью и честностью, был осыпан бесчисленными благодеяниями своего господина за то, что спас ему однажды жизнь во время поездки на Кубу. Господин де Вильнев

не только даровал ему отдельный домик и усадьбу, но даже по прошествии нескольких лет, вопреки обычаям страны, сделал его управляющим своего обширного имения и, так как тот не хотел вступать во вторичный брак, уступил ему, вместо жены, старую мулатку со своих плантаций по имени Бабекан, с которой тот состоял в отдаленном свойстве через свою умершую жену. Более того, когда негр достиг шестидесятилетнего возраста, он назначил ему значительное содержание, уволив его на покой, и увенчал свои благодеяния тем, что даже оставил ему кое-что по духовному завещанию; тем не менее все эти доказательства его признательности не могли оградить господина де Вильнев от ярости этого свирепого человека.

Конго Гоанго при общем опьянении местью, которое, вследствие неосмотрительного решения Национального конвента,[211] вспыхнуло на этих плантациях, один из первых взялся за ружье и, вспомнив то жестокое насилие, которое некогда вырвало его из его родины, всадил пулю в голову своего господина. Он поджег дом, в котором укрылась жена убитого со своими тремя детьми и прочими белыми, проживавшими в имении, опустошил всю плантацию, на которую наследники, проживавшие в Порт-о-Пренс, могли предъявить свои права, и, сровняв с землей все постройки поместья, двинулся с неграми, которых он собрал и вооружил, в окрестные поселения, чтобы поддержать своих соотечественников в их борьбе с белыми. То он подстерегал путешественников, разъезжавших по стране вооруженными отрядами; то среди бела дня нападал на плантаторов, окопавшихся в своих усадьбах, причем беспощадно вырезал всех, кого там находил. Мало того, увлеченный бесчеловечной мстительностью, он призывал старую Бабекан и ее дочку, пятнадцатилетнюю метиску, по имени Тони, принять участие в этой свирепой войне, во время которой он как бы сам помолодел; а так как главное здание плантации, в котором он теперь жил, стояло одиноко на большой дороге и туда нередко заходили в его отсутствие беглецы, белые и креолы, в поисках крова и пищи, то он подучил женщин, чтобы они ласковым приемом и помощью задерживали этих белых собак, как он их называл, до его возвращения. Бабекан, вследствие жестокого наказания, которому она подверглась в молодости, болевшая чахоткой, обычно в подобных случаях приказывала Тони, — благодаря своему желтоватому цвету лица девушка была особенно пригодна для осуществления этой отвратительной хитрости, — нарядиться в лучшее платье; она убеждала дочь не отказывать проезжим ни в каких ласках, кроме последней ласки, запрещенной ей под угрозой смерти; когда же Конго Гоанго возвращался после набегов, совершенных в окружающей местности, со своим отрядом негров, неизбежная смерть выпадала на долю несчастных, которые дали себя обмануть этими хитростями.

Всем, конечно, хорошо известно, что когда в 1803 году генерал Дессалин двинулся с тридцатью тысячами негров на Порт-о-Пренс, все белые бросились в этот город, чтобы защищать его. Ибо он был последним опорным пунктом владычества Франции над островом и с его падением все белые, находившиеся в нем, были неминуемо обречены на гибель. Случилось, что как раз в отсутствие старого Гоанго, который со своим отрядом чернокожих выступил для того, чтобы подвезти через французские линии транспорт пороха и свинца для генерала Дессалина, кто-то во мраке дождливой и бурной ночи постучался в заднюю дверь его дома. Старая Бабекан, уже лежавшая в постели, поднялась, отворила окно, накинув на бедра одну юбку, и опросила, кто там.

— Заклинаю девой Марией и всеми святыми, — тихо сказал неизвестный, став под окном, — ответьте мне на один вопрос, раньше чем я назову себя! — И с этими словами он протянул в темноте свою руку, чтобы схватить руку старухи, и спросил: — Вы — негритянка?

Бабекан отвечала:

— Вы-то — уж наверное белый, раз предпочитаете глядеть в лицо этой беспросветной ночи, чем в лицо негритянки! Входите, — добавила она, — и не бойтесь ничего; здесь живет мулатка, а единственный человек, который, кроме меня, находится в этом доме, это — моя дочь, метиска! — Сказав это, она притворила окошко, словно намереваясь сойти вниз, чтобы

отворить ему дверь, а между тем, наскоро захватив из шкафа кое-какое платье, она под предлогом, что не сразу смогла найти ключ, пробралась наверх, в каморку дочери, и разбудила ее: — Тони! — сказала она. — Тони!

— В чем дело, мать?

— Скорее! — сказала старуха. — Вставай и одевайся! Вот тебе платье, чистое белье и чулки! У дверей стоит белый, за которым гонятся, и просит, чтобы его впустили.

Тони спросила, наполовину приподымаясь на постели:

— Белый? — Она взяла платье, которое старуха держала в руках, и сказала: — А он один, мама? Нам нечего бояться, если мы его впустим?

— Нечего, нечего! — отвечала мать, зажигая огонь, — Он без оружия, один и дрожит всем телом со страху, что мы на него нападём! — С этими словами, в то время как Тони надевала чулки и юбку, старуха засветила большой фонарь, стоявший в углу комнаты, поспешно завязала девушке волосы на голове, как их носили в этой местности, надела на нее шляпу, затащив предварительно шнуры ее лифа, и, передав ей фонарь, приказала сойти во двор и впустить незнакомца.

Тем временем лай дворовых собак разбудил мальчика по имени Нанки, внебрачного сына Гоанго, прижитого с одной негритянкой, который спал вместе с братом Сеппи в соседнем доме; и так как при свете месяца он увидел одного лишь человека, стоявшего на черной лестнице дома, то поспешил, согласно полученным на подобные случаи указаниям, к воротам, ведущим во двор, через которые тот вошел, чтобы их запереть. Незнакомец, который не мог понять, что означают все эти меры, спросил мальчика — теперь он мог разглядеть его вблизи и, к своему ужасу, признал в нем негритенка:

— Кто живет в этой усадьбе?

Когда же тот отвечал, что после смерти господина де Вильнев имение перешло к негру Гоанго, он уже готов был сбить мальчика с ног, вырвать у него ключ от ворот, который тот держал в руке, и бежать в поле, когда из дома вышла Тони с фонарем в руке.

— Скорей! — сказала она, схватив его за руку и увлекая к двери. — Входите сюда! — При этом она старалась так держать фонарь, чтобы свет его прямо падал на ее лицо.

— Кто ты? — воскликнул незнакомец, вырываясь от нее: пораженный многим, увиденным здесь, он разглядывал ее прелестную юную фигуру. — Кто живет в этом доме, в котором, как ты говоришь, я найду убежище?

— Никто, клянусь небесным светом, — отвечала девушка, — кроме моей матери и меня!

— Как никто? — воскликнул незнакомец, шагнув назад и вырвав у нее свою руку. — Не сказал ли мне только что этот мальчик, что здесь проживает негр по имени Гоанго?

— А я говорю, что нет! — сказала девушка, с выражением досады топнув ногою. — И хотя дом этот и принадлежит злодею, который носит это имя, но его сейчас здесь нет, и он отсюда не менее как на расстоянии десяти миль! — С этими словами она обеими руками втащила пришельца в дом, приказала мальчику никому не говорить, кто к ним прибыл, и, дойдя до двери, взяла незнакомца за руку и повела его вверх по лестнице в комнату матери.

— Ну, — сказала старуха, слышавшая из верхнего окна весь разговор и при свете фонаря заметившая, что то был офицер, — что означает эта шпага, которую вы держите под мышкой, словно готовясь к бою? Мы предоставили вам, — добавила она, надевая на нос очки, — с опасностью для жизни убежище в нашем доме; неужели вы вошли в него с тем, чтобы, по

обычаю ваших соотечественников, отплатить нам предательством за оказанное вам благодеяние?

— Боже упаси! — отвечал гость, близко подойдя к ее креслу. Он схватил руку старухи, прижал ее к своему сердцу, робко оглядев комнату, отстегнул шпагу, висевшую у него на боку, и добавил: — Перед вами несчастнейший из людей, но отнюдь не дурной и не неблагодарный!

— Кто вы такой? — спросила старуха и придвинула ему ногою стул, приказав девушке пойти на кухню и на скорую руку приготовить для незнакомца что-нибудь поужинать.

Незнакомец отвечал:

— Я — офицер французской армии, хотя, полагаю, вы сами могли заметить, что я — не француз; родина моя — Швейцария, а зовут меня Густав фон дер Рид. Ах! зачем я ее покинул и променял на этот злосчастный остров! Я иду из форта Дофина, где, как вам известно, все белые были перебиты, и направляюсь в Порт-о-Пренс, чтобы достигнуть его раньше, чем генералу Дессалину удастся окружить и осадить его войсками, которыми он командует.

— Из форта Дофина! — воскликнула старуха. — И вам, с вашим цветом кожи, удалось пройти этот огромный путь по стране негров, охваченной восстанием?

— Бог и все святые, — отвечал гость, — защитили меня! К тому же я не один, добрая матушка, — меня сопровождает почтенный старик, мой дядя, с супругой и пятью детьми, не говоря о нескольких слугах и горничных, входящих в состав семьи, — караван из двенадцати человек, который я должен перевозить при помощи двух жалких мулов тягостными ночными переходами, так как днем мы не решаемся показаться на больших дорогах.

— Боже ты мой! — воскликнула старуха, нюхая табак и сочувственно покачав головой. — А где находятся в настоящую минуту ваши спутники?

— Вам, — отвечал гость, немного подумав, — я могу довериться; сквозь темную окраску вашей кожи просвечивает отблеск собственной моей окраски. Скажу вам, что все мое семейство находится на расстоянии одной мили отсюда, близ пруда Чаек, в чаще прилегающей к нему горной поросли. Третьего дня голод и жажда принудили нас искать это убежище. Напрасно разослали мы в прошлую ночь наших слуг достать хотя бы немного хлеба и вина у окрестных жителей, — страх быть схваченными и убитыми удержал их от решительных шагов в этом направлении, так что сегодня мне пришлось с опасностью для жизни отправиться самому, дабы попытать счастья. Небо, если видимость не обманывает меня, — продолжал он, пожимая руку старухи, — указало мне путь к сострадательным людям, не разделяющим жестокого, неслыханного озлобления, которое охватило всех жителей этого острова! Будьте добры, за щедрое вознаграждение наполните несколько корзин провизией и вином; нам осталось всего пять дневных переходов до Порт-о-Пренс, и если вы доставите нам возможность достигнуть этого города, то мы вечно будем считать вас людьми, спасшими нам жизнь.

— Да, это дикое озлобление удивительно! — лицемерно заметила старуха. — Не похоже ли это на то, как если бы руки, принадлежащие одному телу, или зубы одного рта затеяли между собой войну из-за того, что один член создан иначе, чем другой? Разве виновата я, отец которой родом из Сантьяго на Кубе, в том светлом оттенке, что виден на моем лице при дневном свете? И разве моя дочь, зачатая и рожденная в Европе, может отвечать за то, что ее кожа отражает сияние дня той части света?

— Как, — воскликнул гость, — вы, которая по чертам лица — несомненная мулатка и притом африканского происхождения, и эта милая метиска, которая пустила меня в дом, — вы также включены вместе с нами, европейцами, в один смертный приговор?

— Клянусь небом! — отвечала старуха, снимая с носа очки. — Неужели вы воображаете, что небольшое имущество, которое мы приобрели за многие годы горестным и тяжким трудом наших рук, не возбуждает злобу этих исчадий ада, этого свирепого разбойничьего сброда? Если бы нам не удалось обеспечить себя от преследования хитростью и всеми теми средствами, какие самозащита вкладывает в руки слабых, то, уж поверьте, тень кровного родства, разлитая на наших лицах, не могла бы нас оградить.

— Возможно ли? — воскликнул гость. — Кто же вас преследует на этом острове?

— Владелец этого дома, — отвечала старуха, — негр Конго Гоанго. Со смерти господина Гильома, прежнего владельца этой плантации, погибшего от его свирепой руки в самом начале восстания, мы, ведающие в качестве его родственниц его хозяйством, оказались в полной его власти и подвергаемся произволу и насилиям с его стороны. За каждый кусок хлеба, за каждый глоток вина, который мы из человеколюбия даем тому или другому белому беглецу, проходящему время от времени по большой дороге, он расплачивается с нами ругательствами и побоями; и у него нет большего желания, чем натравить на нас месть чернокожих, как на белых и креольских полусобак, — так он нас называет, — частью, чтобы вообще с нами разделаться, зная, что мы порицаем его за свирепое отношение к белым, частью, чтобы завладеть тем небольшим имуществом, которое останется после нашей смерти.

— Ах вы, несчастные! — воскликнул гость. — Ах вы, жалкие создания! А где находится в настоящее время этот изверг?

— При войске генерала Дессалина, — отвечала старуха, — вместе с прочими чернокожими, принадлежавшими к этой плантации, он повез генералу транспорт пороха и свинца, в которых тот нуждается. Мы ожидаем его возвращения, если только он не примет участия в каком-либо новом предприятии, дней через десять — двенадцать; и если он тогда узнает, боже упаси, что мы дали защиту и приют белому, пробиравшемуся в Порт-о-Пренс, в то время как он всеми силами участвовал в предприятии, направленном на полное их истребление на этом острове, то всех нас, поверьте, ждет неминуемая смерть.

— Бог, которому любезны человечность и сострадание, — отвечал гость, — оградит вас от пагубных последствий благодеяния, оказанного несчастному! А так как, — продолжал он, ближе пододвинувшись к старухе, — вы уже подали негру повод для гнева, и ежели бы вы даже вернулись к послушанию, это бы вам уже не могло помочь, то не решились ли бы вы, за любое вознаграждение, какое вы только захотите назначить, предоставить моему дяде и его семейству, чрезвычайно утомленным путешествием, приют в вашем доме на один, на два дня, чтобы они могли хоть немного отдохнуть?

— Сударь! О чем вы просите? — воскликнула пораженная старуха. — Возможно ли приютить в доме, стоящем на большой дороге, такой большой караван, как ваш, чтобы об этом не узнали окрестные жители?

— А почему бы нет? — настойчиво возразил гость. — Если бы я сам сейчас же отправился к пруду Чаек и провел бы всю компанию в усадьбу еще до наступления дня; если бы вы всех нас — и господ и прислугу — поместили в одной из комнат дома, а на всякий случай из предосторожности хорошенько заперли бы и окна и двери!

Старуха отвечала, взвесив сделанное ей предложение, что если он решится в эту ночь провести свой караван из горного ущелья, где он укрылся, в их усадьбу, то на пути сюда он неизбежно встретится с отрядом вооруженных негров, о прибытии которых по большой дороге предупредили высланные вперед стрелки.

— Ну, что же! — сказал гость. — В таком случае мы удовлетворимся пока тем, что пошлем несчастным корзину с съестными припасами и отложим наше предприятие — перевод их в

усадьбу — до следующей ночи. Согласитесь ли вы на это, добрая матушка?

— Ну, так и быть! — отвечала старуха, в то время как гость осыпал поцелуями ее костлявую руку. — Ради того европейца, отца моей дочери, я окажу эту услугу его соотечественникам, попавшим в беду. На рассвете садитесь и пишите записку вашим родным с приглашением прибыть ко мне в усадьбу; мальчик, которого вы видели во дворе, снесет вашу записку и кое-какую провизию и для их безопасности останется с ними в горах до ночи, а с наступлением ее, если приглашение будет принято, проведет ваш караван сюда.

Тем временем Тони вернулась из кухни, неся приготовленные ею кушанья, и, с усмешкой поглядывая на гостя, спросила, накрывая на стол:

— Ну что, мать, оправился ли наш гость от страха, обуявшего его у двери? Убедился ли он, что его здесь не подстерегают ни яд, ни кинжал и что негра Гоанго нет дома?

Мать отвечала со вздохом:

— Дитя мое, пословица говорит, что, обжегшись на молоке, дуют на воду. Наш гость поступил бы безрассудно, если бы он отважился вступить в дом, не убедившись предварительно в том, к какому племени принадлежат его обитатели.

Девушка стала перед матерью и рассказала ей, что она нарочно держала фонарь так, чтобы свет его полностью падал ей на лицо.

— Но воображение его было так полно маврами и неграми, — продолжала она, — что, даже если бы дверь ему отворила дама из Парижа или Марселя, он и ту принял бы за негритянку.

Гость, тихонько обняв ее за талию, сказал смущенно, что шляпа, которая на ней была надета, помешала ему разглядеть ее лицо.

— Если бы я тогда имел возможность заглянуть в твои глаза, как я это делаю сейчас, — продолжал он, с жаром прижимая ее к своей груди, — то пусть бы все остальное в тебе было черно, я готов был бы выпить с тобою из одного отравленного кубка.

Мать принудила его, сильно покрасневшего при этих словах, сесть за стол, после чего Тони опустилась рядом с ним и, облокотившись, смотрела ему в лицо, пока он ел. Гость спросил, сколько ей лет и какого города она уроженка, на что вместо нее ответила мать, что пятнадцать лет тому назад, во время путешествия по Европе, в котором она сопровождала жену господина де Вильнев, ее прежнего хозяина, она зачала и родила Тони в Париже. К этому она добавила, что хотя негр Комар, за которого она впоследствии вышла замуж, и усыновил ее дочку, но настоящий ее отец — богатый негодичант из Марселя по имени Бертран, по нему-то девушка и называется Тони Бертран.

Тони спросила его, знал ли он такого господина во Франции. Гость отвечал, что нет, что страна велика и за то короткое время, пока он собирался сесть на корабль, отправляясь в Вест-Индию, ему не пришлось встречаться с лицом, которое носило бы такую фамилию. На это старуха заметила, что, по довольно достоверным справкам, которые она навела, господин Бертран не находится более во Франции.

— Его честолобивый и энергичный характер, — сказала она, — не довольствовался скромной деятельностью частного лица; в начале революции он принял участие в общественных делах и в тысяча семьсот девяносто пятом году отправился с французским посольством к турецкому двору, откуда, насколько мне известно, он до сих пор еще не возвращался.

Гость с улыбкой, взяв Тони за руку, заметил, что в таком случае она — знатная и богатая

девица. Он стал ее уговаривать воспользоваться этими преимуществами и высказал предположение, что она может еще надеяться соизволением своего отца попасть в более блестящие жизненные условия, чем те, в которых она находится в настоящее время.

— Едва ли, — возразила старуха со сдерживаемым волнением. — Господин Бертран еще в Париже, во время моей беременности, отказался на суде под присягой, из стыда перед своей молодой невестой, на которой он собирался жениться, признать себя отцом будущего ребенка. Я никогда не забуду этой его присяги, которую он имел наглость бросить мне в лицо. Последствием этого была желчная лихорадка и шестьдесят ударов плетью, которые велел мне дать господни де Вильнев, а вскоре последовала и чахотка, которой я страдаю до сих пор.

Тони, сидевшая задумчиво, подперев голову рукою, спросила гостя, кто он, откуда и куда идет, на что тот, после непродолжительного смущения, вызванного в нем озлобленной речью старухи, отвечал, что он едет из форта Дофина, с семейством своего дяди, господина Штремли, которое он оставил в горных порослях, близ пруда Чаек, под охраной двух молодых двоюродных братьев. По просьбе девушки он рассказал несколько эпизодов, имевших место к этому городу по время вспыхнувшего восстания; как в глухую полночь, когда все было погружено в глубокий сон, по предательски поданному сигналу началось избиение белых чернокожими; как начальник негров, сержант французских инженерных войск, с сатанинской злобой тотчас поджег все суда в гавани, чтобы отрезать белым пути для бегства в Европу; как его семейство едва успело выбраться за городские ворота, захватив с собою лишь кое-какое имущество, и как при одновременной вспышке восстания во всех приморских поселениях им ничего иного не оставалось, как при помощи двух мулов, которых удалось раздобыть, пуститься в путь через весь остров, направляясь в Порт-о-Пренс, единственный город на Сан-Доминго, который под защитой значительных французских войск еще оказывал в настоящее время сопротивление победоносным силам негров. Тони спросила:

— Чем же белые возбудили к себе такую ненависть?

Гость отвечал смущенно:

— Общим их отношением к чернокожим, которое они проявляли, господствуя над островом, отношением, которое я, откровенно говоря, не решусь оправдывать; впрочем, эти порядки существуют уже многие столетия! Безумие свободы, охватившее все эти плантации, побудило негров и креолов разбить тяготившие их цепи и отомстить белым за многочисленные и заслуживающие всяческого порицания обиды, которые им причинили некоторые недостойные представители белой расы. Особенно ужасным и удивительным показался мне поступок одной молодой девушки, — продолжал он после краткого молчания. — Эта девушка, негритянка по происхождению, как раз в тот момент, когда вспыхнуло восстание, лежала больная желтой лихорадкой, эпидемия которой вспыхнула в это время, усугубляя бедственное положение в городе. Три года перед тем она была рабыней одного плантатора-европейца; этот последний, обиженный тем, что она не хотела удовлетворить его желания, сначала жестоко с нею обращался, а затем продал ее одному плантатору-креолу. В день общего восстания девушка узнала, что этот плантатор, ее бывший хозяин, убегая от преследовавших его разъяренных негров, скрылся в расположенном неподалеку дровяном сарае, и, памятуя нанесенные ей обиды, она с наступлением темноты послала к нему своего брата с приглашением переночевать у нее. Несчастный, не подозревая, что она больна, а тем более не ведая, какой болезнью она страдает, пришел к ней и, преисполненный благодарности, заключил ее в свои объятия, так как почитал себя уже спасенным; но не успел он провести и получаса в ее кровати среди ласк и нежностей, как вдруг она поднялась с выражением дикой и холодной ярости и заговорила: «Ты целовал зачумленную, которая несет уже смерть в своей груди: иди же и передай всем тебе подобным желтую лихорадку!»

Офицер, в то время как старуха громко выражала по этому поводу свое негодование, спросил

Тони, способна ли она совершить такой же поступок.

— Нет, — отвечала Тони в смущении, опустив глаза.

Гость, положив салфетку на стол, заявил, что, по его внутреннему чувству, ни один тиранический поступок, какой белые когда-либо совершили, не может оправдать столь низкого и отвратительного предательства.

— Само небесное возмездие, — воскликнул он, вскакивая с места со страстным движением, — обезоруживается таким деянием; даже возмущенные ангелы станут на сторону тех, что были неправы, и возьмут их дело под свое покровительство для поддержания божеского и человеческого порядка! — С этими словами он на мгновение подошел к окну и глянул в ночной мрак, затянувший месяц и звезды грозowymi тучами, и так как ему показалось, что мать и дочь переглянулись между собой, хотя он и не заметил, чтобы они подали друг другу какие-либо знаки, им овладело какое-то непрятное и тягостное чувство; он обернулся и попросил, чтобы ему отвели комнату для ночлега.

Старуха заметила, взглянув на стенные часы, что к тому же уж близко к полуночи, взяла свечу и предложила гостю следовать за нею. Она провела его длинным коридором в отведенную ему комнату; Тони несла за ними его плащ и несколько других вещей, которые он сложил с себя при входе в дом; старуха указала ему удобную кровать с высоко взбитыми перинами, где он должен был спать, и, приказав Тони приготовить гостю ножную ванну, пожелала ему покойной ночи и удалилась. Гость поставил шпагу в угол и положил пару пистолетов, которые носил за поясом, на стол. Пока Тони выдвигала кровать и накрывала ее белой простыней, он оглядел комнату; и так как по вкусу и великолепию, с которыми она была убрана, он вскоре заключил, что эта комната должна была принадлежать прежнему владельцу плантации, то на его сердце, как коршун, пало беспокойное чувство, и он подумал, что лучше бы ему было сразу возвратиться в лес, к своим, даже не утолив голода и жажды. Девушка тем временем принесла из неподалеку расположенной кухни сосуд с горячей водой, испускавший аромат душистых трав, и предложила офицеру, который стоял, прислонившись к окну, омыться, чтобы восстановить свои силы. Офицер, молча освободившись от галстука и жилета, опустился на стул; он уже собирался разуться и, в то время как девушка, стоя перед ним на коленях, заканчивала мелкие приготовления к ванне, принялся разглядывать ее привлекательную фигуру.

Волосы Тони, когда она наклонилась, становясь на колени, густыми локонами упали на ее молодую грудь; каким-то особым очарованием играли ее губы и осененные длинными ресницами глаза; если бы не цвет ее кожи, в котором для него было что-то отталкивающее, он готов был бы поклясться, что никогда не видел ничего более прекрасного. При этом его поразило какое-то отдаленное сходство, — с кем, он и сам хорошенько не знал, — замеченное им уже при входе в дом, и это сходство невольно влекло его к ней. В то мгновение, когда она, заканчивая свои дела, поднялась с колен, он схватил ее за руку и, правильно заключив, что существует только одно средство проверить, есть ли у девушки сердце или нет, привлек ее к себе на колени и спросил, есть ли у нее жених.

— Нет! — прошептала девушка, с очаровательной стыдливостью опуская свои большие черные глаза.

Не пытаясь встать с его колен, она добавила, что, правда, живущий по соседству молодой негр Конелли месяца три тому назад посватался к ней, однако по причине своей молодости она ему отказала. Гость, охватив обеими руками ее стройный стан, сказал, что у него на родине, согласно распространенной там поговорке, когда девушке минет четырнадцать лет и семь недель, она уже достигла брачного возраста. Он спросил ее, в то время как она разглядывала золотой крестик, висевший у него на груди, сколько ей лет.

— Пятнадцать, — отвечала Тони.

— Вот видишь! — сказал гость. — Может быть, его средства не позволяют ему устроить свое хозяйство так, как ты бы того желала?

Тони, не подымая глаз и выпустив его крест, который она держала в руке, отвечала:

— О нет! Конелли после недавнего переворота сделался богатым человеком; его отцу досталась вся плантация, прежде принадлежавшая его хозяину-плантатору.

— Почему же ты ему отказала? — спросил гость. Он ласково пригладил волосы, сбившиеся ей на лоб, и спросил: — Может быть, он тебе не нравился?

Девушка, слегка встряхнув головой, засмеялась и вместо ответа на вопрос гостя, который тот шутливо шепнул ей на ухо: уж не решено ли у нее, что только белый должен завоевать ее расположение, — она, после краткого мечтательного раздумья, вспыхнув сквозь загар очаровательным румянцем, вдруг прижалась к его груди. Гость, тронутый ее прелестью и лаской, назвал ее своей милой девушкой и, словно по мановению божества освободившись от всякой тревоги, заключил ее в свои объятия. Ему и в голову не приходило, что все эти движения, которые он в ней заметил, могли быть выражением хладнокровного, отвратительного вероломства. Мысли, тревожившие его, отлетели, как стая зловещих птиц; он порицал себя, что хотя бы на мгновение мог мысленно так оклеветать ее сердце, и в то время, как он баюкал ее на своих коленях, впивая сладостное дыхание, исходившее из ее уст, он, как бы в знак примирения и прощения, напечатлел поцелуй на ее челе.

Тем временем, внезапно прислушавшись, словно чьи-то шаги приближались по коридору к двери, девушка приподнялась; задумчиво и как бы погруженная в мечты, она поправила сбившийся на груди платок и, лишь убедившись в своей ошибке, снова обратилась с ясной улыбкой к гостю и напомнила ему, что вода, если он не поспешит ею воспользоваться, скоро простынет.

— Ну! — сказала она смущенно, так как гость молчал и задумчиво на нее глядел. — Отчего вы так пристально на меня смотрите?

Поправляя свой лиф, она старалась скрыть смущение, напавшее на нее, и со смехом воскликнула:

— Какой вы чудак! Что вас так поразило в моей наружности?

Гость провел рукой по лбу и, подавив вздох и спустив девушку с колен, сказал:

— Странное сходство между тобою и одной моей подругой!

Тони, заметившая, что его веселость развеялась, ласково и участливо взяла его за руку и спросила: «Кто она?» — на что после краткого раздумья тот отвечал:

— Звали ее Марианной Конгрев, родом она была из Страсбурга. Я познакомился с нею незадолго до революции в этом городе, где ее отец имел торговлю, и мне посчастливилось получить ее согласие, а также и предварительное одобрение ее матери. Ах, это было самое верное сердце во всем мире! И когда я гляжу на тебя, ужасные и трогательные обстоятельства, при которых я ее утратил, так живо воскресают в моей памяти, что я от грусти не могу удержать слез.

— Как? — спросила Тони, прижавшись к нему с сердечной и искренней лаской. — Разве ее больше нет в живых?

— Она умерла, — отвечал он, — и лишь после ее смерти я узнал всю полноту ее доброты и

нравственного совершенства. Бог знает, как это случилось, — продолжал он, горестно склонив голову на ее плечо, — что я в своем легкомыслии как-то вечером позволил себе в одном публичном месте высказать суждение о только что учрежденном в городе грозном революционном трибунале. На меня донесли, меня стали разыскивать; более того, не найдя меня, так как мне удалось скрыться в пригороде, орава моих разъяренных преследователей, которым во что бы то ни стало надо было иметь жертву, бросилась в дом моей невесты, и, озлобленные ее вполне правдивым ответом, что она не знает, где я нахожусь, под предлогом, что она состоит со мною в заговоре, они с неслыханным легкомыслием потащили ее вместо меня на место казни. Едва дошла до меня эта ужасная весть, как я тотчас покинул убежище, в котором укрылся, и, прорвавшись сквозь толпу, поспешил к месту казни; прибыв туда, я воскликнул: «Я здесь, бесчеловечные люди, я здесь!» Однако она, уже стоя на эшафоте, близ гильотины, на вопрос некоторых судей, к несчастью, меня не знавших, отвечала, отводя от меня взгляд, который навеки запечатлелся в моем сердце: «Этого человека я не знаю!» После чего, под треск барабанов и шум, поднятый кровожадной толпой, нож гильотины упал, и голова ее отделилась от туловища. Как я спасся — не знаю. Через четверть часа я оказался в доме одного друга, где один обморок у меня сменялся другим, и, наполовину лишившись рассудка, к вечеру я был посажен на телегу и перевезен на другой берег Рейна. — При этих словах, выпустив девушку, гость подошел к окну, и, когда она увидела, что он в чрезвычайном волнении прижал платок к лицу, ею овладело непосредственное человеческое чувство, вызванное самыми различными причинами; она последовала за ним, с внезапным порывом бросилась ему на шею и смешала свои слезы с его слезами.

Что произошло дальше, нам нет надобности сообщать читателям, ибо каждый, кто дойдет до этого места, сам легко догадается. Гость, когда опять пришел в себя, не мог отдать себе отчета в том, куда его приведет совершенное им; между тем одно было ясно для него: что он спасен и что в доме, в котором он находится, со стороны девушки ему нечего опасаться. Он пытался, при виде того, как она, ломая руки, горько плакала, лежа на кровати, сделать все возможное, чтобы ее утешить. Он снял с груди золотой крестик, подарок верной Марианны, его покойной невесты, и, склонившись над девушкой с бесконечными ласками, надел его ей на шею, назвав его своим обручальным даром. А так как она все обливалась слезами и не слушала его слов, то он присел на край постели и, взяв ее за руку, то глядя, то целуя ее, сказал, что на следующее же утро попросит у матери ее руки. Он описал ей свое небольшое, но совершенно независимое поместье на берегах реки Ааре[212], дом, удобный и достаточно поместительный, чтобы в нем могли поселиться они двое и ее мать, если ее преклонные годы не помешают ей предпринять столь длинное путешествие; есть у него и поля, и сады, и луга, и виноградники, а престарелый и почтенный отец его примет ее с любовью и признательностью, ибо она спасла его сына. Когда же она продолжала орошать подушки обильными слезами, он заключил ее в свои объятия и, сам тронутый до слез, спросил, какое зло он причинил ей и может ли она его простить. Он клялся ей, что любовь никогда не угаснет в его сердце и что только в чаду странно спутавшихся ощущений смешанные чувства желанья и боязни, которые она ему внушала, соблазнили его на такой поступок. Наконец он напомнил ей, что на небе уже взошли утренние звезды и что если она еще дольше останется в постели, то придет мать и застанет ее там; он убеждал ее, ради ее здоровья, встать и отдохнуть!» несколько часов на собственной кровати; он спрашивал, напуганный ее ужасным состоянием, не взять ли ее на руки и не отнести ли к ней в комнату; но так как она на все его речи продолжала молча всхлипывать, а голова ее судорожно стиснутая руками, все еще покоилась на измятых подушках, то он был вынужден, когда в окнах уже брезжило утро, без дальнейших разговоров поднять ее; пока он нес ее вверх по лестнице в ее комнату, тело ее, как бездыханное, свешивалось с его плеч; опустив ее на кровать, он повторил, осыпая ее ласками, все, что говорил ей раньше, назвал ее еще раз своей милой невестой, крепко поцеловал в щеки и поспешил обратно в свою комнату.

Как только настал день, старая Бабекан поднялась в комнату дочери и, присев к ней на

кровать, сообщила свой план относительно их гостя и его спутников. Она полагала, что, так как негр Конго Гоанго должен вернуться не ранее, чем через два дня, крайне важно задержать на это время гостя в их доме, не допуская в усадьбу всей семьи его родственников, присутствие которых при их многочисленности может стать опасным. С этой целью она задумала уверить гостя, что, по только что полученным сведениям, в эти места предполагает прибыть генерал Дессалин со своим войском и что, ввиду слишком большого риска, возможно будет, согласно его желанию, принять в доме его семейство не раньше как на третий день, когда генерал уже уедет. Тем временем, закончила она, чтобы удержать всю компанию на месте, ее надо будет снабжать продовольствием, а также, чтобы впоследствии захватить их, поддерживать в них надежду, что они найдут убежище в этом доме. Она заметила, что дело это весьма важное, ибо надо полагать, что семейство везет с собою значительное имущество, и потребовала от дочери, чтобы та всеми силами содействовала ей в осуществлении ее замысла. Тони, приподнявшись на постели, причем краска негодования покрыла ее лицо, возразила, что подло и низко нарушать законы гостеприимства по отношению к людям, которых сами они завлекли в дом. Она заявила, что человек гонимый, который отдался под их защиту, должен быть вдвойне в безопасности в их доме, и заверила мать, что, если та не откажется от своего кровавого замысла, о котором только что сообщила, она немедленно пойдет к их гостю и откроет ему, в каком разбойничьем вертепе он рассчитывал найти надежное убежище.

— Тони! — воскликнула мать, подбоченившись и глядя на нее широко раскрытыми глазами.

— Разумеется! — отвечала Тони, понижая голос. — Что сделал нам этот юноша, — который к тому же и не француз по происхождению, а, как мы от него узнали, швейцарец, — чтобы мы, как разбойники, напали на него, убили и ограбили? Да и распространяются ли обвинения, которые предъявляют здесь к плантаторам, и на ту часть острова, откуда он пришел? Не видно ли по всему, что он, напротив, — благороднейший, прекраснейший человек и что он отнюдь не сочувствует тем несправедливостям, в которых негры могут упрекнуть его соплеменников?

Старуха, наблюдавшая странное выражение лица девушки, могла выговорить дрожащими губами лишь, что она удивлена. Она спросила ее, в чем же провинился тот молодой португалец, которого недавно свалили с ног под воротами ударами палиц. Она спрашивала, какое преступление совершили те два голландца, которые три недели тому назад пали у них на дворе под пулями негров. Она хотела бы знать, какое обвинение можно было предъявить тем трем французам, да и стольким другим одиночным беглецам из белых, которых с начала восстания казнили в их доме при помощи ружей, копий и кинжалов.

— Клянусь небом! — сказала дочь, вскочив в диком порыве. — Напрасно напоминаешь ты мне обо всех этих ужасах! Зверства, в которых вы заставляли меня участвовать, давно возмущали мое внутреннее чувство; и чтобы отвратить от себя праведный божий гнев, клянусь тебе, что я скорее готова десять раз умереть, чем допустить, чтобы у этого юноши, пока он живет в нашем доме, хотя бы один волос упал с головы.

— Ну, что же, — сказала старуха с внезапно появившимся выражением уступчивости, — пусть он уезжает! Но когда вернется Конго Гоанго, — добавила она, вставая и собираясь выйти из комнаты, — и узнает, что у нас в доме переночевал белый, то ты будешь отвечать за то сострадание, которое побудило тебя, наперекор его строжайшему приказу, дать беглецу возможность продолжать свой путь.

После этого заявления, в котором, несмотря на кажущуюся кротость, прорывалось скрытое озлобление старухи, девушка, немало потрясенная, осталась в комнате одна. Ей слишком хорошо была известна ненависть старухи к белым, чтобы она могла поверить, будто последняя упустит такой случай утолить свою злобу. Страх, как бы та не послала немедленно на соседние плантации за неграми, чтобы захватить их гостя, побудил ее тотчас одеться и

поспешить за матерью в нижний этаж. В то время как старуха с расстроенным видом отошла от буфета, у которого она, видимо, чем-то была занята, и села за прялку, Тони стала перед прибитым к двери приказом, в котором, под страхом смертной казни, неграм запрещалось предоставлять белым кров и защиту, и, как бы охваченная страхом и словно сознавая свою вину, вдруг обернулась и упала к ногам старухи, которая, как она знала, наблюдала за нею сзади. Охватив ее колени, она умоляла простить ей безумные слова, которые она позволила себе произнести в защиту их гостя; оправдывалась своим полусонным состоянием, когда мать, застав ее в постели, неожиданно сообщила ей свой план, как его обмануть, и заявила, что, безусловно, готова предать его каре, установленной законами страны, согласно которым он должен быть уничтожен. Старуха после минутного молчания, во время которого она пристально глядела на дочь, сказала:

— Клянусь небом, это твое заявление спасло ему жизнь на сегодняшний день! Ибо, ввиду твоей угрозы взять его под свое покровительство, отравленное кушанье, которое предало бы его, по крайней мере мертвого, в руки Конго Гоанго, согласно его приказу, было уже готово. — С этими словами она встала и вылила за окно горшок с молоком, стоявший на столе.

Тони, не верившая своим глазам, с ужасом глядела на мать. Старуха тем временем снова уселась и, подняв все еще стоявшую на коленях девушку, спросила, что могло за одну ночь так изменить весь образ ее мыслей? Долго ли она оставалась у гостя вчера после того, как приготовила для него ванну, и много ли с ним говорила? Однако Тони, которая в волнении тяжело вздыхала, ничего не отвечала на эти вопросы или отвечала неопределенно; опустив глаза, стояла она, держась за голову, и ссылаясь на приснившийся ей сон; но достаточно было для нее одного взгляда на грудь ее несчастной матери, сказала она, поспешно наклоняясь и целуя ее руку, чтобы вспомнить всю бесчеловечность той породы, к которой принадлежал их гость; отвернувшись и спрятав лицо в ее фартук, Тони уверяла, что, когда придет негр Конго Гоанго, мать убедится в том, какая у нее преданная дочь.

Бабекан еще сидела, погруженная в раздумье, недоумевая, что могло вызвать непонятную страстность девушки, как в комнату вошел гость с письмом в руке, написанным им у себя в спальне, в котором он приглашал своих родных провести несколько дней на плантации негра Конго Гоанго. Он весело и приветливо поздоровался с матерью и дочерью и, передавая записку старухе, попросил немедленно отправить кого-нибудь в лес и позаботиться о его спутниках согласно данному ему обещанию. Бабекан встала и с выражением беспокойства сказала, кладя письмо в шкаф:

— Сударь, мы вас попросим немедленно вернуться в вашу спальню. Вся дорога полна отдельными отрядами негров; от них мы узнали, что генерал Дессалин направляется с войском в эти края. Этот дом, открытый для всякого прохожего, не может служить вам безопасным убежищем, если вы не скроетесь в вашей спальне, выходящей окнами во двор, и не затворите самым тщательным образом двери и оконные ставни.

— Как, — воскликнул гость в удивлении, — генерал Дессалин?..

— Не спрашивайте, — перебила его старуха, три раза стукнув палкой по полу, — в вашей спальне, куда я последую за вами, я вам все расскажу.

Гость, которого старуха почти вытолкала из комнаты с выражением живейшей тревоги, обернулся еще раз уже в самых дверях и воскликнул:

— Но нельзя ли, по крайней мере, послать к моим родным — ведь они ждут меня — кого-нибудь, кто бы их?..

— Все будет сделано, — снова перебила его старуха, в то время как входил вызванный ее стуком незаконнорожденный мальчик, с которым мы уже познакомились; и тогда мать приказала Тони, которая стояла против зеркала, повернувшись спиной к гостю, чтобы та

взяла из угла корзину с провизией; после чего мать, дочь, их гость и мальчик отправились наверх, в его спальню.

Здесь, покойно расположившись в креслах, старуха рассказала, как всю ночь на горах, замыкающих горизонт, виднелся огонь костров генерала Дессалина, — обстоятельство, соответствовавшее действительности, хотя до настоящего времени в этой местности еще не показывался ни один негр из армии Дессалина, продвигавшейся к Порт-о-Пренс с юго-запада. Ей удалось этим возбудить в госте сильнейшую тревогу, которую она, однако, вслед за тем постаралась рассеять заверением, что даже в случае назначения этого дома под постой она сделает все от нее зависящее для его спасения. После его неоднократных и настойчивых напоминаний о ее обещании помочь при этих обстоятельствах его семейству хотя бы продовольствием она взяла из рук дочери корзину и, передавая ее мальчику, приказала ему отправиться в близлежащие горные поросли, к пруду Чаек, и передать корзину расположившемуся там семейству их гостя-офицера; при этом пусть он добавит, что сам офицер жив и здоров и что его сострадательно приняли в свой дом друзья белых, которые за свое сочувствие им сами много потерпели от чернокожих. Затем она поручила сказать им, что, как только большая дорога очистится от шаек вооруженных негров, которые ожидаются в скором времени, будут приняты меры к тому, чтобы предоставить убежище в этом доме и всему семейству.

— Ты понял? — спросила она в заключение.

Мальчик, поставив корзину себе на голову, отвечал, что хорошо знает описанный ему пруд Чаек, так как не раз ловил в нем с товарищами рыбу, и что все порученное ему передаст семье господина офицера. Гость на вопрос старухи, не хочет ли он еще что-нибудь добавить, снял с пальца кольцо и вручил его мальчику, приказав передать его главе семейства, господину Штремли, в знак того, что все, что он сообщит, отвечает истине. После этого мать приняла ряд мер, которые, как она говорила, должны были обеспечить безопасность ее гостя; приказала Тони запереть ставни на окнах, а сама, чтобы рассеять воцарившийся в комнате мрак, при помощи огнива, лежавшего на карнизе камина, не без труда, так как трут не загорался, зажгла свечу. Гость воспользовался этой минутой, чтобы нежно обвить рукою стан Тони, и шепотом на ухо спросил ее, как она спала и не следует ли ему сообщить ее матери о том, что произошло; однако на первый вопрос Тони ничего не ответила, а на второй, увернувшись из его объятий, сказала:

— Нет! ни слова, если вы меня любите!

Она старалась не выдать страха, который возбуждали в ней все эти лживые меры, и под предлогом приготовления завтрака для гостя поспешно бросилась в нижнюю комнату.

Она взяла из шкафа матери письмо, в котором гость наивно предлагал своим родным последовать за мальчиком в усадьбу, — на авось, в надежде, что мать не заметит исчезновения письма; и, решившись в худшем случае погибнуть вместе с ним, она уже летела по дороге вдогонку мальчику. Ибо перед богом и собственным сердцем она теперь уже видела в юноше не только гостя, которому дала защиту и убежище, но своего жениха и супруга, о чем и предполагала открыто заявить матери, на испуг которой она рассчитывала, когда численное превосходство в их доме окажется на его стороне.

— Нанки, — заговорила она, когда, совершенно запыхавшись, успела догнать мальчика на большой дороге, — мать изменила свой план касательно семьи господина Штремли! Возьми это письмо! Оно адресовано на имя старого господина Штремли, главы семейства, и содержит приглашение погостить несколько дней в нашей усадьбе со всеми его домочадцами. Будь умником и сделай все возможное, чтобы этот план осуществился; негр Конго Гоанго наградит тебя, когда вернется домой!

— Ладно, ладно, тетка Тони! — отвечал мальчик. Тщательно завернув письмо и пряча его в карман, он спросил: — Должен ли я служить проводником каравану на его пути сюда?

— Конечно! — отвечала Тонн. — Это ведь само собою понятно, так как они незнакомы с здешней местностью. Однако, ввиду того, что по большой дороге, возможно, будут проходить воинские отряды, вы должны выступить не ранее полуночи, но в то же время двигаться по возможности скорее, чтобы прибыть сюда до рассвета. Можно ли на тебя положиться? — спросила она.

— Доверьтесь Нанки! — отвечал мальчик. — Я ведь знаю, зачем вы заманиваете этих белых беглецов на плантацию; негр Гоанго останется мною доволен!

После этого Тони подала гостю завтрак; и когда посуда была убрана, мать и дочь отправились по хозяйственным делам в переднюю жилую комнату. Как и надо было ожидать, мать через некоторое время подошла к шкафу и, естественно, обнаружила исчезновение письма. Не доверяя своей памяти, она приложила на мгновение руку ко лбу и спросила Тони, куда она могла девать письмо, которое получила из рук гостя. Тони после небольшой паузы ответила, опустив голову, что гость, насколько ей известно, на ее глазах снова спрятал его в карман и разорвал в присутствии их обеих наверху, у себя в комнате. Мать с удивлением посмотрела на дочь; она сказала, что хорошо помнит, что получила письмо из его рук и положила его в шкаф; но, не найдя его там после продолжительных поисков и не доверяя своей памяти ввиду неоднократных подобных случаев забывчивости, она вынуждена была поверить тому, что сказала ей Тони. Между тем она не могла подавить в себе чувства сильной досады по этому поводу и сказала, что письмо это чрезвычайно пригодилось бы негру Гоанго, чтобы завлечь на плантацию семейство их гостя. В полдень и вечером, в то время как Тони подавала гостю кушанья, старуха присаживалась к углу стола, чтобы занять его разговором, и несколько раз пыталась спросить его о письме; но всякий раз, как разговор касался этой опасной темы, Тони искусно отклоняла или запутывала его, и матери так и не удалось выяснить из слов гостя судьбу письма. Так прошел день; после ужина старуха из предосторожности, как она говорила, заперла комнату гостя; и, посоветовавшись еще с Тони, при помощи какой хитрости она могла бы снова выманить у гостя такое же письмо, она отправилась на покой и приказала девушке также ложиться спать.

Как только Тони пришла к себе в комнату и убедилась, что мать ее заснула, она поставила образ пречистой девы, висевший над ее кроватью, на стул и, сложив руки, опустилась перед ним на колени. В пламенной молитве она просила Спасителя, ее божественного сына, ниспослать ей мужество и решимость открыть юноше, которому она отдалась, преступления, лежавшие тяжким бременем на ее юной душе. Она давала обет, чего бы это ни стоило ее сердцу, не скрыть от него ничего, не утаить даже безжалостного и ужасного намерения, с которым вчера заманила его в дом; но ради тех шагов, которые она уже предприняла для его спасения, она надеялась, что он простит ее и, как преданную жену, увезет с собою в Европу. Чудесно подкрепленная этой молитвой, она поднялась и, захватив главный ключ, отпиравший все замки в доме, медленно, не зажигая огня, направилась по узкому коридору, пересекавшему все здание, к комнате гостя. Тихо открыв дверь, она подошла к кровати, на которой он покоился, погруженный в глубокий сон. Месяц освещал его цветущее лицо, и ночной ветер, проникая в открытое окно, играл волосами на его лбу. Она тихо склонилась над ним и, впивая в себя его сладостное дыхание, позвала его по имени; однако он был объят глубоким сном, коего содержанием, по-видимому, служила она; по крайней мере, она несколько раз слышала, как его пылающие, трепещущие уста шептали имя: «Тони». Неопишуемая грусть овладела ею; она не могла решиться низвергнуть его с небесной высоты сладостных видений в пучину пошлой и жалкой действительности: и, будучи уверена, что рано или поздно он проснется сам, она опустилась возле его кровати на колени и стала осыпать его дорогу руку поцелуями.

Но кто опишет ужас, охвативший ее сердце спустя несколько мгновений, когда она вдруг

услыхала во дворе говор людей, конский топот и бряцанье оружия и среди этого шума совершенно отчетливо узнала голос негра Конго Гоанго, который неожиданно вернулся со всеми своими людьми из лагеря генерала Дессалина. Избегая лунного света, который мог ее выдать, она бросилась к оконным занавескам и, скрывшись за ними, слышала, как мать сообщала негру обо всем, что без него произошло, а также о присутствии беглеца-европейца в их доме. Негр приглушенным голосом приказал своим спутникам не шуметь во дворе. Он спросил старуху, где в эту минуту находится их гость; та указала ему комнату и не замедлила передать тот странный разговор, который у нее произошел с дочерью по поводу беглеца. Она уверяла негра, что девушка — предательница и что всему ее замыслу захватить беглеца грозит крушение. По крайней мере, она знает, что негодная обманщица с наступлением ночи прокралась в его комнату и даже сейчас покоится в его постели; по всей вероятности, если чужестранец еще не успел убежать, то она предостерегает его в эту минуту и уславливается с ним, как ему осуществить бегство. Негр, уже не раз испытывавший верность девушки в подобных случаях, отвечал, что это едва ли возможно. А затем он в бешенстве крикнул: «Келли и Омра! возьмите ваши ружья!» — и, не говоря ни слова, стал подниматься по лестнице в сопровождении всех своих негров, направляясь к комнате гостя.

Тони, перед глазами которой разыгралась в течение немногих минут вся эта сцена, стояла не в силах пошевелить ни одним членом, словно пораженная громом. Одно мгновение она думала разбудить гостя; но, во-первых, двор был занят неграми и потому бегство было невозможно, а во-вторых, она предвидела, что он сразу схватится за оружие, а это, при численном превосходстве противника, привело бы к немедленному убийству гостя. Кроме того, ей не могло здесь не прийти в голову ужасное соображение, что несчастный, увидев ее в это мгновение у своей постели, почтет ее за предательницу и, потеряв совершенно голову от этой мысли, вместо того чтоб слушаться ее советов, сам отдастся в руки негра Гоанго. Среди всех этих невыразимых волнений и страхов ей вдруг попала на глаза веревка, которая невеста по какой случайности висела на дверной задвижке. Сам бог, подумала она, срывая веревку, положил ее там для спасенья ее и ее друга. Она обмотала юношу по рукам и по ногам, завязав много узлов, а затем, не обращая внимания на то, что он шевелился и упирался, она притянула и крепко привязала концы веревки к кровати; в радости, что ей удалось овладеть данным мгновеньем, она напечатлела поцелуй на его уста и поспешила навстречу негру Гоанго, который уже подымался по лестнице, гремя оружием.

Негр, все еще не доверявший доносу старухи в отношении Тони, увидев ее выходящей из указанной комнаты, остановился пораженный и смущенный в коридоре со своей бандой, которая сопровождала его с факелами и ружьями. Он воскликнул:

— Предательница! Изменница! — и, обернувшись к Бабекан, которая сделала несколько шагов по направлению к двери гостя, спросил ее: — Что чужестранец, убежал?

Бабекан, найдя дверь отворенною, не заглянув в нее, закричала, как бешеная:

— Обманщица! Она дала ему возможность бежать! Скорее! Займите все выходы, пока он не успел выскочить на волю!

— Что случилось? — спросила Тонн с удивлением, глядя на старика и на окружавших его негров.

— Что случилось? — ответил Гоанго, и с этими словами он схватил ее за грудь и втащил в комнату.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Тонн, оттолкнув от себя старика, остолбеневшего в

изумлении от того, что представилось его взорам. — Вот лежит чужестранец, крепко привязанный мною к кровати; и клянусь небом, это не худшее, что я сделала на своем веку! — Сказав это, она отвернулась от него и села к столу, притворяясь, что плачет. Старик обратился к матери, стоявшей тут же в смущении, и сказал:

— О Бабекан, какими сказками ты меня морочила?

— Слава богу! — отвечала мать, сконфуженно осматривая веревку, которой был связан чужестранец. — Беглец здесь, хотя я не могу понять, в чем тут дело.

Негр, вложив саблю в ножны, подошел к кровати и спросил чужестранца, кто он, откуда пришел и куда направляется. Но, так как тот, судорожно силясь освободиться от уз, ничего не отвечал и лишь мучительно и горестно восклицал: «О, Тони! О, Тони!» — то заговорила старуха, заявив, что он — швейцарец по имени Густав фон дер Рид, и прибыл из форта Дофина с целым семейством европейских собак, скрывающихся в настоящее время в горных порослях близ пруда Чаек. Гоанго, заметив, что девушка сидела, уныло оперев голову на руки, подошел к ней, назвал своей милой девочкой, потрепал по щеке и попросил простить ему слишком поспешное недоверие, которое он проявил к ней. Старуха, которая тоже подошла к дочери, подбоченившись и покачивая головой, спросила, зачем она привязала чужестранца веревкой к кровати, хотя он и не подозревал о грозившей ему опасности. На это Тони, действительно расплакавшись от горя и бешенства, отвечала, порывисто обернувшись к матери:

— Оттого, что у тебя нет ни глаз, ни ушей! Оттого, что он отлично понял, какая опасность ему грозит. Оттого, что он хотел бежать, что он просил меня помочь ему в этом, что он замышлял на твою жизнь и наверное осуществил бы уже утром свой замысел, если бы я не связала его сонного.

Старик приласкал и успокоил девушку и велел Бабекан больше не говорить об этом деле. Он вызвал несколько стрелков с ружьями, дабы выполнить веление закона, под действие которого попал чужестранец; но Бабекан шепнула ему тайком:

— Ради бога! не делай этого, Гоанго!

Она отвела его в сторону и объяснила ему, что, прежде чем казнить чужестранца, надо от него добиться, чтобы он написал приглашение своим родственникам, дабы при его помощи заманить их на плантацию, — ведь бой с ними в лесу представляет немало опасностей. Гоанго, принимая во внимание, что чужестранцы, по всей вероятности, вооружены, одобрил это предложение; ввиду позднего времени он отложил написание письма, о котором шла речь, и поставил при белом двух сторожей; и после того как для большей верности он еще раз исследовал веревку и, найдя ее слишком слабою, призвал двух людей, чтобы потуже ее стянуть, он со всей своей бандой покинул комнату, и все постепенно успокоилось и погрузилось в сон.

Но Тони, — которая лишь для вида попрощалась со стариком, еще раз протянувшим ей руку, и легла в постель, — едва только убедилась, что все в доме затихло, тотчас встала, прокралась задними воротами на волю и с диким отчаянием в груди побежала по тропинке, пересекающей большую дорогу и ведущей к той местности, откуда должен был подойти господин Штремли со своим семейством. Ибо взгляды глубокого презрения, которые, лежа на кровати, бросал на нее их гость, мучительно, как острые ножи, пронзили ей сердце; к ее любви к нему примешивалось чувство жгучей горечи, и она ликовала при мысли, что в предприятии, затеянном ею для его спасения, она найдет смерть. Опасаясь, как бы не разминуться с семейством, она остановилась у ствола пинии, мимо которой компания господина Штремли должна была пройти, если посланное ей приглашение было принято; и вот согласно уговору, едва забрезжило утро на горизонте, как вдалеке из-за деревьев

послышался голос мальчика Нанки, служившего проводником каравану.

Шествие состояло из господина Штремли и его супруги, которая ехала на муле, из пяти детей, из коих двое, Готфрид и Адельберт, юноши восемнадцати и семнадцати лет, шли рядом с мулом, из трех слуг и двух служанок, из коих одна держала на руках грудного ребенка и ехала на другом муле; всего — двенадцать человек. Караван продвигался медленно через корни сосен, пересекавшие своими узловатыми извилинами дорогу по направлению к пинии, где Тони, как можно бесшумнее, чтобы никого не испугать, выступила из тени дерева и крикнула приближавшемуся шествию: «Стойте!» Мальчик тотчас ее узнал и на вопрос, где господин Штремли, радостно представил ее престарелому главе семейства, а все остальные — мужчины, женщины и дети — окружили ее.

— Благородный господин! — сказала Тони, твердым голосом прерывая его приветствия. — Негр Гоанго совершенно неожиданно явился со всеми своими людьми на плантацию. Вы не можете теперь прибыть туда, не подвергая жизни величайшей опасности; более того, ваш племянник, который, к несчастью, там был принят, погибнет, если вы не возьметесь за оружие и не последуете за мною на плантацию, чтобы освободить его из заключения, в котором его держит негр Гоанго!

— Боже милостивый! — воскликнули в страхе все члены семейства, а мать, которая была больна и измучена путешествием, упала без чувств с мула на землю. В то время как служанки сбежались на зов господина Штремли, чтобы помочь своей госпоже, Тони, которую юноши закидали вопросами, отвела главу семейства и остальных мужчин в сторону из опасения перед мальчиком Нанки. Не сдерживая слез стыда и раскаяния, она рассказала мужчинам все, что произошло: каково было положение дел в усадьбе, когда туда прибыл юноша; как после разговора с ним с глазу на глаз оно изменилось непостижимым образом; что она сделала после прибытия негра, почти лишившись рассудка от страха, и как она готова отдать жизнь, чтобы освободить его из того заключения, в которое сама его ввергла.

— Мое оружие! — воскликнул господин Штремли, спешно направляясь к мулу своей жены и снимая с него ружье. Пока его молодцы-сыновья, Адельберт и Готфрид, и трое храбрых слуг тоже вооружались, он сказал:

— Кузен Густав многим из нас спас жизнь, теперь настал наш черед оказать ему такую же услугу!

С этими словами он снова посадил оправившуюся жену на мула, приказал из предосторожности связать руки мальчику Нанки, как своего рода заложнику, и отправил всех женщин и детей под охраною одного лишь тринадцатилетнего своего сына Фердинанда, тоже вооружившегося, обратно, к пруду Чаек; затем он расспросил Тони, которая также взяла шлем и пику, о числе негров и об их размещении в усадьбе и, обещав ей пощадить Гоанго и ее мать, насколько то дозvoлят обстоятельства, смело и уповая на бога стал во главе своего маленького отряда и выступил под водительством Тони по направлению к усадьбе.

Как только маленький отряд прокрался во двор через задние ворота, Тони показала господину Штремли комнату, в которой спали Гоанго и Бабекан; и в то время как господин Штремли без шума входил со своими людьми в незапертый дом и захватывал все сложенное в нем оружие негров, девушка прокралась в конюшню, где спал сводный брат Нанки, пятилетний Сеппи. Ибо Нанки и Сеппи, незаконнорожденные сыновья Гоанго, были ему очень дороги, особенно Сеппи, мать которого недавно скончалась; а так как, даже в случае, если бы удалось освободить юношу, отступление к пруду Чаек и бегство оттуда в Порт-о-Пренс, к которому она предполагала присоединиться, было бы сопряжено с большими трудностями, то она решила вполне основательно, что обладание обоими мальчиками в качестве своего рода заложников будет чрезвычайно полезным на случай преследования каравана неграми. Ей удалось незаметно взять из кровати мальчика и перенести его на руках в полудремотном

состоянии в главное здание. Между тем господин Штремли, как мог осторожнее, прокрался со своим отрядом в комнату Гоанго; но вместо того, чтобы застать его и Бабекан в постели, как он предполагал, их нашли разбуженными шумом, полунагими, беспомощно стоящими посреди комнаты. Господин Штремли, взяв в руки ружье, крикнул им, чтобы они сдавались, иначе им грозит неминуемая смерть. Но Гоанго вместо ответа сорвал со стены пистолет и выпалил в пришельцев, причем пуля слегка задела лоб господина Штремли. По этому сигналу весь отряд последнего бешено кинулся на негра, и Гоанго, успевший вторично выстрелить и пробить плечо одному из слуг, был ранен сабельным ударом в руку; его и Бабекан повалили на землю и привязали веревками к ножкам большого стола.

Тем временем негры Гоанго — числом более двадцати, — разбуженные выстрелами, выскочили из своих барачков и, слышав вопли старухи Бабекан, бешено устремились к дому, чтобы снова овладеть своим оружием. Напрасно господин Штремли, рана которого оказалась незначительной, расставил своих людей у окон дома и приказал им сдерживать натиск негров, открыв по ним ружейный огонь; нападающие, невзирая на двух убитых товарищей, уже лежавших на дворе, бросились за топорами и ломачами, чтобы взломать входные двери, которые господин Штремли успел запереть на засов, — в эту минуту дрожащая и трепещущая Тони вошла в комнату Гоанго с маленьким Сеппи на руках. Господин Штремли, для которого ее появление было чрезвычайно желанным, вырвал у нее из рук мальчика и, обнажив свой охотничий нож, обратился к Гоанго, клятвенно заверяя его, что он тут же убьет мальчика, если Гоанго не прикажет неграм отказаться от своего намерения. Гоанго, силы которого были надломлены сабельным ударом по трем пальцам его правой руки и который понимал, что собственная его жизнь будет в опасности в случае его отказа, отвечал после краткого размышления, что он готов исполнить это требование, и попросил, чтобы ему помогли подняться с пола; господин Штремли подвел его к окну; и старый негр, взяв в левую руку платок, махнул им во двор и крикнул неграм, чтобы они не трогали дверь и вернулись в свои бараки, так как для спасения его жизни не требуется их помощи. После этого бой несколько затих; по требованию господина Штремли, Гоанго послал захваченного в доме негра, чтобы повторить приказание еще оставшейся во дворе кучке совещавшихся между собой людей; а так как чернокожие, хотя и не понимавшие, что, собственно, происходит, были вынуждены повиноваться приказанию, определенно переданному им через посланного, то им пришлось отказаться от своего предприятия, для которого тем временем все уже было готово, и направиться одни за другим, хотя и с ропотом и бранью, обратно в свои бараки. Господин Штремли, приказав связать на глазах у Гоанго руки маленького Сеппи, заявил ему, что единственная его цель — это освободить офицера, своего племянника, из заключения, которому он был подвергнут на плантации, и что если их бегству в Порт-о-Пренс не будут ставить никаких препятствий, то ни малейшая опасность не грозит ни его жизни, ни жизни его детей, которые будут ему возвращены. Бабекан, к которой Тони подошла, протянув ей под влиянием непреодолимого чувства на прощание руку, с силой оттолкнула ее. Она обозвала ее низкой изменницей и, повернувшись у ножки стола, около которой лежала, воскликнула, что ее еще настигнет божья кара, раньше чем она успеет порадоваться плодам своего позорного деяния. Тони отвечала:

— Я вам не изменяла; я белая и обручена с тем юношей, которого вы захватили в плен; я принадлежу к расе тех людей, с коими вы ведете открытую войну, и готова отвечать перед богом за то, что стала на их сторону.

После этого господин Штремли приставил стражу к негру Гоанго, которого для большей безопасности снова приказал привязать к двери; он велел поднять и унести слугу, лежавшего в обмороке, с раздробленной ключицей, и сказав Гоанго, что по прошествии нескольких дней он может послать за обоими детьми, Нанки и Сеппи, в Сен-Люс, где стоят первые французские аванпосты, он взял за руку Тони, которая под влиянием разнообразных чувств не могла сдержать слез, и вывел ее, провожаемую проклятиями Бабекан и Гоанго, из спальни.

Тем временем сыновья господина Штремли, Адельберт и Готфрид, уже после окончания первого, главного боя, когда они стреляли из окон, по приказанию отца отправились в комнату своего двоюродного брата, где им удалось после упорного сопротивления одолеть стороживших его чернокожих. Один лежал мертвым в комнате, другой с тяжелой огнестрельной раной выполз в коридор. Оба брата, из коих один, старший, и сам был легко ранен в бедро, развязали своего дорогого, любимого кузена; они обняли и поцеловали его и с радостными восклицаниями вручили ему его ружье и шпагу, приглашая последовать за ними в передние комнаты, где после одержанной победы господин Штремли уже, верно, отдает распоряжения к отступлению. Однако кузен Густав, приподнявшись на постели, ласково пожал им руки, но, в общем, был молчалив и рассеян, и вместо того, чтобы схватить пистолеты, которые ему протягивали, он поднял правую руку и с невыразимой скорбью на лице провел ею по лбу. Юноши, подсевшие к нему, спросили его, что с ним такое, и так как он, обняв их, молча опустил голову на плечо младшего из братьев, то Адельберт, думая, что с ним дурно, собрался было встать, чтобы принести ему стакан воды; но в это мгновение в комнату вошла Тони с маленьким Сеппи на руках в сопровождении господина Штремли. При виде ее Густав страшно побледнел; пытаясь подняться с постели, он держался за своих друзей, и раньше, чем те могли сообразить, что он собирается делать с пистолетом, который теперь взял у них, он, в бешенстве скрежеща зубами, выстрелил из него в Тони. Пуля попала ей прямо в грудь; и в то мгновение, как она, издав жалобный стон, передала мальчика господину Штремли и, сделав несколько шагов по направлению к Густаву, упала перед ним, он бросил пистолет через ее голову, оттолкнул ее ногой и снова опустился на кровать, обозвав ее распутной девкой.

— Чудовище! — воскликнули господин Штремли и его сыновья. Юноши бросились к девушке и позвали, приподымая ее, старика слугу, который уже не раз оказывал врачебную помощь членам их экспедиции в подобных же отчаянных случаях; но девушка, судорожно зажимавшая рукою рану, отстранила друзей и с усилием проговорила в предсмертном хрипении, указывая на стрелявшего в нее:

— Скажите ему... — И снова повторила. — Скажите ему...

— Что мы должны ему сказать? — спросил господин Штремли, в то время как смерть уже смыкала ей уста. Адельберт и Готфрид, поднявшись, крикнули виновнику непостижимого, ужасного убийства, знает ли он, что эта девушка — его спасительница; что она его любит, что она намеревалась бежать в Порт-о-Пренс с ним, ради которого она пожертвовала всем — родителями и имуществом? Они громко кричали ему в уши: «Густав!» — и спрашивали его, не оглох ли он, они трясли его и дергали за волосы, так как он бесчувственно лежал на кровати, не обращая на них никакого внимания.

Но вот Густав поднялся; он бросил взгляд на девушку, валявшуюся перед ним в крови, и ярость, вызвавшая этот поступок, естественно уступила место общечеловеческому чувству жалости. Господин Штремли, орошая платок горячими слезами, спросил:

— Несчастный! Зачем ты это сделал?

На это его племянник Густав, вставший с постели и разглядывавший девушку, отвечал, утирая пот, выступивший у него на лбу, что она ночью предательски его связала и выдала негру Гоанго.

— Ах! — воскликнула Тони, протянув к нему с непередаваемым выражением руку. — Я связала тебя, мой драгоценный друг, потому что... — Но она не могла говорить и не могла дотянуться до него рукой и снова в изнеможении упала на колени господина Штремли.

— Почему? — спросил побледневший Густав, опускаясь с нею рядом на колени.

Господин Штремли после продолжительного молчания, прерываемого лишь предсмертным

хрипением Тони, от которой напрасно ждали ответа, заговорил:

— Потому что по прибытии Гоанго не было иного способа тебя спасти, несчастный! Потому что она хотела избежать той борьбы, в которую ты бы неминуемо вступил; потому что она хотела выиграть время, до тех пор пока мы, уже спешившие сюда благодаря принятым ею мерам, будем иметь возможность добиться с оружием в руках твоего освобождения.

Густав закрыл лицо руками.

— О! — воскликнул он, не поднимая головы, и ему показалось, что земля проваливается под его ногами. — Неужели то, что вы мне сейчас сказали, — правда? — Он обнял ее стан рукою и глядел ей в лицо с сердцем, раздираемым скорбью.

— Ах! — воскликнула Тонн, и то были ее последние слова. — Тебе следовало довериться мне! — И на этом от нее отлетела ее прекрасная душа.

Густав рвал на себе волосы.

— Конечно! — сказал он, в то время как его двоюродные братья старались оторвать его от тела усопшей. — Я должен был тебе доверять, ибо ты была обручена мне клятвою, хотя мы и не обменялись с тобою по этому поводу ни единым словом!

Господин Штремли со стоном спустил лиф, облекавший грудь Тони. Он ободрял слугу, стоявшего около него с несколькими несовершенными хирургическими инструментами, уговаривая его вынуть пулю, которая, как он думал, засела в грудной кости; однако, как мы уже сказали, все старания были напрасны: пуля пронзила ее насквозь, и душа ее уже отлетела к лучшим звездам.

Тем временем Густав подошел к окну; и пока господин Штремли, проливая тихие слезы, совещался с сыновьями, что делать им с телом и не следует ли позвать ее мать, Густав пустил себе пулю в голову из другого заряженного пистолета. Этот новый ужас совершенно лишил его родственников рассудка. Бросились к нему на помощь, но так как он вложил дуло пистолета себе в рот, то череп несчастного оказался совершенно раздробленным, и части его пристали к стенам. Господин Штремли опомнился первый. Так как уже совсем рассвело и стало известно, что негры снова собираются во дворе, то им ничего другого не оставалось, как подумать об отступлении. Оба тела положили на доску, не желая их оставить на произвол негров, и, снова зарядив ружья, все печально двинулись в путь к пруду Чаек. Господин Штремли с маленьким Сеппи на руках шел впереди; за ним следовали двое здоровых слуг, неся на плечах мертвые тела, далее брел, опираясь на палку, раненый, а Адельберт и Готфрид шли по бокам печальной процессии, держа в руках заряженные ружья со взведенными курками. Негры, увидав малочисленность отряда, выступили из своего жилья, вооруженные вилами и пиками, и, видимо, стали готовиться к нападению; но Гоанго, которого из предосторожности развязали, вышел на крыльцо дома и дал знак неграм, чтобы они держали себя смирно.

— В Сен-Люс! — крикнул он господину Штремли, проходившему уже с телами в ворота.

— В Сен-Люс! — отвечал тот, после чего шествие вышло в поле и, никем не преследуемое, достигло леса. У пруда Чаек, где нашли все остальное семейство, для умерших, проливая обильные слезы, вырыли могилу и, обменяв кольца, которые были у них на руках, опустили их тела с тихой молитвой в место их вечного упокоения.

Господину Штремли посчастливилось через пять дней благополучно добраться с женой и детьми до Сен-Люса, где согласно своему обещанию он оставил обоих маленьких негров. Он достиг Порт-о-Пренс незадолго до начала осады и некоторое время сражался за дело белых на валах этого города; когда же после упорного сопротивления город все же оказался в руках

генерала Дессалина, он вместе с французскими войсками спасся на корабли английского флота и переправился в Европу, где без дальнейших приключений достиг своей родины, Швейцарии. Там, в окрестностях Риги[213], он на остатки своего небольшого состояния купил себе имение, и еще в 1807 году среди кустов его сада можно было видеть памятник, который он велел поставить своему племяннику Густаву и его обрученной невесте, верной Тони.

ЛОКАРНСКАЯ НИЩЕНКА

Перевод с немецкого Г. Рачинского.

У подножия Альп, близ Локарно[214], в Верхней Италии, находился старый, одному маркизу принадлежавший замок, который теперь, когда едешь от Сен-Готарда[215], видишь лежащим в развалинах; замок с высокими и обширными комнатами, в одной из которых некогда на соломе, подостланной для нее, старая, больная женщина, подошедшая к двери, прося милостыню, была уложена из сострадания хозяйкой дома. Маркиз, который по возвращении с охоты случайно вошел в комнату, где он обыкновенно оставлял свое ружье, с неудовольствием приказал женщине подняться из того угла, где она лежала, и перебраться за печку. Женщина, в то время как она подымалась, поскользнулась клюкою на гладком полу и опасно повредила себе крестец, настолько, что хотя она еще встала с несказанным трудом и, как ей было приказано, наискось пересекла комнату, но со стоном и оханьем опустила за печкой и скончалась.

Несколько лет спустя, когда маркиз по причине войны и неурожая оказался в затруднительных материальных обстоятельствах, к нему прибыл флорентийский рыцарь, который хотел купить у него замок из-за его красивого местоположения. Маркиз, который очень интересовался этой продажей, поручил своей жене поместить гостя в вышеупомянутой, оставшейся пустою, комнате, очень красиво и роскошно отделанной. Но как смущены были супруги, когда среди ночи к ним явился рыцарь, бледный и расстроенный, клятвенно уверяя, что в комнате — привидения, причем нечто, невидимое глазу, с шорохом, словно оно лежало на соломе, поднялось в углу комнаты, ясно слышными шагами, медленно и с трудом перешло комнату и со стоном и оханьем опустилось за печкой.

Маркиз, испугавшись, сам хорошенько не зная чего, высмеял рыцаря с притворной веселостью и сказал, что он сейчас встанет и для его успокоения проведет с ним ночь в той комнате. Но рыцарь просил любезно дозволить ему переночевать в его спальне на кресле и, когда настало утро, велел запрягать, простился и уехал.

Это происшествие, которое получило широкую огласку, отпугнуло в высшей степени неприятным для маркиза образом нескольких покупателей; и так как среди его собственной домашней челяди странно и непостижимо распространился слух, будто в комнате в полуночный час кто-то бродит, он, дабы решительным действием положить этому конец, решил сам в ближайшую ночь исследовать это дело. Поэтому он приказал поставить свою кровать в названной комнате и, не засыпая, дождался полуночи. Но как потрясен был он, когда на самом деле с боем полуночи он услышал непонятный шорох; казалось, словно человек поднялся с соломы, которая зашуршала под ним, наискось прошел через комнату и среди стенаний и предсмертного хрипения опустился за печкой. Маркиза на другое утро, когда он явился, спросила его, как прошло обследование; и так как он бросил вокруг себя испуганный и нерешительный взгляд и, заперев дверь, стал уверять, что разговоры о привидении отвечают действительности, она испугалась, как еще ни разу в жизни не пугалась, и попросила его, раньше чем он предаст оглашению это дело, подвергнуть его еще

раз хладнокровной проверке. Однако они действительно совместно с верным слугою, которого взяли с собой, услышали в следующую ночь тот же непонятный жуткий шум; и только настойчивое желание отделаться во что бы то ни стало от замка побудило их подавить в себе в присутствии слуги ужас, который их охватил, и приписать происшествие какой-нибудь безразличной и случайной причине, которая, несомненно, может быть обнаружена. На третий день вечером, когда оба, для того чтобы добраться до основной причины этого дела, с бьющимся сердцем снова поднялись по лестнице в комнату для гостей, случайно перед дверью ее оказалась дворовая собака, которую спустили с цепи; таким образом, оба, не отдавая себе ясного отчета, может быть, с неосознанным намерением иметь при себе, кроме себя самих, еще третье живое существо, взяли собаку с собою в комнату. Оба супруга, при двух свечах на столе, — маркиза, не раздеваясь, маркиз со шпагой и пистолетами, которые он вынул из шкафа, — садятся около одиннадцати часов каждый на свою кровать; и в то время, как они по возможности пытаются занять друг друга разговорами, собака, поджав голову и лапы, ложится посреди комнаты и засыпает. Но вот в самую полночь снова слышится ужасный шорох; кто-то, кого не может видеть человеческий глаз, подымается на костылях в углу комнаты; слышится, как солома под ним шуршит, и при нервом шаге: топ! топ! — просыпается собака, подымается внезапно с полу, настороживши уши, и с рычаньем и лаем, точь-в-точь как если бы на нее наступал человек, пятится и отходит к печке. При виде этого маркиза со вставшими дыбом волосами бросается вон из комнаты; и в то время как маркиз, схватившийся за шпагу, кричит: «Кто там?» — и так как никто ему не отвечает, словно безумный, рассекает воздух во всех направлениях, она велит запрягать, решив немедленно уехать в город. Но не успела она собрать и уложить кое-какие вещи и выехать за ворота, как уже видит, что замок со всех сторон объят пламенем. Маркиз, доведенный ужасом до высшей степени возбуждения, взял свечу и, так как жизнь ему опостылела, с четырех концов поджег замок, повсюду обложенный деревянной панелью. Напрасно посылала она в дом людей спасти несчастного; он уже погиб самым жалким образом, и донныне еще лежат его белые кости, снесенные поселянами, в том углу комнаты, из которого он приказал подняться локарнской нищенке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Роберт Гискар

(Robert Guiskard)

Историческая трагедия, в основу которой положены реальные события осады Константинополя норманнами в 1085 году. Главный герой трагедии Роберт Гискар, норманнский герцог, наводивший ужас на Восточную Римскую империю, был описан в историческом обзоре майора Функа «Роберт Гискар, герцог Апулии и Калабрии», напечатанном Шиллером в его журнале «Оры» (1797).

Клейст, однако, не слишком точно придерживался этого источника и безмерно идеализировал своего героя. От этой трагедии он ожидал многого. Она должна была прославить его имя в веках. Но ему не удалось выполнить свой замысел. Чрезмерная требовательность привела к тому, что многое написанное неоднократно уничтожалось, и пьеса так и не была завершена. Когда в 1808 году Клейст совместно с Адамом Мюллером основал литературный журнал

«Феб», он опубликовал в нем восстановленный по памяти фрагмент из пьесы, который и приводится в настоящем издании. Он собирался восстановить и другие части трагедии, но не сделал этого, и настоящий фрагмент — все, что осталось от «Роберта Гискара».

Разбитый кувшин

(Der zerbrochene Krug)

В 1802 году, в период пребывания Клейста в Швейцарии, он дружил с Генрихом Цшокке и Людвигом Виландом, сыном известного писателя Кристофа Мартина Виланда. Все трое увлекались искусством и однажды решили выразить средствами литературы содержание картины, висевшей в комнате Цшокке и изображавшей сельскую тяжбу по поводу разбитого кувшина. Виланд должен был написать на эту тему сатиру, Цшокке — рассказ, а Клейст — комедию. Что это была за картина, установить не удалось, но полагают, что речь шла о гравюре французского художника Жан-Жака Ле Во «Судья, или Разбитый кувшин» (1782), воспроизводившей ныне утраченный оригинал Жана-Филибера Дебюкура. Цшокке в своих воспоминаниях признает, что первенство в литературном соревновании трех друзей одержал Клейст. Под его пером незамысловатая жанровая сцена превратилась в одну из лучших немецких комедий.

Пентесилея

(Penthesilea)

Сюжет для «Пентесилеи» Клейст заимствовал из греческой мифологии. Он использовал «Обстоятельный мифологический словарь» Беньямина Гедериха (1724), который был в те времена весьма популярен и откуда Гете черпал материал для Вальпургиевой ночи в «Фаусте».

Главный вариант мифа говорил о Пентесилее, царице амазонок, пришедшей в Троянской войне на помощь троянцам и убитой Ахиллом. Клейста заинтересовал более поздний побочный вариант, в котором сначала Пентесилея убивает Ахилла, а затем, когда боги воскрешают героя, сжалившись над мольбой его матери Фетиды, оживший Ахилл одерживает победу над Пентесилеей. Клейст, однако, так же вольно обращается с материалом греческого мифа, как и с материалом истории в «Роберте Гискаре». Он создаст свои неканонические образы Пентесилеи и Ахилла и сводит их в конфликте, который и в голову не приходил гомеровским грекам.

Работа автора над пьесой относится к концу 1806 и к 1807 году. В 1808 году, в январе, отрывок из «Пентесилеи» был напечатан в журнале «Феб». В том же году трагедия была опубликована полностью в издательстве Котта.

Кетхен из Гейльброна, или испытание огнем

(Das K?thchen von Heilbronn oder die Feuerprobe)

Рыцарская драма «Кетхен из Гейльброна» напоминает народную сказку, и главный ее образ действительно заимствован из фольклора, из английской народной баллады, которую Клейст узнал в переработке немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера («Граф Вальтер»). Однако этот сказочный образ вставлен в литературную драму в духе позднего немецкого романтизма, с его пристрастием к символике снов и таинственных влечений, с вмешательством сверхъестественных сил и идеализацией рыцарского средневековья.

Над «Кетхен из Гейльброна» Клейст работал зимой 1807/08 года. Фрагменты ее были напечатаны в журнале «Феб» в 1808 году, а полное издание вышло в 1810 году в Берлине у книгопродавца Георга Андреаса Раймера.

Эта драма увидела свет рампы при жизни автора. В марте 1810 года ее принял к постановке Венский театр, правда, текст был сильно изменен в угоду цензурным требованиям.

Принц Фридрих Гомбургский

(Prinz Friedrich von Homburg)

Материал для этой драмы Клейст почерпнул из отечественной истории. В центре ее стоят события битвы при Фербеллине (1675), во многом определившие дальнейшую судьбу Германии. В XVII веке Фридрих Вильгельм (которого впоследствии прозвали «Великий курфюрст») закладывал основы будущего королевства Пруссии. Образовавшаяся из земель бывшего Тевтонского ордена Пруссия в 1618 году слилась с Бранденбургом и в годы правления Фридриха Вильгельма (1640–1688) освободилась от ленной зависимости у Польши. Борьба со шведами, закончившаяся победой при Фербеллине, окончательно упрочила ее военное могущество. Фридрих Вильгельм вел борьбу за укрепление прусского абсолютизма. Он сломил сопротивление Бранденбургского сейма, боролся против областного сепаратизма, и конфликт, о котором пишет Клейст, вполне в духе «Великого курфюрста», ломавшего своеволие личности во имя «закона», а закон — во имя своего личного произвола.

Клейст читал о событиях, легших в основу его драмы, в книге Фридриха II, короля Прусского (1712–1786) «Мемуары для истории Бранденбургского дома» (1751), в которой «просвещенный деспот» рассказывал о своем энергичном предке и о подвиге принца Гомбургского.

Принц Фридрих II, ландграф Гессен-Гомбургский, которому полагалось произвести разведку шведских позиций, необдуманно ввязался в бой с главными силами, имея под началом всего шестьсот всадников. Это могло бы стоить смельчаку жизни, если бы не быстрая помощь курфюрста. После одержанной победы курфюрст сказал принцу, что по законам войны нарушителя приказа следовало бы казнить, но нельзя же омрачить столь радостный день казнью принца, который оказался одним из самых блистательных творцов победы. Клейст, как обычно, весьма свободно обошелся с этим историческим эпизодом, многое примыслив и совершенно изменив образ главного героя. Исторический Фридрих Гомбургский весьма мало походил на романтически влюбленного юношу, каким изобразил его драматург. В день битвы при Фербеллине это был почтенный сорокатрехлетний генерал, у которого была ампутирована одна нога (в народе его называли «ландграф с серебряной ногой»). В юности, служа в шведских войсках, он женился на девице из богатого семейства. А за пять лет до битвы при Фербеллине он вторично женился, на этот раз на одной из племянниц Фридриха Вильгельма, после чего курфюрст назначил его генералом своей кавалерии.

«Подвиг непослушания» принца Гомбургского еще до Клейста был использован в живописи.

В 1790 году в «Немецком ежемесячнике» появилась на эту тему гравюра Даниэля Николауса Ходовецкого. А в 1800 году на Берлинской выставке Клейст видел картину художника Карла Генриха Кречмара «Великий курфюрст и принц Фридрих Гомбургский после битвы при Фербеллине». Эта картина получила королевскую премию.

Драма Клейста «Принц Фридрих Гомбургский» была написана зимой 1809/10 года и не попала в печать при жизни автора. Впервые она была опубликована в 1821 году писателем Людвигом Тиком, который произвел в ней некоторые исправления. Впоследствии оригинальный текст был восстановлен ученым-литературоведом Эрихом Шмидтом.

Михаэль Кольхаас

(Michael Kohlhaas)

Сюжет новеллы взят из «старой хроники», из рассказа школьного учителя второй половины XVI века Петера Гафтица, об исторически реальной личности Ганса Кольхазе (Hans Kohlhasse). Это был зажиточный купец из Бранденбурга, у которого по приказу саксонского юнкера Гюнтера фон Цашвиц увели двух лошадей. Ганс Кольхазе пытался возместить убыток через суд, но потерпел неудачу. Тогда, собрав вокруг себя других недовольных, он объявил войну своему притеснителю, а заодно и всей Саксонии с ее несправедливой юстицией. Ему удалось поджечь город Виттенберг и причинить немалое беспокойство саксонскому курфюрсту, но в конечном итоге курфюрст Бранденбургский заманил его в Берлин, предал суду и казнил.

В 1808 году в журнале «Феб» Клейст опубликовал отрывок из новеллы, который отличался от окончательной редакции отсутствием указаний на место действия. Это объясняется тем, что «Феб» печатался в Дрездене (Саксония) и Клейст не хотел осложнять положение журнала ссорой с местной цензурой. Завершен «Михаэль Кольхаас» летом 1810 года.

Маркиза д'О

(Marquise von O.)

Новелла опубликована впервые Клейстом в 1808 году, в февральской книжке журнала «Феб». Сюжет ее заимствован из «Опытов» Монтеня, где аналогичная история рассказана о зажиточной деревенской вдовушке из-под Бордо и о ее работнике, который, найдя свою хозяйку в глубоком сне, не устоял перед соблазном и овладел ею. У Монтеня вдова сделала объявление в церкви, что она желает выйти замуж за отца своего будущего ребенка. Работник покаялся в своем проступке, они поженились и жили в мире и согласии.

Землетрясение в Чили

(Das Erdbeben in Chili)

В основу этой новеллы легло реальное событие — сильнейшее землетрясение в Чили 13 мая

1647 года, разрушившее столицу страны, город Сантьяго.

Новелла появилась вначале в журнале «Morgenblatt für gebildete Stände» («Утренняя газета для образованных сословий», сентябрь, 1807) под названием «Херонимо и Хосефа. Сцена из времен землетрясения в Чили, в 1647 году».

Обручение на Сан-Доминго

(Die Verlobung in St. Domingo)

В основу новеллы положены подлинные исторические события. В 1791 году на острове Гаити вспыхнуло восстание негров, которое возглавил недавний раб Туссен Лувертюр (1743–1803). Это восстание было подавлено наполеоновским генералом Леклерком, его вождь был взят в плен, отвезен во Францию и умер в заточении. Но в 1803 году вспыхнуло новое восстание Жан-Жака Дессалина, которому удалось очистить остров от французских колонизаторов и провозгласить независимость Гаити (1804).

Действие новеллы происходит в 1803 году, в начале второго восстания. Новелла была опубликована в берлинском журнале «Der Freimüthige» («Прямодушный») в марте — апреле 1811 года.

Локарнская нищенка

(Das Bettelweib von Locarno)

Новелла впервые была напечатана 11 октября 1810 года в «Берлинских вечерних листках», № 10 («Berliner Abendblätter»). В «Локарнской нищенке» особенно ощутимо своеобразие повествовательного стиля Клейста, который нередко пренебрегал правилами немецкого синтаксиса, добиваясь определенного художественного эффекта. Это своеобразие пытался передать и русский переводчик новеллы.

Примечания

1

Попытки Наполеона завоевать Испанию закончились поражением французов. Уже в 1809 году в стране развернулось могучее партизанское движение, помогавшее вооруженным силам Испании и ее союзникам в борьбе против Наполеона. Среди патриотических изданий, призывавших к борьбе против французской оккупации, были и «катехизисы» — брошюры в форме вопросов и ответов, учившие испанцев приемам народной войны. Эти «катехизисы» привлекли внимание всех народов Европы, боровшихся против Наполеона.

2

Роберт Гискар (1015–1085) — один из прославленных норманнских полководцев. Ему удалось изгнать из Южной Италии византийских греков и стать герцогом Апулии и Калабрии. Его брат Рожер, уже после смерти Роберта, присоединил к норманнским владениям также и Сицилию, отвоевав ее у арабов. Роберт Гискар мечтал овладеть Константинополем. Он разбил византийского императора Алексея Комнена в битве при Дураццо в 1082 году. Овладев этим городом, он дошел до Салоник. Однако ему пришлось прервать кампанию, чтобы помочь римскому папе Григорию VII в его борьбе против германского императора Генриха IV. Роберт застал папу в Риме, в осажденном замке Святого ангела. Рим был в руках Генриха. Роберт разграбил Рим, освободил папу и вместе с ним отправился на юг, в Салерно. Возобновив войну против Византии, он разбил соединенный византийско-венецианский флот при Корфу, и только неожиданно вспыхнувшая эпидемия чумы помешала ему взять Константинополь.

3

Норманны — скандинавские племена (шведы, норвежцы, датчане). Начиная с X века они совершали пиратские нападения на ослабленные феодальными раздорами европейские государства. В X веке они захватили часть Северной Франции, где основали герцогство Нормандию, а в XI веке появились в Италии, где на территории Сицилии, Апулии и Калабрии образовали герцогство, покровителем-сеньором которого считался римский папа.

4

Роберт — сын Роберта Гискара. У исторического Роберта Гискара было два сына — Бозмунд и Рожер.

5

Абеляр — племянник Роберта Гискара, обойденный очередью претендент на герцогскую корону норманнов. Гискар, используя свою популярность среди воинов, отнял герцогскую корону у малолетнего племянника и в 1057 году сам стал герцогом норманнским.

6

Цецилия — сестра побежденного Робертом Гискаром лангобардского вождя Гизульфа, ставшая супругой Роберта.

7

Елена, вдовствующая императрица Византийская . — Роберт Гискар выдал одну из трех своих дочерей замуж за наследника византийского престола Константина Дуку, после чего она получила новое имя — Елена. В списке действующих лиц она обозначена как невеста Абеляра. Видимо, Клейст собирался этим путем разрешить назревавший конфликт между Абеляром и Робертом Гискаром, о котором дает представление сохранившийся фрагмент трагедии.

8

Кесарийская столица . — Имеется в виду Константинополь, который по традиции считался столицей Восточной Римской империи и, следовательно, резиденцией римских цезарей (кесарей).

9

Guiscard — по-норманнски значило «хитрец».

(прим. автора).

10

...и менее всего получишь ты в наследство это имя. — Функ писал в своей статье, что слово «guiskard» — «хитрец» (англонорманнское наречие старофранцузского языка) в устах норманнов выражало восхищение, ибо хитрость считалась качеством, еще более ценным, чем храбрость. Роберт носил свое прозвище с гордостью.

11

И мне, наследнику престола, сыну Оттона... — Клейст заменил имя брата Гискара «Гумфред» на «Оттон».

12

У Вильгельма Норманнского, основателя Норманнского государства в Италии, было три брата, которые закономерно, по бездетности, следовали друг за другом в управлении. По смерти третьего брата ему должен был наследовать его сын Абеляр. Однако, благодаря своей популярности или оттого, что этому благоприятствовал возрастной порядок замещения престола, коронован был Гискар, четвертый брат, которому покойный поручил опеку над сыном, и меры, принятые для того, чтобы узаконить это коронование, были забыты. Короче, в продолжение тридцати лет Гискара признавали герцогом, а Роберта наследником престола. Вот обстоятельства, которые лежат в основе данного эпизода.

(прим. автора).

13

Несс и Локсий . — Имена заимствованы Клейстом из греческой мифологии.

14

Таким условием (что должно было выясниться в дальнейшем) было требование заговорщиков в Константинополе, чтобы корона досталась не изгнанной Алексеем Комненом греческой императрице, но непосредственно самому Гискару.

(прим. автора).

15

...сорвет корону с бунтаря Комнена . — Алексей I Комнен (1048–1118) — византийский император, основатель династии Комненов, правившей с 1081 по 1185 год в Константинополе и с 1204 по 1461 год в Трапезунде.

Алексей Комнен пришел к власти в 1081 году в результате борьбы между высшей военной аристократией и высшей чиновничьей знатью, опиравшейся на сенат и на императоров из династии Дуков. После падения в 1078 году Михаила VII эта борьба не утихла до воцарения Алексея. Но и после этого Роберт Гискар, используя раздоры византийцев в своих целях, выдвинул в качестве претендента на византийский престол свою дочь Елену. В борьбе против Комненов Роберт Гискар одержал ряд побед, и только его смерть в 1085 году спасла Алексея I от поражения.

16

...не из легкомыслья не боюсь прикосновенья чумных... — Гискар намекает на предсказанье прорицателей, согласно которому он погибнет только после того, как завладеет Византией.

17

Хожалый. — Хожалыми в старину назывались служащие при судах — курьеры.

18

Ваш предок был великим вертопрахом, пал с самого начала всех вещей ... — Намек на грехопадение праотца Адама, чье имя носит судья. В соответствии с этим героиня носит имя Евы.

Характерно, что и некоторые другие имена в комедии носят «смысловой» характер: писарь, который хорошо понимает порочность судьи и помогает его разоблачению, носит имя Лихт (по-немецки «Licht» — свет, ясность); советник, управляющий всем ходом действия, именуется Вальтер («Walten» — управлять чем-либо, господствовать).

19

...молчал и Демосфен... — Демосфен (388–322 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий оратор, прославившийся своими выступлениями против македонского царя Филиппа в защиту независимости Греции («филиппики»). Адам намекает на рассказ греческого историка Плутарха о том, как сын Филиппа Александр Македонский тайно вручил Демосфену взятку в двадцать талантов, после чего очередное выступление Демосфена не состоялось из-за того, что оратор якобы простудил горло.

20

...я следую примеру Грека — то есть молчу, как молчал Демосфен.

21

Кистер — церковный служака; иногда также уполномоченный небольшой церковной общины.

22

Вехт — река в Голландии, приток Рейна.

23

Карл Пятый (1500–1558) — император Священной Римской империи (годы правления: 1519–1555); с 1516 года был королем Испании (Карл I). В его владения входили также и Нидерланды.

24

Пуффендорф Самуэль (ум. в 1694 г.) — ученый-правовед.

25

«Скрипка» — колодки вокруг шеи и на руках у присужденного к позорному столбу.

26

Батавия — ныне Джакарта, столица Индонезии. В то время Индонезия была колонией Нидерландов, и в Батавии — ее столице — стояли голландские войска.

27

...законы те же, что и всюду в Штатах . — Со времени выхода страны из-под испанского владычества Северные Нидерланды называли себя Соединенными провинциями или Соединенными штатами республики.

28

Кувшин, кувшинам всем кувшин,— расколот . — Дальше идет любопытный «некролог» разбитому кувшину, пародийная речь над прахом героя. Марта не может восполнить свою потерю, купив на рынке другой кувшин. Для нее погибшая вещь обладает неповторимой индивидуальностью, внешность кувшина запомнилась ей до мелочей, так же как и его «биография». После ее рассказа становится понятным, что кувшин является как бы одним из героев комедии. И действительно, он составляет сюжетный центр пьесы, главную тему судебного следствия. Он дает название комедии. В самом конце, когда все узлы как будто

развязаны, Марта снова возвращает к нему внимание зрителя.

29

...сданы были испанскому Филиппу все, полностью, уделы Нидер

ландов . — На кувшине была изображена сцена из истории Нидерландов — так называемый Брюссельский договор 1555 года, согласно которому император Карл V, еще при жизни отошедший от власти, передавал владение всеми провинциями Нидерландов своему сыну Филиппу II (1527–1598). Это было, в сущности, началом событий, которые привели к победоносной буржуазной революции в Нидерландах и отпадению северных провинций от Испании. На кувшине изображен момент коронации Филиппа на рыночной площади Брюсселя в присутствии высшей знати, светской и духовной, царственных родственников будущего испанского короля, военной стражи (драбантов) и любопытствующего народа.

30

...когда с отрядом гезов Орания на Бриль обрушилась врасплох. — В 1566 году, когда по поручению Филиппа II Нидерландами правила Маргарита Пармская (1522—1586), триста нидерландских дворян во главе с Вильгельмом Оранским обратились к ней с петицией об уничтожении инквизиции. Один из советников Маргариты высокомерно заявил, что нечего бояться этих нищих («гезов»). Это название — «гезы» — было принято борцами против испанского гнета. В дальнейшем, в 1572 году, Вильгельм Оранский с отрядом гезов захватил крепость Бриль в устье реки Маас. Это положило начало освобождению северных провинций от испанского ига.

31

...тирлемонтскому портному.. . — Тирлемонт — ныне бельгийский город, тогда входил в состав Голландии.

32

В годину Француза

... — Речь идет о наемных войсках французских феодалов, которых Вильгельм Оранский пригласил на помощь в борьбе против Филиппа II. Требуя деньги с Вильгельма, французы подвергали нидерландских крестьян и горожан грабежу и насилиям.

33

...под стать самой штатгальтерше.. . — Имеется в виду Маргарита Пармская, штатгальтерша (наместница) Филиппа II в Нидерландах.

34

Дитя, смелее! Кто разбил кувшин? — После этих слов в переводе Б. Пастернака пропущены две строки, где Вальтер говорит: «Здесь, среди судей, нет человека столь безгрешного, что он не мог бы простить тебе ошибки».

35

Нирштейнер, Опп

енгеймер — названия вин.

36

По правилу пифагорейцев . — Пифагорейцы — последователи древнегреческого философа Пифагора (ок. 580–500 гг. до н. э.) — были идеалистами и верили в мистику чисел. В пифагорейской философии единица (священная монада) считалась матерью богов и началом всех начал; двойка была ее отрицанием, а тройка выражала природу как некое единство первоначала и его отрицания. Судья Адам приводит упрощенную символику, возникшую позднее, но приписываемую пифагорейцам: «Един — господь; два — темный хаос; три — вселенная».

37

Декан — здесь: духовное лицо, стоящее во главе церковного прихода.

38

...в Индию угонят . — Индией (Ост-Индией) называли тогда Индонезию, Индостан и Индокитай, в отличие от Вест-Индии — островов, расположенных в Атлантическом океане между Северной и Южной Америкой. В данном случае речь, конечно, идет о Голландской Ост-Индии, то есть об Индонезии.

39

Бантам — в XVIII веке султанат в западной части острова Ява, вассальный по отношению к голландской Ост-Индской компании.

40

Амазонки — в греческой мифологии — женщины-воительницы, жившие своим особым царством, где не было мужчин. В трагедии Клейста подробно рассказана история этого царства и его обычаи. Основой мифа об амазонках, видимо, послужила встреча греков с одним из племен, стоявших на стадии материнского рода, где женщина играла руководящую роль в хозяйственной и общественной жизни.

41

Диана — римская богиня луны. Ее греческое имя — Артемида. Клейст постоянно приводит римские имена вместо греческих. Греки считали Артемиду покровительницей деторождения. В соответствии с этим ее жрица в трагедии Клейста распоряжается брачными обрядами амазонок.

42

Ахилл — сын Пелея, царя мирмидонян во Фтии (Фессалия), и морской нимфы Фетиды, на чьей свадьбе произошел спор трех богинь. Во время Троянской войны Ахилл совершил много славных подвигов. Часть из них описана в «Илиаде» Гомера. Встреча Ахилла с Пентесилеей относится к числу позднейших преданий.

43

Одиссей — царь острова Итаки, сын Лаэрта и Антиклеи, герой «Илиады» и «Одиссеи».

44

Диомед — мифический царь Аргоса, сын Тидея, участник Троянской войны.

45

Антилох — сын Нестора, царя Пилоса, друг Ахилла, участник Троянской войны

46

Троя — древний город в северо-западной части Малой Азии, открытый в XIX веке в результате раскопок немецкого археолога Шлимана. На рубеже XIII—XII веков до нашей эры племена, жившие в этом районе, вели длительную войну с ахейцами, что нашло свое отражение в мифах о Троянской войне, которые, в свою очередь, послужили основой для поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», а также для множества других произведений литературы и искусства разных эпох.

47

Марс (у греков — Арей) — в древнеримской мифологии бог войны, сын Зевса и Геры, в Троянской войне покровительствовал троянцам, считался главным божеством амазонок.

48

Феб (Аполлон) — бог солнца, в Троянской войне покровительствовал троянцам и за оскорбление жреца Хриза наказал греков моровой язвой.

49

Атрид — Агамемнон, аргосский царь, сын микенского царя Атрея, брат Менелая и предводитель греков в Троянской войне.

50

...покинув дебри Скифии далекой... — Амазонки, согласно преданию, жили на берегах Меотиды (Азовское море). Греческие писатели и историки называли все племена причерноморских и приазовских степей скифами, а их землю Скифией.

51

Город Приама — Троя. Приам — царь Трои, отец Париса и Гектора, одного из главных героев «Илиады».

52

Скамандр — река, протекавшая у самой Трои.

53

Деифо

б — сын Приама и Гекубы, один из защитников Трои.

54

Или

он — Троя.

55

Дарданц

ы — троянцы (по имени Дардана, сына Зевса и Электры, считавшегося родоначальником троянцев).

56

Ге

леспонт — так называли греки Дарданелльский пролив. В его волнах, согласно преданию, погибла Гелла, внучка бога ветров Эола, упавшая со спины золоторунного барана, когда она вместе с братом Фриксом убегала от злой мачехи.

57

Приамид — Деифоб, сын Приама.

58

Афина — богиня мудрости. Оскорбленная судом Париса, покровительствовала во время Троянской войны грекам.

59

Аид — владыка подземного мира и царства мертвых. Это же название носило и само царство мертвых.

60

Тевкры — троянцы; по имени Тевкра, сына речного бога Скамандра, считавшегося первым царем Трои.

61

Стикс — река, окружающая подземное царство Аид.

62

Пелид — Ахилл, сын Пелея.

63

Аргивяне — жители Аргоса, где правил Агамемнон. Здесь этим именем обозначаются вообще греки.

64

Эгинец — Ахилл, чей отец, Пелей, был родом с острова Эгины.

65

...с неистовством кентавра устремилась.. . — Кентавры — мифические существа, полулюди-полулошади, обладавшие диким, неистовым нравом.

66

Данайцы — греки.

67

...как будто не похищена Елена . — Похищение Елены послужило причиной к войне между греками и троянцами.

68

Этолийцы — жители Этолии, расположенной в западной части Центральной Греции.

69

Дочь Арея — здесь: Пентесилея. Все амазонки в трагедии Клейста прежде всего воительницы, почитательницы бога войны Арея. Для них Арей — идеальный мужчина, а те пленники, которым они отдаются на брачном ложе, лишь его земное воплощение. Они все «невесты Арея», а их дети — «дочери Арея».

70

Она того, чья мать — Фетида, ищет — то есть Ахилла.

71

Орк — римское божество, доставлявшее тени умерших в подземный мир. Этим именем называется также и само подземное царство мертвых.

72

Лаэртид — Одиссей, сын Лаэрта.

73

Лариссец хитроумный . — Клейст имеет в виду Одиссея, хотя город Ларисса расположен в Фессалии и «лариссцем» римский поэт Вергилий называл Ахилла. Видимо, ошибка произошла из-за сходства слов: Лаэртид (Laertide) и лариссец (Lariss^{er}).

74

Захвачен амазонками Ахилл, Пергаму больше не грозит паденье. — Пророчество гласило, что только с помощью Ахилла греки овладеют Троей (Пергамом).

75

Мирмидон

яне — племя в Фессалии, согласно «Илиаде», сражавшееся во время Троянской войны под начальством Ахилла.

76

...как ни искушен Пелеев сын в искусстве игр истмийских . — Истмийские игры — древнейший праздник в честь морского бога Посейдона, праздновавшийся на Истме (близ Коринфа), где находился храм Посейдона Истмийского. На этих играх происходили соревнования в беге на колесницах.

77

...хотя Гефест сковать за то же время такую же успел бы колесницу... — Гефест — бог огня и кузнечного ремесла, сын Зевса и Геры — изображался в виде кузнеца. Ему приписывалось изготовление ряда чудесных изделий, в частности — колесницы Гелиоса, бога солнца.

78

...неотвратимей нумидийских стрел! — Нумидийцы — древний народ Северной Африки — славились своей конницей и искусными лучниками.

79

...едва ли был беспорядочней первичный Хаос . — У греков времен Гесиода хаос — безграничное пространство, существовавшее до создания мира и таившее в себе источник жизни. Представление о хаосе как о беспорядочном смешении разных частей появилось позднее.

80

Кронид — Зевс, сын Крона.

81

Сын Нереиды — Ахилл. Мать Ахилла Фетида была нимфой моря, дочерью морского божества Нерея.

82

В свидетели Эриний призываю, — когда б бежал я на твоей четверке от совести

... — Эринии — олицетворение мук совести, богини-мстительницы, летящие за преступником, карающие его утратой разума и навлекающие на него возмездие. Антилох льстит своему другу, утверждая, что колесница Ахилла быстрее полета Эриний.

83

Улисс — Одиссей.

84

Праздник

роз — брачное празднество у амазонок.

85

Веспер (у греков Геспер) — римское божество вечерней звезды. Греки и римляне долгое время считали, что, кроме вечерней звезды, существует еще и утренняя звезда (Фосфор — у греков, Люцифер — у римлян), не догадываясь, что они видят утром и вечером одну и ту же планету Венеру.

86

Фемиски

ра — столица царства амазонок.

87

Цепи из роз — гирлянды, которыми амазонки украшали своих пленников-женихов.

88

Хотя с Кавказа лишь на сутки позже я выступила.. . — Кавказ, так же как и северное побережье Черного и Азовского морей, считался родиной амазонок.

89

Менелай — царь Спарты, сын Атрея, младший брат Агамемнона, муж Елены, один из храбрейших участников Троянской войны.

90

Аякс — Под этим именем известны два героя: Аякс Теламонид— сын саламинского царя, отличавшийся большим ростом и огромной силой, и Аякс Оилид — сын локридского царя, друг Аякса Теламонида, лучший метатель копья среди греков, осаждавших Трою.

91

Паламед — один из героев Троянской войны, сын эвбейского цари, считался изобретателем букв, цифр и игры в кости.

92

Аркадец — житель Аркадии, гористой области в Греции, в центре Пелопоннеса.

93

Тогда пусть тени из страны блаженных приходят праздновать победу нашу.. . — В греческой мифологии наряду с Аидом, царством мертвых теней, лишенных сознания, существовали и поля блаженных (элисий), где, по особой милости богов, вечно пребывали герои и праведники.

94

Тут больше роз, чем на гиметских склонах! — Имеются в виду горы Гимета к востоку от Афин.

95

Кимвал — музыкальный инструмент, медные тарелки, ударяемые друг о друга.

Медуза — мифологическое чудовище; всякий взглянувший на нее превращался в камень. Миф рассказывает, что герой Персей отрубил ей голову и прикрепил ее к щиту Афины. Изображение Медузы с оскаленным ртом и волосами-змеями часто встречалось на щитах у воинов как талисман, отвращающий опасность.

Ту, что владеет поясом алмазн

ым? — Алмазный пояс — знак царской власти — был подарен богом войны Ареем царице амазонок Ипполите. Однако, согласно легенде, Геракл отнял его у Ипполиты задолго до Троянской войны.

Дочь Марса, у которой нет г

руди... — Первая царица амазонок Танаиса отсекала себе правую грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука. Вслед за нею так поступали и все прочие амазонки. Само слово «амазонки» значит «лишенные груди». Живопись греков изображала, однако, амазонок обычными женщинами, не обезображенными этим обрядом.

Фарсос — вымышленное название.

Нет, нет, я не обидеть вас хочу, а просто Иду взгромоздить на Оссу.. . — Ида — горная цепь близ Трои. Здесь, по преданию, происходил суд Париса. Осса — гора в Фессалии. Согласно легенде, сыновья Алоэя, могучие богатыри От и Эфиальт, собирались взгромоздить на Олимп Оссу, а на Оссу Пелион и, забравшись на небо, похитить Геру и Артемиду. Аполлон сразил сыновей Алоэя своими стрелами. Пентесилея в любовном безумии собирается повторить вызов небу, который не удался Оту и Эфиальту, чтобы, взгромоздив Иду на Оссу, схватить руками Гелиоса — бога солнца, которого она отождествляет с Ахиллом.

101

...труд такой — лишь для гигантов. — Гиганты — родственные богам великаны, сыновья Урана и Геи (неба и земли), враждовавшие с олимпийскими богами. Они забрасывали Олимп обломками гор. Зевс одержал над ними победу, призвав на помощь Геракла и сторуких великанов, отрывавших от гор целые скалы и швырявших их навстречу гигантам.

102

Признаюсь, с ней я поступить намерен, как с гордым Приамидом поступил . — Ахилл убил сына Приама Гектора, вождя троянцев, и, привязав его тело к колеснице, повлек его в свой лагерь.

103

Ге

ркулесовы Столпы — скалы, стоящие по обе стороны Гибралтарского пролива. Греки считали, что их воздвиг Геркулес, достигший в этом месте пределов известного грекам мира.

104

...свадьбу сынов Инаха с дочерьми Арея! — свадьба греков с амазонками. Инах — греческий легендарный герой, после всемирного потопы вывел людей с горы на равнину и основал город Аргос. Сыны Инаха — то же, что аргивяне.

105

Эвмениды — культовое имя Эриний, которые считались покровительницами Аттики. Оно означает «милостивые», «благодарные», и, употребляя его, греки надеялись задобрить грозных богинь-мстительниц.

106

Зажги свой факел, и пусть он

светит! — Гименея греки изображали в виде прекрасного юноши, украшенного цветами, с

факелом в руках.

107

Оры — богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе. В данном случае речь идет о чередовании дня и ночи.

108

Сильнейший из Приамидов — Гектор.

109

То вооруженье, которое Фетида, мать-богиня, достала у Гефеста для него . — По просьбе Фетиды Гефест выковал для Ахилла вооружени

е

, среди которого Гомер особо отмечает замечательны

й

щит с изобра

ж

ением земли, неба, моря, солнца, луны и звезд.

110

Но кто ты, непостижное виденье, ко мне из светоносного эфира сошедшее? — Эфиром греки называли верхний слой воздуха, местопребывание богов. Из эфира, согласно их верованиям, произошли солнце и звезды. Поэтому он «светоносный».

111

Коцит — река в Аиде (подземном царстве), приток Стикса.

Они нашли прибежище себе здесь, слева, ближе к сердцу.. . — то есть в левой груди (поскольку Пентесилея лишена правой груди).

Иль камни вам свои Девкалион от времени до времени бросает? — Девкалион — царь Фессалийского города Фтии, сын Прометея, по совету своего отца построил корабль, на котором вместе с женой Пиррой спасся от всемирного потопа. Пристав на девятый день плавания к горе Парнас, он возродил погибший человеческий род, бросая, по совету оракула, камни через плечо. Брошенные камни превращались в людей, причем камни Девкалиона — в мужчин, а камни, брошенные его женой, — в женщин.

...о Брисеиде, споре меж царями, пожаре кораблей, судьбе Патрокла, о погребальных торжествах и мести, которыми почтил ты память друга

... — Пентесилея пересказывает ряд эпизодов Троянской войны, известных по «Илиаде» Гомера. На десятом году осады Трои Ахилл рассорился с верховным вождем греков Агамемноном, который отнял у него пленницу Брисеиду. Разгневанный Ахилл перестал принимать участие в войне, после чего троянцы разбили греков и оттеснили их к морю. Когда они начали поджигать корабли, Ахилл разрешил своему другу Патроклу принять участие в битве. Патрокл отразил натиск врагов, но сам пал от руки Гектора. Тогда потрясенный Ахилл примирился с Агамемноном и выступил против Гектора. Он убил своего противника, а затем устроил торжественные похороны Патрокла, тогда как тело Гектора влачили кони, трижды объехавшие вокруг могильного кургана. После этого престарелый Приам пришел в шатер Ахилла, умоляя его отдать ему для погребения труп Гектора, и Ахилл, сжалившись над старцем, выполнил его просьбу. Погребением Гектора и погребальным обрядом в его честь завершается «Илиада» Гомера.

Фтия — город в Фессалии, где царствовал Ахилл.

Полумесяц золотой — эмблема амазонок, поклонявшихся Артемиде, богине луны.

117

Лапифы — мифическое племя, жившее в Фессалии и воевавшее с кентаврами.

118

Лернейская топь — болото к югу от Аргоса, где, по преданию, жила опустошавшая окрестности девятиглавая гидра, убитая впоследствии Гераклом.

119

Менада (вакханка) — так назывались женщины, принимавшие участие в шествии Диониса (Вакха) — бога винограда и виноделия. Это шествие носило экстатический характер, менады одеты были в шкуры диких животных, в руках у них были палки, увитые плющом и виноградными листьями. Праздник Диониса (вакханалия) переходил в оргию, где были сняты обычные запреты.

120

Горгона — мифологическое чудовище, обращавшее своим взглядом в камень всякого, кто решался на нее поднять глаза. (Одной из трех Горгон была Медуза). В мифологическом словаре Гедериха, которым пользовался Клейст, сказано, что Горгоны жили в Африке и враждовали с африканскими амазонками.

121

Гейльброн — старинный немецкий город, ныне входит в состав Баден-Вюртемберга (ФРГ). В средние века был вольным имперским городом, то есть феодальной городской общиной, входившей в состав Священной Римской империи и подчиненной императору. Немецкие романтики питали особое пристрастие к имперским городам: к Нюрнбергу, Аугсбургу, Гейльбронну, где богатый городской патрициат соперничал в блеске с рыцарством, где процветали торговля и ремесла, где развивалось средневековое искусство.

122

Тайный суд. — В средние века так называлось особое судилище, носившее также наименование Суда Фемы. Этот суд, претендовавший на особую неподкупность и беспристрастие, был на самом деле кастовым феодальным судом. Во главе судопроизводства стояли знатнейшие рыцари, а верховным председателем считался сам император. Обычно Суд Фемы разбирал дела, по которым обвиняемому угрожала смертная казнь.

123

...чтобы он ночью бродил по болотам... да водился там с болотными огнями... чтобы он, стоя с волшебным жезлом на вершинах гор, обмерял незримое воздушное царство... — В средние века суеверие, поддерживаемое духовенством и схоластической наукой, выработало определенные представления о том, как именно ведьма или колдун должны были сноситься с нечистой силой. Эти представления нашли свое отражение в специальных книгах и в материалах многочисленных судебных процессов. Теобальд в своей речи перечисляет эти суеверные домыслы о путях «побратимства» с сатаной.

124

Пфальцграф — в средние века титул судьи и высшего сановника в резиденции немецких королей; сама резиденция называлась тогда «пфальц».

125

...я ему тут пригодился, как обезьяне кошачьи лапы. — В одной из басен французского писателя Жана де Лафонтена (1621–1695) обезьяна заставляет кошку таскать ей каштаны из горячей золы

126

...застыл на месте, как соляной столп... — Намек на библейскую легенду о гибели Содома и Гоморры. Бог, казнивший огненным дождем грешных жителей этих городов, пощадил праведника Лота, племянника Авраама, и дал ему возможность, вместе с женой и двумя дочерьми, выбраться из обреченного города. Жена Лота, вопреки божьему запрету, оглянулась на покидаемый ими город и, пораженная представившимся ей зрелищем, превратилась в соляной столп.

127

Геката — древнегреческое божество; в средние века считалась богиней призраков, ночных кошмаров и колдовских заклинаний, повелительницей теней в подземном царстве.

128

Бургграф — в средневековой Германии правитель города, обладавший военной и судебной властью, полученной им от императора или крупного феодала, сеньора этого города.

129

Рейнграф, юнкер фон Штейн. — Рейнграф — титул графов Рейнской области. В XIII веке одна из наследниц этого рода вышла замуж за Зигфрида фон Штейн. Их сын Вольфрам стал называться рейнграф фон Штейн. Юнкером обычно называли молодого дворянина, сына владетельного феодала.

130

Неккар — река в Южной Германии, правый приток Рейна.

131

Греческий огонь — зажигательная смесь, применявшаяся в военных целях, обычно для уничтожения вражеских судов.

132

Клеопатра в свое время нашла одного поклонника, и, когда он свернул себе шею, другие поостереглись... — Клеопатра (69–30 гг. до н. э.) — последняя царица эллинистического Египта. Римский политический деятель Марк Антоний (83–30 гг. до н. э.), сблизившись с Клеопатрой, начал борьбу за власть в Риме, но проиграл решающее сражение у Акция (31 г. до н. э.) и покончил с собой.

133

Фалестра — легендарная царица амазонок, якобы посетившая Александра Македонского,

чтобы стать матерью его ребенка.

134

Мед Гиблы — прославленный в старину сицилийский мед.

135

Тогда я выставлю... метафизическое положение, как Платон, а потом разъясню его на манер веселого Диогена. — Диоген Лаэртский (III в. до н. э.) — автор обзора древнегреческих философских учений «Жизнь и учения людей, прославившихся в философии», рассказывает анекдот о философе Диогене Синопском (ок. 404–323 гг. до н. э.), основателе школы киников. Чтобы высмеять определение Платона: «Человек — двуногое животное, без перьев» — Диоген принес в свою школу ощипанного петуха и, показав его ученикам, сказал: «Вот он — платоновский человек!»

136

...рассмотрят в Вецларе бумаги эти... — Имеется в виду суд Имперской палаты (Reichskammergericht) — верховное судилище в Священной Римской империи. Клейст, однако, допускает здесь анахронизм. Этот суд перебрался в Вецлар только в конце XVII века (в 1693 г.). Основан он был в 1495 году и заседал обычно во Франкфурте, а позднее в Шпейере.

137

Израиль отрекся бы от Давида и с ее слов научился бы новым псалмам. — Полулегендарный древнееврейский царь Давид (конец XI — начало X в. до н. э.) считался, согласно преданию, автором библейских псалмов.

138

Кельи набожных августинцев. — Августинцы — монашеский орден, существовавший с XIII века и причисленный к четырем нищенствующим орденам (кроме августинцев, сюда входили францисканцы, доминиканцы и кармелиты). Клейст по рассеянности уже вскоре забывает, что монастырь принадлежит августинцам. Рейнграф велит гонцу свезти письмо «приору доминиканцев Гатто», имея в виду тот же монастырь, куда пришла Кетхен.

139

Приор — настоятель католического монастыря или старший после настоятеля член монашеской общины.

140

Урсулилки — монахини женского ордена, основанного в 1535 году. В монастырях ордена св. Урсулы воспитывались молодые девушки. Однако Кетхен собирается не просто жить в монастыре на правах воспитанницы, но окончательно проститься с миром и постричься в монахини.

141

Бегу! Господь поможет, принесу! — Эпизод пребывания Кетхен в горящем здании оправдывает второе название драмы «Испытание огнем».

142

Вормс — город на Рейне на территории Рейнланд-Пфальц (ФРГ). В средние века был резиденцией архиепископа Вормского; с 1273 года — вольный имперский город, место созыва многих имперских съездов (рейхстагов).

143

Божий суд — поединок.

144

...свежесть ее щек происходит из рудников Венгрии... — В этих рудниках добывалась киноварь (сернистая ртуть), из которой изготовлялась красная краска.

145

Курфюрст — такой титул имели крупнейшие светские и духовные князья Священной Римской империи, обладавшие правом избирать императора.

146

Бранденбург — древняя славянская земля, завоеванная в XII веке немецкими феодалами; с XIII века — маркграфство; с конца XIV века — курфюршество; в дальнейшем — часть королевства Пруссии. В настоящее время, согласно Потсдамскому соглашению, часть Бранденбурга к востоку от Одера воссоединена с Польней, остальная часть входит в территорию ГДР.

147

Наталия Оранская — личность не историческая. Клейст ввел ее, по-видимому, в связи с тем, что в Берлине в то время находилась сестра прусского короля, наследная принцесса Фридерика Луиза Вильгельмина Оранская, бежавшая из Голландии от армий Наполеона.

148

Фербеллин — город на реке Рин, где 28 июня 1675 года произошло знаменитое сражение между войсками курфюрста Фридриха Вильгельма и шведской армией под начальством фельдмаршала Врангеля.

Курфюрст находился во Франции, угрожая Эльзасу, когда союзники французов — шведы вторглись в Пруссию и, захватив Гавельберг, осадили Шпандау. Возвратившись из Франции, Фридрих Вильгельм поспешил к Гавельбергу и у Фербеллина напал на шведов. Несмотря на то что его армия была почти вдвое меньше шведской, он наголову разбил противника, который потерял две тысячи пятьсот человек убитыми и ранеными. Могуществу шведов был нанесен огромный урон. Они потеряли свои владения в Германии.

149

Рин — река, приток Гафеля (Хавеля), который, в свою очередь, является притоком Эльбы.

150

Сноброд — лунатик

(прим. верстальщика).

151

...он видит звездочетов, плетущих для него венец из солнц. — Победа, о которой грезит принц, будет столь славной, что астрономы ее именем назовут созвездие.

152

Артур. — Это имя выдумано Клейстом. Принца Гомбургского звали Фридрих. Имя Артур понадобилось в пьесе, так как Фридрихом зовут курфюрста.

153

Мамлюки — здесь употреблено в смысле: часть прусской гвардейской конницы, состоявшая при особе курфюрста.

154

Тавризиянка — жительница иранского города Тавриза; в подлиннике сказано: как персидская невеста.

155

Оранский полк — драгунский полк имени принцессы Наталии Оранской, которым фактически командует полковник Коттвиц.

156

Мой канцлер, Калькун, срочно предварен. Вы едете к нему... — Клейст допускает здесь ряд исторических неточностей. Канцлера Калькуна ко дню битвы при Фербеллине давно уже не было в живых. Курфюрстина Доротея — историческое лицо — в этот день находилась в Миндене, далеко от своего супруга.

157

Ратенов — город в Бранденбурге на реке Гафель. В 1675 году, незадолго до битвы при Фербеллине, здесь была одержана победа над шведами. Войсками курфюрста в этой битве командовал фельдмаршал Дерфлингер.

158

...ты прошутил мне сдуру две победы у рейнских круч. — Речь идет об эльзасском походе курфюрста против войск французского полководца Тюрена в 1674 году. Однако в этом походе принц Гомбургский действовал успешно, особенно при Ней-Брейзахе и Тюркхейме.

159

...ты, чье покрывало, как парус, треплет ветер, кто кого? На пушечном ядре катись навстречу! — Имеется в виду Фортуна — римская богиня счастья, удачи, в частности, удачи на поле боя. Фортуну изображали в виде женщины с повязкой на глазах или с развевающимся по ветру покрывалом, на шаре или на колесе (символ изменчивости счастья), с рогом изобилия в руках.

160

Шанцы — в XVII веке общее название временных полевых укреплении (земляных окопов).

161

А десять заповедей Бранденбурга? — Имеется в виду неписанный катехизис бранденбургских и прусских солдат.

162

Тет-де-пон — предмостное укрепление; прикрывает подступ к мосту со стороны противника или район мостовой переправы.

163

Шталмейстер — главный конюший (придворный чин).

164

Итак, о Цезарь, я ставлю лестницу к твоей звезде! — Юлий Цезарь, Гай (100—44 гг. до н. э.) — выдающийся римский полководец и политический деятель. Для принца Гомбургского он служит примером человека, поставившего себе честолюбивую высокую цель и добившегося ее. Желая получить руку принцессы Наталии Оранской, принц метафорически сравнивает свою дерзновенную попытку с посягательством на «звезду Цезаря».

165

Игрений — игреневого масти: рыжий конь с белесоватыми гривой и хвостом.

166

Густав-Адольф II (1594–1032) — шведский король (годы правления: 1611–1632). При нем Швеция стала крупной военной державой на Балтийском море.

167

Мой родич Фриц разыгрывает Брута... — Брут Луций Юний — полуполюгендарный герой Древнего Рима, свергший последнего римского царя Тарквиния Гордого и ставший одним из двух первых римских консулов. Узнав, что его собственный сын участвовал в заговоре против республики, он велел казнить его.

168

И в мыслях видит, кажется, себя изображенным на курульном кресле... — На курульных креслах восседали высшие римские государственные сановники.

169

Бей — титул феодальных правителей Алжира в период 1671–1830 годов.

170

Сарданапал — легендарный ассирийский царь, жестокий тиран и развратник.

171

Тогда невинны римские цари... — Многие римские императоры — Нерон, Тиберий, Калигула и другие — славились своими преступлениями и жестокостью.

172

У нас в гостях посланник шведский Горн. Он с делом до принцессы. — Эпизод со сватовством шведского короля к Наталии выдуман Клейстом.

173

Не нахваляюсь дельфийской мудростью моих военных! — В Дельфах, в Древней Греции, находился храм Аполлона, известный своим мудрым оракулом. Пифия (жрица-вещательница) отпивала глоток воды из священного ручья Кассотиды, жевала листья священного лавра и, сидя на золотом треножнике над расселиной скалы, выкрикивала слова, которые трактовались жрецами как воля Аполлона. Совет и одобрение дельфийского оракула играли большую роль в жизни всей Греции и даже за ее пределами.

174

...в середине шестнадцатого столетия... — Исторические события, легшие в основу новеллы, происходили в период с 1 октября 1532 года (увод коней) до 22 марта 1540, когда казнили Ганса Кольхазе.

175

Близ деревни, и поныне носящей его имя... — Такой деревни не существует. Название «Кольхаасенбрюкке» взято Клейстом по имени моста близ Потсдама («Кольхазенбрюкке»), где, согласно народной легенде, Ганс Кольхазе затопил ценный клад.

176

Саксонское курфюршество — в период, о котором повествует Клейст, — одно из богатейших и могущественнейших княжеств империи. Во главе его тогда стоял курфюрст Иоганн Фридрих I (1503–1554).

177

Юнкер — здесь: владелец крупного феодального поместья, осуществлявший в его пределах и административную власть.

178

Кастелян — смотритель замка, наблюдавший за хозяйством.

179

Король Артур — легендарный правитель древних бриттов, герой средневековых кельтских народных сказаний, а также рыцарских романов «Круглого стола».

180

Дрезден — в то время резиденция одного из правителей Саксонии.

181

Кравчий, камергер — высшие придворные должности.

182

Бранденбург — здесь: город на реке Хавель близ Потсдама, входивший в состав Бранденбургского курфюршества.

183

Курфюрст Бранденбургский. — Действие новеллы начинается при курфюрсте Иоахиме I, который поддерживал справедливые претензии Ганса Кольхазе. С 1535 года, после его смерти, новый курфюрст, Иоахим II, уступил настояниям Саксонии и жестоко расправился с мятежным барышником.

184

Амтман — местный чиновник.

185

Шверин — город на севере, в герцогстве Мекленбургском. Кольхаас хочет отправить жену за границу, чтобы ее не могли преследовать ни саксонские, ни бранденбургские власти.

186

...к этой только что возникшей религии... — лютеранство возникло в 1517 году. В Саксонии оно было введено с 1525 года, а в Бранденбурге лишь при Иоахиме II. Следовательно, Кольхаас и его жена стали лютеранами раньше даже, чем эта религия распространилась в их княжестве. Отсюда и преклонение новообращенного Кольхааса перед Мартином Лютером.

187

«Кольхаасов мандат» . — Такой мандат действительно был издан Гансом Кольхазе в феврале 1534 года.

188

...поджег Виттенберг одновременно с разных сторон ... — Виттенберг был подожжен Гансом Кольхазе 9 и 10 апреля 1534 года.

189

Ландфохт — градоправитель и главный судья.

190

День святого Гервазия — 19 июня.

191

Рейтары — регулярная тяжелая кавалерия.

192

...именовал себя наместником архангела Михаила.. . — Стиль воззваний Кольхааса выдержан в духе сектантских манифестов лишь недавно отзвучавшей Крестьянской войны (1525).

193

Ввиду всех этих обстоятельств, доктор Мартин Лютер... — Подлинный Ганс Кольхазе также находился в переписке с Лютером, и последний даже ходатайствовал в его защиту перед курфюрстом Саксонии, но это ходатайство не увенчалось успехом.

194

Фамулус — помощник, ассистент.

195

Гроссканцлер трибунала — высшая судебная должность.

196

Левант — страны Ближнего Востока (главным образом Сирия и Ливан).

197

Ландрат — лицо, осуществляющее высшую власть в округе.

198

...написал письмо императору... — С императором Карлом V у саксонского курфюрста были весьма плохие отношения, ибо Саксония возглавляла Шмалькальденский союз протестантских князей, а Карл V мечтал реставрировать в Германии католическую религию.

199

Сивилла — прорицательница у древних римлян. Сборник пророчеств «Сивиллины книги», приписываемый Сивилле Кумской, использовался в Риме для официальных гаданий.

200

Твоя милость долго будет править, и долго будет властвовать дом, из коего ты производишь, и потомки твои будут жить во славе и великолепии и станут могущественнее всех царей земных! — Это пророчество относится к дому Гогенцоллернов, из которого происходил курфюрст Бранденбургский. Впоследствии Гогенцоллерны стали прусскими королями, а затем (правда, уже спустя много лет после смерти Клейста, в 1871 году) и императорами Германии.

201

...три тайны я открою тебе: имя последнего правителя из твоего дома, год, когда он лишится

престола, и имя того, кто с оружием в руках твоим царством завладеет . — Курфюрст Саксонский Иоганн Фридрих I в 1547 году потерпел поражение при Мюльберге и был взят в плен. Император отнял у него владения; курфюршеское право было передано Морицу Саксонскому, а пленный курфюрст был брошен в тюрьму, где ему был вынесен смертный приговор, хотя и не приведенный в исполнение. Он был освобожден лишь в 1552 году, за два года до смерти (1554).

202

...Кольхаасу был вынесен приговор — смерть через обезглавливание мечом... несмотря на его мягкость.. . — Этот приговор считался мягким, по сравнению с колесованием или виселицей.

203

...пока вспыхнувшая война не наводнила окрестности войсками почти всех держав, в том числе и русскими. — Имеется в виду поход Суворова в Италию в 1799 году, сопровождавшийся взятием ряда соверных городов (Милан, Турин, Мантуя).

204

Фантазус — сын Морфея, бога сновидений, и сам считался богом сна.

205

Вице-король — наместник испанского короля в Чили.

206

Ля-Консепсьон — столица одноименной провинции в центральной части страны.

207

Апсида — алтарная часть церкви.

208

Порт-о-Пренс — столица острова.

209

Сан-Доминго (Санто-Доминго) — испанское название острова Гаити. Сейчас остров делится на республику Гаити и Доминиканскую республику.

210

Золотой берег Африки — ныне Гана.

211

...вследствие неосмотрительного решения Национального конвента... — В 1794 году Конвент отменил рабство во французских колониях и объявил негров равноправными гражданами.

212

Ааре — река в Швейцарии, левый приток Рейна.

213

Риги — горный массив в Швейцарии.

214

Локарно — город на юге Швейцарии.

Сен-Готард — горный массив в Швейцарии. Этим же именем называется и горный перевал — важнейший путь из Германии в Италию через Швейцарию.